

СБОРНИК

РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

«АНТИНОРМАНИЗМ»

Том №8 (156)

*Светлой памяти
Олега Михаловича
Рапова*

ББК 63.2–5
С23

«Сборник Русского исторического общества».
Том 8 (156). Антиноormanизм.
(научное издание)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ 8 (156) ТОМА
«СБОРНИКОВ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»:

В.В.Дегоев, В.А.Захаров, А.Г.Кузьмин, И.А.Настенко,
О.М.Рапов, *В.В.Фомин, Ю.В.Яшнев*

Научный редактор
А.Г.Кузьмин

Ответственный редактор
И.А.Настенко

Сборник Русского исторического общества.
С23 Том 8 (156). Антиноormanизм / Под ред. Кузьмина А.Г. — М.:
«Русская панорама», 2003. — 320 с. Тираж 1000 экз.
ISBN 5-93165-066-0

Основной раздел тома содержит работы с критикой норманистской версии происхождения русской государственности. Несмотря на более чем двухвековую дискуссию варяго-русский вопрос продолжает оставаться в центре внимания историков разных школ и направлений. Специальный раздел посвящен памяти профессора О.М.Рапова. В разделе «Новые работы...» публикуются актуальные статьи ученых — членов РИО.

Для историков, студентов исторических специальностей вузов и всех интересующихся вопросами русской истории.

ББК 63.2–5

Охраняется законом об авторском праве.
При цитировании ссылка на Сборник РИО обязательна.

ISBN 5-93165-066-0

© Авторы, указанные в содержании тома, 2003.
© Оформление. SPSL, 2003.
© «Русская панорама», 2003.

РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

**СБОРНИК
РУССКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА**

№ 8 (156)

СОДЕРЖАНИЕ
8-го (156-го) тома
«Сборников Русского исторического общества»

Раздел 1. АНТИНОРМАНИЗМ. (Критика норманистской версии происхождения русской государственности) 7

Настенко И.А. От редколлегии тома 8

Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности 9

Колиненко Ю.В. К публикации рукописи Ю.И.Венелина «О происхождении славян» 18

Венелин Ю.И. О происхождении славян. (Публикация Ю.В.Колиненко) 21

Фомин В.В. Кривые зеркала норманизма 83

Рапов О.М. Знаки Рюриковичей и символ сокола 128

Меркулов В.И. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме 136

Фомин В.В. «За море», «за рубеж», «за граница» русских источников 146

Эрлихман В.В. Русы и варяги в Восточной Европе (IX–XII века) 169

Грот Л. Мифические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории 178

Каратеев М. Норманская болезнь в русской истории 184

Кузьмин А.Г. Два вида руссов в юго-восточной Прибалтике 192

Кузьмин А.Г. Облик современного норманизма 214

Фомин В.В. Варяжский вопрос: его состояние и пути разрешения на современном этапе 257

Библиография работ с критикой норманской теории 270

Раздел 2. Памяти Олега Михайловича Рапова 275

Арапов Д.Ю. Олег Михайлович Рапов. (Некролог) 276

Библиография работ проф. О.М.Рапова 278

Раздел 3. Новые работы членов Русского исторического общества 281

Зеленокоренный А.М. Ростиславичи в «Слове о полку Игореве» 282

Пятнов А.П. Рюрик Ольгович Черниговский: мифический персонаж или реальный политический деятель XIII века 287

Журавель А.В. О возникновении новгородского посадничества 290

<i>Дегоев В.В.</i> Российская внешняя политика в доимперский период (X в. — конец XVII в.)	302
<i>Лисейцев Д.В.</i> Смутное время: происхождение, содержание и хронологические рамки понятия	318
Раздел 4. Справочно-библиографические материалы	329
Именной указатель 8-го (156-го) тома «Сборника РИО»	330
Авторы статей 8-го (156-го) тома «Сборника РИО»	341
Перспективный тематический план следующих томов Сборника РИО	342

Раздел I.

АНТИНОРМАНИЗМ.

*(Критика норманистской
версии происхождения русской
государственности)*

От редколлегии тома

Тема противостояния норманизма и антинорманизма как различных версий происхождения русской государственности неоднократно поднималась на страницах наших Сборников. Из опубликованных работ назовем: Рапов О.М. Были ли норманистами создатели «Повести временных лет»? // Сб. РИО. Т. 1 (149). — М., 1999. С. 110—119; Тимофеев В.П. А все-таки «Людота коваль»! // Сб. РИО. Т. 1 (149). — М., 1999. С. 120—146; Фомин В.В. Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII в. // Сб. РИО. Т. 4 (152). — М., 2002. С. 305—324; Фомин В.В. Скандинавомания или небывлицы о шведской Руси // Сб. РИО. Т. 5 (153). — М., 2002. С. 230—257.

Норманизм как концепция возник задолго до бурной деятельности пресловутой тройки немецких академиков Байера-Миллера-Шлецера (в некотором смысле тоже «варягов» (т. е. пришлых наемников) — «приходите, поучите нас нашей же собственной истории»). Превратно толковали Начальную летопись для обоснования своей экспансионистской политики уже шведские интервенты и в Смутное время, и во время Северной войны. Об опасности норманизма, о колоссальном ущербе, который нанес он авторитету России с горечью писал историк-эмигрант М.Д.Каратеев, очерк которого мы публикуем в настоящем томе.

Норманизму был дан достойный научный отпор еще в XIX в. и, казалось, он навсегда выброшен на задворки исторической науки. Однако в конце XX — начале нынешнего, XXI, века наблюдается странный рецидив под названием «неонор-

манизма», «умеренного (а на деле — оголтелого) норманизма». При этом неонорманистами берутся на вооружение доводы, наукой давно опровергнутые.

В конце сентября 2002 года в Калининграде прошла конференция «Рюриковичи и российская государственность», на которой более чем 20 докладам норманистов противостояли лишь 3 доклада антинорманистов (приглашенных, кстати, на конференцию буквально в последний момент). С опозданием в неделю после окончания работы конференции выходит двоянный номер журнала «Родина» (2002, №№ 11—12), где соотношение статей норманистов и антинорманистов еще разительнее (более того, немногие статьи антинорманистов сокращены и отредактированы до «беззубости»), а ведь учредителями журнала «Родина» являются отнюдь не частные организации. Стоит задуматься...

Возможно, историки будущего отнесут последнее десятилетие русской истории к «смутным временам», об этом, как индикатор, свидетельствует и очередной всплеск норманизма — базовой теории для всевозможных русофобских изысканий. Поэтому мы считаем выход тома Сборников Русского исторического общества с антинорманистской направленностью важным, актуальным и весьма своевременным.

Идея выпуска очередного тома Сборников РИО с полноценным «антинорманистским» разделом принадлежит О.М.Рапову. К сожалению, Олег Михайлович не дождался выхода этого тома. Работу над «антинорманистским» разделом завершили его друзья и единомышленники.

А.Н.Сахаров

Рюрик, варяги и судьбы российской государственности

1140-летие со времени призвания варягов вновь обострило внимание к этому событию, к Рюрику, к значению варягов в древнейшей истории, к этническому происхождению варягов. В 862 г., согласно Повести временных лет, прильменские славяне, местные угро-финские племена пригласили на княжение варягов Рюрика и его братьев, которые и прибыли в земли восточных славян «с роды своими».

К этому шагу местные племенные конфедерации побудила нескончаемая междоусобица («вьста родъ на родъ»), возникшая после того, как они прогнали варягов за море и перестали им платить дань, то есть встали на путь независимого политического существования. «Поищемъ себе князя иже бы володелъ нами и судилъ по праву», якобы решили они. Послы из восточнославянских земель, согласно летописи, заявили варягам: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидете княжить и володети нами». Текст предельно ясен: для прекращения раздоров, междоусобиц соперничавшие политические структуры приглашали нейтрального правителя, который бы установил «наряд», то есть власть (а не порядок, как почему-то трактуют это понятие), и судил бы по справедливости. Такая практика приглашения князя-правителя-арбитра, военного вождя со стороны была весьма распространенной в Европе; эта практика на долгие десятилетия стала традиционной и для Новгородской Руси — вспомним хотя бы Александра Невского, приглашаемого в этот стольный город для защиты его от натиска немцев, шведов, литовцев.

Летописец не только рассказал о факте «призвания варягов», которое сегодня историческая наука признает соответствующим

политическим реалиям того времени, но и точно определил, кто такие были варяги Рюрика, откуда они явились, в каком отношении к восточным славянам они находились. Он отмечает, что варяги живут «за морем», что они зовутся «русь», причем летописец — осведомленный и внимательный автор — подчеркивает их этническое отличие от шведов, норманнов, англов, готландцев. Этническую принадлежность варягов-руси к славянскому миру летописец определяет одной фразой: «А словенский языкъ и русский одно есть».

Общность варягов-руси и новгородских словен автор летописи также определяет достаточно четко: «Ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска преже бо беша словене»¹. Как видим, не верхушка, не дружина, а именно «людье» — все новгородское население родственны варягам-руси.

Летопись многократно упоминает и об отношениях восточных славян с варягами-русью в IX в., все они ведут в одном направлении — на южный берег Балтики. Так древний автор, говоря о расселении народов, помещает варягов среди тех, кто обитает на южно-балтийском берегу, на севере Европы. Упомянув о варягах «из заморья», он имеет в виду не противоположный северный берег Балтики, а южный. Так, описывая расселение народов Европы, летописец сообщает, что «ляхове же, и пруси, чюдь преседять к морю Варяжьскому» (т. е. Балтийскому). Здесь имеется в виду южный берег Балтики, так как именно там располагались ляхи и прусы. Они-то и стали ориентирами для обозначения места расселения варягов. «По сему же морю седять варязи семо ко востоку..., по тому же морю седять къ западу до земле Агнянски и до Волошьски». И далее: «Афетово бо и то колено: варязи,

свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, вольхва, римляне, немци, корязи, веньдици, фрягове и прочии, ти же присеять оть запада къ полуденю...». И здесь шведы и норвежцы отделены от варягов. Варягов же и русь автор понимает как отдельные этнические группы, между тем как в другом случае мыслит их как единое целое. Так очерчен ареал расселения варягов, и еще раз подчеркнута их этническая принадлежность. Этот ареал полностью захватывает земли южно-балтийских славян².

Кажется все, что можно было сказать о Рюрике и его пришествии с «родами» в землю восточных славян, об этнической природе варягов, о месте их расселения сказано, подчеркнута их славянская принадлежность в IX — нач. X в., позволившая пришельцам быстро адаптироваться в иной среде и восточным славянам без особых трудностей установить контакты с варягами.

Рюрик выполнил предначертанную ему историческую миссию. Он стал княжить в Новгороде, его братья — в других городах, варяги положили конец междоусобицам, объединили страну. Позднее после смерти братьев Рюрик объединил под своей властью все северо-западные восточнославянские земли, создал здесь сильное государство, повел наступление на юг. Его преемники подчинили себе другие восточнославянские земли, в том числе Поднепровье с центром в Киеве. На европейской арене появилось мощное восточнославянское государство Русь, охватившее огромную территорию — от польской границы и Карпат до междуречья Волги, Оки, Клязьмы, от северного Причерноморья и Таманского полуострова до побережья Балтийского и Белого морей. Оно сыграло выдающуюся роль в становлении российской цивилизации, в развитии российской государственности, в формировании средневековых социальных, экономических, культурных, религиозных, этнических процессов на Восточноевропейской равнине. Государство Русь послужило основой для последующего развития русской, украинской и белорусской наций, формирования их государственных начал. Рюриковичи стояли во главе всех этих процессов. Они же, уже в новых

исторических условиях стали символами политического распада Руси, безудержной амбициозной и эгоистической борьбы за первенство в русских землях, они же позднее жертвенно прошли через пламя татаро-монгольского нашествия, насилия и позор татаро-монгольского ига, через отчаянную борьбу с агрессивными западными соседями за выживание российской самобытности и российской национальной государственности в XIII—XV вв. Именно Рюриковичи приступили на северо-востоке славянских земель с центрами во Владимире, Твери и Москве к собиранию хранины развалившегося было российского государственного устройства, чтобы вывести его через муки и тернии к мощи Русского централизованного государства.

Таким образом, в российской истории судьба Рюрика и Рюриковичей сплелась воедино с судьбами народов Восточно-европейской равнины. Поэтому верное понимание сути, исторической масштабности, цивилизационных последствий появления в восточнославянских землях первой долговременной правящей княжеской, а позднее и царской династии помогает не только объективному воссозданию исторического пути российского, украинского, белорусского народов, а также проживавших здесь других — балтских, угро-финских, тюркских — народов, но и позволяет идентифицировать их национальное самосознание, их место в системе общемировых и европейских цивилизационных процессов, взаимосвязи и взаимоотношения с окружающим внешним миром.

Поэтому с такой чуткой внимательностью историки, российская общественность относятся ко всему, что связано с пониманием факта «призвания варягов» и трактовки этого события в масштабах всей российской истории.

Думается, что определенная чуткость, а возможно и настороженность в этом вопросе связана с тем, что уже столетия назад были сделаны первые попытки пересмотреть концепцию летописи, заподозрить нашего замечательного летописца Нестора в невежестве, бросить тень на древний источник, выведя проблему «призвания варягов»

за научные рамки, придать ей политическую, пропагандистскую окраску с целью фальсификации российских национальных и государственных приоритетов.

Еще в начале XVII в. в агрессивных экспансионистских кругах Швеции, борющейся за отторжение у России ее северо-западных земель с Новгородом, Рюрик и варяги были объявлены скандинавами, шведами, привнесшими государственность в дикие восточнославянские земли. Это был период, когда Россия в период Смуты и послесмутного времени вела отчаянную борьбу за выживание и национальную независимость. В этой борьбе историческая идентификация первой русской династии играла определенную роль. Так стала формироваться «норманская теория» возникновения Русского государства. Позднее эту теорию оживили и придали ей законченный характер немецкие историки XVIII в. Одни из них жили и работали в России, другие — у себя на родине. С тех пор «норманизм», питаемый в основном политическими импульсами и амбициями из-за рубежа, прочно свил себе гнездо и на русской почве. Норманистские писания расцветали в истории всякий раз, как обострялись внешнеполитические отношения России с окружающими странами. Так было накануне нашествия Наполеона на Россию в 1812 г., так было в период Первой мировой войны и во время немецкой агрессии против нашей страны в 1941—1945 гг. Норманизм в течение десятилетий стал прочной политической базой противостояния России.

Однако уже в давние времена российские ученые, а позднее и объективные исследователи на западе стремились перевести разного рода политические спекуляции на этот счет в научную плоскость. Уместно здесь вспомнить имена В.Н.Татищева, М.В.Ломоносова, С.А.Геденова, советских ученых академиков Б.Д.Грекова, М.Н.Тихомирова, а также современных исследователей А.Г.Кузьмина, В.Б.Вилинбахова, выдающегося польского русиста Х.Ловмянского, ряд русских историков-эмигрантов и многих других. Именно их усилиями одна из составных частей норманизма — утверждение о том, что «прива-

ние варягов» означало начало российской государственности, привнесенное на восточнославянские земли извне, была полностью опровергнута, и сегодня лишь фанатики-дилетанты возвращаются к этим мыслям. В работах большинства этих авторов был убедительно аргументирован и тесно связанный с общей проблемой норманизма вопрос об этнической природе варягов IX — первой половины X в. как южно-балтийского славянства³.

В последние десятилетия отечественными и зарубежными историками, археологами, лингвистами, антропологами, специалистами по нумизматике было неопровержимо доказано, что Российская государственность проделала многовековой путь развития. Ее истоки зародились по мере эволюции восточнославянского общества, перехода от родоплеменных отношений к началам ранне-феодалного развития, складывания института частной собственности, появления социального неравенства, зарождения военной организации, перерастания власти племенных вождей в княжескую власть. Этот процесс протекал особенно быстро во второй половине I тысячелетия н.э. на огромных пространствах Восточноевропейской равнины и был связан с общественной эволюцией всего славянского мира: восточного славянства, южных и западных славян, южно-балтийского славянства. В этом обширном ареале от берегов Балтики и Приильменья до Карпат и Северного Причерноморья, от Вислы до междуречья Волги, Оки, Клязьмы шли мощные миграционные процессы, нарастали положительные демографические сдвиги, наблюдался определенный прогресс в социально-экономической, политической, культурной сферах. Восточное славянство было частью этого движения славянского мира, который активно взаимодействовал с окружающими народами. Особенно быстро это развитие происходило в относительно мирные периоды истории восточного славянства VIII—IX вв., в отсутствие мощных иноземных нашествий, во время постепенного освобождения части восточных славян от власти Хазарского каганата. Именно в этот период происходит форми-

рование племенных конфедераций — переходного этапа к государственности и наступает время рождения двух первых государственных центров в истории восточных славян — на Северо-Западе с будущими центрами в Ладоге, Новгороде и южного — с центром в Киеве.

К IX в. относится несколько исторически четких упоминаний о наличии на Руси государственных образований. Это нападение русских войск на Византию в начале и в 30-е гг. IX в., посольство Руси в Византию и Франкское государство в 838—839 гг. Однако наиболее впечатляющим фактом русской, восточнославянской государственности стало нападение войска русов-славян 18 июня 860 г. на столицу Византии, заключение договора «мира и любви» между Византией и Русью 25 июня 860 г., официальное признание тем самым Руси могучей Византийской империей. День 25 июня 860 г. может стать официальной датой исторического возникновения Российской государственности. Это было за два года до «призвания варягов».

«Призвание варягов», появление Рюрика и его дружины в землях прильменских славян и местных балтских и угро-финских племен, помеченное в летописи под 862 г., стало определенным этапом в становлении древнерусской государственности. Оно стало отражением определенной общественной зрелости восточнославянского общества, идущего к централизации, знания им государственных традиций Восточной Европы.

Власть Рюрика, его братьев и их «родов» наложилась на уже существующие государственные тенденции и традиции восточнославянских земель. Она отразила уже существовавший уровень государственности в этих землях и на сопредельных славянских территориях, входящих в общеславянский ареал, содействовала дальнейшему прогрессу русской государственности, так как ускорила формирование государственной власти и государственной территории на северо-западе восточнославянских земель.

Но продолжала существовать другая часть норманистской версии — теория о том, что варяги — это скандинавы, что Рюрик — это выходец из германских либо шведских

земель. По своей сути, эта сторона норманизма мало чем отличается от своей первой ипостаси. Приоритеты на этом этапе российской истории искусственно подгоняются под иностранные модели, славянский мир оказывается разорванным, что противоречит исторической правде. Историческая логика развития славянских земель искусственно разрушается.

В последние двадцать с лишним лет эта сторона норманизма яростно и агрессивно отстаивается в основном небольшой группой вчерашних филологов-переводчиков, работавших долгие годы со шведскими, норвежскими, немецкими, исландскими, восточными источниками и сделавших эти источники по существу наиболее важными свидетельствами по истории древних славян. Их поддерживают некоторые археологи и историки, специализирующиеся на изучении других стран и регионов, в первую очередь Скандинавии. Солидарность и конъюнктурный расчет лежит в основе этого опасного единства, покрывающего душным туманом русскую науку, внедряемого беззастенчиво в учебники, научно-популярную литературу, в СМИ и даже в краеведение. Построившие на весьма шаткой и субъективной, в основном филологической, порой глубоко тенденциозной основе, свои исторические конструкции, эти «специалисты» стремятся монополизировать историю древней Руси, всячески дискредитировать своих научных оппонентов. Слабо разбирающиеся в русских источниках, в первую очередь в летописных текстах, не знающие древнерусского языка, замалчивающие работы, в которых утверждается славянское происхождение варягов IX — нач. X в., Рюрика и его соратников, они требуют вывести антинорманизм вообще за рамки науки, приклеивают своим оппонентам, всем, кто покушается на эту монополию, ярлыки псевдопатриотов, шовинистов и даже сталинистов, активно сплавивают соратников, борются за захват организационных рычагов науки, научной прессы. Вновь раздаются голоса и о привнесении скандинаво-германскими элементами в славянские земли мощного социально-политического начала. Историография

как бы поворачивается вспять. Для сомневающих и противников нового норманизма припасены и угрозы и даже политические ярлыки. Так в книге «специалиста в области истории и этнокультурной истории Восточной и Северной Европы» В.Я.Петрухина и «специалиста по истории скифов и Закавказья» Д.С.Раевского борьба с норманизмом отождествляется с известной сталинской компанией против космополитизма и с возрождением «автохтонистских мифов»⁴. Сегодня все они — специалисты по истории скандинавских и других стран считают себя единственными «правильными» толкователями истории древней Руси. Такая ситуация могла сложиться лишь в условиях тоталитарного строя, отсутствия широких, гласных дискуссий, клановой замкнутости и солидарности при опоре на влиятельные партийные, государственные и научные структуры. Отзвуки этой порочной для науки практики слышны и поныне (апелляция к научным авторитетам, к зарубежным соратникам и даже намеки на поддержку этого направления президентскими структурами). Все это мы уже проходили в 70–80-е гг. XX в.

Определенную поддержку новейшие норманисты имеют среди некоторых ученых Запада и в первую очередь в научных кругах, а также в некоторых государственных структурах Скандинавских стран. Неслучайно в Швеции стоит памятник, посвященный «шведскому» Рюрику — основателю русской правящей династии. Неслучайно труды норманистов активно поддерживаются зарубежными грантами.

Наиболее яростным и наиболее невежественным защитником норманистских концепций выступает специалист по истории Швеции Е.А.Мельникова. Не знаю, как по части истории Швеции, но в области истории древней Руси наша историография со времени отпетых норманистов XIX в. не знала ничего подобного. Мы снова возвращаемся в эпоху норманистских мифов, затасканных клише прошлого, отсутствия научных аргументов и амбициозной наглости. Именно Е.А.Мельниковой принадлежит такая галиматья как утверждение, будто древний летописец «противопоставлял

«русь» и «варягов» как одновременные волны скандинавских мигрантов», что все заметные исторические фигуры древней Руси IX–X вв. — это скандинавы. Именно этот автор тиражирует сегодня давно забытые формалистические рассуждения об общности шведского понятия «руотси» (гребцы) и этнонима Русь; причем, утверждает, что вначале пресловутые «руотси» имели «профессиональное» значение, а уж потом «развились» «в политоним (Русь, Русская земля) и этноним (русский)». Именно Е.А.Мельникова договорилась до того, что скандинавы позднее (поначалу в небольшом числе) осели на юге в Поднепровье, и вот они-то и сделали своей целью захват Константинополя. Пересказывать все эти перлы не имеет смысла. Наиболее концентрированно они выражены в ее статье, опубликованной в журнале «Родина»⁵. В качестве одного из наиболее весомых аргументов у этого и других авторов-норманистов выдвигается факт находок «скандинавских» вещей в восточнославянских землях и в первую очередь в их северо-западной части, что на деле свидетельствует, в первую очередь, о широких контактах восточного славянства с окружающим миром, их широких торговых связях и не более того. С таким же успехом можно принимать многочисленное и разнообразное появление иностранных товаров в российских землях, в первую очередь, в российских городах, в разные периоды отечественной истории за непрерываемое свидетельство доминирования, скажем, французов, англичан, немцев и т. д. среди русского населения.

Под стать этим домыслам находятся и рассуждения некоторых других авторов о том, что слово «Русь» происходит от германского корня, что древнерусское государство — это «держава скандинавских конунгов».

Применительно к посольству Руси в Константинополь и во Франкскую империю в 838–839 гг. создаются какие-то ходульные фантазмагории вроде того, что это было посольство некоего каганата Русь (поскольку посольство представляло своего государя как кагана), где послы были шведами (франки определили их как свеонов). Итак, каганат с послами шведами. Между

тем речь идет о том, что освобожденная от ига хазар южная Русь присвоила своему вождю титул кагана, как свидетельствующий о ее свободе и суверенитете от Хазарского каганата. Этот титул на Руси бытует и в дальнейшем как подтверждение мощи и международного престижа древнерусского государства, о чем неоднократно говорилось в научной литературе. Что касается «свеонов», то ведь это характеристика франков и не более того, хотя в составе посольства государства «Русь» могли быть и бывалые выходцы с берегов Балтики — кстати, те же варяги⁶.

Замечу, что объективная научная истина не имеет никакого отношения к патриотическим или антипатриотическим настроениям того или иного автора. Так русское сердце равнодушно относится к фактам происхождения первых князей Северо-Восточной Руси от половчанок, к бракам московских князей с ордынскими княжнами или к тому, что первой русской императрицей была литовская крестьянка Екатерина I — она же Марта Скарвонская. Точно так же исследователей мало трогают факты полунемецкого происхождения Петра III или чисто немецкого — Екатерины II. Хотя, конечно же, происхождение первых лиц государства как в этих случаях, так и в случае, скажем, с Александром I имело большое значение для внутри- и внешнеполитических судеб страны. Однако к этому времени государственная российская машина либо далеко продвинулась в своем оформлении, либо уже окончательно сложилась и здесь разного рода «норманистские» домыслы были бы просто неуместны и даже смешны. Другое дело, когда на полотнище российской истории наносились первые династические узоры, когда определялись дальнейшие цивилизационные, в том числе и государственные, приоритеты России. Это и заставляет «норманистов» биться до конца. Между тем с XVIII в., со времен Татищева и Ломоносова и до наших дней существует и в этом вопросе, в вопросе этнического происхождения Рюрика и его соратников обширная научная историческая, археологическая, лингвистическая литература, защищающая позицию южно-балтий-

ского, славянского происхождения варягов в IX — первой половине X вв., то есть позиции, которые были выдвинуты еще нашим знаменитым летописцем.

В основе этой концепции сегодня лежит, во-первых, анализ политических и этнических тенденций в славянском восточноевропейском мире, во-вторых, впечатляющие и практически неопровержимые данные русских летописей и других отечественных источников.

Российские и зарубежные ученые многократно отмечали широкое доминирование славянского этнического элемента на обширных пространствах Восточной Европы от южного берега Балтики до Подунавья, Карпат и Балканского полуострова. Восточной границей распространения славянства в I тысячелетии н. э. стало междуречье Волги—Оки—Клязьмы. На этих пространствах сравнительно рано, намного раньше, чем в Скандинавии возникли первые государственные образования. И здесь на первый план выходит великолепное исследование А. Гильфердинга «История балтийских славян» (М., 1855), которое полностью замалчивается норманистами и которого они боятся как черт лаdana. А. Гильфердинг показал ареал расселения многочисленных племен южно-балтийских славян, выявил, что их государственные образования располагались в Поморье от низовьев Вислы до низовьев Одера. Это были вагры (которые, по мнению ряда ученых и дали начало русскому понятию «варяги»), ране (или рунне, жившие на острове Ран-Рюген), лютичи, ободриты, брежане, бодричи, рароги (рарог — славянское «сокол», вероятней всего, и могло стать именем варяжского вождя Рюрика), полабцы, глиняне и др. На западе южно-балтийские славяне граничили с германцами и данами, на юго-востоке — с сербо-лужичанами, чехами, на юго-востоке с ляхами. Таким образом, южно-балтийское славянство представляло собой северную часть славянского мира, раскинувшегося от Балкан до Балтики и от границ с германцами до Междуречья Оки—Волги—Клязьмы.

Именно отсюда, как и из районов Повисленья, а также из Подунавья и Прикарпатья тремя основными потоками расселялись славяне на Восток: с южных берегов

Балтики в район Приильменя, из Подунавья и Карпат, а также из Повисленья, в районы Среднего Поднепровья⁷.

Важную цивилизационную роль играли на южном берегу Балтики государственные конгломераты, созданные южно-балтийскими поморскими славянами — лютичами, ободритами, ваграми, ранами, которые имели сложившуюся государственную, княжескую власть, дружинный строй, высокоразвитое для того времени хозяйство, стройные религиозные представления. Эти княжества-государства поморских славян существовали не одно столетие, пока они не подверглись в конце I тысячелетия и в начале II-го мощному натиску со стороны немецких завоевателей. А.Гильфердинг подчеркнул, что как и другие ранние балтийские государственные образования, южно-балтийские славяне отличались воинственностью, предприимчивостью, смелостью (скажем, этноним вагры происходил от индоевропейского «вагора» — храбрый, удалой). Их походы были проникнуты «дружинным духом», а главным средством передвижения являлись огромные боевые ладьи, могущие нести десятки людей и даже боевых коней.

От устья Одера до восточнославянских земель было 14 дней пути. Южно-балтийские славяне имели обширные торговые контакты с окружающим, в том числе и с восточнославянским, миром. Между южно-балтийскими славянами и Русью располагались племена пруссов, которые также были составной частью южно-балтийского балто-славянского мира. Этот обширный славянский ареал, его постоянные контакты с восточным славянством, в первую очередь со славянским, балтским, угро-финским Приильменем полностью замалчиваются современными норманистами, что дает искаженную картину развития всего славянского мира.

Повсюду в Восточной Европе, на этих обширных пространствах существовали этнонимы «русь», «русины», «рутены», «руссы», «рути» и другие близкие им, которыми характеризовались (в том числе германскими источниками) различные славянские племена, племенные конфедерации и славянские государственные образования, часть их была географически связана с юж-

но-балтийским Поморьем. Не случайно, восточный автор IX в. Ибн-Хордадбех писал о том, что купцы «ар-Рус» — «это одна из разновидностей славян»⁸. Не случайно также в Раффельштатском уставе начала X в. русские купцы, которые приходят из Ругов (из Руси) на Дунай, отождествляются со славянами⁹. Но этих этнонимов как и этнонима «русь» не знает Скандинавия.

Таким образом «русь» как этническое понятие одновременно возникает как на юге будущего единого государства, в Поднепровье, так и на севере, в Южной Прибалтике, позднее с приходом варягов — в районе Приильменя.

При определении этнической принадлежности Рюрика и варягов следует иметь в виду и постоянные миграционные процессы славянского элемента как из Южной Европы в Поднепровье, что также отмечено в наших летописях, так и из Южной Прибалтики на Восток, особенно под натиском немецкой агрессии. Не случайно лингвисты отмечают, что новгородский диалект древнерусского языка во многом сходен с наречиями прибалтийских славян. Не случайно Х.Ловьямянский обратил внимание на то, что Рюрик взял с собой в земли восточных славян «всю Русь», то есть не только дружинников, но и жителей того славянского района, откуда он вышел. Заметим, что по данным А.Гильфердинга в рамках государства ранов существовало несколько десятков знатных родов, возглавлявшихся родовыми вождями. Так что понятие «с роды своими» прямо накладывается на раннеполитическую систему южно-балтийских славян.

В рамках постоянных миграционных контактов, древних связей славян Восточноевропейского региона, мирных, в том числе торговых, отношений и военных конфликтов и состоялся этот впечатляющий выход.

Одним из фактов, говорящим о том, что варяги-русь — это славянский государственный анклав на южном берегу Балтики, является упоминаемый в летописи факт заключения на исходе IX в. Олегом, утвердившимся в Новгороде после смерти Рюрика, а потом захватившим и Киев и создавшим единое государство Русь, с варягами договора о мире на русских северо-западных

границах за 300 гривен с Новгорода, который по свидетельству летописи действовал более 150 лет («еже до смерти Ярославле даяше варягомъ»)¹⁰. В Скандинавии в то время не было таких государственных образований, тем более способных существовать более сотни лет. Этот регион по своему развитию в то время намного отставал от южно-балтийских земель. Зато такие государственные долговременные образования были у поморских славян. Важно подчеркнуть, что и для летописца варяги — это постоянная, долговременная этническая и политическая величина. Они упоминаются повсюду, где речь идет о расселении народов, в том числе народов Северной Европы. И если мы повнимательнее взглянем в эти упоминания, то сразу же обнаружим, что среди них отсутствуют поморские славяне, многочисленные племена, племенные конфедерации, раннефеодальные государства южно-балтийских славян. Но могло ли быть так, чтобы летописец — прекрасно осведомленный автор, хорошо владеющий сведениями буквально о всех народах Европы упустил из виду южно-балтийскую ветвь славянства? С другой стороны, в тексте летописи постоянно присутствуют таинственные варяги, размещенные им на южных берегах Балтики. Не лежит ли подход к сложному вопросу на поверхности. Все указывает на то, что варяги — это и есть хорошо известное летописцу южно-балтийское славянство, которое в силу своего разнообразного этнополитического состава и объединяется одним общим этнонимом варяги. В той своеобразной таблице народов, которую сконструировал летописец и которая отражает реальное положение с расселением народов Европы, лишь одна клетка оказалась свободной — это поморские славяне. И лишь один этноним оказался под вопросом, ответ на который находится сам собой.

В размышлениях об этнической природе варягов необходимо обратить внимание и на ту государственную практику, которую привнес на Русь Владимир Святославич после того как он сокрушил своего соперника Ярополка и утвердился в Киеве.

Согласно летописи в начале противоборства с Ярополком Владимир «убоявся бежа

за море», а оттуда через два с лишним года «приде... съ варяги Ноугороду»¹¹. И так, Владимир долгое время провел в землях дружественных Новгороду варягов: естественно, что он был признателен им за ту неоценимую помощь, которую они ему оказали в борьбе за великокняжеский престол, как об этом свидетельствует летопись. Естественно также, что некоторые его первые шаги, особенно в сфере религиозной, носят во многом «проваряжский», языческий характер. Поэтому ту практику усиления язычества, которую зачастую называют «языческой реакцией», следует рассматривать лишь как временную уступку своим всесильным союзникам — варягам. Характер этой временности выявился очень быстро, и Владимир осуществил крутой цивилизационный поворот, обратившись в сторону христианства и начав реформирование всей русской жизни. Но сейчас речь идет о другом. Начав свою «неоязыческую» реформу, Владимир обратился к практике, которая была распространенной в обществах южно-балтийских славян. По образу и подобию ранов и некоторых друтих государственных объединений южно-балтийских славян, где была сильна теократическая власть и где высоко почитался культ бога Святовита и приносились в честь богов человеческие жертвы по жребию, Владимир ввел человеческие жертвоприношения так же по жребию и на Руси. Он выдвинул на первый план в пантеоне богов культ дружинного бога Перуна, бывшего главным богом у воинственных нагров.

Любопытно, что позднее, после обращения Руси в Христианство и организации русской церкви, Владимир ввел в практику отчисления в пользу церкви десятой части княжеских доходов, так называемой десятины. Подобная же практика отчисления части средств в пользу жрецов, в том числе в пользу храма Святовита в Арконе на Рюгене, существовала и в южно-балтийских славянских землях.

В.Н.Татищев, который располагал в XVIII в. неизвестными нам летописными материалами, непосредственно выводит династию Рюрика из славянских южно-балтийских земель. Итогом его исследова-

ния на этот счет были слова: «и потому русские единокровных себе князей вагров или варягов избрали»¹².

В последнее время в нашей исторической литературе появилась серия статей ряда ученых, убедительно доказывающих славянскую общность Рюрика, варягов IX — нач. X вв. и восточных славян, мифический характер отождествления этого славянского князя с неким Рюриком Фрисландским, против чего возражали и ученые прошлых лет, и отсутствие в Швеции вообще имя «Рюрик» и, напротив, его широкое бытование в землях поморских славян. Грустно говорить, но сегодня — это новый подход к истории Древней Руси, десятилетиями замороженной норманистами. Но это еще раз показывает, что истинную науку остановить невозможно¹³.

Ярким подтверждением исторической реальности славянского происхождения варягов IX — нач. X в. стали последние находки калининградских археологов. Именно на этой древней славянской земле, поглощенной затем немецким нашествием, возникли первые государственные образования, именно здесь появлялись первые южно-балтийские князья, одним из которых был знаменитый в нашей истории Рюрик.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Повесть временных лет (далее ПВЛ). Ч. 1. — М.—Л., 1950. С. 18, 23
- 2 Там же. С. 10.
- 3 См., например: Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // «Советская этнография». Вып. VI—VII. — М.—Л., 1947; Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне и Русь // «Slavia Occidentalis», Розлап, 1962. Т. 22. ; Ловмянский Г. Руссы и Руты // ВИ, 1971, №9; Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ, 1970, №10; Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // ВИ, 1974, №11; Ильина Н. Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки. — Париж, 1955 и другие.
- 4 Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки по истории народов России в древности и раннем средневековье. — М., 1998. С. 257.
- 5 Мельникова, Елена. Варяжская доля. Скандинавы в Восточной Европе: Хронологические и региональные особенности // «Родина», 2002, № 11—12. С. 30—32.
- 6 См. об этом подробнее: Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси. IX — начало X в. — М., 1980. С. 36—46.
- 7 Гильфердинг А. История балтийских славян. — М., 1855; Седов В.В. Славяне в древности. — М., 1994. С. 293—318.
- 8 Хордадбех Ибн. Книга путей и стран. — Баку, 1986. С. 124.
- 9 Васильевский В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП, 1888, июль. С. 123.
- 10 ПВЛ. Ч. 1. С. 20.
- 11 Там же. С. 54.
- 12 Татищев В.Н. История Российская... Т. I. — М.—Л., 1962. С. 290.
- 13 Фомин В.В. Русские летописи и варяжская легенда. — Липецк, 1999; Анохин Г.И. Новая гипотеза происхождения государства на Руси // ВИ, 2000, № 3; Яманов В.Е. Рюрик Ютландский и летописный Рюрик // ВИ, 2001, № 4 и др.

Ю.В.Колиненко

К публикации рукописи Ю.И.Венелина «О происхождении славян»

Ю.И.Венелин (настоящее имя *Георгий Гуца / Hutza*) (1802–1839) – один из первых русских славистов, историк. Родился в с. Большая Тибава (терр. Закарпатской Украины), обучался сначала в гимназии, а с 1821 г. в Сатмарском епископском лицее, где и начал заниматься историей. С 1822 г. Венелин учился на философском факультете Львовского университета, где заслужил любовь и уважение профессуры университета. Венелин считался воспитанником Мукачовской (Унгварской) епархии, но желание посвятить себя духовному званию у него исчезло, и, чтобы скрыть свое местопребывание и таким образом избавиться от довлевших над ним обязанностей духовного лица, Георгий решил принять фамилию Венелович-Венелин. Все свободное от занятий время он проводил в университетской библиотеке, делая множество конспектов и выписок, оказавшихся неоценимо полезными для его будущих трудов. История занимала тогда все его мысли, именно в это время, очевидно, начала формироваться его методология исторического исследования, весьма отличавшаяся от современных ему историков. Во многом этому способствовал «прагматический» (в соответствии с последними веяниями немецкой философии истории нач. XIX в.) образ преподавания истории.

Карпатский русин, Венелин всегда стремился в Россию. В 1821 г. он вместе со своим двоюродным братом И.И.Молнаром (после смерти Венелина ставшим хранителем его архива) решает бежать в Россию – католические монахи хотели постричь Венелина и Молнара. В 1823 г. без паспортов они переходят русско-австрийскую границу в Карпатах, а затем проби-

раются в Кишинев. В 1825 г. братья переезжают в Москву, где Венелин встретился со своим соотечественником, известным славистом, доктором Орлаем, который посоветовал молодому человеку заняться «более хлебной» профессией и поступать на медицинский факультет Московского университета, а историей продолжать заниматься по мере возможности¹. В 1829 г. Венелин окончил университет, получив аттестат лекаря. Впрочем, медицину он скоро бросит и с головой уйдет в исторические исследования.

В Москве Венелин близко сошелся с известным историком М.Погодиным (даже жил у него некоторое время), с помощью которого издает свое первое серьезное произведение – исследование о Болгарах, вызвавшее острую полемику в среде историков и публицистов². Именно с этой работой историки связывают становление болгаристики, а самого Венелина считают одним из тех, кому болгарский народ обязан своим пробуждением³.

В нарастающем интересе московской интеллигенции к славянству Венелин со своими славяноведческими изысканиями пришелся весьма кстати. По словам Погодина, именно Венелин пробудил у него тягу к славянским исследованиям. Во многом Венелин повлиял на К.Аксакова, учителем которого он был некоторое время (в 1832 г.), А.С.Хомякова, О.Бодянского. Теоретические исследования Венелина о славянстве, наряду со взглядами таких деятелей славянского возрождения, как Шафарик, Ганка, Караджич, стали одним из источников славянофильства⁴.

В 1830–1831 гг. Венелин совершил поездку в Болгарию (ее выхлопотал С.Акса-

ков у А.С.Шишкова, бывшего тогда президентом Академии Наук). Во время путешествия, в 1830—1831 гг., Венелин занимался сбором болгарских народных песен, грамот, материалов для своей грамматики болгарского языка. Филологические изыскания Венелина позволили ему претендовать на кафедру истории и литературы славянских наречий, которая была создана в 1835 г. по новому Уставу Университета. Венелин даже составил программу преподавания славянских языков, однако несмотря на все усилия Погодина, его кандидатура не выдержала никакой критики — отсутствие филологического или исторического образования, непоследовательность взглядов, этимологические фантазии⁵ не позволили рассматривать претендента всерьез, и кафедру занял известный «скептик» М.Т.Каченовский.

Исторические взгляды Венелина сформировались под воздействием идей романтизма, в духе которого он считал, что историческое исследование должно осуществляться «со всех сторон и во всех частях», полагая, что «только целое может представить полный смысл», и в этом смысле критиковал «Историю» Карамзина как собрание «всякой всячины в хронологическом порядке»⁶. К.Кавелин писал про Венелина: «В основании он прав. Он чувствовал, что история непременно должна рассматривать народ как живой организм, иначе она не будет историей, а сборником известий и фактов»⁷.

Справедливая убежденность Венелина в том, что огромный русский народ «не мог вдруг, в 862 г. размножиться и разлететься подобно саранче», а «русские города не могли вырастать в один год, подобно грибам после дождя»⁸ заставила его искать русь в названиях других народов. Погодин писал, что «Венелин пустил между нами впервые мысль, что народы могут скрываться долго под другими именами»⁹.

Однако его убежденность в автохтонности славян в Европе и «монолитности», неизменности этноса вообще, отрицание и этнических, и языковых смещений, признание праславянского языка как общеевропейского свело всю проблему происхождения сла-

вян лишь к поискам разных наименований славяно-россов греческими и византийскими писателями: скифов, сарматов, роксалан, антов, венетов, паннонцев, иллирийцев и др., между которыми Венелин не находил никаких этнических различий. Например, германцев он считал славянами, т. к. на территории средневековой Германии жили славяне, так же, как и гуннов¹⁰ (обров), и сорабов. Подобные этимологические построения будут в целом характерны и для его последователей. Более последователен Венелин был в борьбе с норманизмом.

Напомним, что в ПВА отразилась одна из версий начала Руси, которая возникла в Новгороде. Летописец настаивал на том, что русь — это варяги и сами новгородцы происходят «от рода варяжска». В этнографическом введении к ПВА дается прямое указание на то, где жили варяги. Летописец говорит, что к морю Варяжскому «приседять» Ляхове, Пруси, Чудь, следовательно Варяжским морем он называет Балтийское. Летописец четко обозначает западные пределы расселения варягов Польским Поморьем и Данией: «По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку — до предела Симова, сидят по тому же морю и к западу — до земли Агнянской и Волшской».

Соседями англо-восточного берега Балтики были «варины», «вары», «вагры» — племя принадлежавшее к вандалской (виндальской) группе (к ней так же принадлежали герулы, рути, венеды) и к IX в. ославянившееся. Тождество «варягов» и «веринов» с языковой точки зрения очевидно — один корень «вар» — вода, и различные суффиксы (в кельто-романских «варины», в германских «вэринги», у балтийских славян «варанги», у восточных «варяги»). Варяги, следовательно — это просто поморяне. Германские авторы X—XI вв. считали варягов одним из славянских племен. Наступление франков побудило варинов искать новые места поселений. В VIII в. во Франции появляется «Варангевилл» (Варяжский город), в 915 г. возник город Вэрингвик (Варяжская бухта) в Англии, до сих пор сохранилось название Варангерфьорд (варяжский залив) на севере Скандинавии. С VIII—IX вв. имена Варин и Вэрин широко распространяются по всей Европе, свидетельствуя также о рассеивании отдельных групп варинов в иноязычной среде. Но в конечном счете основным направлением переселений окажется восточной побережье Балтики. Приходят варяги с Варяжского (Балтийского) моря сначала в северо-западные земли и лишь

потом спускаются к Среднему Поднепровью. Названия основанных в IX в. городов говорят о славяноязычии варягов этого времени, да и у киевского летописца нет никакого намека на иноязычие варягов. Примечательно, что киевский летописец не упоминает пришедших с Владимиром новгородцев, которые составляли основу дружины, очевидно к ним относилось обозначение «варяги». При Ярославе роль варягов, видимо, возрастает, причем в числе таковых появляются и шведы (после женитьбы Ярослава на дочери шведского конунга Олава Ингигерд). В начале XI в. в Новгороде происходили постоянные столкновения между новгородцами и набранными Ярославом за морем варягами. Способствовали этому, и язычество варягов, и установленная еще при Олеге дань заморским варягам. После смерти Ярослава дань выплачивать перестали, как перестали и набирать в дружину варягов. Само имя варягов переосмысливается, распространяясь в общем на выходцев с католического запада, а летописцу, рассказывавшему о призвании варягов в IX в., пришлось объяснять, что это были не шведы, не норвежцы и не датчане, а варяги-русь, разъяснение это, правда, давал киевский летописец, в Новгороде шведов варягами не называли вплоть до XIII в.

Варяги, вопреки мнениям норманистов, привнесли с собой на Русь вовсе не монархическую систему, а что-то вроде афинского полиса. Древнейшие города севера управлялись примерно также, как и города балтийских славян (кстати, устройство Новгорода — типа «крутляшка», такое же, как в городах балтийских славян). Варяжский тип социально-политического устройства — это в конечном итоге тот же славянский, основанный полностью на территориальном принципе, на вечевых традициях, и совершенно не предусматривающий централизации. Государственность на Руси сложилась ранее призвания Рюриковичей или каких-то иных династий. Варяги, включившиеся в колонизационный поток к концу VIII в. не могли играть самостоятельной роли в обра-

зовании государства, а на севере Руси именно они повлияли на создание полисной системы, не принимающей централизации.

В 1836 г. вышла основная работа Венелина антинорманистского характера «Скандинавономания и ее поклонники»¹¹, в которой он разбил аргументы и доводы норманистов — Байера, Миллера, Шлецера, которых он и называет «скандинавоманами». Летописные тексты заставили Венелина искать варягов на южном побережье Балтики, откуда, по его мнению, вообще происходило славянское заселение русского северо-запада. Летописную Агнянскую землю, в пределах которой по ПВЛ обитали варяги, Венелин считал датской провинцией Ангельн¹² и отмечал, что и греческие, и русские летописцы отличают варягов от германцев. Вполне логично он задается вопросом, как небольшая кучка норманнов могла покорить Новгород, к тому же оставив славянский язык совершенно неизменным. Только в 1870 г. будет опубликована его статья о варягах в арабских источниках¹³, в которых он так же находил доказательства в пользу южно-балтийского происхождения варягов (варяги — славнейшие из славян)¹⁴.

Несмотря на короткую жизнь Венелина (всего 37 лет) его концепции настолько были важны и пришлись вовремя (да и написаны были с редким критическим чувством), что можно говорить о целой школе его учеников, школе Ю.И.Венелина — к которой принадлежали М.Морошкин¹⁵, Н.В.Савельев-Ростиславич¹⁶, А.Ф.Вельтман¹⁷, к сожалению, во многом дискредитировавшие своими фантастическими концепциями как и самого Венелина, так и славянскую школу вообще.

* * *

Публикуемая ниже рукопись представляет собой автограф Ю.И.Венелина, хранящийся в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки, в архиве Ю.И.Венелина (НИОР РГБ, ф. 49, к. 2, ед. хр. 25). Это отрывок из большой работы — ни начала рукописи, ни окончания, к сожалению, не найдено. Текст рукописи публикуется по правилам современной орфографии. Подчеркивания автора в тексте выделены курсивом, пропуски и неразборчивые слова даются в скобках < >, в некоторых случаях восстановлены ссылки на литературу. Все сноски по тексту авторские, но для удобства чтения изменена их нумерация и расположение (в рукописи они давались как в подстрочнике, так и по ходу текста), примечания к рукописи наши.

Ю.И.Венелин

[О происхождении славян вообще и россов в особенности]

[1. О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН ВООБЩЕ]

Ad. G. D. O. M.¹⁸

Россы

Рассмотрев вкратце и разобрав самые важные, но запутанные места русской истории, обратимся теперь к Главному предмету, а именно к происхождению самих россиян. Дело само по себе не кажется затруднительным; но различные сочинения, с некоторого времени существующие о сем предмете, и различный способ, коим руководствовались толкователи при своих изысканиях, навели на историю мрак, который нельзя рассеять без великого труда.

Здесь не могу не упомянуть об одном анекдоте. Однажды попался обстоятельством в мою комнату один вольный хлебопашец из подмосковных, на столе у меня лежала тетрадь под заглавием «О происхождении россиян». Стоя неподалеку от стола, он заметил сие и не потерпел, чтоб не спросить у меня содержание сей тетради. Это были мои выписки из изысканий предшествовавших мне исследователей. Я сказал ему, что один ученейший историк здесь говорит, что прапрадеды русских были шведы и в Россию перешли из Скандинавии, и так что русские происходят из Скандинавии. Услышав это, он, в некотором изумлении отступив и перекрестившись, возразил: «Батюшки мои! Неужели? Это верно должен быть какой-нибудь бусурман, который никогда не читал Св. Истории! Неужели он не знал из Св. Писания, что все народы произошли после потопа от Ноя и его трех Сыновей!».

Мне не хотелось продолжать с ним разговор, и чтоб его успокоить, я прибавил,

что он пред смертью свою раскаялся на исповеди и отверг им сказанное, как нечестивое.

Признаюсь, что простодушное возражение сего поселянина вынудило у меня невольную улыбку, однако оно подало мне повод к важнейшим замечаниям. Оно весьма естественно, ибо если хотим вознестись к первому источнику человеческого рода, то необходимо <довести> до Ковчега Ноева. Нестор сам при начатии своей летописи начинает с Ковчега, разделяет старый мир между тремя сыновьями Ноевыми. Это показывается странным и даже предрассудным нынешним умникам, которые порочат древних писателей потому только, что они были монахи, и что они не были такие ученые, как нынешние толкователи. При всех однако наших умствованиях мы невольно возвращаемся к словам этих монахов, основанным на Св. Писании.

Что весь род человеческий имеет один и тот же источник, это есть аксиома, которую излишнее будет доказывать. Что этот род человеческий с самого начала уже стал разделяться с течением времен на разные ветви, кои, наконец, дошли до того между собою расстояния в котором ныне находятся, это само собой разумеется.

Сии ветви со временем опять подразделялись на отрасли, между коими впоследствии сделалось расстояние довольно значительное.

Отрасли эти вновь временем разделены на племена, которые больше или меньше различны между собою.

Расстояние сие, различие сие между ветвями, странами, и племенами состоит в языке, как первом и важнейшем признаке сродства между народами.

Чтобы представить себе повременное разделение или раздробление рода человеческого в точном виде, для этого нужно знать все существующие в мире языки. Одним еще языкознанием можно рассеять тьму, царствующую во всеобщей истории.

Все народы, или языки ныне существующие имеют между собою большее или меньшее расстояние, т. е. разделились между собою прежде или позже.

Разделение коренного, так сказать, ствола, на ветви, есть их начало или происхождение; отрасли же происходят от разделения одной ветви; племена же происходят при раздроблении одной отрасли. Итак, происхождение россиян относить надобно к тому времени, когда от него отделились, напр <имер>, болгаре, сербы, кроаты, чехи, поляки, варяги и проч <ие>. Дальнейшее происхождение россов заключается в общем происхождении славян, т. е. всех народов, заключаемых под сие общее имя.

Нельзя, однако, сказать, чтобы россы или какой-нибудь другой <народ> происходили от славян, ибо славяне есть только имя, которым часто прикрываются одноязычные, но разные между собою племена.

Поелику россияне суть один из главнейших славянских народов, то весьма кстати будет упомянуть прежде что-нибудь вообще о славянах.

Славяне

Первый вопрос, который можно здесь сделать, и который еще не решен историками: должно ли почесть славян старожиллами Европы, или позднейшими переселенцами?

Прямого ответа на сей вопрос у писателей не нахожу; Карамзин на сей раз говорит запутанно, сомнительно, т. е. сам не знает, как сказать. Иные, придерживаясь буквально исторических явлений, полагают начало славян при первом появлении их имени в истории, не умея однако сказать откуда они взялись, в сем затруднении они прибегают к всерешающему средству — к переселению, — и, следуя своему вообра-

жению, или привидениям, переселяют народы, подобно шашкам на шахматной доске, из одного места на другое. Почти общее мнение до сих пор было, что славяне существуют в Европе только с VI столетия потому только, что имя тогда только стало быть известным! Откуда же взялись они? Одни говорят: такой-то народ так их стеснил у берегов Дуная, что все они развспорхнулись оттуда и заняли две трети Европы; другие говорят, что это стеснение случилось на бесконечных полях Сармации (России); а третий совсем не знает, откуда они взялись. Шлецер говорит¹, «что они теперь, по крайней мере по пространству, ими занимаемому, составляют обширнейший народ Вселенной».

Это точно так; но прибавите еще, что он был во все времена пропорционально обширнее прочих; но если он ныне есть еще обширнее <е>, то в древние времена пропорциональное его превосходство должно было быть еще большее, ибо он претерпел великие ущербы в Германии, Италии, Греции, а после <в> Турции. И об этом огромном, необъемлемом народе толкуют, как о каком-нибудь племени в несколько сот верст в окружности!!! Не стану здесь исчислять всех исторических нелепостей касательно славян, для того чтоб их опровергать; это бы отняло у меня весьма много времени и места; я стану продолжать свои понятия в том виде, в котором они должны быть приложены к естественности дела.

Шлецер, который казался быть рассудительнее всех ему предшествовавших, на вышеприведенный вопрос отвечает довольно к делу. После исчисления разных имен частных (Балтийской Славонии) варягов прибавляет²: «Откуда взялось сие множество новых народных названий, о коих ни один грек, ни один римлянин во

¹ <Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. — СПб., 1809. Ч. 1> С. 124.

² <Schlözer A. L. Fortschug der Allgemeinen Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten in Deutschland und Engeland ausfertiget> / / Allg<emeine> Welthistorie <von anbeginn der Welt bis auf gegen wärtige Zeit. — Halle, 1771.> Th. 31, p. 230—231, <bemerk. J>.

всю жизнь свою ничего не слышал? Или знали древние сих народов, но только под другим именем, что весьма обыкновенно. Часто один и тот же народ в описаниях путешествий и летописях в продолжение тысячи лет встречается под двумя, тремя и больше именами. Может быть, римляне вели частые войны в Паннонии, Карнии, Норике с настоящими славянами, но только не называли их славянами. Может быть, скифы Радегаста^{III} были чистые славяне, по крайней мере имя их предводителя есть чистое славянское. Или землезнание древних не распространялось и на сии страны, посему они столь же мало знали их обитателей, как обитателей Северной Америки, или Японии. Или они переселились туда в новейшие времена. Но для чего избирать именно сие последнее положение, между тем как оба предшествующие удовлетворяют вопрос? Почему выбирать оные без всякой нужды и без всякого поддержания и доказательств со стороны истории? Почему именно славяне не должны быть коренным и первобытным народом Германии, но только в V столетии переселившимся туда от Кавказа и Волги?»

Собразуясь со всеми понятиями, нужными критику в сем случае, нельзя не признать замечаний и вопросов Шлецера справедливыми. Несмотря на сие, оне не суть еще полные, ибо здесь он обратил внимание преимущественно на одних балтийских славян: напротив полный объем целого славянского народа придал бы его понятию полноту, и вопросы его были бы решительными; как критик, ища положительного, он не нуждался бы в сомнительных выражениях: *если, может быть.*

Если взять в совокупности весь мир славянский, и если удалиться к началу его бытия, то необходимо <мы> должны очутиться в древности за тысячу и более лет до Рождества Христова. Если греки или персы, коих можно сравнить только с десятою долею славян, уже существовали за 1000 и более лет до Рождества Христова > то можно ли подумать, чтобы и славяне не существовали тогда же?»

^{III} Он обыкновенно называется Радаганзом.

Но если они тогда уже существовали, то под каким именем были они известны древнему миру, и почему они стали проявляться под именем славян только с VI или V столетия? Ответ на сей вопрос, хотя бы и справедливый, нельзя дать прямо, ибо при подобной запутанности, он показался бы странным, а может быть, для некоторых и непонятным. Вся беда состоит в том, что до сих пор исторические головоушки все толковали буквально; у них, например, два названия одного и того же народа составляют два народа между <собой> различные потому, что эти названия составлены из совсем различных букв!! У иных, одно какое-нибудь племя славянское заключало в себе чистых немцев потому, что оно жило в стране называемой римлянами Германией! У иных целые народы, целые государства исчезают потому, что имя их как-то затерялось между листами летописей! Они все смотрят полужакрытыми глазами критики на внешнюю оболочку, так сказать, происшествий, не вникая совсем в естественность дела; отсюда-то происходят сожалеемые мненишки, коих нельзя согласить ни с историей, ни с здравым рассудком.

Чтобы не пасть в подобные заблуждения, необходимость заставляет рассмотреть вкратце постепенное народо- и землезнание древних; что <бы> различить предметы им современные, нужно смотреть и их глазами.

Род человеческий уже был в большем своем возрасте, когда изобретено было одно из первейших и необходимых пособий просвещения — письмена. Они вспеленаны, говорят, в Финикии, и долгое время таились на Востоке между финикиянами, ассирианами, в Палестине и Египте, откуда перешли и в Грецию: прочие же народы вселенной покрыты непроницаемою тьмою, под коею они таились. Если захотим удалиться мысленно к нашим предкам, современным Моисею, или Санхониаону, или Кекронеу, то взоры наши при появлении тьмы невольно сбиваются с дороги и проникают за мерцающим в отдаленной древности, светильником к предкам чужих народов: израильтян, египтян, персов и проч. Во тьме нельзя ничего различить,

посему и весьма естественно, что обращаемся к чужим светильникам, за лучами коих проникаем во тьму, чтобы отыскать прадедов наших. Но сколько должно быть осторожным, чтобы при этом не обмануться привидением.

Как называли ассириане и персы своих северных соседей, по недостатку древнейших их у нас историков, нельзя сказать; тем меньше можно знать, как могли они называть народов Европейской России.

Греки, как видно из памятников исторической их словесности, имели весьма слабое понятие о Севере. Политическая деятельность сего народа заключалась в кругу своих соседей. Размножившись под нежным климатом на плодородной земле Греции, они отправляли свои колонии в Южную Италию, в Сицилию, в Южную Францию, где была их знаменитая Массилийская колония (ныне Марсель), к южным берегам Малой Азии по Македонии и Фракии, в которой знаменитее прочих была Павсаниева, в окружности Византа (Константинополя). Предприятия их случались большею частью на море: Средиземное, в Архипелаге, и иногда в Черное море. Будучи разделены между собою на многие независимые штаты: вольные города, республики и небольшие королевства, они составляли между собою политическую систему, в которую входили и малоазийские небольшие королевки. Все внимание их обращено было на дела политические, на могущество соседних персов. Путешественники греческие имели в виду больше Египет и Восток даже до Индии. К северу они входили в Черное море, по берегам коего составили некоторые поселения, из коих замечательнее городок Томы¹⁹, на южной стороне Дунайского устья, Олвия, Херсон и проч.

Сухим путем они редко проникали сквозь Балканские горы и живущие там народы до самого Дуная. Все пространство, лежащее по ту сторону к северу сей огромной реки, они называли Скифией, т. е. Чудью²⁰, народов же, в них обитающих, коих они совсем не знали, скифами²¹.

Сим именем называлась у них страна за Дунаем, Черным морем, Кавказом, за Кас-

пийским морем, за Персией, коих они не знали до каких пор распространяются. Появление зимы или снегу, коего они не испытывали в Афинах или Лакедемонне, в стране за Черноморской, возбуждали в изнеженном воображении греков отвратительное понятие о сей части мира. Суровость климата внушила им понятие суровости народов, с коими они не хотели иметь много дела. Сие имя заключало в себе всех различных народов, живших в стране, называемой Скифией, как россиян, латышей, финские племена, татарские племена. По сему название скифов слишком общее, и неопределенное, а по сему ничего не значащее, доказывает ясно скудные сведения греков о северной части старого мира. Имя сие есть та оболочка, под которою скрываются все северные народы от взоров истории.

Трудно вообразить себе истинную причину нерадения греков к народознанию; кажется, положение, что чем просвещеннее народ, тем он любопытнее, заключает в себе неоспоримую истину. Впрочем, известно и то, что греки довольно пристрастны были к путешествию, но это было большей частью в Египет, Персию, Индию, и к берегам Средиземного моря. Напротив все Задунайское покрыто было для них глубочайшей неизвестностью.

Некоторые из их писателей, чувствуя слишком общую обширность и неопределенность имени скифов, вздумали прискикивать подробные или видовые, так сказать, названия народов. Сии-то названия суть не менее химерические, как и самое общее, скифов, и не имеют другого основания, как только в деятельной фантазии греков. Подобного сорта суть названия, находимые у Геродота: меланхленов, андропофагов и проч. сложенные из греческих слов и заключающие в себе странные прозвища. Несмотря на сие народы были им не более известными.

Из подобных прозвищ наконец сделалось более общим *ψερογλας* Σαυρογλατος^{IV}, которое стало распространяться на все пространство Европейской Скифии.

^{IV} *Plinij. lib. IV. cap. 12 <...>*

Римляне, которые во всем были учениками греков, переняли от них и сии бестолковые географические названия. У них ящероглазы, *Saurotato* превратились в *Sarmato*, а вся нынешняя Европейская Россия с частью Пруссии, до реки Вислы и Австрийскими и Турецкими владениями до Дуная *Сарматией* *Sarmatia*. Это стало входить в употребление только со времени Александра Великого. Итак, название скифов и Скифии стало относиться только к северной части Азии. Впрочем, название сарматов и Сарматии также химерическое как и скифов²².

Сюда еще принадлежит и прочее множество подобных вымышленных названий. Народы, прилежащие к Черному морю, получили свои особые названия, в особенности живущие в Крыму названы *таврами* и *киммерянами*²³, названия, существовавшие только между греками, их изобретателями. Впрочем, несмотря на сии мелкие названия, Сарматия оставалась долгое время общим названием неизвестных Задунайских стран и народов. Иные однако, сию же страну часто называли и Скифией, народов и скифами, и сарматами попеременно.

Между тем, растущее могущество римлян, которое не могло удержаться в тесных пределах Италии, должно было проникнуть вне оной. Прямо с севера природа поставила ему препятствие — непроходимые горы Швейцарии, Каринтии, Карниолии и Штирии, оно хлынуло через Пьемонт в области Галлии (Франции), а через Истрию в Иллирик. При завоевании Греции и прилежащих к ней с севера стран, они наследовали названия всех сих мест и сторон от греков. В отношении завоевания Греции тоже нет ничего для нашего предмета, ибо народы не-греческие, жившие в нынешней Болгарии, прикрываемые, были названием страны *Верхней и Нижней Мизии* (*Moesia*)²⁴; а обитатели Сервии, Боснии, Кроацции, Далмации, Славонии, Истрии, скрывались под именем *иллирицев* от *Иллирика*²⁵, общего названия сих областей. Невозможно предположить, чтобы римляне не познакомились коротко с сими народами, среди коих они ворвались с вооруженною

рукою. Но к несчастью, принятое однажды название не могло быть переименовано, ибо употребление одно делается правилом; — кроме сего народы обыкновенно при первом знакомстве со своими соседями легче употребляют название нарицательное. Не стану угадывать, чему одолжены сии названия своим происхождением. Скажу только, что они подобного достоинства в истории, как и Сарматия, и Скифия. Не менее вредно было для истории обыкновенно греков и римлян называть прочих народов *варварами*, как общим покрывалом несоплеменных им народов.

Завоевания в Галлии подали повод к узнаванию тамошних племен, которые однако, у римских писателей и преимущественно в Записках Цесаря носят или вымышленные или частные или местные названия. Все, что знаем в подробности о галлах, то оставил нам Юлий Цесарь в своих военных записках, кои более заключают в себе описание военных действий. Дальнейшее распространение их оружия к северо-востоку приостановилось на Рейне.

Между тем, <уйдя> из Иллирика они заняли все пространство удобопроходимое до реки Дуная, т. е. Венгрии Задунайскую, названную ими *Паннонией*²⁶. Еще оставалась у дверей, так сказать, Италии, та гористая страна, которой занятие стоило им немалого труда. Сия-то страна есть Итальянская или Адриатическая *Украина* или как тамошние жители называют *Краина*^V. Римляне по своему выговору сделали из нее *Карнию* *Carinia*; отсюда название жителей сия *Carini*, т. е. *краинцы*.

Шлецер об этом замечает^{VI}, что «название *Краины* (*Krain*) есть чистое славянское, и имеет значение, весьма соответствующее положению земли. Вероятно, оно есть одно и то же, что *Карния* (*Carinia*) старинное название сей страны во время римлян. Сии и другие обстоятельства, взятые вместе, делают самую высшую вероятность, что еще во время римлян здесь употребля-

^V И ныне еще часть ее носит название *Краины* (*Krain*).

^{VI} <Schlözer A.L.> Указ. соч., pag. 231, <bemerk. K.>

ем был славянский язык, и что венды не с 548 года сюда переселились, но суть настоящие древние карны (Сарпеп, т. е. краинцы)? К сему, вся страна гориста; древние же языки и народы лучше всего сохраняются в горах, подобно кимврам в Валие и арнаутом (албанцам) в Эпире».

Замечание весьма справедливое. Но мы еще не добились народа; хотя не станем сомневаться, что сии карны были настоящие славяне, однако хотим их собственного названия, ибо имя карнов или краинцев есть только безусловное или почти местное. Край, краина, область и страна значит одно и то же, и они могут прилагаться и к землям прочих славянских племен. Впрочем, естественным порядком каждая краина должна получить свое название от имени населяющих ее жителей. Напротив, карны есть производное от Краины и значило в понятии римлян обитателей сей страны.

Из сей Краины (Сармия) произошли в последствии времени названия: *Carniola* т. е. меньшая Краина (уменьшит. от *Carnia*); а отсюда после *Carnioliа*. В Средние времена одна часть краинцев (*Carnia*) названа *Sarantani*, *Carinthi*, отсюда название особой области (*Carinthia*) Каринтии, по-немецки *Karnten*, у Нестора же *хорутане*, замечает Шлецер.

По-видимому, и Норик²⁷ есть часть северной Краины, и состоял некогда из южной или Задунайской части Австрийского эрц-герцогства и северной части Штирии. В Норике заметен еще след сего названия в городе Карнунте (*Carnuntum*), лежавшем при Дунае, неподалеку от Вены к востоку. Он был столицею всей окружной страны или Краины, был долгое время главной квартирою войск расположенных в Паннонии и Краине²⁸, а часто и местопребыванием императоров, между коими преимущественно Антонина Философа, который здесь во время своего пребывания трудился <над> бессмерти<ым> сво<им> сочинение<м>. После упадка сего знаменитого города одно из важнейших селений славянских стало возрастать, пока сделалось достойным переселения в оные места правительства области; оно называемо было римлянами Виндобоною, ныне *Vienna*, от немецкого

Wien. Замечательно, что заграничные славяне Вену называют Видень (муж. род).

Название Паннонии тоже не заключает в себе ничего особенного; трудно угадать, откуда оно произошло. Впрочем, как часто названия происходят от самого маловажного обстоятельства, то можно бы подумать, что римляне первые имевшие дело с начальниками жителей сей страны, у коих титул *жуланов* и *панов* был важнейшим и употребительнейшим, вздумали их назвать панами (*Pannonos*) отчего и страна прослыла Паннонией. По крайней мере, известно, что ни один славянский народ не называл себя собственно панами или паннонами; римлянам же вольно было их назвать на первый раз, как им попало на ум. Впрочем, можно со всей достоверностью полагать, что сия страна, будучи обитаема одним народом с жителями гористой Краины, собственно есть часть Краины, переименованная в Паннонию, которая после вошла в состав Венгрии.

Итак, открытие так сказать неизвестных земель римлянами распространялось только с их завоеваниями, коих приостановил Рейн и Дунай. Рим и Италия не были столь многолюдны, чтоб выставить полки для занятия всей Вселенной. Проникнув до сказанных рек, они приостановились, по коим как по линиям, протянутым природою, растянули пограничные стражи; в этом положении оставались они почти во все время их существования. Все что случалось за сими линиями, им было неизвестно. Народы задунайские слыли у них по-прежнему под названием то скифов, то сарматов попеременно. Еще только оставалась обширная область между Вислою, Дунаем и Рейном, коей придали ничего не значащее и химерическое название Германии, которое столько же важно в истории, как Скифия и Сармация.

Не стану угадывать, почему римляне стали называть жителей сей страны *родными* (*Септали* — родные)²⁹ и какой именно народ они разумели под сим именем: это бы значило напрасно ломать голову. Скажу только, что сие имя есть общее нарицательное всем племенам Германии, коей жители по превосходству пространства были славяне, и немцы. Напрасно сии послед-

ние приписывают сие название исключительно себе; что, однако ни критика, ни история им допустить не может. Сие однако, не удивительно, ибо они в своих изысканиях столько успели, что и латыши и чухонцы одолжены их предкам своим происхождением.

Со времени Августа-императора до Карла Великого³⁰ непроницаемым мраком покрыта была Германия и Сармация, сквозь который во II столетии довольно старались проникнуть бессмертные мужи: Птолемей, Страбон и Плиний. Они старались сказать что-нибудь подробнее о сих огромных пространствах, т. е. подразделить общее название сарматов и германов на виды или частные народы. Сколь было удачно сие их предприятие, критик должен рассмотреть с самым тщательным вниманием и осторожностью, ибо здесь должно открыться начало истории народов живущих на сем обширном пространстве.

Здесь приведем главные из них места.

Птолемей^{VII}: «Сармацию занимают: страннейшие Венедские народы в длину целого Венедского залива, а выше Дакии пещины и бастарны, и занимающие всю Меотическую сторону язиги и роксоланы, и отдаляющиеся от них во внутренность атаксовии и алавы, скифы. Меньшие же народы Сармации, живущие около реки Вислы под венедами суть гитоны и финны, после <сулоны>, за коими фругундионы, после аваринны при начале Вислы, под коими омброны, после анартофракты, после бургионы, после арсигеты, после саборы, после пненгиты, и биелы около Карпата. От всех их более к Востоку опять под венедами суть галинды, и судоны и славяне до самых алаванов, под коими игиллионы и цестобоци».

Сие грек Птолемей, по-видимому, он считал под Сармацией и Германию, которой понятие произошло между римлянами, следственно ему не было известно. Отдавая полную справедливость заслугам Птолемея, оказанным своему веку, нельзя однако никак основывать на вышеприведенном им

множестве названий народов, большею частью вымышленных, или нарицательных, или местных. Исчисление подобных имен без порядка и без определения географического и вымысла названий наводят еще большую тьму на сию страну. Неужели кто подумает, что эти бестолковые названия существовали именно в Сармации между ее народами? Нам нужны названия собственные, народные. Как трудно их добывались древние!

Плиний различает Германию от Сармации. Он мало знает о народах сей последней; напротив, он исчисляет главнейшие <народы> Германии, кои уже начинают появляться в римской истории под видовыми названиями. Он имел некоторое понятие, но неполное о Балтийском море, которое он называет Венедским заливом. Что же относится до земель Российских и народов, то у него слывет под именем Сармации. Итак, еще и тогда, когда греки занимались различными новыми названиями сарматских народов, римляне еще долгое время оставались при общем названии сарматов.

Однако одна часть оторвана от Скифии или Сармации, и стала быть известной под именем Дакии³¹, которую составляли Трансильвания и восточная часть Венгрии до реки Тисы. Таким образом, Сармация вытеснена за горы Карпатские.

В продолжение первых трех столетий народы, нападавшие на римские области из-за гор Карпатских, т. е. из Руси, у историков римских и у самих римлян слыли под одним обыкновенным именем сарматов, а иногда роксолан.

Константин Великий³² заключил с ними договор, по силе коего они должны были взаимно помогать один другому, по сему они слыли у римлян под именем союзников (Sarmato Foederati, или просто Foederati). Пользу сего союза ощутили незадолго после сарматы, ибо при стремлении на них появляющихся с севера готов, император должен был выступить в их защищение. Впоследствии множество сарматов вступило в службу римлян, и образованные из них полки и корпуса распределены были в Паннонии, Иллирике, Норике, Реции³³,

^{VII} <Claudii Ptolemaei Alexandrini. Geographiae. — Amsterodammi.> Lib. 3, <cap. 8, p. 75—76>.

северной Италии; другие полки их вместе с полками летов (т. е. литовцев и латышей) высланы были в Францию, в коей северной, и восточной части по Рейну были расположены для охранения границ.

Странно, что римляне по-видимому весьма коротко познакомившиеся с сим народом, не оставили нам собственного их имени! Неужели они не знали, что сей народ не называл себя *ящероглавыми*? Но: неужели не знали русские, или прочие славяне с самых древних времен, что известный им народ не называл себя никогда *немыми* или *немцами*, а *дайчерами*?³⁴ Скажем еще, неважный случай произвел название, коего употребление невольно превращается в закон.

В III, IV, V и VI столетиях готы³⁵, народ вышедший из-за Карпатских гор, и ворвавшийся в пределы Империи обращал в действие и солдат римских, и историков. Он нанес удар имени сарматов, которые после изгнания их из Византийского удела, еще встречаются несколько раз в листах латинских летописей, а в греческих под старинным своим названием скифов, и являются на том же месте, где и прежде были под сим именем и роксолан.

Готы же, вступившие в Италию, а другие во Францию и Испанию, война веденная с ними в Италии в правление императора Густиниана³⁶, дали повод к представлению себе сего народа великим, огромным.

Имя сие, столь грозное, до сих пор еще остается в истории загадкою. В сей темноте происшествий бродили новейшие исторические Умы по произволу без путевода. Из писателей VI столетия имеем двух только: Прокопия, адъютанта генерала Веленария³⁷, описавшего войну с готами в Италии, и Иорнанда Гота³⁸, епископа Равеннского в Италии же.

Иорнанд, взявшийся за перо, чтобы описать дела своего народа, и своих предков, начертал свою историю без порядка, хронологии, географии, самые отдаленные происшествия у него смешаны с настоящими; будучи пристрастен крайне к славе своих единоплеменников, по сему умалчивает большею частею поражения их римлянами. Будучи рожден в Италии, он имел

поверхностные недостаточные сведения о севере, первой колыбели его предков, о происхождении коих он писал, как ему вдумалось, а о древних деяниях по слухам, коих он переиначил, преувеличил, или совсем выдумал, чтобы представить своих братьев, обыкновенно слывших в Италии и Греции варварами, завоеванным итальянцам в самом выгодном виде.

По его мнению, самые северные страны Европы были за Днестром, у него Висла впадает в Северный океан, он думал, что Скандия или Швеция есть настоящий остров, из коего как лежащего напротив устья Вислы, ему показалось, что его предки вышли, потому что они устремились на юг из первых своих седалищ от реки Вислы и Немена. Несмотря на все писанное Иорнандом, нельзя ничего узнать характеристического о народности готов, одно только имя носится в истории, которое после исчезает, подобно скифам и *ящероглавам*.

Не надобно, однако думать, чтобы свидетельства из Иорнанда не годились для критики, т. е. что все его сочинение ложно. У него можно найти много мест достойных внимания, именно больше обстоятельства ему современные. Прочее же, что он описывал случившееся за 3, 4, 5, 6 и далее до него столетий, должно подвергнуться сомнению и критике.

Он важен для истории в отношении к своему столетию, и тем паче, что он из первых, кои упоминали о славянах, он первый привел славянские названия рек Днепра (Danaper), Днестра (Danaster), прежде называемых *Borysthenes* и *Tyras*. У него место сарматов заступили другие названия уже не так химерические. Прибавим здесь его известия. Описав пределы Скифии вообще, в том виде, как мы ее видели выше, он продолжает: «С левой стороны коих (Карпатских гор. — Ю.В.) к северу и от источника *Вистулы* чрез неизмеримое пространство сидит многочисленный народ *венетов*, коих названия, хотя суть разныя смотря по их семействам и местопребываниям, преимущественно, однако называются *склавины* и *антами*. *Склавины* от *Новиетауна* и озера, называемого *Мурсианским* простираются к северу до *Днестра* и *Вислы*».

Прокопий, современник Иорнанда, обитателей Руси называет бесчисленными народами антов^{VIII}.

Вот, наконец, имя славян! Однако оно не одно, а вместе с венедами и антами и множеством других названий. И так, наконец, сии народы перестали называться *ящеро-глазами*; не потому ли, что Иорнанд не был римлянин, а варвар, а именно гот, и по сему лучше мог знать что-нибудь о сих народах.

Сии имена, однако, не составляют еще совершенного открытия. *Венеды*³⁹ и *анты*⁴⁰ суть названия еще неопределенные и нарицательные. Невозможно подумать, чтобы многочисленный сей народ, по указанию писателя сего, живущий по всей нынешней России, называл себя венедами. Сие название, очевидно, есть чуждого происхождения, точно как и *анты*. Посему естественно, что сей народ называл себя особым, своим собственным именем, между тем, как Иорнанд, Прокопий, или Аммиан Марцелин в Греции и Италии называли его венедами или антами. Нам же сие-то собственно название и нужно.

Какое же должно быть сие собственное название? Теперь еще темно; нельзя дать ясного ответа, пока мрак сей в Истории не рассеется.

Последующие два столетия, VII и VIII, суть те, в коих светило просвещения и литературы стало погашаться в самой Греции и Италии, посему они самые темные, самые варварские. Север еще покрыт тьмою.

Наконец, возникающее могущество франков на Западе, и сношения их с просвещенными арабиянами в Испании и памятниками римлян в Италии, открыли им путь к любопытству, следственно, и к наукам. Кажется, провидение предоставило одному их королю воспламенение наук и озарение севера. Карл Великий в 800 г. сложил торжественную присягу Папе защищать и распространять мечом истины Христианской Религии.

Исполнение сего обета первые почувствовали в Германии два немецкие народа,

бон и саксы⁴¹. Покорение сих двух племен франкам и Церкви открыло мало-помалу путь Христианской Религии в Вандалию, Дакию и Швецию.

Между тем, на северо-востоке Европы вышеупомянутые многочисленные венедские и антские народы, сделав нападение в 863 г. на Константинополь⁴², насилу выучили греков своему собственному имени россов, и так, наконец, насилу заставили исчезнуть названия скифов, ящероглазов, венедов, антов и проч.

Но неужели нет следов имени сего многочисленного народа до IX столетия? Есть явные следы в роксоланах. Сие слово сложное от Ρῶς собственного имени самого народа, и ἄλανοι кочующие от ἄλαοιαι кочую.

Иначе быть не может; греки имели самый необходимый случай познакомиться с сим народом в своих колониальных городах, построенных по берегам Черного моря. Иорнанд сам свидетельствует при описании Скифии: «Она (Скифия. — Ю.В.) в той части, которою прилежит к Черному морю, заключает немаловажные города, как: Борисфениду (Киев. — Ю.В.), Ольвию, Каллипо <ли>ду, Херсон, Феодосию, <К>ареон, Мирмикион <и Трапезунт>⁴³, которые непобедимые скифские народы позволяли грекам выстроить для снабжения их товарами». В сей-то части Скифии и соседственной Молдавии и Валахии все древние писатели полагают роксолан^{IX}.

Имя аланов⁴⁴, т. е. кочующих, есть так же неопределенное, как имя сарматов; оно придаваемо было часто писателями народам без различия народности, т. е. языка и места, посему оно было только прилагательное или движимое. Часто летописцы, не умея назвать какой-нибудь народ, называли его кочевьями, аланами. Посему встре-

^{IX} Strabo. lib. II., cap. 5.; lib. VII., cap. II, § 4, 17. Plinius. lib. IV, cap. 25. Tacitus Annal. lib. I, cap. 79. Ptolemeus. lib. III, cap. 8. Dio Casius. lib. XXI. Ammian Marcellinus. lib. XXII, cap. 8. Кроме сего: Olius Spartianus, Trebellius Pollio, Flavius Vopiscus, и Iulius Capitolinus упоминают о роксоланах. См.: Ewers G. Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. — Dorpat, 1814, pag. 213.

^{VIII} Procopii <Caesariensis. Historiarum sui-temporis>. De Bello Gothico. — <Mediolanum, 1723, T. 1> lib. IV, cap. 4, <р. 338>.

чаем аланов то за Каспийским морем, то около Кавказа, то в Новороссии, то в Литве, то в Германии, то в Франции и, наконец, в Испании. Кажется, что здесь странствование одного только имени, а не народа. Подобные странствования составляют переселение народов 5-го столетия.

Греки, у коих имя Ρῶς большею частью несклоняемо, или для удобства употребили более сложное росо-аланов, или что они именем аланов означали и других народов, то для определения каких именно аланов хотели разуметь, употребили название росо-аланов, которое по свойству греческого языка в *россоланов* или *роксоланов* сократилось⁴⁵.

Название антов, прилагаемое народам задунайским не менее поверхностно, как и сарматов. Оно взято из латинского языка, по сему одолжено римлянам своим происхождением. *Anto* или *Antes* назывались у них первые двери какого-либо строения или вообще вход в что бы то ни было. Так они называли и первые задунайские страны, как бы вход в Сармацию. Посему и народы, вообще живущие в прилежащих к Римским пределам областях, назывались антами (*Anto* или *Antes*). Преимущественно же сие название придается стране, ведущей от Дуная во внутренность Сарматии или Скифии между Дакией и Черным морем.

Сии-то анты суть у Прокопия то, что у других *роксолане*. Он говорит^X, что «прочее пространство (т. е. от Азовского и Черного моря. — Ю.В.) к северу занимают бесчисленные народы антов».

Правда, что прочие роксолан ставят только в Валахии, Молдавии, Новороссии до Днепра; в этом однако нет никакого противоречия, ибо на прочую часть России, менее известную, греки выдумали странные имена: галицоны, арсигеты, тиригеты, геты, гепиды, скордиси, амаксовии, иппомокли, споры, иперборей, номады, меланхлены, иппофаги, арпии, алипзуры, боиски, бастарны, бисны, андрофоаги, <...>, тавры, киммеряне, кинокефалы, дромиты, тетрациты и множество иных пород летописных чудовищ.

Пусть же разберет, кому угодно, сии названия. Мне довольно будет растолковать некоторые.

Галицоны по-видимому, означают росо-галичан, названных так по городу их Галичу в Червонороссии, т. е. Красно-России.

Тиригеты (*Tyrigeto*) — название местное жителей берегов Днестра (*Tugas*). Видно, что и арсигеты и геты суть подобные названия. Имя гепидов носится то над Каменцом Подольским, то в Трансильвании, то по Северной Венгрии.

Амаксовии (от *Αμαξί* повозка и *Βίος* жизнь) — живущие на телегах.

Иппомокли (*Ἰππομοκλί*, у иных *Hypromolgi* — от *ἵππομοκλῖορ* — подпора) — подпирающиеся, т. е. ходящие с палками или дубинами в руках.

Споры (*Σπορ* от *σποραδῆτ* живущие рассеянно) — рассеянные. Разумеется, что скотоводный народ по необходимости должен жить рассеянно, сообразуясь выгодности пастбищ. Сию рассеянность поддерживать может плодородие и выгодное положение почвы, предлагая на всяком месте удобность для поселения. Кроме сего, замечательна аналогия в составе селений в Малороссии, коих дома разбросаны по участкам земель, к коим они принадлежат. В сем отношении замечательна более всего земля роксолан (Новороссия, Молдавия и Валахия) — плодороднейшая и способнейшая для скотоводства в целой Европе.

Иперборей (от *ἵπερ* — над, выше, и *Βορρεῖα* — север) — живущие над севером, надсеверяне, северяне; по понятию древних, в Великороссии.

Номады (от *νομός* по дорическ. наречию, вместо *νέμω* — пасу) — пастухи, скотоводцы.

Меланхлены (*Melanchlaeni*, от *μελαῖ* черный и *χλαίνα* <...> верхняя одежда) — черноризцы.

Иппофаги (от *ἵππος* — лошадь и *φαγῶν* — ем) — конееды.

Андрофоаги (от *ἄνθρωπος* — человек) — людоеды.

Кинокефалы — псеглавые. *Арпии* (от *ἄρπη* — коса) — косари, косцы.

Дромиты (от *δρομος*) — скорые, и проч.

^X *Procopii <Caesariensis. Historiarum suitemporis.> De Bello Gothico. Lib. IV., cap. 4.*

Тавры — обитатели гор Тавров. Подобное происхождение и прочих названий, о коих всех ни малейшего понятия, ни слуха не имели те народы, коим они приписывались.

Итак, между тем, как сии и другие подобные названия носились над народом России в понятии греков, сам сей народ назывался своим собственным именем. Итак, почему полагать, что россы-аланы жили только в Южной России, прилежащей к Черному морю, полагаясь на том, что по свидетельству таких-то иностранных летописей в прочих частях ее жили другие народы, или лучше сказать, бестолковые названия? Для чего не сказать лучше, соответственно требованию естественности, что роксолане не называли себя ни роксоланами, ни росо-аланами, как они слыли у греков и римлян, а просто *россами*, что сие название принадлежало как собственное не только жителям страны Черноморской, по близости и торговым сношениям более известным грекам, но и обитателям прочих частей России, коим греки, как менее знакомым, придавали выдуманные нарицательные названия? Ведь спустя два столетия сии же самые роксолане после нападения своего на Константинополь обнаружили свое чистое имя россов, и во время Святослава и Владимира Великого показались во всем своем величии и пространстве. Птолемей, указывая на Россию, называет их «*Maximo gentes Venedo*» величайшими венедскими народами, Прокопий же: «*Antarum populi infiniti*^{x1}» бесконечные племена антов. Неужели это неправда? Иорнанд говорит: *per icumensa spacia Vindar nupo populos a consvgr.*

Теперь взглянем на весь объем россов в древних их границах. Если прибавить к настоящей нынешней России часть Царства Польского до реки Вислы, Красную Русь, т. е. Галицию, Северо-Восточную Венгрию, в которой они сквозь Карпатские горы проникают к югу до *Добрежина* и Великого Варадина (Над-Варад по-венг <ерскн>, Gross-Wardein по-нем <еуки>),

Молдавию и по большей части Валахию, где их нашли переселившиеся туда из Трансильвании и Венгрии сии народы, действительно, оправдывается сказанное древними. И в самом деле, нет в целом мире под одним и тем же именем столь обширного и многочисленного народа, как россы.

Сия его обширность была уже во время Владимира Великого, сие его превосходство пред прочими народами шло пропорционально с самой отдаленной древности. Он только мог занять все пространство между Волгою, Доном, Черным и Балтийскими морями, он то в отдаленные времена называем был скифами, сарматами, и раздробляем был на разные вымышленные названия, кои все при озарении Севера просвещением испарились подобно дыму, исчезли подобно привидениям.

Итак, что сказано о сарматах или роксоланах у древних, относится только к россам.

Но обратимся к славянам. Мы уже упомянули, что на их счет различные толки произошли. В первый раз они появляются в начале VI или в конце V столетия. Поговорив о важнейшей отрасли славян — о россах, теперь обратим внимание на прочие.

Первые известия о славянах, т. е. у Менандра, Прокопия и Иорнанд касаются одних южных, т. е. Адриатической Украины, не относя его никак к северным, а именно германским и сарматским, о коих они упоминают под особыми названиями, как мы уже отчасти видели.

Итак, под именем славян вышеупомянутых писателей разумеются только римские, т. е. живущие в областях Римской Империи, о коих мы теперь вкратце поговорим.

Прежде всего, обратим внимание на самое имя славян. Многие из охотников до истории поторопились объяснить происхождение сего названия; некоторые из славянских патриотов заставили родиться славян от самой славы. Не стану догадываться, каким образом и откуда произошло сие название; хочу только знать, собственное ли название оно какого-нибудь народа или нарицательное.

Мы видели выше, что нельзя признать ни паннонцев, ни крайнцев, ни каранганов, ни нориков, ни иллириан собственным на-

^{x1} *Procopii <Caesariensis. Historiarum suiteporis.> De Bello Gothico. lib. IV., cap. 4.*

званием тех народов, коим они придаваемы были.

Ныне <мы> знаем, что крайцы (сюда <относятся> и паннонцы, и норрики) сами себя называют *словенами* (Slowenci), в Северо-Западной Венгрии — *словаками*; язык свой оба называют *словенским*.

Для чего же производить славян от славян? Кажется, что римляне, некогда владыки мира, который они наполняли своею славою, никогда не вдумали называть себя славными. Для чего приписывать сие название и тем народам, кои им никогда не могли называться, не назывались и не называются?

Явно, что славяне есть то же, что словене, собственное название римских украинцев, кои у Иорнанда и Прокопия упоминаются под именем *Sclavini*. Посему сии словене не суть одно и то же, что анты и вены сих же писателей. Сих двух последних они не знали собственного имени, потому их и назвали венедами и антами. Между тем, украинцы, будучи в пределах самой Римской Империи, у дверей, так сказать Италии, естественно должныствовали гораздо прежде сообщить писателям свое собственное название, которое в отношении времени к соседям их римлянами, обнаружилось довольно поздно (только с VI столетия), а в отношении к прочим европейским народам, всех прежде (уже с VI столетия).

Иорнанд принял в образце своих близких соседей (он писал в Раввене, что в Италии, около 551 года), крайцев, коих мы станем впредь называть настоящим их названием — *словенами*, с коими он сравнивал другие, так называемые славянские племена; по сродству с ними, он причислил к ним и живущих вблизи их хрватов Кроации, Далмации и Славонии и сербов Боснии и Сербии. В последствии времени против воли самих хрватов одной части их земли прилеплено историками и дипломатами название славянов (Славонии). В дунайской Венгрии (Паннонии) обитали самые словене, в северо-западной же Венгрии до Моравии словене же (Словаки). Австрия, Штирия, Каринтия, Краина, Истрия суть области словен. Вот славяне

настоящие Иорнанда и Прокопия. Что Иорнанд сказал, что словене простираются от страны Румынской (римских поселений в Банкате⁴⁶, Трансильвании, и части Валахии, т. е. от волохов) и нового города, ими построенного, простираются к северу до Днестра и Вислы, то ясно доказывает, что он причислил к словенам на юге хрватов и сербов, на север же, за горами Карпатскими, часть чехов-моравлян, часть поляков и частицу россов. Сродство сих народов с словенами, незнание тех мест и собственных названий сих народов легко ввели его в подобное мнение.

Сами византийские писатели в своих известиях о славянах именно указывали на одних только на вышеупомянутых настоящих и мнимых словен. О россах же они бредили долгое время именем скифов, роксолан, а наконец настоящим их именем.

Франки прежде всех познакомились с сими словенами, во время их походов в Италию против лангобардов⁴⁷, с коими они жили смешаны до самой Венеции. После завоевания бойев (немецкого племени — т. е. баварцев) Карл Великий проникнул по Дунаю в самую Австрию и часть Паннонии, в коих нашел опять словен, еще один и тот же народ, с коим познакомился в Северной Италии. Спустя, далее к северу, покорив немецкое племя на Восточных берегах Рейна, опять встретился около реки Сали и Елбы с народом, коего язык был похож на словенский. Это были германские сербы и северные варяги. *Егингард*⁴⁸, статс-секретарь императора, распространял название словен из-за Дуная и на всю часть Германии до самого Балтийского моря, коего жители показались ему им единоплеменными, в чем поддержать его могло обстоятельство, что сии народы имена свои имели преимущественно оканчивающиеся на -слав.

Может быть, он бы нам оставил полнейшие сведения о сих соплеменниках словен, если бы Карлу удалось проникнуть во внутренность оных, но император, добившись посреди их до Елбы, из-за сей реки встретил сильное сопротивление; он довольствовался, для обеспечения своих новоприобретенных саксонских и славянских

владений по ту сторону Елбы, выстроить по сей реке укрепленные места, между коими был главнейшим Гамбург. Егингард оставил нам только некоторые местные или частные названия варягов.

Адам Бременский следовал Егингарду (саксонцы во франках, своих обратителях, имели и наставников), он отверг нарицательные названия сих племен венедов, вандалов, свеннонов, квадов и проч., прилагаемые им древними, и дал им, однако им чуждое, имя словен. Адаму, как древнейшему, последовали и Гельмольд, и все средние и новейшие писатели западные.

Замечательно однако, что простой народ немецкий, не следуя сему нововведению писателей, продолжал всегда и еще продолжает называть их *вендами*. Что же имя славян есть нарицательное, т. е. чуждое германским единоплеменникам словен, ясно видно из очной ставки Нестора и Адама и из естественности самих обстоятельств. Все славянские племена называли себя с самых незапамятных времен своими собственными именами: варяги — варягами, чехи — чехами, сорабы — сервами, россы — россами, словене — словенами и проч^{<ее>}.

Еще замечательно, что Нестор, вопреки Иорнанду и Адаму, коим он не имел случая следовать, в свою очередь, начиная с ближайших варягов, подобной ошибкой, как и сии писатели, имя варягов распространяет и на соседних их сервов, чехов, паннонцев, хорватов и сербов, т. е. от Балтийского моря до земли Волошской.

Еще замечание: византийцы, а преимущественно Константин Багрянородный, по мере новых открытий на севере единоплеменных римским словенам народов, получили повод к странному заключению, что сии народы суть выходцы словен. Отсюда произошла басня в Средние времена, что три брата Лех, Чех, Рус, из Славонии вышли, основали три Царства по их именам. Нестор, пользовавшийся византийскими писателями, в сем отношении наследовал ошибку Константина, будто словене переселились из земли настоящей словенской, а именно из гор Норика, во все обширнейшие страны, занимаемые так называемыми славянскими племенами.

Не решусь обвинять сего почтенного старца; не могу однако не заметить, что взглянув на весь объем славянских племен, этого переселения славян во все стороны из гор Норика никак понять нельзя. Если же под этим подразумевать должно: первое происхождение и постепенное размножение славян, то это относится должно за 2000 и более Рождества Христова, о чем однако ни Константин, ни Нестор, ни кто либо другой ни малейшего понятия иметь не мог. К сему *норцы*, или *норицы* (Norici) не есть особенное народное имя племени Иафетова, это суть *словенцы*, называемые так римлянами потому, что жили в стране известной под именем Норика. Начало же сего названия гораздо моложе самих римлян. Кроме сего, подобное переселение противно свидетельствам истории и самой естественности, по коим северные народы по внутреннему побуждению всегда толпились в стране более теплой, плодородной, т. е. к югу.

Явно, что сие переселение есть пустая выдумка, или лучше сказать, странствование одного только имени *словен*.

Итак, вся причина, что Нестор россов называет славенами, состоит в том, что он повторил, будто бы они переселились в Россию с Дуная.

Итак, название славянских народов есть чисто химерическое; росса таким образом и тем же правом можно назвать чехом или сербом, как и славеном, или как хровата назвать болгаринном, поляком, или варягом. Беда состоит в том, что просвещение распространялось с юга, и словене взяты в образец сравнительный. Я уверен, что если бы судьба просвещению назначила другую дорогу, например из Сибири, и если бы тогда взяты были в сравнительный оборот россы, тогда бы все народы сльвущие ныне под именем *словенских*, были называемы российскими или русскими.

Вторая беда в том, что всем этим однородным, но различным племенам надобно было дать одно общее или родовое имя. Кажется, судьба назначила для оногo *словен*.

Итак, сие имя как общее есть новейшее, и существует только в тех головах, кои

более просвещены, и умеют делать различия между родом и видами. Напротив, если назовете в глаза русского или чешского мужичка славянином или татаринном, ему покажутся оба непонятными. Наконец скажу, что несправедливо говорится, что все виды произошли от славянского народа. Словене такой же вид составляют, как и россы или сербы. Посему невозможно сих словен или славян брать за род; они также должны происходить от какого-то древнего народа, как и прочие виды тоже. Посему спросить надобно: откуда или от какого народа происходят сии виды: россы, варяги, чехи, поляки, словене или славяне, хрваты, сервы, болгаре? Никто не знает и никто не скажет как назывался тот народ, бывший еще в своей целости, а после распавшийся на вышеупомянутые колена. Не менее не проницаемо, где, когда, и какими причинами он раздробился на сии части. Все что сказать можно, не скажу достоверного, но по крайней мере не заключающего в себе противоречия, есть, что сие относится к отдаленнейшим временам древности, к тем, когда род человеческий только возрос, что ветви его уже должны были дать новые отрасли (ветви).

Отсюда следует, что название древнего славянского языка должно исчезнуть. Посему язык церковный не есть славянский, а именно того народа, для которого церковные книги были переведены. Нельзя тоже сказать вообще «славянский язык», ибо это относится только к наречию римских украинцев, посему должно сказать лучше: славянское наречие, но если его и назвать языком, то оно не должно выходить из своих пределов; тогда славянский русский язык, сербский, болгарский будут относиться к древнему, коего не знаем названия, как виды к своему источнику.

Из всего следует, что при исследовании исторического начала их видов нельзя прибегать к славянам, тоже к виду, но следовать в древность за собственными их названиями, пока их следы будут заметны, в противном случае ваяться за критику и добиваться под каким из нарицательных оно сокрыто продолжается к своему источнику; так например мы видели, что россы на-

зад от IX столетия слыли роксоланами, антами, там далее скрывались под венедами, сарматами, а наконец под скифами.

Название же славян служит только для объяснения истории своего собственного вида. Но впоследствии оно сделалось общим у историков и другим несколько видом, то нужно подразумевать под ним тот вид, на коего страной оно носится, так, например, в Иллирике и Дардании означает сербов и хрватов, в Германии варягов, сервов, иногда чехов и в Молдавии и Валахии, россов.

Ныне, поелику этнографам нужно общее название всех видов, и как оно принято в сию должность, в коей утвердилось употреблением общим, и не имея другого, коим можно бы заменить оное, оставит его в нынешнем его значении.

Итак, что касается мнения о переселении или пришествии славян в 5-ом столетии в те страны, где они в первый раз появились, или сказать надобно, нмя их появилось, иначе его понять нельзя, как только что одно ошибочное предположение, которое никакого поддержания не может иметь со стороны истории, ни самой критики, как сам Шлецер заметил и что явствует из вышесказанного до сих пор.

Замечу только еще, что писатели взяв мнение, что разные виды заключаются в одном из них, а именно словенском, при изыскании их происхождения и первых исторических начал не могли не попасть в еще страннейшие мнения, и что еще удивительнее, только с появлением настоящего имени того вида. Разумеется, что таким образом нельзя ожидать от исследований полного представления исторической сущности. Таким образом, в истории делается великий ущерб, отвергнув исследовать начало каждого из видов в особенности, и бросаться к другому и с половины течения коего (с 11 века) начинать объяснять происхождение обширнейшего народа (т.е. всех видов Слав<янской> Вселенной).

Если станем исследовать следы нынешних европейских народов с IX столетия, с коего только стал озаряться север, обратно в древность, то все наши изыскания не могут дальше распространяться, как до тех

пор, когда римляне стали выходить из пределов Италии.

В недостатке пособий для дальнейших исследований, все, на что остается обратить внимание, суть языки, как существенное, живое свидетельство сродства народов между собой, ибо в них заключается, как замечено выше существенная черта народности; различие языков есть то же, что и различие народов.

В сем отношении, однако, нельзя, и безуспешно было бы делать сравнение одних слов, как делали до сих пор, ибо чисто сло-

ва двух сродственных наречий не сходны между, и напротив есть слова двух языков, небом и землею различных между собою, почти одни и те же. Так, например, в венгерском есть множество русских слов, в волошском много слов славянских, или, лучше, болгарских, между тем как различие сих языков огромное. Слова принимаются в чужой язык обстоятельствами, где они, получив право гражданства подвергаются его законам или правилам изменений. Вот пример: Сено, по-венгерски Сейно (Szena).

Род.	Сена.	Сейнае	образую:	абраволок
Дат.	Сену.	Сейнанак	---ещь:	---золс
Вин.	Сено.	Сейнат	----ет:	----зол
Твор.	Сеном.	Сейнавал и проч.	---ем:	---золунок
			---ете:	----золток
			---ют:	----золнак и проч.

Итак, сродства между языками искать надобно не в сходстве слов, а в сходстве их устройств. Здесь заметить нужно, что сие устройство языка на следующие отношения разделяется.

1-ое. Тождество грамматических форм, и слов, есть один и тот же язык.

2-ое. Перемена грамматических форм и слов, однако, небольшая разделяет язык на два наречия.

3-е. Различие грамматических форм и слов составляет два различных два различных языка, но по тождеству устройства между собой сродные.

4-ое. Различие в словах, грамматических формах и устройстве языка составляет удаление между языками себе совершенно чуждыми.

Сообразуясь сим замечанием можно бы составить родословную рода человеческого, взяв в параллельное сравнение все существующие языки.

Здесь заметить надобно, что устройство языка состоит в первых чертах оно, на коих могут основываться различные грамматические формы, хотя бы слова совсем различные, что составляет два языка. Посему языки, хотя различные между собою, будут сродными, если основные черты их суть один и те же.

Поелику же черты сии основные могут быть почти только в 4-х переменяемых частях речи, то они не могут быть многочисленны.

Мне ни время, ни цель моего предприятия не позволяют здесь распространяться в рассуждении языков; но как дело касается славянского, не могу обойтись, чтобы не заметить следующее.

Европейские языки, или Яфетидов, составились на одних и тех же основных чертах. Этого иначе понять нельзя, как только в сравнении с другими языками, коих основа есть другая. Я возьму в пример из предела Симова, а именно некоторые языки Азин: венгерский, турецкий, башкирский, бухарский и мешерский. С другой стороны возьмем: славянский, греческий, латинский и немецкий.

1-ая черта азиатских <языков> состоит в том, что они (азийцы. — Ю.К.) не имеют понятия о роде мужском, женском и среднем. Посему у них одно только общее склонение, между тем как европейцы, разделяя все имена по их окончаниям, разделяют их и на разные склонения, почему подается повод к различным переменам, откуда происходит различие в формах грамматических, по сему и прилагательные у них (у азийцев. — Ю.К.) не склоняются.

2-ая: <азийцы> притяжательных местоимений не употребляют, но для означен-

ния принадлежности прибавляют к концу владеемой вещи одну букву или целый слог.

3-ая: <они> <в> место предлогов, употребляемых европейцами, имеют залог. <...>

4-ая. Что <у них> одни и те же глаголы спрягаются двояким образом; одно их спряжение употребляется, когда действие означает неопределенно, т. е. не указывая на предмет оно; второе, когда предмет действия определен. Сему закону подвергаются глаголы, преимущественно действительные.

На сей же основе рождаются различные изменения или формулы, кои обыкновенно называются правилами грамматики.

Еще менее покажется сродство европейских языков, если сравнить их с восточными, африканскими и прочими языками.

Отсюда следует историческая аксиома, что европейские языки имеют одно свое происхождение. Итак, например, славянский и греческий, хотя суть два различные между собою языка, однако они сродные; между тем как греческий и турецкий суть не только различные, но и совсем чужие.

Сим оправдывается космографическое разделение мира между тремя сыновьями Ноя: Симом, Хамом и Яфетом.

Каким образом разделились между собою европейские языки, нельзя угадать прямо; по крайней мере, каждый проницательный филолог-философ, имеющий понятие о постепенном образовании языка, может коснуться самых вероятных причин.

[2. О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОССОВ В ОСОБЕННОСТИ]

Ad. G. D. O. M.

Россы

Рассмотрев вкратце, что можно было сказать о славянах вообще, мы теперь приступить должны к решению главной задачи, или спорному вопросу о происхождении росссов. Мы видели уже явно, что одна из важнейших отраслей огромного народа, названного славянским, суть россы, что сии россы никогда не называли себя славянами, что имя росссов есть их собственное, подлинное, что название руссов есть выдуманное, химерическое, посему народ называемый собственно руссами, никогда не существовал, что сим именем западные иностранцы называют росссов.

Но чтобы сообразиться с духом доказательств, приводимых противною стороною, начнем всю нить, прерываемую до сих пор особыми статьями, опять с самого начала.

Первая зацепка Шлецера состоит в том, что <он> искаживает название росссов на руссов без всякого права, и без малейшей на то причины. Первое: что за дело россиянам, что их западные иностранцы называют: *Rusai*, *Russei*, *Russen* или еще *Reuszen*? Что за дело французам, что ино-

странцы их называют: *Frantzozze*, или *Френче*? Но если угодно было Шлецеру предписывать росссам называться так, как их называют иностранцы, то почему им не называться еще и *Райссами*, или *Россеати*, потому что немцы <и> французы их еще так называют? Но Шлецер был иностранец, ему можно было утверждать, что захотелось; но удивительнее то, что некоторые из отечественных молодых писателей, истинно отличных талантов, не имели предосторожности чтоб не обмануться учительскою важностью критика-педанта, в введении на сцену истории выдуманного народа руссов, о коих история ни малейшего понятия не имеет.

Но может быть скажут толкователи, кои часто Нестора заставляют говорить и думать, чего им хочется, что Нестор говорит именно о руссах. Скажем: Нестор нигде не говорит о руссах, а иногда употребляет название земли вместо имени самих жителей ее, т. е. Русь вместо росссов. Но мы видели выше какое различие между русью и руссами. Поэтому здесь нет ни малейшей причины для поддержания мнимых руссов.

Но скажут они еще: *Россия* есть нововведение митрополита Макария, до коего употреблялась *Руссия*, *Русия*. О сем уже сказано выше; прибавлю еще, что *Русия* есть латинизованная *Русь*; она употреблялась большею частию в той части Руси, которая, будучи подвержена полякам, приняла было Унию, и что сие название введено или, лучше сказать, употреблено только теми, кои вкусили латинского языка. Посему сие название есть произвольное произведение некоторых лиц, и противно народному, ибо исковеркано из природной, *Руси* по свойствам чужого языка. Итак не *Руссия*, а *Русь* употреблялась до введения *России*.

Итак, *Русь* есть настоящее древнее и народное название отечества *россов*. Сие простое, коренное собственное название народа часто заменяемо было производными названиями от *Руси*: русин, русак, русьский. Впоследствии сии русские умножили название своего отечества: именно из коренного своего названия образовали на латинский образец *Россию*, которая родила нам *россиян* и *российских*.

Еще: критико-судейская максима есть, что: *собственное призвание превозмозгает сто свидетелей*. Для чего же вводить неслыханных *россов*, когда сам народ себя называет *россами*? Кажется он не докричался до ушей толкователей, — кажется они его не расслышали между многими производными названиями.

Еще: народы, с коими россияне имели тесную связь и сношения, удержали и по сию пору собственное имя *россов*. Это суть:

1-ое) венгерцы (угры, мадьяры), некогда жившие посреди *россов*, с ними вместе завладевшие Паннонию, Дакию и ныне еще называют, как своих карпато-россов, так и самих россиян *О-Россами* (единств. *О-Росс*, множеств. *О-Россок*). Не понимаю как мог Байер сказать, что венгерцы называют *россов* *франками*^{xii}. Он выводит это из Словаря Алб. Молнара. Сей уче-

ный был венгерец, я уверен, что он подобной лжи никогда не сказал; и хотя бы сказал, то каждый венгерец ответил бы ему: *неправда*.

2-ое) Греки во все горло называют русских *россами*.

3-е) Некоторые из татарских племен тоже.

4-ое) Поляки сами, между тем, как по латыни называют *Russi*, *Russia*, на природном же языке: *Rotogiane*, *Rossya*. От чего же так? Ибо это свойственнее производству слов славянского языка. Кажется, если бы мы имели исторические памятники варягов, то бы верно и у них нашли название *россов*.

5-ое) Арабы.

Название же *Russia*, и отсюда *Rush*, чрез посредство латинского языка перешло только к отдаленным народам западным, с коими *россы* не имели никакой особенной связи, следственно коим *россы* были менее или совсем неизвестны. *Ergo...*

Вторая зацепка Шлецера, состоит в том, что разделяет *россов* на два различных народа, на южных, т. е. прилежащих к Черному морю, или черноморских, и северных, прилежащих к Балтийскому, т. е. балтийских!! И заставляет Нестора не знать этого!!! Не явная ли это клевета? По его мнению, черноморские были славянского племени и известные грекам еще до Рюрика. Северных же *россов* он выводит в *Россию* из Швеции для того, чтобы новгородские Славяне получили от них название *россов*, тогда как славяне черноморские давно уже сим именем назывались!!!

1-ое. Шлецер должен признать, что новгородские славяне суть единоплеменные с черноморскими *россами*. Если так, то возможно ли, чтобы новгородцы, должныствующие переименоваться в *россов*, заимствовали сие название не от своих южных соотчичей, а от от народа заграничного, иноплеменного, никогда не существовавшего под сим именем?? Для чего, и позволительно ли выводит <он> такой народ (*россов*) из Скандинавии, о коем история совершенно ничего не знает? С каких пор и по какому правилу критики уполномочен он заменять глубокое молчание истории

^{xii} Vid. <Bayer G.S.> О происхождении Руси // Comment<arii> Acad<emiae> <Scientiarum Imperialis Petropolitanae>, 1735. Tom IV. Pag. 59.

своими выдумками? Неужели это не значит высасывать из пальца?

2-ое. Новгородцы никогда не называли себя славянами, или словенами, именем, которое есть собственность адриатских украинцев, что доказано выше. Что Нестору угодно было их с начала так назвать, это не включает в себе никакого затруднения. Какое же их народное название? Если они должны были принять название россов от чужого народа, то были ли, могли ли быть они безыменными? Для чего же заставлять их принимать название от иностранцев которое именно есть их необходимая принадлежность? Почему не должны и они называться еще до Рюрика тем же именем россов, коим назывались их южные собратья?

3-е. Еще страннее способ, коим у господ толкователей народы меняются языком и названиями, сливаются, переливаются в разные, особенные породы, переселяются, стесняются, выталкиваются, старые исчезают, а новые неслыханные появляются, и все тому подобное, что только может мниться, сниться историческим воображением. Шлецеру и его последователям угодно было думать, что новгородцы получили свое название от завоевателей. Каким образом, увидим:

«По простому заключению видно, что победители северных племен, варяги, ... должны жить на Севере; победители южных, козары, на юге^{XIII}».

^{XIII} Просто заключать не всегда можно, а в сем случае оно странно и даже смешно. Почему варяги должны жить именно на севере для того только, чтобы прибыть с флотом к берегам Финнии и Естонии, и завладеть торговлею оных? Неужели подумает автор, заключая просто, что англичане живут в Африке, потому что они завоевали Гибралтар, Мальту, некогда мешались в дела Сицилии, или что обитают где-нибудь под Южным Полюсом потому, что завоевали Южно-Африканские и Южно-Азийские берега? Что козары жили на юге, что естественно, ибо их жилища именно означены историками, к сему они не морем приезжали в Русь, с коей они граничили. Впрочем мы видели, что <варяги> точно жили Севере, но, однако, не там, куда метит автор (в Швецию).

На севере, справедливо замечает Н.М.Карамзин (том 1, стр. 46), не было в то время другого народа столь сильного, который бы мог завоевать всю обширную землю от моря Балтийского до Ростова, кроме норманнов^{XIV}.

Еще в жизни славного проповедника веры Христианской в Швеции, Анггария, сочиненной Римбертом (+888), сказано: датчане осадили шведский город Бирку, градоначальник Геригер, христианин, предложил им предоставить жребию решение, угодно ли богам разорение ими сей страны; они не могли противиться, потому что таков был у них обычай; опыт сделан, и жребий решил, что боги не хотят того; испытывали после, какой город должен быть разорен, и жребий пал на город славянский^{XV}.

Действительно, норманны были в это время ужасом для всех приморских стран Европы. Могли ли они оставить в покое ближайшие к себе берега летские и сла-

^{XIV} Сколь справедливо заключает автор за Историографом, предоставляю рассудить истинным знатокам истории сих сторон. Не стану спорить *pro et contra*, ибо все менее уже показано выше: стоит еще открыть истории всего не Российского Севера, и рассмотреть критически все соотношения между собою сих народов, тогда ясно покажется, сколь несправедливо вышеупомянутое заключение. Только еще прибавлю, что в эту эпоху ни малейших следов нельзя отыскать того величия у норманнов, какие находим у варягов.

^{XV} Сие ни мало не доказывает могущество норманнов. Свидетельство походит на сказку; странно, что датчане осадив так легко приняли предложение оставить город. Что же хочет разуметь автор под городом славянским? По видимому он метит на Россию, что однако нельзя допустить, ибо древним саксонским, датским и шведским историкам она была известна большею частию под именем Греции, или *Осторгардии*, или *Гардарикии* или наконец России. Город же славянский исключительно относится к берегам Балтийской Славонии (т.е. к варягам), по коим много было городов. По сему-то: 1-ое. Нестор ничего не знает о сем нападении на славянский город, ибо оно метило не на Россию. 2-ое. Хотя бы и метило на Россию, Нестор не знает об нем ничего, ибо оно не исполнилось. 3-е. Все сие свидетельство одна выдумка Римберта.

вянские? Справедливо спрашивают Шлецер, Тунман и Карамзин^{XVI}.

Вот главная причина и вместе доказательство у толкователей перехода норманнов в Россию! Именно: «Норманны были в это время ужасом для всех приморских стран Европы» (!) Ужасное изречение; кажется, толкователи слишком перепугались; надобно уменьшить сей ужас; по-видимому, он слишком увеличен воображением, ибо англичане, кои столь могущественные мореходцы, какие только могли до сих пор существовать, все же не суть ныне ужасом для всех приморских стран Европы. В то же время владыками Средиземного моря были могущественные и просвещенные моряки, от коих мы переняли нечто доброе, между прочим и названия: адмирал, арсенал и проч. *Аравитяне*. На Балтийском же, как мы видели выше, господствовали предприимчивые *варяги*. Вся опасность состояла в том, что на море, лежащем между Англиею, Норвегиею и Даниею появлялись иногда корсары, т. е. частные разбойники, которые часто тревожили приморских поселян окружающих берегов. Но они никогда не были многочисленны, например, чтобы приходили с флотами и высаживали бы на берег войска, они приходили только на небольших ладьях, из коих выбегали на берег десятком, дюжиной, или положим — полусотней в ближайшие деревушки, чтобы захватить чего-нибудь доброго; правда, что дети, бабы и все боязливые люди ужасались их, чтобы их не вырезали, за то мужчины собравшиеся из целого одного или больше селений, побивали или выпогнали их туда назад откуда пришли. Но откуда они приходили, какой народ, никто не знал, даже и сами толкователи. Очевидно, что подобные лакомые удажды могут вызваться в каждом народе. Те, которые беспокоили берега Франции лучше всего могли выходить из Англии, или от голландских (тогда саксонских) и датских, и может быть норвежских берегов, а больше же всего склонные были к этому ремеслу варяги, коих даже народное имя во Франции превратилось в название разбойников.

Тогдашние писатели (разумеется, весьма не многие), не имея понятия о сих наездниках, без разбору называли их *северянами* (норманнами). Под сим названием главную роль играли без сомнения варяги, кои не только что проникали посредн чуди, в Северную Русь, но и в самую

Швецию, Данию, к голландским, франкским и британским берегам, из коих вывозили все добро в свою отчину, которая по сему некогда так изобилвала всем, что писатели сей города не могут иначе сравнить как только с Константинополем, Карфагеном, Коринтом и Афинами. Сие подтверждает сам современный очевидец Адам, говоря что столица варягов изобилует добрами всех северных народов.

Но как толкователи под именем норманнов разумеют в особенности датчан и шведов, то еще явствует, что не только что Европа не имела от них ничего опасаться, но напротив они сами должны были ту же самую участь испытать от варягов, какую испытали чужь, новгородцы, кривичи.

Нельзя, однако, все приписывать варягам. Датчане и англо-саксонцы в свою очередь вылезли на беззащитные берега Британии, в которой поселились и по сию пору и из которой через канал нападали на берега Франции под названием норманнов. Но чтобы они, или шведы имели подобное влияние на берега летские и чудские, осмеливаюсь вышеупомянутым почтенным ученым противоречить категорически, именно: 1-ое. Постоянное владение сих берегов принадлежало исключительно варягам. Которое было такого роду, как англичане в Азии или Америке. 2-ое. Временные нападения, т. е. разбой и ограбление их, воспрепятствовали бы сами же варяги, коих главное занятие была торговля, а не разбой исключительно, и кои во всем гораздо были опытнее и просвещеннее вышеупомянутых народов.

Итак, нечего было ужасаться от норманнов, кои совсем не касались русских берегов, как видно из обстоятельств и из глубокого молчания Нестора. Да и прочие части Европы тогда не норманнов должны были ужасаться, а от других *черных*, и храбрых африканских наездников, кои уже завладев Испанию, ворвались во Францию, опустошали все приморские страны горной Европы, и в состоянии были отправиться из Италии и к берегам Франции, Англии и Дании. *Ergo...*

Они утверждают по-своему, что от варяго-россов новгородские словене приняли название русских, в замену чего они дали им свой язык! И так шведы превратились в славян, а славяне в шведов!! Необыкновенное явление, чудесное превращение!

Мы видели, что:

1-ое. Новгородцы не имели нужды принимать название, которое именно, собственно было их.

XVI <Погодин М.П.> О происхождении Руси. — М., 1825, с. 26—27.

2-ое. Хотя бы в самом деле были завоевателями их предполагаемые руссы, то они не могли бы принять их названия, ибо невозможно было бы им отбросить свое собственное. Собственное название есть неизгладимая печать в самом существе народа; оно долговечно вместе с языком, с коим оно сопряжено неразделимо. Нет примера, где бы побежденный народ принял название не только иноплеменных своих победителей, но и единоплеменных. Несмотря на малое различие народности между поляками и малороссами, несмотря на продолжительное время более 500 лет, в которое они последние испытывают непосредственное влияние первых, все же они продолжают называть себя русскими, ибо все продолжают говорить своим языком. Лужицкие (лузицкие) и майсенские сербы в Германии с давних времен побежденные, окруженные и смешанные с немцами все продолжают и ныне называть себя *сервами*, ибо теплится еще между ними их язык. Краинские и каринтийские словене, несмотря на то, что в продолжение более 800 лет суть под владычеством иноплеменников, что они уже давно только одну чернь составляют, и не смотря на все старания немецких и итальянских князей их перенародовать, все таки они продолжают называть себя *словенами*, *словенцами*, вместе с языком их довольно испорченным. В XIII столетии выведена из Саксонии в Трансильванию венг<ерским> королем Велю IV колония посредн венгерцев и волохов, которая не только что <не> лишилась имени своего и языка, но еще увеличилась ныне до порядочной области. В продолжение более 900 лет в Венгрии существует беспримерное смешение народов; большая часть селений ее составлена из разнородных обитателей, там найдете, что в одном живут мадьяры (венгры), сербы, и волохи; в другом: русские, мадьяры и волохи; там опять русские, мадьяры, и словаки, те или другие большинством. Но подумаете ли, что в сие столь долгое время произошло смешение, или потеря языков и названий? Ни то, ни другое. Венгерцы продолжают называться *мадьярами*, россы русскими, волохи, называемые так целым

миром, по прежнему Румуна с их языками, нимало не поврежденными, целыми, отличными. Армяне и греки, живущие одними только семействами в областях Российской и Австрийской Империй, Бог знает с каких пор, удерживают за собою и язык свой и название. Шлецер однако приводит пример, что немецкий народ франки завоевали Францию и сообщили свое название и стране и жившим в ней народам: «Галлия прозвалась *Францшею* от своих победителей германских франков; однако же побежденные удержали свой язык, который смешался только с языком победителей»^{XVII}. Таким же точно образом новгородские *славене* получили новое название от своих победителей (*руссов*, т. е. шведских норманнов)^{XVIII}. Надобно полагать однако же, что последних было очень не много по соразмерности; ибо из смешения обонх очень различных между собою языков, не произошло никакого нового наречия^{XIX}. Одни

^{XVI} Галлия правда назвалась от франков, которые однако не были ни немецкий народ, ни нашедший на Галлию. Мы видели уже, что франки название суть случайное, происшедшее в самой Франции, подобно названию козаков. И еще скажем напротив, что после завоевания франками древней Саксонии и присоединения оной к Франкской Державе, западная часть оной, прилежащая к Рейну, и более испытывавшая влияние франков, долгое время носила название Франконии, или Франконского округа. Впрочем и вся Германия во время владычества над ней франков, иногда называлась восточною Франциею, потому именно праву, по которому Южная Россия называлась Польшею.

^{XVII} Мы видели, что новгородцы не принимали названия россов. К сему, сие подтверждают слова смого автора, утверждающего, что таким же точно образом, новгородцы, называвшиеся *россами* получили название от норманнов, называющихся *Свенскимен* Сверике (т. е. шведами, как жители Галлии, называющиеся, по низвержении ига римлян, на своем языке франками т. е. вольными, независимыми (по франц. *franc* вольный) от немцев, называющихся или *саксами*, или *бойями*; то есть: не принимали ни те, ни другие.

^{XIX} Странно еще и то, что сам автор говорит, что победителей новгородцев «было очень не много». Как же могли быть эти немногие

только скандинавские имена людей держатся довольно долго...»^{XX}.

Итак, новгородцы не принимали названия россов. Правда, что можно бы назвать некоторым образом победителями варягов, но за то и от них не могло перейти оспори-ваемое название, ибо они были *варягами*, точно так, как шведы шведами, а новгородцы *россами*.

Как же шведы называются? Нестор отвечает: *свеи*, а толкователи: *варяги* (!!). Не от того ли шведы дали имя россам, что Нестор их называет свеями? Не от того ли норманны сделали завоевателями Руси, что Нестор их не называет варягами, а свеями?? Для чего же смешивать три различные народа в один, те народы, коих Нестор именно отличает один от другого? Какой благоразумный критик станет подразумевать шведов, где летописец говорит о варягах? Кто бы вздумал подобным образом подразумевать под немцами например турок?

Итак, не нужно было Шлецеру заводить ложным объяснение на счет принятия нов-

пришельцы победителями надутых новгородцев, которые во все горло кричали: *Кто против Бога и великого Новгорода?* Неужели автор думает, что в жилах этих... руссаков текла капустая юшка? И от этих многих победителей должны принять имя, коего они сами не имели?? К сему, Нестор ни зги не упоминает о победителях, он ясно сказал, что новгородцы послали за море, чтобы пригласить к себе управителя. Это ли значит победителей? Это ли значит объяснять Нестора? Еще: если автор понимает под норманнами и скандинавами шведов и норвежцев, то для чего употреблять эти названия в толковании Нестора, который определеннее и свойственнее говорит, указывая именно на шведов и норвежцев (*свеи* и *урмане*)? На вопрос, куда посылали новгородцы, Нестор отвечает: *к варягам к Руси*, а толкователи: *к шведам!!!* Пусть же благоразумные и беспристрастные читатели рассудят о способе толковать гг. критиков, — мне только остается прижать плечами. Кажется, что вся беда в том, что Нестор сам не растолковал им яснее полуденного света.

^{XX} <Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. — СПб., 1809. Ч. 1.> С. 343 (прим.).

городцами названия россов, ибо оно ни не случилось, ни не могло случиться. (Главная цель Шлецера и его сподвижников была, как кажется, чтобы доказать, что Рюрик, Синеус и Трувор были шведы. Для доказательства сего их ложного предположения, они все изворотили вверх дном, и сего своею галиматеею отуманили начало Российской Истории, и заставили Нестора противоречить самому себе.)

Доказательства сему они приводят:

А. Утверждают, что на Севере тогда не было народа могущественнее норманнов; и что Нестор их разумеет под именем варягов.

Мы видели ясно, что Нестор под именем варягов не разумел, и не мог разуметь норманнов, коих он называет определенными их названиями *свеев* и *урман*. По сему ведь доказательства в пользу шведов должны быть отвергнуты.

Что же касается до их могущества, то *vid. <...>* Итак, здесь ничего нет в пользу скандинавов.

Б. Новгородцы имели дело с варягами, Нестор употреблял весьма часто за частицу, напр<имер>: *«изгнаша Варязи за море»* или *«имаху дань Варязи из за-морья»* или *«идоша за море к Варягам к Руси»*. Толкователи весьма простодушно заключили, что эта заморская страна есть Швеция. Но Нестор вопреки им говорит, что россы, если отправлялись за море, то это было в Варягию, *«идоша за море к Варягам к Руси»*. Этот путь в Варягию нельзя иначе назвать, как *заморским*, ибо сойти на берег в Эстландии или Новгородской области на корабль, отправиться морем, и выйти на берег в Воллине, или Винете, нельзя иначе сказать, как *идти за море*. Мы видели у Адама, что из Воллина или Винеты больше и чаще всего плавали к Новгороду, и вообще уже знали в сколько дней можно туда прибыть. Сие же самое видим из Нестора, что варяги часто приходили из заморья, а русские часто туда отправлялись. <...>

В. Еще одно место из Нестора объяснено следующим образом: *«И наконец на-яснейшее свидетельство... идоша за море к Варягам к Руси: сие бо ся зваху тыи Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свеи,*

друвиши же Оурмане, Анъгляне, другие Гете; тако и си. Для ясности приложу здесь перевод: пошли посланные за море к варягам руси, — так сии варяги назывались русью, как другие свеями и проч., очевидно исчисляются здесь народы единоплеменные. Итак, варягами, Нестор ясно называет ...шведов, ...норвежцев, ...англичан, ...готландцев»^{XXI}.

Quot carita, tot sensus. Хотя угодно было г. Погодину привести объяснительный перевод текста Несторова, я однако с ним не могу быть согласен, ибо он тексту не приносит никакой ясности, именно: варяги и россы или *Русь*, хотя единокровные, но совсем различные между собою народы, по словам самого Нестора, ибо варяги были завоеватели, а россы завоеванными. Г-н переводчик же не объяснил к кому именно пошли посланные за море, к варягам ли, или к россам (*Руси*). Здесь же надобно определить к кому именно сие посольство метило, ибо к обоим сим народам оно не могло случиться потому, что заключает в себе противоречие.

Но что за народ был эта заморская *Русь*? Мы видели ясно уже выше <...>, что множество россов, а именно новгородцев, псковитян и кривичей отправлялись за море в *Варягию* в *Воллин* или *Винету*⁴⁹, или в другие ее города или места сообразуясь с их видами. Преимущественно же они наполняли пышные столицы варягов *Воллин* и *Винету*, где они, пользуясь тесною связью с варягами, и предоставленными им преимуществами, проживали иные целую жизнь иные же больше или меньше времени, имея, однако непрерывные сношения с родиною. При этих обстоятельствах не могло не случиться и кровной связи между единоверными и единокровными россами и варягами.

Этих-то россов уже во время Христианства Адам, заметя при богослужении обряды Греческой Церкви, назвал греками, и ту самую страну, откуда они выходили (*Россию*) Греднею; Адаму последовали и иные летописцы северо-запада, пока не узнали *Россию* определеннее.

Посему не без причины находим у Нестора, что пока варяги были на ногах самостоятельности, пока они продолжали являться в *Россию*, т. е. пока продолжалась между ними и россами связь, так часто ехали за море и приходили из заморья.

Нельзя, однако, предполагать, что одни торговцы ездили туда; напротив, много знатных и богатых русских фамилий, не исключая самих князей или членов оных ездили туда для препровождения времени, наслаждений, или других каких-либо видов и причин. Можно так же найти кровный союз между русскими князьями и варяжскими. <...> Достоверно, однако, что не все, или, лучше, совсем не многие из них замечены летописцами иностранцами-иноплеменниками. Посему нельзя сомневаться об их существовании, хотя они вместе с подробностями варяжской истории преданы забвению. Кажется, что никакого народа история не может объяснить древнюю русскую, как варягов (*Балтийской Славонии*).

Итак, *Русь* или россы заморские, живущие посреди варягов, суть настоящие россияне, туда переселившиеся, следовательно члены того великого народа, держащего одною рукою *Понт*, а другою *Балт*, которого отечество с незапамятных времен, и во время Нестора, и ныне называется *Русью*. Сии-то россы в последствии времени, при постижении варяжской страны бедствий и разорения, возвратились из *Воллина* на лоно своего отечества и приложили свидетельства исторической истины Нестора и Адама неизгладимую печать, перенесением и приложением к одной области *Руси* название *Воллина* (*Воллин* или *Вольнь*).

Итак, новгородские послы шли именно к *Руси*, а не к варягам. Это показывает самое следствие сего посольства, то есть: «избращася три братия с роды своими, пояша по собе всю *Русь* и придоша». Это весьма ясно.

Что же значит: «Идоша за море к *Варягам*»? Спроситесь. Неужели вы не знакомы с языком Нестора? Мне кажется, что существенное условие и необходимое для переводчика или объяснителя есть истинное познание языка разбираемого текста. Я

^{XXI} <Погодин М.П.> Указ. соч., с. 28.

упомянул уже однажды, что Нестор, по свойству языка часто употребляет название народа, вместо названия земли и наоборот; так например: «*Бе путь из Варяг (вместо Варягии) в Греки (в Грецию); и из Грек (из Греции) по Днепру*» и проч. Далее: «*Темже и из руси может ити ... по Двине в Варяги (в Варягию) из Варяг (из Варягии) до Рима*» и пр. Тоже самое и в «*идоша за море к Варягам*». Как варяги есть не вещь, а лице, которое при глаголе *идоша* пошли, а лице, которое при глаголе *идоша* пошли, поехали требует предлог *к*. Если же Нестор употребил бы название самой страны, то должен бы сказать: *в Варягию*. Что здесь *к Варягам* означает: в Варягию, несомненно, ибо Нестор во всех местах, в конх разумеет страну Варяжскую, не употребляет *Варягии*, а варягов; к сему, посольство не к ним относилось. По сему переводить должно: пошли посланные за море в Варягию к русским.

Не менее буквален перевод и последующих слов Нестора: *аще бо ся зваху* и пр. Нестор при появлении имени Руси в стране чужой, заморской, боялся, кажется, чтобы его не поняли. Он прибавляет тотчас объяснение. Здесь надобно было определить их народность, то есть, сказать к какому они народу принадлежат. В этом случае нужно было сказать: те, к коим шли послы, были, или что лучше, называли себя (ся зваху) русскими. Нестору не угодно было говорить *per periphrasum*, по сему, говоря прямо, надобно было сказать: «*аще бо ся зваху тьи Русь Русь*» (т. е. Русь Русью). Здесь повторение одного и того же имени, по слогу тогдашнему, в именительном падеже, не так ясно соответствовало указанию Нестора. И так надобно было назвать их сперва варягами, потому что жили в Варягии, и чтобы различить их от Руси Российской, а после сказать, что они суть Русь, или, что одно и то же, называют себя русскими. По сему, слово *Варязи* здесь не варягов означает именно, а людей живущих в Варягии, которые сами себя называют русскими. Сие показывает указательное слово *тьи*, что Нестор именно говорит о тех, к которым шло посольство. Это само собою следует, ибо если они были Русь то не были варяги.

Наконец, чтобы означить еще яснее народность русских, прибавляет сравнительные примеры, говоря: ибо так назывались они русскими, как другие (народы) называются: шведы — шведами, урмане — урманями, англяне — англянами и проч^{<ее>}.

Итак, видно ясно, что не только Нестор не называл шведов, норвежцев и англичан варягами, но и о самих собственно варягах не упоминает, ибо приведенных сравнительным примером Нестор не только не означил единородия сих народов с россами, но напротив показал их различие между собою, упоминая их различныя названия.

Приведу параллельный пример Несторову тексту. Известно, что жители Венгрии состоят из разных народов, кои вообще слынут под племенем венгерцев от имени господствующего народа венгров; если же объяснить надобно было бы к какому народу принадлежат тамошние русские, и мы бы сказали сообразно словам Нестора: «*Сиде бо ся зваху тьи Венгры Русь яко се друзии (т. е. народы) зовутся Греки, друзии же Немцы, Турки и друзии Французы*», то кому вздумается заключить, что венгры есть общее название единоплеменных народов: греков, немцев, турков и французов?? Кто скажет, что россы, живущие в Венгрии, суть настоящие венгры, потому что живут посреди венгров, и мы их назвали, прежде определения их народности, венграми?

Итак, Рюрик с братьями не был ни швед, ни варяг, а настоящий россиянин. Будучи из знатнейшей фамилии новгородской, <где> он жил в Волине или Винете, неизвестно; родился ли в Новгороде или в Варягии — тоже неизвестно. Только знаем, что новгородцы, или как лучше полагать надобно, часть их при возникших распрях или даже раздоре между партиями, избрала и вызвала его в отечество, для принятия жезла правления. Что он был из знаменитой фамилии, то доказывает его избрание; что же был избран одною партией, это причинил раздор, который без партий существовать не может, по сему, видно, для поддержания себя против противной стороны, которую надлежало ему превозмочь, взял с собою двух своих братьев и дружи-

ну собранную между тамошними россами, с помощью коих и своею партиєю в Новгороде, восстановил тишину и миролюбие между новгородцами.

Нельзя, однако, чтобы он всех россов вывел из Варягии (пояща по себе всю Русь), ибо и впоследствии россы продолжали там жить. Кажется, сии слова Нестора относятся только к могущим носить оружие, кои исключительно были нужны Рюрику, а не к бабам и детям, кои посреди оружия, могли служить предметом замешательства.

Как бы то ни было, но довольно того, что Рюрик принял правление в Новгороде. Нельзя, однако, сказать достоверно, в каком духе правил он вверенную ему страну. Правда, прежде него варяги имели, как полагать можно, влияние, на правление новгородцев, ибо давали им дань, но оно не зависело от них, ибо им давали только дань. Влияние воллинян и винетян на новгородцев образовало в них дух вольности, и республиканскую форму правления. Сей дух обнаружился вскоре изгнанием варягов. Сие могло побудить варягов к подобному поступку с живущими у них россами, что некоторым образом и впоследствии вало, когда по приглашению новгородцев три знаменитые россы, *появ по себе всю Русь*, прибыли в Новгород.

Г. Еще находят гг. критики доказательство, что россы суть шведы, в русском языке (!). «Прежде всего обращает на себя внимание язык их (т. е. шведов. — Ю.В.), дошедший до нас в некоторых собственных именах и названиях Днепровских порогов»^{XXII} — ни малейшего следа шведских слов не находим в русском языке, и сие сочинитель берет в доказательство шведского происхождения россиян! Но нет, автор сказал: «собственные имена их суть норманнские, что видно по сравнению с норманнскими и франкскими летописями»^{XXIII} Байер

приводит множество подобных имен с древних камней, из древних песен, сказок, из Датской истории Ерика Царя, из Снорра Стурлезона, достовернейшего деписателя скандинавского (умершего в начале XIII столетия), Саксона Грамматика (умершего в начале XIII столетия), из *Series Regum Daniae* Олая Вормия, Олая Верелия, Торфея и проч.^{XXIV}»^{XXV}.

Но приступим к собственным именам, в коих, по словам критиков, дошел до нас язык Норманнов.

«Рюрик. У Норманнов встречается несколько Руриков, Рореков, Рорикров, Грорекуров. Байер думает, что даже Ругерик и Рогерик у германцев есть то же имя. Шлецер полагает, что и испанское Родерик относится сюда же, и принесено в Испанию Вестготами; даже во время основания Российского Государства, около 850 года упоминается о трех Рюриках: один назван Вождем Датчан, другой Королем Норманнским, третий просто Норманном. Они воевали берега Фландрии, Эльбы и Рейна: Шлецер указал на них; и вот сюда относящиеся места, выписанные историографом из франкских летописей. *Classis Danorum in regnum Clotharii appulit, ducibus Rorico et Godefrido* (г. 850). — *Northmannorum rex Roricus sexcentas naves per Albim fluvium in Germaniam adversus Ludovicum dirigit* (г. 845). — *Roric, natione Nordmannus, qui temporibus Ludovici Imperatoris cum fratre Harioldo vicum Dorestadum jure beneficii tenuit, post obitum Imperatoris, defuncto fratre, apud Lotharium, qui fratri successit in regno, proditionis, crimine falso insimulatus,*

скольких собственных названиях, и показать нам хотя на одно из этих имен между нами.

Но скажут, сие отыскать можно не между нами, но в летописях. Но скажем, это ли язык до нас дошедший?

^{XXIV} <Погодин М.П. Указ. соч.> С. 51.

^{XXV} Байера нечего приводить в свидетели.

Правда, нельзя не отдать справедливости сему мужу признанием его учености; но сия его ученость, подстрекаемая пристрастием в делах критических вреднее и опаснее самого неведения. Прошу сказать, что можно ожидать от сего человека, который даже имена *Святослава* и *Владимира* произвел из скандинавского?!

^{XXII} Vid. <Погодин М.П. Указ. соч.> С. 50.

^{XXIII} Некоторые имена собственные людей представляют нам язык? И сей язык дошел до нас? Вот вопросы, на кои ответить иначе не возможно, как только отрицательно; ибо не думаю, мог ли бы кто нибудь вызваться утверждать, что язык может сохраниться в не-

tentus et in custodiam missus est; unde fuga lapsus, in fidem Ludovici, regis orientalium Francorum veniens ...collecta Danigenarum non modica manu, coepit piraticam exercere ...venitque (г. 850) per ostia Rheni fluminis Dorestadum. Дюшен. Historiae Francorum scriptores, t. II, 389, 524, 850.»^{xxvi}

На сие отвечает Эверс: «Из путей, по коим отыскиваются исторические истины, легче всего вводить в заблуждение слово-производство. Несмотря на сие, весьма смело в оный отваживаются, и как один Байер вызвался в путеводители, то и недоверчивый Шлецер повлачился за ним, и радовался, что в его сообществе нашел у *Снорра*, *Саксона* и других много скандинавских витязей, кои почти так назывались, как *Рюрик* и *Трувар*, напр.: *Хоррекур*, *Рорек*, *Рорикр*, *Рурик*; — *Трувар*, *Труере*. С третьим, *Синеусом*, не так успел; утешался однако предположением, что русские перековеркали его, и вспомнил у *Саксона* об одном короле *Снио*. ...Шлецер умножает ряд имен словами: *Родерих*; — *Труве*, *Тригие*, *Тригр*; — *Синниутер*, *Синниаутер*, *Синнам* и *Суне*. Да, Байер объяснил еще *Игоря* и даже *Святослава* и *Владимира* из скандинавского.

Правда, находится некоторое созвучие с именами первых двух, которое может служить только поддержанием исторического положения, но доказательством никак. Сам же Шлецер прежде, по строгим правилам критики, исключил собственные названия из исторических исследований, как совсем ни к чему не годящиеся^{xxvii}. ...Nomina propria sind zu solcher Vergleichung ganz untauglich. <Denn diese sind oft selbst «fremd»...>. A.L.Schlözer von den Chaldäern im Repertorium für biblische und morgenländische Litteratur. VIII. pag. 168.^{xxviii}»

Прибавим к словам Эверса еще следующее:

1) Главная побудительная причина сего спора состоит в желании Байера и Шлецера ввести в Россию шведов. Их поддерживало легковерие и беспечность их после-

дователей, кои думали, что в самом деле все, не кончающееся на *-слав* и *-мир*, произошло из худошавой Скандинавии.

Так, например, одни, в самом деле, подумали, что древних болгар, основавших за Дунаем могущественное некогда королевство, должно сделать татарами потому, что имена их королей: *Телец*, *Боян*, *Богориз* и проч<ие> — преобразенные греческими летописцами, а после латинскими переводчиками в *Tebtres*, *Paganus*, *Vogolis*, *Vogotides*, не кончающиеся на *-слав* или *-мир*, не суть славянские, а татарские. Но как живое свидетельство противилось им, что болгаре суть славяне и еще ныне говорят на своем славянском (здесь я их означаю славянами, как только именем общим, а не собственным) наречии. Не обращая внимание на сие препятствие, они обратились к своему волшебному средству, именно к *Превращению*. Они превратили непонятным образом сих страшных завоевателей мнимых болгар-татар настоящих болгар-славян. В двух-трех строках принудили татар отбросить свой язык, а болгар мнимое свое название славян!! Несмотря на то, что татаре называют Волгу *Волгою*, а *Итил* *Етел*, они заставляют своих мнимых татар называться именем сей реки, употребляемым только между славяно-россами, и еще славянским окончанием на *-ар*, *Волгарам*!!! Но еще страннее, что сии мнимые татаре-болгаре ворвались, без всякого сопротивления, в первую главу российской истории.

Но и запад не мог обойтись без подобных чудес. Не мог растолковать значение собственных имен готских, которые суть чисто летские, они причислили готов к немцам. Так, между прочим, древние вандалы⁵⁰ были немцы потому только, что они были весьма храбрые и завоевали Францию, Испанию и Картаген, и что названия их королей не кончаются на *-слав* и *-мир*, и что славяне только в VI веке вдруг появились на величайшей части древней Вселенной, никто не знает, откуда.

Хотя после дело открылось, что вандалы суть настоящие славяне, а именно — варяги!!

Точно такие интриги заведены в древней русской истории.

^{xxvi} <Погодин М.П. Указ. соч.> С. 51—52.

^{xxvii} <Ewers G.> Указ. соч. Р. 80—81.

^{xxviii} <Ibid, р. 86, bemerk. 10.>

2-ое. Для чего прибегать для объяснения имен Рюрика, Трувора и Синеуса к скандинавским писателям, когда сии люди не из Скандинавии прибыли в Россию, а из Варягии; и не были варяги, а настоящие россы-славяне? Но спросят толкователи, что же значит сходство имен скандинавских с именами русских князей, и не означает ли это очевидное тожество имен, измененное только различным выговором двух совсем различных народов, каковы славяно-русский и шведский? Здесь нельзя полагать никакого тожества имен, какое замечали ныне, напр., между русскими, немцами и французами, напр.: Егор, Georg, George; Андрей, Andreas, Andre; Михаил, Michael, Michel; Григорий, Gregor, Grgoire и проч. Вот имена тожественные. Но не заключат ли гг. толкователи, что сии народы происходят от греков, потому что носят имена, объяснимые из греческого лексикона? Древние, как россы, так и прочие северные народы, до принятия христианской религии, принимали имена из своего языка, или лучше сказать, получали оное не при крещении, коего еще не наблюдали, а уже в юношеских летах от своих товарищей или соседей, или даже от самих родителей, назвавших их так или иначе. Разумеется, что подобные имена произрождались при различных случаях, или от самых качеств самого лица, и имели свое значение, или совсем не имели. Сии-то имена почерпаемы были в недрах самого народа, из собственного, отечественного языка; иногда произведенные от какого-нибудь слова; часто же составленные из слогов, не имея, однако, никакого значения, которые напрасно будут стараться объяснить охотники до словопроизводства.

Сии имена собственные не могли быть взятыми из чужого языка. Переход иностранных собственных имен вошел только со времени введения христианской религии, т. е. с тех пор, как стали прибавлять к собственным названиям и имена святых, избранных в покровители при Св. Крещении.

Подобное происхождение языческих имен было собственное у всех народов. Весьма может случиться, что два или несколько имен собственных одолжены своим

происхождением совсем различным случаям или причинам и имеющие совсем различные значения, у двух народов сходны или созвучны между собою более или менее; теперь можно ли полагать, чтобы сии имена были тожественные между собою по одному только случайному, некоторому их созвучию? Приводимые толкователями скандинавские созвучные имена не могли никогда переходить в Россию, ибо россы никакой тесной связи не имели со скандинавами. Русские, мнимо-норманские названия, имеют и должны иметь свое начало в России, а норманские — в Швеции или Дании; на созвучие же нельзя полагаться, ибо по сему самому можно бы еще заключить, что россы, живущие в Венгрии, еще удержавшиеся во всей своей славянской чистоте, происходят от испанцев, или сии от них потому, что находится разительное созвучие в именах сих обоих народов!

3-ие. Название норманнов, по крайней мере, до XI столетия, было только общее всем северякам, по сему и неопределенное, ибо оно не заключало в себе народности. Сие происходило тогда, как южные европейцы не были еще довольно знакомы с каждым северянами. Сам Шлецер говорит, что никто не знал, откуда выходили сии норманны^{xxix}. Толкователи даже находят, что и россов южные называли (северяками) норманнами (vid. Liutprandi <...>), разумеется, по северному их местоположению. Итак, что находим в летописях южных под именем норманнов, есть самое неопределенное, ибо из-под сего покрывала трудно различить, какой именно народ подразумевается, датчане ли, шведы, варяги ли, или россы. Итак, нельзя прилеплять сего имени исключительно одним шведам, без всяких достаточных на то причин и доказательств, нельзя также употреблять его вообще, ибо где дело дошло до изысканий, там необходимо подробное определение дела.

4-ое. Как россы имели тесную связь не с шведами, а с варягами, то спорные собственные имена относить надобно к варягам, а не к шведам.

^{xxix} <Шлецер А.А. Указ. соч.> С. 272.

5-ое. Обратив внимание на то, что варяги имели влияние, или, лучше сказать, господствовали и в Швеции, которая к ним 10 раз ближе, чем берега чудов и земли россов. Шведы их называли *готами*, между тем как немцы, а в особенности саксонцы *вендами*, *вандалами*. Нельзя сказать, до каких пор владели Швециею варяги; то однако само собою разумеется, что они начали свои поиски с южной Швеции, как самую близкой, и если могущество их уменьшалось в сей стране, то позже всех могли лишиться южной же. Живое тому свидетельство существует в именах южной Швеции, сохранившихся по сию пору, в Вест-Готландии и Ост-Готландии. <...> Посему не только что спорные собственные имена не могут быть производимы из Скандинавии, но напротив вышеприведенные скандинавские берут свое начало от варягов. Итак, если уже надлежало бы полагаться на созвучие и производство имен и переход оных от народа к народу, то нужно бы искать их начала (как русских, так и шведских) у варягов. Следственно, шведы могли занять от варягов таким же образом своего *Рерика*, *Ерика*, *Рорикра*, как русские своего *Рюрика* и проч.

6-ое. Варяги, владея южною Швециею, могли оттуда делать набеги или какие-либо предприятия под названиями варяжскими, кои впоследствии могут казаться собственно шведскими потому, что носились над Швецией.

7-ое. Рассмотрим самые имена собственные, нареченные у господ критиков норманнскими, т. е. шведскими. *Рюрика* мы уже видели вместе с доводами господ толкователей.

На сие скажем, что имена, кончающиеся на *-ик*, совсем не свойственные ни немецкому, ни шведо-датскому языку. Они суть главная принадлежность многих славянских племен. Сии окончания имен бывают преимущественно 1-ое на *-ак*, 2-ое на *-ек*, 3-е на *-ик*.

У россов, кои приняли обыкновение образовать свои имена из родительного падежа названий своих родителей или чего-нибудь другого, на *-ов* и *-ин*, *-ак* и *-ик* находятся только в словах, имеющих свое

значение: *чудак*, *моряк*, *дурак*, *простак*; *извозчик*, *исправник*, *начальник*, и множество других.

Напротив, у западных иностранных славян, как у чехов, моравов, словаков в северо-западной Венгрии, кои не последуют правилу, принятому русскими, сии окончания общеупотребительные; напр. *Госоак*, *Лайчак*, *Сербак*, *Новак*, *Ходак*, *Руцак* и проч. *Томечек*, *Алечек*, *Янек*, *Маңасек*, *Любушек*. *Михалик*, *Юрик*, *Курик*, *Стойник*, *Рогачик*, *Ерик*. (*Юрик* и *Ерик* уменьшительные русского *Юрий*. У поляков он называется *Jerzey*). Сие окончание было свойственно и варягам, что видно: 1-ое) из соседства их с сорабами и чехами. 2-ое) из имен собственных их королей: *Генирик*, *Гунерик* <...>, *Аларик* и проч. 3-е) из имени *Рюрика*, так называемого между варягами. 4-ое) что *Рюрик* и *Ерик* находятся между самими варягами, от коих сие последнее перешло и к шведам <...>

Трувор или *Трувар*, по-видимому, сие имя происходит от какого-нибудь слова варяжского, имевшего, может быть, свое значение, или от какого-нибудь случая, которое напрасно стали бы объяснять охотники до словопроизводства.

Синеус. Сие имя гг. толкователи не могли обойти, чтобы не сравнить с переисканными скандинавскими. Странно, что они в толковании бестолковых имен бросаются в глубину скандинавских только лексикон; между тем, как сие имя есть чистое славянское, *Сине-ус*. Ведь еще и теперь насчитаете дюжинами между карпато-россами *Синеусов*, *Сивоусов*, *Черноусов*, *Белоусов*, точно как и *Синеоков*, *Синегубов* и проч <их>. Какое же отношение *Синеуса* к *Снию* или *Сигнаутеру*?

Аскольд и *Дир*. Сии имена правда непонятны гг. критикам; зато они привели в объяснение какие-то подобозвучные скандинавские: *Оскель*, *Аскель*, *Ашкель*, *Тир*. Это неудивительно, ибо всякому слову в мире можно найти или сделать подобозвучное, стоит только переменить букву, две, и готово доказательство. Заметить, впрочем, нужно, что *Аскольд* и *Дир* были варяги по словам самих же толкователей. Даже *Олег* и *Игорь* остаются не без род-

ных скандинавских. А Лют и Рогволод и дочь сего последнего, прекрасная Рогнеда, претерпели превращение в: Люитра; Рагвалтра, Раугнвалдура, Регнвалда; Ротвидгу, Рагнитту, Рагнильтуту!!! Правда, что Байер или Шлецер, не зная русского языка, могли не знать, что имя Рогволода есть чистое русское и происшедшее на подобие Всеволода, но странно, что некоторые из русских писателей подумали то же, ибо они были бы, как видно, уверены в том, что исторический оракул Байера или Шлецера и прочих корифеев не мог ошибиться. Кажется, они еще не дошли до того замечания, что Ъ и Б часто употребляем был Нестором и прочими древними вместо О, что видно везде в Несторе и в Слове о Полку Игореве, что окончания женских имен на -а, как Рогнеда, совсем не свойственны скандинавскому народу.

Кроме сего, весьма было бы хорошо знать те места, из коих вырыл упомянутые скандинавские названия Байер и Шлецер. <...>

Наконец, замечу, что напротив, славянские имена приняты, но посему и изуродованы, немцами, скандинавами: так Всеволод у них преобразился в Освалда, Владимир или Володимер в Волдемара, Валдемара, наконец, Волмара. Вячеслав (по латын. Wenceslaus) в Венцеля. Гунерик или Генерик варяжск. в Генрика и в Гейнриха. Рюрик и Ерик варяжск. приняты и скандинавами. Ерик, сын князя Померании Вратислава VII, восшел на престол Дании и всего Скандинавского Севера, и проч.

Далее: список послов Олеговых и Игоревых немало вскружил голову гг. критикам. Непонятные имена им показались страшными; за то их присудили в холодную Скандинавию, потому что они непонятны. Но чтобы осуждение было критиковидно, Байер, сей неутомимый Байер, чтобы обличить их в скандинавском их происхождении, бросился в «перинтшельдовы» Упландские памятники, басни, сказки и камни, на коих, по словам г. Погодина, он «нашел...многое, что может служить к объяснению» сих почтенных дипломатов Олега и Игоря!! «Но при очевидном сходстве сравненных, почел оное уже излишним»

объяснять их и потому «не привел в расуждении своем о варягах^{xxx}»!!!

Эверс, который не так легко верил историческим чудесам, отступив от веры шлецеристов, сказал: «Имена посланников еще менее могут служить доказательством, нежели княжеские^{xxx1}». К этой ереси побудило его естественное и весьма справедливое замечание, что имена сии в разных стихах пишутся различным образом. Он привел сии имена из Шлецера Нестора (III часть стр. 306), сличенные из разных списков, так например:

Послы Олеговы:

Карлы, Карло, Корло, Калар, Карл;
Ингелд, Ингелде, Инглад, Ингелд;

Фарлоф, Фарлас;
Веремуд, Велмид, Велмдре,
Фьвеллим, Велмудрь;

Рулав, Ролав, Друлав;
Гуды, Груды, Грудый, Гроды;

Руалд, Рулад;
Карн, Каринфаслов;

Фрелав, Флелад, Флелавль,
Фаслав, Фослав;

Руал, Риар, Риуар, Рькар,
Риуварктеву, Актеву;

Труан, Труане, Триан, Труаллиду;
Фостотемид, Лидулфост, Лидулфосте,
Лидолфст, Лидул Фолст,
Аидул Фост, Стемид.

Послы Игоревы:

Фуеваст, Вуефаст, Ибуехат.

Икусеви, Слуды.

Улеб, Улеп, Володислав.

Канецар, Каницар, Каничар,
Кагирар.

Предславин, Передаслав,
Предславинтых берн,
Предславнейших берн,
Шигоберн, Ших берн

Сфаиндр, Сфандр, Сфанедри,
Ефандр.

Улебовы, Убегли, Улебле.

Прастен, Пристен.

Тородуби, Тудруви, Турдуви.

Лаблар, Лиге, Либа.

Фастов, Фастав, Фристов.

xxx <Погодин М.П. Указ. соч., с. 54.>

xxx1 <Ewers G. Op. cit.> P. 83.

Грим, Ири.
Сфирков, Форскам, Прастен,
Пристен.
Якун, Акун.
Кары.

Тудков, Вков. Каршев, Кашлев,
Шарко. Судоров, Турдов. Егриермисков,
Евреівлисков, Егріевлисков, Евріяликов.
Иков, Воист, Воиков. Истрояминдов,
Истр Аминдов, Амиднов. Прастен,
Бернов. Ятвяг, Ягвиг. Гунарев. Шибрин,
Шибрит, Шибриков. Алдан, Оледан.
Колклеков, Колеок. Стеггштонов,
Востие Гнетов. Сфирка, Ефирка. Алвад,
Евлад. Гудов, Губодов. Фруди, Фудри,
Дудри. Тулбов, Тулдов, Туадов, Долдову.
Мутор, Мутур. Утин, Устин, Успин.
Купец. Адун. Адолб, Адубл, Адулб.
Антивлад, Игтивлад, Эгивледи. Улеб,
Олеб, Алед. Олебис. Фрутан, Фрутак.
Гомол, Гоман. Куци, Каще. Емиг, Елиг.
Туробрид, Турдив, Тарбуит, Турбит.
Фурстен, Фуритен.

Бруныалд, Бруны роалд, Вруды, Бран-
ды, Брауды. Нолоон. Драгунист, Гунастр,
Гунист, Фрастен, Драстен. Ингельд,
Игельд. Турибен, Турбен, Турберн.
Моны, Руалд. Свенстир, Свеп Стир,
Сведстир. Алдан, Ольдия. Тилей, Телина,
Тилена, Итильна. Апубкар, Пупсар,
Путар, Пубксар. Свен. Вузлеб, Бузлеб,
Вузелев. Исинокобирич, Исинка Борич,
Исикин Бурич, Синко Борич (!!!!).

«Ведь еще не доказано, — продолжа-
ет Эверс, — как они подлинно назывались,
ибо кто знает, Калар ли, или Карло, Фар-
лов или Вархов, Вельмудр или Велмид,
Фуеваст или Ибуехат настоя-
щее имя?»^{xxxii} И позволительно ли, нуж-
но ли приискивать созвучные у сканди-
навов, когда настоящие имена послов не-
известны.

Сверх сего ко всем упомянутым именам
можно найти созвучные, и даже тожест-
венные не только у скандинавов, но и у
прочих европейских и азиатских народов.
Далее: критики утверждают, что сии послы
были варяги; почему же искать их <нуж-
но> в Скаидинавии?

^{xxxii} <Ibid, p. 83.>

Главная беда в том, что сии имена по-
казались критикам непонятными, т. е. не-
объяснимыми из лексикона! Посему и
решились они искать чего хорошего для их
объяснения в скандинавских сказках, бас-
нях, камнях! Но почему не обратить вни-
мание на то, что каждый народ еще и ныне
имеет множество необъяснимых имен, ко-
торые со времени Христианской Религии
превратились в прозвания? Ведь в древние
времена, когда патронимические и тому по-
добные формулы для имен еще не были об-
щие, когда еще люди не имели понятия об
геральдии, люди назывались частью понят-
ными, частью же непонятными названиями.
Вот живое тому доказательство: соберите
порядочное число русских фамильных на-
званий и отбросьте от них введенные па-
тронимические формулы или окончания: -ов,
-ев, -ин, -ын, -ович, -евич, -ко, то увидите
множество понятных, но еще больше не-
понятных названий. Между малороссами,
а наипаче между карпато-россами, у коих
еще не вошли в употребление великорос-
ские формулы, еще и ныне найдете мно-
жество голых понятных и непонятных на-
званий. Там спросите список поселянам у
какого-нибудь деревенского священника, и
увидите, что сверх имен на -вич, -ов, -ин,
есть там: Воробей, Цап, Медведь, Гусарь,
Грабарь, Скотарь, Володарь, Господарь,
Маринец, Лопец, Паец, Заяц, Лыбедь,
Боян, Шекмар, Двюло, Тева, Гончар,
Фуцур, Кондаш, Сфирек, Бойта, Мазур,
Буркунт, Дурнограй, Манайло, Галатиба,
Поростень, Коростень, Гарный, Студеный,
Лысый, Найда, Тотайло, Мадрига, Верига,
Глюдз, Синегуб, Черноус, Кундур,
Синко, Безег и тысяча тому подобных.
Итак, не вздумает ли кто-либо для объяс-
нения имен сих руссаков обратиться к еги-
петским пирамидам и иероглифам, потому
что они непонятны?

«Встречаемая, — говорит Эверс, —
часто в халдейских именах частица цар и
зар ввела Михаелиса, впрочем столь глу-
бокомысленного исследователя, в мысль,
что вавилонские халдеи были, может быть,
славяне! Ученый языковед Бютнер не толь-
ко поддержал его мнения, но объяснил да-
же имя Небукаднецара славянскими

Небье-кад-венуи-цар. Старший Форстер распространил сие еще далее: у него *Небукад-незар* было то же, что *Небу-годной-царь*. Шлецер сделал конец сей словопроизводной игрушке настоящим историческим исследованием.

Ограничиваясь только на созвучии, мы не можем быть безопасными от заблуждения и при величайшем сходстве. Сие созвучие, произведенное случайно, часто отзывается с разных сторон мира. Кто бы не понял в имени *Локман* и *Свен-ванг* немца и скандинава? Между тем первое принадлежит арабу, а последнее китайцу. Черкесский князь *Инал* очень легко соглашается в ухе с скандинавским *Иналд*, <Инциалд>^{xxxiii}. Тесть императора *Василия Македонского* «по всем византийцам был *Гууерое*, который, по свидетельству *Кедрина*, происходил из знаменитой фамилии *Мартинациев*, должен ли быть скандинавом?»^{xxxiv}

Итак, не только что нельзя полагаться на имена, но и непозволительно по правилу здравой критики. Посему в именах князей и послов нет ни малейшего повода в пользу шлецеристов.

Наконец: подлинность посольских имен мне кажется весьма сомнительной. Ведь письма введены в Русь только с принятием Христианской Религии, стали входить в употребление только с времен *Владимира Великого*; каким же образом сохранились сии имена? Кто поверит, чтобы такое множество названий со времен *Игоря* и *Олега* могло перейти к *Нестору* только преданием чрез пространство почти более 200 лет? Кто знает из одного только предания одних лишь послов императрицы *Елизаветы Петровны*? Иначе признать их нельзя, как только вымышленными, хотя впрочем, никто не станет сомневаться, что *Игорь* и *Олег* действительно посылали послов в Грецию. Но кому приписать сию выдумку, нельзя угадать; ведь еще не определено и не доказано, как требовал *Шлецер*, что принадлежит в летописи *Нестору* и что его переписчикам. Нельзя однако

предположить, чтобы она принадлежала *Нестору*, который почитал писанное им за священное и принадлежащее к знаниям отечественной Церкви.

Впрочем, если они не выдуманы, то они не иначе могли быть сообщены *Нестору*, как только греками, коих писателями он пользовался и кои могли заметить имена присылаемых к ним дипломатов. Если и так случилось, то сии переговоры не могли быть не перековерканы под греческим пером, а впоследствии опять и еще опять переписчиками.

Еще остается сказать нам что-нибудь о шведском языке, дошедшем до нас, как думают толкователи, в семи *Днепровских порогах*, на коих они спотыкнулись и где они обнаружили всю вершину своего искусства толковать.

Г<-н> *Погодин*, собравший сии толкования^{xxxv} и где нужно было распространить оные, в начале оных говорит: «Русские названия семи *Днепровских порогов*³¹, помещенные императором *Константином Багрянородным* в книге его об управлении государством (писан. 949—952 г.) могут быть объяснены только (! — Ю.В.) из языков скандинавских, согласно с названиями славянскими и переводом греческим, там же помещенными»^{xxxvi}.

^{xxxv} <Погодин М.П. Указ. соч.> С. 55—74.

^{xxxvi} Главное дело состоит в самом *Константине*, назвавшем так сии пороги, которые, Бог знает как, назывались в самом деле. Главная его ошибка произошла от неведения народов; он венгерцев всегда называет *турками*, немцев *французами*, а в России бредит о славянах. Очевидно, что здесь имена не на своем месте; россияне называют неправильно *славянами*, а отягтое у него народа имя *россов*, как более прочих знаменитое на Севере, прилагает другому народу, соседственному, ходившему тоже по *Днестру*. Это должны быть не иной кто, как *готы*, коих потомки ныне известны под именем *летских* племен: именно *латыши*, *литовцы* и *пруссак*. Они еще и ныне спускаются по *Днепру* на громадах срубленного дерева, которое сбывают с рук в безлесной южной России. Посему, возвратив на свои места собственные имена, должно там читать «по-русски», где он говорит «по-славянски». Те же названия порогов, кои почитаются неправильно

^{xxxiii} <Ewers G. Op. cit.> P. 81—82.

^{xxxiv} <Ibid, p. 82—83.>

Здесь представляются в сокращенном объяснении их по Лербергу. Сей испытатель истории в следствие слов Нестора, причисляющего (!?) — Ю.В.) россов к тем варягам, к коим принадлежали шведы, норвежцы, англичане и датчане, употребляет преимущественно их язык при объяснении»^{xxxvii}.

Положение гг. толкователей, что *нерусские названия порогов могут быть объяснены только из скандинавских языков*, весьма несправедливо, ибо основано на ложном понятии, будто Нестор причисляет россиян к варягам, к коим же будто бы он же причисляет и скандинавов. Если бы Нестор сказал подобное, и если бы доказали ясно толкователи, что три различных народа, россы, варяги и шведы составляют один и тот же народ, тогда бы позволительно пускать в скандинавские лексиконы, но как ни Нестор, ни всеобщая история, ни здравый рассудок ничего подобного не допускают, то с сим вместе и не допускается объяснение нерусских имен порогов из скандинавских языков. Исправление ошибки Константина уже делает ненужным всякое их объяснение. Но если кому захотелось бы объяснить их, то надлежит ему гораздо естественнее обратиться к летским наречиям, а не к скандинавским.

Посему рассматривать толкования нерусских названий я почитаю излишним, ибо дело сие есть постороннее и ничем почти не относящееся к объяснению происхождения россов. Любопытно, правда, прочесть оные; по крайней мере, можно там познакомиться с искусством перетолковать имена, которого главное достоинство состоит в перемене слов, употребленных Константином. «Мы имеем полное право, — изъясняется между прочим г. Погодин, — при сем объяснении русских (т. е. нерусских. — Ю.В.) названий из скандинавских языков принимать некоторые перемены в сло-

вах^{xxxviii}!» Зато досталось бедным скандинавским языкам! Все попутное должно было попасть под толковательный молоток, и «если», скажу с Шлецером (Т. II, стр. 114), «какое-либо слово не имело заметной созвучности с другим, о котором идет дело, то его поднимают на этимологическую дыбу и мучат до тех пор, покамест оно, как будто от боли, не издаст от себя стона или крика такого, какого хочет жестокий словопроизводитель». Вот характер толкований о нерусских порогах, занимающих от 55 до 74 стр. в «*Рассуждении о происхождении Руси*». Мне остается еще заметить, что откуда бы не вырыл Константин нерусские названия порогов, однако нет сомнения, чтобы они не пострадали больше или меньше и под его пером. vid. <...>Pogod<in>, pag. 73—74.

Д. Еще находят толкователи доказательство шведского происхождения россиян в чрезвычайном сходстве скандинавских законов с *Правдою Ярослава*.

«...Доказательство, что варяги происходят из Скандинавии, — говорит Шлецер, — шведские и датские законы удивительное имеют сходство с древнейшими русскими законами, известными под названием *Русская Правда*, которые даны были новгородцам Рюриковым праправнуком *Ярославом*. Коллежский советник *Струбе* доказал это в речи, говоренной им в 1756 г. в Академии Наук, из которой сделал я обстоятельную выписку в *прибавлении* моем к *Neuveranderter Ruszland*, ч. I, с. 334—353. Теперь привожу только один пример: *Правда Русская*, с. 5 (моего издания).

«Аще кто поедет на чужом коне, не прощав его, то положити три гривне».

«А в *Judtsche Lowbok* (Ютские законы), кн. III, гл. 54, поставлен перевод на простонародном немецком языке: «*Ritt jemand eines anderen Mannes Perd, ane des sinen willen, deme dat Perd thohoret, de brikt davor dre Mark an den Bonden*» (т. е. «Кто поедет на чужом коне, без воли того, кому он принадлежит, тот платит за то три марки»)^{xxxix}.

xxxviii <Там же, с. 69.>

xxxix <Шлецер А.Л. Указ. соч.> С. 324—325.

русскими, должны быть признаны готскими; или лучше летскими, или нерусскими.

Ошибка Константина явная; что ясно видно из всех выше приведенных исследований, по коим ни следу шведов не находим в России.

xxxvii <Погодин М.П. Указ. соч.> С. 55—56.

Заметим здесь: 1-ое, что Шлецер заключает о происхождении варягов, а не россов. Варяги же и россы совсем различные народы, посему хотя бы варяги происходили от шведов, но россы как особый народ не происходят и не могут происходить от шведов.

2-ое. Следствие от сходства или даже тождества законов не может быть и о тождестве или сходстве народов; неужели станут утверждать гг. исследователи, что римляне происходят от греков потому, что 12 законов греческих находятся слово в слово у римлян? Неужели они подумают, что немцы суть потомки римлян, потому что они много имели доброго из указов римских императоров, собранных в огромную кипу в царствование Иустиниана? Скажут ли они, что англичане суть французы потому, что они заняли кое-что хорошее из законов Салийских и Рипуарских, как мы видели выше, говоря о *варягах*?

3-ие. Эверс совершенно разрушил сие убежище исследователей. «Правда, — говорит он, — есть великое сходство между обими законами, но оно никогда не может показать скандинавского происхождения россиян Russen. Ибо ютские (датские. — Ю.В.) законы [Lowbok] выданы впервые только в 1240 году, во время Волдемара II, следственно 223 годами позже (Ярославовой. — Ю.В.) Правды, посему и не могли служить ей основанием. При составлении его [Lowbok] преимущественно пользовались Скони́йскими [Scho-nische] законами (шведскими. — Ю.В.), из коих могло быть принятым и запрещение езды на чужой лошади. Вот оно в шведском переводе: «Rider man en annans häst utan lof, inom byens ägor bötes 2 öre, rider man til nästa bys ägor 1/2 mark, och til tredje bys mark 6 öre...»

Но и самый Скони́йский <закон> не более как 100 годами старше (Ютского. — Ю.В.), изданный королем Эриком Ейегодом (ум. 1103), и посему столь же мало может объяснить, каким образом вышеупомянутое место попало в Кодекс Ярослава, как и Ютский. Сие же место находится еще и в Готландских законах, кои суть древнейшие в Скандинавии...

Но во время Ярослава Готландцы не имели еще никаких писанных законов, скандинавские законодатели верно ничего не заняли из (Русской. — Ю.В.) Правды. Загадку же о сходстве скандинавских законов с *Правдою*, не иначе решить можно, как только что оба народа, скандинавы и славяно-россы [Russische Slawen] одно и тоже заняли у *третьего*^{XL}.

Это точно так, иначе быть нельзя. Но отыскать надлежит тот третий народ, от коего могли занять россы и скандинавы свои законы. Если взвесить обстоятельства, коими могли перейти сии законы к россам и скандинавам, то надлежит отыскать народ деятельный, опытный, могущественный, коего влияние на сии два различные народа должно <быть> непосредственное, ибо трудно иначе понять переход законов. Эверс говорит, что «нужно его искать у немцев, у французов, коих древнейшие законы часто сродны (с законами россов и скандинавов. — Ю.В.) и в духе и в выражении, как видно и из того, что и они запрещают своевольное употребление чужой лошади^{XLI}», как в Салийском (французском) законе «Lex Salica reformata. T. XXV... Si quis caballum sine permissu domini sui ascenderit et eum caballicaverit, 600 denar, qui faciunt solidos XV culp. jud.⁵²» и в Рипуарском «Lex Ripuariatum T. XL... Si quis caballum extra consilium domini sui ascenderit, triginta solidis culpabilis judicetur⁵³».

Но это только французские законы, у немцев же нечего искать подобного, ибо они ни малейшего политического влияния не имели ни на скандинавов, тем менее на россиян, и если у них есть что-либо подобное, то это они могли и должны были занять у франков в целый период Каролингов. Тем менее имели влияние на скандинавов и преимущественно россов, самые франки. Каким же образом попался закон о чужой лошади в Россию, тот самый, который находится и у шведов, датчан и французов? Правда, у сих последних он древнее всех, но нельзя допустить, чтобы русские заняли

^{XL} <Ewers G. Op. cit.> P. 104—105.

^{XLI} <Ibid, p. 106.>

его прямо у франков; выше же сказано, что он и от скандинавов не мог перейти к русским, у коих он был уже прежде их.

Для сего, чтобы решить задачу самым вероятным образом, прискаты надобно другого древнего, посреди их живущего народа, от коих бы могли все пороэнь занять то или другое. Какой же был народ, который имел влияние на окружающих своих соседей, а преимущественно на шведов и россиян? Ответ сам по себе следует, что: *варяги*, сии грозные повелители северных народов. Что россы, при влиянии на них варягов, напитаны были их духом, мы имели уже случай заметить; то есть, что россы переняли обыкновения и законы у варягов, несомнительно, ибо обыкновения и законы народа представляют нам дух его.

Что датчане и шведы заняли тоже у варягов, несомнительно, ибо от русских они не занимали, по словам Эверса, на что и толкователи легко согласятся; от франков, довольно отдаленных, с коими они мало дела имели, тоже не так легко могли занять. Почему? Потому что скандинавы и россы заняли свое из одного источника, как видно из самого текста; россы же совсем не могли занимать у франков ничего и заняли именно у варягов. К сему варяги с скандинавами близкие соседи; наконец, варяги такое же влияние имели и на скандинавов, какое и на россиян. <...>

Еще остается спросить, не взяли ли от франков свое варяги или наоборот? Здесь трудно сказать что-нибудь решительное.

Известно, однако, что варяги есть коренной самобытный народ, который стал быть известный римлянам тотчас с завоевания ими сторон, лежащих к северу, т. е. тотчас, как только стали умножаться их сведения о народах. Франки же есть новый народ, появившийся во Франции только с пятого столетия; известно и то, что в составление французского народа вошли: 1-е) коренные жители *галлы*, 2-ое) *римские колонии*, коих в Галлии было много, 3-е) *нашедшие народы*. Главнейшие из сих были: а) варяги, слывшие у одних писателей под именем *вандалов*, у других под именем *аланов* или отчасти *готов*, смотря по понятиям летописцев. Часть сих-то ва-

рягов из Франции удалась в Италию, а оттуда в Африку. б) После варягов замечательны *летские племена*, тоже слывшие под именем *готов*.

Каким образом вошли сии народы под одно правление и кто из них взял верх над прочими, и каким образом составили они то целое нынешнее, коего черты <в> отдельности еще так ощутительны, на сей раз не так легко решить по запутанности и темноте в истории тогдашних обстоятельств, по сему происхождение и образование французской монархии требует дальнейших изысканий и объяснений.

Впрочем, если должно здесь не оставить франков без внимания, то вместо решительного следствия точных изысканий нельзя не сказать, что франки еще до сих пор остаются историческою загадкою. Мы упомянули выше о сем имени и его введении. Все, что в сем отношении должно быть подвергнуто критике, есть вопрос: какому именно народу из вошедших в состав Франции сие имя принадлежит?

В сем случае можно почестъ за несомненное, что оно не принадлежало ни коренным жителям сей страны — галлам, ни римлянам — состоявшим на ноге военной, преимущественно же жившим в пространых колониях. Посему оно могло принадлежать одним только *нашедшим* народам, или иначе варварам. Но кому из них именно? Поелику франки взяли верх над прочими народами Франции, тотчас с падения последних развалин римского могущества в сей стране, то само собою следует, что они играли главную роль и при борьбе с последними силами римлян, состоявших тогда из одних почти колониальных милиций, и низвержении ига с сей страны. Сию-то роль играли *вандалы*, так именуемые современными писателями; но сие имя в последствии времени заменено названием *франков*. Весьма естественно, что имена нарицательные должны были исчезнуть рано или поздно, будучи заменяемы или собственными, или другими нарицательными, но более сходными. Сие случилось и с вандалами в Балтийской Славонии, где их писатели немецкие называли несвойственным им названием *славян*, а

Нестор, по связи их с россами, собственным варягов. Видно, сие же случилось с ними и во Франции. Какое же название франков: собственное ли или нарицательное? Видно, собственное, ибо аналогия между франками и варягами есть разительная. Видно, что франки и варяги был один и тот же народ, небольшое же различие в сих двух именах произошло от произношения в разнородных устах.

Хотя нельзя сомневаться, что варяги назывались *варягами*, однако еще не известно, произносили ли они свое название именно *варягами*, или только с небольшою разницею, немного иначе. По крайней мере, известно, что там, где заграничные славяне после двух согласных употребляют одну гласную, русские, а преимущественно малороссы ставят еще одну гласную среди сих согласных, напр.: *прах, млад, град* и проч. Не сделал ли и Нестор сей небольшой перемены или добавки, могшей случиться весьма легко?

Больше пострадало сие название между иностранцами, а преимущественно народами латинского происхождения, а именно римскими колонистами, кои весьма легко могли варягов или врагов произносить франками, ибо *-в-* и *-ф-* произносятся одинаково, одна легче, другая немного покрепче; то же самое с *-г-* и *-к-*. Но что принято *-н-*, сие зависит от звонкости латинского языка, и посему римско-галлского колониального наречия, из коего образовался нынешний французский, коему столь свойственно носное *-н-*. Посему, нельзя полагать, чтобы франки себя называли именно *франками*; по-видимому, сие название происходило из органов римляно-галлов, кои, как образованные, и принадлежащие к народу классическому, ввели оное в письменное употребление по своему выговору, от коих оно занято и прочими европейцами.

В последствии времени сие наречие, сделавшись книжным, стало входить в употребление и между франками и прочими народами Галлии (в высшем т.е. их сословии). Но будучи языком только колонистов, не смотря на свое торжество, оно не могло истребить прочие и по сию пору; оно и ныне употребляется только высшим сос-

ловием и средним. Большая же часть жителей, а именно поселян в разных областях Франции говорят своими наречиями или языками.

Сие служить может против неосновательного мнения, ничем не подкрепленного, будто франки были немцы. Патроны сего мнения взяли повод к оному, что франки прибыли в Галлию из Германии, германцы же по их мнению суть немцы. Это весьма неосновательно, ибо *Germanns* есть название слишком общее, не заключающее в себе ни малейшей народности; оно тем больше еще может принадлежать славянам потому, что они большую часть занимали Германии; посему, германскими народами, или просто германцами по тому же праву называются и славяне, как и немцы.

К сему, в предисловии к законам Салийским, между прочим, сказано^{XLII}: «*Franci uti coeperunt legibus, et Legem Salicam dictaverunt per quatuor gentis suae proceres, electos de pluribus, his appellatos nominibus, Wisogast, Bosogast, Salogast, Widogast etc.*», то есть: «Франки начали управляться законами и составили закон Салийский чрез четырех вельможей своего народа, называемых: *Вишегаст* или Визогаст, Божогаст, Салогаст и Видогаст» и проч^{<ее>}. Здесь очевидны названия, свойственные только одним славянам, а именно варягам.

Сверх сего, имена франкских королей до Карла Великого, как: *Мировой, Клодовой* или *Кладовой, Кладомир, Кладарь, Хильдерик, Феодорик* (обыкновенно пишутся латинцами: *Meroveus, Clodoveus, Clodomir, Clodarius* или *Clotarius*, а после *Lotharius etc.*) совсем не пахнут немецкими, но напротив славянскими (варяжскими), у коих, как и у чехов, есть: *Мстивой, Боривой, Генирик, Гунерик, Ерик, Рюрик* (кои у латинцев: *Mstivojus, Mistivojus, Mistibojus; Borivous, Boryvovius* и проч.).

Итак, франки суть выходцы, или лучше, завоеватели — варяги, — те варяги, коих силу испытали и скандинавы, и россы. Сие

XLII Vid. <Du Cange,> Du Fresne. Gloss<arium ad scriptores> med<iae> et infimae Latinitatis. <Franfurt, 1681. T. 2, p. 2, pag. 297.>

подтверждает сходство духа законов франкских с законами скандинавов и россов, перенятых у варягов. Посему дух или законы франкские происходят вместе с народом (франками) из Варягин. Ерго...

Е. Еще доказательство находят толкователи в так называемых «Западных Летописях». Это есть не иное что, как одно место из Бертинской летописи, в коем упоминается имя россов. Вот оно в переводе:

«Он (Феофил) послал также с ними (своими послами к имп. Людовику. — Ю.В.) некоторых людей, именовавших себя, т. е. народ свой, *росами*, которых под видом дружбы, как они уверяли, прислал царь их, именем Хакан, прося в упомянутом письме, чтобы император благоволил дать им средства и помощь возвратиться домой чрез его державу; поелику путь, которым пришли они к нему в Константинополь, чрез места, обитаемые народом жестоким и варварским; почему и не хотел бы он, чтобы те возвращались оным путем за сею опасностью.

Император, прилежно испытывая причину прихода сих людей, открыл, что они из свеонов. Почитая их более шпионами нашего и того государства, нежели искателями дружбы, приказал он задержать их дотоле, пока точно найдется, с каким намерением они туда пришли^{XLIII} и проч.

«Вот как рассматриваю я, — говорит г. Погодин, — сие известие: «посланные называют себя пред греками и императором *росами*». С чего можно здесь предполагать, что они, называя себя так, обманывают и греков, у коих были с поручениями, и франков, у коих просят теперь покровительства?»^{XLIV} Вопрос бесполезный и излишний! Ведь же люди, называвшие себя *россами*, были в подозрении у императора, и по тщательном исследовании вышло, что они принадлежат к роду шведскому, то есть, что они *шведы*, или, что одно и то же, не *россы*. Ведь цель исследования была, чтобы узнать, *россы* ли они в самом деле, и результатом оказалось то, что они не *россы*, а *шведы*; иначе по-

нять сие место нельзя. Но можно ли здесь заключать, что русские суть шведы, потому что люди, называвшиеся *россами*, не были русские, а шведы? Станный силлогизм! Ведь будучи шведами, они не называли себя *россами*, а шведами, посему они обманывали и греков, и франков, иначе они не могли бы произвести на себя подозрение. Кроме сего, сие место показывает: 1)-ое что шведы и *россы* суть различные между собой народы; 2)-ое противоречит тем, кои бредят об имени *россов*.

Г. Погодин утверждает, что Тунман, Шлецер и Карамзин нехорошо воспользовались сим известием Бертинской летописи, по его мнению, надобно было сказать, что *россы* суть норманны, а не шведы, ибо говорит он: «Шведы принадлежали к норманнам; следовательно, и *россы* принадлежали к норманнам *сиче бо ся вваху ты Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свеи*»^{XLV} (!!!) Он силится еще доказывать вопреки вышеупомянутым исследователям. Это есть *vixta de Cana Caprina*. Ибо норманны есть имя неопределенное, как мы видели выше. Видно, он усмотрел, что русские не могли быть шведами, для того он обращается к общему — местному названию норманнов и заключает, что *россы* были также норманнское племя, как и шведы, норвежцы, датчане и англичане. Норманнов берет он за общее название одноплеменных народов; — это несправедливо, ибо *норманны* есть название только по местоположению, если же прибавить к сим племенам еще другие, им соплеменные: саксов и боев, то лучше взять за общее название немцев и дайчеров (немецких или дайчерских племен), коего виды будут: шведы с норвежцами, датчане, англичане, саксонцы и бои. Г-ну исследователю угодно было доказывать, что и *россы* принадлежат к сему разряду: мы видели, однако, что *россы* принадлежали и принадлежат к роду *славянских* племен.

Странно, что все древние виды дайчеров еще и ныне не только что вполне существующие, но еще и распространившиеся, вид же *россов* он нам не показывает,

^{XLIII} <Погодин М.П. Указ. соч.> С. 93.

^{XLIV} <Там же.> С. 94.

^{XLV} <Там же.>

кон исчезли без вести и без следу, почему исчезли? Потому что не принадлежали к роду ни норманнов, ни дайчеров.

Несмотря на то, что отделяет россов от шведов, как особенный вид, он доказывает норманнское их происхождение тем, что чухонцы называют руотсами или ротелайнами не их, а шведов!! И что какой-то округ в Швеции называется Рослагеном, или Родеслагеном! Какая Критика!

Наконец, еще доказательство, что россы суть племя норманнское, находит в словах Лиутпранда: «Ad illum (Romanum Imperatorem. — Ю.В.) iniscus vitricus mens, vir gravitate ornatus... qualiter hic Impor Russios vicerit, <emu> audiivi saepius dicere.

Gens quedam est sub Aquilonis parte constitata, quam, a qualitate corporis Graeci vocant. Russos, nos vero a positione loci vocamus Nordmannos. Lingva quippe Teutonum Nord aquilo, man autem mas, seu vir dicitur: unde et Nordmannos Aquilonares nomines dicere possumus.

Hujus gentis Rex Inger vocabulo erat, qui collectis 1000 et amplius navibus Constantinopolim venit»^{XLVI}.

Т.е.: «Отчим мой, посланный в Константинополь, часто рассказывал, как император победил россов. Это есть народ, живущий на севере, которого мы по местоположению называем нордманнами». И заметьте точность Лиутпранда, который, кажется, боялся, чтобы его не понял г. критик, коего чтобы образумить, прибавил честнейшее объяснение: «Ибо на дайчерском (немецк.) языке Nord значит Север, а Man человек; посему вместо нордманнов можем их назвать северными людьми или северянами». Кто же не поймет Лиутпранда, почему русские могут называться северянами, а по-немецки нордманнами? А г. критик все еще не понял. Прибавим: если бы на месте россов жили египтяне или индийцы, и они назывались бы норманнами, северянами, Aquilonares, Hyperborei и тому подобное⁵⁴. Довольно ли?

^{XLVI} Liutprandi, <primum diaconitici nensis demum episcopi Cremonsis. Historia // Muratorius L.A. Rerum Italicarum Scriptores. — Mediolani, 1723.> Т. II, с. VI, р. 463.

Россы. Варяги

Но возвратимся в Россию: обратимся к Шлецеру и его последователям, чтобы держаться нити его исследований и доказательств. Выше мы видели, что он, по обыкновенным своим замашкам, разделяет россов на два различные народа, в чем основывается на неведении Нестора!!<...>

Он россов, живущих около Черного моря, по необходимости должен признать племенем славянским; балтийские же, т.е. новгородцы, хотя были славяне, но получили свое название россов от своих завоевателей норманнов-шведов-варягов-скандинавов!!! Рассмотрим доказательства.

Заметим еще, не без великого удивления, что Шлецер производит имя россов от скандинавов, между тем как сие же имя уже прежде носили южные, т.е. прилежащие к Черному морю, славяне. Ведь южные россы были славяне, северные, т.е. балтийские или новгородцы, были тоже славяне, южные назывались *россами*, для чего же северным производить от иноплеменников, что ни история, ни естественность, ни здравый рассудок подтвердить не могут? Для чего производить название от иноплеменников, когда оно в самом отчестве находится? Но спросимся, на каких исторических источниках основывается Шлецер? На одних своих объяснениях Несторова текста.

Вот в чем дело состоит. Нестор, приступая к своей летописи, обратился к первому источнику человеческого рода — к кораблю Ноеву. Он разделяет вселенную между тремя сыновьями Ноя: Симом, Хамом и Яфетом. Симу досталась в удел Азия, Хаму Африка с частью Азии, а Яфету Европа с частью Азии же. При сем случае исчисляет названия земель, попавших в удел каждому. В этом Нестор следовал своим учителям, грекам, из коих он заимствовал сие разделение.

В уделе Яфета исчислены только области, лежащие вокруг Черного моря и Византийской империи и нынешней России. Причина тому та, что космографы, греческие монахи, совсем не имели понятия о прочей части Европы. Россия при этом исчислении два раза упоминается: однажды

под именем Скифши, а в другой раз — под <именем> Сармации.

Нестор, не поняв значение сих двух имен, рассудил за благо дополнить недостаточное исчисление Яфетовых земель. Названия земель греческие суть старинные, обветшалые, они не были уже в употреблении и у самих греков в то время, как Нестор писал. Сей старик дополнил удел Яфета названиями, известными в его время. Он начинает с самой Руси и окружающих ее народов: «Во Яфетове же части седит Русь, Чудь и вси языцы, Меря, Мурома, Вель, Мордва, заволоцкая Чудь, Мермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимгола, Корсь, Летгола, Либь».

Итак, Россия здесь в третий раз упоминается; два раза по старинной греческой номенклатуре, а третий раз, по русской, ибо с нее начинаются названия областей по русской номенклатуре, кои Нестор прибавил сам от себя.

Упомянув вообще о Руси и исчислив лежащие вокруг нее названия, он обращается за границу и продолжает так: «Яфетово же колено и то: Варязи, Свеи, Урмане, Готе, Русь (? — Прусь), Аглане, Галичане, Волохи, Римляне, Немци, Корлязи, Венедицы, Фрягове, и прочии».

«В другой раз руссы», — восклицает Шлецер, — «и здесь между датчанами и англичанами! Этого быть не может: они здесь так же вставлены, как и выше»^{XLVII}.

Быть не может, скажем в свою очередь, чтобы выше имя Руси было вставлено. Возможно ли, чтобы Нестор, хотя исчислить все земли, окружающие его отечество, не упомянул прежде о Руси? Необходимость понятия именно требует здесь слова Русь. Или, хотя бы даже и не существовало слово Русь в начале первого текста, то выражение Нестора и все языцы требует предшествующего понятия Руси. Или по какой причине мог бы заключать Шлецер о вставке слова, без которого Нестор не мог обойтись? — Самая дерзостная замашка.

Что в сем последнем тексте не должно быть Руси, весьма явствует; ибо никак

нельзя допустить, чтобы Нестор, упомянув прежде о Руси и лежащих вокруг нее землях и обратившись к исчислению иностранных народов, посреди их упоминал опять о Руси без всякой нужды, против порядка и ясности понятия, которое он старался внушить. Ясно видно, что слово Русь здесь опечатка, или ошибка, причиненная переписчиками, вместо Прусь. Это еще явнее покажется, если прочтем предшествующие сему тексту слова Нестора:

«Ляхове же и Пруси и Чудь приседят к морю Варяжскому. По сему же морю приседят Варязи сею к востоку до предела Симова. По тому же морю седят к западу до земли Агнянски и до Воложски».

После сих слов приступает к исчислению прочих европейских народов, входящих в состав Яфетова колена, говоря: и то принадлежит Яфету, где живут варяги, шведы и проч., между коими он должен был упомянуть и о Пруси, или Порусь, как и о варягах, коих жилища он выше определил вместе. Кроме сего, слово: и то, именно исключает Русь от повторения, ибо оно распространяется только на народы, не исчисленные в первом тексте.

Посему читать должно: Яфетово же колено и то: Варязи, Свеи, Урмане, Готе, Прусь, Агяне и проч<ие>.

Поелику здесь упомянуто о варягах, которые такую роль играют при вступлении на театр российской истории и которые подали повод многим головоушкам к историческим интригам и бредням, здесь необходимо нужно изыскать, что за народ, где были, где жили сии.

Варяги

Байер в своей диссертации о варягах первый стал изыскивать известия о сем народе. В начале своих разысканий он с педагогическою гордостью и самоуверенностью утверждает, что никто ему не объяснит варягов так, чтобы он мог одобрить. Произведение (Resultatum) его исследований химерическое есть следствием рудбековских его догадок.

Шлецер мучился 40 лет, как сам говорит, над объяснением варягов. Говорю над объяснением варягов, ибо прочее в Несто-

^{XLVII} <Шлецер А.А. Указ. соч.> С. 102.

ре довольно ясно. Он взялся за Нестора, на коего Байер не хотел взглянуть. Труд, понесенный им при сравнении разных списков Нестор<a>, делает ему непреодолимую честь. Он старался поддержать Байеровы гипотезы; приняв на себя профессорскую важность и вид грозного, беспощадного критика, он перепугал последующих ему молодых историков; Карамзин и прочие присягнули ему на послушание и поклонились низко пред прадедами своими скандинаво-норманно-шведо-варяго-руссами!

А как со времени Шлецера изыскания касательно варягов еще ни шагу не подвинулись далее и только повторялись в Истории Российской империи и некоторых еще других мелких диссертациях; следственно, Шлецер служит как бы классическим руководителем для появляющихся молодых критиков, я буду следовать по всей нити его изысканий и объяснений, обращая внимание и на прибавляемые исследования, или лучше сказать, мнения и догадки его последователей.

Имя варягов, как народа, нигде не находится, как только у Нестора. Подходящие к сему имена еще упоминаются несколько раз в византийских писателях. У западных писателей весьма трудно отыскать их следы, что подало повод Байеру и Шлецеру с наследниками их мнений к весьма смешному словопроизводству. Итак, главное дело составляют варяги Нестора. Посмотрим, как объясняет их Шлецер.

Вот слова Нестора: «*Яфетово же колено и то: Варязи, Свеи, Урмане, Готе, Прусь, Агняне, Галичане, Волохи, Римляне, Немцы, Корлязи, Венедицы, Фрягове и прочии*».

Шлец<ер> объясняет так^{XLVIII}: «1) «и то: Варязи». Поэтому Варяги стояли бы здесь не как общее название всех жителей Балтийского, Немецкого и Средиземного моря в Европе; но как особенный и именно отличный от шведов народ»^{XLIX} Но и

то совсем нет в ВАлат. <списке>⁵⁵; а в Радз<ивилловском> недостает по крайней мере и. В прочих же списках то очень часто так близко поставлено к слову Варязи, что кажется, будто исчисление народов начинается только с Свеи^L. Правда, что знаки препинания ни мало не соблюдены в рукописях, но все можно думать, что тут есть описка. Если то (средн. единств.) взять за тии (муж. множ.), то вышел бы такой смысл: *Яфетова же племени и сии Варяги: Свеи и проч.*»

То описка? Почему же? Ведь то соглашено с колено; оно придает тексту полный смысл; не потому ли, что стоит близко к варягам? Позволительно ли без нужды его переменять?

Но допустим, то переменить без нужды на тии, смысл однако выйдет один и тот же, ибо то, будучи соглашено с словом колено, заключает в себе все народы исчисляемые; -ии же должно соглашаться с подразумеваемым словом народы, кои должны быть исчислены. Итак, в обоих случаях, т. е. как после то, так и после тии начинается исчисление, т. е. как после то, так и после тии должны стоять две точки; этого требует грамматика, правописание,

следственно, он указывает на одну определенную область? Для чего здесь <справляться> без всякой нужды и пользы для объяснения? Для чего приклеивать еще непристойнее вторую половину вопроса, когда еще не подал никакой справедливой догадки, что варяги могли быть шведами?

^L Что и то не достает в ВАлат. списке, а и в Радз<ивилловском>, этому причиной переписчики, и другое какое-нибудь обстоятельство, но что и то здесь необходимо и справедливо находится в прочих списках, требует полнота смысла. Нестор, прервав свое исчисление Яфетова удела при слове Либы означением местопребывания некоторых народов, приступая к продолжению одного, необходимо должен употребить связывающую или включающую частицу и то; и включает, а то указывает на включаемое, т. е. на народы, коих он станет еще исчислять. Но можно ли придумать большего педантизма, что продолжение исчисления начинается с Свеи, потому только, что слово то в некоторых списках близко написано к слову Варязи?!

^{XLVIII} <Шлецер А.Л. Указ. соч.> С. 100.

^{XLIX} <...> К чему здесь сей вопрос так некстати? Неужели Шл<ецер> не видал, что Нестор жилище варягов именно ясно определяет «до земли Агнянски и до Воложски»,

история, здравый смысл. И так, возможно ли подумать, чтобы исчисление начиналось только с *Свеев*? Для чего искаживать ясное значение текста?

Г-н *Погодин*, один из ревностнейших последователей *Шлецера*, яснее высказал свое суждение о сем тексте^L: «Имя *Варязи*, стоящее в начале сего места» (скажем лучше, исчисления) «приводило в сомнение некоторых толкователей *Нестора* — (I — Ю.В.)^{LII}. Для меня кажется оно очень ясным... *Нестор* хотел сказать следующее: *Яфетово* бо и то колено: *Варязи-Свеи*, *Варязи-Урманы*, *Варязи-Русь*, *Варязи-Агняне*, *Галличане* и проч., иначе понимать его не должно. Докажем...»

Невозможно поверить; *Нестор* никогда и не хотел, и не мог сказать, и не скавал ничего подобного, ибо:

1-ое. Подобное подразделение, или лучше подразделение никак не может быть приклеено к словам *Нестора* по свойству самого текста; он скавал: *Яфетово* же колено и то: после чего исчислил просто названия народов, более или менее, т. е. по слуху только, ему известных.

2-ое. Для того чтобы включать несколько народов, соплеменных между собою, но различных своими названиями и наречиями под одно общее народное имя, нужны и необходимы для летописца: знание их языков и все прочие сведения, могущие побудить автора к составлению общего имени для сродных между собою народов. Этакое общее народное имя на стали рождаться в новейшие времена, тогда как языкование и этнография стали распространяться в ученом мире. То не совестно ли толкователям заставлять *Нестора* знать и хотеть сказать то, чего ему нельзя никак приписать? Или — если варяги было бы общее название сих четырех племен, то для чего *Нестор* приводил бы видовые названия, употребив родовое их с самого начала, и наоборот? Или — не угодно ли господ<ину> толкователю заключить еще, что *галличане* есть общее название волохов, римлян, немцев и корязей потому, что они стоят у *Нестора* пред сими

именами? Или — не видел ли г-н комментатор, что *Нестор* не обращал и не мог обращать ни малейшего внимания при исчислении на сродство или сходство народов между собою? У него при исчислении народов немецкие смешаны с латинскими.

3-е. *Нестор* сам явно показывает, что он не хотел сказать того, чего хотелось бы толкователю, говоря, что варяги распространяются только до земли *Агнянской* и *Воложской*, следовательно, сим самым они исключаются из мнимо-общего имени варягов. На сие г-н толкователь отвечает^{LIII}: «*Нестор* де разумел до земли *Агнянской* включительно». Поэтому и волохи суть варяги, ибо и они включительны. Для чего же заставлять *Нестора* себе противоречить? Ведь если бы он включал под варягами англичан, то он здесь явно их исключает. Следовательно, противоречие здесь было бы весьма важное и открытое. Но это есть одна чистая и держкая клевета; ибо нет ни малейшего обстоятельства, могущего возбудить самую умеренную догадку, чтоб он понимал имя варягов как общее скандинавам; и напротив, в сем месте он противоречит не себе, а господам толкователям, утверждающим, что имя варягов есть общее скандинавским племенам.

4-ое. Мы видели выше, что между сими народами не *Русь*, но *Прусь* находится. Теперь кто решится сказать, что пруссаков можно бы включить под общее или родовое название вместе с шведами, датчанами и англичанами? Ныне знаем, что они могут быть включены только с литовцами и латышами под общее название летов.

Заметим, что г-н *Погодин* в своем критическом разборе сочинения г-на *N* «О жилищах древнейших руссов» справедливо заключает, что встречающаяся *Русь* в тексте «между *Урманами* и *Англянами*... означает, очевидно, особое (т. е. совсем другое от руссов, означаемых упомянутою в первый раз *Русью*. — Ю.В.) племя. Следовательно, в нашем месте *Русью* (? — Ю.В.) *Нестор* означает не племя *Русь* (россиян. — Ю.В.), а что-либо другое: (весьма справедливо. — Ю.В.) иначе зачем ему говорить одно имя два раза в одном смысле без всякого объяснения, и при том в столь различных соединениях: сперва с финскими, а потом с варяжскими племенами?»^{LIV}.

^L <*Погодин М.П.* Указ. соч.> С. 17.

^{LII} В какое сомнение? *Нестор* ясно сказал; понять легко, сомневаться не в чем. — Толкователей! Лучше сказать, перетолкователей, хотевших нарочно придать иное значение его словам, как напр<имер> *Шлецер*.

^{LIII} <*Погодин М.П.* Указ. соч.> С. 9.

^{LIV} <*Погодин М.П.* Критический разбор сочинения о жилищах древнейших Руссов // О жилищах древнейших Руссов. Соч. г-на *N* и критический разбор оногo. — М., 1826.> С. 69.

Точно так; особливое племя, то есть не Русь, а Прусь. Прибавим, что сия Прусь, несправедливо, как мы видели выше, включенная под мнимое общее название варягов, породила в воображении господ критиков какое-то двухименное племя: *Варяго-Руссов* (?); нет, если так производить, то надобно сказать *Варяго-Пруссов*, иначе быть нельзя.

НВ. Кроме сего, еще в *Полетик* <овском> списке вместо *Прусси* написано *Руси*: *Ляхове же, Руси и Чудь приседят...*^{LV}

В доказательствах ничего не нахожу, все *idem per idem*, для того их и не привожу.

Здесь заметить надобно, что на сем месте Нестора, худо и криво перетолкованном, основывается вся система критики шлецеристов.

Итак, название варягов не общее, не родовое нескольких племен, но особенное и принадлежащее только одному народу. Нестор поставил его в начале потому, что уже говорил об нем в предшествующих строках при определении их местопребывания, следственно, воображение его было занято прежним. Название *варягов* никакого не имеет ни влияния, ни отношения к прочим названиям народов.

Рассмотрев таким образом объяснение текста Несторова, обратимся к дальнейшим исследованиям, долженствующим дать нам ясное понятие о сем народе, бывшем доселе загадкою для историков.

Причиною недоумения касательно сего народа было то, что имя *варяги*, как название народа находится только в одном Несторе. Народ сей, как видно из разных мест летописи, был могуществен; он не мог быть незнакомым иностранным писателям, у коих, по несчастью, он слыл под другим именем. Отыскание сего иностранного имени варягов не могло стоить много труда; надлежало только справиться с тамошними писателями. Но к несчастью, пристрастие и криводушие водило пером главных изыскателей, и истина столь явная должна была уступить псевдо-критическим мечтаниям.

Спросимся у Нестора: где жили варяги? (Послушаем его со вниманием!) «Ляхове же и Прусси и Чудь приседят к морю Варяжскому».

То есть: *чудь* (финны или чухонцы, и эстляндцы) начиная от самого севера живут при море Балтийском к югу до самого Балисского округа в Лифляндии.

*Ляхове*⁵⁶ же (поляки?) — леты, или по наречию Несторова *летове* или живущие при море в стране Летголе от Салиса до Двины, а *корсаки* от Двины сидящие над морем до Немана? Кто скажет, что поляки сидели у моря? Нельзя допустить, чтобы Нестор сделал подобную ошибку. Повидимому, у него были *лътове*. Лет-гола есть название страны, самые же жители не иначе быть могут как лъты, или *лътове*, коих, перемичики XIV или XV солетий, когда уже названия лътов и Летголы прикрыты были Ливониею, Лифляндиею, не поняв, с небольшою разницею в слове переменили в ляхове. Что *Корсь* не выставлена, это не большая погрешность, ведь *леты* живущие как в Летголе так и в Корси суть один и тот же народ. И так от Салиса до реки Немана приморьяне суть латыши (ляхове), а не поляки, как мнится Шлецеру^{LVI}.

Но прусси приседят к морю Варяжскому; ясно, от Немана до Вислы приморскую область населяли *прусаки*.

Далее Нестор: «*По сему же морю приседят варязи семо к Востоку до предела Симова; по тому же морю седят к Западу до земли Агнянски и до Воложски*» — это ясно.

Но чтобы еще яснее и очевиднее было, надлежит поговорить о сих землях, до которых, по словам Нестора, распростр<ан>ялись варяги. Прежде всего выслушаем толкования господ критиков.

Шлецер это место пропускает без объяснения, кроме бедных, мелких, ничего не объясняющих замечаний, на слово *семи* к Востоку, *Агнянски* и *Воложски*. Не понимаю, почему он оставил без внимания сие место, важнейшее, какое только можно желать и иметь для объяснения варягов. Но довольно; ему хотелось именно искать варягов в Скандинавии вопреки словам Нестора, и самой исторической вероятности; чем показывается его крайнее пристрастие к скандинавам, что вредит истине более, нежели самая глупость.

^{LV} Vid.: <Шлецер А.А. Указ. соч.> С. 95.

^{LVI} Там же.

Почти тоже самое замечаю и у прочих критиков. Взглянем на их объяснения. Впрочем, при настоящем разборе будем держаться правила: что Нестор мог сказать, а не что хотел, ибо сие последнее есть только одна гипотеза, которая мало придает весу в критике.

И так спросимся, что разумеет Нестор под землею или страну Воложскою^{LVII}?

«Но что такое земля Волошская? Шлецер отвечает: Италия^{LVII}»; он говорит: «Волошские, в одном только Ипат., а во всех прочих Воложские (в Под<етиковском> Э Влоския). Здесь очень важно различие между ш и ж. Воложский происходит от Волги: так называются Волжские Булгары^{LVIII}; Волошский же на против от волохов, т. е. *вельшев, италианцев*, о которых именно здесь говорится^{LIX}. Еще за 50 до сего лет простой народ в Германии, всякаго итальянца называл *вельш* (Wälsch). Германское слово *Wall* есть то же что сибирское *чудь*, и значит *чуждое, иностранное*: *Wallfart, Wälsche Ruß* (по-шведски *Walpöt*). Англо-саксоны называли кимвров *Weallas*. По-исландски *Walland* означает как Францию, ... так и Италию; в Шведской Библии... Италия переведена словом *Walland*; Валлоны в Бельгии, *валахи* на Дунае, *Valui* (Половцы) у Грубера ...от того же получили свое название^{LX}».

Это ли доказательства? Прилаг<ательное> *волошский* происходит от суц<ествительного> *волохов*; по сему требуется объяснить волохов. Какое же отношение

LVII <Погодин М.П. О происхождении Руси. — М., 1825, с. 9.>

LVIII От Волги происходит волжский; воложский же здесь значит волошский; явно что это описка, могшая случиться тем, что в произношении сих двух слов различия нет почти никакого. Кроме сего Волга слишком далеко от тех мест, до коих могли распространяться варяги; обширнейшая Русь есть между варягами и Волгою; по сему и не нужно было комментатору упоминать об ней.

LIX Еще не доказано, что Нестор под именем Во<ло>хов разумеет италианцев, а под воложскою землею Италию, по сему и нельзя было сказать утвердительно про Италию.

LX <Шлецер А.А. Указ. соч.> С. 99.

сего названия в устах Нестора к словам *Wall, Walsch Wallfart, Walland, Weallas* и проч<их> употребленных, может быть, на полуострове Скандинавии, или на островах Британском или Исландском? В исчислении Яфетидов, Нестор упоминает об Италии двумя именами: именно *римлянами* и *венецианами*. Даже кажется, что одни римляне, коих имя некогда так далеко простиралось, в сем случае довольно для означения всей Италии. Для чего бы Нестор стал без нужды прилеплять имя волохов к Италии, когда оно нужно и необходимо для означения довольно многочисленного и обширного и неподалеку от него лежащего, и еще ныне сльшущего под сим именем, народа? Но положим, что *венецицы* послужат еще дополнением к Италии, то для чего приводить названия такие, коими Нестор не называет, и не мог назвать Италии? Если немцы, или скандинавы или исландцы называли италианцев *велтами*, а Италию *Walland*, то Нестор тех же италианцев называл *римлянами* и еще *венецианами*, а Италию? Заметим, что он при исчислении Яфетидов начиная с *Руси* до *Либ<и>* употребил названия земель, подразумевая живущие в них народы, чем он подражал Космографии выписанной им из греческих писателей; приступая опять к продолжению исчисления, с слова *варязи* начинает (во множ<ественном> числе) и оканчивает названиями самих народов, а не земель, в коих они обитали. Касаясь Италии, он упомянул двух ее народов, весьма известных по своим городам: *римлян* и *венециан*. Но если бы надлежало ему сказать страну в которой жили сии два народа, он сказал бы «Италию». Итак, почему умолчал ее, мы сказали причину; по сему *Римляне* и *Венециане* то же, что *Итальянцы*; следовательно молчание Нестора весьма естественное. Это же была бы самая дерзостная клевета, если бы кто вздумал из сего молчания заключать, что он ничего не знал об Италии. Может ли здравый рассудок допустить, чтобы он не знал, в какой земле лежит бывшая столица мира, местопребывание Августа, Тиберия, Траяна, место мучения Св. Апостолов Петра и Павла и проч<их>? Одни только Деяния Апо-

толов довольно обязывали его к тому и пр<очее>.

Итак, Нестор Италию знает Италиєю; по сему название волохов совсем не относится к ней; тем менее <значат> слова, вырванные Шлецером, как мы видим выше.

«Карамзин принимает мнение Шлецера»^{LXI}. Эверс^{LXII} возражает Шлецеру, что нельзя доказывать, что Волошская земля значит Италию, до тех пор, пока не доказано, что германское *Wall* перешло к славянам.

Справедливо. Но скажем, что Волошская земля, есть отчина волохов; а что как волох, так и волошский произошли между самими славянами, от коих сообщены прочим народам европейским, так верно, как дважды два четыре. Именно: волохи с древнейших времен окружены были славянами, собственное их имя, т. е. коим сами себя называют, есть *румуне*, от славян же их окружающих названы волохами, а именно болгаре и сербы *влахами*, а россы, живущие в Венгрии, и другие жившие в Молдавии *волохами*. Название одно и то же, разница только в произношении, так что где русские повторяют *-о-*, там болгаре и сербы имеют одно *-а-*: город-град, голод-глад, порох-прах, волох-алах. Болгаре, кои разделяли Валахию от Византийской империи сообщили сие название грекам, у коих естественно находим *Влахοί*, *Влахία*, *Ουγγρο-Влахία*. Сии имена латинскими переводчиками византийских историков разным образом были переводимы: *Blachi*, *Blachia*, *Vlachi*, *Valachi*, *Valachia*. Наконец, с изучением истории и географии сии последние имена утверждались во всей Европе. Россы, однако, удержали своих волохов и одну только латинизированную их страну *Valachia*, Валахия, которую, однако, простой народ в Малороссии, Галиции и Венгрии на русский лад называет *Волощиною* (Волоха: волох и волошин, волошка. Прил<агательное> волошьскый, воложскый, волошский, произношение тоже, но пишут кто как умеет, отсюда, так называемые здесь грецкие орехи, они назы-

вают, воложскими орехами). Замечательно, что и венгерцы придержались русского слова, они волоха называют *Олах*, *Olah*. Сами же поляки их называют волохами, землю же их *Волощиною*, *Woloszezyzna*.

Любопытно было бы узнать происхождение сего имени, может быть, спросится кто-нибудь. Ну, для этого не недоставет словотолкователей, надлежит только раскрыть лексиконы языков: готского, англосаксонского, исландского, кимврского, гренландского, скандинавского, и даже старого аллемандского за 3107 лет пред сим, отыскать в буквах *-v-*, *-w-* и *-и-* все слова начинающиеся на *-wal*, *-wel*, *-wil*, *-wol* и проч., вот-то откроется поле догадок, мнений, положений, привидений для мечтательных головушек. Признаюсь, опасаясь сам пускаться на удачу, боюсь *Obimet oregat perdere*. Замечу однако, вопреки почт<енному> Эверсу, смешивающему^{LXIII} двух совсем различных народов, болгар-славян и волохов-латинцев под одно название *Wlachen*. Не менее странно его произведение имени волохов от русского слова *влеку* или *волоку*^{LXIV}, это од<на> только гипотез <a>, за верность коей он не может поручиться, точно как я за иной следующей: помню, что еще и теперь карпато-россы живущие в Венгрии по обеим сторонам реки *Тисы* в тесном соседстве с волохами, весьма часто называют их *бляхами*, по отличному их пристрастию к медным бляхам, пуговицам и проч<ему>, которыми они украшают свои кожаные сумки, носимые ими безпрестанно, наподобие патронташей, под левым плечом. Сие-то пристрастие часто побуждало их нанесению насильств всем тем, у коих на платье оказались пуговицы, — отсюда произошла поговорка: *не носи с собою в дорогу пуговицы, а то убьет волох*.

Итак, совсем излишне говорить: приняли ли славяне *Wall* от немцев, ибо *Wall* по словам самого Шлецера значит чуждого; *Walsch* же итальянца; а *влах* есть совсем другое слово: то есть славянское, и значит волоха. Кроме сего, соседство итальянцев

LXI <Погодин М.П. Указ. соч.> С. 9.

LXII <Ewers G. Op. cit.> P. 54, <bemerk. 8>

LXIII Ibid, p. 10.

LXIV Ibid, p. 9.

с славянами теснее и пространнее, чем с самими немцами, даже самыми южными; и, кажется, можно по справедливости сказать: не приняли ли немцы понятие об италианцах посредством славян?

И, положим, что шведы называли Италию *Валланд*, то что хотелось бы Шлецеру заключить отсюда? Не то ли, что славяне получили название Италии, с коею они непосредственно граничили, от шведов!!! Для чего же, позволительно ли, можно ли было Шлецеру приводить слова заморские, не имеющие никакого определенного значения, и совсем не годящиеся к делу, для того только, чтобы подать подозрение, не приняли ли русские сии названия от шведов, норманнов, исландцев?? — Это есть сущий вадор.

Странно еще и то, что существительное *волохов* в других местах Нестора толкователи признают волохами настоящими; это точно, иначе быть нельзя; но для чего же прилагательное сего же названия прилеплять к другим странам? Иной причины для этого не вижу, как только то, что господа критики, думая, что варяги в самом деле жили в Швеции, и что, гранича, по словам Нестора, до земли Волошски, — Валахия, Трансильвания и Восточная Венгрия, жилища волохов, показались им слишком далекими от Швеции. Посему, некоторые, отняв, по той же причине, от Италии Волошскую землю, приклеенную ей Шлецером, перенесли ее в Францию! Но ближе ли Франция к Швеции чем Венгрия и Трансильвания?? О критика, о здравый рассудок!

Г-н Круг именно под Волошкою землею разумеет Францию. Вот слова его: «Несторова земля Волошская есть ничто другое, как Сноррова *Valland* (!!! — Ю.В.). Сей же во всех местах, мне известных разумеет под нею Францию»^{LXV} и проч <ее>. Признаюсь, мне не достает ни терпения, ни времени выписывать и опровергать догадки о том, что Нестор Волошкою землею называл Францию. Пусть рассудит всякий, кто только хоть немного вкусил здравой и безпристрастной критики. Пусть же на сей раз будет сказано патронам сего

мнения то, что сказано мною Шлецеру на счет Италии.

«Сюда присоединить должно прекрасное (!! — Ю.В.) известие Шлецера сына, почтеннейшего профессора: «...Название волохи вообще встречается только у германцев и у соседственных с ними народов; (только у германцев? Что за народ сии германцы? Какие соседственные народы? Для чего говорить так неопределенно? Ведь был вопрос, переняли ли славяне волохов от шведов или, положим, от немцев. По-видимому, Шлецер разумеет под германцами немцев, а под соседями славян. — Ю.В.). Вероятно, последние получили оное от первых (Славяне, в великом пространстве отделяющие волохов от немцев, получили известия и название первых от сих последних)!!! Это ли красота сего известия? — Ю.В.), сверх того при первом взгляде усмотреть можно, что германцы сим именем называли сперва галлов; ибо они были первые чужеземные народы, коих германцы узнали, и имя их Галл на древних языках всегда смешивают с Вал, *Wales*, выговаривают: Гвалесс, по-французски: *Galles*. Германцы, уже впоследствии, начали так называть и других народов, например, итальянцев, которые прежде сего и в северной Италии состояли из галлов^{LXVI}».

Прекрасное известие! Что можно им доказать?

Мы видели выше, каким образом волохи переняты европейцами, — сверх сего, как бы ни называли их: и итальянцев, и французов писатели шведские, исландские, немецкие и тому подобные, до этого нам дела быть не может; нам нужно разрешить вопрос: как Нестор называет французов? Все толкователи утверждают единодушно: франками, т. е. франками.

Если Нестор знал прочие племена, живущие в Европе, и менее знаменитые своими деяниями, то имя франков, кои уже в VIII столетии составляли могущественную монархию и распространили при Карле Великом свое могущество и славу чрез всю Германию, Италию и во внутренность Испании, и соперничали с могущественней-

LXV <Погодин М.П. Ук. соч.> С. 12—13.

LXVI <Там же.> С. 13—14.

шими владельцами земель от Индии до Лиссабона — сарацинами, то он необходимо должен был их знать, хотя только и по имени, и иметь их в своем воображении важнее прочих народов. Сие положение кажется тем естественнее, что франки часто надоедали балтийским славянам, кои беспрерывно должны были с оружием в руках стоять для защиты своих земель и богов.

Итак, Нестор знал франков, ибо упомянул о них. Но почему назвал их *фрягами*? Может быть потому, что:

1-ое). Сие имя так доходило до его ушей; и весьма естественно, что имя какое-нибудь, переходя от народа к народу, должно было претерпеть измену, хотя и небольшую; может быть, сами балтийские славяне так называли их, или, может быть, они переделаны киевлянами; кроме сего, замечаю, что славяне весьма редко или почти никогда не употребляют букву -н- перед грубыми согласными, посему весьма легко могли у них и франки потерять свое -н-.

2-ое). Нестор, как видно, пользовался греческими историками, в коих он мог найти франков не иначе как *Φραγγοί*, *Φραγκοί*, коих он мог переписать прямо *фрягами* или *фрягами*.

Итак, французы или франки у Нестора фряги. (Кстати здесь припомнить сказанное мною о римлянах, венецианах и Италии. Жаль, что Нестор исчислял названиями народов, а не земель, чтоб сказал в голос толкователям, как называется Франция.)

А Франция как? Поелику он не употреблял олатинизированных названий земель, т. е. изъяснялся по русской номенклатуре, то к слову земля прибавим прилагательное, произведенное от народа, коего отечество должно быть упомянуто: итак, по-нынешнему *Франция*, а по Нестору *Фряжская земля*, т. е. Франкская. Как же наши толкователи <говорят> Волошская земля (!); а то все потому, что Сноррон Швед называл ее *Walland* и потому, что древние аллеманды слово *валль* читали *гваллесами*!!!!

Опять клевета на Нестора: если подумают толкователи, что он не умел произвести прилагательное от существительного <фрягов. Иначе понять нельзя. Но

как этого допустить нельзя, то отсюда следует необходимо, что Нестор под *Волошскою землею* не разумел и не мог разуметь *Францию*.

Прибавим еще заключение г. Погодина: «Сумма доказательств мнению, что земля Волошская есть Франция, гораздо превышает сумму доказательств, что земля Волошская есть Италия»^{LXVII}.

Ни се, ни то. Волохи у Нестора означают тот самый народ, который мы и ныне называем волохами; Волошская же земля есть их отечество, или страна, ими обитаемая. Это покажется нам ниже яснее при решении прочих спорных вопросов. Замечу еще, что критик-историк не суммами должен доказывать, не количеством догадок и мнений взвешивать следствие, а качеством и весом оных. Часто одно доказательство, твердое, верное, уничтожает множество других. Догадок нельзя выставлять за доказательства, пока не уверимся, что они естественны, не заключают в себе невозможности и не противоречат истории и здравому рассудку. Догадки еще были приведены для защиты Италии и Франции, о коих я здесь не упоминал, ибо весьма мало касаются дела; они и без опровержений, если удастся нам объяснить варягов, исчезнут подобно привидениям. (О волохах я упомяну в других местах, где будет того требовать объяснение текста Несторова.)

Где же жили варяги? *По тому же морю до земли Агнянски и до Волошски.*

Теперь объясним, что за земля Агнянская. Шлецер говорит: это есть Англия, потому что Нестор упомянул в исчислении об *агнянах*, коих Шлецер в иных списках находит *агьянами*.

По-видимому, Нестор распространял варягов до земли сих *агнян* или *агьян*. В Радз<ивилловской летописи> написано до земли *Агьянски*, а в Ипат<ьевской> до *Агарянски*. Но это ни мало не мешает:

«Агнянская земля, — говорит г. Погодин, — как то показывает самое имя, есть Англия. — Нестор, исчисляя варяжские племена, упоминает об *ангьянах*»^{LXVIII}.

LXVII <Погодин М.П. Указ. соч.> С. 15.

LXVIII <Там же.> С. 8.

Мы видели выше, что Нестор совсем не исчислял варяжских племен, что он говорит о варягах как о совсем особенном народе, и что агняне как особенный народ никак не могут входить под название варягов. «Но почему же Нестор, — возражает сам себе г. Погодин, — полагает землю Агнянскую границею варяжских народов, между тем как англы, по его словам, суть варяги?»^{LXIX}. (Вопрос не нужен, ибо Нестор совсем себе не противоречит. Признавая варягов совсем отличным народом, он весьма естественно положил границей варягам землю англвов.) На сие сам отвечает: «Это не относится к сущности дела», показывая только небольшую неосмотрительность. (Напротив, это есть самая сущность дела, ибо на сем основывается весь исторический спор, ибо требуется преимущественно знать, понимал ли, мог ли понимать Нестор варягов за общее название скандинавов). Сам Эверс этого противоречия не почитает важным (противоречие, смотря по сущности дела, было бы самое важное; но мы видели выше, что Нестор себе совсем не противоречит). Притом, можно, кажется, разрешить и его с небольшою, впрочем, натяжкою (это беда, что эта натяжка почти везде заметна в исторических умствованиях некоторых несторовых критиков. Но критик ли должен говорить с натяжкою?): «Нестор де разумел до земли Агнянской включительно, — иначе как можно назначать границею остров?»². Вот еще неслыханный пример логико-критического заключения!

1-ое. Нестор, говоря, что варяги живут только до земли Агнянски, служащей им границей, и тем дая знать, что оба сии народа жили на тверди, открыто исключает агнян от варягов. Толкователи напротив говорят: Англия должна быть причислена к варягам, потому что они окружены морем!!

2-ое. Если Англия, окружена морем, должна быть причислена к варягам, то почему к ним не причислить еще и волохов, которые, не живя за морем, еще большее имеют право быть к ним причислены? Ведь варяги, по словам Нестора, также живут до земли Воложски, как и до Агнянски.

3-е. По словам толкователей, варяги суть скандинавы, то есть живущие в Швеции и Норвегии. Теперь прошу объяснить, с какими землями граничит Швеция и Норвегия? Не потому англичане должны быть причислены к шведам (т. е. скандинавам, или мнимым варягам), что разделяет их море втрое шире Балтийского?? Не клевета ли это на Нестора?

4-ое. Если бы Нестор понимал под варягами и англичан, то возможно ли, чтобы он им определил границею их же самых???

5-ое. Если варяги были скандинавы, то есть жили в Швеции и Норвегии (т. е. на полуострове Скандинавии), то прошу объяснить, каким образом граничили и могли граничить они чрез море с землею Агнянскою и Воложскою; т. е. или с Валахиюю, или Италиюю, или Франциюю и Англиюю?? Удивление мое превышает всякую меру; не могу понять, каким образом люди, выдававшие себя за проникательнейших критиков и классиков, могли так изуродовать значение слов Нестора, значение, которое могло бы объяснить каждое дитя, начинающее обучаться географии.

Что же разумел Нестор под землею Агнянскою? Мы видели уже, что сим именем никак не может означаться Англия. Если агнян читать можно и агянами, то, по-видимому, надобно допустить, что ими означает народ, называемый *англами*. Мы видели выше в статье о *Старой Неметчине* свидетельство почтенного саксонца *Адама* о первом жилище своих предков. Он говорит, что саксонцы жили в приморской стране между Везером и Рейном, и в самой даже Нидерландин, и назывались *англами* (vid. статью о Неметчине), кои впоследствии отчасти переселились на противолежащий им остров Британии, коей важнейшая часть еще и ныне носит их название (*Англи*). Итак, чтобы не дать кривого толку словам Нестора, необходимо признать за землею Агнянскую вышеупомянутую область между Везером и Рейном, или, что Нестор под именем агнян разумел народ довольно могущественный и сделавшийся известным в войне с Карлом Великим, саксов или саксонцев, иначе называемых *англами*.

LXIX <Там же.> С. 8—9.

Что же за народ были сии варяги?

Варяги:

1-ое. Были моряки, властелины Балтийского моря, ибо оно получило от них свое название *Варяжского*.

2-ое. Будучи моряками, они ознакомились с берегами и внутренностями чужих земель, что увеличило их опытность, сведения, и подало повод к приобретению себе разных выгод, т. е. отворило им путь к торговле.

3-е. Они производили торговлю, ибо имели магазины или склады товаров в России, а преимущественно в Новгороде Великом.

4-ое. Будучи моряками и купцами, должны были иметь гавани, при коих естественным образом возрастали и процветали города, по-видимому, приморские.

5-ое. Будучи моряками, должны были иметь сведения в кораблестроении и домостроении, или архитектуре.

6-ое. Были могущественные, ибо владчествовали в северной России, налагали дань на новгородцев, кривичей, чудь, мерю и проч.

7-ое. Будучи могущественными, были многочисленны и посему занимали большое пространство земель, прилежащих к Балтийскому морю, на котором должны были иметь больше гаваней и городов.

8-ое. Из вышеуказанного следует, что по мере превосходства их могущества, опытности и сведений <о> деятельности над их соседями, параллельным образом возвышался и дух их, образованность и усовершенствование правил жизни общественной. Наконец,

9-ое. Неминуемым следствием вышеупомянутого было богатство, изобилие, излишество, роскошь, нега, разврат, а наконец, упадок народа.

Все сказанное видно из одних только отечественных известий, т. е. в отношении к руссам. Подобные отношения варягов к их прочим соседям, кругом их лежащим, отыскать нужно в иностранных летописях; тогда-то в общем сравнении варяги покажутся во всем блеске своего величия и благоденствия.

Но вот беда, — имя варягов находится только у одного Нестора, у заграничных писателей ни следу их не видать. Как же отыскать их?

Прежде всего сделаем вопрос: существуют ли ныне варяги? Из всего видно, что они суть народ падший: ибо в летописях наших упоминается только до известного времени (NB: до какого?), то есть до тех пор только, пока еще будучи в силах и независимости посещали Россию; иначе если бы они не были народ падший, то россияне не перестали бы и до ныне называть их варягами.

Где же жили варяги?

Поелику сей народ только в русских летописях называется варягами, то у заграничных должно отыскивать их под особым, вероятно нарицательным именем. Для этого надобно прискать самого достоверного, современного Нестору, заграничного писателя, для очной ставки обоих между собою. Самый достойный из них есть Адам Бременский, монах, саксонец, писавший Церковную историю Гамбургской епархии. Святость предмета предохраняла его от всяких вымыслов и сказок.

Теперь заставим их обоих говорить. Между окружными жителями Балтийского (Варяжского) моря они должны указать нам на варягов.

1. Жители западных берегов Балтийского моря, то есть Скандинавии, по Адаму суть: *Sveones*, и *Norvegi*: шведы и норвеги. По Нестору: *sveii* и *урмане*: шведы и норвежды: сие же по словам самых толкователей; — иначе быть нельзя. Сии народы и теперь еще там. Мы видели ясно, что Нестор ни коим образом не мог разуместь под варягами скандинавов, ибо сам себе противоречил бы, чего, однако, нельзя допустить. Теперь еще прибавим:

1-ое. Что выше упомянутые 9 характеристических пунктов нельзя никак допустить шведам.

2-ое. Варяги — народ падший, — но кто решится искать в Скандинавии падшего могущественного народа? Или если русские во время и после Нестора скандинавов называли варягами, то почему перестали их так называть?

3-е. В Скандинавии были только два народа, по словам Адама; те же самые, по словам Нестора, те же самые и ныне. Где же там варяги?

Следственно, варягов там отыскивать нельзя, ни отыскать невозможно.

2. Жители восточных берегов одного моря: по Нестору они уже исчислены, те же и ныне, что были во время Нестора. Адам, коему сии берега не совсем были известные, не довольно ясно упоминает о сих народах; что, однако, ни мало не мешает нашим изысканиям, — и — думаю, что никто не подумает, что варяги по сим берегам жили, когда ясно говорится в летописях, что они жили за морем.

3-е. Жители южных берегов Балтийского моря от Вислы до Дании, или реки Ейдера, по Адаму и всем историкам суть славяне. Теперь спросимся у Нестора, какой народ занимал эту страну, если, положим, по словам толкователей, что варяги жили в Скандинавии?? Возможно ли допустить, чтобы эта плодородная страна не была никем обитаема? Ведь во время прежде Нестора на сем приморском пространстве существовали огромные славянские города, народ обитал с незапамятных для историков времен. Господа же толкователи, перенося варягов в Скандинавию, должны признать сие пространство пустопорожним, ибо не остается никакой другой народ приморский. Но это есть невозможность, на небо вопиющая.

Мы видели восточные и западные берега Балтийского моря по Ад<аму> и Нест<ору> занятыми, остались еще южные; мы видели прибрежных жителей сего моря: шведов, чудов, летов — до самой Вислы; от Вислы до Дании, по Адаму, славяне. Как назывались у Нестора сии жители? Послушаем его слова. Упомянув о жителях восточных берегов Балтийского моря до реки Вислы, он продолжает далее к западу, говоря: «По сему же морю приседают варяги сего к до предела Симова; по тому же морю селят к западу до земли Агнянски и до Воложски». Это яснее полуденного света. Надобно быть крайне глупым или пристрастным, чтобы не понять слово Нестора. Ведь он, смотрите, пальцем указывает на страну, лежащую за Пруссиию, говоря по тому же морю. Кто не поймет, что по тому же заключает продолжение исчисления берегов, начиная с Чуди до Пруссии

к югу, а от Пруссии до земли Агнянски к западу? Для чего коверкать естественность слов Нестора и заставлять его противоречить себе?!

1. Если бы Нестор, дошедши до Вислы, хотел упомянуть о Скандинавии или Швеции, то он должен был необходимо сказать: за морем. А по сему же, по тому же явно означает остаток берегов по сию сторону моря. Повторю, Нестор именно пальцем указывает на Балтийскую Славонию.

2. Он еще яснее говорит: по сему же морю сюда к востоку; по тому же морю туда к западу. Теперь спросите у ученика географии, какие берега Балтийского моря распространяются от востока к западу? Или посмотрите сами, и увидите, что южные; что Нестор здесь указывает пальцем на Балтийскую Славонию. Еще посмотрите, в каком направлении лежат скандинавские берега Балтийского моря? Увидите: от юга к северу или с севера к югу. Это ли слова Нестора?? О Байер, о Шлецер, о Карамзин! Для чего клеветать на сего почтенного старца? Вы изуродовали безжалостно его слова; оставляю на суд потомству.

Мы видели, что как Адам, так и Нестор согласны в означении жителей прочих берегов Балтийского моря, кроме южных, для коих у Адама остаются славяне, а у Нестора варяги. Адаму следуют и прочие иностранные писатели; по сему неудивительно, что название варягов осталось только у одного Нестора. Поелику же варяги были народ могущественный, и приходил в Россию с запада, т. е. со стороны Адама, то он, без сомнения, должен был ему быть известным, однако не под именем варягов; а под каким же? Под именем славян. И напротив, Нестор разумел балтийских славян под именем варягов.

Наконец, обратим внимание еще на одно обстоятельство. Нестор, исчисляя Яфетидов, сначала начал от себя, то есть от Руси и окружающих ее земель, после приступил к обозрению прочей Европы; он упоминает о всех почти ему известных ее народах, коих самые толкователи признают^{lxx}, напр.: шведов, норвегов, датчан, англичан,

испанцев, итальянцев, римлян, немцев, корязей, венециан, французов и проч.

Теперь спросимся: где же многочисленные заграничные славяне? Ведь еще во время Нестора из народов, вне России живущих, самое большее пространство занимали славяне. Возможно ли и подумать, чтобы Нестор не упомянул о славянах, если он упоминает и о других отдаленных, позади славян живущих народах? Если он знал об отдаленных иноплеменниках, то почему не знать ему о близких единоплеменных? Или — под каким именем разумел он славян? Неужели, подумают господа толкователи, что пространство между Балтийским морем и Адриатическим, от Гамбурга и реки Салы до Трансильвании и Валахии, и по-видимому больше Франции, осталось у него безымянным? Ведь он ясно сказал: варяги живут до земли *Агнянской* (древней Саксонии) и до *Волошской*. Видно, что и без всех предшедших моих изысканий одно сие последнее обстоятельство заключает в себе необходимость принять варягов за славян.

Еще: варяги, как мы видели выше, народ падший должен быть. Кто же падший из окружающих народов Балтийского моря? Балтийские славяне, ибо завоеваны немцами и истреблены почти до корня. С тех пор как они перестали посещать Россию, как потеряли свое политическое существование, имя их исчезло из русских летописей. — Довольно ли?

Итак, варяги суть то же, что славяне. Посему все изыскания, догадки, доказательства и следствия, основанные на ложном положении, будто бы варяги скандинавы, сим должны быть признаны ложными. Ибо при разрушении основания, должна пасть и вся система критики. Ложному основанию ложные приводятся доказательства, это само собою следует.

Итак, мы давно уже коротко знакомы с варягами; недоумение произошло только от различия названий. Нестор указывал на них пальцем, на который критики смотрели зажмуренными глазами.

Теперь еще предлежит нам согласить сии различные названия; *варягов* Нестора и *славян* Адама. По-видимому, одно из сих

двух названий должно быть *собственное*, а другое *нарицательное*.

Мы видели выше, что все названия жителям Балтийской Славонии придаваемы были иностранцами, или местные, или общие: народного или собственного нельзя видеть, ибо *венеда*, *вандалы* и проч<ие> суть нарицательные, придаваемые им иноплеменниками с самых древних времен. *Славяне* есть название этнографическое и только общее, которое <...> придается и тем народам, кои никогда себя не называли славянами, как: россы, чехи, сербы или сорабы, и проч. Прочие же названия суть частные, местные. Остается только Несторово *варягов*, которое, можно полагать, что есть *народное* или *собственное* балтийских славян.

Мы видели ободритов, разделенных на разные местные названия, мы видели тоже, что и ободриты есть название *местное* и не свойственное славянскому языку. Мы заметили тоже, что Адам там прибавил, что они и иначе называются *Regeri*^{LXXI}. Не коснулся ли Адам здесь собственного их названия? Вероятность подходит к истине. Если верить Нестору, что он хорошо написал имя варягов, что должно полагать, что у Адама есть опечаток, ибо оба говорят об одном и том же народе. Каждому известно, сколь легко и сколь часто в рукописях малое *-v-* принимается за *-r-* и обратно. К несчастью, Адам только однажды упомянул о сем имени.

Кроме сего, нельзя предположить, чтобы славяне в Голштейне составляли особенное от ободритов племя, ибо для того они не были столь многочисленны; по-видимому, они были с ободритами один и тот же народ; Адам называет их *Waigri*, а в другом месте *Wagrii*. Сие имя, как видно, не есть местное, посему должно быть народное. Не должно, однако, думать, что оно точно такое было, как его находим в печатной

LXXI См. Венелина: «Окружные жители Балтийского моря», стр. 59. М. <Сноска рукою И. Молнара> <Венелин Ю.И. Окружные жители Балтийского моря. Б. Славяне // ЧОИДР. М., 1847, № 5, с. 75—94.

LXXII См. Венелина: «Окружные жители

Истории Адама; первое изменение оно могло претерпеть в устах сего писателя, а второе, большее, при разборе и печатании нечеткой, может быть, его или его переписчиков, рукописи. Сверх сего, у него заметно непостоянство в писании одних и тех же названий, которые все почти он перековерковал по-своему.

Итак, если отбросить местное название ободритов и принять народное *ререги* или, лучше, *верег*, то выйдет, что сие имя есть то же, что *Waigri*, в котором *-r-* перенесено после *-g-*: посему должно быть *Varigi*. Из тожества сих двух народов следует тожество их имен. *Waigri* показывает, что в *Re-regi* есть опечатка в первой букве вместо *Veregi*. Сие же означает, что в *Vaigri* *-r-* перенесено от *-a-*: вместо *Varigi*. Итак, *Varigi*, или *Veregi*, или *Varegi* есть собственное народное название не только голштейнцев и ободритов, но и прочих жителей Балтийской Славонии, известных большею частью только под названиями местными. Сие положение, выведенное из сравнения двух названий, совершенно подтверждает Нестор своими *Варягами*, коих собственное имя он мог узнать в Киеве от них самих.

Итак, балтийские славяне суть варяги. Сии же варяги, прежде, нежели стали называться у писателей славянами, именовались *вандалами* у Прокопия, у Иорнанда и прочих. *Венедами* у Плиния и прочих. Плиний не без причины называл море *Варяжское Венедским заливом*; заливом потому, что он не имел ясного понятия о положении всего Балтийского моря; кажется, оно было ему известно только в своем направлении с запада к востоку, что, в самом деле, более имеет вид залива, нежели моря. Посему *Венедский залив* Плиния то же и по той же причине назван, что у Нестора *Варяжское море*.

Итак, варяги суть вандалы, коих отважные вожди с отборными своими войсками:

1<-ый> Генсерик⁵⁸ чрез Францию проник в Испанию под именем вандалов, а откуда в Африку, где наследники его на земле древней могущественной Карфагенской Республики, в некогдашнем отечестве Аннибала основали так называемое *Вандальское Царство*. Отсюда-то они в послед-

ствии времени под начальством короля своего (Генсерика II) напали на Рим и, лишив его последней славы и сокровищ, возвратились в Карфаген. Прокопий пространно описал разрушение их царства, стоявшего не более одного столетия, генералом импер<атора> Юстиниана, *Велисарием*⁵⁹.

2-ой Одоакр⁶⁰ с своими войнами под именем *герулов*⁶¹, ворвавшись в Италию, насильственно сделался королем и властелином Рима.

Посему отвергаются все гипотезы и странные словопроизводства сего имени Байера, Шлецера и прочих, ибо все сии слова, выисканные ими из лексиконов, скандинавских сказок и, Бог знает, еще откуда, не имеют и не могут иметь ни малейшего отношения к варягам. Подобные словопроизводства обыкновенное у господ толкователей находятся без всяких доказательств и суть не что иное, как *Рудбековские* аргументы.

Подробно мы познакомились с варягами в Балтийской Славонии, где все, что сказано о сих славянах^{LXXII}, надобно разуметь о варягах.

Таким образом, сделав следствие о варягах из известий отечественных, в сравнении с одним древнейшим и достовернейшим писателем северной Германии, теперь обратимся к прочим следам варяжского имени и рассмотрим, сколько они относятся к нашему делу.

После Нестора и Адама, важнейшие следы их находили исследователи в византийских историках. О варягах как о народе балтийском? Нет; а как об особенном роде сторожей в Константинополе, называемых изредка у тамошних историков *Варагюи*, *Варангами*. (Из этого господа толкователи заключают, что сии варяги суть скандинавы или норманны, ходившие на службу в Грецию, и были оттуда родом, откуда варяги Нестора^{LXXIII}. Если так, то

Балтийского моря; Балтийские славяне. Москва, 1846». М. <Сноска рукой И.Молнара> <Венелин Ю.И. Окружные жители Балтийского моря. Б. Славяне // ЧОИДР. М., 1847, № 5, с. 75-94.>

^{LXXIII} <Погодин М.П. Указ. соч.> С. 82.

довольно уже доказано, что за народ могли быть константинопольские варяги, и выходили ли скандинавы из Швеции на службу в Константинополь.)

Критики, отсюда доказывая из греческих историков, что константинопольские варяги были скандинавы, выводят заключение, что и Несторовы варяги должны быть скандинавами. Видно, что все их изыскания о греческих Варангах метят только к поддержанию скандинавского происхождения варягов Несторовых, с коими мы однако уже довольно познакомились; мы видели, что если греческие варяги едины с Несторовыми, то невозможно допустить, чтобы они были скандинавами.

Теперь следует только рассмотреть свидетельства византийцев и доказательство господ критиков.

Во всех местах, приводимых толкователями из византийских писателей, нигде не сказано, чтобы *варанги* прибыли в Константинополь из Скандинавии, т. е. из Швеции. И если бы шведы туда приходили на службу, то почему же им не называться и в Константинополе шведами, а варангами, коими они никогда не назывались? Для чего же выводить варангов из Скандинавии, когда все истории об этом глубоко молчат? Не значит ли это высасывать из пальца?

У одного только Кодина^{LXXIV}, свидетеля последних минут Греческой Империи, находим одно место, в коем он говорит, что *варанги* при больших церемониалах представляются императору и поздравляют его на своем отечественном языке, т. е. *английском*. Если так, то они были англичане: это однако не заключает в себе никакого противоречия на счет балтийских варягов; ибо это относится к 15 столетию, в котором англичане могли прибывать в Константинополь. Но почему же сии англичане назывались там варягами? Кто скажет, что англичане называли себя когда-либо варягами? Кто их называл когда-либо варягами? Можно ли предположить, чтобы Кодин, в 15 столетии не знал названия ни англичан, ни

Англии? Ведь он именно говорит, что они говорят языком английским, тем он их признает англичанами. Ведь варанги не были никогда ни собственным, ни нарицательным названием англичан. Ведь ясно видно, что *варанги* здесь есть название службы, а не народа; но и сие свидетельство только относится к 15 столетию.

Здесь надобно обратить внимание на все время, с которого название *варангов* упоминается в византийских историях. Толкователи утверждают появление варангов с 10 столетия, а именно начиная с Константина Багрянородного, у коего они их находят под именем *фарганов*, к 935 году.

Если англичане, или датчане, или немцы посещали Константинополь, то это только со времени Крестовых походов, прежде коих нет ни слова в истории о путешествии их народов в Грецию.

Еще и то странно и смешно, что говорится толкователями о путях из Скандинавии в Константинополь; будто бы шведы еще до Рюрика ездили в Грецию обогащаться. Какая нелепость! Имели ли шведы хоть малейшее понятие о столь отдаленной стране? Или поняли ли самые толкователи, что понимали шведские писатели под именем Греции? Почему ни одного слова нельзя найти в византийских писателях о сих мнимых скандинавских выходцах? Или как могли шведы плениться житьем-бытьем или чем-нибудь другим византийцев, не имея о них никакого понятия? Как могли сии скандинавы проходить в Грецию из Швеции через такое пространство и сквозь столько народов, коих они ни языка, ни обычаев не понимали? Для какой именно спекуляции могли решиться в столь дальний путь? К чему же могли они пригодиться в Константинополе? Чем могли они быть там замечательны; незнанием всего того, что могло бы пропитать их? Но излишне делать столь <много> вопросов. Вся побудительная причина путешествия скандинавов в Грецию состоит только в том (в голове толкователей), что, как варяги Нестора показались им скандинавами, то и Константинопольские должны были быть, вопреки истории и естественности, скандинавами; но надобно было объяснить, каким образом

LXXIV Vid. Codinus <Georgius Curopalata. De officiis et officialibus magnae ecclesiae... — Parisiis, 1625, c. 7, p. 54.>

они туда попались; для этого толкователи принялись за работу и вычистили им две дороги: одну на Восток (*Austur vígi*), другую на Запад (*Westervígi*) — обе до самого Константинополя.

Рассмотрим теперь обстоятельства, какими попались в Константинополь варяги⁶². Император *Юстиниан* твердо решился возвратить Империи все земли, отнятые от нее разными народами в время его предшественников. Главный предмет его желаний было завоевание Италии и Африканских провинций. Сии последние отторгнуты были от Империи вандалами (варягами) и составляли особенное царство. Храбрость сих варягов и предприимчивость служила опасностью для европейских берегов. Корсика и Сардиния были в их власти; опустошение Рима, нападения на Сицилию, морские разбои на водах Пелопонесса принудили *Юстиниана* предупредить оружием усиление их в Африке и дальнейшее распространение их могущества. В 533 году выслана против них морская экспедиция под начальством знаменитого генерала *Велисария*. Высадка войск на берега Африки была удачна; другая между <тем> эскадра была выслана против Сардинии. Война началась, и при колеблющихся успехах наконец *Велисарий* удержал верх над королем *Гилимиром*, лично командовавшим вандалами. Карфаген взят; король же, бежавший и запершийся в одном укрепленном месте, принужден сдаться военнопленным. Казна и сокровища королевские, кои *Гилимир* препоручил одному чиновнику в случае худых успехов в войне перевезти в Андалузию (область Испании, в коей прежде жили его предки, и от коих она названа *Vanda-лузию*, после Андалузию), попали в руки *Велисария*. И так кончилось царство сего народа, продолжавшееся около столетия; а область присоединена опять к Империи.

В следующем году (534) *Велисарий*, успокоив все и приведши в порядок, оставив в военные губернаторы генерала *Саламона* с большею частью войска, сам отправился в Константинополь.

Чтобы же обеспечить сие приобретение, то есть, чтобы, совсем расстроив силы ван-

далов, не допустить им нападение на войско императора, решено было королевскую фамилию и большую часть вандалов перевести пленными в Константинополь. При сем случае и богатая добыча, приобретенная при разграблении Карфагена, королевская казна, а наипаче кабинеты драгоценностей и редких вещей, между коими находились и сосуды из Храма Соломонова, по разрушении Иерусалима Титом перенесенные в Рим, а отсюда, по разграблении Рима в 455 году, дедом *Гилимира*, *Генсериком*, перевезенные в Карфаген. Въезд *Велисария* в Константинополь был триумфальный. В день въезда главная площадь Константинополя, лежащая пред величественною Церковью Софийскою (называемая Цирком (*Circus*), иначе *Hippodromus*, а ныне турками *Аммейдан*) столь знаменитая даваемыми на ней зрелищами, играми, и конскими рыстаньями, с самого утра была наполнена народом. На ней был устроен великолепный трон, вся площадь украшена, как только требовала торжественность триумфа. Весь двор, сенат, государственные чины подверглись общему церемониалу; это был последний блеск римского величия. Император, в полном облачении, корону на голове, порфира на плечах, скипетр в руке, при возвещении о прибытии кортежа воссел на престоле. Король *Гилимир* и *Велисарий* рядом, пешком, предшествуемые отрядом войск; за ними множество пленных варягов (вандалов), войска по бокам, после коих длинный ряд взятых королевских имуществ, семейства пленных и наконец пожитки разных генералов, офицеров, сопровождаемые тоже военною командою. Там, у подножия великолепного трона, несчастный монарх и счастливый генерал преклонили колена пред самодержцем Империи, первый — чтобы изъявить свою покорность и унижение, а последний — чтобы низложить к стопам своего повелителя военные свои лавры. Крик и рукоплескания многочисленного народа несколько раз вырывали из уст твердодушного *Гилимира* слова: «*Суета сует, и всяческая суета*».

Королю отданы были пространные поместья или земли в Галации, где он поселился с большею частью своих вандалов.

Прочие из них приняты были <на> службу императора, именно в гвардейцы, и присоединены к прочим гвардейцам — варягам, уже до того состоявшим в службе императора.

Сии варяги суть остатки тех, коими за 60 лет тому назад Одоакр под именем герулов завоевал Италию и воссел на престол римских кесарей. После убийства Одоака и нашествия на Италию готов, они частью возвратились в Балтийскую Славонию, а частью вступили в службу императора, коему они служили телохранителями. Сии-то герулы два года тому назад (в 532) при возникшем в Константинополе возмущении, в коем убито до 30 000 граждан и много строений, между коими и вновь выстроенный Софийский собор, много претерпели от пожаров и грабительств, были единственным оплотом престола под командою храброго Велисария.

Сии-то вандалы в последствии времени, когда учреждены бы <ли> в империи некоего рода военные поселения (Themata), составляли одно под именем *фарганов* (Farganorum Thema). Каждое их сих поселений имело особое свое назначение, по сему и название. Так, одним была представлена одна морская служба, по тому назывались *Classarii*, другие были назначены для гвардии, по сему назывались *Subsequicii*, т. е. *проводжатели государей*. Когда нужда требовала, каждое поселение высылало на службу определенное число людей. Как видно, варяги продолжали занимать место телохранителей.

Нельзя однако сказать, чтобы одни только варяги занимали сию должность, ибо и сами греки к ней были допускаемы. Когда уже Восточная Империя потеряла все, могущее казаться римским, когда исчез воинственный <дух> греков, при беспрепятственных переворотах, военная дисциплина постепенно упала, — в VII и VIII столетии гвардия только еще составляла тень римской; она составлена была из большей и средней этерии (полка) варягов и козар.

Причиною, что императоры поверяли охранение себя и своих имуществ иностранцам, было непостоянство и гибкость характера византийцев. Беспрестанные

крамолы и дерзкое умышление на жизнь государей возбуждали в них недоверчивость к своим согражданам и принуждали их вверяться наемным будатам иноплеменников. Многочисленная блестящая гвардия (Tupna Protoiana) прежних римских императоров, присвоившая себе произвол в возведении на престол государей, стала быть опасною самим государям. Константин Великий первый решился уничтожить сию власть, столь опасную для империи и для самого двора. Титул командира гвардии, носимый прежде вместе с должностю самою достойною особою в империи, при введении новых государственных чинов он сделал почетным, дав их четырем генерал-губернаторам. Юлиан, будучи всегда в походе, не нуждался в гвардии; преемники его, часто низкого происхождения, для обеспечения себя против возникшего в Константинополе духа беспокойства, нанимали для собственной обороны иностранцев или своих земляков. *Зинон* Изаврийский наполнил дворец изаврианами, что причинило ему ненависть между дворянством. После его смерти константинопольский гарнизон еще имел вид гвардии.

В сие время армии империи наполнены были славянами. Один из них, правдолюб, родом был из Славонии, или из Сербии⁶³, по своей храбрости и добрым душевным качествам, дослужившись постепенно высших военных чинов, наконец, сделан членом Сената и командиром. Будучи уже 68 лет, народ смотрел на него, как на правосудного отца; военная его слава и любовь к нему армий давали ему право на всеобщее уважение. Снисходительность, благодеяния увеличивали любовь к нему между народом; важный вид, и душевные качества поддерживали его преимущество между сенаторами. Наконец в 518 году после смерти Анастасия единодушно провозглашен в императоры. Благоразумное его правление возвратило империи тишину и спокойствие.

Будучи еще офицером, женился на славянке, своей землячке, *Любичине*, которую римляне называли *Lupicina*. По восшествии своем на престол, император сам возложил корону на ее голову; причем дано ей имя Евфемии — Элии-Марции. Она умерла

прежде императора. Будучи императрицей, она соорудила в Константинополе храм во имя С<в>. Евфемии.

Император, еще прежде принявший имя Юстиниана, будучи еще генералом, взял к себе племянника своего, Управду. Родители сего молодого человека, естественно, были посредственного состояния, добродушные и необразованные славяне. Брат императора и отец Управды назывался Истоком (исток и истинный одно и то же), а мать Безленицей. Государь, не имея собственных наследников, усыновив своего братанича, молодого Управду, взял его к себе, чтобы исправить его воспитание, или, лучше сказать, что <бы> к простодушным славянским его нравам, сверх некоторых сведений, придать ту гибкость характера и утонченность в обхождении, которая обыкновенно тогда царствовала в обществах Константинополя. По прибытии ко двору Управда подвергся римскому закону переменить варварское (т. е. славянское) имя на римское, Юстиниана; даже и родителям его назначены: Саббаций и Вигиланция. Это была самая благоразумная политика римлян. Они весьма хорошо знали, что иноплеменники, хотя бы и совсем <...>, не могут быть истинными римлянами, пока семейства их будут носить иностранные названия. Посему все иноплеменники, восшедшие на престол и на другие высокие достоинства, сокрыты от взора историка сею личиною. Еще до Константина В<еликого> узнаем из истории нескольких славян, сидевших на римском престоле. Сам Константин Великий родился в той самой стране, где и Юстиниан. История нам сохранила только имена сего императора и его родителей. Но сколько еще славян сокрывается под римскими названиями; армия была бы ими слишком испещрена, если бы это зло не предотвратили римляне особым законом.

Это была эпоха торжества славян при дворе императора. Еще Юстин приглашал вытесняемых из Италии ерулов (варягов), коих Юстиниан, восшед на престол, еще умножил, и составив из них Гвардейский корпус, коего начальство препоручил своему земляку славянину же Велизарию. Кро-

ме сего, еще набрана, по его велению, конница в Руси на жалование, и пехота, и перенесенная на эскадре их порта Херсонского в Константинополь. Сии-то россияне, под именем массагетов, с частью корпуса герулов, предводительствуемые Велизарием, сражались под знаменами Империи в Африке и Италии.

Итак, поелику из иностранцев первые были варяги, которые кроме природных граждан служили в гвардии, то мало-помалу название их, то есть народное, перешло в военное; тем паче, что варяги вооружены были иначе, нежели как вооружались имперские солдаты. Спустя, как сии варяги выводились со временем, то отряд их пополняем был людьми разных соседственных народов, как: болгар, славонцев, волохов, и проч<их>, с оставлением, однако, названия варягов, ибо и сии вооружаемы были, как прежде варяги. Посему и назывались варягами, Варагуоі, несмотря, какого бы они народу или языка ни были. Примером тому служит ныне и следующее. В прошедшие столетия албанцы, называемые турками арнаутами, были употребляемы для служителей знатными особами в Константинополе. Особы, определяемые султаном в господари Валахии и Молдавии, тоже приводили с собой несколько десятков сих служителей или гвардейцев. В последствии времени господари сих княжеств набирали себе подобных служителей в назначенных им местах из греков, болгар, волохов, сербов, венгров, молдаван и каких бы то ни было празднотлюбцев. Сия-то сволочь, называемая арнаутами, потому что одета и вооружена по-арнаутски, и исправляет должность, занимаемую прежде арнаутами. Подобным образом было дело и варягов в Константинополе. Вся сволочь называлась варягами единственно потому, что составляла отряд прежних варягов и насле<дова>ла их должность и оружие. Итак, изречение Кодина теперь яснее кажется, почему варяги в 15 столетии поздравляли императора на английском языке. Еще: кому пришло бы в голову, что наши унтер-офицеры, стоящие у дверей больших собраний в треугольной шляпе, с большим бантом через плечо и огромною палкою в руках, суть

пришельцы швейцарские, потому что они здесь называются швейцарами?

Итак, варяги (Вараγυοί) византийские настоящие были славяне балтийские, разными путями туда дошедшие. В последние же столетия сей империи варягами назывались все те народы, кои заступали место собственно так называемых варягов. Посему все сии прочие народы так могут быть названы варягами, как сербы или греки арнаутами, наши унтер-офицеры швейцарами.

Не стану однако спорить, что ни англичане, ни саксонцы, ни датчане не были в Константинополе; напротив, из истории Крестовых походов скажу, что они вместе с французами, итальянцами сотнями тысяч толпились на Востоке, и что будучи рассеяны, могли вступить и вступили в службу императора. Но чтобы они ездили туда еще до Крестовых походов, т.е. до конца 11 столетия, совершенно отрицаю; ибо этому не дает примера ни история, ни здравый рассудок, тем паче менее могли ходить туда шведы. Свидетельства, приводимые толкователями, большею частью суть со времен Крестовых походов.

1-ым и главнейшим доказательством мнения толкователей было упомянутое место *Кодина*, которое мы объяснили выше.

2-ое их доказательство состоит в том, что иностранные стражи в Константинополе часто означаются названием «секироносцев», что не другому народу прилично, как только датчанам.

Быть не может, чтобы секиры собственно были одним только датчанам. Неужели подумают они, что славяне были без секир, в то время, когда они более уже успели в домостроении, нежели сами датчане. Ведь по-славянски *секира*, у римлян же *Securis secuрус*; видно, что или римляне заняли сие орудие от славян, или сии от римлян. Итак, римляне и славяне имели секиры без датчан.

Кроме того, <*Corripus lib. III de landib. Iustini-?*> свидетельствует, что уже во время императора Иустина находились в гвардии секироносцы (vid du Fierne<...>)

3-е: будто бы варяги пришли в Константинополь с какого-то острова *Туле*, под которым будто бы «византийцы разумели

иногда всю Скандинавию, иногда только Норвегию, Англию, один из Оркадских островов»^{LXXV}.

Никто не знает, где сей остров *Туле*. Впрочем, Скандинавия не есть остров. Англия была известна свету издавна под своим именем Британии; ее подразумевать под *Туле* в Константинополе не могли, ибо Британия слишком знаменита, чтобы при подобном случае не была упомянута. Впрочем, надобно сказать, что Балтийский мир в Константинополе почти совсем был неизвестен. Изречение «Люди сии приехали издалека, с острова, на океане находящегося»^{LXXVI} показывает явное их невежество в географии. Посему откуда бы ни заставляли греки приходить варягов, по крайней мере, мы знаем их жилища.

Еще прибавим некоторые общие замечания о варягах.

Из разных свидетельств писателей и из самого дела видно, что варяги были самый деятельный народ Европейского севера. *Гелмолд* в своей *Хронике Славян*^{LXXVII}, писавший около конца XII столетия, т.е. тогда, когда дела и благосостояние варягов довольно упали, после исчисления разных варяжских племен прибавляет: «*Omne hoc hominum (т.е. Slavorum. — Ю.В.) genus, idololatriae cultui deditum, vagum semper, et mobile, piraticas exercentes praedas, ex una parte Danis, ex altera Saxonibus infestum*». Т.е.: «Весь сей (Варяжский. — Ю.В.⁶⁴) народ предан идолопоклонству, всегда бродящий в беспрерывном движении, производящий морские разбои, с одной стороны беспокоит датчан, а с другой саксонцев». Это относится уже к тому времени, когда они стали ощущать гибельное влияние Немецкой империи. Полный круг их деятельности можно себе представить только во время их могущества, независимости и славы.

Деятельность их весьма ясно заметна и в *Несторе*; приезжая из-за моря, они бро-

LXXV <*Погодин М.П. Указ. соч.*> С. 76, <сноска 175>.

LXXVI Там же, с. 76.

LXXVII Vid. *Helmsoldi*, <*Presviteri Byzoviensis*>, *Chronica Slavorum*. — <*Francofurti, 1581*>, lib. I, cap. 2, pag. 4.

дили по всей почти России, среди чуди, мери и мещеры, куда их заводила торговля. Они имели большой склад в Новгороде. Теснейшая их связь была с великороссами, заключаемая единоверием, одноязычием и торговлею. Деятельность и дух их, кажется, наследовали великороссы. Кто не знает, что русские мужички, оставя на время свои семейства, бросаются за тридцать сот верст в дорогу для нажитков. В Кишиневе, Измаиле и проч. найдете порядочные лавочки владимирских, ярославских, костромских крестьян, точно как и в Сибири, на Кавказе и в Царстве Польском! Нет подобного примера у других народов.

В древние времена множество их ездили с продажными своими богатствами в *Волин* и *Винету*, *Старград*, *Аркону*⁶⁵ и прочие города Балтийской Славонии. Многие из русских богачей отправлялись туда с своими семействами, даже молодое барство ездило в Волин и Винету для наслаждений. Из всех иностранцев, приезжавших к варягам, были многочисленнее россияне. В Волине и Винете им даны были важнейшие преимущества пред прочими иностранцами, между прочим, им позволено было жить в главнейших частях города, между тем как прочим назначены были особые улицы. Сие-то братство и взаимная любовь между варягами и россиянами, сия-то связь причинила, что россы новгородские и псковские питались в Волине духом республиканским волинням^{ЛХХVIII}.

Поелику Новгород должен быть гораздо моложе Волина или Винеты, то весьма вероятно, что учреждение Новгородской республики сделано на образец Волинской; по крайней мере, новгородцы следовали волинням в том, что особые улицы назначали для иностранцев. Может быть, что и законы заимствованы новгородцами у волинням.

^{ЛХХVIII} См. Венелина: «О споре между южанами и северянами на счет их россизма», стр. 14. <Сноска рукой И.Малнара> <Венелин Ю.И. О споре между южанами и северянами на счет их россизма // ЧОИДР. М., 1847, год 3, № 4, с. 1–16.>

Адам при описании варяжских городов упоминает о дорогах самых употребительных, кои показывают, в какую сторону преимущественно направлено было тогдашнее мореходство. Он говорит^{ЛХХIX}: «Оттуда (из Винеты) отплывают к стране *Земланд*, занимаемой пруссаками. Дорога же есть такая: от Гамбурга (тогда еще местечка с крепостью) или от реки *Элбы* сухим путем в 8 дней, и доедешь до Волина. Но если морем хочешь отправиться, то это из *Слизвиги* или из *Старграда* прибудешь в сей город (Волин), от коего в 43 дня приплывешь к Новгороду в Россию».

Вот топтанная, так сказать, дорога чрез Балтийское море между Волином и Новгородом. Вот что значат частые места у *Нестора за море*, ибо нельзя себе представить, чтобы россы могли ездить за море в другое место, как не туда, куда собирались имущества всего Севера.

Но все, что здесь сказано о варягах, это только в отношении их к России. Деятельный их дух заставлял их проникать кругом во все стороны.

Что они заведывали восточными берегами, или так называемыми янтарными Балтийского моря, в том не может быть ни малейшего сомнения. Жители сих берегов, еще во время своей независимости, полудикие и так бедные, что однажды победителям своим россиянам не могли доставить другой подати, кроме банных венчиков и липовых веревок. Кроме сего известно, что они жили в шалашах, без деревень, без городов, кои стали у них появляться только после нашествия нынешних их господ. Кажется посему, что древность познакомилась с балтийским янтарем только посредством варягов, кои могли проникать в Францию, Италию и самую Грецию. Кажется, *Плиний* не без причины Балтийское море называет по их имени *Венедским заливом*.

Нападения их на разные соседственные страны, а преимущественно на Италию в 5-ом столетии, открыло им путь к познанию водчества и разных изделий. В чем свидетельствуют развалины каменных их

^{ЛХХIX} *Hisc. Eul. lib. II. , p. 18.*

городов и укреплений. Сие искусство, кроме Греции и Италии, на севере усовершенствовано одними только варягами, чего нельзя ни малейших следов най ти у прочих северян; — их способ домостроения еще и теперь слывет под именем готического.

Сам Адам, упоминая о городах варяжских, подает высокое о них понятие именем *Civitas*, что значит хорошо и изящно выстроенный, обширный и укрепленный город; по сему немцы всегда прибавляли к их именам слово *бург*. Это еще и теперь заметно, что города в нынешней Германии, оканчивающиеся на *-бург*, лежат почти только на древней славянской земле.

Еще можно некоторым образом находить следы варягов в законах некоторых народов.

С 10 столетия саксонцы и датчане стали равняться силами и наконец преодолеть варягов; земли их, будучи завладены врагами, они принуждены были удаляться из них, чтоб избежать угнетения завоевателей-варваров; часто не имея пристанища, они образо <вы>вали разбойнические шайки, проникали и грабили во все стороны. Имя сих грабителей сделалось страшным для народов; скоро название народа превратилось в название разбойников.

В сем смысле упоминаются варяги в Салийском законе: «*Si quis corpus iam sepultum effoderit aut exspoliaverit, Wargus sit, hoc est, expulsus qe eodem pago, usque dum cum parentibus defuncti convenierit...*», где сказано: «Если кто погребенное тело выкоп <ает> из земли, или ограбит, должен считаться Варгом, т. е. выгнанным из того места, пока не помирится с родственниками умершего». То же узаконение находится и в зак <оне> Рипуарском (*Lex Ripuaria*, tit. 85, §2). В законе Генрика I,

корол <я> англ <ийского>, глав. 83: «*Si quis corpus in terra ... exspoliare praesumpserit, Wargus habeatur.*» <Т. е.:> «Если кто осмелится ограбить тело в земле, да считается Варгом». Сидоний (*Sidonius lib. 6, epist. 4*) говорит, что Арверны разбойников чужестранных называют Варгами: «*Wargorum nomine indigenas latrunculos nuncupare*»^{LXXX}.

Отсюда еще и слово *Warganeus*, которое дю Канон в своем «*Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitatis*» толкует^{LXXXI}: «*Warganeus* значит: иностранец, иноплеменник, какие суть Варги, сосланные и выгнанные из своего отечества». («*Warganeus, extraneus, alienigena, cujusmodi sunt Vargi extorres, et banniti, et à patria sua facti exules*»). В грамоте Тулльского епископа Удона в 1069 году (в Аллатиках Вигнерия, стр. 128) сказано^{LXXXII}: «*Alienigenae, id est Warganei, qui manserint in banno, dabunt Comiti 4 denarios, etc...*», т. е.: «иноплеменники, т. е. варганы, если останутся в ссылке (т. е. на нашей земле) дадут граду 4 денешки».

Еще переменено <е> сие имя находит дю Френ (*Du Fresne*) в указе лонгобардского короля Ротаря^{LXXXIII} «*Rotharis Rex in Edicto tit. 15. Omnes Warengangi, qui de exteris finibus in regni nostri finibus advenerint, seque sub scuto potestatis nostrae subdiderint, legibus nostris Longobardorum vivere debeant, nisi legem aliam a pietate nostra meruerint.*»

^{LXXX} <Vid.: *Du Cange, Du Fresne. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. — Frankfurt, 1681. Т. 3, p. 1377.*>

^{LXXXI} <Ibid.>

^{LXXXII} <Ibid.>

^{LXXXIII} <Ibid. P. 1539.>

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Венелин Ю.И. Древние и нынешние Болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к Россиянам: Историко-критические изыскания. — М., 1829, т. 1, с. 7; Бесонов П. Ю.И. Венелин // ЖМНП, 1882, № 6, с. 159—206.
- ² Каченовский М.Т. «Древние и нынешние болгаре...» Ю.И. Венелина. Рец. // «ВЕ», 1830, № 1, с. 74—76; Погодин М.П. «Древние и нынешние болгаре...» Ю.И. Венелина. Рец. // «Московский вестник», 1829, № 6, с. 129—146; его же. По поводу «Древних и нынешних болгар...» Ю.И. Ве-

- нелина // «Московский вестник», 1829, ч. 4. «От издателя», с. 164–167; *его же*. По поводу рец. М. Каченовского на «Древние и нынешние болгаре...» Ю.И.Венелина // «Московский вестник», 1830, № 3, Нравы. Известия, замечания, анекдоты, с. 309–321; *Полевой Н.А.* [По поводу «Древних и нынешних болгар...» Ю.И.Венелина] // «Московский телеграф», 1829, ч. 29, № 17, с. 145–150; *его же*. М.П.Погодину // «Московский телеграф», 1829, ч. 29, № 18, с. 396–400; *его же*. Очерк русской литературы за 1838 г. // «СО», 1838, т. 1, Критика, с. 148.
- ³ *Аристов Ф.Ф.* Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси. — М., 1995; *Байцура Т.* Место Ю.И.Венелина в развитии славяноведения в первой половине XIX в. // Ю.И.Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків (тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня смерті Ю.И.Венелина). — Ужгород, 1989. С. 8–9; *Байцура Т.* Ю.И.Венелин. — Братислава, 1968; Ю.И.Венелин в Болгарском возрождении. Сб. статей. — М., 1998.
- ⁴ *Благова Т.И.* Особенности религиозно-философских воззрений А.С.Хомякова // Философия в России XIX — начала XX вв. Сб. ст. — М., 1991, с. 16.
- ⁵ См: *Кочубинский А.А.* Граф С.Г.Строганов. Из истории наших университетов 30-х гг. // «ВЕ», 1896, т. 4, кн. 7, с. 168–180.
- ⁶ *Венелин Ю.И.* Мысли об истории вообще и русской в частности // ЧОИДР. — М., 1847, год 2, № 8, с. 47–49.
- ⁷ *Кавелин К.Д.* На ЧОИДР №№ 5–9. Рец. (М., 1847) // Сочинения. — М., 1859, ч. 3, с. 411.
- ⁸ *Венелин Ю.* Скандинавomania... С. 398.
- ⁹ *Погодин М.* Ответ на филологические письма М.А.Максимовича // «Москвитянин», 1856, т. 4, с. 28.
- ¹⁰ *Венелин Ю.И.* Критическое разложение всех имен Аттилина семейства... // ЧОИДР, М., 1889, кн. 1. Приложение.
- ¹¹ *Венелин Ю.* Скандинавomania и ее поклонники, или столетие изыскания о варягах // «Московский наблюдатель». — М., 1836, ч. 8, кн. 2, с. 488–525; ч. 9, кн. 1, с. 269–307, кн. 2, с. 395–426.
- ¹² Ср.: *Трухачев Н.С.* Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X–XIII вв. // «ДГ», 1980, — М., 1981. С. 159–175.
- ¹³ *Венелин Ю.И.* Известия о варягах арабских писателей и злоупотреблении в истолковании оных // ЧОИДР. М., 1870. Кн. 4.
- ¹⁴ См. также: *его же*. О древних жилищах русского народа // ЧОИДР. М., 1847, год 2, № 9, отд. 1, с. 41–58; *его же*. О первом и втором нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен // ЧОИДР. М., 1847, год 3, № 5, с. 1–45; *его же*. О соляном озере Halmutis // ЧОИДР. М., 1847, № 6; *его же*. О споре между южанами и северянами на счет их россизма // ЧОИДР. М., 1847, год 3, № 4, с. 1–16; *его же*. Окружные жители Балтийского моря. А. Леты // ЧОИДР. М., 1846, № 4, с. 1–15; *его же*. Окружные жители Балтийского моря. Б. Славяне // ЧОИДР. М., 1847, № 5, с. 75–94; *его же*. Древние и нынешние Словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к Россиянам: Историко-критические изыскания. — М., 1841, т. 2.
- ¹⁵ *Морошкин Ф.Л.* «Древние и нынешние болгаре...» и «Скандинавomania» Ю.И.Венелина. Рец. // «Маяк», 1842, т. 6, № 12, отд. 4, с. 81–115; *его же*. Историко-критические исследования о руссах и славянах // «Маяк», 1842, т. 6, № 11, отд. 3, с. 1–46; *его же*. О значении имени Руссов и славян. — М., 1840; *его же*. О сочинениях Ю.И.Венелина по славянской истории // «ОЗ», 1840, т. 12, № 9, отд. 2, с. 77–92; *его же*. Россия Велико-Германская // «ОЗ», 1841, т. 17, № 8, отд. 2, с. 62–76.
- ¹⁶ *Савельев-Ростиславич Н.В.* Варяжская Русь по Нестору и чужеземным писателям // ЖМНП, 1845, № 10, отд. 2, с. 1–64; *его же*. Еще несколько подробностей о жизни и сочинениях Ю.И.Венелина // ЛПРИ, 1839, № 21, с. 447–451; *его же*. Заметка на возражения г. Смеловского и новый источник истории болгар // «Маяк», 1842, т. 6, № 12, отд. 5, с. 40–44; *его же*. История северо-восточной Европы и мнимого переселения народов // «Маяк», 1841, т. 19–21, гл. 4, с. 107–234; 1842, т. 1, гл. 4, с. 109–43; 1842, т. 2, гл. 4, с. 1–99; *его же*. История, география и археология древнеславянского мира // «Маяк», 1840, ч. 3, гл. 1, с. 109–145; *его же*. Материалы для славянских древностей // «Маяк», 1844, т. 13, № 26, отд. 3, с. 109–152; т. 14, № 27, отд. 3, с. 29–60; т. 15,

- № 29, отд. 3, с. 1–32; *его же*. На Венелина // АПРИ, 1839, № 15, с. 522–524; *его же*. О значении имени Руссов и славян. Соч. Ф. Морозкина. Рец. // «ОЗ», 1841, т. 14, с. 58–64; *его же*. Очерки всеобщей истории // «Маяк», 1840, ч. 9, гл. 3, с. 48–89; *его же*. Разбор мнений М.П. Погодина о начале Руси // «СО», 1848, кн. 11, отд. 1, с. 1–78; *его же*. Славянский сборник. — СПб., 1845.
- ¹⁷ Вельтман А.Ф. Исследования о свевах, гуннах и монголах. — М., 1856, *его же*. Исторические замечания и выводы о славянах и русах. НИОР РГБ, ф. 48, к. 18, е.к. 6.
- ¹⁸ Ad honorem et gloriam Dei Optimi Maximi.
- ¹⁹ Располагался около совр. г. Констанца в Румынии.
- ²⁰ Венелин идет вслед за В.Н. Татищевым, считавшим скифов угро-финнами. Современная наука признает наличие иранского элемента в угро-финских племенах.
- ²¹ Скифы — ираноязычное племя, пришло с востока, из степей Азии. В VII в. до н. э. вытеснили киммерийцев из Причерноморья, где обитали до II в. до н. э.
- ²² Название «Сарматия» (Европейская) вытеснило прежнее — «Скифия» примерно на той же территории во II–I вв. до н. э., после того как сарматы (одно из ираноязычных племен, надвинувшихся с востока) установили господство над большими пространствами Европы от Дона до Среднего Подунавья. В роксалах и аорсах нередко ищут предшественников будущей «руси» или объяснение самого этнонима «Русь». Под Сарматией понималась территория, ограниченная Вислой на западе, включая юго-восточное побережье Балтийского моря, Карпатами на юге и Волгой на востоке. Так же, как и Скифия, Сарматия название территориальное. Античные авторы причисляли к сарматским народам не только этнических сарматов, но и древние североиранские народы — алан, роксолан, а также этносы, не относящиеся к иранской группе (венеды, герулы)
- ²³ Киммерийцы — ираноязычное племя, пришедшее с востока. Это первый, известный письменным источникам народ Северного Причерноморья. Ок. XIII в. до н. э. приходят на территорию к северу от Черного моря и Дуная. В VII–VIII вв. до н. э. частично уходят в Малую Азию (через Кавказ), частично на юг Франции, частично на север Ютландского полуострова, где будут известны под именем кимбров (II в. до н. э.). С VI в. до н. э. киммерийцы исчезают из Северного Причерноморья. Киммерийцы совершали походы в Переднюю и Малую Азию, участвовали в сокрушении Трои в знаменитой Троянской войне (XIII или XII в. до н. э.).
- ²⁴ Мезия — римская (с 6 г. н. э.) провинция, занимавшая территорию на правом берегу Дуная от впадения р. Савы до Черного моря. Разделялась на Верхнюю и Нижнюю.
- ²⁵ Иллирия (лат. Illiria) — область в северо-западной части Балканского полуострова, включающая территорию расселения иллирийцев. С 27 г. до н. э. — римская провинция Иллирик, состоявшая из Нижнего Иллирика (Далмации) и Верхнего (Паннонии). Позднее в ее состав входили Верхняя Мизия, Реция, Норик, Македония, Греция. С начала V в. Иллирия подвергалась набегам вестготов, в конце V в. — вместе с Италией была завоевана остготами. С VI в. стала заселяться славянами, образовавшими на ее территории ряд государств. Некоторыми учеными территория Иллирии, наряду с Нориком связывается с возможной родиной славян. ПВЛ в рассказе о славянской грамоте помещает славян не в Норике, а в соседнем Иллирике: «...и апостол Павел учил здесь; тут находится Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне». Летописец, когда перечисляет страны удела Иафета, «Словен» ставит вслед за «Иллирией», то есть достаточно определенно связывает население Иллирии и славян. Ничего подобного в византийских хрониках нет, такое представление, видимо, отражает, какие-то предания, существовавшие у западных или южных славян.
- ²⁶ Паннония — римская провинция, различалась на Верхнюю (между Дунаем и Дравой) и Нижнюю (в междуречье рр. Дравы и Савы).
- ²⁷ Норик (Noricum) — древне римская провинция, находящаяся между верхним течением Дравы и Дунаем. В ПВЛ есть несколько точек зрения на происхождение славян, по одной из которых, славяне вышли из Норика: «Норики — это и есть славяне». Славяне оттуда расселились по Дунаю, позже пришли на Днепр (поляне). Летописец не знал, почему поляне стали называться русью, но он настойчиво подчеркивал, что поляне-русь это славянское племя, что вместе с другими славянскими племенами оно получило начала христианства еще в

Норике от апостола Павла. Это известие в летописи побудило многих исследователей искать возможную прародину славян на Верхнем Дунае. Славян там не нашли, но страна рогов-русов Ругиланд находилась именно там, в районе Норика, который на севере входил в состав Ругиланда или же являлся областью фактического господства королей рогов. В 408 г. Норик был захвачен Аларихом I, в конце V в. завоеван остготами и включен в состав созданного ими государства.

²⁸ *Карантания* (*Carantani, Carantani*) — с нач. VII в. известно как княжество Карантанское, располагавшееся на верхней Драве, населенное славянами. В сер. VII в. из-за аварской угрозы вынуждены были признать зависимость от баварского герцога, однако на протяжении века поднимали многочисленные мятежи.

Каринтия — историческая область в бассейне р. Дравы, известна источникам со второй половины VIII в.

Позднеантичная область *Карниола*, с X в. носившая название Крайна (Крайнская марка) — располагалась в верховьях р. Сава, с севера гранича с Карантанией.

Карнунт — позднеримская крепость на Дунае.

²⁹ В латинской литературе *Сеттани* часто употреблялись для обозначения дальних родственников.

³⁰ *Октавиан Август* — римский император (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.).

Карл Великий — король франков (769—814).

³¹ *Дакия* — римская провинция, располагавшаяся к северу от нижнего Дуная.

³² *Константин Великий* — римский император (306—337).

³³ *Реция* — римская провинция, находилась западнее Норика.

³⁴ *Дайчеры* — от нем. Deutsch.

³⁵ *Готы* — германское племя, в IV в. до н. э. частично уходят из области рек Рейна и Эльбы (откальваются от ясторфской культуры) в устье Вислы, где смешиваются с местным населением. В первой половине III в. двинулись на юго-восток. Впервые готы упоминаются на нижнем Дунае (214 г.). В конце IV — начале V вв. готы входят в гуннский союз, после разгрома которого уходят частично в Прибалтику, частично в Крым.

С III в. разделяются на две группы:

Вестготы — в конце IV в. под натиском

гуннов уходят через Дунай в Мизию. В начале V в. образуют свое королевство в Южной Галлии (в конце V в. включавшее в себя Среднюю Галлию и Испанию). При Аларихе II (484—509) вестготы терпят поражение от франков и отходят в Испанию. В VII — начале VIII вв. под натиском арабов королевство вестготов было разрушено.

Остготы — в III в. занимают Причерноморские степи между Днепром и Доном, Крым. В конце IV в. гунны разгромили племенной союз под предводительством Германариха, и остготы двинулись на запад (в Паннонию). В конце V в. под предводительством Теодориха продвинулись в Италию, разгромили Одоакра и образовали свое королевство. В середине VI в. при короле Тотиле королевство остготов было разрушено римскими войсками.

³⁶ *Юстиниан* — византийский император (527—565).

³⁷ Имеется в виду византийский полководец Велисарий, советником которого был Прокорий (с 527 г.).

³⁸ Имеется в виду Иордан, историк готов, живший в VI в.

³⁹ *Венеды* — в германской средневековой литературе «венетами», «венедями», «винидами» именовали либо всех славян, либо их прибалтийскую часть. «Вендами» вплоть до XVIII в. называли себя сами балтийские и полабские славяне. Вопрос об их тождестве, однако, наталкивается на очевидное противоречие: область первоначального расселения венедов не совпадает с территорией достоверно известных славян. Племена венедов уже в римское время жили по берегам Балтийского моря, куда славяне приходят лишь в VI в., позднее название Балтийского моря как «Венетского» закрепляется лишь за одной его частью — Рижским заливом, то есть опять-таки областью, куда славяне не доходили.

⁴⁰ *Склавины, анты и венеты* — три группы славян в латинско-греческой исторической традиции эпохи Великого переселения народов. Хотя Иордан и считал эти наименования лишь разными названиями одного и того же народа, он все-таки указал на три разные зоны, с которыми эти названия были связаны. Так, венеты занимают территории севернее Карпат, склавины проживают от Днестра до неопределенных западных районов, анты обитают в междуречье Днестра и Днепра.

Славяны, очевидно, преобладали в тех областях Подунавья, где одно время располагался центр гуннской державы. В V–VI вв. они упоминаются в районе Иллирии или Норика. Согласно греческим источникам, славяны в VI в. преобладали по всему левому берегу Дуная вплоть до его низовий. Анты — обычно их считают одним из видов славян, однако, вопрос об их этнической природе не является бесспорным. Есть мнение об их иранском происхождении, что обосновывается иранской этимологией самого этнонима — «приграничные жители». Анты находились в Восточной Европе, по крайней мере, с IV в., когда они стали объектом нападений со стороны готов. Хотя анты в начале VII в. исчезают со страниц источников (авары оттеснили их от областей, представлявших особый интерес для византийских авторов), можно с большой уверенностью предполагать, что потомки их оказались позднее в составе Древнерусского государства.

- ⁴¹ Подчинение саксов, а также венедов было осуществлено в 80–90 гг. VIII в. (в 780 г. был предпринят поход против саксов и славян, а в 789 г. против вильцев (лютичей). *Бойи* — не германское, а кельтское племя.
- ⁴² Очевидно, имеется в виду поход росов на Константинополь в 860 г., описанный константинопольским патриархом Фотием (ок. 810 — после 886), очевидцем которого он был сам. Эти упоминания народа «рос» — одни из первых, наряду с Житиями Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.
- ⁴³ *Борисфенида* — считается, что под этим названием Иордан имел в виду греч. колонию Ольвию. Ошибочное отождествление Венелиным Борисфениды с Киевом очевидно, связано с указанием античных авторов, что лежащий в 200 стадиях вверх по Борифену (т. е. Днепру) город носит одноименное название с рекой (Страбон). (*Иордан*. О происхождении и деяниях гетов (Setika) / Пер. Е. Ч. Скржинской. — СПб., 1997. С. 196.) Киева в то время, конечно, еще не было.
- ⁴⁴ *Аланы* — племя сарматского происхождения. В I в. аланы обитали в Причерноморских степях и Предкавказье. Во II в. н. э. прошли с Дона в северо-западные области Европы и отчасти в Скандинавию (по преданию их вывел Роллон). В IV в. аланы подвергнутся нашествию гуннов. В конце IV — начале V вв. аланы достигают Дуная и Балканского полуострова, Ютландского

полуострова, Галлии, в Северной Африке они вместе с вандалами образовали королевство. В IX в. из Норвегии во главе с тоже Роллоном приходят на Север Франции.

- ⁴⁵ Этноним «роксоланы» этимологизируется как состоящее из двух компонентов «рокс» — из иранского «светлый, блистающий, белый» (т. е. племя, считавшем себя особо благородным среди алан) и «аланы».
- ⁴⁶ Очевидно, имеется в виду Банат — историческая область в Юго-Восточной Европе, севернее Дуная
- ⁴⁷ *Лангобарды* (букв. «длиннобородые») — этническая принадлежность неясна (само название этноса говорит не в пользу распространенной версии об их германской принадлежности). Обитали в нач. н. э. в районе Нижней Эльбы, в нач. IV в. на среднем Дунае, в нач. — сер. VI в. занимают Паннонию, а в сер. VI в. под натиском гепидов и аваров уходят в Сев. Италию, где оставили свой след в названии Ломбардия. Разгромлены войсками Карла Великого.
- ⁴⁸ *Егингард (Эйнгард) (770–840)* — анналист, приближенный Карла Великого, написал труд «Жизнь Карла Великого императора».
- ⁴⁹ Волин, так же назывался Винета, Юмнета (Jummeta), Юлин, Йомна, Юмна (Jumne), Йомсбург (Jomsburg) — Торгово-ремесленный центр балтийских славян, располагавшийся на о-ве Волин возле устья р. Одер (по р. Дзивне — рукаву Одера). Сформировался в IX в. и стал важнейшим центром поморских славян в торговле с Востоком. Занимая выгодное географическое положение на пересечении морских и сухопутных путей, Волин вел активную торговлю как с поморскими (Шецином, Гданьском), так и с датскими (Хедебю) и шведскими городами (Бирка, Хельгё). Торговали балтийские города и с Русью: одним из важнейших партнеров Волина был Новгород (до которого купцы добирались по морю через Ладогу за четырнадцать дней). Автор XI в. Адам Бременский писал о Волине, что это «отличный порт, посещаемый греками и варварами», «самый большой из всех городов в Европе. В нем живут славяне вместе с другими народами... И прибывающие туда саксы тоже получают равные права с местными жителями, если только, оставаясь там, не выставляют напоказ своей христианской веры. ...Нельзя найти народа более честного и радушного. В этом городе, полном товарами всех народов, ничто не представ-

ляется роскошным или редким». В городе были обнаружены свидетельства обширной морской торговли — гавань, портовые сооружения, молы (плотина перед гаванью). Сам город (площадь около 50 га) был укреплен валами и по подсчетам археологов в X в. насчитывал от 5 до 10 тыс. жителей. Считают, что Волин, как и Новгород был городом-республикой. Город и его обитатели были язычниками (в южной части раскопанного городища, в особом укреплении размещалось языческое святилище), и оставались почти ими до конца существования Волина. С сер. XI в. влияние Волина снижается, в 1043 г. (по другим данным 1093 г.) данский король Магнус разрушил город, а около 1120 г. Волин был включен в состав Польского государства.

⁴ ⁵⁰ *Вандалы* — этническая принадлежность не ясна. Обычно их относят к германцам. В I—II вв. до н. э. зафиксированы источниками на южном побережье Балтийского моря. Во II в. н. э. продвигаются на юг, до Одера и Дуная, оседают в Пиннии. В IV в. смешиваются с аланами, вместе с которыми в нач. V в. двинулись на запад, через Галлию, в Испанию, откуда их вытесняют вестготы на юг Пиренейского полуострова. В первой четверти V в. переправляются в Северную Африку, где образуют королевство вандалов, в 455 г. разграбили Рим. В конце V в. королевство включало в себя кроме Африки, Сицилию, Корсику, Сардинию. В 533—534 гг. разгромлено римскими войсками.

⁵¹ «Русские» названия Днепровских порогов всегда вызывали оживленные дискуссии, начиная с основателей норманизма и их первых оппонентов (см.: Славяне и Русь: Проблемы и идеи. — М., 1999). Наиболее логичное объяснение — через осетинские параллели — представлено у М.Ю.Брайчевского («Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // *Земли Южной Руси в IX—XIV вв.* — Киев, 1985).

⁵² Перевод в русском издании Эверса: «Кто без позволения хозяина сядет на лошадь его и на ней поедет, тот повинен заплатить 600 денариев, которые составляют 15 солидов» // *Эверс Г. Предварительные критические исследования для Российской истории.* — М., 1826. С. 332.

⁵³ Перевод в русском издании Эверса: «Кто сядет на лошадь без позволения господина ее, тот повинен заплатить 30 солидов» // Там же.

⁵⁴ Совершенно справедливое замечание. «Ве-

нецианская хроника» Иоанна Диякона, а также свидетельства Салернской хроники и Лиутпранда, ясно показывают, что в конце I — начале II тыс. н. э. в латиноязычных источниках название «норманны» носило не этнический, а географический смысл (люди, живущие севернее).

⁵⁵ Воскресенский и Алатырский списки соотв.

⁵⁶ В основном считается, что ляхи — это только поляки, но в раннем средневековье так называли вообще всех западных славян. В ПВЛ летописец рассказывает, что «словене пришедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася поляне, ляхове другие лютичи, иные мазовшане, иные поморяне.» Здесь ляхи и балтийские славяне (лютичи, поморяне) и поляки (мазовшане). В другом месте летописец приводит некоторые славянские племена от ляхов: «радимичи бо и вятичи от ляхов. Бяста бо два брата в Лясах, Радим, а Вятко седе с родом своим по Оке...». На Руси XI в., видимо еще были живы предания о том, что в среду отдельных древнерусских племен влилось немалое количество западно-славянских, прибалтийских выходцев — ляхов. Известный филолог Д.К.Зеленин (*Зеленин Д.К. О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР.* — М., 1954) отмечал, что в русских говорах отразились древние ляхские черты, восходящие к прибалтийским славянам, лучше всего, как ни странно сохранившиеся в северной Сибири. В Сибирь ляхские черты русского языка занесены потомками новгородцев (ильменских славян), которые наиболее тесно общались с балтийскими славянами. Видимо, изначально «ляхами» были лишь прибалтийские славяне, но по мере их миграций и смешиваний с собственно поляками, этим названием стали обозначать одних поляков. В летописях «ляхи», «Лядская земля» связываются с Польшей уже в нач. XI в. Этноним «ляхи» просуществовал достаточно долго: на Руси жителей Польши называли ляхами до XVII в.

⁵⁷ *Волошская земля* — определение топонима спорно. Со средневековья у западных славян так обозначали Северную Италию. А.А.Шахматов полагал, что это название, некогда обозначавшее кельтов, перешло и на франков. Обе эти версии, однако, можно объединить, если допустить, что «Волошской землей» летописец называет возникшую в 962 г. Священную Римскую Им-

- перню (как стала называться Франкская держава). Но так или иначе летописец помещает «варягов» на южном побережье Балтики между землями Польши и южной Дании, а также на востоке по тем территориям, которые, по сказанию о варягах, принадлежали Рюрику и его мужам.
- ⁵⁸ *Генсерик (Гейзерих) (427–477)* — король вандалов. При нем (в 429 г.) вандалы переправились с Пиренейского полуострова в Северную Африку.
- ⁵⁹ В 533–534 г. Велисарий одержал победу над вандалами, а короля Гелимера, последнего короля вандалов, правнука Гейзериха взял в плен.
- ⁶⁰ *Одоакр (Odoacer)* — вождь варварских племен, в 476 г. свергнувший последнего западного римского императора Ромула Августа, после чего стал правителем Италии. В 493 г. был разбит королем остготов Теодорихом. Этническая принадлежность Одоакра вызвала споры: источники называют его королем ругов; торкилингов и рогов; готов; скиров, герулов.
- ⁶¹ *Герулы* — этническая принадлежность не ясна. В III в. обитали на южном побережье Балтийского моря, откуда переселились частично на Дунай (где в VI в. были разгромлены лангобардами), частично в Галлию.
- ⁶² О варягах в Константинополе см.: *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды, т. I. — СПб., 1908. Автор убедительно доказал, что дружина варангов появилась в Византии раньше, чем Константинополя достигли норманские искатели приключений. Он показал также, что, обычно, в источниках середины XI века «варанги» и «русь» отождествляются. В хрисовулах 60–70-х гг. «варяги» и «росы» упомянуты в смысле «русские варанги». С 80-х г. XI в., происходит резкая смена состава варяжских дружин: вместо варяго-русских они становятся варяго-английскими.
- ⁶³ *Император Юстиниан (527–565)* был родом иллириец (из верхней Македонии).
- ⁶⁴ В оригинале — «Winulogum».
- ⁶⁵ *Ольденбург (Starigrad)* — главный город вагров. *Аркона* — храмовый центр рунов (руян, ругов), располагавшийся на северном мысе о. Рюген.

200-летию со дня рождения
замечательного борца со скандинавоманией —
Ю.И.Венелина — посвящается

В.В.Фомин

Кривые зеркала норманизма

Тотальное господство в науке и обществе норманизма или скандинавомании, как предельно четко и полно охарактеризовал данное явление в 1836 г. Ю.И.Венелин, до сих пор не позволяет русской истории стать именно русской историей, а нам обрести прочную опору под ногами. Возможно даже, что это одна из тех причин, которые в последние сто лет бросают Россию из крайности в крайность, не дают ей внимательно взглянуть в самую себя, определиться в своем предназначении. Действительно, многовековые разговоры о норманнах, якобы вызвавших к жизни Киевскую Русь, настолько отравили сознание многих поколений русских людей, что давно и прочно отводили нас от обращения к своему далекому прошлому, в котором находятся ответы на многие вопросы современности, приучили нас жить с оглядкой на Запад, бездумно копировать совершенно чуждый нам опыт. В 1998 г. бывший премьер-министр Швеции К.Бильдт верно заметил, что «страна, которая не знает своей истории, не может найти своих путей в будущее». Мудрость этих слов очевидна, тем более, что они были произнесены как раз по поводу разговора о якобы норманнской природе восточнославянского государства, в ходе которого Бильдт удовлетворенно говорил об открытии у себя на родине в 1994 г. выставки «Россия викингов»¹.

Все норманистские суждения хотя бы чего-то стоили, если бы действительно скандинавы присутствовали в нашей истории IX–X вв., и была бы зафиксирован хотя бы малейший след их участия в гигантском процессе складывания первого государства у восточных славян протяженностью в не-

сколько столетий и охватившем собою огромные пространства Восточной Европы. В создании Киевской Руси, наряду со славянами, принимали участие многие народы, среди которых не было норманнов. В ее состав входило двадцать два разноязычных народа², но опять же в их числе не было норманнов. По заключению П.П.Толочко, видящего в варягах разноплеменных находников — датчан, шведов, южнобалтийских славян, балтов, угро-финнов, «собственно скандинавских вещей на Руси не так уж и много». Так, в Киеве, как специально подчеркивает археолог, даже «при самом тщательном подсчете», их количество не превысит двух десятков. Примерно столько же обнаружено в Шестовице, где, учитывая дружинный характер поселения, скандинавских предметов, казалось бы, «должно быть особенно много». В знаменитом Гнездове, в котором обычно видят «анклав викингов»³, «едва ли не самый крупный в Восточной Европе скандинавский некрополь», опорный пункт норманнов, «преодолевавших сопротивление Хазарии»⁴, северные изделия встречаются не чаще, чем западнославянские, восточные или западно-европейские. В целом, как подытоживает Толочко, говоря о наличии скандинавских вещей на территории Руси, «это только небольшая доля из общего числа археологических находок IX–XI вв.»⁵.

Итак, в пределах Восточной Европы фиксируется самое незначительное количество изделий, связанных со Скандинавией и занесенных на Русь разными путями и далеко не всегда норманнами, так как эти вещи были предметами широкого обмена, купли — продажи, военными трофея-

ми. Именно торговлей объяснял И.П.Шаскольский их присутствие в русских землях, а В.М.Потин — «необходимостью скандинавских стран расплачиваться за русское серебро»⁶. Еще «ультранорманист» А.А.Шлецер, тщательно изыскивая и взвешивая свидетельства в пользу пребывания скандинавов на Руси, вынужден был признать в 1802 г., что шведов среди восточных славян «было очень немного». К такому же выводу пришел в 1877 г. другой кумир современных норманистов датский лингвист В.Томсен: число скандинавов, по его словам, «было сравнительно так мало, что они едва ли могли оставить по себе сколько-нибудь заметные племенные следы»⁷. Шведский историк И.Андерссон в середине ушедшего столетия говорил о «небольших колониях» норманнов «среди многочисленного русского населения». Наш соотечественник А.Я.Гуревич в 1966 г. отмечал «относительную немногочисленность скандинавов на Руси», составлявших, по его словам, лишь «незначительную кучку». В 1970 г. В.Т.Пашуто соглашался с мнением польского историка Х.Ловмянского, что норманны в Восточной Европе — это «капля в славянском море»⁸.

Такие самые незначительные оценки числа скандинавов, бывавших на Руси, весьма показательны, ибо свидетельств в пользу их пребывания в ее землях в IX—XI вв. ничтожно мало, с чем не могли не считаться солидные норманисты прошлого. Но современные скандинавоманы резко увеличили численность норманнов в Восточной Европе. Так, если послушать петербургского профессора Р.Г.Скрынникова, то она буквально кишмя кишела ими. Как уверяет он, «важнейшей особенностью истории Руси X в. было то, что киевским князьям приходилось действовать в условиях непрерывно возобновлявшихся вторжений из Скандинавии», а на ее территории находилось «множество норманских отрядов». Только, конечно, самым массовым наплывом викингов и можно объяснить слова ученого, что «на обширном пространстве от Ладоги до днепровских порогов множество мест и пунктов носили скандинавские названия»⁹. Настолько массо-

вым, что они смогли не только основать «множество мест и пунктов» на огромной территории, протянувшейся с севера на юг более чем на тысячу километров, но и, выходит, совершенно выгравить из памяти туземцев давно сложившуюся здесь угрофинскую и восточнославянскую географическую номенклатуру, навязать им совершенно чуждые топонимы.

Зададимся вопросом, а что могут значить все рассуждения Скрынникова о норманнах в цифровом исчислении, если уж они заставили даже саму землю восточных славян напрочь «забыть» веками устоявшиеся названия и «перейти» на скандинавский язык, при этом уточняя его рассуждения летописными данными? Так, он утверждает, что «крупнейшие походы русов на Константинополь X в.» были «совместным предприятиям викингов», в которых они являлись основными, а в ряде случаев даже единственными участниками. Еще в 860 г. ими якобы был произведен «кровавый и опустошительный набег» на Византию¹⁰. Летописец, датируя это нападение 866 г., приводит число русских кораблей, подошедших к столице Империи: 200, «а в корабли, — как уточняет статья под 911 г., — по 40 мужь», т. е. войско Аскольда и Дира насчитывало не менее 8000 воинов. Скрынников нисколько не сомневается, что русско-византийский договор 911 г. был заключен именно «норманским войском»¹¹. А летопись констатирует (под 907 г.), что у киевского князя Олега были весьма значительные силы, которые и принудили Византию пойти на подписание невыгодного для нее мира. Только морем плыли 2000 кораблей, что уже составляет 80 000 человек, да какая-то часть его войска, и надо думать, весьма немалая, шла еще «на конех» (исследователи называют цифру в 8—10 тысяч¹²). Главными же участниками похода были варяги: князь «поя же множество варяг...»¹³.

По словам Скрынникова, в походе 941 г., совершенном «союзом конунгов» — тмутараканским Хельгом, киевским Игорем и другими «вождями» норманнов, славянское ополчение вообще отсутствовало¹⁴. Следовательно, на Византию могли напасть

одни лишь только скандинавы. И сколько же их было на сей раз? Летописец, следуя за византийским источником, отмечает наличие у русских огромного флота: «скедий 10 тысящ», который включал, таким образом, 400 000 человек. Хотя эта цифра и преувеличена в несколько раз, численность войска Игоря была, конечно, немалой. Против него на суше выступило крупное соединение византийцев («Панфир деместик с 40-ми тысящ, Фока же патрекий с макидоны, Федор же стратилат с фраки, с ними же и сановници боярьстии»), в жестоком сражении едва одолевшее русь. Да затем еще состоялась битва на море. Вернувшись на родину, Игорь «нача совокупляти вое многи, и посла по варяги многи за море, вабя е на греки...». Через три года он, «совкупив вои многи», двинулся «на греки в лодях и на коних...». Как доносили корсунцы византийцам, «се идуть русь бецисла корабль, покрыан суть море корабля». Император был столь напуган этим нашествием, что не решился вступить в бой и уже в пределах Болгарии его послы предложили киевскому князю взять дань, «юже имал Олег, придам и еще к той дани». А так устрашить могущественных и гордых византийцев, вселить в них полную неуверенность в победе были способны только десятки и десятки тысяч воинов противника, первыми среди которых опять же названы варяги¹⁵.

Скрынников подсчитал, что викингов, якобы пришедших в 969 г. на Балканы на помощь Святославу после разорения ими г. Булгар и разгрома Хазарского каганата, было в полтора-два раза больше, чем собственно десяти тысячное войско этого «старшего конунга»¹⁶, также состоявшее в основном из норманнов. Остается лишь только гадать, сколько же было шведов в самом начале этого «крупного вторжения скандинавских викингов в пределы Восточной Европы»? Им же предстояло сразиться с булгарами, затем с хазарами, а все они умели воевать. Для хазар это был вообще последний бой, так что одна только эта смертельная схватка должна была унести, по неумолимым законам войны, многие жизни, но после нее в строю еще насчитывалось, по

уверению профессора, 15—20 тысяч пришельцев с севера. Швецию, в таком случае, должно было покинуть куда значительно больше, может быть, 25 000, а может быть, 30 000 человек. Скрынников не признает эту цифру, а только скупко роняет, как и подобает человеку, которому ведомо многое, что разгром Хазарии мог быть осуществлен «лишь очень крупными силами», набранными в Скандинавии¹⁷.

Если взять во внимание не только цифры, но и категории («крупнейшие походы», «крупное вторжение», «очень крупные силы»), которыми с такой легкостью оперирует Скрынников в своем разговоре о скандинавах, его убежденность в норманнстве киевских князей IX — начала XI вв. и их многотысячных подручных, весьма впечатляющую численность хотя бы только войск Олега, Игоря, Святослава, будто бы состоявших преимущественно из викингов, тот период, в который скандинавы якобы постоянно или вторгались на Русь, или действовали в ее пределах, или проходили через нее: вторая половина IX — первая половина XI гг., их якобы широкомасштабные военные операции против Византии, Болгарии, Хазарии и прикаспийских государств, то, что они якобы «создавали для себя обширные опорные пункты на близком расстоянии от границ» Византии и т. д., и т. п., то вся совокупная численность норманнов, побывавшая за это время в Восточной Европе, а это двести лет как минимум, должна была бы тогда составить, по самым скромным подсчетам, 200 000—300 000 человек! В среднем, по 1000—1500 человек в год, что не так уж и много «в условиях, — как заверяет сам же ученый, — непрерывно возобновлявшихся вторжений из Скандинавии». Эту цифру можно спокойно увеличить, ведь первые колонии норманнов, считает Скрынников, появились в Ладоге уже в VIII в., а в X столетии на Руси находилось, как видит профессор из будущего далека, «множество норманских отрядов».

Скрынников не одинок в своей посылке о якобы самом активном и массовом участии викингов в русской истории. Точнее, он как раз и представляет собою подавляю-

щее большинство в отечественной науке, где принято, забыв о чрезмерной ответственности за сказанное и содеянное, очень уверенно и вместе с тем абсолютно бездоказательно говорить о «множестве шведов» на Руси¹⁸. Подобный настрой еще более характерен для зарубежных ученых. Как констатировал И.П.Шаскольский, в работах шведских исследователей 40–60-х гг. XX в. превалировало стремление показать, что главным содержанием истории Швеции в IX–XI вв. были вовсе не события внутренней жизни страны, а походы на Русь и создание там государства. Но раз главные события для Швеции происходили в Восточной Европе, то именно там тогда и были задействованы все ее людские ресурсы без какого-либо исключения.

Крупнейший норманист XX в., датский историк и литературовед А.Стендер-Петерсен был непреклонен в своем мнении, что шведы шли «с незапамятных времен непрерывно из Швеции на восток...». Один лишь только «наплыв» скандинавских купцов в IX–XI вв. Новгород, по его оценке, «был, по-видимому, огромный»¹⁹. В западноевропейской историографии культивируется мысль, что основанное норманами государство находилось «в политической связи со шведским королевством и даже носило название «*det stora Svitjod*» — «великая Швеция»²⁰. Такое название, конечно, могло возникнуть лишь при условии самого массового присутствия шведов в Киевской Руси, настолько массового, что они не затерялись среди ее многочисленных жителей, около 1000 г. составлявших, по оценке Б.Ц.Урланиса, принятой зарубежными исследователями, как минимум 4,5 миллиона²¹, и в корне изменили, как это следует из утверждений Скрынникова, сам «язык земли» — топонимику Восточной Европы. Но если все было так, как говорят норманисты, то что будут значить все разглагольствования о пребывании скандинавов на Руси, если их перевести, как и в случае со Скрынниковым, в конкретные цифры?

Согласно Э.Пирсону, в конце VIII в., т. е. перед началом эпохи викингов, население Скандинавии составляло примерно

2 миллиона человек. Но скоро, утверждает он, его численность «стала стремительно расти». С.Д.Ковалевский также говорит об увеличении населения Швеции в эпоху викингов²². В отношении IX–XI, а также XII — первой половине XIV в. данных о численности ее населения нет. Одни исследователи полагают, что в границах XIII в. оно вряд ли превышало полмиллиона человек²³, другие считают, что эта цифра была достигнута лишь в середине XIV века²⁴. По мнению ряда ученых, в XIV в. на территории Швеции проживало 600 000 человек²⁵. Эпоха викингов, вызвавшая напряжение физических сил скандинавов, привела к значительному уменьшению их численности. Поэтому можно уверенно сказать, что население Швеции в IX–XI вв. превышало полмиллиона человек и колебалось, беря во внимание расчеты Пирсона, в рамках 700 000–800 000. И если из этого числа на восток был брошен абсолютно весь потенциал страны, т. е. все воины и все купцы, а также какая-то часть ремесленников и крестьян, то за два-три столетия их должно было набраться в совокупности несколько сотен тысяч!

В 1985 г. шведский археолог И.Янссон весьма осторожно, но все же предположил, что в эпоху викингов численность скандинавов на Руси могла равняться более чем 10% населения Швеции. Размер «шведской иммиграции», по его словам, «был настолько велик, а захороненных женщин (скандинавок. — В.Ф.) настолько много, что иммигрантами не могли быть только воины, купцы и др. В их числе должны были быть и простые люди». Как конкретизировал ученый свою мысль позже, его соотечественники шли на Русь для несения военной службы, занятий ремеслом и даже сельским хозяйством, переселяясь «на восток Европы целыми коллективами, да и в походы и на военную службу пребывали большими группами, что предполагает их постоянное проживание, нередко семьями, в городах и иногда сельских местностях»²⁶. Видя нескончаемый поток «целых коллективов» и «больших групп» воинов, купцов, ремесленников, крестьян, бредущих и плывущих кто налегке, а кто с домочадцами к

восточным славянам на постоянное местожительство, не стоит удивляться выводу Янссона, что Русь смогла притянуть к себе более 1/10 части всего населения Швеции, в общей сложности проживавшего в ее пределах в эпоху викингов. Но это означает, что каждый год на Руси бывал как минимум каждый десятый швед.

Иногда норманисты дают кое-какие оценки тому числу скандинавов, которых они приводят в Восточную Европу. Так, Скрынников в 969 г. вывел на ее просторы более 20 000 (25 000—30 000?) воинов. И это только в один год! Швеция, как источник людских ресурсов, оказывается, была просто неиссякаемой и являла собой «фонтан жизни». Там словно произошел невиданный демографический взрыв, что заставляет заподозрить суровых викингов в несвойственной им сентиментальности и необыкновенном чадолюбии. Так, всего лишь через несколько лет после «призыва Скрынникова» уже датчанин А.Стендер-Петерсен в 977 г. трубит новый сбор и начинает вербовать для Владимира Святославича наемников в Швеции. Причем, поясняет ученый, это предприятие «было делом отнюдь нелегким и непростым», т. к. для его подготовки требовалось не только «разрешение конунга», но и «хорошо действующий аппарат вербовки и организации вербовки войска и требовалась финансовая поддержка». Но Стендер-Петерсену удалось все уладить: опираясь на торговые связи своих соседей, он сумел не только набрать Владимиру «громadное войско», но и профинансировать «его перевод в Новгород»²⁷. Сегодня А.С.Кан в стиле приключенческого жанра живописует, как Владимиру, бежавшему от братьев (I) в Швецию, вербовка воинов «была разрешена шведским королем и поддержана объединением (bolag) тамошних купцов. На их судах варяги были доставлены в Новгород, откуда Владимир двинулся на юг...»²⁸. Речь, когда используется ни какое-нибудь определение, а «громadное», да когда еще перед глазами рисуют картину «десантных» судов, может, конечно, идти только о многих десятках тысяч воинов. Стендер-Петерсен был уверен, что на князе Владимире

поток скандинавов на Русь не прекратился. По его словам, Ярослав Мудрый несколько раз «выписывал» норманские дружины, используя их «в междоусобных и других войнах» в 1014, 1018, 1024, 1036 и, может быть, в 1043 гг.²⁹, в результате чего на Руси должен был побывать еще десяток-другой тысяч викингов.

Ни один источник, кстати, не говорит о пребывании Владимира в Швеции. Повесть временных лет (ПВЛ) лишь сообщает под 977 г., что он, «слышав же... яко Ярополк уби Ольга, убоаяся бежа за море» (т. е. бежать он мог только от одного брата — Ярополка; а «за морем» тогда полагали все, что находилось вне пределов Руси вообще, так и сегодня всю «заграницу» помещают «за бугром»³⁰), да под 980 г. констатирует его возвращении: «Приде Володимир с варяги Ноугороду...»³¹. Все подробности о наборе им войска и его отправке на Русь также существуют только в воображении скандинавов. Это же качество, надо заметить, великолепно развитое у норманистов, позволило Стендер-Петерсену без каких-либо проблем собрать в Швеции ни много, ни мало, а именно «громadное войско», которое затем Кану, сумевшему как-то договориться с «тамошними купцами», пришлось перебрасывать на Русь. А что если сложить «очень крупные силы» норманнов (25 000—30 000), оказавшихся на Руси со Скрынниковым во главе, и «громadное войско», доставку которого туда же «профинансировал» Стендер-Петерсен, учитывая при этом, что «громadное войско» — это намного больше, чем «очень крупные силы»? Сложив, получается, что всего лишь за 11 лет (969—980) из Швеции прибыли в Восточную Европу как минимум тысяч 70 викингов, т. е. в среднем в год она могла выставлять по 5—6 тысяч и причем одних только воинов. Теперь умножим это количество хотя бы на 200 лет и получится норманская концепция, выраженная языком цифр самими же норманистами: в пределах Руси с середины IX по середину XI в. могло побывать порядка 1 000 000 шведов! В этих расчетах можно взять даже значительно меньшую цифру

ежегодных выходов варягов на Русь. Так, по свидетельству Киево-Печерского патерика, варяг Шимон бежал к Ярославу Мудрому с 3000 своих соплеменников³². Но и в этом случае викингов, якобы посещавших на протяжении названного времени Древнерусское государство, набирается как минимум полмиллиона человек.

В зарубежной и отечественной науке принято разделять норманнов, нападавших на Европу, на две части. А.Я.Гуревич, Э.Нюлен, Э.Пирсон говорят, что норвежцы с датчанами действовали на Западе, а шведы — на Востоке, вплоть до Руси и дальше³³. Г.В.Глазырина, Т.Н.Джаксон, Е.А.Мельникова также не сомневаются, что естественным направлением движения норвежцев и датчан было западное, а шведов — восточное, «что, впрочем, — добавляют они, — не исключало участия шведов в западных походах, равно как норвежцев и датчан в походах на восток»³⁴. Гуревич, видя в варягах прежде всего викингов из Швеции, вместе с тем отмечает пребывание на Руси норвежцев³⁵. Янссон уверен, что в землях восточных славян бывали, наряду со шведами, выходцы из Дании и Норвегии³⁶. Скрынников полагает, что если в страны Западной Европы вторгались викинги из Дании и Норвегии, то на Восточную и Южную Европу нападали «норманские флотилии из Норвегии и Швеции»³⁷. Такого рода рассуждения заставляют прибавить и так к огромному числу шведов, якобы действовавших на востоке, еще какую-то часть (и весьма немалую!) норвежцев и датчан, что еще больше увеличивает суммарную численность норманнов, будто бы бывавших на Руси в IX—XI столетиях.

В целом, согласно представлениям скандинавومانов, если сложить их воедино, в Восточной Европе побывали сотни тысяч норманнов! Возможно, миллион и даже более! А это ведь не иголка в стогу сена. И если норманнство варягов — не плод воображения и не навязчивая галлюцинация, а историческая реальность, то пришельцы с севера, носители отличной от славян культуры, якобы в массовом порядке посещавшие Русь, оставили бы столько

следов своего пребывания в ее пределах, что они бы встречались на каждом шагу и в большом количестве. Но этого не наблюдается совершенно, и «огромное количество» скандинавских предметов «во множестве географических пунктов», о чем говорит В.Мурашова, является лишь порождением навязчивой идеи, имя которой скандинавомания³⁸. Норманских вещей обнаружено так немного, что они абсолютно теряются на фоне всей массы вещевого инвентаря IX—XI веков. И это есть непреложный факт. С другой стороны, большая армия ученых несколько столетий неустанно трудится над темой «Норманны и их роль в жизни восточных славян», что является лишь исторической фантазией.

Фантазия эта зиждется на абсолютизации отсутствовавшего в нашей истории скандинавского фактора, в свете чего в кривых зеркалах норманизма отражается Русь не славянская, а Русь скандинавская. Норманисты, разными способами выправляя из нашего сознания славянскую Киевскую Русь, вместе с тем идут на подмену очень важных понятий, пытаются подвести нас к мысли о существовании никогда не существовавшей Скандинавской Руси. Несколько примеров тому.

В 1994 г. на страницах журнала «Новый мир» академик Д.С.Лихачев, мнение которого до сих пор весьма весомо в науке, предложил, словно речь шла о чем-то мало-важном и совершенно незначительном, называть Киевскую Русь «Скандославией». Как уверял он, «для Русской земли (особенно в первые века ее исторического бытия) гораздо больше походит определение Скандославии, чем Евразии...». При этом ученый утверждал, что «в возникновении русской культуры решающую роль сыграли Византия и Скандинавия, если не считать собственной ее (т. е. Руси. — В.Ф.) народной, языческой культуры». В 2001 г. вышла книга Лихачева «Раздумья о России», сданная им в печать, по словам издателя, за несколько дней до кончины. В ней «новомировская» статья продублирована, хотя и под другим названием, что еще раз многотысячно растиражировало идею о Киевской Руси как о «Скандославии»³⁹. В

виртуальной «Скандославии», навязываемой нам в качестве исторической реалии, русские, как видно из ее названия и из вышеприведенных слов академика, располагаются где-то далеко на задворках своего бытия и имеют к своей же культуре куда меньшее отношение, чем имеют к ней греки и скандинавы. Новообразование «Скандославия» уже начало засорять науку, перекочевало в научные труды, где служит основой для раздувания еще одного мифа, согласно которому «Скандинавия и Русь составили исторически удачный и очень жизнеспособный симбиоз»⁴⁰, и что в условиях этого симбиоза «древнерусское общество развивалось быстрее и успешнее, чем шведское, пока Киевское государство не распалось в середине XII века...»⁴¹.

В тех же 90-х гг. XX в. Р.Г.Скрынников настойчиво проводил на страницах учебных и академических изданий идею о существовании не Киевской Руси, а «Восточно-Европейской Нормандии»⁴². Все факты русской истории середины IX — первой половины XI вв. он преподносит только как действия неумолимых и вездесущих викингов, творящих, словно сказочные герои, немыслимые чудеса в Причерноморье, в Прикаспии, на Балканах, с легкостью повергая в пыль и в прах всех врагов восточных славян. Самим же восточным славянам, о которых говорится немного, Скрынников отводит в их же собственной истории незначительную и вместе с тем самую незавидную роль: они либо данники своих «благодетелей», либо их рабы. Уровень их развития, как вытекает из его рассуждений, был весьма незначительным: до норманнов у них не было даже былин, ибо, считает он, лишь только «саги превратились в славянские былины» (они же лежали, по его мнению, и в «основе дружинного эпоса»). Без Перуна и Велеса, которых ученый отнимает у восточных славян и выдает этих богов, совершенно не известных германцам, за покровителей норманнов, весьма скудно выглядят религия наших предков⁴³.

Попытки навесить на здание Древнерусского государства новые таблички со всей полнотой характеризуют состояние

разработки его истории и преследуют далеко идущие цели. «Скандинавские» указатели уже по-иному ориентируют нас в нашем же прошлом, дают в нем заведомо ложные адреса, следуя которым нам трудно найти своих далеких родственников, в полной мере воздать им должное за их ратный и мирный труд, с большой пользой для себя осмыслить деяния предков. В былые времена, когда целенаправленно «вбивалась» мысль, что все мы «родом из Октября», с подобной лихостью переиначивали улицы и города, а с карты было стерто само слово «Россия», что во многом изуродовало и разрушило историческую память нашего народа. Хорошо известна мысль, что, не познав прошлого, нельзя познать самих себя. А что может дать нам опыт прошлого, возведенный на зыбучих песках норманизма? «Предложения» Лихачева и Скрынникова далеко не новость, нечто подобное утверждалось задолго до них, и что, казалось, навсегда кануло в Лету. Но с началом нового Смутного времени на Руси из дальних запасников норманизма на свет Божий были извлечены идеи, не имеющие к науке никакого отношения, хотя их реанимацией занялись высоко титулованные и авторитетные ученые.

В 1834 г. О.И.Сенковский, уверяя, что «история России начинается в Скандинавии», буквально переселил последнюю в Восточную Европу. «Не трудно видеть, — убеждал он, — что не горстка солдат вторглась в политический быт и нравы... славян, но что вся нравственная, политическая и гражданская Скандинавия, со всеми своими учреждениями, правами и преданиями поселилась на нашей земле; эта эпоха варягов есть настоящий период Славянской Скандинавии (выделено мною. — В.Ф.)». Полагая, что характер эпохи и устройство общества были «скандинавскими, а не славянскими», Сенковский заключал, что восточные славяне утратили «свою народность», сделались «скандинавами в образе мыслей, нравах и даже занятиях», что всецело привело к общему преобразованию «духа понятий, вооружения, одежды и обычаев страны», к образованию славянского языка из скандинавского. Сенковский ут-

верждал, что скандинавы смотрели на «новую Скандинавию», т. е. на Русь «как на продолжение Скандинавии, как на часть их отечества», видел в Ярославе Мудром «норманна душою и сердцем». Считая, что летописец «составил значительную часть летописи из скандинавских саг», он первым в науке сказал об участии норманнов в создании ПВЛ, тем самым сделав первый шаг в направлении, ведущем к утверждению приоритета скандинавов в возникновении русского летописания. Свой панегирик в честь шведов Сенковский заканчивал словами, что «если бы у нас было двадцать таких саг», как Эймундова сага, то «мы имели бы гораздо точнее понятие о деяниях, духе и обществе того времени, чем обладая десятью летописями, подобными Нестеровой»⁴⁴. В 1837 г. С.Сабинин, полностью рассуждая в духе Сенковского, в свою очередь во многом отказал русским в праве на фольклор, говоря, что только из исландских саг можно объяснить многие наши пословицы, «напр., *einn er útkvisi oeltar hvettar* (здесь и далее курсив автора. — В.Ф.), что значит: *в семье не без урода*»⁴⁵.

«Ультранорманизм» Сенковского и Сабинина оказался столь заразительным, что им тогда «заболели» многие. Так, в 30–40-х гг. М.П.Погодин уверял, что «саги чрезвычайно важны для нас, изображая нам живо норманнов, которые были главными действующими лицами в нашей истории в продолжении первых двух сот лет...». В полном согласии с Сенковским он говорил, что «саги были одним из источников Нестора», которому шведы могли рассказывать «о своих подвигах и подвигах предков, как их соотечественники рассказывали дома сочинителям саг». Именно они наговорили летописцу «сказок известных также на севере» — о колесах кораблей Олега, о его смерти, о сожжении Ольгой Искоростеня при помощи птиц «и другие баснословные известия», донесли ему сведения «о разных иных племенах, живших преимущественно по берегам морей Балтийского и Немецкого... они же сообщали ему известие и о пути из варяг в греки». И эти рассказы норманнов, сохранившиеся в преданиях, в песнях, в сагах, или по-

лученные Нестором изустно, «были употреблены им при сочинении летописи...». Нисколько не сомневался Погодин и в том, что у скандинавов «была сага о Рюрике и о прибытии его в Новгород, коею воспользовался Нестор». Затем историк добавил, что, во-первых, «записки» о норманнах-варягах «могли быть гораздо древнее, то есть относиться к началу государства, к эпохе прибытия норманнов, ко второй половине IX столетия», и, во-вторых, скандинавы сообщили все «это Нестору, и пояснили, что русь со шведами составляли один народ и разные племена»⁴⁶. В 60–70-х гг. XIX в. А.А.Куник, впервые сопоставив в науке летописное Сказание о призвании варягов с рассказом Видукинда Корвейского о призвании саксов в Британию, предположил, что «кажется, как будто древнее предание о призвании сакских воевод было перенесено на призвание Рюрика и его братьев, но вместе применено было к действительному положению дел»⁴⁷. В 1877 г. на «поразительное сходство» Сказания и рассказа Видукинда указывал В.Томсен⁴⁸. После столь авторитетных заключений в науке стало буквально «модным» раскладывать ПВЛ на германо-скандинавские «косточки и составные», и процесс вымывания ее самобытной основы приобрел эффект «снежного кома». Большой вклад в это дело внесли российско-советские исследователи XX века.

В 1911 г. Б.М.Соколов, выступая на XV Археологическом съезде, сказал, что летописные сообщения о женитьбе князя Владимира восходят к той древнегерманской версии, что послужила источником некоторых песен о Нибелунгах и рассказа Тидрек-саги. Через двенадцать лет ученый свой доклад развернул в большую статью, доказывая, что «германский эпический источник», к которому он возводил материал о сватовстве Владимира к Рогнеде, женитьбе его на ней и ее мести мужу, был воспринят дружинниками, находившимися «в тесной связи с поэтическим творчеством соседних германских народов». В начале XIV в. эта устная традиция была перенесена в летопись. В 1914 г. П.М.Бицилли выдвинул, по его же скромному

признанию, догадку о «значительном влиянии известий о Владимире, сложившихся на Западе, на нашу летопись». Он утверждал, что во второй половине XI в. на Русь была занесена из Саксонии версия крещения Владимира и Сказание о крещении Хлодвиг, использованные при составлении летописи. В 1922 г. С.В.Бахрушин отстаивал тезис, что выделяемая им в составе летописи Повесть о первых русских князьях, рассказывающая про Кня, Щека и Хорива, про призвание варягов, про поход Олега и его смерть, про борьбу Игоря с древлянами, сформировалась под «сильнейшим» воздействием скандинавского эпоса. Еще один летописный источник он видел в Повести о крещении Руси, возникшей под влиянием «хазарского религиозного фольклора», византийских преданий, распространенных «в греческом Причерноморье» и, конечно, все того же скандинавского эпоса⁴⁹.

В 1935 г. М.П.Алексеев, ведя речь о тесных культурных связях Англии и Руси как через скандинавов, так и непосредственно, через родственные, например, связи Владимира Мономаха, женатого на Гите, дочери английского короля Гаральда, проводил мысль, что «Поучение» князя могло быть написано под влиянием англосаксонского памятника «Отцовские поучения» начала VIII века. По его словам, Гита, знакомая с этим произведением, могла подать мужу, возможно, даже знавшему англосаксонский язык, идею написать подобное «Поучение». В 1936 г. Б.Д.Греков, отталкиваясь от вывода Алексеева, сказал, что «Поучение» князя «едва ли не навеянное на него соответствующими английскими образами». О близости Сказания о призвании варягов к аналогичным западноевропейским сюжетам, в особенности, к известию Видукинда заговорил в 1938 г. В.А.Пархоменко. «Уже это выявление литературного источника, — делаясь соображениями ученый, — ослабляет историческую цену сказания о призвании». В 1940 г. М.Н.Тихомиров свое мнение о легендарном характере Сказания аргументировал тем, что оно якобы буквально повторяет слова подобной англосаксонской легенды⁵⁰.

Идея о прямом воздействии на литературу эпохи Киевской Руси англосаксонских памятников получила в послевоенное время значительную поддержку в лице многих ведущих историков той поры. В 1940—1970-х гг. В.В.Мавродин, глядя в основу своих рассуждений распространенное в науке мнение о существовании тесных связей династии русских князей и английского королевского дома, нисколько не сомневался в том, что при дворе Владимира Мономаха «могли оказаться английские барды, привезшие на берега Днепра свой песенный материал». Исходя из этого допущения, он уверял, что в Киеве XI—XII вв. были известны ирландское предание о призвании трех братьев и аналогичное повествование Видукинда, которые, по его убеждению, «несомненно, послужили прототипом рассказа летописца, создавшего свое сказание под влиянием рассказов и песен англосаксов Киевского двора». При этом историк, конечно, не забыл вновь озвучить мысль о англосаксонских параллелях к «Поучению» Владимира Мономаха⁵¹. В 1950—1990-х гг. Б.А.Рыбаков рассматривал летописное известие о призвании варяжских князей как пересказ какого-то скандинавского сказания, как «ходячую легенду», характерную для всей Северной Европы, как повтор известного англосаксонского предания. Его «переносчиком» на русскую почву он считал Мстислава Владимировича, двор которого был родственно близок тому, о котором писал Видукинд: Мстислав — сын Владимира Мономаха и английской принцессы Гиты Геральдовны, в первом браке был женат на шведской принцессе Христине. В 1968 г. В.Т.Пашуто, выводя Сказание о призвании варягов «из славянского или скандинавского эпоса», появление в ПВЛ «англосаксонского мотива о трех братьях» также связал с женитьбой Владимира Мономаха на Гите. Тогда же он многозначительно напомнил, что сюжет с парусами в описании похода Олега на Византию имеется в скандинавских сагах⁵².

Параллельно с англосаксонской темой в нашей науке послевоенной поры широко оказалась задействована и та, у истоков ко-

торой стояли О.И.Сенковский и М.П.Погодин, и которую активно пропагандировали в своих трудах иностранные, прежде всего скандинавские исследователи XX века. В 1961 и 1965 гг. о влиянии на формирование Сказания о призвании варягов распространенного в шведском фольклоре сюжета о призвании трех братьев писал И.П.Шаскольский. В 1973 г. М.А.Алпатов убеждал, что рассказ о добровольном призвании князей был создан самими же норманнами, знавшими новгородские порядки. В 1986 г. А.Н.Кирпичников, И.В.Дубов, Г.С.Лебедев известили научную общественность, что существовал общий фонд эпических сюжетов и образов, сложившийся «в смешанной, славяно-варяжской среде и по преимуществу на Руси», который лишь частично вошел в древнерусскую литературу, оставив следы «прежде всего в новгородских летописях, в меньшей мере в «Повести временных лет», где подвергался наибольшей переработке и систематизации в соответствии с киевской традицией». По их словам, «скандинавские элементы» присущи и для Иоакимовской летописи. В 1999 г. Г.В.Глазырина, Т.Н.Джаксон, Е.А.Мельникова, говоря о родстве сюжета о смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавских традициях, заключили, что зародился он в среде скандинавских дружинников на Руси и лишь затем был перенесен ими в Скандинавию⁵³.

Огромное воздействие на умы отечественных ученых, о чем они обычно скромно умалчивают, оказала западноевропейская историография ушедшего столетия⁵⁴, интерпретирующая нашу летопись исключительно как памятник скандинавского эпоса и фольклора. В подобном ключе она преподносит и былины, утверждая тем самым, что норманны оставили глубочайший след в памяти восточных славян. В 1917 г. шведский археолог Т.Ю.Арне выпустил труд «*Det stora Svitjod*» («Великая Швеция»). Но так он назвал не только книгу, так он назвал и само государство восточных славян — Киевскую Русь, ибо она, по его убеждению, основанная норманнами, находилась в политической связи со Швецией. Всячески пытаясь это доказать, Арне с блеском проде-

монстрировал, как в «умелых» руках норманиста по-скандинавски будет звучать любой источник, в том числе и русский эпос. Так, Алеша Попович без лишних хлопот был превращен им в норманна, ибо прибыл «из-за моря Ракович», что якобы означает «варягович, сын варяга». Прозвание Авдотьи Рязанки оказалось не чем иным, как образованным от «*varjažanka=varjažkvinna*». Главный герой наших былин Илья Муромец, олицетворяющий собою именно русскую мощь и русскую удадь, по воле ученого также стал скандинавом, ибо в действительности он «*muŕman*», «*Norŕman*», «*man från Norden*», «*Ilja från Norden*», а «н», объясняет Арне, перешло в «м», как «Никола» в «Микоду»⁵⁵.

В своей трактовке русских былин Арне не был оригинален. Впервые в науке русского богатыря Илью Муромца «записал» в скандинавы, как он сам же выразился, «с высокой долей вероятности» А.А.Куник в 1845 году. В советское время, надо добавить, видимо, один лишь только А.И.Лященко будет проводить ту же мысль, полагая, что прозвище Ильи Муромца свидетельствует не о происхождении богатыря из города Муром, а о его связи «с мурманами, т.е. с норвежцами»⁵⁶.

В 1930—1950-х гг. датский славист А.Стендер-Петерсен активно развивал тему, что ядро ПВЛ в части за IX—X в. составляет скандинавский фольклор и эпос, и многим летописным известиям подыскал надлежащие прототипы. Свои предания норманны, утверждал он, перенесли на Русь не из Скандинавии, а из Византии. Переработанные затем на Руси в норманнской среде, они позднее «перекочевали» на Север. По его мнению, центральными фигурами целого цикла таких рассказов были князь Олег и княгиня Ольга. Сказание о призвании варягов квалифицируется им как «сага» о шведском народе русь и его переселении в Восточную Европу, записанная летописцем в XI или в XII в. со слов дружинников-норманнов. Возникла она «в византийском варяжском мире», где переплелись две однородные саги: переселенческая сага о трех братьях из Швеции, родившаяся среди финско-шведских колонис-

тов, и сага англо-датчан, вытесненных из Англии норманнами Вильгельма Завоевателя, повествующая о призвании англосаксов на Британские острова. «Сага» о призвании варягов служила доказательством легитимности господства варяжского княжеского рода на Руси, и ею летопись начала историю возникновения Древнерусского государства. Стендер-Петерсен полагал, что первоначально в северных пределах Восточной Европы возникло шведское государство Русь. Затем скандинавы, захватив Поднепровье, перебазировались в Киев и подчинили себе восточных славян, создав тем самым первое в их истории государство, в котором весь высший слой — князья, дружинники, управленческий аппарат, а также купцы — были исключительно норманнами. В этом «скандинавско-славянском» государстве, по мнению ученого, «был создан особый смешанный варяго-русский язык». В области Двины существовало еще одно «скандинавско-славянское» государство с центром в Полоцке, в 980 г. разгромленное Владимиром³⁷. В 1960 г. Стендер-Петерсен говорил о возникновении около VIII в. «Ладожского шведского княжества», которое не позднее IX в. стало каганатом, а главы его именовались каганами. Вскоре шведский («русский») каганат подчинил себе Новгород, а затем Киев, завершив тем самым создание Древнерусского государства³⁸.

В 1946 г. английский историк Н.Чадвик еще в большей степени, чем Стендер-Петерсен, проводила мысль об исключительном влиянии скандинавского фольклора на формирование летописи, которая, если послушать ее, буквально соткана из саг. Так, например, рассказы об Олеге и мести Ольги древлянам — это «норманские саги», повествование о Святославе — песни скальдов, сведения о военных действиях русских князей за первую половину XI в. внесены в летопись только со слов дружинников-норманнов³⁹ и т. д. М.Н.Тихомиров, отмечая тенденциозность исследовательницы, верно сказал: она твердо уверена в том, «что всю русскую древность IX—XII вв. можно легко объяснить скандинавскими сагами»⁴⁰. Следует сказать больше: вместо

русской истории Чадвик по сути представила историю шведскую, только разыгравшуюся на бескрайних просторах Восточной Европы, где скандинавы выступили «замечательными организаторами государства». Как полагает Чадвик, с призвания варяжских князей летопись начинается «скандинавский период» в русской истории. Для нее все киевские князья до Владимира включительно — норманны, а в действиях Ярослава Мудрого она видит «проскандинавские симпатии». Княгиня Ольга стала у нее дочерью Олега, а рабыня Малуша, наложница Святослава и мать Владимира, — «древлянской принцессой», дочерью древлянского князя Мала⁴¹.

И.П.Шаскольский справедливо заметил в отношении утверждений Чадвик, что они «по ближайшем рассмотрении оказываются бездоказательной болтовней, не имеющей прямого отношения к науке». В целом он констатировал, что западноевропейские ученые дают норманистскую трактовку ПВЛ, в связи с чем «создание русского летописания в значительной мере приписывается все тем же норманнам», хотя, как подчеркнул при этом историк, против этого «с очевидностью говорит и то обстоятельство, что *Повесть временных лет* написана не на скандинавском, а на русском языке, и в ней не содержится ни малейших признаков, которые позволяли бы говорить не только о влиянии скандинавского языка, но хотя бы о самом элементарном знакомстве создателей этого произведения с языком норманнов; тем более нет никаких признаков переводного характера со скандинавского языка ни для всего произведения, ни для тех отрывков, сюжеты которых находят аналогии в скандинавском эпосе»⁴². Еще Е.А.Рыдзевская, специально рассмотрев летописные известия на вопрос их скандинавского происхождения, пришла к выводу, что «один из самых вредных предрассудков, созданных старой норманнской школой, заключается в трактовке древнерусских преданий, близких к скандинавским, исключительно как заимствований из скандинавского источника». Поэтому теорию заимствования, заключала исследовательница, прекрасный знаток скандинавской

истории и культуры, сторонница норманистства варягов, «следует ограничить и проверять критически в значительной мере строже, чем часто делается...»⁶³.

Она решительно выступила как против того, чтобы приписывать элементы Сказания о призвании варягов рассказам скандинавов, так и против того, что оно представляет собой разновидность скандинавского переселенческого сказания или восходит к аналогичным западноевропейским мотивам, относя их все в целом к «искусственным книжно-литературным комбинациям»⁶⁴.

М.В.Ломоносов, говоря о призвании варягов, отмечал один весьма существенный факт: «Истина сия, кроме многих других доказательств, явствует, что нормандские писатели конечно бы сего знатного случая не пропустили в историях для чести своего народа, у которых оный век, когда Рурик призван, довольными обстоятельствами описан»⁶⁵. Исчерпывающе емко сказал по тому же поводу немец Г.Эверс, охарактеризовав отсутствие у скандинавов преданий о Рюрике «убедительным молчанием». Поэтому, заключал он, «всего менее может устоять при таком молчании гипотеза, которая основана на недоразумениях и ложных заключениях...»⁶⁶. А.Л.Шлецер пытался нейтрализовать подобные доводы тем, что «скандинавы не имели еще летописей»⁶⁷. В.Томсен делал упор на то, что основание норманнами русского государства «прошло на Севере сравнительно незамеченным», тем более, что центр саг, Исландия, «был слишком удален от самой сцены события...»⁶⁸. Ныне Р.Г.Скрынников, несколько не утруждая себя доказательствами, твердит, что норманская дружина на Руси слагала саги о своих героях — викингах, «но саги не были записаны из-за отсутствия письменности у скандинавов». И хотя летописцы, полагает он, не знали саг, но при составлении летописи руководствовались дружинным эпосом и былинами, т.е. норманскими, по объяснению Скрынникова, преданиями⁶⁹.

Оно-то и удивительно, что скандинавы, саги которых, как считают специалисты, возникли в Исландии и очень поздно — на грани XII и XIII вв.⁷⁰, оказывается, мно-

гими столетиями ранее самым активным и самым непосредственным образом способствовали становлению летописного дела на Руси, относимого историками ко второй половине X в., и имеющего чисто русскую основу. Не иначе, как чудом, такое не назовешь. И когда они только успевали заниматься своей «культуртрегерской» миссией среди восточных славян? Неужто на привалах в короткие затишья между боями или на время отложив государственные дела? При этом шведы, которых обычно видят в варягах, настолько, видимо, поразитали на Руси свои творческие силы, что сами так и не смогли создать саг (если не считать «Гута-сагу», написанную в 20-х гг. XIII в. на Готланде), родиной которых стала Исландия, и которые справедливо поэтому считают «явлением сугубо исландским». Если же поверить Скрынникову, что норманны на Руси слагали саги в честь своих героев, то они непременно бы дошли до нас, как дошли многочисленные дошедшие о действиях скандинавов в Западной Европе, хотя они не были записаны синхронно тем событиям, о которых ведут речь, а записывались несколько столетий спустя. Общеизвестно, что исландские саги вобрали в себя историческую память скандинавов. И если в этой памяти нет имен русских князей Рюрика, Синеуса, Трувора, Олега, Аскольда, Дира, Игоря, Святослава, нет никаких следов пребывания выходцев из Скандинавии в Восточной Европе до Владимира Святославича, то это значит, что до 80-х гг. X в. норманнов не было в нашей истории вообще. Верно рассуждал в 1876 г. Д.Щеглов, что скандинавы «основали в продолжение трех десятков лет государство, превосходившее своим пространством, а может быть, и населением, все тогдашние государства Европы, а между тем это замечательнейшее событие не оставило по себе никакого отголоска в богатой скандинавской литературе. О Роллоне, овладевшем одною только провинцией Франции и притом не основавшем самостоятельного государства, а вступившем в вассальные отношения к королю Франции, саги знают, а о Рюрике

молчат»⁷¹. Действительно, более чем убедительное молчание.

Материализм наших ученых хорошо известен. Но, являясь норманистами, они безоглядно верят в чудеса, приписываемые скандинавам. Они сейчас, как и когда-то М.П.Погодин, исповедуют непоколебимую веру в «возможность существования не дошедшего до нас, созданного на древнесеверном языке источника летописного «Сказания о призвании варягов», который бытовал в смешанной славянско-скандинавской среде, и который летописец искажал при его включении в свой труд, в связи с чем у Рюрика появились братья Синеус и Трувор»⁷². А.Н.Кирпичников в последнее время говорит о том, что имелся договор, заключенный Рюриком с призвавшими его славянскими и финскими старейшинами, который «сохранялся в княжеском государственном архиве и был использован в начале XII в. летописцем, не понявшим некоторых его выражений»⁷³. В XIX в. предпринимались попытки объяснить имена братьев как неправильно понятую при переводе фразу «Rurik und sine getruwen», что не получило поддержки даже в среде норманистов и что как научный курьез привел И.Первоульф, большой знаток истории балтийских славян и германских народов⁷⁴. Важную роль в закреплении мнения о скандинавской основе Сказания о призвании варягов сыграли после Октябрьской революции наши историки-эмигранты. В 1929 г. Н.Т.Беляев утверждал, что в руках летописца был «малопонятный ему скандинавский текст», в результате чего прилагательные, окружавшие имя Рюрик — «Sig-niort» (верный) и «Thruwar» (победоносный) превратились в «существительные», в имена Синеус и Трувор⁷⁵. В 1931 г. историк-эмигрант В.А.Мошин сообщил о наличии в науке мнения, что в основе Сказания о призвании варягов лежит скандинавский источник, рассказывающий о прибытии «Рюрика со своим домом и верной дружиной» — «sin hous trëj wory» («tru varing»)»⁷⁶. В советскую историографию данное мнение перенес в 1956 г. Б.А.Рыбаков. С той поры до начала 1990-х гг. он доказывал легендарность призвания варягов-норман-

нов тезисом, что если Рюрик — реальное историческое лицо, то полностью «анекдотичны» («фантастические») его братья. Их имена Рыбаков объяснял из старошведского как результат «чудовищного недоразумения, происшедшего при переводе скандинавской легенды», когда новгородец, плохо зная шведский язык, «принял традиционное окружение конунга за имена его братьев» (Синеус — sine hus, «свой род», Трувор — thru varing, «верная дружина»)»⁷⁷. Утверждение об ошибке летописца было подхвачено и растиражировано в научной и популярной литературе многочисленными «борцами с норманизмом». Преподносимое с позиции антинорманизма и якобы долженствующее показать всю несерьезность самого разговора о роли норманнов в русской истории, это «новое прочтение» Сказания о призвании варягов, напротив, еще больше укрепляло наше общество в мысли о норманнстве тех, кто стоял у истоков русской государственности.

И ныне подрастающее поколение со школьной скамьи убеждают в шведской природе варягов все тем же допуском, что Синеус и Трувор — это следствие плохого знания летописцем шведского языка⁷⁸, убеждают в том, что их имена представляют собой не что иное, как кальки со шведского выражений «sine hus (sine use)» («с родом своим», «свой дом» или «его дом») и «thru varing (tru war)» («верная дружина», «верное войско»)»⁷⁹.

Взгляд на Сказание о призвании варягов как на памятник скандинавского творчества абсолютно не состоятелен, и его отвергают даже некоторые норманисты. Так, Е.А.Рыдзевская, отмечая, что в сагах не отразилась варяжская легенда, подчеркивает, что «против ее скандинавского происхождения, точнее — против ее оформления непосредственно на почве скандинавских преданий, говорит, между прочим, и то обстоятельство, что имена Рюрика, Синеуса и Трувора не образуют аллитерации, обычной для имен героев в древне-скандинавских сказаниях»⁸⁰. В.Я.Петрухин констатирует, что текст легенды «не несет никаких следов, позволивших бы заподозрить в ней перевод. Возведение же имен

Синеус и Трувор к упомянутым фразам фонетически невозможно»⁸¹. Затем совместно с Е.А.Мельниковой он еще раз сказал, что «необоснованны и не соответствуют морфологии и синтаксису древнешведского языка попытки истолковать имена Синеус и Трувор как осмысленные летописцем в качестве личных имен древнешведские фразы «со своим домом и верной дружиной», подразумевающие восхождение легенды к прототипу на древнешведском языке»⁸². Антинорманист Ю.Д.Акашев поясняет, что действительно, в шведском языке «*sip*» — свой, а «*hus*» — дом. Но в шведском языке, вместе с тем, невозможно сочетание «*sine hus*»: «свой дом» пишется в нем как «*sitt hus*», а «со своим домом» — «*med sitt hus*». Если же принять надуманную трактовку имен Синеус и Трувор, то получается, как показывает всю ее абсурдность Акашев, «что Рюрик обосновался в Новгороде (или Ладоге), «его род» — в Белоозере, а его «верная дружина» — в Изборске»⁸³.

Еще более абсурдно, в таком случае, будет звучать следующее известие Сказания о призвании варягов: «По двюю же лету Синеус умре и брать его Трувор; и прия власть Рюрик...»⁸⁴, а именно: «Два года спустя умерли «его род» и брат его «верная дружина». И принял всю власть Рюрик...». Рюрик, таким образом, остался как перст один, буквально разом потеряв всех, с кем он пришел на Русь — и «свой род» и свою «верную дружину», и непонятно каким это «мужем своим» он начал затем раздавать «грады; овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро». Такая вот несуразица предстает, если брать во внимание соображения норманистов в части имен братьев Рюрика, и которая выставляет летописца человеком, несущим полнейший вздор. Вместе с тем эта нелепость со всей полнотой характеризует уровень многих нынешних изысканий по варяжскому вопросу. Ведь «изъятие» из истории Трувора и Синеуса вызвано лишь только тем, что их имена, по признанию самих же норманистов, «не имеют убедительных скандинавских этимологий (особенно «Синеус») при том, что имя Рюрик соот-

ветствует древне-исланд. *Hroekr...*»⁸⁵. Отсюда Рюрик историчен именно как скандинав, но не историчны, «легендарны» его «нескандинавские» братья, поиски имен которых «в древнескандинавской ономастике, — с огорчением констатируют скандинавоманы, — не привели к обнадеживающим результатам»⁸⁶. А дальше все как в сказке про злого волшебника, который в бессильной ярости превращает Трувора и Синеуса в наказание за их нежелание быть шведами из людей в шведские слова, по словам А.Н.Кирпичникова, в «языковое недоразумение», долженствующее еще к тому указывать на норманскую основу Сказания о призвании варягов.

Невозможно представить, чтобы летописец, даже если бы он действительно записал рассказ скандинава или работал со скандинавским источником, вдруг так небрежно отнесся к его ключевой фигуре — Рюрику и, не поняв, по словам А.Н.Кирпичникова, «некоторых выражений», так исказил стоящие рядом с ним слова. Выражения, конечно, разные бывают и к ним по-разному относятся. Но смысл фраз, окружавших патроним, всегда был очень важным в средневековой литературе и носил сакральный характер, и его поэтому передавали с необходимой точностью. И в этом окружении особое внимание уделялось понятию «с родом своим», который в обязательном порядке использовали летописцы, говоря о восточнославянских племенах, о пришедших к ним народах, о родоначальниках тех и других. Вот что, например, сообщает ПВЛ о полянах: «Подем же жившем особе и владеющем *роды своими* (здесь и далее курсив мой. — В.Ф.)... и живяху кождо с *своим родом* и на своих местех, владеюще кождо *родом своим*. И быша 3 братья, единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь». По их смерти, продолжает летопись, «держати почаша *род их княженье* в полях, а в деревьях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новгороде, а другое на Полоте...». В рассказе о начале радимичей и вятичей, пришедших в Восточную Европу от «ляхов», подчеркнуто, что «седоста Радим на Съжю и прозвашася радимичи,

а Вятко седе с родом своим по Оде, от негоже прозвашася вятичи»⁸⁷.

В том же ключе повествует под 862 г. и Сказание о призвании варягов: среди племен, изгнавших находников «из заморья», не было «правды, и вѣста род на род», а после их обращения к варяжской руси «изъбрашася 3 братья с роды своими, и пояша по собе всю русь, и придоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другой, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Трувор. И от тех варяг прозвася Руская земля...»⁸⁸. Все здесь предельно четко, логично и каждая фраза на своем месте: «3 братья» в неизменном сопровождении — «с роды своими» — пришли в северо-западные пределы Восточной Европы, сели в трех ее центрах, а так как они «пояша по собе всю русь», то, объясняет летописец, «от тех варяг прозвася Руская земля». В тексте Сказания уже имеется фраза «с роды своими», с которыми братья прибыли к призвавшим их племенам, так что Синеус никак не может означать «с родом своим». То, что Синеус — не звук шведской речи, вновь говорит само Сказание: в нем читается, что по смерти Синеуса и Трувора Аскольд и Дир у Рюрика «испросистася ко Царюгороду с родом своим»⁸⁹, а не с покойным Синеусом.

Еще С.М.Соловьев заметил, «что известия о пришествии князей и утверждений их первоначально составляли отдельный сплошной рассказ без годов, которые внесены после»⁹⁰. Это предположение подтвердилось и в науке сейчас принято относить к рассказу о призвании варягов, помещенному под 862 г., летописную статью под 882 г., повествующую о захвате Олегом Киева. Когда новгородский князь вызывал киевских князей Аскольда и Дира из города к реке, то просил их: «да придет к нам к родом своим»⁹¹. Опять все как нужно: именно «к родом своим», а не к Синеусу, как это вытекает из утверждений норманистов. И если смотреть на летописный текст их глазами, то получается, что в процессе своей работы над шведским источником (или диалога со шведом) летописец то не понимал шведское «sine hus» и превращал его в личное имя Синеус, то,

хвала Создателю, совершенно точно переводил его как «с родом своим», не срамя тем самым чести отечественной школы переводчиков. Вот теперь и ломай голову над тем, сам ли летописец дошел до истины своим худым умишком, или же догадался заглянуть в шведско-русский разговорник, или викинги, сдерживая свой праведный гнев, терпеливо, раз за разом, но все же сумели наконец растолковать ему смысл этой фразы, а то бы так и быть Синеусу участником многих событий после смерти.

В.Я.Петрухин, то утверждая, что имена Синеус и Трувор «не имеют убедительных скандинавских этимологий», то говоря, что они «отражают в славянской передаче аутентичную скандинавскую антропонимическую традицию», вместе с тем отмечает наличие в Сказании о призвании варягов «значительного пласта» славянской (и даже праславянской) правовой и социальной терминологии, «имеющей истоки в обычном праве»⁹². А из этого факта следует только одно — Сказание было создано именно в славянской среде, а не в какой-нибудь иной. Будь даже так, как утверждают норманисты, и летописец переводил скандинавское сказание. Но как тогда он, так внимательно соотнося для замены шведские слова со славянской «правовой и социальной терминологией», смог пройти мимо «sine hus» и «thru varing», не дал им славянской параллели и превратил их в людей. В отличии от современных скандинавоманов, их предшественники были более последовательны в своем норманизме и верили в историчность родственников Рюрика, конечно, полагая их также скандинавами. Так, Шлецер утверждал, что Рюрик, Синеус и Трувор — древнешведские имена, «только немного испорченные в чужой земле». Точно также считал Томсен, выдавая, например, имя Синеус за Signiutz⁹³. В отношении природы таких выводов И.П.Шаскольский верно заметил, что «чисто славянский характер имени «Синеус» (если не подходить к его толкованию с заранее предвзятых норманистских позиций) вряд ли может вызывать какие-либо сомнения»⁹⁴.

Норманисты, отстаивая факт ошибки, якобы имеющей место при переводе на рус-

ский язык скандинавского сказания, в результате чего появились, по их утверждениям, легендарные братья Рюрика, вместе с тем фразу летописи, что киевский князь Олег был прозван в народе «Вещим», трактуют «простым переводом имени Олега», т. к., уверяют они, «имя Хельг в скандинавской традиции имело значение «священный»⁹⁵. Как поясняет И.Э.Клейнберг, «при появлении на Руси князя варяга с именем Helgi славянское население стало интересоваться значением его имени. Узнав его, начали называть этого князя сдвоенным именем Вещий-Хельгы, в котором первый компонент является переводом (калькой) на местный язык второго». Со временем, продолжает ученый, скандинавское имя стало восприниматься как русское имя Олег, а к моменту составления ПВЛ «вещий» ощущалось уже как эпитет, присовокупленный к имени князя за его удачные политические и военные действия»⁹⁶. Довольно-таки странный какой-то летописец, то переводит «на местный язык» неверно всем очевидное, как, например, «sine hus», то, наоборот, улавливает вместе с любопытным народом такие детали, что под силу лишь специалисту-языковеду, в результате чего князь, по воле норманистов, становится носителем весьма несуразного имени: то ли «Олег-Олег», то ли «Хельг-Хельг», то ли «Вещий-Вещий», то ли «Олег (Хельг, Вещий) в квадрате». С первого раза, что ли, до князя не доходило, что подданные взывают именно к нему, отчего его имя, видимо, и надо было повторять как минимум дважды.

Скандинавоманы, перелицовывая нашу историю на норманский лад, любят приписывать нашим книжникам ошибки, якобы имеющиеся у них, а затем во всеуслышание «научно исправляют» их. Так, в 1902 г. Ф.А.Браун, полагая, что упоминаемые в Киево-Печерском патерике варяги Якун, Африкан, Фрианд и Шимон – шведы, старался подыскать их именам скандинавские параллели и даже «установил», что имена Шимон и Африкан конкретно указывают именно на шведскую область Södetmanland и примыкающую к ней с юга полосу Östergötland, откуда, по его мнению,

и могли выйти носители этих имен. Но к имени Фрианд он так не смог подобрать ничего близкого из скандинавского имени-слова. Тогда ученый просто задался вопросом, точно таким же, что обычно задается в отношении имен Синеуса и Трувора, и дал на него подобный ответ: «Не в недоразумении ли дело? Не имел ли первый редактор Патерика или автор «Слова о создании церкви» перед собой варяжскую запись, или не записаны ли им относящиеся сюда подробности, первоначально, со слов варяга, сообщившего ему, что Якун изгнал frianda Simon Afrekason, т. е. своего родича Симона, сына Африкана, и не принял ли он не понятное ему frianda за собственное имя брата Симона?». Завершая свои размышления, Браун сделал весьма красноречивое признание, которое говорит само за себя: «С точки зрения скандинавской, высказанная догадка навязывается сама собой...»⁹⁷. Вот именно, что только «с точки зрения скандинавской». Так и вышеперечисленные прибрежные шведские области, лежащие напротив Финского залива, Браун определил не в результате какого-то необыкновенно сложного расчета. Он указал на них лишь только потому, что прежде всего именно из этих мест выводили и выводят норманисты на Русь шведов⁹⁸.

«С точки зрения скандинавской» летописцам можно приписать все что угодно и их показания можно изуродовать до неузнаваемости: они же абсолютно беззащитны от произвола ученых мужей.

В 1911 г. финский профессор Х.Пиппинг сделал очередное норманистское «открытие», согласно которому древлянского князя Мала, за которого в 945 г. сватали княгину Ольгу, никогда не существовало, и он есть следствие опять же «недоразумения», возникшего при неверном переводе летописцем скандинавского источника (скандинавской речи). Якобы он не понял скандинавской формулы брака: «Giptas mær mund ok mær mæli», означающей «брак с обеспечением приданного и заключением торжественного договора», и принял последнее слово «mæli» за имя собственное Мал, выдумав по этой причине князя Мала. Русский ученый С.А.Корф поддержал

Пиппинга, увидев в его статье доказательство того «огромного влияния, которое скандинавское право оказало на славян». Против подобного прочтения летописного текста выступил С. Сыромятников, верно заметивший, что только на допуске норманизма Ольги и построен домысел, «будто послы древляньские говорили с нею на древне северном языке и предлагали ей древне северную форму брака... в виду того, что она была скандинавкой. На сомнительном положении нельзя строить твердого вывода». Ученый привел примеры, которые, напротив, свидетельствуют, что «летописцы обыкновенно переводили чужеземные географические имена и прозвища и всегда переводы эти вполне точны, как бы ни было иногда трудно для летописцев понять их точный смысл». Непредвзятое рассуждение Сыромятникова, кстати, не сомневающегося в норманизме варягов, заканчивается словами, к которым не мешало бы прислушаться современным любителям всего скандинавского: «Можно, при желании, весь рассказ о сватовстве древлян и о мести Ольги считать сагой... Но заставлять древлян говорить с Ольгой на древнешведском языке, предполагать существование древнешведской летописи в IX веке в Киеве и обвинять летописца в безграмотности — совершенно не основательно»⁹⁹.

Норманисты обладают каким-то удивительно сверхъестественным свойством, роднящим их с древнегреческим Мидасом, изменять сущность вещей прикосновением своих рук. И все, до чего они дотрагиваются, сразу же превращается из славянского в норманское. Так, Стендер-Петерсен в названии г. Искоростенья, столицы древлян, одного из союзов восточнославянских племен, увидел скандинавское личное имя «Kar(l)stein»¹⁰⁰, топоним «Поромони двор», где новгородцы в 1015 г. «избиша варягы», вывел из скандинавского «farþan» (путешественник), а между восточнославянским Перуном и скандинавским Тором поставил знак равенства¹⁰¹. «Волшебница» Чадвик превратила восточнославянское божество Велес в некоего Völsi, отождествив его затем с Фреем (Freug), а Хорса в ло-

шадь (hors). Для норманистов перевоплотить даже явно славянское в скандинавское — сущие пустяки. Чадвик, например, в чисто славянском имени Ратибор увидела два скандинавских слова: «gath» — «совет» и «bera» — «приносить», вместе означавших, таким образом, «советника»¹⁰². Так и Искоростень вдруг стал именем неизвестного норманна, видимо, канувшего в древляньских лесах, в которые его зачем-то занесло, хотя в названии города специалисты выделяют именно славянскую основу *korsta — холмистая, неровная местность¹⁰³.

Наши скандинавоманы, боясь хоть в чем-то отстать от своих «заморских» коллег, стремятся представить славянский Изборск как Isaborg, для чего с необыкновенной легкостью передвигают его по Северо-Западной Руси как простую шахматную фигурку. Первоначально город они основывают в конце IX в. на месте будущего Пскова, в низовьях р. Великой при впадении в нее р. Иссы. Как утверждает С.В.Белецкий, р. Великая первоначально называлась Иса (Исса) от финского «iso» (большой, великий). Город, возникший на ней, по его мысли, не был не финско-скандинавским, не славянским, «а чисто скандинавским: он принадлежит к топонимическому ряду на -borg и переводится как «город на Иссе». В 30-х гг. XI в. Исуборг, продолжает свой сказ Белецкий, был уничтожен при крещении его «огнем и мечом», и часть его жителей переселяется на новое место, перенеся на него наименование погибшего города, возможно, получившее уже славянизированную форму Изборск. С топонимом же Исуборг все это время параллельно использовался топоним Пъсков, который был возрожден, «но уже применительно к основанному на месте сожженного Исуборга древнерусскому городу»¹⁰⁴. Эти рассуждения, где что ни слово, то натяжка, заканчивающиеся «эвакуацией» Исуборга на десятки километров от Пскова, потребовались по той причине, что в археологических материалах Изборска отсутствуют скандинавские вещи, но вместе с тем его название так и соблазняет норманистов обыграть его на соответствующий лад. Первым попробовал проделать это еще

Г.Ф.Миллер в своей диссертации, т.е. рас- суждении «О происхождении имени и на- рода российского», на что М.В.Ломоносов коротко заметил в сентябре 1749 г.: «Весь- ма смешна перемена города Изборска на Иссабург...». Затем Шлецер высказал предположение, что Изборск, кажется, прежде назывался по-скандинавски Иса- бург «по тамошней р. Иссе»¹⁰⁵.

Вывод названия Изборска из Исуборга давно отвергнут в науке, причем отвергнут самими норманистами. Так, Т.Н.Джаксон и Т.В.Рождественская заключили, что, во- первых, Изборск — это «славянский топо- ним», во-вторых, зафиксированные в на- ших памятниках написание «Изборскъ» (только через —з— и без —ь— после него) «указывает на невозможность отождеств- ления форманта «Из- с названием реки Исы (Иссы)». Если же допустить, добав- ляют исследовательницы, что «Изборск» возник из скандинавского языка, «то при- дется признать, что имя возникло вопреки одному из основных топонимических за- конов — закону ряда»¹⁰⁶. В свое время Е.А.Рыдзевская специально подчеркивала, «что ни один из больших древнерусских го- родов не носит названия, объясняющегося из скандинавского». Затем С.Роспанд уточнил это весьма важное наблюдение, от- метив совершенное отсутствие среди на- званий древнерусских городов IX—X вв. «скандинавских названий... и наличие на- званий угро-финского происхождения...». В названии Изборск ученый видит притяжа- тельное прилагательное от личного имени Избор (эту этимологию выдвинул в 1921 г. финский языковед-славист И.Миккола)¹⁰⁷. Как констатирует В.В.Седов, археологи- ческие исследования показывают, что Из- борск был основан славянами в славянском окружении и славяне составляли основу его населения на протяжении всей истории го- рода. Говоря о ремесленном и торговом на- правлении экономической жизни Избор- ского городища в IX — начале X в., о по- литичности его жителей, он заостряет внимание на том факте, что «ни в домо- строительстве, ни в культовых элементах, ни среди вещевых материалах не обнару- живается явных маркеров, указывающих на

проживание выходцев из Скандинавии»¹⁰⁸. Г.С.Лебедев отмечает, что Изборск уже в VIII—IX вв. был «значительным центром славянского населения»¹⁰⁹. В недавнем про- шлом Д.А.Авдусин разъяснял сторонникам переноса Смоленска, что «перенос города означал не только перенос жилищ его насе- ления, не только возведение новых обо- ронительных сооружений, но и перенос ок- рестных деревень, питавших его, но и рас- чистку новых лугов и пашен для их жите- лей, но и прокладку новых дорог и иные трудоемкие и дорогостоящие действия». И как подытоживал ученый, «вряд ли подоб- ная теория имеет право на существование в наши дни не только для Смоленска, но и для любого города»¹¹⁰.

М.П.Погодин был категоричен в своем утверждении, что «в наших летописях ва- ряги беспрерывно упоминаются в одном и том же значении — скандинавов». Для него Рогволод — «норманский конунг», а дочь его Рогнеда — «гордая и страстная, истая норманка», Мстислав, брат Ярослава Мудрого, — «истинный витязь в норман- ском духе», сам Ярослав, «верный норман- ской природе», воюет с соседями¹¹¹. Как уверял А.А.Погодин, «весь облик Олега варяжский»¹¹², т.е. норманский. По мнению Стендер-Петерсена, имена Рюрик, Ас- кольд, Дир, Олег, Игорь, Рогволод — «сплошь скандинавские имена»¹¹³. И сегод- няшние скандинавоманы считают, что по летописи Рюрик — «однозначно скандинав, что не мешает ему способствовать идее величия основанного им государства», а Олег — «едва ли не самый яркий носитель скандинавского начала среди русских кня- зей»¹¹⁴, имя которого «имеет скандинавское происхождение и близкую семантику»¹¹⁵, что Рюрик, Аскольд, Дир, Олег, Игорь, Святослав, Владимир — «норманские вож- ди», «норманские конунги», «предводителе- ли норманнов»¹¹⁶. Большую часть русских имен IX—X вв. принято относить к скандинавским еще на том основании, что звучат они не по-славянски. Так, в нашей истории появились не Рюрик, а Hrøgrkr, не Аскольд, а Hoskuldr, не Дир, а Duri, не Олег, а Helg, не Игорь, а Ingvarr, не Оль- га, а Helga и т.д. Мало того. Даже несом-

ненно славянские имена Рогволод, Святослав и Владимир норманисты либо объявляют северогерманскими, либо же увязывают со скандинавами.

Так, Шлецер утверждал, что Рогволод — «чисто скандинавское имя»¹¹⁷. А.А.Куник полагал, что первая часть имени Святослав соответствует готскому «*svinths*» (крепкий, сильный)¹¹⁸. В 1970 г. А.М.Членов, выразив несогласие с тем, что имя этого князя рассматривается как веский аргумент в пользу славянства Игоря и его династии, сочинил занимательную историю, гласящую, что наречение потомка норманнов славянским именем Святослав было «вопросом крупного политического значения», «манифестом о том, что династия считает себя отныне не варяжской, а славянской», «торжественным княжеским обещанием народу вести славянскую, а не варяжскую политику», и означало перевод династических имен «с варяжского на славянский». Для сохранения магии имени и родовой традиции было выбрано, благодаря «прозорливости» княгини Ольги, подходящее славянское имя, «оказавшееся с двойным дном», составные части которого калькировали собой скандинавские имена Олег-Хельг — «освященный», «посвященный» и Рюрик-Хререкр — «могучий славой», «славный»¹¹⁹. Масштабы рассуждений Членова таковы, что перед глазами предстает не семейный совет и даже не заседание боярской думы, а какой-то международный конгресс политологов и лингвистов, состоявшийся в 942 г. в Киеве. Англичанка Чадвик, видя в князе Владимире «типичного норманна», без всяких оговорок его славянское имя трактует как чисто скандинавское *Valdimarr*¹²⁰. Американец Р.Пайпс уверен, что «варяжское имя» *Waldemar* превратилось на Руси во Владимира¹²¹. Производство имен киевских князей и их ближайшего окружения от скандинавских с особенной силой сегодня отстаивают представители отечественной науки. Причем отстаивают тогда, когда шведские ученые, эти потомки норманнов и сторонники норманизма варягов, в своих рассуждениях на ту же тему имен во многом говорят иное.

Недавно швед Л.Грот, ведя речь о мнимых и реальных шведах в истории Руси (обращает на себя внимание сама постановка проблемы!), отметил, что «при наложении шведского и русского материала друг на друга образуется явное несоответствие». Так, его соотечественники не считают имя «Рюрик» шведским, и оно не встречается в шведских именословах. Он особо подчеркивает тот принципиальный факт, что в скандинавской письменности слово «*helge*» в качестве имени собственного как в женской, так и в мужской формах «впервые встречается в поэтическом своде исландских саг «*Eddan*», написанном в первой половине XIII века». Отсюда неутешительный вывод для наших норманистов, дошедших в своей безудержной фантазии к выведению гибрида *Helg-Hrøekr*, в котором якобы зеркально отражено славянское имя Святослав: шведское имя «*Helge*», означающее «святой» и появившееся в Швеции в ходе распространения христианства в XII в., и русское имя «Олег» IX в. «никакой связи между собой не имеют». Вымощен, с большой долей иронии говорит Грот, «несуществующий мост между именем «Олег» и именем «*Helge*», да еще уверяют, что имя «*Helge*», которое на 200 лет моложе имени «Олег», послужило прототипом последнего». Но если нет ничего общего между этими именами, заключает ученый, «то вместе с именем пропадает и все основание считать князя Олега Вещего выходцем из Скандинавии», в связи с чем характеризует его как «мифического шведа».

При этом Грот полагает, «что раннее знакомство шведов с древнерусскими именами могло способствовать появлению у них такого имени собственного, как «*Helge*», несущего в себе смысловую нагрузку святости». В качестве примера он приводит имя «Святополк», заимствованное шведами в форме «*Svantepolk*» и просуществовавшее в таком виде до XVI века. Грот также напоминает, что «вещий» в славянской семантике — это личность, обладающая чудодейственными свойствами: тот, кто магическими чарами и волхованьем достигает знаний и премудрости: ведун... язычник, безбожник, т. е. нечто антагонисти-

чески противоположное понятию «святого» в христианской традиции»¹²². ПВЛ подтверждает правоту слов Грота и наименование князя «Вещим» объясняет именно тем, что так «бяху бо людие погани и невеглоси»¹²³. Можно полностью согласиться с норманистом И.Н.Данилевским, что с точки зрения летописца «только язычники, не приобщенные к христианской культуре (буквальное значение «погани и невегласи») могли назвать человека Вещим...»¹²⁴. Норманист В.Я.Петрухин также говорит, что христианин-летописец «изобличал языческое волхование как бесовское действо» и «в комментарии к деяниям Олега обличает язычников, почитавших его «Вещим»¹²⁵. Ну, раз так, то откуда им, язычникам, да и не скандинавам к тому же, было знать значение скандинавского «Helge» как «святой» в христианском понимании? Все рассуждения Грота по поводу якобы скандинавского имени Олег имеют самое прямое отношение к имени Ольга. По его справедливому замечанию, «если Олег и Ольга суть производные одного шведского имени, то и семантическое содержание у них должно быть одно»¹²⁶. Но норманистская литература плодит миф за мифом. Так, И.Э.Клейнберг утверждает, что «двуязычная» Ольга, обладающая, как можно понять из его слов и из слов А.М.Членова, недожизненными лингвистическими данными, крестившись, «позабылась при выборе имени и о том, чтобы аллитерация сохранилась и при переводе имен на древнерусский язык. Ведь Елена по-гречески обозначает «светлая», а древнескандинавская основа ставших русскими имен Олег и Ольга — helg — имела значение «посвященный» или «святой» в христианском понимании»¹²⁷.

А.Г.Кузьмин давно уже не только доказал, что в древнерусском именослове нет «чисто германских имен», но и на широком материале показал «незначительное влияние» на него «собственно германских языков». Историк обращает внимание на тот факт, что исландские саги называют великую княгиню Ольгу не «Helga», как того бы следовало ожидать согласно логике норманистов, а «Allogia», что говорит об отсут-

ствии тождества между этими именами¹²⁸, следовательно, об отсутствии связи как имени, так и самой Ольги со Скандинавией. Русские имена при желании можно возвести, конечно, ко многим языкам, в том числе и к скандинавским. Но как быть с тем, что было подмечено еще М.В.Ломоносовым: «На скандинавском языке не имеют сии имена никакого знаменования»¹²⁹. Само толкование русских имен как скандинавских и германских, по мнению Кузьмина¹³⁰, осталось все на том же уровне, на каком еще Байер в 1735 г. объяснял имя Владимир, считая его производным от норманского или германского Valdemar. Надо заметить, что в своем мнении немецкий ученый не был оригинален: об этом говорилось еще задолго до него и что объясняется появлением норманизма не в XVIII в., а в XVII столетии¹³¹. Именно из работ своих предшественников, этих действительно первых норманистов, Байер вынес непоколебимую уверенность в том, что все имена варягов русских летописей, начиная с Рюрика, выводятся лишь из шведского, норвежского и датского языков. В имени Владимир он видел перевод, означающий либо «лесной надзиратель» (от «wald» — «лес», в этом случае ученый повторял не совсем понравившееся ему мнение немецкого филолога Ю.Г.Шоттемуса, ум. 1676), либо, как полагал уже сам, первая часть этого имени когда-то означала «поле битвы»¹³².

В 30–40-х гг. XX в. норманизм в науке всемерно укрепляла русская эмиграция. Ее восторженный тон, аналогичный мажорным славословиям Сенковского и Сабинина в адрес норманнов, подхвачен современными скандинавоведцами. В 1931 г. В.А.Мошин уверял, что край около Ильменского и Ладожского озер «изобилует находками скандинавских предметов с богатым инвентарем и характерным скандинавским способом погребения», что остатки скандинавских поселений IX–X вв. «густой сетью покрывают целый край к югу от Ладожского озера... до Ильменя», что к югу от него «целая область кишит скандинавскими поселениями, рассеянным по всем важнейшим водным путям, идущим от Ильменя», что в конце VIII или в начале IX в. на чер-

номорских и азовских берегах возникли норманские колонии¹³³ и т. д. В 1938 г. А.А.Погодин утверждал, что «официальным культом варяжской династии оставалось язычество, принесенное из Швеции...». Поэтому, Перун и Волос были объявлены им скандинавскими богами соответственно Тором и Одином, которым славянские имена были даны «славянскими толмачами». Чтобы пресечь все разговоры о связях восточных славян со своими балтийскими сородичами, языческий культ последних, по словам ученого, также сложился под влиянием норманнов¹³⁴. В 1943 и в 1947 гг. Г.В.Вернадский проводил мысль, что шведы, начав очень рано осваивать территорию Восточной Европы (VI–VII вв.), добрались к 739 г. до Азовского, а между 750–760 гг. до Северокавказского регионов¹³⁵.

Норманисты, говоря о весьма раннем проникновении скандинавов на территорию восточных славян, связывают с ними становление знаменитого пути «из варяг в греки», что опять же не соответствует фактам, очевидным даже для тех, кто считает варягов шведами. Так, в 1971 г. В.В.Мавродин пришел к выводу, что традиционное представление об этом пути как о пути, соединяющем Скандинавию и Византию, «неверно». Историк проиллюстрировал сказанное сопоставлением данных, относящихся к середине XX века¹³⁶: «На Готланде, который вел обширную торговлю, найдено около 67 000 арабских, английских, германских, польских и прочих монет VIII–X вв., и среди них только 180 византийских, т. е. около 0,25 %»¹³⁷. Ошибался историк, в процентном соотношении количество византийских монет больше: аж почти 0,27 %. В современных зарубежных изданиях говорится о «более 85 тысяч арабских и 500 византийских» монетах, обнаруженных в Скандинавии¹³⁸, а это соотношение, даже без учета западноевропейских монет, также ничтожно: 0,59 %. К тому же, как уточняет С.Лесной, значительное число византийских монет, найденных в Скандинавии, относится к V–VI вв., т. е. к тому времени, когда путь «из варяг в греки» еще не действовал¹³⁹. Как еще констатировал в

1914 г. Т.Ю.Арне, на Скандинавском полуострове весьма редко встречаются не только монеты, но и предметы византийского происхождения вообще¹⁴⁰.

Лесному принадлежит очень важное наблюдение, сделанное им в отношении летописной статьи 980 года. Летописец, завершая свой подробный рассказ о захвате Владимиром Святославичем при помощи варягов Киева, не менее подробно говорит о том, как князь обманул наемников и не выплатил требуемого ими «окупа» (выкупа) с киевлян «по 2 гривне от человека». Тогда, обратившись к Владимиру, «реша варязи: «Сольстиа еси нами, да покажи ны путь в греки». Он же рече им: «Идете»¹⁴¹. «Таким образом, — с усмешкой замечает Лесной, — варяги настолько хорошо знали Русь и «путь из варяг в греки», имели столько факторий и гарнизонов на Днепре, что, попав в затруднительное положение, не могли найти среди себя или варягов в Киеве ни одного, кто мог бы показать им дорогу в Царьград!»¹⁴² А еще «утверждают, — добавил ученый позже, — что варяги так хорошо знали Днепр, что даже дали свои собственные названия порогам! У норманистов с логикой что-то не в порядке»¹⁴³. Действительно, если варяги — это скандинавы, то незнание ими в конце X в. пути «из варяг в греки» означает лишь только одно: они не имели никакого отношения к становлению и функционированию этого пути, следовательно, не имели отношения к нашей истории IX–X веков. Этот вывод подтверждают исландские саги, которые, как установил еще в 1867 г. В.Н.Юргевич, днепровский путь не знают. Он констатировал «совершенное молчание скандинавских саг о плавании норманнов по Днепру и об его порогах», в связи с чем задавал весьма уместный вопрос: «Возможно ли, чтобы скандинавы, если это были руссы, не знали ничего и нигде не упомянули об этом, по свидетельству Константина Порфирородного, обычном пути руссов в Константинополь?»¹⁴⁴. Норманист Г.С.Лебедев признает, что путь «из варяг в греки» «как особая транспортная система в северных источниках не отразился...». Причину чего он видит в том, что путь представлял

собой явление восточноевропейское, и норманны познакомились с ним лишь тогда, когда он уже сложился «как центральная государственная магистраль»¹⁴⁵. Но как тогда днепровские пороги якобы получили, на чем настаивают скандинавоманы и что является одной из их козырных карт, норманские названия? Тут дело, конечно, не только в их в логике, но и в чем-то другом...

Из всех древнерусских городов норманисты особо выделяют Ладогу и Новгород, видя в них самые древние форпосты скандинавов в Восточной Европе. Так, Ладогу Д.А.Мачинский считает резиденцией хакана «Rhos» Бертинских анналов, т. е. норманнов¹⁴⁶. Первой столицей государства якобы норманна Рюрика полагает ее А.Н.Кирпичников¹⁴⁷. С.Франклин и Д.Шепард утверждают, что первыми жителями Ладоги были скандинавы¹⁴⁸. Для Е.Г.Оксенстиерна, Новгород — «столица викингов»¹⁴⁹, для Р.Г.Скрынникова — «основная база норманнов в Восточной Европе»¹⁵⁰. Е.Н.Носов продолжает объяснять название «Поромони двор» в Новгороде из скандинавского «как торговый двор», «помещение ближайшей дружины»¹⁵¹. Но находки скандинавских вещей в слоях этих городов, чему каждый раз не перестают по-детски искренно изумляться скандинавоманы, крайне немногочисленны. По точному определению археолога Д.А.Авдусина, скандинавские предметы, «при огромных размерах новгородских раскопок», — это «капля в море русских вещей»¹⁵². Антропологические данные также показывают, что тип населения из приладожских курганов, «отличен от германского» и относится к славянам и финнам. Как заключает Т.И.Алексеева, «пребывание норманнов на территории северо-западной Руси не оставило сколько-нибудь заметного следа в ее населении». Причина того ясна: скандинавы везде на Руси представляли собою редчайшие вкрапления, не способные сказаться на антропологическом облике коренного населения. Свидетельством такого микроскопического вкрапления является, как подчеркивают сами же норманисты, «едва ли не единственный в пределах Древней Руси самостоятельный скандинавский курган-

ный могильник (курсив мой. — В.Ф.), в урочище Плакун» близ Ладоги¹⁵³. Не соответствует действительности и утверждение, что могильники Киева и ближайших территорий принадлежат скандинавам. Как беспристрастно констатирует Алексеева, «оценка суммарной краниологической серии из Киева... показала разительное отличие древних киевлян от германцев»¹⁴³.

В 1749 г. М.В.Ломоносов верно заметил, что норманны «не učinили знатной в славенском языке перемены»¹⁵⁵. В начале XIX в. до полусотни русских слов норманисты считали скандинавскими, хотя еще в 1814 г. немец Эверс говорил, что «германских слов очень мало в русском языке»¹⁵⁶. В 1834 г. О.И.Сенковский «грозился» привести «сотни примеров» славянских заимствований из германского¹⁵⁷, но не смог выполнить своего обещания по той причине, что таких примеров на проверку оказалось совсем уж немного. В 1849 г. филолог И.И.Срезневский, видя в варягах скандинавов, установил, что в русском языке около десятка слов происхождения либо действительно германского, либо возможно германского. При этом он подчеркивал, во-первых, что эти слова могли перейти к нам без непосредственных связей, через соседей, и во-вторых, что словарный запас Руси того времени состоял, по крайней мере, из десяти тысяч слов¹⁵⁸. Подсчеты Срезневского уточнили затем не кто-нибудь, а те же норманисты. В 1912 г. С.Сыромятников указал на восемь заимствований в древнерусском языке из шведского, а в 1931 г. В.А.Мошин окончательно признал таковыми всего лишь шесть¹⁵⁹. Поэтому совершенно справедлив вывод С.Лесного: соотношение 10 000 и 6 «ничтожно мало», и оно означает, что «влияние скандинавов на Русь в отношении языка было близко к нулю»¹⁶⁰. И как здесь не вспомнить норманиста А.А.Куника, мудро когда-то заметившего, что «древнейшим источником для истории каждого народа служит язык его (курсив автора. — В.Ф.)»¹⁶¹. Так, формирующийся английский язык, например, испытал такое мощное воздействие пришельцев датчан, что его, по оценке зарубежных исследователей, «пополнили по

крайней мере 600 датских заимствований... а многие тысячи других слов попали в местные диалекты, которые с тех пор вышли из употребления»¹⁶².

Вместе с тем, в шведском языке, как и в других скандинавских языках, заимствованы весьма значимые слова из древнерусского, например, лодья (грузовое судно), торг (рынок, площадь), безмен, печать, клеть (дом) и другие. Таких слов Е.А.Мельникова, трактующая варяжские древности как исключительно норманские, насчитывает двенадцать¹⁶³. Исходя из того, что слово «*torg*» распространилось по всему скандинавскому северу, до Дании и Норвегии, то «мы должны признать, — как совершенно верно выводит Сыромятников, — что люди, приходившие торговать в скандинавские страны и приносившие с собою арабские монеты, были славянами»¹⁶⁴. Данное заключение полностью подтверждается археологическим материалом. Согласно нумизматическим находкам, самые древние клады восточных монет обнаруживаются именно на южнобалтийском Поморье (VIII в.), заселенном славянскими и славяноязычными народами. Значительно позже подобные клады появляются на Готланде (IX в.) и лишь только затем, спустя еще несколько десятилетий, в самой Швеции. Поэтому, безосновательно утверждение Е.А.Мельниковой, что открытие и функционирование Балтийско-Волжского пути — «трансевропейского торгового пути, связывающего Западную и Северную Европу со странами Арабского Халифата» — есть результат активной деятельности в VIII—X вв. скандинавских купцов и воинов. Р.Г.Скрынников также вопреки фактам говорит, что «ранний этап восточноевропейской торговли следует рассматривать как норманско-арабский»¹⁶⁵, хотя не может не знать, что в Скандинавии куфические монеты появляются намного позже, чем на южном берегу Балтики.

В 1876 г. Д.Щеглов заметил, что если русы были известны как торговцы, то «скандинавы никому не известны как торговцы, их знают по берегам всех европейских морей только как разбойников!». В 1907 г. И.Н.Сугорский отмечал, что нор-

манны оставили страшные опустошения на Западе, но «ничего подобного не было у нас»¹⁶⁶. С этими важными наблюдениями исследователей прошлого целиком совпадают мнения современных скандинавоведов. Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин, специально задавшись вопросом, каково было восприятие норманнов на Западе и варягов на Востоке, констатируют, что если для Западе «типичен образ викинга-грабителя», то «в образе варяга на Востоке отсутствуют основные стереотипные характеристики норманна-врага...». Как заключает А.С.Кан, русская народная традиция сохранила образ варяга, «но отнюдь не врага». В русских летописях, продолжает он, «слава у варягов далеко не столь воинственная и дурная, как в западноевропейских хрониках и византийских источниках», хотя «средневековые русские летописцы бывали щедры на осуждение иноземцев». Д.А.Мачинский также признает, что действия варягов «были, по-видимому, менее кровавыми», чем действия норманнов на Западе. А.Н.Кирпичников утверждает, что первые норманны-правители принесли не потрясения, «а мир нескольким поколениям жителей Северной Руси»¹⁶⁷. Но принципиальное различие между викингами и варягами как раз и состоит в том, что в то время, когда норманны захватывали земли, строили на них крепости и откуда начинали подчинять себе окрестные территории, порабощая его население, варяги не ставили крепости на землях славян и не превращали их в своих рабов. Они воздвигали крепости лишь по пограничью и защищали землю Русскую и русский народ от внешнего врага. И если варяги играли позитивную роль, были одними из творцов восточнославянского государства, то норманны, напоминает А.Г.Кузьмин общеизвестный факт, «всюду оставили след, и след кровавый, разрушительный» и «нигде не играли созидательной роли»¹⁶⁸.

Различие в поведении варягов и викингов было замечено давно, что и заставило норманистов, как уже было сказано выше, говорить о якобы двух потоках скандинавов в пределы материковой Европы. Томсен, например, утверждал, что с начала

IX в. на запад шли главным образом датчане и норвежцы, а на восток — шведы, причем движение последних началось несколько ранее¹⁶⁹. Стендер-Петерсен объяснял, что если викинги из Дании и Норвегии являлись «членами организованных разбойничьих шаек и завоевательских экспедиций» в страны Западной Европы, то экспансия шведов на восток, напротив, «была движением колонизаторским», «мирным и земледельческим». Итак, две части скандинавов, каждая из которых имела свою четкую специализацию и профорIENTATION. Насколько у норманнов все было организовано и спланировано, что они, оказывается, поделили тогдашний мир на сферы влияния, границу между которыми, своего рода «демаркационную линию» ученый провел по линии, идущей с севера на юг от о. Готланда по р. Висле и речным системам восточной Галиции до Черного моря. В связи, видимо, с заключением какой-то конвенции, которую норманны, в отличие «от детей лейтенанта Шмидта», не переступали, «на запад от этой линии, — по словам Стендер-Петерсена, — мы не встречаем представителей движения восточного, шведского, а на восток от нее мы не встречаем викингов»¹⁷⁰.

Пребывание инородного элемента в истории того или иного народа всегда оставляет свой след, даже если этот элемент в своей массе был незначительным по сравнению с численностью коренного населения. Этот след тем более ощутим, если пришельцы имели определенное политическое влияние, что хорошо видно на примере Швеции. В XIII в., особенно в его середине, начинается приток немцев с материка на ее территорию. Купцы и ремесленники из Северной Германии в большом количестве поселяются в шведских городах, где политическая власть нередко оказывалась затем в руках немецкой купеческой верхушки. Во второй половине XIV в. немецкое экономическое и культурное влияние получило политическое выражение: в 1363 г. шведским королем стал немец Альбрехт Мекленбургский, что еще больше усилило влияние немцев в Швеции. Переселенцы, получив широкие привилегии, «прочно держали в руках всю ее внешнюю

торговлю, морские перевозки, кредит», оказали «огромное влияние» на шведскую культуру в целом.

Под воздействием немецких образцов складывались организация городского управления, нормы муниципальной жизни. Нижненемецкий язык получил в стране широкое распространение как разговорный язык и как язык дипломатии и торговли: на нем писались договоры, акты, деловые документы. Он оказал значительное влияние в области лексики и отчасти синтаксиса на язык шведов. В шведском именовании появляется много немецких имен. И все эти разительные перемены в жизни шведов явилось результатом пребывания среди них все же весьма небольшого числа немцев, влияние которых в политической жизни страны сохранялось до начала XVI в. (широкий размах отлив немцев из Швеции приобрел в последней четверти XV столетия)¹⁷¹. Весьма тогда странно, что варяги, если в них видеть шведов, т. е. представителей германской народности, и которых норманисты выводят на Русь сотнями тысяч человек (чуть ли не миллион), не оставили в славянской среде никакого германского следа, в то время как немцы, т. е. германцы, примерно за тот же период и будучи в несоизмеримо меньшем количестве, чем гипотетические шведы на Руси, наложили свой, столь зримый и сегодня отпечаток на историю шведов, т. е. на тех же германцев.

О характере и степени воздействия германского элемента на славянскую среду свидетельствуют примеры из истории кровно близких Руси народов. В XIII в. в Чехию и Польшу устремился поток немецких феодалов, купцов, ремесленников, крестьян, монахов, приведший к появлению на их территории чисто немецких или полунемецких городов, власть в которых находилась в руках немецкого патрициата. В Чехии немецкий язык широко использовался в городах в деловой и правовой сфере, при написании грамот. Он употреблялся в повседневном общении, что приводило к возникновению билингвизма, особенно в среде ремесленников. Специалисты подчеркивают, что в чешскую обиходно-разговорную речь, равно как и литературный язык,

проникало большое количество германизмов, а разговорная речь нередко носила смешанный характер, с пестрой комбинацией элементов чешского и немецкого языков. В Польшу переселенцы принесли немецкое право, получившее повсеместное распространение как в сельской местности, так и в городах. На немецком языке был составлен во второй половине XIII или начале XIV в. свод обычного польского права — т. н. Эльблонгская книга, или Польская правда¹⁷². По воззрениям норманистов, двинувшиеся на Русь скандинавы принадлежали к практически тем же слоям (воины, купцы, ремесленники, крестьяне), что и представители немецкого общества, действовавшие в Чехии и Польше. Но если немцы не только оставили о своем пребывании в истории этих стран всевозможные и весьма значимые следы, видимые и ныне, но и в какой-то мере даже онемечили Чехию и Польшу, то шведы, которых в огромном количестве выводят в Восточную Европу, да еще причисляют к ним всю верхушку русского общества IX–X вв., в истории Древнерусского государства не оставили своего отпечатка. Совершенно никакого, что, вообще-то, и свойственно призракам, которых видят только тогда, когда науку подменяют фантазиями.

В кривых зеркалах норманизма до неузнаваемости отражается наша история, приобретая в них карикатурно-нелепый вид. Так, А.Н.Кирпичников, отмечая, что на памятнике «Тысячелетие России», установленном в Новгороде в 1862 г., представлен Рюрик, с пафосом заключил в 1996 г., повторив затем эти слова еще раз через два года (как же понравилась ему эта мысль!), что «Россия оказалась едва ли не первой тогда страной Европы, где был сооружен памятник норманну, основателю династии и государства». После чего он не преминул упрекнуть соотечественников, упирая на их дремучую несознательность и жуткую закомплексованность: «*Варяжское «призвание» отнюдь не принижало прошлого России (здесь и далее курсив мой. — В.Ф.)*» и «862 год, ослепший на щите Рюрика, при всей условности, крупная веха в жизни Руси и Скандинавии. *Эту дату надо дос-*

тойно признать в качестве государственной, не стыдясь того, что она, повторяя летопись, запечатлена на щите норманского пришельца»¹⁷³. Как же сильно ошибался скульптор М.О.Микешин, полагавший, что возводит памятник России, ее величию и славе, а оказывается он ставил первый в Европе памятник норманну. Да и мы, чего греха таить, все еще продолжаем как заведенные твердить о своих славянских, а не норманских основах, хотя составители ПВА, как пытаются навязать нам определенный комплекс, в отличие от своих неразумных потомков якобы признавали без всякого ущерба для чести Киевской Руси и собственной норманство варягов.

По словам литературоведа И.П.Еремина, летописца несколько «не смущало» норманское происхождение князей, в чем он не видел «ничего оскорбительного» для русского народа. По его словам, норманское происхождение династии Рюриковичей стало «беспокоить» наших мыслителей не ранее XVII в., когда в их сознании стало складываться понятие нации. Историки С.В.Думилин и А.А.Турилов также считают, что летописцы, отмечая норманское происхождение правящей династии и возводя имя своей державы к названию варяжского племени, не видели «в том ничего для себя обидного»¹⁷⁴. Совсем недавно скандинавист А.С.Кан, ведя речь о преодолении в историографии «политического, патриотического антинорманизма», на смену которому, как он утверждает, пришел «научный, т. е. умеренный, норманизм», назидательно сказал: «А русским историкам и археологам нет больше смысла стесняться скандинавских следов в древнерусской культуре»¹⁷⁵.

Еще больше психоза и тумана нагнетает обозреватель журнала «Родина» Л.Аннинский, не знающий, видимо, как и отвечать «современным шведам на шуточки, что в их древних картах вся Среднерусская равнина обозначается как «Швеция», и вместе с тем радостно осознавший, что «нам (кому? — В.Ф.) нечего мучиться от того, был ли Рорик датчанином...»¹⁷⁶. Филологу Аннинскому, берущемуся рассуждать о сложнейших вопросах русской истории,

вначале следовало бы без всяких шуток взглянуть в саги, тогда бы он, возможно, понял, почему часть Восточной Европы древние скандинавы называли «Svitjod hin mikla» («Великая Швеция») или «Godheim» — «Жилище богов», в то время как собственно Швецию они именовали «Svitjod» («Малая Швеция») или «Mǫlheim» — «Жилище людей».

В 1998 г. М.Э.Аджи мало того, что по крупному обворовал русскую историю, приписав ее начало тюркам, так он еще, нисколько не церемонясь при этом, выговаривает тем, кого лишал прошлого: норманны основали русские государства (?), «где главенствовал шведский язык в среде правителей. В 1066 г. варяги (?) завоевали Англию и утвердили на ее землях свою правящую династию. Однако, воспитанные в иных традициях, англичане не считают, что этот факт надо замалчивать или отрицать, он не принижает достоинства нынешних англичан. ... Там стыдятся не прошлого, а собственного невежества». Скорбя над «бедной русской историей», которую надо, по его мнению, время от времени чистить, как «выгребную яму», Аджи, от слов перейдя к делу, что называется, по стенке размазывает и русский народ и русских историков: «Русы были сильным народом, с которым считались в Европе. Они заставили уважать себя. Почему же не приемлют их нынешние русские? Почему отворачиваются от своих предков, придумывают свою иную историю»¹⁷⁷. «Труд» самозванного ассенизатора смердит так, что уже с первых его строк ясно, что в нем «не науки дух, в нем фальшь пахнет». Да и не только ею.

«Смуцаться», «стесняться», «обижаться», «оскорбляться», «беспокоиться» — это все категории эмоционального свойства, и они не имеют отношения к вопросу установления истины. Эта чувственная сторона наличествует в научном поиске лишь тогда и лишь в той мере, в какой мере и насколько грубо эта истина начинает попирааться. В этом случае чувства заставляют становиться в защиту поправленного и поруганного, но нисколько при этом не подменяют собой истину. Скандинавство варягов, конечно,

было бы признано всеми, если бы оно соответствовало истине. Но в том-то и все дело, что варяги не были норманнами.

Кирпичников, вольно трактуя идею памятника «Тысячелетие России», наглядно продемонстрировал тот приемчик норманистов, которым они пользуются в совершенстве, — выдавать желаемое за действительное, а источникам приписывать то, чего в них нет абсолютно. По этой причине и происходят удивительные метаморфозы: Древнерусского государства в «Восточно-Европейскую Нормандию» или в «Скандо-Славию», до этого бывшую названием ежегодника «Scando-Slavica», начало которому положил в 1954 г. Стендер-Петерсен, славян в норманнов, памятника «Тысячелетие России», коим он был почти полтора столетия, в памятник викингу, по характеристике Кирпичникова, «русскому датчанину», летописцев в «первых норманистов». В Ладозе скандинавоманы поселяют норманского хакана «Rhos», принявшего свой титул в подражание хакану Хазарии, что говорит, уверяет Д.А.Мачинский, «об ориентации на волжско-донскую торговлю, контролируемую хаканом хазар, и о зарождении смутных «имперских амбиций». На карте Европы широко раскинулось рукотворное «Скандинавское (Северное) Средиземноморье», состоявшее, по мнению его создателя Мачинского, из Северного моря и Балтики и включавшего на западе Ла-Манш, на востоке — Ладозское озеро¹⁷⁸. Еще немного и скандинавоманы придут к выводу, который озвучил в 1746 г. швед О.Далин: что норманны под именем варягов (верингов) служили в Константинополе со времен Константина Великого¹⁷⁹, т. е. с начала IV века.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни Г.З.Байер, ни Г.Ф.Миллер, ни А.Л.Шлецер, в коих принято видеть родоначальников норманизма, эти немцы по крови, немцы по духу, с предубеждением относившиеся к России, все же не доходили до тех фантазий, которые таким пыльным цветом расцвели в воображении многих наших соотечественников. Так, Байер, которого чтут как «отца» норманнской теории, отрицал, что русские приняли

свое название от скандинавов, а Миллер указывал, что имя «россов» еще в середине IX в. не было известно в Швеции¹⁶⁰. Миллер дал резкую отповедь Далину, одному из зарвавшихся и «завравшихся» норманистов. Тот считал, что Швеция с древнейших времен «покровительствовала» Руси, которая «состояла под верховным начальством шведской (здесь и далее курсив автора. — В.Ф.) державы», а «варяги и скандинавы всегда были... подпорами российскому государству». Лишь только приход татар, по его мнению, разорвал пуповину, связывающую Русь со Швецией¹⁶¹. Как точно подметил Миллер, Далин «употребил в свою пользу эпоху варяжскую, дабы тем блистательнее учинить шведскую историю, чего однако она не требует», и основывает свои выводы «на одних только вымыслах, или скромнее сказать, на одних только недоказанных догадках...»¹⁶².

В науке говорится об «ультранорманизме» Шлецера, работавшего, по исчерпывающей оценке П.Н.Милюкова, «во-первых, для своей славы, во-вторых, для Германии»¹⁶³. Именно ему принадлежат слова, что германцы «назначены были судьбою рассеять... первые семена просвещения», что на территории Восточной Европы до прихода норманнов люди «жили рассеянно на безмерном пространстве земли, без всякого сношения между собою», жили порознь в городах, похожих на огороженные деревни¹⁶⁴. Но вместе с тем Шлецер особенно выделял ПВА из всего круга источников, говорил о ней только в самых превосходных степенях, отмечал, что Нестор, с именем которого он связывал древнейшую летопись, «единственный настоящий летописатель», который «превосходен... в сравнении с беспрестанной глупостью» исландских саг, называл последние «безумными сказками», «глупыми выдумками», «бреднями», которые необходимо выбросить из русской истории¹⁶⁵. Ученый, скрупулезно выискивая следы пребывания скандинавов на Руси, вынужден был признать, что славянский язык «ни мало» не повредился норманским и что из смешения славянского и скандинавского языков «не произошло никакого нового наречия»¹⁶⁶. Того приговора,

что вынес исландским сагам Шлецер, они, конечно, не заслуживают. В «фантастических исландских сагах», по словам норманиста В.А.Мошина, все же «можно открыть некоторый исторический материал»¹⁶⁷. Так они, например, неопровержимо свидетельствуют, что норманны начали появляться на Руси лишь при Владимире, в конце X века. «Замечательно, кстати, — подмечает Е.А.Рыдзевская, — что саги, говоря о связях скандинавских вождей и дружинников с князьями-рюриковичами, ни одним словом не упоминают о варяжском происхождении этих последних»¹⁶⁸.

Русскую историю подвергают не только норманской эрозии, параллельно с ней идет и усиленная хазарская эрозия истории Руси. Причем в обоих случаях задействованы одни и те же лица. В 1993 г. историк А.Г.Кузьмин верно заметил, что «большинство хазароведов норманисты»¹⁶⁹. Действительно, всякий скандинавоман является вместе с тем и хазароманом. С целью утверждения своих идей нынешние вожди «норманского и хазарского нашествий» на русскую историю не чураются научного подлога, подделки документов, которая ими выдается за правильное их прочтение. В 1999 г. Кузьмин указал на подобный пример, давший начало «хазарской» версии крещения Руси¹⁷⁰. Этот случай связан с именем академика Д.С.Лихачева, глазами которого сейчас смотрят на историю нашего Отечества и на начало летописания не только большая часть научного мира, но и самые широкие читательские круги. В 1950 г. Лихачев, выпуская в издательстве АН СССР Повесть временных лет, заверял при этом, что «мы печатаем... реально дошедший до нас в Лаврентьевской летописи текст», что «настоящее издание гораздо ближе к основному Лаврентьевскому списку, как в более осторожном выборе смысловых исправлений, так и в отказе от произвольных исправлений языка», но вместе с тем подверг ее текст ничем не обоснованной редактуре.

Под 945 г. в летописи читается, как русские клялись соблюдать заключенный с византийцами договор: некрещеная («поганая») русь клялась Перуном и оружием

своим, а (здесь внимание!) «хрестяную русь водиша роте в церкви святого Ильи, яже есть над Ручаем, конец Пасынъче беседы и Козаре: се бо бе сборная церкви, мнози бо бяша варязи хрестяни»¹⁹¹, т. е. «христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы и Козарского урочища: это была соборная церковь, так как было много христиан среди варягов». У всех издателей летописи этот отрывок на протяжении сотен лет не вызывал никаких проблем и всегда воспроизводился в соответствии с оригиналом, но что-то заставило академика отступить от него. И он не только превратил топоним «Козаре» в народ, но и совершенно по-другому расположил его в тексте, в корне изменив звучание последнего. Теперь летописец, рукой которого водил ученый Лихачев, якобы утверждал, что церковь Ильи, «яже есть над Ручаем, конец Пасынъче беседы: се бо бе сборная церкви, мнози бо беша варязи хрестяни и козаре», т. е. церковь «стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы: это была соборная церковь, так как много было христиан — варягов и хазар».

Так в академическом издании появился на свет божий еще один исторический призрак, которых и без него в науке полно: хазары-христиане. И это не случайная оговорка и не досадная ошибка Лихачева, ибо между ними и преднамеренной фальсификацией источника, а следовательно и прошлого Руси есть принципиальная разница. В разделе «Разночтения» под цифрой 22^a, т. е. вставленной в самый последний момент, Лихачев на всякий случай все же указал, что «слова (здесь и далее курсив автора. — В.Ф.) и козаре стоят в Лавр. выше; после Пасынъче беседы». Но если это так, то зачем тогда понадобилось на пустом месте огород городить и так коверкать летопись? Да и какие разночтения могут быть вообще, если этот отрывок все летописи передают согласно Лаврентьевской¹⁹². К тому же, как объяснял сам ученый, в «Разночтениях» оговариваются только исправления явно испорченных мест основного принятого в настоящем издании текста «Повести» — текста Лаврентьевской лето-

писи»¹⁹³. Но данный текст в летописи несколько не поврежден и совершенно не нуждается в каких-либо поправках. Что, еще одно «недоразумение», на сей раз уже, видимо, возникшее при переводе русским книжником хазарского сказания?

В 1996 г., т. е. еще при жизни Лихачева, его творение 1950 г. вышло вторым изданием в серии «Литературные памятники» Российской Академии наук, и как подчеркнуто, «исправленным и дополненным». Действительно, теперь древнерусский текст летописи не только уже воспроизведен надлежащим образом, но и убраны как цифра 22^a, так и невнятное пояснение в разделе «Разночтения». Кажется ближе к смыслу и перевод: «а христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы и Хазар, — это была соборная церковь, так как было много христиан — варягов»¹⁹⁴. Все бы хорошо, но как быть тогда с тем, что исследователи, в том числе и иностранные¹⁹⁵, как ссылались прежде, так и продолжают ссылаться теперь на издание 1950 г., в котором Бог весть какие еще можно встретить отступления от оригинала. Вспоминается в чем-то схожий давний случай: когда в 1732—1735 гг. Г.Ф.Миллер, опубликовав в шести частях первого тома «Sammlung russischer Geschichte» немецкий перевод извлечений из ПВЛ с 860 по 1175 г. и ошибочно приписав летопись Феодосию¹⁹⁶, то в 1754 г. прямо признался, что при издании «была учинена ошибка» — не Нестор, а некий игумен Феодосий. Как пояснил он, переводчик Паус «назвал Нестора Феодосием по недоразумению, потому что имя Нестора не было помещено в начале того списка летописи, но только то, что он был монахом в монастыре, основанном игуменом Феодосием»¹⁹⁷.

В рамках 1950—1996 гг. Лихачев, несколько раз публикуя в разных издательствах и сам древнерусский текст летописи, и его перевод, все также отступал от оригинала, но делал это уже значительно тоньше. Так, в 1978 г. в серии «Памятники литературы Древней Руси» приводимая выше цитата дана академиком уже без той грубой редактур, которой в 1950 г. он так

беспардонно поправлял летописца: «а хрестеяную русь водиша роте в церкви святого Ильи, яже есть над Ручаем, конецъ Пасынъче беседы, и козаре: се бо бе сборная церкви, мнози бо беша варязи хрестеяни». Но ее смысл и ее перевод остались на прежнем уровне: «а христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы, и хазар, — это была соборная церковь, так как было много христиан — варягов». То же самое читается и в издании ПВА 1991 года¹⁹⁸. Опять вместо топонима видим народ, к «роте» ведут как христианскую русь, так и хазар, которые, оказывается, были не только христианами, но еще имели честь принадлежать к славным варягам.

Наша ранняя история уже во многом отдана хазарам-нудеям. Как полагал А.А.Кунин, Кий, Щек и Хорив, с которыми летопись связывает начало Киева, были «хазарскими братьями»¹⁹⁹. В.А.Мошин говорил, что Киев являлся окраиной Хазарии²⁰⁰. Сейчас отечественные хазароманы повторяют и развивают идеи прежде всего Н.Голба и О.Прицака, точно названные П.П.Толочко «мифом»²⁰¹. В 1982 г. они уверяли, «что Киев как город и поляне как клан основателя Кия связаны с хазарами», которые основали его то ли в конце VIII, то ли в первой половине IX века. Причем Прицак утверждал, что будущая столица Руси оставалась под властью Хазарии до 30-х гг. X в., пока не оказалась в руках князя Игоря²⁰². Повторяя эти фантазии, В.Н.Топоров советует «не удивляться», что в социальной и этнической структуре Киева, где были представлены хазары (администрация), хорезмийцы (воины), евреи (торгово-ремесленный элемент), отсутствует славянский элемент, что может быть объяснено, рождает он яркий перл научной мысли, «или его малочисленностью или принадлежностью к крестьянам». Лишь только с обоснованием около 940 г. в Киеве Игоря с русами городская и социальная структура должна была измениться. У Р.Г.Скрынникова нет никаких сомнений в том, что в Киеве, возникновение которого, конечно, связано с хазарами и с их завое-

ванием Нижнего Поднепровья, «до начала X в. располагался хазарский гарнизон»²⁰³.

В.Я.Петрухин, апеллируя именно к изданию ПВА 1950 г. и прямо цитируя, что «многие варяги были христианами и Козаре», выводит отсюда, что христианская церковь располагалась в районе (квартале) Козаре (Хазары), где проживали представители еврейско-хазарской общины. По его словам, выходцы из Хазарии наряду с норманнами входили в русскую дружину, присутствовали среди населения русских городов. Он относит Тмутаракань к «хазарскому» фактору воздействия на Русь, под влиянием которого в пантеон Владимира были включены иранские божества, характеризует «хазарское наследие» как важнейший структурообразующий фактор формирования русского государства, уверяет, что «хазарская традиция была актуальна для Руси не только в связи с претензиями на хазарское наследие, но и в связи с тем опытом государственного строительства, который позволил хазарам объединить разноразличные земли». Сложение русской культуры в X в. исследователь уподобляет воображаемому им процессу возведения черниговского кургана Черная могила: «Славяне, норманны и хазары возвели своему предводителю единый монумент»²⁰⁴.

Хазароманией глубоко поражена зарубежная историография и имеет в ней давнюю традицию, на которой выросли Голб и Прицак. Еще в 1944 г. Ю.Д.Бруцкус уверял, что «не только управление, армия и законы славян были основаны на хазарской традиции, но даже религия, земледелие, ремесла и искусства пришли с Востока благодаря хазарам». Через десять лет Ф.Каплан утверждал, что восточные славяне, подчиненные вначале хазарам, попали затем под зависимость другого народа-повелителя — норманнов²⁰⁵. Как констатировал в 1990 г. П.П.Толочко, западные историки говорят об исключительно благотворительном влиянии хазар на государственное и культурное развитие восточных славян²⁰⁶. В 1996 г. С.Франклин и Д.Шепард сказали, что символ киевских князей — трезубец — был заимствован у хазар. Затем они, но уже как скандинавома-

ны, проводят мысль, что титул хакан могли носить короли центральной Швеции²⁰⁷. В 1999 г. М.Гольдельман в «Краткой еврейской энциклопедии» преднамеренно ввел читателей в заблуждение по поводу якобы «распространенного мнения» в исторической науке, «что Киев был основан около 830 г. как хазарский торговый центр на северо-западе»²⁰⁸.

О сильнейшем хазарско-еврейском влиянии на русскую историю много говорил в первые десятилетия XX в. киевский юрист Г.М.Барац. Касаюсь вопросов начала русского летописания, он выделяет лишь одну (первую) редакцию ПВЛ, доведенную до 1108 г. и составленную преподавшим Никиткою Затворником, ставшим затем новгородским епископом, по утверждению Бараца, евреем по происхождению. По его мнению, на Сказание о призвании варягов оказал перечень «Афетова» колена, который, в свою очередь, основывался на еврейском источнике — родословной таблице народов, происходящих от Иафета, и содержащейся в книге «Иосифа бен Горриона или Иосиппона-Псевдо-Иосифа»²⁰⁹. В целом вывод Бараца гласит: Сказание о призвании варягов, «является изложенным библейским слогом рассказом, сочиненным применительно к чертам еврейской истории периода «судей» и в своей канве заимствовано «из истории еврейского израильского народа». Литературную обработку этого новгородского предания на основе еврейской письменности он связывал с именем пресвитера Григория, духовного наставника княгини Ольги и, по его мысли, редактора Древнейшего свода, доведенного до 972 года²¹⁰. По замечанию А.Г.Кузьмина, Барац, «конечно, преувеличивал, когда из иудейской литературы выводил всю письменность киевского периода, но его указание на Иосиппона (Иосифа бен Горриона)... как писателя, использованного одним из редакторов «Повести временных лет», можно отнести к числу ценных наблюдений». Вместе с Н.А.Мещерским Кузьмин относит влияние Иосиппона лишь на статью 1110 г. Ипатьевской летописи, хотя, по его же словам, следы «влияния некоторых иудейских представлений» заметны и в не-

которых других статьях конца XI — первых десятилетий XII века²¹¹.

Ныне норманист И.Н.Данилевский, полностью следуя за мыслью Бараца, лишь несколько поправляет его, полагая, что в основе Сказания о призвании варягов лежит текст не I Книги Царств (состарившийся пророк Самуил доверил власть над народом Израиля своим сыновьям, но те судили несправедливо: «И собрались все старейшины Израиля, и пришли к Самуилу в Раму, и сказали ему: вот, ты состарился, а сыновья не ходят путями твоими; итак поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов»), а текст третьего стиха 111 псалма: «Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его. Сильно будет на земле семя его; род правых благословится. Обилие и богатство в доме его, и правда его пребывает вовек (курсив автора. — В.Ф.). Во тьме восходит свет правым». На эту выдержку из Библии, полагает ученый, опирался как Видукинд Корвейский, рассказывающий в своей «Саксонской хронике» о приглашении саксов бриттами, так и автор ПВЛ, что и объясняет, по его мнению, близость их текстов²¹². В.Я.Петрухин, ярый сторонник норманизма варягов, обратившись к идее Бараца о ветхозаветных истоках варяжской легенды, пришел к выводу, что «естественно, библейский сюжет призвания царя оказал существенное влияние на формирование раннеисторических традиций, в т.ч. славянских». Но, по его словам, «возводить весь сюжет призвания к Библии невозможно... Если и допускать влияние книжной (славянской или библейской) традиции, то оно явно вторично». В качестве источника летописи Петрухин называет не только еврейский хронограф «Книга Иосиппона». По его убеждению, источником как рассказа о Кие и его братьях, так и одного из сюжетов Сказания о призвании варягов является Книга Юбилеев Библии, повествующая о трех сыновьях Ноя, основавших три города, о вражде потомков Ноя. Следы Книги Юбилеев, утверждает Петрухин, обнаруживаются в разных частях летописи — космографическом введении, Речи философа, повест-

вовании о трех Ярославичах. В целом, как он считает, библейская традиция была для летописца образцом «понимания и адекватного описания собственной истории»²¹³.

Как прав был С.Лесной, сказав, что «нам не нужна покалеченная, изуродованная история, а такая, какой она была, т. е. и черная, и белая. На черной мы будем учиться, а белой гордиться»²¹⁴. Но попробуй сейчас разберись, где белая история, а где черная, если в науке ставятся вопросы, в которых невозможно уловить здравый смысл. Чего, например, стоит один лишь пассаж Д.А.Мачинского о том, что Александр Невский, «твердой и жесткой рукой введивший Северную Русь в состав Монгольской империи и тем определивший ее судьбу, получил все же прозвище «Невского», а не «Татарского»²¹⁵. Тому же Мачинскому очень понравилось сравнение норманнов с «катализаторами», с «дрожжами», брошенными «в тесто, которому пришло время стать многослойным пирогом — государством»²¹⁶. А.А.Хлевов, полностью поддерживая старшего коллегу в оценке роли скандинавов, но, будучи, видимо, не совсем уверенным в «убойности» приведенных им сравнений, долженствующих, видимо, без всяких доказательств разить сомневающихся наповал, говорит еще о «гальванизирующем» влиянии скандинавов, которое «они возымели на самом раннем этапе русской истории»²¹⁷. Если бы Бог сотворил чудо, и эти ученые бы прозрели, первое, что они бы увидели, так это агонизирующее состояние скандинавмании, ибо никакой норманнской руси не знают ни русские, ни иностранные, в том числе и скандинавские источники.

Еще М.В.Ломоносов констатировал, что «имени русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слышано»²¹⁸. Этот факт был признан в XIX в. норманистами. Так, если антинорманист Д.И.Иловайский в 1876 г. говорил, что «никакой Руси в Скандинавии... источники не упоминают», то в 1877 г. В.Томсен, один из корифеев норманизма, как бы отвечая русскому историку, соглашался (по его словам, «охотно признавая»), что скандинавского племени по имени Русь никог-

да не существовало в природе и что скандинавские племена «не называли себя русью»²¹⁹. Г.В.Вернадский, норманист и один из основателей современной американской школы русской историографии, в 1943 г. также пришел к выводу, что «никакого племени русов не было известно в Скандинавии и не упоминается в скандинавских сагах»²²⁰. И современные скандинавоманы свидетельствуют, что «народа «русь» не существовало среди скандинавских народов...»²²¹. Вместе с тем многие памятники зафиксировали существование на южном и на восточном побережье Балтийского моря четырех Русий, населенных славянами и славяноязычными народами. Одна из них — это остров Рюген (Руйяна), где жили руги, русы, русские. Затем район устья Немана, также носящего имя Руси. Две группы русских располагались в Восточной Прибалтике: на побережье Рижского залива (устье Западной Двины) и в западной части Эстонии (Роталия-Руссия) с островами Эвель и Даго. Не случайно в папских буллах XII—XIII вв. Ливония называется «Руссией». Например, Климент III в 1188 г. утверждал епископство Икскуль «in Ruthenia»; Гонорий IV в 1224 г. именовал ливонских епископов с их сотрудниками «fideles per Russiam constituti»; Урбан IV в 1264 г. считал восточную Лэтгалию лежащей «in regno Russiae»²²².

О наличии прибалтийских Русий, связанных только со славянами, говорили многие ученые XVIII—XIX вв., к ним последние тридцать лет пыгается привлечь внимание исследователей историк А.Г.Кузьмин. Многочисленный материал, в том числе отечественные и зарубежные письменные источники, в качестве родины варягов прямо указывает именно на южный берег Балтики, а не на северный²²³. Летописец, рассказывая под 862 г. об основании варягами в Северо-Западной Руси городов, носящих исключительно славянские названия — Новгород, Белоозеро, Изборск, говорит тем самым в пользу того, что языком их общения был именно славянский язык, а не на шведский или какой-то иной германский язык. В противном случае не только в данном районе, но и в

других местах Руси выросло бы немалое число городов, оканчивающихся на «stadt» и «burg», как это действительно наблюдалось во времена Петра I. Царь-император настолько жаловал все германское, что по-германски нарекал новые или переименовывал прежние названия городов. Из этого видно не только то, кто в особенной чести был у монарха, но и то, что германцы стали ближайшим и весьма влиятельным его окружением, вошли в элиту правящего класса, что сразу же не замедлило сказаться на топонимическом материале России.

Все это очевидно и хорошо известно. Но в науке продолжают рассуждать так же, как мыслил еще в середине XIX в. М.П.Погодин: Рюрик велел норманнам «по исконному обычаю норманнов, рубить везде города или крепости...»²²⁴. У иностранных специалистов нет и тени сомнения в том, что «именно скандинавы основали Новгород, Киев и Смоленск...»²²⁵, хотя в наших летописях наличествуют города, имеющие названия либо славянского, либо угро-финского происхождения. И среди них нет ни одного города со скандинавским названием. ПВЛ под 882 г. сообщает, как Олег захватил Киев и сел в нем. После чего в ней добавлено: «И беша у него варязи и словени и прочи прозвашася русью. Се же Олег нача города ставити... (курсив мой. — В.Ф.)»²²⁶. В войске князя, указывает летописец, «вои многи» и первыми среди них он ставит варягов, князя окружают варяжская дружина и варяжские «мужи», заключавшие русско-византийский договор 911 г., имена которых трактуют именно как скандинавские («Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид») ²²⁷, но при этом названия городов, которые основывает в пределах Южной Руси Олег с помощью все той же варяжской руси, также не имеют, как и в Северной Руси, никакого отношения ни к скандинавским, ни к германским языкам вообще. В связи с этим вновь следует повторить вопрос, заданный норманистам еще в 1876 г. П.Бурачковым: «Если Олег начал ставить города и посадил в них варя-

гов-князей... то почему самые города получили названия славянские, а пороги (днепровские. — В.Ф.) — норманские?»²²⁸.

В 1876 г. Д.Щеглов констатировал, что саксы, переселясь в Британию, вытеснили там из употребления «туземный язык», а норманны во Франции «оставили свои следы в десятках названий местностей...»²²⁹. Современные зарубежные исследователи отмечают, что «даже сегодня отзвуки» скандинавского языка слышны в нормандском диалекте французского языка. Более того: «Даже некоторые города, такие, как Quettehou и Houlgate, сохранили названия, которые присвоили им основатели-викинги тысячу лет назад», а «из 126 деревень на о. Льюис — одном из внешних Гебридских островов (Великобритания. — В.Ф.) — 110 имеют либо чисто скандинавское название, либо какое-то его подобие». Восточная Англия, подвергшаяся датской колонизации и где в 886 г. по мирному договору с англосаксонским королем Альфредом Великим был основан Данелаг (по-английски Дэнло, Дейнло, «область датского права»), до сих пор несет на себе ярко выраженный скандинавский отпечаток. Так, в восточном графстве Линкольншир «более половины современных названий деревень имеют скандинавское происхождение»²³⁰. Х.Ловмянский, говоря, что «в целом в Дэнло выявлено огромное число топонимов скандинавского... происхождения», уточняет, что в Линкольншире «они превосходят число английских названий», причем, подчеркивает историк, «даже древние английские названия нередко изменялись под влиянием датского языка». Скандинавские имена присутствуют в большом количестве в документах, в особенности в Domesday Book (1086), «где почти половина личных имен в северной части Дэнло — скандинавские»²³¹. И.Янссон констатирует, что в Британии и Ирландии скандинавы «были ассимилированы, но оказали значительное влияние на английский язык и местную топонимику»²³².

Норманисты, нисколько не осознавая противоречия, звучащего в их словах, говорят, особо нажимая при этом на кажущийся им характер древностей Руси, что

«скандинавская колонизация и владычество оставили на Западе прочные следы в топонимике и политико-правовой терминологии. Ни того, ни другого на Руси не наблюдалось. Зато скандинавские изделия в раскопках здесь гораздо обильнее, чем на Британских островах»²³³. В.Я.Петрухин уверяет, что в этом нет ничего парадоксального, т. к. языческая реакция на иноплеменную среду вела к консервации черт скандинавской культуры на Руси, исчезавших по мере феодализации, сложения древнерусской народности и христианизации. Хотя тут же он говорит об «относительной быстроте ассимиляции норманнов» и объясняет ее не только малочисленностью последних среди восточных славян, но и тем, что государство, по его словам, «подавляло те племенные черты в экономике, политике и культуре Руси, которые мешали ее единству»²³⁴. Дело, конечно, заключается в совершенно другом, да к тому же реакция «на иноплеменную среду» есть в любом обществе, в том числе и в однородном по своим религиозным воззрениям. Само же принципиальное различие в характере, распределении и соотношении якобы норманских древностей в Западной и Восточной Европе прямо указывает на то, что в последнем случае их этническая атрибуция, производимая археологами, совершенно ошибочна, и эти древности не имеют отношения к скандинавам. Возникновение норманского Данелага в Англии, где и сейчас еще очень многое звучит по-датски, по времени совпадает с образованием Киевской Руси, в чем самое активное участие принимали варяги. Но эти варяги не оставили «в топонимике и политико-правовой терминологии» Руси абсолютно никаких скандинавских следов, и в тоже время материал, связанный с ними, объявляют норманским.

Археолог Д.А.Авдусин считал, что «для привлечения вещей к решению этнических проблем эти вещи должны быть сами этнически характерными или по крайней мере определяемыми»²³⁵. Его коллега И.В.Дубов подчеркивает, что одной из сложнейших задач славяно-русской археологии IX—XI вв. как раз и «является этническое определение древностей»²³⁶. Но, как уверяют ар-

хеологи А.С.Клейн, Г.С.Лебедев, В.А.Назаренко, определение скандинавского происхождения многих категорий вещей «не представляет собой трудности»²³⁷, что полностью изоблачает их тенденциозность. Археолог Р.С.Минасян констатирует, что этническая атрибуция археологических находок в Северо-Западной Руси не всегда убедительно обоснована. Отсутствие «надежных этнических индикаторов, — прямо пишет он, — позволяет манипулировать археологическими памятниками в зависимости от концепции того или другого исследователя»²³⁸. В целом, в археологии в методах обработки «варяжского» материала ничего не изменилось со второй половины XIX в., когда, по верному замечанию Д.И.Иловайского, «наша археологическая наука, положась на выводы историков норманистов, шла доселе тем же ложным путем при объяснении многих древностей. Если некоторые предметы, отрытые в русской почве, походят на предметы, найденные в Дании или Швеции, то для наших памятников объяснение уже готово: это норманское влияние»²³⁹.

В 1960-х гг. А.В.Арциховский серьезно заблуждался, полагая, что «варяжский вопрос чем дальше, тем больше становится предметом ведения археологии. ...Археологические материалы по этой теме уже многочисленны, и, что самое главное, число их из года в год возрастает. Через несколько десятков лет мы будем иметь решения ряда связанных с варяжским вопросом загадок, которые сейчас представляются неразрешимыми»²⁴⁰. Число археологических источников за каждые три десятилетия возрастает вдвое²⁴¹. 40 лет уже минуло после столь оптимистического прогноза ученого, предрекавшего решение археологами «ряда связанных с варяжским вопросом загадок». Но этого не произошло. Более того, как еще сетовал в 1988 г. Д.А.Авдусин, говоря об увеличении данных в археологии именно по варяжской проблеме: «Казалось бы, появились все возможности движения вперед, тем не менее во многих случаях происходит топтание на месте и даже возврат на старые позиции»²⁴². Двумя годами ранее А.Г.Кузьмин уже установил тому

причину: археология стала «главным прибежищем норманизма»²⁴³. Так что дело заключается не в количестве памятников, а в их интерпретации, на что справедливо указывал сам же Арциховский в 1962 г. на международном конгрессе историков, состоявшемся в Риме²⁴⁴. И если продолжать русские древности относить к норманским, то на Западе, где действительно бывали скандинавы и где действительно существовали их многочисленные колонии, норманских древностей будет значительно меньше, чем на Руси, где викинги стали появляться лишь в конце X в. и могли принимать какое-то участие в русских событиях лишь на протяжении очень короткого времени: с 980-х гг. до 1050-х годов. Как отмечают сами же норманисты, «большая часть скандинавских древностей на Руси датируется серединой — второй половиной X в.», совпадают «со временем консолидации (а не возникновения) Древнерусского государства...»²⁴⁵.

Тотальный норманизм, превративший историю Древнерусского государства в придачу к истории Швеции, сковывает творческую мысль ученых, не позволяет им увидеть именно славянскую природу варягов, хотя к этому их вплотную подводят источники. В.М.Потин еще в 1968 г. зафиксировал, что скопление кладов восточных монет «в районе Приладожья и их состав указывают на теснейшие связи этой части Руси с южным берегом Балтийского моря», и вместе с тем отметил «безусловное родство» русских и западнославянских кладов и что их состав «резко отличается от скандинавских, в том числе и готландских». Но при этом он так и не смог рассмотреть за этими принципиальными фактами главного: что скандинавов не было в нашей истории и что варягов надо искать не в Скандинавии, а на противоположном берегу Балтийского моря. В 1998 г. норманист А.Н.Кирпичников вновь констатировал, не сделав из этого соответствующего вывода, что «до середины IX в. не устанавливается» сколько-нибудь значительного проникновения арабского серебра «на о. Готланд и в материковую Швецию (больше их обнаруживается в областях западных сла-

вя)». Так и норманизм В.В.Мавродина в 1971 г. взял верх над очевидными фактами. После своего же вывода, что к пути «из варяг в греки» Скандинавия не имела никакого отношения, и что «торговые сношения Скандинавии с Византией были крайне ограничены и совершались при посредничестве русских купцов»²⁴⁶, ему оставалось сказать только одно: скандинавы не были варягами. Но историк не смог произнести этих слов.

Увлеченность скандинавоманией, увлеченность идеями, что ПЛВ не что иное, как сборник рассказов норманнов или прямых заимствований из северного эпоса, памятник их деятельности на Руси в IX—XI вв., который с этой целью все время «поправляют» и комментируют с помощью исландских саг, характеристика наших летописцев как «первых норманистов», да еще «самого крайнего направления», в целом, занятие учеными не русской историей, а под ее видом историей шведской, — все это создает ощущение, что присутствуешь на игре шведского провинциального театра абсурда, ставящего пьесу местного автора, действия которой, по его прихоти, разворачиваются почему-то в Древней Руси. На подмостках звучит либо шведская речь, либо «варяго-русское» эсперанто (по словам В.Томсена, «варяжское наречие»²⁴⁷), когда для придания исторического колорита в уста многочисленных викингов, норманских вождей, «старших» и «младших» конунгов вставляются русские слова, звучащие со шведским акцентом. Да еще перед каждым актом зрителю настойчиво напоминает, чтобы он не забыл ненароком, что участвует в лицедействе по мотивам именно русской, а не какой-то другой истории. В этой трагикомической постановке, идущей уже несколько столетий на глазах всего мира, все фальшиво: герои, костюмы, декорации. Призрачен и тот мир, в который она погружает зрителей. Ложны мысли и идеи, порождаемые ею. К сожалению, на том игра не заканчивается: «миражи, призраки исторические», как предельно точно охарактеризовал в 1841 г. М.А.Максимович осанну шведам О.И.Сенковского²⁴⁸, заставляют нас блуждать не только в прошлом, но и в

настоящем, а значит, и в будущем. Эти «миражи, призраки исторические», незаметно подтачивая корни нашего самосознания и порождая комплекс неполноценности у наших соотечественников, рано или поздно, но все же сыграют с нами весьма презлую шутку.

Эти же «миражи» и «призраки» создают ложное представление о нашем характере и о наших возможностях, заставляют многих за границей менторским тоном поучать, а то и одергивать Россию, смотреть на нее свысока. Плоды исторического образования многих зарубежных поколений созревали и созревают под воздействием популярных и академических работ, в которых в обязательном порядке подчеркивается, что «начиная с Рюрика и вплоть до сына Ивана Грозного Федора, эти скандинавы правили самой крупной средневековой державой Европы — Россией»²⁴⁹.

В «Истории Европы» (1992 г.) без лишних слов сказано: «Образование первого восточнославянского государства (здесь и далее подчеркнуто авторами. — В.Ф.) — Руси — связано со скандинавскими воинами и купцами, которые под названием варягов, или русов, вели торговлю между странами Балтийского и Черного морей». Хотя, как отмечено в предисловии к русскому изданию, в этом «евроучебнике», переведенном уже на многие европейские языки и рассчитанном прежде всего на молодежь, «гармонично сочетается глубина научного анализа с яркостью и простотой изложения, делающими ее доступной широкому кругу читателей»²⁵⁰.

В 1971 г. Г.Портнер дал исчерпывающую норманистскую оценку Руси и русскому народу: «Эта восточная страна... была неспособна к собственному управлению и созданию государственного порядка, так что норманны должны были придти для того, чтобы эти джунгли расчистить и дисциплинировать их жителей»²⁵¹.

Нелестные слова в адрес наших предков, а значит и в наш адрес произнес в 1974 г. профессор Гарвардского университета Р.Пайпс: «...Почти побочным продуктом заморской торговли между двумя чуждыми народами, варягами и греками, и родилось

первое государство восточных славян»²⁵². Вот так, всего лишь «продукт», да к тому же «побочный» (такое определение незамедлительно вызывает в памяти ряд известных ассоциаций, в том числе «незаконный» и «второсортный»).

В 1982 г. западногерманский ученый Г.Ротте, развивая теорию непрерывного подчинения восточных славян другим народам, уверял, что в своей истории они всегда имели поводырей, сначала византийцев, потом скандинавов, хазар, а с XII в. немцев²⁵³.

Древнегреческий царь Мидас, испросив у Дионисия дар превращать своим прикосновением вещи в золото, чуть не погиб. Хорошо, что во время опомнился и освободился от этого ужасного дара. А какую судьбу уготовляют нам современные мидасы норманизма? И сколько нам еще вместо истинной русской истории довольствоваться тем, что так уже густо «захватано» их руками? Норманист Стендер-Петерсен откровенно объяснял свою позицию в варяжском вопросе тем, что «как датчанин, я должен причислить себя к племени варягов...»²⁵⁴. Что заставляет отечественных скандинавоманов с такой настойчивостью и с такой энергией отстаивать норманистство варягов, трудно сказать, хотя объяснение тому, конечно, есть. Но хорошо видно, что все их рассуждения о Древнерусском государстве находятся вне пределов собственно русской истории и, понятно, не имеют отношения к ней. В 1997 г. А.А.Хлезов сказал, что в нашей историографии «основой переворота в науке о варягах стала борьба ленинградской школы скандинавистов за объективизацию подхода к проблеме и «реабилитацию» скандинавов в ранней русской истории», приведшая к победе «взвешенного и объективного норманизма, неопровержимо аргументированного источниками как письменными, так и археологическими»²⁵⁵. Современные скандинавоманы наглядно демонстрируют истинную цену этих слов, всю суть «взвешенного и объективного норманизма», в познании прошлого ведущего и науку и общество по ложному пути, по пути околонуточных фантазий.

Сейчас норманизм вновь возвращают в «большую политику». Он уже звучит в речах шведских государственных деятелей. В 1998 г. А.А.Собчак с чужого голоса повторил, что «великим событием было появление на Руси скандинава Рюрика», и что «при участии норманнов было положено начало государственным институтам... сформировалась Русская держава...»²⁵⁶.

Хочется напомнить всем государственным мужам, что один из самых одиозных политиков в истории человечества, взяв норманизм себе в подручные и доказывая с его помощью, что славяне всегда были «расой рабов», в конечном итоге договорился до слов, что «организация русского государственного образования не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство». Отсюда и вывод Гитлера: «Сама судьба как бы хочет указать нам путь своим перстом: вручив участь России большевикам, она лишила русский народ того разума, который породил и до сих пор поддерживал его государственное существование». В унисон с фюрером рассуждал другой «мыслитель» третьего рейха Гиммлер: «Этот низкопробный людской сброд, славяне, сегодня столь же не способны поддерживать порядок, как не были способны много столетий назад, когда эти люди призывали варягов, когда они приглашали Рюриков»²⁵⁷. Чем закончились эти упражнения в русской истории, хорошо известно. И было бы преступлением их забывать.

В 1964 г. В.П.Шушарин абсолютно правильно сказал, что «современный норманизм... полностью утратил характер на-

учной гипотезы, превратившись в средство пропаганды идеи о неспособности восточнославянских народов к самостоятельному историческому творчеству»²⁵⁸.

К этому суждению следует добавить исключительно важную оценку норманизма писателя-историка Русского Зарубежья М.Д.Каратеева, буквально выстраданную им вдали от Родины. По его словам, «сколько непоправимого вреда принес норманизм престижу нашей страны и нам самим, начали понимать за границей, очутившись в «норманском» мире и поневоле сделав кое-какие наблюдения, сравнения и выводы». Говоря в 1968 г. об опасности «норманской болезни в русской истории», он предупреждал, что за ней «кроется не одно лишь тщеславное желание Запада отстоять видимость своего превосходства над русским народом. Дело обстоит гораздо серьезней: норманская доктрина пошла на вооружение тех русофобских сил западного мира, которые принципиально враждебны всякой сильной и единой России, — вне зависимости от правящей там власти, — и служит сейчас чисто политическим целям: с одной стороны как средство антирусской обработки мирового общественного мнения, а с другой — как оправдание тех действий, которые за этой обработкой должны последовать»²⁵⁹.

Предостережение Каратеева должно быть наконец услышано всеми, кто обеспокоен судьбой Родины, кто видит надвигающийся «Drang nach Osten» антирусских сил, собирающихся в единый кулак, кто помнит недавние уроки истории, кто не забыл того «натиска на восток», который чуть не привел к гибели России и который был сокрушен советским народом в годы Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ *Бильдт К.* Швеция и Россия в веках истории. Конфронтация или культурное взаимообогащение? // *Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях.* — СПб., 1998. С. 10, 11.
² *Русские.* — М., 1997. С. 11.

³ *Викинги: набеги с севера.* — М., 1996. С. 70.

⁴ *Скрынников Р.Г.* Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // «Вопросы истории» (ВИ), 1997. № 8. С. 7.

⁵ *Толочко П.П.* Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // *Славяне и Русь*

- (в зарубежной историографии). — Киев, 1990. С. 114, 118–119.
- 6 Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. — М.—Л., 1965. С. 95, 124, 150–151; Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк. — Л., 1968. С. 44.
 - 7 Шлецер. Нестор. Ч. I. — СПб., 1809. С. 342, примеч.*; там же. Ч. II. — СПб., 1816. С. 172; Томсен В. Начало Русского государства. — М., 1891. С. 115.
 - 8 Андерссон И. История Швеции. — М., 1951. С. 40; Гуревич А.Я. Походы викингов. — М., 1966. С. 85–86; Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории средневековой Европы // «Скандинавский сборник» (СС), Таллин, 1970. Вып. XV. С. 56.
 - 9 Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси // «ВИ», 1995. № 11–12. С. 33; *его же*. Русь IX—XVII века. — СПб., 1999. С. 17, 38; *его же*. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX—XVII вв. — СПб., 2000. С. 17.
 - 10 Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси. С. 26–27; *его же*. Русь IX—XVII века. С. 16, 30; *его же*. Крест и корона. С. 6.
 - 11 Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси. С. 27; *его же*. Русь IX—XVII века. С. 22; *его же*. Крест и корона. С. 10.
 - 12 Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. (Опыт исчисления). — М., 1941. С. 84; Равин Е.А. История военного искусства. Военное искусство феодального периода войны. Т. II. — М., 1957. С. 58, 60.
 - 13 Летопись по Лаврентьевскому списку (ЛЛ). — СПб., 1897. С. 20, 29.
 - 14 Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси. С. 30–31; *его же*. Русь IX—XVII века. С. 24; *его же*. Крест и корона. С. 11.
 - 15 ЛЛ. С. 43, 44–46.
 - 16 Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси. С. 35, 37; *его же*. Русь IX—XVII века. С. 35, 37–39, 40, 43; *его же*. Крест и корона. С. 16–17.
 - 17 Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси. С. 33; *его же*. Крест и корона. С. 15.
 - 18 Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. — М., 1999. С. 39.
 - 19 Stender-Retersen A. Varangica. — Aarhus, 1953. S. 245, 256.
 - 20 Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной историографии // «История СССР», 1960. № 1. С. 232; *его же*. Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 27, 31.
 - 21 Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 86; Ловмянский Х. Русь и норманны. — М., 1985. С. 99, 153.
 - 22 Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. — М., 1977. С. 34; Пирсон Э. Викинги. — М., 1994. С. 4.
 - 23 История Швеции. — М., 1974. С. 88.
 - 24 Ковалевский С.Д. Указ. соч. С. 48.
 - 25 Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 81; Сванидзе А.А. К исследованию демографии шведского города XIV—XV вв. // «Средние века» (СВ). Вып. 31. М., 1968. С. 201.
 - 26 Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 г. Т. III. Вып. 16. — М., 1987. С. 124–126; *его же*. Русь и варяги // Викинги и славяне. С. 25–27.
 - 27 Stender-Petersen A. Varangica. — Aarhus, 1953. S. 251.
 - 28 Кан А.С. Швеция и Россия... С. 45.
 - 29 Stender-Petersen A. Varangica. S. 115–138, 252.
 - 30 Фомин В.В. «Варяжское заморье» русских летописей (X—XVII вв.) // Дискуссионные вопросы российской истории. — Арзамас, 1995. С. 21–27.
 - 31 ЛЛ. С. 74.
 - 32 Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. С. 5.
 - 33 Гуревич А.Я. Походы викингов. С. 82, 88; Нюлен Э. Эпоха викингов в ранне средневековье в Швеции // Славяне и скандинавы. — М., 1986. С. 157; Пирсон Э. Указ. соч. С. 28.
 - 34 Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / М.В.Бибиков, Г.В.Глазырина, Т.Н.Джаксон и др. — М., 1999. С. 410–411, 416.
 - 35 История Норвегии. — М., 1980. С. 101–102.
 - 36 Янссон И. Русь и варяги. С. 29.
 - 37 Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси. С. 25; *его же*. Русь IX—XVII века. С. 15.
 - 38 Мурашова В. Была ли Древняя Русь частью Великой Швеции? // «Родина», 1997. № 10. С. 9.
 - 39 Лихачев Д.С. Нельзя уйти от самих себя... Историческое самосознание и культура России // «Новый мир», 1994. № 6. С. 113; *его же*. Россия никогда не была Востоком (Об исторических закономер-

- ностях и национальном своеобразии: Евразия или Скандославия?) // *Раздумья о России*. — СПб., 2001. С. 35.
- ⁴⁰ Хлевов А.А. *Норманская проблема в отечественной исторической науке*. — СПб., 1997. С. 80.
- ⁴¹ Кан А.С. *Швеция и Россия...* С. 40, 45.
- ⁴² Скрынников Р.Г. *История Российская. IX—XVII вв.* М., 1997. С. 55, 67; *его же. Русь IX—XVII века*. С. 20—45, 49—50; *его же. Крест и корона*. С. 22, 30.
- ⁴³ Скрынников Р.Г. *Войны Древней Руси*. С. 25—27, 34, 37; *его же. Древняя Русь*. С. 3, 10; *его же. История Российская*. С. 51; *его же. Русь IX—XVII века*. С. 15, 21, 47, 50, 54; *его же. Крест и корона*. С. 20, 22—23.
- ⁴⁴ Сенковский О.И. *Скандинавские саги* // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности и мод. Т. I. Отд. II. — СПб., 1834. С. 18, 22—23, 26—27, 30—40, 75, примеч. 30 на с. 70; *его же. Эймундова сага* // Там же. Т. II. Отд. III. — СПб., 1834. С. 47—53.
- ⁴⁵ Сабинин С. *О происхождении наименований боярин и боярыня* // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Ч. XVI. — СПб., 1837. С. 83.
- ⁴⁶ Погодин М.П. *Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей*. — М., 1839. С. 102, 159, 161, 175—179; *его же. Исследования, замечания и лекции о русской истории*. Т. 1. — М., 1846. С. 102—103, 285, 298, 491; *его же. Г.Гедеонов и его система происхождения варягов и руси*. — СПб., 1864. С. 13—14.
- ⁴⁷ *Замечания А.Куника* // Погодин М.П. *Г.Гедеонов...* С. 63; *Дополнения А.А.Куника* // Дорн Б. *Каспий*. — СПб., 1876. С. 394; *Куник А.А. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах*. Ч. 2. — СПб., 1903. С. 07.
- ⁴⁸ Томсен В. *Указ*. соч. С. 92.
- ⁴⁹ Соколов Б.М. *Эпические сказания о женитьбе князя Владимира* // Труды 15 Археологического съезда в Новгороде, 1911. Т. I. Отд. III. — М., 1914. С. 93; *его же. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира* // Ученые записки Саратовского университета. Т. 1. Вып. 3. — Саратов, 1923. С. 90—122; Бицилли П.М. *Западное влияние на Русь и Начальная летопись*. — Одесса, 1914. С.9-24; Бахрушин С.В. [К вопросу о достоверности Нестеровой летописи] // *его же. Труды по источниковедению, историографии и истории России* эпохи феодализма. — М., 1987. С. 21—22, 25—26.
- ⁵⁰ Алексеев М.П. *Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха* // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (ТОДРА). Т. II. — М., Л., 1935. С. 42—80; Греков Б.Д. *Феодалные отношения в Киевском государстве*. — М., Л., 1936. С. 8; Пархоменко В.А. *К вопросу о «норманском завоевании» и происхождении Руси* // «Историк-марксист», 1938, № 4. С. 106—107; Тихомиров М.Н. *Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.* Курс источниковедения истории СССР. Т. 1. — М., 1940. С. 48.
- ⁵¹ Мавродин В.В. *Образование Древнерусского государства*. — Л., 1945. С. 212—213; *его же. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности*. — М., 1971. С. 125—126; *он же. Происхождение русского народа*. — Л., 1978. С. 154.
- ⁵² Рыбаков Б.А. *Остромирова летопись* // ВИ, 1956, № 10. С. 46; *его же. Предпосылки образования Древнерусского государства* // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. — М., 1958. С. 781—784; *его же. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи*. — М., 1963. С. 199, 291, 293; *его же. Киевская Русь* // История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. — М., 1966. С. 568; *его же. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII веков*. Изд. 2-е. — М., 1993. С. 142, 298, 301—302, 312; *его же. Мир истории. Начальные века русской истории*. — М., 1984. С. 17, 49—50, 53—54, 212; Пашуто В.Т. *Внешняя политика Древней Руси*. — М., 1968. С. 22, 24, 29.
- ⁵³ Шаскольский И.П. *Современные норманисты о русской летописи* // Критика новейшей буржуазной историографии. Вып. 3. — М., Л., 1961. С. 369, 372; *его же. Норманская теория в современной буржуазной науке*. С. 68; Алпатов М.А. *Русская историческая мысль и Западная Европа. XII—XVII вв.* — М., 1973. С. 35; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. *Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени)* // Славяне и скандинавы. — М., 1986. С. 201—

- 202; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 489–492.
- ⁵⁴ В 40–60-х годах XX в. труды западных норманистов разбирались в нашей литературе (Тихомиров М.Н. Откровения Чадвик о начале русской истории // «ВИ», 1948. № 4. С. 112–115; Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной историографии. С. 223–236; *его же*. Современные норманисты о русской летописи. С. 335–373; *его же*. Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 12–13, 20, 23–54, 100–101, 109–113; *его же*. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. — Л., 1967. Вып. 10. С. 128–176; Шушарин В.А. Современная буржуазная историография Древней Руси. — М., 1964. С. 229–288; и др.). Но, во-первых, представители отечественной науки, детально разъясняя своим оппонентам суть марксистской концепции происхождения Древнерусского государства и много говоря о недостоверности Сказания о призвании варягов, о незначительной роли скандинавов в жизни восточных славян, при этом нисколько не ставили под сомнение основополагающий тезис норманизма о норманстве варягов, отчего их критика не достигала своей цели. Во-вторых, с тех пор столько воды утекло, что эта полемика начисто забылась, чего не скажешь о идеях зарубежных скандинавов, которые не только прекрасно прижились в нашей историографии, но и получили в ней широчайшее распространение.
- ⁵⁵ Apte T.J. Det stora Svitjod. Essauer om gängna tidens svensk-ruska kulturföbindelser. — Stockholm, 1917. S. 37–63, 70–72.
- ⁵⁶ Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. II. — St.-Petersburg, 1845. S. 105, англ.*; Лященко А.И. Былины о бое Ильи Муромца с сыном // Памятники древней письменности и искусства. Т. СХС. — Л., 1925. С. 60–61.
- ⁵⁷ Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. — Aarhus, 1934. S. 46–47, 51–66, 76, 77–256; *его же*. Varangica. S. 66–67, 78–79, 241–262; *его же*. Geschichte der russian Literatur. Bd. I. — München, 1957. S. 7–14, 100–102.
- ⁵⁸ Рознер И.Г. Против концепции современного норманизма // «ВИ», 1962, № 5. С. 185.
- ⁵⁹ Chadwick N.K. The Beginnings of Russian History. An Enquiry into Sources. — Cambridge, 1946. P. 22–27, 30, 32, 62–64, 103–105, 126, 145–174.
- ⁶⁰ Тихомиров М.Н. Откровения Чадвик о начале русской истории. С. 114.
- ⁶¹ Chadwick N.K. Op. cit. P. X, 8–10, 19–20, 66, 105–106.
- ⁶² Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной историографии. С. 230; *его же*. Современные норманисты... С. 360, 365, 369; *его же*. Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 13, примеч. 11.
- ⁶³ Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1978 год. — М., 1978. С. 159, 235, 162–235.
- ⁶⁴ Там же. С. 165, 166–167, 169–171.
- ⁶⁵ Ломоносов М.В. Древняя Российская история. Ч. 1–2. — СПб., 1766. С. 55–56.
- ⁶⁶ Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1–2. — М., 1826. С. 151.
- ⁶⁷ Шлецер. Указ. соч. Ч. II. С. 186–187.
- ⁶⁸ Томсен В. Указ. соч. С. 73.
- ⁶⁹ Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси. С. 27, 37; *его же*. Древняя Русь. С. 3, 10; *его же*. Русь IX–XVII века. С. 27, 47; *его же*. Крест и корона. С. 20.
- ⁷⁰ Гуревич А.Я. «Эдда» и сага. — М., 1979. С. 91.
- ⁷¹ Щеглов Д. Первые страницы русской истории // ЖМНП. Ч. 184. — СПб., 1876. С. 223.
- ⁷² Петрухин В.Я. Комментарии // Ловмянский Х. Указ. соч. С. 275, примеч.^{***} к с. 167; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 203–204; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. — М., 1998. С. 59–60.
- ⁷³ Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. — СПб., 1996. С. 84–87; Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. — СПб., 1997. С. 10; *его же*. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // Викинги и славяне. С. 39.
- ⁷⁴ Первольф И. Варяги-Русь и балтийские славяне // ЖМНП. Ч. 192. — СПб., 1877. С. 52.

- ⁷⁵ Беляев Н.Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum recueil d'études archéologie, histoire et l'art, études Byzantines*. Т. III. P. 244–245.
- ⁷⁶ Мошин В.А. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // *Byzantinoslavika. Ročník III. Svazek 2*. — Praha, 1931. С. 299.
- ⁷⁷ Рыбаков Б.А. Остромирова летопись. С. 52; *его же*. Предпосылки образования Древнерусского государства. С. 784; *его же*. Древняя Русь. С. 293; *его же*. Киевская Русь. С. 568; *его же*. Киевская Русь и русские княжества... С. 298; *его же*. Мир истории. С. 49.
- ⁷⁸ Пятецкий Л.М. История России для абитуриентов и старшеклассников. Восточные славяне в древности. Киевская Русь. Период феодальной раздробленности. Россия в XIII–XVII веках. Изд. 3-е. — М., 1996. С. 47, 59; Скрынников Р.Г. История Российской. С. 15; *его же*. Крест и корона. С. 9.
- ⁷⁹ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. — Л., 1985. С. 212; Думин С.В., Туринцев А.А. «Откуда есть пошла Русская земля?» // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX века. — М., 1991. С. 12; Литература и культура Древней Руси. Словарь-справочник. — М., 1994. С. 236.
- ⁸⁰ Рыдзевская Е.А. К варяжскому вопросу. (Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси) // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. VII серия, Л., 1934. № 8. С. 620, примеч. 1; *ее же*. Древняя Русь и Скандинавия... С. 166–167.
- ⁸¹ Петрухин В.Я. Комментарий. С. 275, примеч.^{xxxx} к с. 167.
- ⁸² Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // «ВИ», 1995. № 2. С. 53–55.
- ⁸³ Акашев Ю.Д. Историко-этнические корни русского народа. — М., 2000. С. 200–201.
- ⁸⁴ ЛЛ. С. 19.
- ⁸⁵ Петрухин В.Я. Комментарий. С. 275, примеч.^{xxxx} к с. 167; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 203; Данилевский И.Н. Древняя Русь... С. 60.
- ⁸⁶ Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». С. 10; *его же*. Сказание о призвании варягов. С. 38.
- ⁸⁷ ЛЛ. С. 8–9, 11.
- ⁸⁸ Там же. С. 18–19.
- ⁸⁹ Там же. С. 20.
- ⁹⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 3–4. — М., 1993. С. 118.
- ⁹¹ ЛЛ. С. 22.
- ⁹² Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. — Смоленск, 1995. С. 90, 123–125; *его же*. Библия, апокрифы и становление славянских раннеисторических традиций (к постановке проблемы) // От Битвы к Исходу. Вып. 2. — М., 1998. С. 280–281.
- ⁹³ Шлецер. Указ. соч. Ч. I. С. 337; Томсен В. Указ. соч. С. 65, 127–128.
- ⁹⁴ Шаскольский И.П. Современные норманисты... С. 371, примеч. 121.
- ⁹⁵ Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси. С. 26; *его же*. Русь IX–XVII века. С. 21; *его же*. Крест и корона. С. 9; История России. С древнейших времен до конца XVII века. — М., 1997. С. 64.
- ⁹⁶ Клейнберг И.Э. Основные принципы выбора новых личных имен и адаптации иноязычных имен в России X–XIX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IX. — Л., 1978. С. 66.
- ⁹⁷ Браун Ф.А. Фрианд и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана. — СПб., 1902. С. 5–7.
- ⁹⁸ Томсен В. Указ. соч. С. 68–69.
- ⁹⁹ Сыромятников С. Древлянский князь и варяжский вопрос // ЖМНП. Новая серия. Ч. XL. Июль. — СПб., 1912. С. 120–123, 125–126, 139.
- ¹⁰⁰ Stender-Petersen A. Anthology of Old Russian Literature. — New York, 1954. P. 15, note^c.
- ¹⁰¹ ЛЛ. С. 137; Stender-Petersen A. Varangica. S. 118–119, 140.
- ¹⁰² Chadwick N.K. Op. cit. P. 86–89, 125.
- ¹⁰³ Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика. — М., 1972. С. 28–29, 62.
- ¹⁰⁴ Белецкий С.В. Возникновение города Пскова (к проблеме участия варягов в судьбах Руси) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга.) Материалы Международного научного симпозиума. — Киров, 1997. С. 142–146, 149.
- ¹⁰⁵ Ломоносов М.В. [Замечания на диссертацию Г.-Ф.Миллера «Происхождение имени и народа российского»] // *его же*. Для пользы общества... — М., 1990. С. 178; Шлецер. Указ. соч. Ч. I. С. 338.

- ¹⁰⁶ Джексон Т.Н., Рождественская Т.В. К вопросу о происхождении топонима «Изборск» // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986 год. — М., 1988. С. 224–226.
- ¹⁰⁷ Рыдаевская Е.А. К варяжскому вопросу... // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. VII серия. — Л., 1934. № 7. С. 504; *Роспод* С. Указ. соч. С. 21, 62.
- ¹⁰⁸ Седов В.В. Топоним Изборск // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1989. Тезисы докладов научно-практической конференции. — Псков, 1990. С. 25; *его же*. Изборск — протогород. — М., 2002. С. 4, 91–92.
- ¹⁰⁹ Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 222.
- ¹¹⁰ Авдусин Д.А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // СС. Вып. XX. — Таллин, 1975. С. 155.
- ¹¹¹ Погодин М.П. Исследования... Т. 2. — М., 1846. С. 38; *его же*. Норманский период русской истории. — М., 1859. С. 70, 76, 105, 107.
- ¹¹² Погодин А.Л. Варяжский период в жизни князя Владимира // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. 988–1938. — Белград, 1938. С. 22.
- ¹¹³ Stender-Petersen A. Varangica. S. 116, 129, 247–248; *его же*. Anthology of Old Russian Literature. P. 9, 11.
- ¹¹⁴ Хлезов А.А. Указ. соч. С. 4, 30.
- ¹¹⁵ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М., 1995. С. 286.
- ¹¹⁶ Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси. С. 26–27, 29, 32; *его же*. Русь IX–XVII века. С. 20, 22–23, 26, 30, 33, 36–38; *его же*. Крест и корона. С. 9–11, 20, 27.
- ¹¹⁷ Шлецер. Указ. соч. Ч. III. — СПб., 1819. С. 653.
- ¹¹⁸ Дополнения А.А.Куника. С. 54.
- ¹¹⁹ Членов А.М. К вопросу об имени Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимии. — М., 1970. С. 324–329.
- ¹²⁰ Chadwick N.K. Op. cit. P. 8–9.
- ¹²¹ Пайнс Р. Россия при старом режиме. — М., 1993. С. 51.
- ¹²² Грот Л. Мифологические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории // Шведы и Русский Север. С. 153–158. См. также публикацию в наст. сборнике.
- ¹²³ ЛЛ. С. 31.
- ¹²⁴ Данилевский И.Н. Библия и Повесть временных лет (К проблеме интерпретации летописных текстов) // «Отечественная история», 1993, № 1. С. 89.
- ¹²⁵ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси... С. 141–142, 220.
- ¹²⁶ Грот Л. Указ. соч. С. 154.
- ¹²⁷ Клейнберг И.Э. Указ. соч. С. 65.
- ¹²⁸ Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // «ВИ», 1974, № 11. С. 70–81; Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Составл., предисловие, введ. к документ., коммент. А.Г.Кузьмина. Кн. 2. — М., 1986. С. 642, 651, 654, 692, примеч. к с. 619.
- ¹²⁹ Ломоносов М.В. Древняя Российская история. С. 184.
- ¹³⁰ Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 643.
- ¹³¹ Фомин В.В. Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII века // Сборник Русского исторического общества. Т. 4 (152). — М., 2002. С. 305–324.
- ¹³² Bayeri G.S. De Varagis // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. Т. IV. — Petropoli, 1735. P. 281, 285–288.
- ¹³³ Мошин В.А. Указ. соч. Roènik III. Svarek 1. — Praha, 1931. С. 56–57; там же. Svarek 2. С. 291, 292–293.
- ¹³⁴ Погодин А.Л. Указ. соч. С. 24–25, 28.
- ¹³⁵ Вернадский Г.В. Древняя Русь. — Тверь—М., 1996. С. 270–271, 275–284, 287; *его же*. Киевская Русь. — Тверь—М., 2000. С. 27.
- ¹³⁶ Бернштейн-Коган С.В. Путь из варяг в греки // Вопросы географии. Сб. 20. — М., 1950. С. 246.
- ¹³⁷ Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. — М., 1971. С. 42–43.
- ¹³⁸ Викинги: набеги с севера. С. 65.
- ¹³⁹ Лесной С. История «русов» в неизвращенном виде. Т. 4. — Париж, 1955. С. 354.
- ¹⁴⁰ Arne T.J. La Suède et l'Orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des vikings. — Upsala, 1914. S. 89–90, 207.
- ¹⁴¹ ЛЛ. С. 77.
- ¹⁴² Лесной С. История «русов»... С. 373.
- ¹⁴³ Лесной С. Откуда ты, Русь? — Ростов-на-Дону, 1995. С. 61–62.
- ¹⁴⁴ Юргевич В.Н. О мнимых норманских именах в русской истории // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. — Одесса, 1867. С. 48.
- ¹⁴⁵ Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 198.

- ¹⁴⁶ Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–IX вв. // *Культура Русского Севера*. — Л., 1988. С. 47–48; Мачинский Д.А. Русско-шведский пра-Петербург // *Шведы на берегах Невы*. — Стокгольм, 1998. С. 9–11.
- ¹⁴⁷ Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Указ. соч. С. 84; Кирпичников А.Н. Сказание о призвании варягов. С. 43.
- ¹⁴⁸ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200 / Под ред. Д.М.Буланина. — СПб., 2000. С. 30, 141.
- ¹⁴⁹ Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси. С. 110.
- ¹⁵⁰ Скрынников Р.Г. Древняя Русь. С. 7.
- ¹⁵¹ Носов Е.Н. Первые скандинавы на Руси // *Викинги и славяне*. С. 80.
- ¹⁵² Аудусин Д.А. Указ. соч. С. 153.
- ¹⁵³ Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 194; Мачинский Д.А. Русско-шведский пра-Петербург. С. 12.
- ¹⁵⁴ Алексеева Т.И. Славяне и германцы в свете антропологических данных // «ВИ», 1974, № 3. С. 66–67.
- ¹⁵⁵ Ломоносов М.В. [Замечания на диссертацию Г.-Ф.Миллера...] С. 188.
- ¹⁵⁶ Эверс Г. Указ. соч. С. 139.
- ¹⁵⁷ Сенковский О.И. Скандинавские саги. С. 60, примеч. 23.
- ¹⁵⁸ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. — СПб., 1850. С. 130–131, 154.
- ¹⁵⁹ Сыромятников С. Указ. соч. С. 132–133; Мошин В.А. Указ. соч. Svatek 1. С. 43.
- ¹⁶⁰ Лесной С. История «руссов»... С. 378; *его же*. Откуда ты, Русь? С. 56.
- ¹⁶¹ Дополнения А.А.Куника. С. 399.
- ¹⁶² Викинги: набеги с севера. С. 107.
- ¹⁶³ Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982 год*. — М., 1984. С. 68–74.
- ¹⁶⁴ Сыромятников С. Указ. соч. С. 133.
- ¹⁶⁵ Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // *Шведы и Русский Север*. С.135, 138; Скрынников Р.Г. Русь IX–XVII века. С. 17.
- ¹⁶⁶ Щеглов Д. Указ. соч. С. 223; Сугорский И.Н. В туманах седой старины. К варяжскому вопросу. Англо-русская связь в давние века. — СПб., 1907. С. 35–36.
- ¹⁶⁷ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Норманы и варяги. Образ викинга на западе и востоке Европы // *Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века*. — М., 1990. С. 55–57, 63; Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Указ. соч. С. 87; Кирпичников А.Н. Сказание о призвании варягов. С. 52; Кан А.С. «И разных там прочих шведов...» Как у наших народов сложились устойчивые представления друг о друге // «Родина», 1997. № 10. С. 4; *его же*. Швеция и Россия... С. 38–39; Мачинский Д.А. Русско-шведский пра-Петербург. С. 13.
- ¹⁶⁸ Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 19.
- ¹⁶⁹ Томсен В. Указ. соч. С. 72.
- ¹⁷⁰ Stender-Petersen A. *Vatängica*. S. 246.
- ¹⁷¹ Андерссон И. Указ. соч. С. 75, 86, 89, 116–117, 166; Стеблин-Каменский М.И. История скандинавских языков. — М.—Л., 1953. С. 52–53; *Всемирная история*. Т. III. — М., 1957. С. 692; *История Швеции*. С. 104, 107–108, 602–603; Сванидзе А.А. Указ. соч. // СВ. Вып. 32. — М., 1969. С. 220–225; Ковалевский С.Д. Указ. соч. С. 47–48, 62–63, 65; Кан А.С. *История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция)*. Изд. 2-е. — М., 1980. С. 44.
- ¹⁷² Семенов В.Ф. История средних веков. — М., 1975. С. 255–257, 309; Мельников Г.П. Этническое самосознание чехов во второй половине XIV в. // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма*. — М., 1989. С. 212–213; *его же*. Немцы в городах Чешского королевства (XIII–XV вв.) // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 1. — М., 1999. С. 243–245; Исаевич Я.Д. Этническое самосознание польской народности в XII–XIV вв. // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма*. С. 263, 269; Нецименко Г.П. Языковая ситуация в Чехии в XII–XIV в. // *Там же*. С. 220–221, 225–226; Флоря Б.Н. Этническое самосознание чешской феодальной народности в XII – начале XIV в. // *Там же*. 188–189, 192, 194–195; *Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней*. — М., 1988. С. 24, 27, 29, 39, 42–43; *Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней*. — М., 1993. С. 14–15, 17–18.
- ¹⁷³ Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Указ. соч. С. 89–90; Кирпичников А.Н. Сказание о призвании варягов. С. 32, 53–54.

- ¹⁷⁴ Еремин И.П. «Повесть временных лет» как памятник литературы // *его же. Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики.)* — М.—Л., 1966. С. 57; *Думилин С.В., Турилов А.А. Указ. соч.* С. 9.
- ¹⁷⁵ Кан А.С. Швеция и Россия... С. 50.
- ¹⁷⁶ Аннинский Л. Что бы там ни было // «Родина», 2002, № 11/12. С. 14.
- ¹⁷⁷ Аджи М.Э. Европа, тюрки, Великая Степь. — М., 1998. С. 34, 44.
- ¹⁷⁸ Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Указ. соч. С. 48—49; Мачинский Д.А. Русско-шведский пра-Петербург. С. 10—11; *Кирпичников А.Н. Сказание о призвании варягов.* С. 50.
- ¹⁷⁹ Далин О. История шведского государства. Ч. 1. Кн. 1. — СПб., 1805. С. 385.
- ¹⁸⁰ *Bayer G.S. Origines Russicae // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. VIII. — Petropoli, 1741. P. 411; Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших.* — СПб., 1788. С. 95.
- ¹⁸¹ *Dalín O. Geschichte des Reichs Schweden. Bd. 1. — Greifswald, 1756. S. 409—418; Далин О. Указ. соч. Ч. 1. Кн. 2. — СПб., 1805. С. 674—687.*
- ¹⁸² Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших. С. 100—101.
- ¹⁸³ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е. — СПб., 1913. С. 81.
- ¹⁸⁴ Шлецер. Указ. соч. Ч. I. С. 54—55 (пагинация буквенной цифрью), 52—53; там же. Ч. II. С. 178—179.
- ¹⁸⁵ Шлецер. Указ. соч. Ч. I. С. 22, 32—33, 44—45, 47, 57, 90, 92 (пагинация буквенной цифрью), XIX, 49, 52—55, 65, 149, 276—285, 425—426.
- ¹⁸⁶ Шлецер. Указ. соч. Ч. I. С. 342, примеч.*; там же. Ч. II. С. 172.
- ¹⁸⁷ Мошин В.А. Указ. соч. Svarek 1. С. 45.
- ¹⁸⁸ Рыздзевская Е.А. К варяжскому вопросу... № 8. С. 620, примеч. 1.
- ¹⁸⁹ Кузьмин А.Г. Хазарские страдания // «Молодая гвардия», 1993. № 5—6. С. 240.
- ¹⁹⁰ Кузьмин А.Г. Пути проникновения христианства на Русь // Великие духовные пастыри России. — М., 1999. С. 24.
- ¹⁹¹ Л. С. 53; Полное собрание русских летописей. Т. I. — М., 1997. С. 54.
- ¹⁹² Не стоит, наверное, видеть принципиального расхождения в показаниях Лаврентьевского и Радзивилловского списков в том факте, что в последнем во фразе «Пасыныче беседы и Козаре» союз «и» отсутствует.
- ¹⁹³ Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С.Лихачева / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. Ч. I. — М.—Л., 1950. С. 39, 236; там же. Ч. II. С. 150, 180, 187.
- ¹⁹⁴ Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С.Лихачева / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Подгот. М.Б.Свердлов. — СПб., 1996. С. 26, 163.
- ¹⁹⁵ *Stender-Petersen A. Varangica. S. 65, 67, 69, 117—119; Latvakangas A. Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige fran runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. — Turku, 1995. S. 13, not. 5.*
- ¹⁹⁶ *Muller G.F. Nachricht von einem alten Manuscript der russischen Geschichte des alten Theodosii von Kiow // Sammlung russischer Geschichte. Bd. I. — St.-Petersburg, 1732. Stud. I. P. 1: Auszug russischer Geschichte nach Anleitung des Chronici Theodosiani Kiouiesis // Ibid. P. 9—33.*
- ¹⁹⁷ Миллер Г.Ф. О первом летописателе российском, преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжателях оных // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. — СПб., 1755. Апрель. С. 281—282; *Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. — СПб., 1870. С. 319.*
- ¹⁹⁸ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. — М., 1978. С. 68—69; Повесть временных лет. — Петрозаводск, 1991. С. 43.
- ¹⁹⁹ Дополнения А.А.Куника. С. 396.
- ²⁰⁰ Мошин В.А. Указ. соч. Svarek 2. С. 297.
- ²⁰¹ Толочко П.П. Миф о хазарско-иудейском основании Киева // «Российская археология» (РА), 2001, № 2. С. 38—42.
- ²⁰² Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. — М., 1997. С. 36, 66—85, 196.
- ²⁰³ Топоров В.Н. Еврейский элемент в Киевской Руси // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: ср. века — начало нового времени. Сб. тезисов XII Чтений памяти В.Д.Королюка. — М., 1993. С. 36—37; *Скрынников Р.Г. Древняя Русь. С. 6; его же. Русь IX—XVII века. С. 33; его же. Крест и корона. С. 16.*
- ²⁰⁴ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси... С. 100—101, 107—108, 114—115, 194, 220—221, 232.
- ²⁰⁵ Шушарин В.П. Указ. соч. С. 267.

- ²⁰⁶ Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси. С. 108.
- ²⁰⁷ Франклин С., Шепард Д. Указ. соч. С. 55–56, 247.
- ²⁰⁸ Флеров В.С. Коллоквиум «Хазары» (Иерусалим, 1999) и «Краткая еврейская энциклопедия» о хазарах // «РА», 2000, № 3. С. 233.
- ²⁰⁹ Бен Иосиппон — автор сокращенной еврейской переработки сочинений Иосифа Флавия, жил, как полагают, в середине X в. в южной Италии.
- ²¹⁰ Барца Г.М. Происхождение летописного сказания о начале Руси. — Киев, 1913. С. 8–16, 21–22, 40; *его же*. О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских. — Берлин, 1924. С. 11–81, 87–88, 108.
- ²¹¹ Мещерский Н.А. Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет» // Палестинский сборник. Вып. 2. — М.—Л., 1956. С. 58–68; *его же*. К вопросу об источниках Повести временных лет // ТОДРА. Т. XIII. — М.—Л., 1957. С. 57–65; Кузьмин А.Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н.Татищева // «Вестник Московского университета», 1972. № 5. С. 86–87.
- ²¹² Данилевский И.Н. Древняя Русь... С. 42.
- ²¹³ Петрухин В.Я. «Иосиппон» и «Повесть временных лет». К вопросу об источниках русского летописания // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: ср. века — начало нового времени. Сб. тезисов XII Чтений памяти В.Д.Королюка. — М., 1993. С. 55; *его же*. Славяне и русь в «Иосиппоне» и «Повести временных лет». К вопросу об источниках начального русского летописания // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Ср. века — начало нового времени. Вып. 5. — М., 1994. С. 44–51; *его же*. Начало этнокультурной истории Руси... С. 25–36, 59–61, 73–74, 119–120; *его же*. Библия, апокрифы... С. 272–284; *его же*. «Начало Русской земли» в начальном летописании // Восточная Европа в исторической ретроспективе. — М., 1999. С. 226.
- ²¹⁴ Лесной С. История «русов»... С. 314.
- ²¹⁵ Мачинский Д.А. Русско-шведский пра-Петербург. С. 14.
- ²¹⁶ Мачинский Д.А. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. — М., 1981. С. 45; *его же*. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья. — Л., 1982. С. 13, 16, 18, 20; *его же*. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. — Л., 1984. С. 16–20; *его же*. Русско-шведский пра-Петербург. С. 13.
- ²¹⁷ Хлевов А.А. Указ. соч. С. 77.
- ²¹⁸ Ломоносов М.В. [Замечания на диссертацию Г.-Ф.Миллера...] С. 186.
- ²¹⁹ Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. — М., 1876. С. 105; Томсен В. Указ. соч. С. 80, 82.
- ²²⁰ Вернадский Г.В. Древняя Русь. С. 284, 340.
- ²²¹ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории... С. 27, 52.
- ²²² Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. — М.—Л., 1938. С. 425, примеч. 4; Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г.Кузьмина. Кн. 1. — М., 1986. С. 551, 679–681.
- ²²³ Фомин В.В. Русские летописи и варяжская легенда. — Липецк, 1999. С. 133–144; *его же*. Варяги и варяжский вопрос в судьбе России // Роман-журнал XXI век. — М., 2001. № 9. С. 107–111; *его же*. Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII века. С. 317–318.
- ²²⁴ Погодин М.П. Норманский период русской истории. С. 4.
- ²²⁵ Пирсон Э. Указ. соч. С. 26.
- ²²⁶ ЛЛ. С. 23.
- ²²⁷ Там же. С. 22, 32.
- ²²⁸ Бурачков П. Греко-скифский мир на берегах Понта // ЖМНП. Ч. 188. — СПб., 1876. С. 259.
- ²²⁹ Щеглов Д. Указ. соч. С. 222.
- ²³⁰ Викинги: набеги с севера. С. 63, 101, 107.
- ²³¹ Ловмянский Х. Указ. соч. С. 97–98.
- ²³² Янссон И. Русь и варяги. С. 21.
- ²³³ Янссон И. Русь и варяги. С. 25; Кан А.С. Швеция и Россия... С. 42.
- ²³⁴ Петрухин В.Я. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования.

- 1981 год. — М., 1983. С. 179.
- ²³⁵ *Авдусин Д.А.* Указ. соч. С. 151.
- ²³⁶ *Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). — Л., 1982. С. 7.
- ²³⁷ *Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А.* Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. — Л., 1970. С. 232.
- ²³⁸ *Минасян Р.С.* Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. — Л., 1982. С. 25.
- ²³⁹ *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 271.
- ²⁴⁰ *Artsikhovskiy A.* Archaeological Data on the Varangian Question // VI International Congress of Prehistoric and Proto-historic Sciences. Reports and Communications by Archaeologists of the USSR. — Moscow, 1962. P. 9; *Арциховский А.В.* Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. — М., 1966. С. 41.
- ²⁴¹ *Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А.* Указ. соч. С. 226.
- ²⁴² *Авдусин Д.А.* Указ. соч. С. 148.
- ²⁴³ Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 27.
- ²⁴⁴ *Artsikhovskiy A.* Op. cit. P. 3.
- ²⁴⁵ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* После словие // *Ловмянский Х.* Указ. соч. С. 236; *Петрухин В.Я.* Комментарии. С. 252, примеч. к с. 68.
- ²⁴⁶ *Потин В.М.* Указ. соч. С. 62–66; *Мавродин В.В.* Указ. соч. С. 43; *Кирпичников А.Н.* Сказание о призвании варягов. С. 51.
- ²⁴⁷ *Томсен В.* Указ. соч. С. 73–74.
- ²⁴⁸ *Максимович М.А.* О происхождении варяго-русов // *Собрание соч. М.А.Максимович. Т. I.* — Киев, 1876. С. 95.
- ²⁴⁹ *Викинги: набег с севера.* С. 64; *Уингейт Ф., Миллард Э.* Викинги. — М., 1998. С. 41.
- ²⁵⁰ *История Европы.* — Минск–Москва, 1996. С. 3, 27.
- ²⁵¹ Цит. по: *Толочко П.П.* Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси. С. 109.
- ²⁵² *Пайнс Р.* Указ. соч. С. 48.
- ²⁵³ *Толочко П.П.* Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси. С. 100.
- ²⁵⁴ *Stender-Petersen A.* Varangica. S. 242.
- ²⁵⁵ *Хлезов А.А.* Указ. соч. С. 69, 91.
- ²⁵⁶ *Собчак А.А.* Русско-шведские связи // Викинги и славяне. С. 14.
- ²⁵⁷ Цит. по: *Чивилихин В.* Память. Роман-эссе. Кн. 2. — Л., 1983. С. 358–359; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 6.
- ²⁵⁸ *Шушарин В.П.* Указ. соч. С. 288.
- ²⁵⁹ *Каратеев М.Д.* Норманская болезнь в русской истории // «Слово», 1990, № 8. С. 66–67. (См. также публикацию в наст. сборнике.)

О.М.Рапов

Знаки Рюриковичей и символ сокола

«Загадочные фигуры» на монетах и печатях Рюриковичей, на перстнях и подвесках, принадлежавших князьям и их дружинникам, на кирпичях Десятинной церкви, а также на других предметах, являвшихся собственностью рода, возглавлявшего феодальную верхушку в Киевской Руси, давно уже вызывают массу всевозможных споров и толкований. Подробный историографический обзор вопроса о сущности знака Рюриковичей содержится в работах И.И.Толстого и А.В.Орешникова¹. Упоминания о различного рода дешифровках знака имеются в трудах Н.П.Лихачева и Б.А.Рыбакова². Ниже мы приводим краткий перечень, всех существующих мнений по данной проблеме.

Н.М.Карамзин в «Истории государства Российского» назвал знак, изображенный на монетах Рюриковичей, «трезубцем»³. Нумизматы XIX в. — А.Воейков, Я.Я.Рейхель, И.П.Сахаров, С.И.Шодуар, Ф.Ф.Шуберт — считали, что «фигура» является изображением древнего светильника — трикирия или ланикадила⁴. Я.Волошинский, Ф.А.Жиль, А.Тильзеус фон Тильнау, к мнению которых примыкал вначале И.И.Толстой, видели в знаке изображение хоругви⁵. С.Г.Строганов в письме к А.А.Кунику отмечал, что знак Рюриковичей «не что иное, как церковный портал»⁶. И.А.Бартоломей предлагал считать «фигуру» якорем. Известный археолог XIX в. А.А.Уваров утверждал, что знак есть искаженное изображение верхней части особого византийского скипетра⁸. К такому же выводу в 1884 г. пришел и И.И.Толстой, по мнению которого, этот византийский ски-

петр был доставлен на Русь из Царьграда царевной Анной Владимиру⁹. Б.В.Кёне и А.А.Куник видели в знаке изображение птицы. Б.В.Кёне считал, что на монете изображен ворон¹⁰. А.А.Куник заявлял, что «загадочная фигура» — голубь, символизирующий святого духа¹¹. Позднее А.А.Куник под влиянием доводов А.А.Уварова и И.И.Толстого, которые указывали, что в Византии вплоть до XIII в. голубь изображался летящим или парящим головою вверх, отошел от своего первоначального мнения и стал считать знак изображением державы — символом власти киевских князей¹². Известный шведский ученый Т.Арне, который исследовал подвески со знаками Рюриковичей, найденные в Швеции, пришел к выводу, что на них, изображена «птица с распущенными крыльями» — «знаменитый родовой знак Ярославова серебра, повторяющий схематично такой же родовой знак Св. Владимира»¹³. К.Болсуновский видел в знаке Рюриковичей зашифрованное слово βασιλευς¹⁴. П.Н.Милюков в статье «Норманский знак на монетах Великого княжества Киевского» (1889 г.) писал о сходстве «загадочной фигуры» со шлемами, изображенными на ковре из Байе¹⁵. Впоследствии мнение П.Н.Милюкова было подвергнуто сокрушительной критике со стороны А.В.Орешникова¹⁶. Д.Я.Самоквацов предлагал считать знак Рюриковичей скипетром, форма которого заимствована из скифских курганов¹⁷. Вятский статистик П.М.Сорокин усмотрел в знаке изображение топора с двумя лезвиями — франциску. Сравнивая родовой знак Рюриковичей с родовыми знаками вотяков, П.М.Сорокин полагал, что первый должен изменяться при переходе от князя к князю¹⁸. А.В.Орешников считал, что П.М.Сорокин наиболее близко подошел к объяснению знаков на

* Публ. по: Рапов О.М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // «Советская археология», 1968, № 3. С. 62—69.

монетах и присоединился к мнению последнего¹⁹. Дальнейшие исследователи знака Рюриковичей и его эволюции отказались как-либо толковать данную фигуру в своих работах.

В историографическом обзоре следует привести одну фразу из книги С.А.Геденова «Варяги и Русь». Он писал: «Изображенная на игоревой гривне птица с поднятыми вверх когтями может быть сокол-рерик»²⁰. О какой «игоревой гривне» идет речь — непонятно. Одна из древнейших русских монет (или печатей²¹) с изображенным на ней знаком Рюриковичей в XIX в. приписывалась князю Игорю. Может быть, ее имел в виду С.А.Геденов²

Классификация знаков Рюриковичей была впервые создана А.В.Орешниковым²¹. Впоследствии в нее трижды вносили поправки — один раз Б.А.Рыбаков²² и дважды В.А.Янин²³. В основу своей классификации А.В.Орешников положил принцип «образования знака из простого в более сложный»²⁴. Так как на серебре Ярослава Мудрого изображен «трезубец», то он предположил, что знак отца Ярослава — Владимира был проще — двузубец, имеющийся на одной из древних печатей²⁵. Принцип, на котором зиждется классификация А.В.Орешникова, вызывает серьезные возражения. Если мы обратимся к статье В.А.Янина²⁶, то убедимся, что знаки князей XI—XII вв. намного проще и схематичнее древних.

А.А.Ильин и Н.П.Бауэр считали принадлежащим Владимиру Святославичу те знаки, которые А.В.Орешников приписывал Владимиру Мономаху²⁷. Б.А.Рыбаков также высказывал сомнения по поводу «первого знака А.В.Орешникова». Он отмечал, что «...в ряде случаев монеты Владимира («Владимирово серебро») находят с вещами XI в., например в радимском кургане XI в. близ с. Вотня на Днепре, в Липлявском могильнике XI—XII вв. с западной монетой, современной Владимиру Святославичу, и т. д. (отметим, что в обоих случаях монета уже успела превратиться в подвеску к ожерелью). В пользу этого взгляда (взгляда А.А.Ильина и Н.П.Бауэра. — О.Р.) говорит и нахождение монет

в кладах не позднее середины XI в., да и палеографический анализ букв указывает скорее на раннюю дату»²⁸.

Бесспорно принадлежащим Владимиру Святославичу Б.А.Рыбаков считает знак, изображенный на кирпиче от Десятинной церкви, так как не кто иной, а именно Владимир был строителем этого первого русского христианского храма²⁹.

Если мы сравним знаки, которые А.В.Орешников приписывал Владимиру Мономаху, со знаком на кирпиче от Десятинной церкви (рис. 1, 2—5 и рис. 1, 1), то убедимся, что сходство их очевидно. Различаются они лишь тем, что у знака на кирпиче не имеется отростка от среднего зубца, да в средней части знака некоторые весьма незначительные детали (которые, кстати сказать, на всех имеющихся монетах с именами Владимира и Ярослава изображаются по-разному, а иногда и вовсе отсутствуют) изображены несколько иначе. Таким образом, принадлежность Владимиру Святославичу знаков, классифицированных А.В.Орешниковым как знаки Владимира Мономаха, не вызывает никаких сомнений. Если внимательно присмотреться к знакам Владимира, то создается впечатление, что «фигура» все время совершенствовалась в период чекана монеты. Однако в какую сторону она совершенствовалась — упрощалась или усложнялась, — сказать трудно. Скорее всего, изменения в «фигуре» происходили в сторону упрощения знака.

Рассмотрим «загадочную фигуру», изображенную на монетах Владимира и Ярослава Мудрого (рис. 1, 2—6, 8). Знаки представляют собой какие-то необычные трезубцы. Крайние зубцы больше всего напоминают лезвия ножей или крылья какой-то птицы. Средний зубец резко отличается от двух крайних — на большинстве знаков Владимира он состоит из двух неравных частей (рис. 1, 2—5): нижней — утолщенной, и верхней — более тонкой. Средний зубец знака, нанесенного на кирпич Десятинной церкви, имеет только нижнюю утолщенную часть (рис. 1, 1). На монете Ярослава Мудрого (рис. 1, 2) средний зубец не имеет двойного деления, а завершается

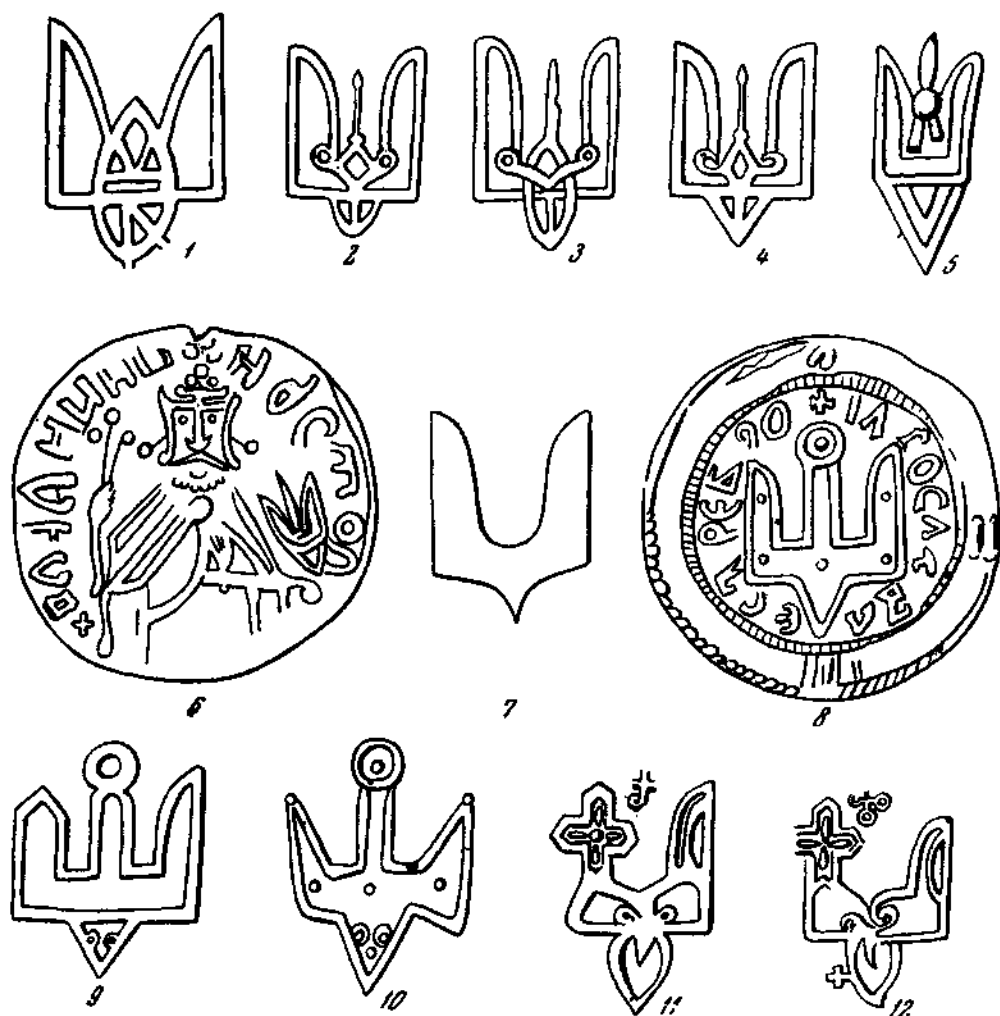

Рис. 1. Знаки Рюрикovichей

- 1 — знак на кирпиче Десятинной церкви; 2–5 — знаки на монетах Владимира Святославича; 6 — монета Владимира Святославича со знаком; 7 — знак на одной из древнейших печатей; 8 — монета Ярослава Мудрого со знаком Рюрикovichей; 9 — знак на подвеске, опубликованной Т. Арне; 10 — знак на стокгольмском экземпляре Ярославова серебра; 11, 12 — родовые знаки князей X–XI вв.

кружком. Три верхних конца трезубца упираются в поперечную перекладину, от которой книзу опускается четвертый зубец. Этот зубец на одних знаках Владимира слегка закругляется, на других, так же как и на знаках Ярослава, выступает в виде равнобедренного треугольника. На некоторых знаках Владимира (рис. 1, 2–4) от средней части «фигуры» на крайние зубцы вынесены какие-то странные «крючки».

Г.Н. Анпилов убедительно доказал, что многие из знаков собственности, нанесенные на владельческие борты, представляют собой изображение вил, топоров, плугов и многих других предметов³⁰. Он указывает, что рисунки на бортах настолько точно передают сущность предметов, что по ним можно изучать уровень развития материальной культуры того времени, когда они были изображены. Исследователь добав-

ляет, что нередко к этим реалистическим рисункам «... делались различного рода дополнения в виде крестов, отдельных черточек и т. п.»³¹. Вероятно, знаки Рюриковичей, которые также являются знаками собственности должны характеризоваться теми же признаками, которые Г.Н.Анпилов выявил при анализе бортовых знамен, а именно: возможны некоторые посторонние дополнения и небольшие отклонения от нормы, но в основном рисунок должен передавать самые существенные черты изображенного предмета.

Для определения сущности «фигуры» очень важно рассмотреть стокгольмский экземпляр Ярослава серебра. Его первым отыскал и опубликовал Б.В.Кёне³². Правда, Б.В.Кёне представил стокгольмское серебро как монету князя Олега. Он утверждал, что знак на «монете Олега» есть изображение ворона — древнейшего герба Дании. Надпись по краю монеты Б.В.Кёне считал латинской и читал ее OLEG REX, произвольно расставляя буквы, а также приняв один из крестов, нанесенных на поверхность, за букву X³³. Против такого чтения надписи выступил А.А.Куник, доказав, что «латинская надпись» сделана русскими буквами и читается как О ГЕОРГІ (оагиос Георгий), а надпись на обратной стороне монеты совершенно ясно читается как: ЯРОСЛАВЛЕ СРЕБРО³⁴. Таким образом, монета принадлежит не Олегу, а Ярославу. С чтением А.А.Куника согласились все крупнейшие нумизматы XIX и XX столетий. А.А.Куник считал, что на монете христианского князя не могло быть такого языческого изображения, как ворон. Вместе с тем, он, в свою очередь, подметил, что на стокгольмском экземпляре Ярослава серебра на нижнем зубце «фигуры» имеются какие-то кружки (рис. 1, 10), очень похожие на глава птицы. Это дало ему повод утверждать, что «загадочная фигура» изображает живое существо, но не ворона, как думал Б.В.Кёне, а «голубя, олицетворяющего святого духа»³⁵.

Впоследствии А.А.Куник под влиянием доводов А.А.Уварова и И.И.Толстого отошел от своего первоначального мнения. Стокгольмский экземпляр был признан

грубым скандинавским подражанием серебру Ярослава Мудрого. На эту монету перестали обращать внимание при расшифровке знака Рюриковичей. Однако уже в XX в. такие авторитетные ученые, как Н.П.Бауэр и Н.П.Лихачев, решительно высказались, против того, чтобы считать стокгольмский экземпляр подражанием монетам Ярослава³⁶.

Т.Арне, опубликовавший найденные на территории Швеции подвески, изображение знака на которых почти аналогично изображению на Ярославом серебре и на стокгольмском экземпляре (на подвесках «птица» так же, как и на стокгольмском экземпляре, изображена с глазами), признал их по происхождению русскими³⁷. Предположение, что где-то в Бирке или в Роскилле понадобилось кому-то в XI в. (!) подделывать серебро под монету Ярослава Мудрого и при этом писать на нем русскими буквами О ГЕОРГІ, ЯРОСЛАВЛЕ СРЕБРО, лишено, на наш взгляд, всякого здравого смысла. Нет никакого сомнения в том, что стокгольмский экземпляр — русская монета, хотя ее и могли отчеканить за границей по заказу Ярослава Мудрого.

Знак, изображенный на стокгольмском экземпляре и особенно на подвесках, опубликованных Т.Арне, очень напоминает летящую птицу. Впрочем, знаки, нанесенные на монеты Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, также чрезвычайно похожи на изображение летящей птицы: массивная голова, опущенная книзу, острые крылья, короткое туловище, к которому примыкает тонкий хвост (на монетах Владимира), и целостность туловища и хвоста (на монетах Ярослава). Похож на изображение летящей птицы и знак на кирпиче Десятинной церкви (рис. 1, 1). Отличие последнего от первых в том, что «птица», нанесенная на кирпич, не имеет хвоста. Отметим, что длина крыльев — боковых зубцов на знаках Владимира значительно превосходит длину тела «птицы» — нижнюю половину среднего зубца.

Посмотрим теперь на знаки, изображенные на рис. 1, 11, 12. Эти знаки обычно приписывают князьям X—XI вв. Почему-

Рис. 2.

1 — сокольник с соколом (миниатюра из охотничьей книги Фридриха II); 2 — голова сокола; 3 — сокол в полете

то все исследователи, пытавшиеся расшифровать «загадочную фигуру» не обратили на них никакого внимания. Между тем, эти знаки являются важным связующим звеном при определении сущности «фигуры». На нижней части обоих знаков ясно видна передняя часть головы хищной птицы: длинный клюв, маленькие круглые глаза, обведенные дополнительными кружками, низкий, большой по размерам лоб. Туловище у птицы отсутствует. Над головой ее с левой стороны поднимается крыло — почти точная копия крыльев, изображенных на знаках Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, с правой стороны возвышается крест. Между крылом и крестом имеется какой-то завиток (на другом знаке, рис. 1, 12, крест без верхнего конца; другой крестик примыкает к клюву птицы). Знаки отличаются друг от друга лишь в мельчайших деталях, сущность их остается одной и той же — изображение птицы.

Передняя часть головы птицы ни в какой мере не напоминает передней части головы голубя. Голубь не имеет такого длинного, возможно, даже слегка загибающегося

клюва. У голубя довольно высокая лобная часть, а глаза сильно сдвинуты к бокам. Таким образом, вероятность изображения голубя отпадает. Еще менее похожа голова птицы на голову ворона. А пропорции тела летящей птицы не имеют ничего общего с пропорциями тела летящего ворона. Слабенькие, почти совсем рельефно не выделяющиеся на фоне тела плечи ворона не могут иметь никакого сравнения с могучими плечами птицы, изображенной на рис. 1, 1—6, 8—10. Передняя часть головы птицы, изображенной на монетах Рюриковичей, может принадлежать только одному из видов боевых птиц: орлу, ястребу или соколу. Однако и орел, и ястреб обладают «тупыми» и короткими крыльями по отношению к длине своих тел³⁸, в то время как на монетах Рюриковичей птица изображена с острыми и длинными крыльями. «Фигура», изображенная на монетах Рюриковичей, больше всего напоминает летящего сокола (рис. 2, 3).

Сокол имеет короткое плотное туловище, большую массивную голову, довольно длинную шею, которая при полете вбирает-

ся в плечи, острые и длинные крылья, значительно превосходящие длину тела птицы, короткий мощный хвост, примыкающий к туловищу (иногда он несколько заострен на конце, но чаще оканчивается закруглением в виде лопаточки), который вместе с туловищем образует при полете птицы третий средний зубец «трезубца». Глаза у соколов окаймляются дополнительными кружками, получающимися в результате того, что птица в этих местах не имеет растительного покрова. Ничего похожего ни у ворона, ни у голубя нет. Зато этот признак сокола очень четко зафиксирован на знаках Рюриковичей, изображенных на рис. 1, 9–12. Основные характерные черты сокола на монетах Рюриковичей X–XI вв. прослеживаются хорошо, хотя нередки и некоторые «излишние» добавления к рисункам в виде крестов, кружков и т. п. Этими добавлениями, так же как и надписями по ободку монет, денежные знаки одного князя отличались от денежных знаков других князей. Сущность же знака, по крайней мере для X–XI вв., оставалась одной — изображение сокола. На кирпиче от Десятинной церкви характерные черты сокола также хорошо прослеживаются.

Сокол на монетах Владимира отличается от сокола на монетах Ярослава тем, что птица изображена в различных ракурсах. На монетах Владимира чеканщик воссоздал птицу, какой она бывает видна, если смотреть за ее пикированием снизу, с земли. Поэтому-то на знаках Владимира не изображены глаза сокола, зато хорошо видны ноги птицы, вынесенные под крылья, а также деление «среднего зубца» на две части — на туловище и на примыкающий к нему хвост. На монетах Ярослава летящий сокол изображен таким, каким он виден, если смотреть на птицу сверху. При таком ракурсе мы не увидим ни его ног, ни деления средней части, зато может видеть глаза птицы.

Знаки, которые исследователи относят к концу XI–XII вв., очень далеки от своего прототипа. На некоторых из них (например, на знаке, который приписывают Всеволоду Большое Гнездо), невозможно найти не только характерных черт сокола, но

вообще черт птицы. Трансформированы позднейшие знаки до такой степени, что возникает сомнение: действительно ли это знаки Рюриковичей? Несколько особняком стоит знак, изображенный на древнейшей, по мнению некоторых исследователей русской печати³⁹. Он имеется на обеих ее сторонах. Верхний средний зубец у этого знака полностью отсутствует (рис. 1, 7). Надпись на монете не читается. А.В.Орешников, как уже было сказано выше, приписывал этот знак Владимиру Святославичу. Возможно, что нанесенная на печать «фигура» также является изображением летящего сокола, ибо несмотря на недостающие элементы — отсутствие хвоста и задней части туловища, — пропорции тела этой птицы до некоторой степени передаются.

Когда сокол пикирует на свою жертву, задняя часть его туловища и хвост поднимаются кверху, и их далеко не всегда можно увидеть с земли. Поэтому возможно, что в случае с «двузубцем» мы имеем не случайное, а специальное искажение (если это только можно назвать искажением) тела птицы. При рассмотрении знаков Рюриковичей важно учитывать, под каким углом художник решил изобразить летящего сокола. Однако принадлежность этого знака Владимиру Святославичу крайне сомнительна, ибо почти аналогичный знак (тоже «двузубец») был найден на фрагменте гончарного сосуда XI–XII вв. при раскопках Изяслава (Рогнедина).

* * *

Образ сокола в Киевской Руси употреблялся часто. Если мы обратимся к нашим древнейшим былинам, то увидим, что Вольга обладает способностью оборачиваться то птицей — соколом, то рыбой — щукой, то серым волком⁴⁰. Так же и Волхв Всеславич перевоплощается в волка, в тура «золотые рога», в ясного сокола⁴¹. Особый интерес вызывает былина «Вольга», записанная А.Ф.Гильфердингом и прокомментированная Б.А.Рыбаковым⁴². В ней рассказывается о борьбе Вольги с Санталом: «Поезжае Вольга в Волгугород, видела царица нехороший сон: бьется сокол да с черным вороном, перебил сокол да черна ворона. Яс-

ный тот сокол — Вольга богатырь, черный тот ворон — то сам Сантал»⁴³. Б.А.Рыбаков убедительно доказал, что эта былина повествует о реальных исторических событиях, которые происходили на Руси во второй половине X в. Вольга — древлянский князь Олег Святославич борется с могущественным варягом Санталом — Свенельдом («черным вороном»⁴⁴). Названия «сокол» и «черный ворон», применительно к этим историческим лицам, по-видимому, не случайны. Древним гербом датчан, как мы уже указывали выше, был ворон, а на монетах киевских князей изображался сокол.

В других былинах Владимиров цикла рассказывается о том, как Илья Муромец и Добрыня Никитич «ходят — гуляют» по синему морю Хвальнскому на «Соколе» — корабле, на который нападают «черные вороны» — в одном случае турки, в другом — татары. После того, как Илья Муромец разбивает врагов, «Сокол» благополучно возвращается на Русь. Турки и татары в данном случае являются позднейшей подстановкой. Во времена Владимира ни те, ни другие не вышли еще на мировую арену. В XII в. «черными воронами» называли половцев, а соколами по-прежнему русских князей. Вероятно, тут сказывалась уже народная традиция называть всех врагов, которые посягали на Русскую землю, «воронами».

В «Слове о полку Игореве» термины «сокол» и «соколич» служат для обозначения князей Рюриковичей — Игоря, Всеволода, Владимира и др. «Не буря соколы занесе через поля широкая, галцы стады бежать к Дону Великому»⁴⁵. Под «соколами» здесь подразумевается «Ольгово хороброе гнездо», а под галцами — полов-

цы, что видно из контекста. После описания поражения войска Игоря певец восклицает: «О! Далече зайде сокол птиць бя к морю: а Игореве храброго пьлку не крестити!»⁴⁶. Бояре говорят Святославу Киевскому: «Уже, княже, туга умь полонила; се бо два сокола слетеста с отня стола злата поискати града Тьмуторокана, а либо испити шело-момь Дону. Уже соколама крыльца припешали поганых саблями, а самаю опуташа в путины железны»⁴⁷. После бегства Игоря из плена (он «полете соколом под мылами»⁴⁸) Гзак говорит Кончаку: «Аже сокол (Игорь. — О.Р.) к гнезду летит, соколича (Владимира. — О.Р.) ростреляево своими злачеными стрелами»⁴⁹. В «Слове о полку Игореве» даже половцы называют князей Рюриковичей «соколами».

Возникает вопрос: каким образом сокол «залетел» на монеты и печати Рюриковичей, в русские былины, в «Слово о полку Игореве»? Почему именно сокол, а не орел, не ястреб, не ворон? Сокол не был древним божеством ни у славян, ни у скандинавских народов. Да с принятием христианства ни одному языческому богу и не осталось места в русском религиозном пантеоне, хотя пережитки язычества еще сохранялись долго. Тот факт, что князья из дома Рюриковичей называются былинами и «Словом о полку Игореве» «соколами», говорит за то, что сокол был эмблемой, гербом рода, возглавлявшего феодальную верхушку Киевской Руси. Возможно, что сокол в глубокой древности был тотемом рода, из которого происходила княжеская семья. Следы тотемизма нередко проявляются в культе животных, в геральдике, в фольклоре спустя несколько веков после принятия новой религии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Толстой И.И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. — СПб., 1882. С. 165—183; Орешников А.В. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // АИЭ. — М., 1894, 10. С. 301—311.
- 2 Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. —

- Л., 1928; Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // СА, VI, 1940. С. 230, 231, 233.
- 3 Толстой И.И. Ук. соч. С. 165.
- 4 Там же. С. 165, 166.
- 5 Там же. С. 166, 180.
- 6 Там же. С. 166.
- 7 Там же.

- ⁸ Там же.
- ⁹ Толстой И.И. Знамя первых наших христианских великих князей. Тр. VI, АС. — Одесса, 1886. С. 269.
- ¹⁰ Толстой И.И. Древнейшие русские монеты... С. 62—65.
- ¹¹ Там же. С. 166.
- ¹² Там же. С. 183.
- ¹³ Arne T.I. Fornvännen meddelanden från K. Vitterhets historie och antikvitets Akademien. 1911—12, 47.
- ¹⁴ Болсуновский К. Родовой знак Рюриковичей, великих князей Киевских. — Киев, 1908. С. 4—6.
- ¹⁵ Орешников А.В. Ук. соч. С. 304.
- ¹⁶ Там же. С. 304.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 305—308.
- ¹⁹ Орешников А.В. Денежные знаки домонгольской Руси. — М., 1936. С. 33.
- ²⁰ Гедеонов С. Варяги и Русь. II. — СПб., 1876. С. XXXIV.
- ²¹ Орешников А.В. Денежные знаки домонгольской Руси.
- ²² Рыбаков Б.А. Ук. соч.
- ²³ Янин В.Л. Древнейшая русская печать X в. // КСИИМК, 57, 1955; его же. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК, 62, 1956.
- ²⁴ Орешников А.В. Денежные знаки домонгольской Руси. С. 35.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Янин В.Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК, 62, 1956.
- ²⁷ Ильин А.А. Топография кладов древнерусских монет X—XI вв. и монет удельного периода. — Л., 1924. Табл. I; Бауэр Н.П. Древнерусский чекан конца X — начала XI в. // ИГАИМК, 1927. С. 315.
- ²⁸ Рыбаков Б.А. Ук. соч. С. 231.
- ²⁹ Там же. С. 247.
- ³⁰ Анпилогов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник // СА, 1964, 4. С. 154—156 и др.
- ³¹ Там же. С. 168.
- ³² В настоящее время имеется шесть экземпляров, подобных стокгольмскому. Поэтому само название «стокгольмский экземпляр» чисто условно.
- ³³ Толстой И.И. Древнейшие русские монеты... С. 62—69.
- ³⁴ Там же. С. 72—74.
- ³⁵ Там же. С. 167, 168.
- ³⁶ Бауэр Н.П. Ук. соч. С. 316, 317; Лихачев Н.П. Ук. соч., 2. С. 178, 179, 183.
- ³⁷ Arne T.I. Ук. соч. С. 47.
- ³⁸ Брем А.Э. Жизнь животных. — СПб., 1903. С. 692, 717.
- ³⁹ Лихачев Н.П. Ук. соч. 2. С. 173; В.Л.Янин считает древнейшей русской печатью печать новгородского князя Изяслава Владимировича. Знак на этой печати очень похож на знак, изображенный на кирпиче Десятинной церкви: сокол на нем также не имеет хвоста. Янин В.Л. Древнейшая русская печать X века // КСИИМК, 57, 1955. С. 40.
- ⁴⁰ Былины. I. — М., 1958. С. 318.
- ⁴¹ Там же. С. 10, 11.
- ⁴² Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. I. — СПб., 1884. С. 247—248; Рыбаков Б.А. Древняя Русь (сказания, былины и летописи). — М., 1963. С. 54—58.
- ⁴³ Гильфердинг А.Ф. Ук. соч. С. 247, 248.
- ⁴⁴ Рыбаков Б.А. Ук. соч. С. 55.
- ⁴⁵ Слово о полку Игореве сына Святослава внука Ольгова. — М., 1954. С. 4.
- ⁴⁶ Там же. С. 6.
- ⁴⁷ Там же. С. 18.
- ⁴⁸ Там же. С. 32.
- ⁴⁹ Там же. С. 34.

В.И.Меркулов

Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме

Со времён Герберштейна русская история привлекала внимание немецких учёных и публицистов. После Северной войны вместе с интересом к тогдашней петровской России появляется огромный интерес к прошлому страны. Немецкая историография России XVIII в. чрезвычайно важна тем, что сейчас она ассоциируется преимущественно с именами Г.Э.Байера, Г.Ф.Миллера и А.Л.Шлёцера. Тем не менее, многие немецкие историки более или менее подробно изучали различные вопросы российской истории.

К началу XVIII в. развитие историографии позволило перейти от простого пересказа легендарных событий к критическому осмыслению фактов и их проверке. Этот переход был постепенным и начался сперва в тех областях исторического исследования, где было легче всего создать определенный фундамент — в первую очередь в области генеалогии, которая по сей день считается вспомогательной исторической дисциплиной. Одновременно как источник начинают использовать древние хронки, что позволяло сверять и анализировать данные.

Повышенный интерес к генеалогиям возникает в Европе с XVII в. и достигает апогея в следующем столетии. Теперь генеалогические материалы начинают широко использоваться в трудах немецких авторов. Создаются первые научные исследования по истории отдельных семей и сводные генеалогические справочники, в которых сведения располагались, как правило, по схеме нисходящего родства, имена жён и дочерей зачастую отсутствовали.

Варяго-русский вопрос в немецкой историографии первой половины XVIII в. был

поставлен, прежде всего, как вопрос из области генеалогии. Повышенный интерес к родословным в Германии (да и не только) был, в частности, обусловлен огромным интересом немецких исследователей к корням русской правящей династии. С конца XVII в. началось массовое переселение немцев в Россию, которое только усиливалось на протяжении всего следующего столетия.

Корнями русской царской фамилии интересовался знаменитый философ и языковед Г.В.Лейбниц, который сформулировал своей задачей отыскать «origines populorum» (начало народов). Он начал свою историю с критического пересмотра хронологии и вопросов происхождения генеалогий¹.

Г.В.Лейбниц собрал и систематизировал множество материалов по древнерусской истории. В этом контексте его интересовала, прежде всего, проблема происхождения варягов. В одном письме 1710 г. он писал, что рассматривает область варягов (в северной интерпретации Рурик) как область Вагрия в окрестностях Любека². В IX в. там жили племена ободритов, но позднее эту область завоевали норманны. Несмотря на то, что Лейбниц отождествлял Рюрика со славянской Вагрией, он называл его «благородным датским сеньором»³.

Безусловно, вопрос об этническом происхождении Рюрика был напрямую связан с вопросом об истоках русской правящей династии. В 1734 г. в Петербургской Академии наук была переиздана работа С.Тройера, где говорилось об «устойчивой дружбе» между Российской и Германской империями⁴. Публикация в целом развивала идею сотрудника и помощника Лейбница

И.Г.Экхарта, который, после женитьбы в 1711 г. царевича Алексея на Шарлотте Кристине Софии Брауншвейг-Люнебургской, начал возводить обе родословные к византийскому императору Константину Багрянородному⁵.

К генеалогиям нередко обращались в аспекте изучения русско-германских династических связей. Когда в 1716 г. мекленбургский герцог Карл Леопольд женился на дочери царя Ивана Алексеевича Екатерине, обе родословные стали выводить из вендо-ободритских генеалогий. Проректор гимназии Ф.Томас в буквальном смысле находил в местных генеалогиях «русские» корни. Он использовал манускрипт 1687 г., автором которого был уже умерший нотариус мекленбургского придворного суда И.Ф. фон Хемнитц. По этому документу Рюрик был сыном ободритского князя Годлиба, убитого в 808 г. данами⁶. Позиция Томаса получила развитие в последующих исследованиях по истории Мекленбурга.

Против подобной интерпретации генеалогического материала высказывался мекленбургский историк и краевед Г.Ф.Штибер. В своих «Исторических изысканиях» он решительно выступил против выведения родословной русского правящего дома из генеалогий «26 королей вендов и ободритов, начиная с Ариберта I»⁷. Штибер сравнил сведения разных авторов и пришел к выводу, что они совершенно не совпадают, например, С.Герберштейн выводил Рюрика из Вагрии⁸, а П.Петрей — из Швеции или Пруссии⁹. На этом основании Штибер делал вывод, что нельзя использовать генеалогии древних ободритских королей¹⁰. Штибер выступал, главным образом, против использования генеалогических источников для доказательства версии происхождения Рюрика.

В целом дискуссия носила достаточно однотипный характер, что было закономерно при тогдашней методологии исторического исследования. Научная генеалогия только зарождалась в Германии, первая кафедра генеалогии была основана в Иенском университете в 1721 г. Конечно, было известно немало случаев, когда родовое древо создавалось в угоду политическим и дина-

стическим интересам. Вместе с тем, научное применение генеалогий в первой половине XVIII в. было полностью оправданным.

Изначально интерес к родословным был сутобо практическим и определялся скорее политическими мотивами, нежели историческим поиском. Однако благодаря изучению личных генеалогий «всплыли» ценнейшие этнические генеалогии донемецкого населения Северной Германии. Они сохранились вплоть до XVIII в. в таких условиях, когда национальный состав населения изменился почти полностью. Эти родословные росписи, в которых можно выделить так называемую легенду о происхождении рода и далее отдельные звенья и ветви, содержат основную массу сведений, часто уникальных. Впоследствии немецкие генеалогии не изучались серьёзно ни в Германии, ни у нас, тем более в связи с варяго-русским вопросом. Уже к середине XVIII в. основные академические баталии по норманской проблеме переместились в Россию. Местные мекленбургские генеалогии были потихоньку забыты.

* * *

В 1708 г. вышло первое издание «Генеалогических таблиц» Иоганна Хюбнера. Оно стало настолько популярным, что было не раз переиздано¹¹. Несмотря на заявленную в названии цель — «пояснение политической истории», Хюбнер вряд ли сам исследовал генеалогии. Перед ним стояла задача просто собрать их в единый сборник. Это подтверждается тем, что он без комментария приводит две различные родословные Рюрика. По одной (стандартной) версии, Рюрик — основатель древнерусской княжеской династии, отец Игоря, по другой — представитель побочной ветви герульских, вандалских и вендских королей¹².

В 1728 г. вышла работа профессора Г.Г.Клювера об истории мекленбургского герцогства в трёх томах. Через десять лет она была переиздана. Г.Г.Клювер писал об ободритском происхождении Рюрика и делал замечания в ответ на критические реплики Г.Ф.Штибера¹³. Не успел заново

выйти последний том книги Клаувера, как в 1741 г. в Лейпциге на латыни появился восьмитомный труд М.И. фон Бэра под названием «*Regum Meclenburgicarum*». Вскоре увидел свет также немецкий перевод его «Мекленбургской Истории»¹⁴.

Одновременно с этой работой появляется первый том книги Д.Франка. Этот исследователь начал с должности обыкновенного учителя, но уже через несколько лет стал ректором и сделал успешную карьеру. Ему были доступны многие редкие материалы. Работа была опять же переиздана со значительными дополнениями и с привлечением новых источников. Д.Франк также сообщал о связях мекленбургской области с русами¹⁵. По образному выражению Э.Болля, Франк был «чистым аналитиком, который из года в год следовал вперед»¹⁶.

Безусловной вершиной в исследовании генеалогий стала работа Самуэля Бухгольца «Опыт по истории герцогства Мекленбург», которая была издана в Ростове в 1753 г. Настоящий труд был написан по совету Г.Б.Гендмера, который был воспитателем детей принца Карла Людовика в Мирове и мечтал о создании краткого курса мекленбургской истории для преподавания. Также Г.Б.Гендмер помогал материалами, которые не были использованы предшественниками С.Бухгольца. Работа посвящена герцогине Луизе, супруге наследного принца Шверина.

Книга С.Бухгольца состоит из огромного количества небольших параграфов с последующими комментариями, в приложении приводятся генеалогические таблицы великокняжеских мекленбургских домов.

С.Бухгольц, основываясь на сведениях И.Бахмайстера, Г.Клаувера и Д.Неттельблата, обратил внимание на явную преемственность родословных таблиц вандалов и вендов, к которым он причислял кашубов, ругов, вильцев, ободритов, полабов и варягов¹⁷. Ф.Я.Спенер вплоть до XIII в. называет правителей Мекленбурга «королями вандалов»¹⁸. Некоторые авторы (например, проповедник Аэпин в самом конце XVIII в.) вообще настаивали на том, что ключом к пониманию мекленбургской истории является признание полного тождест-

ва вендов и вандалов. Неслучайно Мекленбургский дипломатический инвентарий 1760 г. открывает запись: «*Anno 471. // Testamentum Genserici, Regis Vandalorum in Africa*»¹⁹.

Под предводительством короля Гензериха (*Gensericus, Гивсирхос*) вандалы переправились в Северную Африку и завоевали ее, и только в 534 г. Юстиниан I смог победить их. Безусловно, Гензерих был одним из самых почитаемых варварских вождей прошлого, а его девиз — «Атаковать жилища людей, на которых разгневался Бог» — приводил в ужас противников.

Гензерих, можно сказать, *de jure* оформил «очередную» систему наследования. Прокопий Кесарийский несколько раз упоминает так называемое «завещание Гензериха»²⁰. Чтобы избежать раздела и смут при усилении королевской власти, он определил, чтобы престол всегда доставался старшему представителю королевского дома, независимо от степени родства с предшественником²¹. Это было совершенно нетипично для германцев, которые вождей избирали²². Более того, такой порядок престолонаследия исключал избрание короля.

Традиция такой «очередности» сохранилась на долгие века. Хроника краковского епископа Кадлубка свидетельствует, что у балтийских славян княжеская власть принадлежала старшему по рождению²³. Такой порядок наследования вполне очевидно прослеживается и по древнерусским источникам. После смерти отца престол занимал старший сын, которого младшие должны были почитать «в отца место». В дальнейшем во главе правящего рода поочередно вставали старшие в данный момент князя. Поэтому власть переходила от брата к брату, а после смерти последнего из братьев передавалась старшему племяннику. Смерть любого члена княжеского рода вызывала передвижение его младших родичей на одну ступень вверх.

В своем «Опыте истории герцогства Мекленбург» С.Бухгольц сравнивает систему правления вандалов и вендов и не находит существенных различий²⁴. Древние источники часто отождествляли вендов с вандалами. Королевский титул у них сохра-

няся со времен Римской империи, князья имели статус ниже королей, но всё же обладали частью власти. М.И. фон Бар писал, что вендов никогда не возглавлял один государь, их земли состояли из многих княжеств, которыми управлял король²⁵. Э.Лависс справедливо называет вендами славян в междуречье Эльбы и Одера и разделяет их на три группы: ободриты в Мекленбурге, вильцы в Бранденбурге и сорбы в Лужицкой земле и Мейссене²⁶. Ф.Виггер причислял к ободритам варягов, варнабов и собственно ободритов (ререгов). Они занимали города Ратцебург, Варнов, Рерик и т. д. К вильцам относились лютичи, редари и некоторые другие племена, в том числе и мекленбургские вильцы²⁷.

Вандалы, по легенде, вели свое происхождение от мифического короля Антура I, который был женат на богине Сиве. Многие народы брали за правило выводить свою родословную от богов. Позднее Сиву, как покровительницу плодородия и жизни, особенно почитали варяги, ее главное святилище находилось в Ратцебурге.

И.Хюбнер приводит генеалогию, которая совершенно не разделяет вандалов, вендов и герулов. По ней Антур I значится первым королём герулов.

Король вандалов Вислав считался прямым предком Радегаста, последнего короля вандалов и основателя династии королей вендов и ободритов. В.Н.Татищев понимал его как Вышеслав или Вечеслав²⁸. Интересно, что по некоторым родословиям братом Вислава оказывается легендарный «король герулов и ругов» Одоакр, низложивший римского императора Ромула Августула. М.Хеннинг вообще смешивает генеалогии ругов и герулов, возводя их к Одоакру²⁹. Другие авторы возводят род Одоакра к вождю гуннов Аттиле. Кстати, имя Вислав (иногда в интерпретации Витслав) встречается в вендо-ободритских генеалогических таблицах вплоть до 1325 г. Последний князь Вислав был единственным известным в Северной Германии миннезингером, с его смертью прервалась древняя правящая династия на острове Рюген, который отныне вошёл в состав Померанского герцогства.

Франкские хроники под 789 г. упоминают короля ободритов Витслава, как равноправного союзника Карла Великого³⁰ в знаменитом походе против вильцев, когда, по некоторым данным, объединенные войска дошли до Балтийского моря³¹. Длительную вражду вильцев и ободритов засвидетельствовали как письменные³², так и археологические источники³³. Спустя шесть лет Витслав был убит саксами. Все генеалогии также точно указывают именно 795 год. Эти данные подтверждает Мавро Орбини³⁴. Власть перешла к его старшему сыну Траско (Дражко), который носил сходное имя с князем вильцев Драговитом, своим современником. О Траско мы знаем из сообщений И.Ф. фон Хемнитца, Г.Г.Клювера и других.

Политическим центром ободритов и резиденцией короля (*rex Abodritorum*) был, как предполагается, хорошо укрепленный город Рерик, который находился в области между Мекленбургом и Балтийским морем. В 808 г. крепость подверглась нападению датского короля Годофрида и была разрушена. Вильцы «из-за старой вражды с ободритами помогли данам»³⁵. Многие источники рассказывают о том, как Годофрид повесил князя Годлиба, второго сына короля Витслава. В следующем году люди Годофрида убили Траско, и ободритов возглавил его брат Славомир³⁶. Он начал войну против франков, но был побежден в 818 г. Славомир, вероятно, оказался заложником, долго прожил при франкском дворе и даже перед смертью якобы принял крещение.

После смерти Годлиба в 808 г., у его сыновей Рюрика, Сивара (именно так во всех немецких источниках!) и Трувора не оставалось никаких прав на главный престол, они были вынуждены отправиться в далёкий провинциальный Новгород. И.Хюбнер датирует это событие 840 г.³⁷. Эта дата представляется нам более правдоподобной, чем летописный 862 год. Во всяком случае, ясно, что все попытки привязать события ранней русской истории к жесткой хронологической сетке — не более чем формальный приём позднего летописца.

В летописной версии о призвании варягов-руси ведущую роль играет ещё один

персонаж — новгородский князь Гостомысл (по другим данным — посадник или старейшина). Еще в середине XIX в. И.И.Срезневский писал, что имя Гостомысл имеет западнославянские корни, и внимательно подметил сообщение о нем в Фульдских анналах под 844 г.³⁸ Согласно немецким генеалогическим таблицам, Гостомысл погиб в битве с франками также в 844 г. В сборнике документов по истории Мекленбурга он был причислен к племени варягов³⁹.

В.Н.Татищев намекал на более глубокие прямые родственные связи Гостомысла с правителями вандалов, приводя отрывок о князе Вандале из Иоакимовской летописи: «А здесь Иоаким вместо народа вандалов князя именовал, равно Гелмолд онагож Винулем...»⁴⁰.

Более того, сохранился обширный фольклорный материал о царе Вандале и его потомках в Новгороде⁴¹.

И.Хемницц, И.Любнер, С.Бухгольц в один голос рассказывают о сыне Гостомысла Табемысле, который до 862 г. продолжал сопротивление Людовику Немцкому. Но по одним источникам он был убит, по другим — правил после 862 г.

Всё больше научных доказательств того, что колонизация Новгорода происходила с запада, из балтийской Словоны. Антропология объединяет западных славян и ильменских словен в одну группу. Узколищные суббрахицефалы Новгородской земли обнаруживают ближайшие аналогии среди краниологических материалов балтийских славян. Черепа ободритов также суббрахицефальны (черепной указатель 76,6; у новгородских словен — 77,2) и узколищны (скуловой диаметр 132,2; у новгородских словен — 132,1). Все эти данные свидетельствуют о том, что славяне, осевшие в Ильменском регионе, имеют не днепровское, а западное происхождение⁴².

Выделяется ареал близких антропологических типов, принадлежащих к балтийскому морю, — балтийский. В него входят поляне (польские), висляне, ободриты, поморяне, словени новгородские, кривичи полоцкие, радимичи, дреговичи и, возможно, вольняне⁴³.

О происхождении новгородского населения из средневропейского региона говорят также данные топонимики. Древняя близость новгородских и псковских говоров со славянским языковым миром Висленского бассейна проявляется и в лексических материалах⁴⁴.

Все эти данные, конечно, только подтверждают исторические схемы, которые могут быть основаны на материалах генеалогических источников.

Разумеется, совершенно недальновидно применять немецкие генеалогии только по отношению к варяжской легенде. На этом материале можно поставить целый ряд проблем, касающихся древних русов, и при помощи комплексного использования источников разных наук решить их. Далеко не до конца очевидна этническая карта ранне-средневековой Европы, не совсем ясна роль русов в великом переселении народов и их соотношение с вандалами и герулами. Более детального изучения требуют взаимоотношения русов со славянами (в ранних источниках они разделяются).

* * *

В связи с нашей темой особого внимания и исследовательского интереса заслуживают личные имена, упомянутые в генеалогиях. В историографии варяго-русского вопроса проблема имен всегда была одной из основных. Начиная с Г.З.Байера, норманисты стремились отождествить «русские» имена с германскими и на этой базе строить свои доказательства. Вне сомнения, многие имена из средневековых (и, как следствие, более поздних) родословных таблиц подверглись искажению в немецкой лексике, что логично. Тем не менее, можно проследить интересные аналогии.

В ранних родословиях вендо-ободритских королей преобладают собственно «русские» имена, этимология которых уходит в глубокую древность. Славянские имена появляются в генеалогических таблицах только с IX в., когда русы начинают сливаться со славянами и усваивают их язык⁴⁵. Однако следы иной племенной генеалогии были еще весьма заметны.

Родоначальник династии Радегаст носил то же имя, что и главное божество в храме Ретра. Хронист Титмар также именуется его Сварожичем⁴⁶. Адам Бременский, писавший свою историю Гамбургской церкви около полувека позже летописи Титмара, говорит о Ретрском святилище, как о центре языческого богослужения. Главное место там занимал золотой идол Радегаста, особо почитаемый ободритами⁴⁷. Сообщения этих авторов повторяет в XII в. Гельмольд⁴⁸.

Немецкий автор М.Шедий в середине XVIII в. прямо отождествлял Радегаста с одноименным «королем герулов», считая, что он был обожествлен после смерти⁴⁹. Речь идет о Радегасте I, который вел свою родословную от короля вандалов Алимера, женатого на Иде с острова Рюген. Их потомки правили в Ругиланде.

Пока неясно с именем Ариберт. Ономастический ряд Ариперт, Годеперт, Рагинперт и так далее прослеживается по генеалогиям королей лангобардов⁵⁰. Э.Больш в «Истории Мекленбурга» отдельную главу посвятил личным именам и фамилиям и истолковывал имя Ариберт как Римберт⁵¹.

Важно, что многие имена собственные «живы» по сей день. Например, Витслав (ср. с польским и чешским Вацлав) или Дражко. Многие из них проанализировал профессор А.Г.Кузьмин. Известна его интерпретация имен Рюрик, Синеус (Сивар), Трувор и т. д.⁵² Добавим только, что имя Сивар (Sievert, Sywardt), возможно, следует понимать в связи с культом варяжской богини Сивы, в немецком языке ему соответствует имя Зигфрид. Город Старград некогда назывался Сиван, также по имени богини Сивы⁵³. Имя Труво(а)р в свою очередь связано с балтийским культом Триглава (Trzy). Интересно, что часть имен прямым образом отражает религиозные верования, что свидетельствует о своеобразном общественном укладе. Отдельным пунктом стоят «русские» женские имена, среди которых наиболее популярны Сивилла (Сива²) и Вендула (Вендела, Вендель).

Большинство из них сохраняется вплоть до позднего средневековья. «Русские»

принцессы были замужем по всей Европе, что свидетельствует о широких династических связях. Женой киевского князя Изяслава Мстиславича (1146—1154, с перерывами), например, была дочь «русского короля» (Regis Ruthenorum)⁵⁴.

Самый богатый в Европе именовался в Европе кельтов, к нему обращались многие народы. Отсюда, вероятно, племена вендовандальской группы заимствовали мужское имя Биллунг⁵⁵ и многие женские имена.

* * *

Мы приходим к выводу, что изучение немецких генеалогий позволяет существенно расширить рамки варяго-русского вопроса и рассматривать его как часть важнейшей проблемы вендской этнокультурной общности на южном побережье Балтийского моря. К сожалению, многие источники по этой теме в силу различных причин остаются недоступными. Исследовательская работа осложнялась множеством объективных и субъективных трудностей. С одной стороны, мы столкнулись с проблемой недоступности материалов по немецкой историографии XVIII в., с другой — с откровенным и циничным вредительством. Например, генеалогии королей вандалов, вендов и ругов (то есть самые необходимые нам источники) из редкой книги Иоганна Хюбнера, хранящейся в фонде Государственной Публичной Исторической Библиотеки, были кем-то преднамеренно испорчены, а многие страницы просто вырваны. Ксерокопии утраченных родословных таблиц по нашей просьбе были любезно предоставлены профессором Мюнхенского Университета д-ром Гельмутом Шрёке.

Дискуссия в немецкой историографии по варяго-русской проблеме началась за полвека до известных споров вокруг «диссертации» Миллера в России и носила полностью научный характер. Германские антиноманисты начала—середины XVIII в. попытались ввести в научный оборот ценнейшие генеалогические источники, которые и сейчас не хотят замечать наши оппоненты. При этом немецкая историография варяжской проблемы первой полови-

ны XVIII в. остается у нас практически неизученной. Однако вряд ли стоит сомневаться в том, что позитивное решение ва-

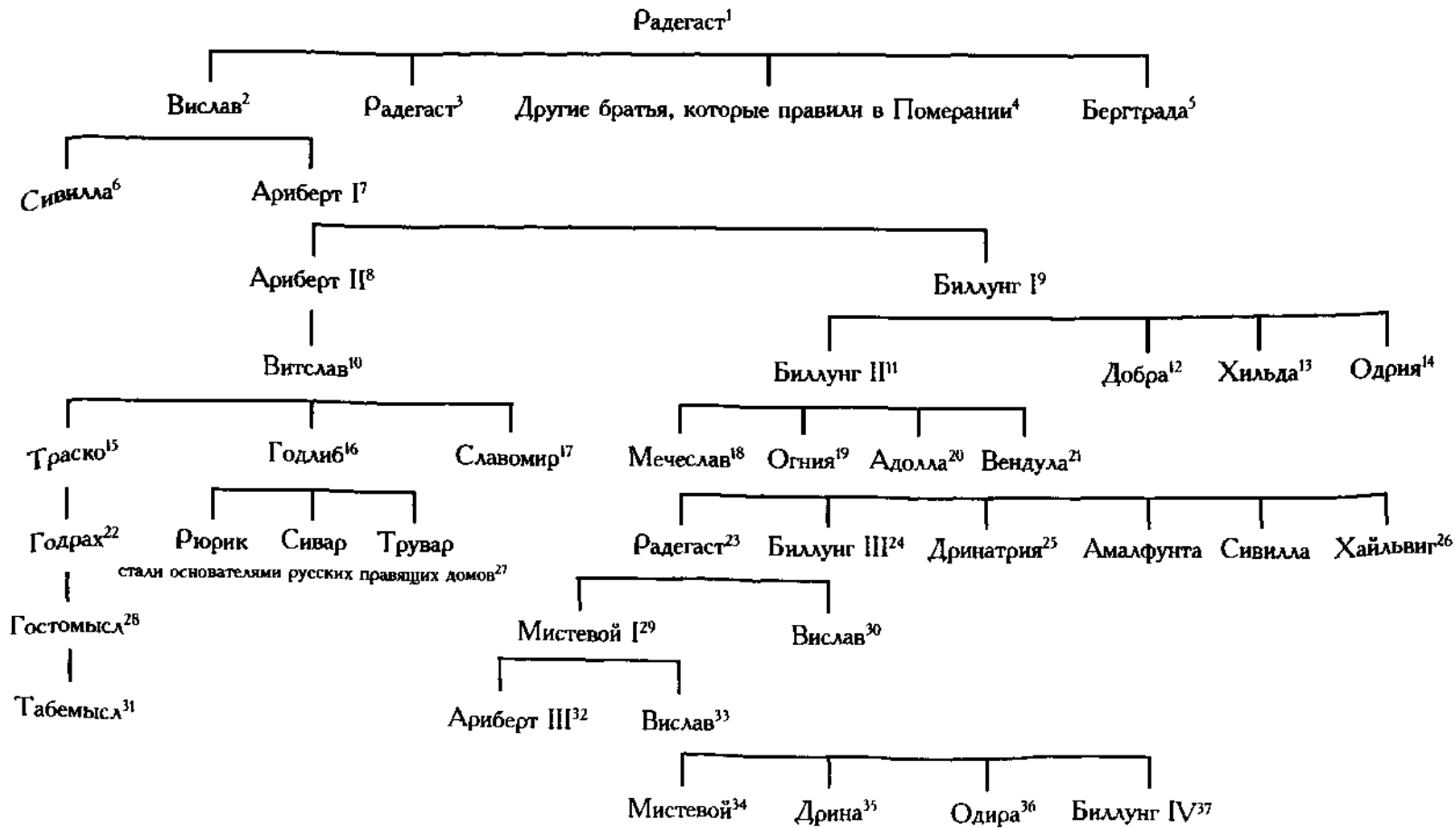
ряго-русского вопроса во многом зависит от исследований и новых открытий в области генеалогии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ *Conze W.* Leibniz als Historiker. — Berlin, 1951. S. 11, 21.
- ² *Guerrier V.J.* Leibniz in seinen Beziehungen zu Rußland und Peter d. Gr. — St.-Petersburg — Leipzig, 1873. Bd. 2. S. 140.
- ³ *Doerries H.* Ruälands Eindringen in Europa in der Epoche Peters des Großen. — Königsberg—Berlin, 1939, S. 67.
- ⁴ *Treuer S.* Abstammung des allerdurchlauchtigsten russisch-kaiserlichen Hauses und der durchlauchtigsten braunschweigisch-lüneburgischen Herzöge von einer deutschen Stamm-Mutter // *Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6.* — СПб., 1890.
- ⁵ *Hoffmann P.* Deutsche Publikationen aus der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts zur Geschichte des vorpetrinischen Rußlands // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. R. XVII. 1968. 2. S. 266.*
- ⁶ *Thomas F.* Avitae Russorum atque Meclenburgensium principum propinquitatis. — Rostock, 1717.
- ⁷ *Stieber G.F.* Historische Untersuchung des hohen Altertums. Verwandtschaft und Ursprung des groß-czaorischen und drl. Mecklenburgischen Hauses, wobei zugleich untersucht wird, ob die Russen und Wenden vor eine Nation zu halten seien oder nicht. — Rostok-Leipzig, 1717. S. 4.
- ⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. — СПб., 1866.
- ⁹ *Petrijus de Erlesunda P.* Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow. — Leipzig, 1620.
- ¹⁰ *Stieber G.F.* Op. cit. S. 36.
- ¹¹ *Hübner J.* Genealogische Tabellen, nebst denen dazu gehörigen genealogischen Fragen, zur Erläuterung der politischen Historie. Th. 1—3. — Leipzig, 1725—1728.
- ¹² *Hübner J.* Op. cit. Die Tabellen 112, 192.
- ¹³ *Klüver H.H.* Vielfältig vermehrte Beschreibung des Herzogtums Mecklenburg. Dritten Teils erstes Stück. — Hamburg, 1739. S. 32.
- ¹⁴ *Beehr M.J.* Acht Bücher der Mecklenburgischen Geschichte. — Ratzenburg, 1759.
- ¹⁵ *Franck D.* Des Alt- und neuen Mecklenburgs anderes Buch. — Güstrow-Leipzig, 1754. S. 35.
- ¹⁶ *Boll E.* Geschichte Meklenburgs. Zweiter Theil. — Neubrandenburg, 1855, S. 728.
- ¹⁷ *Buchholtz S.* Versuch in der Geschichte des Herzogthums Meklenburg. — Rostok, 1753. S. 82.
- ¹⁸ *Spener F.J.* Sylloge genealogico — historica. — Frankfurt a. M., 1677. S.702.
- ¹⁹ *Meklenburgisches Urkunden — Inventarium, oder Verzeichniß.* — Ratzeburg, 1760. A. 471.
- ²⁰ *Проконий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — СПб., 1998. С. 163, 164, 166—167.
- ²¹ *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. — Leipzig, 1892. Bd.2, S.23.
- ²² *Корнелий Тацит.* Анналы. Малые произведения. История. — СПб., 1993. С. 340; *Dahn F.* Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker. — Berlin, 1881.
- ²³ *Monumenta Poloniae historica / Wyd. A.Bielowski.* — Lwow, 1872. T.2, S. 191.
- ²⁴ *Buchholtz S.* Op. cit. S. 93—96.
- ²⁵ *Beehr M.J.* Op. cit. Bd. 1. S. 20.
- ²⁶ *Лаависс Э.* Очерки по истории Пруссии. — М., 1915. С. 21.
- ²⁷ *Wigger F.* Mecklenburgische Annalen bis zum Jahre 1066. — Schwerin, 1860. S. 105.
- ²⁸ *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч. 1. — СПб., 1768. С. 16.
- ²⁹ *Henninges M.H.* Theatrum genealogicum. — Magdeburg, 1598. Т. 4. S. 957.
- ³⁰ *Коронация и принятие Карлом императорского титула состоялось только в 800 году.*
- ³¹ *Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. — М., 1995. С. 454, 467.*
- ³² *Annales regni Francorum, edidit F.Kruze.* — Hannoverae, 1895. A. 809, 823.
- ³⁴ *Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämmen zwischen Oder / Neisse und Elbe. — Berlin, 1968. S. 172—173.
- ³⁴ *Mauro Orbini.* Il regno degli slavi. Pesaro

1601. – München, 1985. S. 80–81.
- ³⁵ *Boll E.* Geschichte Meklenburgs. Erster Theil. – Neubrandenburg, 1855. S. 3.
- ³⁶ *Wigger F.* Mecklenburgische Annalen... S. 10.
- ³⁷ *Hübner J.* Op. cit. Die 112. Tab.
- ³⁸ *Срезневский И.И.* Чтения о древних русских летописях. – СПб., 1862. С. 46.
- ³⁹ *Meklenburgisches Urkundenbuch.* Bd.1. Schwerin, 1863. S. 8–9.
- ⁴⁰ *Татищев В.Н.* История Российская... С. 43.
- ⁴¹ Сказания Великого Новгорода, записанные Александром Артыновым / Сост. Ю.К.Бегунов. – М., 2000.
- ⁴² *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. – М., 1995.
- ⁴³ *Алексеева Т.И.* Славяне и германцы в свете антропологических данных // ВИ, 1974, №3.
- ⁴⁴ *Седов В.В.* Древнерусская народность. – М., 1999. С. 125 – 127. Также см.: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – М., 1995.
- ⁴⁵ *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. Становление христианства на Руси. – М., 1988. С. 143.
- ⁴⁶ *Thietmar von Merseburg.* Chronik. – Berlin, 1962. VII. S. 47.
- ⁴⁷ *Adam von Bremen.* Hamburgische Kirchengeschichte. – Hannover–Leipzig, 1917. II.
- ⁴⁸ *Гельмольд.* Славянская хроника. – М., 1963.
- ⁴⁹ *Schedius M.* De Diis Germanorum. Syng. III, p. 484.
- ⁵⁰ См.: *Menghin W.* Die Langobarden. – Stuttgart, 1990. И.Хюбнер также упоминает короля лангобардов Ариперта, внука Гарибальда, правившего с 656 по 662 гг.
- ⁵¹ *Boll E.* Geschichte Meklenburgs... S. 8.
- ⁵² *Кузьмин А.Г.* Древнерусские имена и их параллели // Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. – М., 1986. С. 639–654.
- ⁵³ *Boll E.* Geschichte Meklenburgs.. S. 370, 372.
- ⁵⁴ *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. – М., 1990. С. 92, 105.
- ⁵⁵ В хрониках мы, например, встречаем имя короля бриттов Беллина, который победил флот Юлия Цезаря в устье Темзы. См.: *Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина. – М., 1984. С. 176.

ВЕНДО-ОБОДРИТСКИЕ КОРОЛИ И КНЯЗЬЯ (по С.Бухгольцу)

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ:

- ¹ Последний король вандалов, основатель династии королей вендов и ободритов. Указание на преемственность родословных вандалов и вендов очень интересно. Латомус, повторяя А.Кранция (известно его сочинение «История вандалов»), говорит, что титулы у вендов существовали со времен раздела Римской империи (*Franck D. Des Alt- und neuen Mecklenburgs anderes Buch. — Gustrow—Leipzig, 1754. S.16*).
- ² Король вендов и ободритов, умер в 700 г.
- ³ Князь вендов и ободритов на острове Рюген. Возможно, Рюген в VIII в. еще не имел того влияния, что в последующие столетия.
- ⁴ Ценное сообщение для изучения корней правящей династии в Померании. К сожалению, не известны конкретные имена. Ф.Я.Спенер, к примеру, отмечал, что в Померании издревле правили короли вандалов (*Spener P.J. Theatrum nobilitatis Europae tabulis progopologicis. — Francofurti, 1668, p. 176, 178.*).
- ⁵ Замужем за королём фризов.
- ⁶ Замужем за швабским или шведским князем.
- ⁷ Король вендов и ободритов, умер в 724 г. Был женат на Вундане из Польши. После Ариберта I некоторое время, возможно, правил кто-то из его братьев.
- ⁸ Король вендов и ободритов, умер в 747 г. Был женат на дочери Ульфреда Английского.
- ⁹ Князь вендов и ободритов, был женат на Хильдегарде, возможно, из Бургундии. Предположительно, основатель династии князей вильцев, его потомки соперничали с королями ободритов.
- ¹⁰ Король вендов и ободритов, умер в 795 г.
- ¹¹ Князь вендов и ободритов.
- ¹² Замужем в Саксонии.
- ¹³ Замужем за готландским королём.
- ¹⁴ Замужем за одним из гуннских князей.
- ¹⁵ Король вендов и ободритов, убит в 809 г.
- ¹⁶ Князь вендов и ободритов, повешен датским королем в 808 г. после взятия Рерика. Ф.Виггер систематизирует данные английских и датских источников, которые называют Годлиба (Годелейба) князем племени варягов в составе союза ободритов (см.: *Wigger F. Mecklenburgische Annalen bis zum Jahre 1066. — Schwerin, 1860. S. 105—106*).
- ¹⁷ Король вендов и ободритов, умер в 821 г.
- ¹⁸ Князь вендов и ободритов, умер в 811 г. Женат на Антонии из России.
- ¹⁹ Замужем в Англии.
- ²⁰ Замужем в Шотландии.
- ²¹ Замужем за одним из князей в Арморике.
- ²² Король вендов и ободритов, умер в 830 г.
- ²³ Князь вендов и ободритов, умер в 840 г.
- ²⁴ Князь на острове Рюген.
- ²⁵ Замужем в Финляндии.
- ²⁶ Замужем за голландским князем.
- ²⁷ Самое важное указание, которое проливает свет на происхождение варяжских братьев-князей, призванных, согласно летописной легенде, править в Северо-Восточной Руси.
- ²⁸ Король вендов и ободритов, умер в 844 г. Впервые Гостомысл упоминается во франкских хрониках под 838 г. В источниках находим многочисленные свидетельства о его борьбе с Людовиком Немецким.
- ²⁹ Король вендов и ободритов, умер в 865 или 869 г. Женат на фризской или саксонской принцессе.
- ³⁰ Князь на острове Рюген.
- ³¹ Король вендов и ободритов, умер после 862 г. Есть сведения, что на нем эта ветвь династии пресекается.
- ³² Король вендов и ободритов, умер в 888 г. Женат на польской принцессе.
- ³³ Король вендов и ободритов, умер в 934 г.
- ³⁴ Умер в юности.
- ³⁵ Замужем за финским князем.
- ³⁶ Замужем в Швеции или Дании.
- ³⁷ Король вендов и ободритов, умер в 986 г.

Памяти Олега Михайловича Рапова посвящается

В.В.Фомин

«За море», «за рубеж», «заграница» русских источников

Норманистское направление в отечественной и зарубежной историографии — одно из самых мифотворческих, существующее на домыслах, на предубеждениях, на игнорировании очевидного и на некритическом восприятии источников. Норманизм буквально соткан из мифов, и они со всей полнотой характеризуют как его в целом, так и уровень работ, выходящих из под пера его адептов. Представляя собой давно уже закостеневшую систему взглядов на историю Древнерусского государства, норманизм сейчас просто не в силах даже заметить ту пропасть, которая разделяет эти взгляды от действительных реалий X—XI вв., не способен хотя бы даже несколько их скорректировать с учетом достижений не только дня сегодняшнего, но и дня прошедшего, не способен посему избавиться от мифов. Наоборот, все усилия его представителей направлены на еще большее раздувание старых и создание новых мифов, которые, благодаря безграничной монополии норманизма в науке, постоянно тиражируются, вошли в образовательные программы и учебники, стали неотъемлемым атрибутом общественного сознания, причем не только в России.

Одним из таких широкоизвестных мифов, с которым не знакомы, пожалуй, лишь дети дошкольного возраста, является миф о зарождении норманизма в эпоху «бириновщины» в стенах Петербургской Академии наук. В качестве отправной точки в истории норманской теории обычно называют статью немца Г.З.Байера «De Varagis» («О варягах»), опубликованную в 1735 году¹. Но еще крупнейший приверженец норманства варягов А.А.Куник несколько

раз говорил, начиная с 1844 г., что «первым норманистом» был швед Петр Петрей де Ерлезунд, заявивший о себе в 1615 г. Утверждая, что «норманисты... образуют старую школу, возникшую в XVII столетии», историк заключал: «В период времени, начиная со второй половины XVII столетия до 1734 г., шведы постепенно открыли и определили все главные источники, служившие до XIX в. основой учения о норманском происхождении варягов-руси»². Изыскания автора настоящих строк за последние девять лет не только показали правоту Куника, но и определили главную причину зарождения норманизма в шведской историографии XVII в.: антирусская направленность внешней политики Швеции того времени, претендующей на политическое господство в балтийском Поморье³. Весьма показательны слова, произнесенные в 1615 г. шведским королем Густавом II Адольфом, при котором Швеция начинает превращаться в великую державу: «Русские — наш давний наследственный враг». А.С.Мильников правильно отмечает, что «мнение короля в концентрированной форме выражало традиционный курс шведской восточной политики — а ведь ряд шведских авторов XVII в., Петрей в первую очередь, этот курс отражали»⁴. Шведские историки XVII в., а это помимо Петрея, О.Верелий, О.Рудбек и другие, обслуживая великодержавные замыслы своего правительства, обратились к варягам, некогда господствовавшим на Балтике и основавшим на Руси династию Рюриковичей, доказывая их якобы шведское происхождение. В данном случае лишне, конечно, убеждать профессионалов в том, насколько важно в науке установ-

ление истинных истоков норманизма, что позволит уже совершенно по-иному посмотреть не только на его, так скажем, базис, но и надстройку, позволит освободиться от многих ложных посылок и стереотипов, плодящих ложные выводы.

Не меньше распространен в науке и миф о русских летописцах как «первых норманистах», как «норманистов начала XII века», как родоначальников «норманской теории». Исследования последних лет ряда ученых показывают всю несостоятельность подобных утверждений, отстоящих от элементарных норм исторической критики, их явную антинаучность, т. к. неправомерность использования термина «норманисты», имеющего определенную хронологическую привязку и соответствующее значение, в отношении средневековых летописцев, ведет, преднамеренно или нет, к серьезнейшему искажению исторической ретроспективы⁵, а это, в свою очередь, приводит к основательному смещению исторической перспективы. Да и при всем желании как-то не вяжется образ истинного Историка, истинного Мыслителя с большой буквы, коими были летописцы, с образом слепого раба идеи, вот уже почти 400 лет превратно толкующей историю той эпохи, в которой жили эти самые летописцы, и у которых не найти и намека на норманство варяжской руси.

Весьма расхожим также является миф, согласно которому фраза «за море», прилагаемая в летописях к родине варягов, якобы указывает исключительно только на Швецию. Актуальность обращения именно к этому мифу норманизма вытекает из того, что, несмотря на наличие в историографии аргументированного опровержения такой точки зрения, факт этот остается многим неизвестным, что отчетливо продемонстрировала весьма представительная конференция «Рюрикoviчи и российская государственность», состоявшаяся в сентябре 2002 г. в Калининграде.

Вначале обратимся к первоисточнику, к Повести временных лет (ПВЛ, или Начальная летопись). В ее хронологической части по поводу родины варягов нет абсолютно никаких данных. Во всех случаях она

помещается весьма неопределенно где-то «за морем»: «за море» идут с Руси к варягам, «из заморья» идут на Русь от варягов. Впервые фраза «из заморья» (=«за морем») употреблена в летописи под 859 г.: «имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех (весь. — В.Ф.), и на кривичех». Затем она использована еще несколько раз, но также без раскрытия конкретного адреса: под 862 (восстав, названные племена «изгнаша варязи за море, и не даша им дани», а вскоре их посольство «идоша за море к варягом»), 941 (Игорь после поражения, нанесенного ему греками, «посла по варязи многи за море» для нового похода на Византию), 977 (узнав, что Олег Древлянский погиб в усобице с Ярополком, Владимир Святославич, сидевший в то время в Новгороде, «убоявся бежа за море»), 980 (отмечено, что Рогволод Полоцкий «пришел из заморья»), 1015 (Владимир собирается идти войной на сына Ярослава, княжившего в Новгороде, тот же, «послав за море, приведе варязь») и 1018 г. (Ярослав, разбитый на Буте Болеславом Польским, вернулся в Новгород, откуда «хотяше бежати за море»). В последний раз термин «за море» использован в рамках ПВЛ в традиционной привязке к варягам под 1024 г.: киевский князь Ярослав Мудрый в преддверии войны с братом Мстиславом, «посла за море по варязь, и приде Якун с варязь». После своего разгрома он возвратился в Новгород, «а Якун иде за море»⁶. В 30-х гг. XI в. (в Лаврентьевской под 1036, в Ипатьевской под 1034 г.⁷) со страниц Начальной летописи исчезают как сами варязи, так и практика их размещения «за морем».

Такова ситуация с «заморской родиной» варягов не только в нашем главном источнике по истории Древнерусского государства. Точно также обстоит дело и в других летописях, связанных и не связанных с традицией ПВЛ. И все они, в чем-то или даже во многом отличаясь от нее в материале о варягах (датами, полнотой изложения, лишними известиями), также нигде не поясняют летописное «за море» применительно к их местожительству. В Новгородской первой летописи (НПЛ) младшего извода под 922 г. содержится, по сравне-

нию с Начальной летописью, иной вариант известия о смерти Олега Вещего, где использовано выражение «за море»: «яко идушу ему за море, и уклону змян в ногу, и с того умре»⁸. В Псковской второй летописи сообщение под 980 г., коротко читаемое в ПВЛ («приде Володимир с варяги Ноугороду»), дано в измененной редакции и с добавлением информации о варяжском «заморье»: «Приде Володимир из заморья к Новугороду, и приведе с собою множество варяг...»⁹. Но в обоих случаях термин не уточнен, и потому они только увеличивают собою число примеров его приложения к родине варягов без указания ее конкретных координат.

Видимо, первым в историографии обратил внимание на летописное «за море», задумался над его значением, а затем поставил в связь с определенной территорией норманист Ф.Г.Штрубе (Струбе) де Пирмонт. В своей диссертации, написанной в 1753 г. и опубликованной в 1785 г., ученый в качестве родины варягов назвал Рисаланд (Ризаланд), территорию, простирающуюся от Балтики до Северного Ледовитого океана и Белого моря, и большая часть которой, по его словам, лежала «на той стороне Финского залива и Ладожского озера»¹⁰. В качестве довода в пользу выхода варягов именно из приморских пределов Рисаланда Штрубе указал: «...Известно, что хотя слово *море* (здесь и далее курсив автора. — В.Ф.) означает точно *море собственно так называемое*, но наши историки иногда называли сим именем *озера* и большие *заливы*»¹¹. В 1773 г. Г.Ф.Миллер, касаясь событий 977 г., заставивших Владимира так спешно покинуть Новгород, пояснил, что он ушел «за море к варягам, то есть в Швецию»¹². Так, впервые в науке термин «за море» («из заморья») был прочитан как Швеция, был сориентирован только на нее.

В 1788 г. И.Н.Болтин утверждал, что фраза «из заморья» означает «с другой стороны Ладожского озера», именуемого в летописях морем¹³. Через пять лет он, уточняя, что русские варягами называли только те народы, «кои жили от них за Ладожским озером и за Финским заливом, которой в старину Руским морем называл-

ся», говорил, что послы пошли «за море»: «сиречь за Руское море и Ладожское озеро, которое руссы также морем называли в разсуждении его величины». Свою правоту в конкретном понимании этого летописного выражения, возникшего, видимо, все же не без влияния Штрубе, Болтин подкреплял рассуждением, что «не было нужды Нестору сказать: *идоша за море* (курсив автора. — В.Ф.), понеже из Новгорода к живущим на сей стороне племенам, каковы суть: ливы, леты, куры, и пр. путь лежит сухим путем, и переправляться ни чрез Руское море, ни чрез Ладожское озеро надобности не настoit»¹⁴.

Мнение Миллера о значении летописного «за море» повторил и усилил в 1802 г. А.Л.Шлецер. Усилил тем, что преподнес его уже в качестве аргумента именно в пользу норманства варягов, именно как указание лишь на Скандинавский полуостров. Так, ведя речь о родине варягов, Шлецер подчеркнул: «Они пришли из заморья (курсив автора. — В.Ф.), так говорится во всех списках; следственно, из противолежащей Скандинавии»¹⁵. Свой вывод исследователь подкреплял еще и тем, что, обратившись к работе шведского историка Ю.Тунманна, где тот вслед за своими соотечественниками XVII в. выводил из финского названия Швеции «Ruotzi» («Rotzi») славянскую форму «русь»¹⁶, в свою очередь увязал генетически Руотси с Рослаген, названьем части береговой полосы шведской области Упланда, расположенной напротив Финского залива. Именно там, по мнению Шлецера, и жили варяги¹⁷, именно там, следовательно, и находилось «за море» русских летописей. И хотя в 1814 г. Г.Эверс, возражая Шлецеру, заметил, что морем в Начальной летописи понимается не только Варяжское море, но и Черное¹⁸, ничто уже не могло остановить «триумфального шествия» столь своеобразного и в то же время столь зрительно доходчивого довода ученого.

В него уверовали тогда даже некоторые антинорманисты. Так, в 1824 г. Нейманн, практически слово в слово повторив Шлецера, сказал, что варяги «пришли из-за Балтийского моря, следовательно, из Скандинавии»¹⁹. М.П.Погодин, активный по-

борник скандинавства руси», в 1859 г. «за морем» полагал исключительно только норманнов²⁰. Через пять лет он, уверяя, что именно скандинавы сообщили летописцу, так сказать, весь «варяжский цикл» рассказов ПВА, уточнил при этом: они же указали Рюриково «отечество за морем, там, где живут шведы, англичане (английские норманны), готы, норвежцы...»²¹. В 1860 г. специально с доказательствами направленности фразы «за море» только на Скандинавский полуостров выступил филолог Я.К.Грот. Утверждая, что летописец «в выражениях своих точен также, как и в большей части своих знаний», он убеждал, что фраза эта может показывать только на живущих «по ту сторону моря», т. е. на противоположном берегу Балтийского моря, в Скандинавии. Оспаривая мнение Н.И.Костомарова о выходе руси с южнобалтийского побережья, Грот вопрошал: «...Говоря о плавании вдоль одного и того же берега, строгий летописец наш употребил бы выражение: *идоша за море* (курсив автора. — В.Ф.)»²².

В XX в. согласно логике Шлецера рассуждали М.Н.Покровский (Нестор «очень определенно указывает местожительство Руси «за морем» (курсив автора. — В.Ф.), т. е. по ту сторону Балтийского моря»; призван Рюрик с братьями «из-за моря, из Швеции»), В.А.Пархоменко («за морем» разумеется Скандинавия), польский историк Х.Ловмянский (протитировав летописное известие, что «Рогьволод пришел из заморья», он говорит о призвании полочанами «князя родом из Скандинавии») ²³. Современные норманисты, также понимая летописное выражение «за море» в буквальном смысле, в своих рассуждениях следуют по давно уже наезженной колее. В 1996 г. А.Н.Кирпичников, все же допуская более широкое толкование «за море», чем это принято по сей пору в норманистской среде, вместе с тем сказал, что «для славян адрес «за море» чаще всего означал именно Швецию»²⁴. Но в 1998 г. И.Н.Данилевский, словно дублируя Шлецера, вновь категорично заключил, что летописное «за море» «связано исключительно со Скандинавией»²⁵.

Вместе с тем далеко даже не все норманисты попали под магию аргументации Шлецера. Напротив, своим видением родины варягов они выразили полное несогласие с его жесткой привязкой «за море» к Скандинавии. Так, Г.Гольман выводил варягов из Рустрингии (побережье Северного моря западнее Ютландского полуострова)²⁶, Ф.Крузе — как из Рустрингии, так и из Розенгау (местность на юге Ютландии)²⁷, П.Г.Бутков — из Рюссаланда (северное побережье Ботнического залива)²⁸, А.И.Гиппинг — с южного берега Финляндии²⁹, В.Томсен — с берегов Ладожского озера³⁰. Подобные предположения о родине варягов были вызваны прежде всего стремлением увязать имя Рюрик и термин «русь» со скандинавами, для чего помещали находников «из заморья» там, где имелись, с точки зрения авторов подобных версий, соответствующие топонимы и фиксировались созвучные имена. На это также толкала и критика оппонентов. В итоге, «за море» наших летописей стало получать, по воле норманистов, «прописку» во многих районах Западной и Восточной Европы, отстоящих от Скандинавии, впрочем, не слишком удаляясь от нее.

Норманисты Н.М.Карамзин и А.И.Гиппинг, обосновывая свое видение местоживания варягов до их выхода на Русь, прямо высказали свои соображения на счет значения летописного «за море», отличающиеся от мнения Шлецера. Так, Карамзин, будучи согласным с ним по поводу Рослагена как родины варягов, в то же время под влиянием «августинской легенды» и соответствующего топонимического материала в Пруссии, все же допускал, правда, как «вероятность», возможность их призвания именно из ее пределов, где они обитали, как он полагал, какое-то время, выселившись из Рослагена. Весьма реальную критику в свой адрес он отвел тут же: «Варяги-Русь... были из-за моря (здесь и далее курсив автора. — В.Ф.), а Пруссия с Новгородскою и Чудскою землею на одной стороне Балтийского: сие возражение не имеет никакой силы: что приходило морем, называлось всегда заморским; так о любекских и дру-

гих немецких кораблях говорится в *Новгород. Лет.*, что они приходили к нам *из-за моря*»³¹. Но нельзя не заметить, что ученый проявлял непоследовательность в своем понимании летописного «за море». Критикуя мнение В.Н.Татищева о выходе варягов из Финляндии, Карамзин оспаривал его на том основании, что «он должен был опровергнуть еще другое возражение: летописец говорит, что варяги пришли *из-за моря* (курсив автора. — В.Ф.), а финны и славяне обитали на одной стороне Балтийского»³². Гиппинг, помещая варягов в Финляндии, резонно при этом заметил, что ее южные берега «в отношении к Новгородской области, конечно, могли называться заморьем»³³. В целом можно сказать, что в предложенных норманистами вариантах толкования фразы «за море», начиная с Штрубе и заканчивая Данилевским, она воспринимается в буквальном смысле, в значении водного пространства (море, озеро, залив), разделявшего Русь и варягов. Стоит отметить, что сегодня эту фразу также конкретно воспринимают и те исследователи, кто относит себя к анти-норманистам. Так, в 2000 г. Г.И.Анохин под «морем» понимал озеро Ильмень, западный и юго-западный берег которого именовался, по его словам, «Варяжским, или Веряжским берегом», откуда (из района г. Старая Руса) и были призваны в Новгород летописные варяги. Для Новгорода, поясняет историк, «вся сторона Заверьяжья (за рекой Веряжа), как и весь западный и юго-западный берег «моря» были «заморской стороной»³⁴.

Но имеется и другая точка зрения на значение летописного «за море», ведущая свое начало от В.К.Тредиаковского. В работе, завершенной в 1758 г., т. е. задолго до жесткой привязки этой фразы Миллером и Шлецером к Скандинавскому полуострову, он очень верно заметил, чем, казалось бы исчерпал саму тему, что «у нас быть за морем и ехать за море не значит проезжать чрез море, но плыть токмо по морю, куда б то ни было в отдаленную страну. Ехать за море у нас, есть и сухим путем ехать от моря в другое государство; так ездили мы за море во Францию, в

Италию и в Немецкую землю»³⁵. Но пройдет еще много лет, прежде чем в науке заговорят в подобном ключе. В 30–90-х гг. XIX в. прозвучали суждения некоторых анти-норманистов, высказанные ими по рассматриваемому термину, которые были еще более категоричны и суть которых сводилась к тому, что он полностью лишен приписываемого ему содержания. О.М.Бодянский, например, писал, что «выражение за море слишком неопределенно: летописцы и предки наши употребляли его произвольно, так что под сим словом скорее можно разуметь: пошел или пошла в чужую, далекую сторону, будет ли она за морем или нет»³⁶. С.Руссов, указывая, что в летописях не говорится о приходе Рюрика «из-за моря Варяжского», а лишь сказано, что послы пошла «за море к варягам», обращал внимание на то, что «выражение за море на древнем наречии славян значило за границу». Для подтверждения своих слов он сослался на договор между Ганзой и Новгородом от 25 мая 1514 г., где «ганзейские города разделены по сю сторону Поморья в Лифляндии и по ту сторону заморья в Германии (а не в Скандинавии)»³⁷. По мнению Ю.Венелина, фраза «за море» означала «куда бы то ни было»³⁸, по мнению Г.А.Немирова — «за Сине-море, куда-то далеко...»³⁹. Д.И.Иловский метко сравнил ее со сказочным «из-за тридевяти земель», что в 1931 г. повторит норманист В.А.Мошин⁴⁰. В своем ответе на вышеприведенный вопрос Я.К.Грота Н.И.Костомаров пояснял, что «для Новгорода все равно были за морем как северное, так и южное побережье Балтийского моря»⁴¹.

С соображениями историков, которые классифицировали летописное «за море» как идиоматическое выражение, полностью совпадали мнения, высказанные крупнейшими знатоками русского языка. Так, И.И.Срезневский фразу «заморские купцы» объяснял в своем знаменитом словаре как «иностранные купцы, или русские, ведущие заграничный торг»⁴². Весьма обстоятельно остановился на характеристике терминов, связанных с «за морем», В.И.Даль. Он констатировал, что «заморец, заморя-

нин» — это «заморский житель, иноземец», «заморский» — «находящийся за морем, в чужих землях, либо оттуда привезенный; заграничный», «заморье — заморская сторона, земля», а «идти за море, быть за морем» значит быть «за границей, в чужих краях»⁴³. Очевидное значение данного термина было несомненно, в связи с чем Е.Классен поставил в 1854 г. совершенно закономерный в таком случае вопрос: «...За морем от Новгорода жили не одни шведы, а многие народы; почему же скандинавоманы берут это обстоятельство в число доводов своих?»⁴⁴.

Ответа на этот вопрос в дореволюционной и послереволюционной историографии так и не последовало. И прежде всего потому, что ученые, приверженцы весьма широкого значения летописного «за море», не пошли, к сожалению, дальше своих верных замечаний и никоим образом не подкрепили их. Только Карамзин и Руссов впервые в науке попытались подтвердить свои наблюдения отсылками на источники. Но для положительного решения вопроса о смысловой нагрузке термина «за море» единичных примеров было явно недостаточно. Для этого надо было проанализировать широкий материал, прежде всего летописный и актовый, чтобы окончательно закрыть саму тему и изъять «за море» из арсенала доказательств норманистов. Разговор о нем оказался незаконченным, и этот «силлогизм шлецериян», по весьма точному определению Ф.Л.Морошкина⁴⁵, продолжая работать на норманизм, до сих пор сковывает мысль исследователей.

В советское время анализ термина «за море» также не стал темой специального исследования, и буквально в считанных случаях затрагивалась проблема его смысловой нагрузки. Больше всего ему «повезло» в справочной филологической литературе. Так, в 1935 г. было сказано, что термин «заморский», как его при этом охарактеризовали, «книжный, поэтический, устаревший», обозначал собой «прибывший, привезенный из-за моря, из-за границы... Водящийся, существующий за морем, за границей»⁴⁶. Еще через двадцать лет прозвучало, с ссылкой исключительно

только на примеры из художественной литературы, что это «привозный из-за границы; иноземный, чужестранный». Выражение «заморские страны, города» было истолковано как далекие страны, города, а «заморская диковинка» — как невиданное, странное, причудливое⁴⁷. В 1957 г. вновь был подчеркнут устаревший и народнопоэтический характер термина «заморский», означавшего привезенное, прибывшее «из-за моря», «иностранный, чужой»⁴⁸. Эти мнения филологов, к сожалению, нисколько не сказались на состоянии изучения варяжского вопроса. Сами же историки обходили своим вниманием летописное «за море». Лишь в 1923 г. Б.М.Соколов одной строкой отметил неопределенность фразы «из заморья»⁴⁹, а в 1958 г. В.В.Мавродин, как и в свое время Д.И.Иловайский, поставил «за море» в один смысловой ряд с «за тридцати земель»⁵⁰. В 1995 и 1999 гг. автор этих строк обращался к теме значения этих терминов⁵¹. Но продолжающееся их буквальное прочтение и толкование только в угодном норманистском духе заставляет вновь вернуться к ней, но вернуться на основе анализа более широкого круга источников.

В Лаврентьевском списке в рамках Начальной летописи выражение «за море», помимо вышеприведенных примеров его теснейшего соединения с варягами, употреблено еще один раз (и вместе с тем последний) под 1079 г. в сообщении о пленении черниговского князя Олега Святославича. Причем, что важно отметить, оно впервые сопровождается в летописи конкретным указанием: «а Ольга емше козаре и поточиша и за море Цесарюграду». Под 1226 г., т. е. уже вне пределов ПВЛ, в Лаврентьевской летописи говорится, что «тое же зимы Ярослав, сын Всеволожь, ходи из Новагорода за море на емь», т. е. в земли финнов. Академический список Суздальской летописи, дополняющей собою Лаврентьевскую, содержит статьи, где «за море» хотя и не раскрыто, но о каких территориях идет речь либо можно понять, либо это хорошо известно. Это статья под 1231 г. — «втьскоре прибегоша немци из замория с житом и с мукою, и створиша

много добра» (годом раньше в Новгороде разразился массовый голод), статья под 1237 г. — «придоша в силе велице немци из заморья в Ригу», и статья под 1252 г. — «приде Неврой, и прогна князя за море»⁵². В первой из них речь идет о пределах либо Ливонии, либо Западной Европы вообще, но прежде всего о северогерманских территориях и Дании, во второй — только о последних. Пытаясь уточнить «за море» статьи 1231 г., Н.М.Карамзин называл несколько вариантов: либо г. Висби на Готланде, либо г. Любек, либо еще какие-то материковые, не уточненные историком города⁵³. В рассматриваемом случае все высказанные предположения имеют основания, но какое из них единственно верное — этого сказать нельзя. «За море» статьи под 1252 г., напротив, не вызывает никаких сомнений. Как свидетельствуют многие летописи, великий владимирский князь Андрей Ярославич вынужден был бежать от татар в Швецию: «за море во Свейскую землю»⁵⁴.

НПЛ обоих изводов, оперируя терминами «за море» и «из заморья», указывает ими, в основном поясняя их при этом, на Готланд (1130 г. — новгородцы «идуце из заморья с Гот»; 1391 г. — прибыли послы «из заморья... из Гочкого берега»), на Данию (1134 г. — «рубоша новгородць за морем в Дони»; 1302 г. — «послаша послове за море в Доньскую землю»), на Швецию (1251 г. — «приде Неврой... на князя Андрея; и бежа князь... за море в Свинскую землю»; 1300 г. — «придоша из заморья swei в силе велице в Неву»; 1339 г. — «послаша новгородци... за море к sweйскому князю посольством»; 1350 г. — новгородцы разменяли в г. Юрьеве шведских пленных на своих, захваченных двумя годами ранее в г. Орехове и которые «быле за морем у sweйского короля у Магнуша»; 1392 г. — «пришедши из моря разбоннице немце в Неву»), на земли финских племен суми и еми (1311 г. — «ходиша новгородци воиную на Немецьскую землю за море на емь»; 1318 г. — «ходиша новгородци воиную за море, в Полную реку (в земле суми. — В.Ф.)»; на восточнобалтийские города Ригу, Юрьев, Кольвань, на южнобалтийский

Любек и на все остальные города Ганзейского союза, в целом включавшего в себя вендские, вестфальские, нижнесаксонские, прусские и ливонские города (1391 г. — «послаша новгородци послы на съезд с немци в Влборьско... а немечкыи послове прихале из заморья, из Любока из городка, из Гочкого берега, из Риге, из Юрьева, из Кольваня и из оных городов изо многих»)⁵⁵. Под 1444 г. в летописи упоминается некий «князь Грегори из заморья Клевьский»⁵⁶. Имеется в виду герцог Герхардт фон Клеве, выходец из Германии⁵⁷. В одной из статей, предшествующих Комиссионному списку НПЛ, под 1155 г., где содержится рассказ о жизни и смерти Андрея Боголюбского, читается, что его брат Всеволод Большое Гнездо «на третии год приде из заморья из Селуня (византийский город Салоники, современная Греция. — В.Ф.)... и седе на великое княжение, и мсти обиду брата своего Андрееву» его убийцам⁵⁸.

Под 1256 г. в НПЛ помещено сообщение, интересное тем, что в нем одновременно полагаются «за морем» разные территории, при этом не все из них действительно находятся за морем: «Придоша sweя и емь и сум и Дидман со своею волостью и множество рати и начаша чинити город на Нарове». Услышав, что новгородцы собирают рать, они «побегоша за море». В ответ на посягательство на русские владения Александр Невский по зиме опустошил земли еми⁵⁹. Таким образом, с точки зрения новгородского летописца «за морем» располагались земли финских племен еми и суми, покоренные шведами и используемые ими как плацдарм для наступления на Русь. Вместе с тем, «за морем» может означать и саму Швецию непосредственно, куда могли уплыть сами шведы, прекрасно отдающие себе отчет в том, что в скором времени последует за их акцией, и старающиеся по этой причине убраться подальше от грозящей им опасности. Но есть еще один конкретный адрес «за море» статьи 1256 года. В ней назван некто «Дидман со своею волостью», который в числе прочих «побегоша» от новгородцев «за море». В отношении «Дидмана»

в науке высказаны отличающиеся друг от друга точки зрения, но они при этом увязывают его только с Восточной Прибалтикой. Н.М.Карамзин утверждал, что так называли латыши ливонского магистра⁶⁰. В 1838 г. Н.С.Арцыбашев предположил, что «Дидман» — это вассал Дании «Tidmandus de Reveal», «упомянутый в указе Агнесы королевы датской и герцогини естляндской, данном епископу ревельскому»⁶¹. Это мнение было поддержано С.М.Соловьевым, а сейчас в литературе утверждается, что «Дидман» — это, возможно, Дитрих фон Кивель, владевший землями в Северо-Восточной Эстонии⁶².

Другие летописи, в том числе и поздние, помимо уже вышеприведенной информации, содержат в большом количестве дополнительный и весьма разнообразный материал, свидетельствующий о самом широком географическом диапазоне применения русскими книжниками понятия «за море». Так, посредством его Софийская первая и вторая, Воскресенская, Никоновская летописи, Мазуринский летописец указывают на Швецию под годами 1348 (герцог Магнус, захватив Орехов, «Аврама тысяцкаго и прочих одиннадцать мужей лутчих веде с собою за море»), 1352 (в вымышленной духовной грамоте Магнуса говорится, что он от Орехова «отыдох за море», а после захвата его русскими вновь пошел к нему, но под Копорьем ему пришла весть, «что новгородци на украе земли, и яз побежах за море»), 1391 («немцы пришедше из заморья ратью и воеваша новгородцкиа власти и села»), 1496, 1497 (приходили немцы «из заморья, из Стеколна Свейскаго государства»), 1556 («свейский король... посла рать свою ко граду Орешку от Выбора по суку, а из-за моря в бусах рекою Невою»)⁶³.

Псковская первая и третья летописи, расположив события 1609 г. и последующих годов под 1580, 1588, 1607, 1610 и 1611 гг., извещают, что Михаил Скопин-Шуйский был направлен Василием Шуйским «за море, в Свею, взяти немец», что новгородцы, предлагая псковичам соединиться с ними и стоять вместе на воров, побуждают их принять такое решение еще

и тем, что «к нам де немцы будут из Заморья тотчас в помощь Нову городу и Пскову», что шведы, переступив через свои союзнические обязательства, «инех пославше немец от себя, и призвавше из заморья инех», пришли «из заморья и взяша в Новгородцкой области» города Корелу, Ивангород, Копорье, Ям, что шведское войско отогнано от Ивангорода и идет «за море»⁶⁴. Под «заморием» Псковской первой летописи, откуда шведы набирали наемников, разумеются многие западноевропейские страны. Как констатирует А.И.Гиппинг, войско Я.П.Делагарди, прибывшее в Россию по договору 1609 г. и затем изменившее ему, «было шведским только по имени, а состояло оно из людей почти всех наций: французов, англичан, шотландцев, немцев, финнов, немногих шведов»⁶⁵. Действительно, шведских вербовщиков тогда видели практически во всех уголках Западной Европы. Русские документы той поры, конкретизируя этническую пестроту прибывшего к нам воинства, отмечают, что в нем были «датские и аглянские и шпанские и французские и свейские немецкие многие люди», люди из «шкот» (шотландцы), «царевы области» (из пределов Священной Римской империи), из «голанских, и борабанских (брабантских. — В.Ф.), и иных земель...»⁶⁶.

Софийская первая, Воскресенская, Никоновская, Вологодско-Пермская, Псковская первая и третья летописи, Новгородская вторая летопись, Мазуринский летописец, Рогожский летописец, Летописное сказание Петра Золотарева «за морем» помещают под 1362 г. ливонский г. Юрьев («поимали псковичи гостен немецких Юриевских заморских»), под 1391 г. — Пруссию (великий московский князь Василий Дмитриевич, желая жениться на Софье Витовтовне, отправляет своих послов «за море в немцы к ... Витофту Кестутьевичю», они затем «приехаша из заморья, из немец, во Псков и в Новгород со княжною Софьею»⁶⁷), под 1419 г. — Норвегию («придоша мурмане ратью с моря... и повоеваша во Арзуге Корельские власти... возвратишася во свояси за море»), под 1495 г. — западноевропейские центры Ган-

зейского союза («от князя магистра прииде посол... и от всеа земли Ливонския, и от семидесяти городов заморских»). Под годами 1499 (Иван III направил посольство «за море до Италийских стран о своих потребах»), 1505 (возвращение этого посольства «из заморья» с нанятыми там мастерами «серебряных и пушечников и стальных») и 1542 («приехали в Кольвань немецкие люди, любчане родом, на кораблех, из заморья, из Римские земли; а сказывают, что они ездил за море, в Римскую землю, торговати в Шемьборию город») имеется в виду Апеннинский полуостров.

Под 1570 г. в тех же летописях речь идет о территориях противников России в Ливонской войне («и вьят 24 города ливонские и виляндские у немец... Егда же возвратися царь на Русь, немцы же собравшися из заморья, из стольных городов»), под 1641 г. — о Турции (из-под Азова «погании же турки побегоша за моря, а иные сухим путем, кому куды по пути»), под 1668 г. — о Персии («изменик Стенка Разин с товарищи из Яицкого города на весне уехал за море в Кизылбашскую землю»). В Хронографе Западно-Русской редакции в статье «О волосех» к «заморью» отнесено по отношению к Риму Северное Причерноморье («был в Риме обычай, а аще и днесь есть, иже зложницов не казнили, но посылали за море... идеже Перекоп — тамо бо и Овидиус был послан, поэта вышний, — для различных неприятелей и браней») ⁶⁸. В «Летописи Двинской» «за морем» полагаются Англия (1553, 1605, 1663 гг.), Кольский полуостров (1555, 1701 гг.), Голландия (1647, 1675, 1695 гг.), Испания (1668 г.), Франция (1668 г.), Турция (1679 г.). Под 1697 г. эта же летопись рассказывает, что по указу Петра I «ходили за море с Москвы дети великих бояр и всяких чинов люди в Рим и во иные королевства и государства заморские ради всяких наук» ⁶⁹, т. е. в пределы Западной Европы вообще. В Новгородской Погодинской и Забелинской летописях под 1709 г. сообщается, что после Полтавской битвы Карл XII «утече за море» вначале в г. Очаков, а затем в «Царьград» (Стамбул) ⁷⁰.

Вместе с тем в летописях продолжается практика использования «за море» без каких-либо пояснений, в связи с чем очень трудно или даже совершенно невозможно понять о каких все же конкретно территориях в этих случаях идет речь. Так, например, в НПА под 1142 г. говорится, что «приходи свьискеи князь с епископомъ в 60 шнек на гость, иже и-заморья шли в 3 лодьях; и бишася, не успеха ничтоже», под 1188 г. — о конфликте с некими «варягами», после чего новгородцы «на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного мужа за море, ни съла вьдаша варягом, нъ пустиша я без мира», под 1201 — «а варягы пустиша без мира за море. ... А на осень придоша варязи горою на мир, и даша им мир на всен воли своєї», под 1362 г. — «принимаша плесковици гость немецкийи и поморскийи и заморьскийи», под 1433 г. — «постави преподобныйи нареченныйи владыка Еуфимей полату в дворе у себя... а мастера делале немецкийи из заморья с новгородскими мастерами», в Псковской третьей летописи под 1435 г. — «скопи силоу великоу князь Свитригаило, смолняны и пригороды их и кыаны и видбляны и полочаны и немецъ, и местерь рызкийи со всею силоу своею, и из заморья рати поиде на князя Зидимонта», в Псковской второй летописи под 1480 г. — рижский «местер», собрав силу «и заморцов, и задвинян», хочет пленить Изборск ⁷¹. Псковская третья летопись под 1623 г. довольно неопределенно информирует о «Западной стране» (западноевропейских державах), где разразился небывалый голод: «...Во граде Гданске и в Риге покупают хлеб, покупают бочку по 20-ти и по 30-ти рублев, а за морем мясо ядяху, скотие и лошади и вся скверная, даже и человеки плоти коснутися...» ⁷². «Летопись Двинская» под 1697 г. приводит договор царя с «капитаном, командором, порутчиком и иным меньшаго чину начальным людем и матросом», которые нанимаются на службу «за морем» и прибывают в Россию «из-за моря» ⁷³, т. е. в смысле из-за границы вообще.

Официальные документы еще больше увеличивают перечень как территорий, так и объектов, к которым прилагался нашими

предками термин «за море». Широкий круг соглашений Новгорода с его западными партнерами помещают там Готланд (Готский берег) и все центры Ганзейского союза. Так, в договоре 1189—1199 гг. с Готландом и немецкими городами имеется пункт, что если «убоють новгородца посла за морем или немецкий посол Новегороде, то за ту голову 20 гривен серебра». Эта статья была включена практически в той же редакции в проект и договор соответственно 1269 и 1270 гг. с Ригю, Любеком и Готландом. В договоре с немецкими купцами 1338 г. отмечено, что «приехали заморские купцы, от Любека господин Маркворт фан Косфельде, от Готланда господин Венемер фан Эссен...». В проекте 1371 г., в договорах 1372, 1392, 1423, 1434, 1450 и 1466 гг. с ганзейскими городами представители последних именуются «заморским купечеством», «заморскими гостями», «заморьцами», «заморским немецком купечеством», «заморскими послами» от «всех 73-х городов заморских и на сем поморьи, и от всех купцов». В Ореховском мирном договоре со Швецией в 1323 г., наряду с городами южнобалтийского Поморья и Готланда, «за морем» помещена и сама Швеция: «Гости гостити бес пакости из всей Немьцькой земле: из Любка, из Готского берега, и Свеиской земле по Неве в Новгород, горою и водою; а свеям всем из Выбора города гости не переимати. Также и нашему гостю чист путь за море...». В 1558 г. боярин А.Д.Басманов отправил из Ругодива (Нарвы) грамоту «в заморской город в Данеск (Гданьск. — В.Ф.)», в которой он призывает жителей последнего начать торговлю. В одном документе 1580 г. сообщается, что «за море... любских (из г. Любек. — В.Ф.) торговых немец отпустили». В 1561 г. при переговорах со шведскими послами, прибывшими в Москву для заключения перемирия, русская сторона всех западноевропейских монархов назвала «заморскими государями»⁷⁴.

В 1570 г. под эгидой России было образовано Ливонское королевство, «королем» которого был провозглашен датский герцог Магнус. Эфемерное Ливонское ко-

ролевство должно было стать орудием русской политики в Прибалтике и при поддержке России расширить свою территорию за счет шведских и польско-литовских владений в Ливонии. Лето 1577 г. — это время больших успехов русских в польской Ливонии: поляки без сопротивления уходили, и города один за другим сдавались либо царю, либо Магнусу. Последний в письме из Вендена напомнил своему высокому покровителю, что пора ему, названному «ливонскому королю», вступить во владение своим королевством. На что Иван Грозный без всяких церемоний ответил, ставя «короля Ливонии» на место: «...И ты о тех городех не пекишь, и без тебя берегут. ...А тебе было от нас нашу вотчину отводить ненадобет. ...Ты поезде в свою землю за море, а на том тебя имать нечево для, да и в Казань тебе сослать нам то лутче; только поедешь за море, и мы свою вотчину, Лифлянскую землю, очистим»⁷⁵. Отсылая своего вассала «за море», Иван Грозный в этом случае мог иметь в виду как Данию, родину герцога, так и остров Эзель (Сааремаа), в 1559 г. купленный Данией у распавшейся Ливонии, правителем которого Магнус являлся.

В русско-английских дипломатических документах 80-х гг. XVI — начала XVII в. термин «за море» почти стопроцентно сориентирован на Англию и речь в них всегда идет именно о морском пути: «ехать за море с аглинскими гостми», «отпусти за море с аглинским послом... вместе с аглинскими гостми в их кораблех», «был в Аглинской земле, за морем». И только в нескольких случаях он использован совершенно неопределенно, в значении заграницы вообще, конкретность которой вырисовывается, как это хорошо видно из вышеприведенного материала, лишь при наличии определенных адресов: английские купцы с торговыми целями отправляются «и за море, и в Казань, и в Астрахань, и во все гдрства», «заморские товары», которыми они торгуют, что «из заморья немец с корабли на Двинское пристанище пропущали». В росписи английского купца Онтоня Иванова (Мериха Мерша) говорится, что «идти моему русскому товару в Ыспанскую зем-

лю и в Аглинскую землю и во Францовскую землю и в Неметцкую землю и во всю Заморскую землю». В 1601 г. Борис Годунов, назначая порядок торговли для иностранцев в Архангельске, повелевал: «...А которые корабли придут сего лета из за моря... Барабанские, и Голанские, и Нидерляньские, или иных которых земель, и тех бы земель немцы торговали у корабельной пристани...»⁷⁶.

В царской грамоте 1592 г. Соловецкому монастырю под «заморскими немцами» подразумеваются либо сами шведы, с которыми в то время шла война, либо приглашенные ими наемники из стран Западной Европы («приходили ден к морю королевские воеводки Мавнус Лаврин да Гавнус Иверстин, а с ними приходили заморские немцы»). Всего вернее последнее. В описи Посольского приказа 1614 г. содержатся «Распросные речи торговых немец, которые посланы были от царя Бориса за море для вестей, во 113-м году». В 1646 г. русские купцы, подавая челобитную на иностранцев, живущих в городах по торговым делам — «на агличан и на голанцов», «на бараборцов и на анбурцов (гамбургцев. — В.Ф.)», вместе с тем именуют их всех и в общем плане: «немцы заморские», торгующие «заморскими товарами». В торговом уставе 1667 г. царя Алексея Михайловича иноземцами «из-за моря» названы «кизылбаши (персы. — В.Ф.), индейцы, бухаряне, армяне, кумыки, черкасы, и астраханские жильцы». В ряде документов за 1614, 1646, 1676 гг. термины «за морем» и «заморские» приложимы к Голландии и к тамошним купцам. В «Памяти» Посольского приказа 1691 г. об устройстве и функционировании российской почты понятия «за море» и «из-за моря» отнесены «к цесарю римскому, и к аглинскому, и к датскому, и к свейскому, и к польскому королею»⁷⁷.

В актовом материале, также как и в летописях, южнобалтийское побережье, как это хорошо видно, постоянно числится в перечне тех «заморий», с которыми сотрудничают русские. Иногда это даже специально обговаривается. Так, в договорах Великого Новгорода с ганзейскими горо-

дами, с целью, видимо, большей конкретизации договаривающихся сторон, контрагенты новгородцев разделяются на проживающих в «заморье» и на проживающих в «поморье», соответственно на южном и на восточном берегах Балтийского моря. Так, в договоре 1392 г. (Нибуров мир) отмечено, что «се приеха Иван Нибур из Люпка посольством, Иньца Вландерь и Федор Кур из Гоцького берега, из заморья, из Риге Тилька Нибрюге, из Юрьева Еремеи Кеглерь и Винька Клинькрод, ис Колываня Григорья Вить, и от всих купцов заморьских и се стороне поморья... заморьским немецким купцам и на сом поморья ничто не надобе... Что Иван Нибур люпский повествовале и его дружина Иньца Вландерь и Федор Кур заморьский посол, и на сом поморья Тилка из Ригы, и Еремеи и Винька из Юрьева, ис Колываня Григорья...». В договорах 1423, 1436, 1450, 1466 гг. и в договоре с великим литовским князем Свидригайлом 1431 г. говорится о послах «от 70 и трех городов на сем поморья и заморьских». По договору 1514 г., заключенному новгородским наместником с ганзейскими центрами, как вновь акцентируется, «с сей стороны поморья и с оной стороны заморья», разрешалось ездить в Россию «честным людем неметцким послом, с тое стороны заморья, и с сее стороны поморья, от всех семидесяти городов...»⁷⁸.

Вместе с тем термины «за морем» и «из заморья» наши делопроизводители продолжали традиционно использовать без каких-либо пояснений, если они хотели тем самым указать вообще на все то, что не было связано с их родной землей. В договоре о перемирии России с Ливонией, учиненном в Новгороде в марте 1509 г., написано, что если «будут ехать от государя Василия... его послы к другому государю за море, и к великому государю... будут ехать от иных государей послы их, и обоим послам в Ливонской земле... горою и водою, путь им чист без всякого препятствия в Ригу, и в Юрьев, и в Колывань, и во всех их города во всей земле Ливонской, и немцам охранять». В грамоте, данной шведским послам в январе 1572 г., подчеркивается, что из Новгорода и Ливонской земли «русские лю-

ди и немцы пойдут торговати во все заморские государства...». В торговом уставе 1667 г. речь идет о неутюняемых откуда поступающих конкретно в Россию «заморских» винах и «заморских» товарах. В ряде документов, касающихся вопросов организации российской внутренней и внешней торговли, наличествуют понятия «за море», «заморские немцы» (1659), «заморские иноземцы разных государств и земель» (1663), «за море в Немецкие земли» или «за море в Немецкие государства» (1672, 1673, 1676), «заморские товары» (1685). В царской грамоте 1674 г. касательно торговли, ведущейся в Архангельске, сказано о «заморских торговых иноземцах»⁷⁹. В 1712 г. В.Н.Татищев был отправлен «за моря капитаном для просмотра тамошняго военного обхождения». Как известно, будущий историк был направлен из Польши, где был расквартирован его полк, в германские государства⁸⁰, в которых он посетил Берлин, Дрезден, Бреславль⁸¹.

Путевые записки русских послов («росписи» и «статейные списки»), в унисон с рассмотренными источниками употребляя термин «за море», в силу своей специфики наполняют его конкретным содержанием. В «статейном списке» посольства Федора Писемского в Англию (1582–1583) он несколько раз применен для обозначения нахождения последней («за море с английскими гостми»), причем, когда посольство еще только намеревалось выехать из пределов России. Важно обратить внимание в этом случае на то обстоятельство, что послы, возвращаясь домой, идут не куда-то «за море», а именно «на Русь».

В «статейном списке» посольства Петра Потемкина во Францию (1668) при описании его пребывания в Испании и во Франции определение «за море» приложимо к обоим государствам, а в целом ко всей Западной Европе. Члены посольства не раз выражали свою большую озабоченность по поводу того, «чтоб им не зазимовать за морем и от того б делу великого государя нашего, его царского величества, порухи не учинилось». Путевые записки русских XVII в., посещавших дальние страны в

частном порядке, также не оставляют «за море» без уточнения. В «Хождении Василия Гагары в Иерусалим и Египет», написанном вскоре после 1637 г., сказано, что «отпусти на корабли за море человека своего Гаранку в Персидскую землю». В своих записках о путешествии в Персию Федот Котов поясняет, что в 1623 г. «с ним в товарищах 8 человек ходили за море в Персидскую землю в купчинах з государевою казною». Причем он говорит о двух путях следования в Персию. Первый, это как его обычно и понимают в самом непосредственном значении — «ход за море итьти прямо на полень севером и западом». Второй же — это «и сухой путь есть же за море от Терека», которому купец дает подробнейшее описание⁸².

Изначально в смысле заграница вообще употреблялось «за море» и в таком литературном жанре как повести. Показательный пример тому — «Слово о погибели Руския земли», дошедшее до нас не как самостоятельный текст, а как введение к Житию Александра Невского первой редакции. По мнению М.Н.Тихомирова, «Слово» было создано вскоре после битвы на реке Калке⁸³. Большая часть исследователей относит написание этого памятника ко времени после Батыева нашествия⁸⁴. Характеризуя бывшее могущество Русской земли, автор «Слова» вспоминает Владимира Мономаха, именем которого «пловыци дети своя положаху в колыбели. А литва из болота на свет не выныкываху. А угры твердыху каменные городы железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не въехал. А немцы радовахуся, далече будуче за синим морем. Бургасы, черемиси, веда и морьдва борьничаху на князя великого Володимера»⁸⁵.

Предлагаемая в науке идентификация «немцев», пребывающих в безопасности «за синим морем», либо со шведами⁸⁶, либо с ливонцами⁸⁷, либо вообще с немцами до их «прихода во второй половине XII в. в Ливонию»⁸⁸, вряд ли правомерна, т. к. никто из них конкретно и не имелся в виду. «Немцы» здесь — общее наименование многих западноевропейских народов, а не только немцев в привычном для нас сегодня

понимании, и не только германцев вообще, и имевшее давнюю традицию и самое широкое распространение в наших источниках на протяжении многих столетий. И хотя фраза «синее море», на что упор делается в литературе, — это действительно общее название всякого моря, но в данном случае ее так же, как и «немцев», нельзя воспринимать конкретно, воспринимать на уровне устоявшихся образов. Ею автор «Слова» лишь облек в характерной для фольклора, прежде всего для сказок и былин, поэтической форме дальнюю меру расстояния.

Повести более позднего времени (XVII—XVIII вв.), времени быстро открывающихся перед русскими пределов мира, отсюда времени детализации ими (географической, этнической, политической, конфессиональной) «заморья», уже конкретизируют традиционную фразу «за море». «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», написанная в 1642 г., масштабы приготовления неприятеля к осаде Азова, начатой в 1641 г., выражает одним предложением: «А збирался турецкой царь на нас за морем и думал ровно четыре года». В «Повести о Савве Грудцъне», возникшей в середине XVII в., говорится, что русские купцы «иногда за Хвальнское (Каспийское. — В.Ф.) море в Шахову область (в Персию. — В.Ф.) отъезжая, куплю творяше». В «Истории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли» (XVIII в.) путь следования в Западную Европу уточнен — «маршировать и добирать младших матросов за моря в Галандию, для наук архиметрических и разных языков...»⁸⁹.

Термин «за море» является неперенным атрибутом былинной поэзии, отразившей, по мнению специалистов, подлинными событиями, относящимися еще к эпохе Киевской Руси. Они также полагают, что дошедшая до нас часть героического эпоса сформировалась приблизительно в том виде, в каком до нас дошла, в период XIII—XV вв. в Новгородской земле⁹⁰.

В былине «Михайло Потык», возводимой Б.А.Рыбаковым к IX—X вв.⁹¹, Илья Муромец советует своему товарищу:

«А ед-ко ты, Добрыня, за синё море,
Кори-тко ты языки там неверный,
Прибавляя земельки святорусский».

Вернувшись, похваляется затем Добрыня своими подвигами:

«А был-то я за славным за синим морем,
Корила там я языки неверный,
А прибавлял земельки святорусский».

Другой вариант этой же былины, несомненно, уже более поздний и связанный с монголо-татарским игом, повествует, что

«В тую пору да во то время
Наезжае было царь Бухарь заморский
Наезжае царь Бухарь с посланником,
Правит он да дани-выходы
Что ли с солнышка Владимира...».

Былина «Соловей Будимирович» начинается запевом, описывающим впечатляющую картину прибытия в Киев главного героя:

«Из-за моря, моря синего,
Из глухоморья зеленого,
От славного города Леденца,
От того-де царя ведь заморского
Выбегали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей — един корабль
Славного гостя, богатого,
Молода Соловья Будимировича»⁹².

Как считал Б.А.Рыбаков, эта былина — единственное сохраненное народной памятью произведение легендарного Вещего Бояна, придворного княжеского «песнотворца», упоминаемого в «Слове о полку Игореве». По мнению историка, Боян был свидетелем прибытия в Киев будущего норвежского короля Гаральда III Гардрада (1046—1066) и его сватовства к дочери Ярослава Мудрого Елизавете⁹³.

Первые строки былины «Мамаево побоище» ярко и наглядно рисуют ту роль, которая изначально отводилась фразе «из заморья» («за море»), вне зависимости от того, сопровождается она или нет характеристикой его цветовой гаммы (как и в «Слове о погибели Рускыя земли»):

«Из-за моря, моря синего,
Из-за тех же гор из-за высоких,
Из-за тех же лесов темных,
Из-за той же сторокушки восточныя

Не темная туча поднималася —
С силой Мамай соряжается
На тот же на красен Киев-град
И хочет красен Киев в полон взят»⁹⁴.

В былинах вместе с тем очень широко используются производные от термина «за море»: «кречеты заморские», «шелк заморский», «медведи белые заморские», «напиточки заморские», «парабок заморский», «сукна заморские», «товары заморские», «меха заморские», «соболь заморский», «гости заморские», «купцы заморские», «вина заморские» и другие⁹⁵.

Лишь только со временем «за море» в былинах начинают своеобразно овучивать, не преследуя при этом задачи его действительной конкретизации. И эти новации являются несомненным хронологическим индикатором, указывающим на весьма их поздний характер. Так, в одном из вариантов былины о Дунае, предположительно относимой Б.А.Рыбаковым к IX—X вв.⁹⁶, «Бой Добрыни с Дунаем», последний поясняет, что

«Я ведь за морём ноньде жил, да за синим,
Я за синим жил да за Варальским...».

По мнению В.И.Калугина, эта былина относится к дополнительному сюжету XVI—XVII вв., когда наиболее древние сюжеты сохранялись в неприкосновенности в качестве отдельных былин, а новые лишь дополняли или поясняли их⁹⁷. В одном из вариантов былины о Соловье Будимировиче отмечено, что исходная точка корабельного пути — это «сине море Вирянское», в которое «матушка Нева широко прошла» и в котором видят море Варяжское⁹⁸. Другая же ее версия содержит иное название «синего моря»:

«Из-за моря, моря синево,
Из-за синево моря Халынсково
Выходило тут двенадцать черных караблей.
Подходили те корабли ко городу ко Киеву...»⁹⁹.

Б.А.Рыбаков приводит варианты былины, согласно которым Соловей Будимирович приплывает к Владимиру в Киев через море «Турецкое»¹⁰⁰. Былина «Идолыше сватается за племянницу Владимира» также содержит подобный пример «конкретизации»:

«Из-за моря-то, моря, синего,
А из-за синего моря из-за Карского,
Из-за Карского моря, Арапского
Приходило три чернёных три-то карабля...».

Во всех отмеченных случаях, причем «уточнен» ли термин «за море» или нет, он обозначает собой земли чужие, нерусские, и земли, далеко-далеко отстоящие от святой Руси. Как, например, выразительно звучит эта дальняя-предальная мера в былине «Вольга»:

«Закатилось красное солнышко
За лесушки за темные, за моря широкие...».

Это прекрасно осознавали и сами сказители былин. Так, например, при исполнении былины «Три поездки Ильи Муромца» мезенец М.Г.Антонов сделал добавление, выделенное курсивом, описывая шубу богатыря:

«Ожерелье у шубы чорна соболя,
Не того-де соболя сибирского,
Не сибирского соболя — заморьского
(С Камчатки, верно)»¹⁰¹.

Таким образом, термин «за море» определял собой на протяжении столетий, на что указывали В.К.Тредиаковский и анти-норманисты XIX в., нахождение земель, стран, народов и городов вне пределов Руси, вне пределов собственно русских земель вообще, независимо от того, располагались ли они действительно за морем или нет. В Ипатьевской летописи под 1200 г. говорится, что слава киевского великого князя Рюрика Ростиславича «не токмо и в роуских концех ведома, но и соуцим в море далече...». В «Домострое», памятнике конца XV — середины XVI в. содержится глава «44. Как тебе набиход купити всякой товар заморской из далных земель». В одном из списков «Сказания о Мамаевом побоище» (XVII в.) найдена очень образная и вместе с тем очень емкая характеристика победы на поле Куликовом: в день битвы «по всем градам заморским велика гроза бысть»¹⁰². «Заморским» на Руси и в России также являлось все то, что приходило из-за границы или было как-то связано с ней. Так, новгородские купцы, ведшие торговлю с Западной Европой, именовались

в XII—XIII вв. «заморскими». Под 1156 г. в НПА сказано, что «поставиша заморьский купци церковь святую Пятницу на Торговищи», под 1207 г. — «свершиша церковь святая Пятница заморьский купце»¹⁰³. В обоих случаях речь идет о православной церкви Параскевы Пятницы в Новгороде.

Все наши источники употребляли это понятие одновременно и в прямом, и в переносном смысле. Это хорошо видно, например, из слов Афанасия Никитина: «Вот написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское», хотя основную часть своего пути купец проделал именно сушей¹⁰⁴. Сам же образ «трех морей» не только до небывалых размеров увеличивал пройденный Афанасием Никитиным в 1466—1472 (или 1471—1474) гг. путь, но и вместе с тем давал возможность неискушенному воображению хоть в какой-то мере представить саму фантастическую отдаленность Индии от Руси, этой сказочной страны, мечтою о которой, по замечанию Д.С.Лихачева, «жило все европейское средневековое общество»¹⁰⁵. Причем в памятниках не всегда можно встретить уточнение характера проделанного пути в «заморье». Так, НПА всего лишь в нескольких случаях поясняет, что в Новгород приходили с Запада «горою», т. е. сушей, а в записках русских путешественников XVII столетия разъясняется, что продвигались они «сухим путем», «горами», «степью»¹⁰⁶.

Своими истоками рассматриваемый термин восходит, несомненно, к устному народному творчеству. Важно в этом случае мнение Н.И.Костомарова, рассматривавшего два варианта рассказа о сватовстве Владимира Святославича к Рогнеде, дочери полоцкого князя Рогволода, помещенных в Лаврентьевской летописи под 980 и 1128 гг., и в которых сказано, что Рогволод пришел «из заморья»¹⁰⁷. Как полагал историк, летописцы заимствовали этот рассказ из сказания, «существовавшего, вероятно, в форме думы или песенного повествования...»¹⁰⁸. Действительно, само понятие «за море»

(«из заморья»), несомненно, принадлежит к песенной фантазии, где, как правило, поэтической фразой «за горами, за долами, за синими морями» обозначалась дальняя сторонка, нерусская земля. «За морем» наши предки также изначально характеризовали края неведанные, края неизвестные. Выше приводилось летописное сообщение, что великий владимирский князь Андрей Ярославич, спасаясь от Неврюя, бежал «за море во Свейскую землю». В Лаврентьевской летописи в этом случае сказано, что князь «побеже на неведому землю со княгинею своею и с бояры своими...»¹⁰⁹. Сама взаимосвязь и взаимозаменяемость фраз «неведома земля» и «за море» хорошо показывает действительное значение последней, не оставляет никаких сомнений в том, что она представляет собою идиому, сродни той, что родилась в советское время, и помещающей за границу «за бугром».

Именно из фольклора «за море» перешло в письменную традицию, где лишь со временем, по мере расширения и активизации внешнеполитической деятельности России, раздвинувшей горизонты русских, начинает сопровождаться, прежде всего в мирных и торговых соглашениях, необходимыми на то пояснениями. Параллельно с ним и с тем же содержанием в источниках, в том числе, и юридических, используются такие понятия, как «иные земли», «иные страны»¹¹⁰ («иностранныи»¹¹¹), «различные (разные) страны»¹¹², «земли дальнии», «чужи земли»¹¹³, «страна чужая»¹¹⁴, «некоторые (которые) государства (земли)»¹¹⁵, «все (многие) земли (государства)»¹¹⁶. Вначале они задействовались довольно редко, но со временем частота их употребления все больше нарастает, не только составляя серьезную конкуренцию термину «за море», но и постепенно оттесняя его. Так, он и его вариации уже полностью отсутствуют в Соборном Уложении 1649 г., но где в то же время наличествуют полностью адекватные ему термины «иное государство», «которое государство», «окрестные государства»¹¹⁷. Эти же выражения в большом числе встречаются на страницах труда Г.К.Котошихина, написанного в 1667 г., а в единичных случаях он применяет в адрес

внешнеполитических партнеров России обозначения «сторона» и «тамошние государства»¹¹⁸.

Складывание территорий государственных образований периода феодальной раздробленности, а затем становление и расширение пределов Российского централизованного государства, необходимость юридического закрепления границ при постоянных территориальных спорах между русскими землями и обоюдных территориальных притязаниях в их отношениях с иноязычными соседями вызвали появление и прежде всего, несомненно, в дипломатическом обиходе более четких и в то же время полностью адекватных «за морю» понятий «за рубеж-рубеж» и «за границу-граница», вначале вытеснивших его из дипломатических бумаг, а затем вообще из практики делопроизводства. «Рубеж» как граница назван в торговом договоре Смоленска с Ригой и Готландом 1229 года¹¹⁹. В многочисленных докончаниях великих московских князей, начиная с Дмитрия Донского и заканчивая Ивана III, с сопредельными князьями, в которых осуществлялись разделы земель между ними, называются либо никак не поясненный в документе рубеж («рубеж Твери и Кашину»), но в качестве всем ясной и давно уже устоявшейся границы, либо, скажем так, «именной», как, например, «Володимерское порубежье» между Москвой и Рязанью (1374–1375, 1382, 1396, 1401–1402, 1434, 1447, 1483). Понятие «рубеж» как граница между отдельными вотчинами использовалось затем в рамках единого централизованного государства, например, в жалованных разводных и разъезжих грамотах Ивана III со своими поданными (1483, 1504), содержащих весьма подробное описание этого рубежа, где буквально по пунктам расписано, по каким «землям и водам» он проходит, или лишь только называющих «Переяславски старый рубеж», — «Ростовский рубеж», необходимость в детализации которых давно уже отпала¹²⁰.

В докончаниях великих князей тверского и рязанского с великим литовским князем Витовтом (1427, 1430) и великого князя московского с польским королем и великим

литовским князем Казимиром IV (1449) называются «рубеж отчине», «рубежь Рязаньские земли переяславские», просто «рубеж». В договоре новгородцев и псковичей с дерптским епископом и Ливонским орденом 1474 г. обговорены совместные действия в приграничных районах в случае совершения там преступлений: «А где на порубежьи с которое стороны вчиниться татьба, или поруб, или грабеж, или голову убьют, или иная какова пеня вчиниться: ино о том послы послати и sprawy просити трижды, на обе стороны». В последующих договорах новгородцев с ливонцами (1481 и 1493) упоминаются «старый рубеж» и «порубежные дела». В грамотах новгородским дьякам (1555) речь идет о «немецком», т. е. шведском рубеже. В 1561 г. в русско-польских документах назван «литовский рубеж». Он же упомянут и в духовной грамоте Ивана Грозного (1572). В русско-английских дипломатических документах конца XVI — начала XVII в. говорится, что корабли с нашими послами «пришли на рубеж к Аглинской земле», русская сторона ставит в известность английскую о «порубежных» делах с турками, в связи с чем упоминаются «порубежные» города, разговор вместе с тем касается и «псковского рубежа», «литовского рубежа», «турского» и «цесарского» рубежей, разделяющих Угорскую землю¹²¹.

Особенно активно употреблялся термин «рубеж» в XVII в.: 1608 г. (отписка вычегодцев к пермичам) — немецких людей десять тысяч пришло на рубеж (Ореховский рубеж); конец февраля 1609 г. (договорная запись о найме шведских ратных людей и об уступке Швеции г. Карелы с уездом) — «как немецкие воеводы с ратными людьми пойдут с рубежа»; апрель и ноябрь 1609 г. (соглашения между русскими и шведами), апрель 1650 г. (память воеводам о не пропуске за рубеж в Швецию заонежских русских людей и из-за рубежа шведов в Россию без проезжих грамот), июнь 1663 г. (отписка новгородского воеводы в Тихвинский монастырь), 1673 г. (грамота царя Алексея Михайловича новгородскому воеводе), июнь 1680 г. (царская грамота), июль 1685 г. (воеводский наказ), апрель 1686 г.

(память олонецкого воеводы), апрель 1691 г. (память из Посольского приказа в Приказ Большой Казны: о времени учреждения, дальнейшем распространении и действиях почты в России) — речь идет о рубеже (свейском или немецком)¹²². В Соборном Уложении в нескольких случаях названы «порубежные города», «Литовские и Немецкие порубежные земли», «литовские и немецкие порубежные люди», вообще «зарубежные люди» «из ыных государств»¹²³.

В том же столетии понятие «рубеж» часто используется и по форме и по содержанию, как некогда термин «за море». Так, в договоре между Россией и Швецией, заключенном 28 февраля 1609 г. в Выборге, сказано, что шведское войско пойдет «за рубеж, на Русь...». В царской грамоте новгородскому воеводе (1625) говорится о «государевы жь стороны русских людей и их жен и детей, которые сходили за рубеж до немецкого разоренья, ...которые при немцах иманы в полон, ...которые при немцах из Новагорода свезены за рубеж силою». В памяти стрельцу Арефке Иванову (1650) отмечено, «что за рубежом, в свейских в порубежных городех, собираются немецкие ратные люди». В договорной записи, заключенной в феврале 1673 г. с Армянской торговой компанией в подтверждение первой, и в объяснении, поданном в Ответной палате боярам от российских купцов в феврале 1676 г., сказано: «а путь в порубежные города и к Архангельскому городу и за море в немецкие государства оставить». В Соборном Уложении 1649 г. в двух статьях говорится о рубеже вообще и о бегстве владельческих крестьян, испомещенных в «порубежных городах», «за рубежь в немецкую или литовскую сторону, и за рубежом женятся... и женися выходят из за рубежа...»¹²⁴.

Рассматриваемый термин не был чужд и летописной практике. В НПЛ младшего извода под 1342 г. читается, что ливонские немцы «ставят город на рубежи на своей земли... биша плесковице немец, утонивше под гордком по Новым на рубежи» (речь идет о Новом городке, г. Нейгаузене, поставленном на Псковской земле на р. Пивже). В 1441 г., как сообщает Псковская

третья летопись, псковичи по приказу великого московского князя Василия Васильевича воюют Новгородскую волость «в долготу на 300 верст, а в ширину 50, от литовского роубежя и до немецкого». В Псковской первой летописи в статье под 1519 г. даны своего рода координаты «немецкого рубежа», отделявшего русские земли от владений прибалтийских немцев: сорок верст от Пскова и десять верст от Изборска¹²⁵.

Со временем в источниках появляется и понятие «граница». В «Хождении на Флорентийский собор» неизвестный суздалец в одном случае пишет, что р. Драва «у рубежа Словенской земли с Угорскою землею», в другом, что г. Люблев «есть городок угореский, стоит на лядской границе»¹²⁶. В XVII в. наблюдается его функционирование в дипломатической практике. Так, в июле 1611 г. в ответной грамоте московских бояр польскому королю Сигизмунду III сообщается, что шведский король «хочет на Московское государство дати сына своего, которой московским людям люб будет, и крестити его хочет в греческую веру на границе...»¹²⁷. Бывший подъячий Посольского приказа Г.К.Котошихин, в 1667 г. употребляя термин «рубеж» либо в общем плане, либо в конкретном, а именно на котором встречаются или до которого провожают шведских послов и шведских гонцов, наравне с ним использует термин «граница». Так, он констатирует, что крымские люди приводят пленных «на границу по зговору на розмену...». В детальном описании порядка встречи шведских послов по их прибытию к пределам Российского государства первой строкой у Котошихина сказано: «Королевского величества Свейского послы, как они придут на границу, и их посылают принимать ис порубежных городов бояре и воеводы дворянина, человека старого и роду честного, и велят принять послов с честью, и корм и питье пошлют к ним с ним на встречу, а приняв послов, едет с ними до города». Также в его труде названы «Турская» и «Персицкая граница». Русские города, сопредельные Швеции, он характеризует как «пограничные города

Свейскою границею...»¹²⁸. Само же понятие «граница» в практике делопроизводства формировалось постепенно, вырастая из термина «грань» в понятии «межи», межвого знака, границы.

Уже в XVII в. область применения термина «за море» сужается. Он постепенно выпадает из «оборота» даже в тех случаях, в которых был раньше вполне уместен. Так, Котошихин, отмечая поступление серебра в Россию из-за границы, поясняет: «А привозят ефимки и серебро, прутовое и тянутое, к Архангелскому городу из Галанской земли и из Венеции, и из Любка, и из Амбурка»¹²⁹. В XVIII в. понятие «за море» продолжало еще употребляться, например, оно присутствует в географическом описании путей из России в Швецию, составленном в 1701 году¹³⁰. Выше были приведены показания летописей за начало того же столетия, где одновременно «за морем» располагаются и Очаков и Стамбул. В 1764 г. М.В.Ломоносов подал президенту Петербургской Академии наук К.Г.Разумовскому записку «о невыписывании из-за моря в академию иностранных профессоров, о научении и произведении природных россиян, посылая их в иностранные университеты»¹³¹. Но область его применения еще более уменьшается и вскоре ограничивается в основном устной традицией, прежде всего фольклором, а также произведениями писателей-сказочников. Для характеристики меры дальней-дальней и продукции, поступающей из-за пределов России, к «за море» прибегала и прибегает сейчас художественная и публицистическая литература. Марина Цветаева, используя выражение «за море», весьма выразительно определила ту меру расстояния, которая отделяет мир живых от мира мертвых, определила то, откуда уже нет возврата. Горюя о смерти близкого человека, она восклицает: «Милый друг, ушедший дальше, чем за море! ...Милый друг, ушедший в вечное плавание. Свежий холмик меж других буторков!»¹³²

Термин «за море» можно встретить и на страницах научных изданий. Им, например, обозначал Западную Европу (Заморье) И.Е.Забелин¹³³. Д.С.Лихачев говорит о «заморской» торговле новгородцев в XII в.

почти во всех городах балтийского Поморья, а И.П.Шаскольский о сохранившихся преданиях на берегах озера Мелар о нападении в 1187 г. на Сигтуну воинов, «пришедших из-за моря», т. е. из пределов Руси¹³⁴. Все эти факты наглядно свидетельствуют о живучести в устной и письменной практике традиции помещать как сопредельные с русскими землями, так и далеко отстоящие от него территории «за морем». Таким же отголоском его широкого и давнего бытования, нерасторжимого в прошлом единства с варягами, является поморское «варяжа», по предположению А.О.Подвысоцкого, образованное от слов «варяг, варяжский», и имевшее значение «заморский иностранный край» и «пришелец из-за моря, иноземец»¹³⁵.

Термин «за море» присутствует в памятниках, а следовательно, бытовал и продолжает бытовать в фольклоре многих народов. Он неоднократно встречается, например, в исландских сагах в том же самом широком, лишенном какой-либо географической конкретности значении, что и в русских источниках. Так, «Сага о Ньяле» говорит, а ее слова можно спокойно примерить к любому направлению, в каких ходили викинги: «Тогда решил Гуннар идти с ним за море», «Гуннар пошел за море», «Торкель Дерзкий ходил за море и стал знаменитым в чужих странах». «Сага о стурлунгах» содержит равнозначные примеры: «И послал Торгильтс Арни слово, чтобы он увез Олава за море», «Харальд отправил его за море», «на следующее лето отправились они за море с Хальвардом Гульскором»¹³⁶.

В свете вышеизложенного летописное «за море», где, как утверждает Начальная летопись, жили варяги, в своем чистом виде, без сопроводительных пояснений (этнических, географических, еще каких-то других) не может быть аргументом при любой версии их этноса. Обозначая собой границу вообще, этот термин абсолютно лишен какой-либо конкретности, что, впрочем, несколько не мешало ученым наполнять его разным содержанием. Причем зависело оно лишь от одного: в каком народе (его представителях) видели исследователи выходцев «из заморья». Именно отсюда последнее

получало определенное звучание, отсюда многовариантность его трактовок, которые различаются не только по линии водораздела между норманизмом и антинорманизмом, они существенно расходятся внутри самих этих направлений. Отсутствие конкретного названия местопребывания варяжской руси объясняется тем, что летописцы, как правильно отметил еще И.Е.Забелин, относясь к нему, как к общеизвестному факту, не требующего по этой причине каких-либо пояснений¹³⁷, не считали, в связи с этим, нужным раскрывать столь непонятное для потомков выражение.

Сегодняшний уровень развития науки позволяет «расшифровать» его и указать на некоторые районы балтийского Поморья, все побережья которого (северное, южное, восточное) для восточных славян в равной степени находились «за морем», отсюда они в равной степени могли быть связаны с варяжской русью. Из их числа надо сразу же исключить территории, на которых проживали скандинавские народы. И исключить по весьма существенной причине. В 1827 г. С.Руссов, конкретизируя то, о чем давно говорили еще до него, исчерпывающе полно сказал: «Во всей Скандинавии, т. е. в Дании, Норвегии и Швеции ни по истории, ни по географии нигде не значится области под названием Руссии»¹³⁸. В советское время В.В.Мавродин, считая варягов

норманнами, несколько раз подчеркивал, что термин «русь» — не скандинавский термин и «времена викингов его не знают». И как заключал историк, «ни на какое племя или народ «русь» в Скандинавии не указывает не один источник средневековой Европы. Не знает и устное народное творчество народов европейского Севера, поэзия скандинавских скальдов»¹³⁹. Факт отсутствия народа русь среди скандинавских народов сейчас общепризнан в отечественной и зарубежной историографии. Но совершенно другая картина предстает перед исследователями на южном и на восточном побережье Балтийского моря, где существовали четыре Русии: остров Рюген (Руйяна), район устья Немана, побережье Рижского залива (устье Западной Двины) и западная часть Эстонии (Роталия-Руссия). И если Сказание о призвании варягов говорит, что Рюрик, Синеус и Трувор во главе варяжской руси явились в пределы нашего Отечества («и избрашася 3 братья с роды своими, и поюша по собе всю русь»¹⁴⁰), то нет сомнений, что эта русь никак не могла прибыть из Скандинавии, прибыть оттуда, где ее не было. Поэтому летописным «за море», где проживали варяги, мог быть только какой-то из названных «русских» районов юго- и восточнобалтийского Поморья, заселенных славянами и славяноязычными народами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ *Bayer G.S. De Varagis // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. T. IV. — Petropoli, 1735. P. 275–311.*
- ² *Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. I. — St.-Petersburg, 1844. S. 115–116; Дополнения А.А.Куника // Дорн Б. Каспий. — СПб., 1876. С. 460–461; Замечания А.Куника. (По поводу критики г. Фортинского). — СПб., [1878]. С. 1–4; Куник А.А. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. — СПб., 1903. С. 031, 039, 047, 054.*
- ³ *Фомин В.В. Норманизм и его истоки // Дискуссионные проблемы отечественной истории. — Арзамас, 1994. С. 18–30; его же. Норманизм русских летописцев: миф или реальность? // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф.Калайдовича. Вып. 3. — Елец, 2000. С. 134–136; его же. Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII века // Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 4 (152). — М., 2002. С. 305–324.*
- ⁴ *Мыльников А.С. Славяне в представлении шведских ученых XVI–XVII вв. // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. — СПб., 1997. С. 149; его же. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представление об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. — СПб., 1999. С. 137.*

- 5 Рапов О.М. «Были ли норманистами создатели «Повести временных лет»? // Сб. РИО. Т. 1 (149). — М., 1999. С. 110–119; Фомин В.В. Норманизм русских летописцев: миф или реальность? С. 128–139.
- 6 Летопись по Лаврентьевскому списку (ЛЛ). Изд. 3-е. — СПб., 1897. С. 18, 44, 74, 127, 140, 144, 145; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. — М., 1962. Стб. 13, 14, 34, 63, 115, 130–131, 135–136.
- 7 ЛЛ. С. 147; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 138.
- 8 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). — М.—Л., 1950. С. 109.
- 9 Псковские летописи (ПЛ). Вып. 2. — М., 1955. С. 10.
- 10 Штрубе Ф.Г. Рассуждения о древних россиянах / Перевод А.Павловского. — М., 1791. С. 19–20, 62, 65–66.
- 11 Там же. С. 61–62.
- 12 Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших. / Перевод с немецкого И.Доллинского. — СПб., 1788. С. 100.
- 13 Болтин И.Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. I. — СПб., 1788. С. 80.
- 14 Болтин И.Н. Критические примечания на первый том истории князя Щербатова. Т. I. — СПб., 1793. С. 113, 115–119, 165, 171–172, 256.
- 15 Шлецер. Нестор. Ч. I. — СПб., 1809. С. 274.
- 16 Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. — Leipzig, 1774. S. 374–377.
- 17 Шлецер. Указ. соч. Ч. I. С. 317.
- 18 Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1–2. — М., 1826. С. 63.
- 19 Погодин М.П. О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на N. и краткий разбор оногo — М., 1826. С. 5. Работа Нейманна, вышедшая в 1824 г. в Дерпте, была переведена и издана Погодиным без указания фамилии автора.
- 20 Погодин М.П. Норманский период русской истории. — М., 1859. С. 2, 33, 70, 101, 109.
- 21 Погодин М.П. Г.Гедеонов и его система происхождения варягов и руси. — СПб., 1864. С. 14.
- 22 Грот Я.К. Литва или Скандинавия // Отечественные записки. Т. СХХIX. № 4. Отд. I. — СПб., 1860. С. 379–380, 382.
- 23 Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. I. [М., 1910]. С. 58; *его же*. Русская история с древнейших времен. Т. 1. — М., 1920. С. 20; *его же*. Борьба классов и русская историческая литература. Изд. 2-е. — Л., 1933. С. 14; Пархоменко В.А. Начало христианства Руси. Очерк истории Руси IX–X вв. — Полтава, 1913. С. 83; Ловмянский Х. Русь и норманны. — М., 1985. С. 207, примеч. 3.
- 24 Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. С. 13.
- 25 Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С. 62.
- 26 Гольман Г. Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. Исторический опыт. — М., 1819 (впервые была издана на немецком языке в Бремене в 1816 г.).
- 27 Крауз Ф. О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям) // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Ч. IX. — СПб., 1836. С. 43–73; *его же*. О древнейшем существовании в России и Византии под названиями готфов, варягов, федератов и руссов до основания Российского государства // ЖМНП. Ч. XVII. — СПб., 1838. С. 499–532; *он же*. О пределах Нормании и названии норманов и руссов // ЖМНП. Ч. XXI. — СПб., 1839. Январь. С. 13–77.
- 28 Бутков П. О Руси и Рюссаланде // Сын Отечества. Ч. 175. № 1. — СПб., 1836. С. 26–44; *он же*. Оборона летописи русской, Нестеровой, от наветов скептиков. — СПб., 1840. С. 112.
- 29 Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. Ч. 1. — СПб., 1909. С. 10.
- 30 Томсен В. Начало Русского государства. — М., 1891. С. 92.
- 31 Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. — СПб., 1818. С. 48–49, примеч. 111.
- 32 Там же. Примеч. 105.
- 33 Гиппинг А.И. Указ. соч. С. 10.
- 34 Анохин Г.И. Новая гипотеза происхождения государства на Руси // «Вопросы истории», 2000, № 3. С. 51–61.
- 35 Тредиаковский В.К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. — СПб., 1773. С. 222.
- 36 Бодянский О.М. О мнениях касательно происхождения Руси // «Сын Отечества». Т. LI. Ч. 173. — СПб., 1835. С. 68.
- 37 Руссов С. О древностях России. Новые толки и разбор их. — СПб., 1836. С. 13.
- 38 Венелин Ю. О нашествии зависянских

- славян на Русь до Рюриковых времен. — М., 1848. С. 23, 25.
- 39 *Немиров Г.А.* «Русь» и «варяги» (происхождение слов). Заметки для выяснения древнейшей истории Петербургского края. — СПб., 1898. С. 30.
- 40 *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. — М., 1876. С. 236; *Мошин В.А.* Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // *Vyzantinoslavika. Ročník III. Svazek 2.* — Praha, 1931. С. 299.
- 41 *Костомаров Н.И.* Заметка на возражения о происхождении Руси // *Современник*. Т. LXXX, № 4. — СПб., 1860. С. 414.
- 42 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. — СПб., 1893. Стб. 928.
- 43 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. — М., 1955. С. 604.
- 44 *Класен Е.* Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до Рюрикового времени в особенности, с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. Вып. II. — М., 1854. С. 21.
- 45 *Морошкин Ф.А.* Историко-критические исследования о руссах и славянах. — СПб., 1842. С. 111–112.
- 46 *Толковый словарь русского языка.* 2-е изд. Т. I. — М., 1950. Стб. 984–985.
- 47 *Словарь современного русского литературного языка.* Т. IV. — М.—Л., 1955. Стб. 686–687.
- 48 *Словарь русского языка.* 2-е изд. Т. I. — М., 1981. С. 546.
- 49 *Соколов Б.М.* Эпические сказания о жемитьбе князя Владимира // *Ученые записки Саратовского университета.* — Саратов, 1923. Т. I. Вып. 3. С. 96.
- 50 *Мавродин В.В.* Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». — Л., 1958. С. 7, 9.
- 51 *Фомин В.В.* «Варяжское заморье» русских летописей (X–XVII вв.) // *Дискуссионные вопросы российской истории.* — Арзамас, 1995. С. 21–27; он же. Русские летописи и варяжская легенда. — Липецк, 1999. С. 118–123.
- 52 *ЛЛ.* С. 198, 426, 485, 487, 496.
- 53 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. III. — СПб., 1818. Примеч. 336.
- 54 *ПСРЛ.* Т. V. Вып. 1. — СПб., 1851. С. 187; *ПСРЛ.* Т. VII. — СПб., 1856. С. 160; *ПСРЛ.* Т. 10. — М., 1965. С. 139.
- 55 *НПЛ.* С. 22, 23, 26, 91, 93, 95, 206, 208, 212, 304, 330, 331, 333, 337, 350, 362, 384, 385.
- 56 Там же. С. 424.
- 57 *Беляев И.Д.* О географических сведениях в Древней Руси // *Записки Географического общества.* Кн. V. — СПб., 1852. С. 205; *Клейнберг И.Э.* Основные принципы выбора новых личных имен и адаптации иноязычных в России // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. IX. — Л., 1978. С. 68.
- 58 *НПЛ.* С. 468.
- 59 Там же. С. 81. 308–309.
- 60 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. IV. — СПб., 1818. Примеч. 93.
- 61 *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. Т. II. — М., 1838. С. 25, примеч. 175.
- 62 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 3–4. — М., 1993. С. 183, примеч. 305 к т. 3; *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.* ПСРЛ. Т. III. — М., 2000. С. 610.
- 63 *ПСРЛ.* Т. VI. — СПб., 1853. С. 42, 241; *ПСРЛ.* Т. VIII. — СПб., 1859. С. 216, 233; *ПСРЛ.* Т. 10. С. 220, 225; *ПСРЛ.* Т. 11. — М., 1965. С. 127; *ПСРЛ.* Т. 12. — М., 1965. С. 244; *ПСРЛ.* Т. 31. — М., 1968. С. 133.
- 64 *ПЛ.* Вып. 1. — М.—Л., 1941. С. 118–119, 124, 134; *ПЛ.* Вып. 2. С. 269, 275.
- 66 *Гиллинг А.И.* Указ. соч. С. 253.
- 66 *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГД).* Ч. 2. — М., 1819. С. 358; *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологическою экспедициею императорской Академии наук (ААЭ).* Т. 2. 1598–1613. — СПб., 1836. С. 219, 226, 248; *Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею (АИ).* Т. 2. 1598–1613. — СПб., 1841. С. 315.
- 67 *Софья* вместе с отцом *Витовтом* проживали в Пруссии, где последний находился в изгнании (*Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. — М., 1989. С. 49.).
- 68 *Софийский временник или русский летописец.* Ч. II. — М., 1821. С. 401; *ПСРЛ.* Т. III. — СПб., 1841. С. 71; *ПСРЛ.* Т. VI. С. 43, 49; *ПСРЛ.* Т. VIII. С. 229, 236, 244; *ПСРЛ.* Т. XXII. Ч. 2. — Пг., 1914. С. 234–235; *ПСРЛ.* Т. 26. — М.—Л., 1959. С. 296; *ПСРЛ.* Т. 11. С. 123, 235; *ПСРЛ.* Т. 12. С. 239, 249; *ПСРЛ.* Т. 15. Вып. 1. — М., 1965. Стб. 73; *ПСРЛ.* Т. 31. С. 92, 163, 207; *ПЛ.* Вып. 2. С. 262.
- 69 *Титов А.А.* Летопись Двинская. — М.,

1889. С. 11, 15, 22–23, 27, 30, 35, 41, 101, 113, 124.
- 70 РО РНБ. Собр. Погодина. № 1411. Л. 310 об.; РО РНБ. Эрмитажн. собр. № 414. Л. 367; РО РНБ. Эрмитажн. собр. № 445. Л. 144.
- 71 НПА. С. 26, 39, 45, 212, 229–230, 240, 368, 416; ПЛ. Вып. 2. С. 60, 131.
- 72 ПЛ. Вып. 2. С. 280.
- 73 Титов А.А. Указ. соч. С. 101, 103.
- 74 Андреевский И. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенным в 1270 году. – СПб., 1855. С. 33; Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н.Щербачевым // Русская историческая библиотека (РИБ). Т. XVI. – СПб., 1897. Стб. 37, 179; Сб.РЮ. Т. 129. – СПб., 1910. С. 97; Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНП). – М.–Л., 1949. С. 55, 61, 68, 71, 74, 78, 81–83, 102–103, 106, 124, 127.
- 75 СГГД. Ч. 2. С. 68.
- 76 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. – СПб., 1883. С. 15–18, 140–141, 144, 205, 212, 217, 233, 303, 305, 314, 317, 422.
- 77 СГГД. Ч. 4. – М., 1828. С. 201, 340, 631–632; ААЭ. Т. 1. 1294–1598. – СПб., 1836. С. 429; ААЭ. Т. 3. 1613–1645. – СПб., 1836. С. 20; ААЭ. Т. 4. 1645–1700. – СПб., 1836. С. 14, 19–20; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.–Л., 1950. Приложение I. С. 458.
- 78 СГГД. Ч. 5. – М., 1894. С. 59; ГВНП. С. 81–82, 102–103, 106, 110, 124, 127.
- 79 СГГД. Ч. 5. С. 43; СГГД. Ч. 4. С. 198, 200, 203, 277, 281, 283, 338, 491; ААЭ. Т. 4. С. 152, 154, 190; АИ. Т. 4. 1645–1676. – СПб., 1842. С. 516; Сб.РЮ. Т. 129. С. 220.
- 80 Кузьмин А.Г. Татищев. – М., 1981. С. 28.
- 81 Рубинштейн Н.А. Русская историография. – М., 1941. С. 66.
- 82 Записки русских путешественников XVI–XVII вв. – М., 1988. С. 68, 135, 139, 141–147, 220–222, 262, 292–293, 295, 296, 314, 318.
- 83 Тихомиров М.Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли» // его же. Русская культура X–XVIII веков. М., 1968. С. 84, 89.
- 84 Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). – М., 1960. С. 310, примеч. 41; Еремин И.П. «Слово о погибели Русской земли» // его же. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – Л., 1987. С. 139; История русской литературы X–XVII веков / Под ред. Д.С.Лихачева. – М., 1980. С. 160.
- 85 Слово о погибели Руския земли // Памятники древней письменности. Т. 84. – СПб., 1892. С. 23.
- 86 Слово о погибели Руския земли. С. 23, примеч. 3; История русской литературы X–XVII веков. С. 161.
- 87 Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. – М., 1957. С. 71; Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 85–86, 89.
- 88 «Изборник». (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М., 1969. С. 739.
- 89 «Изборник». С. 551; Русские повести XVII–XVIII вв. – СПб., 1905. С. 109; Гудзий Н.К. Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII веков. – М., 1952. С. 407.
- 90 Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. – М., 1963. С. 39–154; Азбелев С.Н. Русский народный эпос // Былины. – Л., 1984. С. 7–8, 13; Калужин В.И. Мир былинного эпоса // Былины. – М., 1986. С. 25–26.
- 91 Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 47–49.
- 92 Былины. – Л., 1957. С. 246, 247–250; то же. – Л., 1984. С. 284; то же. – М., 1986. С. 63, 66–67.
- 93 Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 80–81, 83–85; его же. Киевская Русь Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. Изд. 2-е. – М., 1993. С. 164.
- 94 Былины. – Л., 1984. С. 62.
- 95 Былины. – Л., 1984. С. 65, 83, 116, 260, 262, 265, 269, 272, 285, 289; то же. – М., 1986. С. 343, 355, 365, 369, 370, 404–405, 435, 460.
- 96 Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 49–50.
- 97 Былины. – М., 1986. С. 197, 200.
- 98 Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 81–82.
- 99 Былины. М., 1986. С. 364–365.
- 100 Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 84.
- 101 Былины. – Л., 1957. С. 299; то же. – М., 1986. С. 90, 167.
- 102 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 713; Повести о Куликовской битве. – М., 1959. С. 191; Домострой. – М., 1990. С. 29, 70, 156.
- 103 НПА. С. 30, 50, 217, 247.
- 104 Хождение за три моря Афанасия Никитина. – М., 1980. С. 45, 77, 81, 124.
- 105 Лихачев Д.С. «Хождение за три моря Афанасия Никитина». – М., 1980. С. 45, 77, 81, 124.

- сия Никитина» // *Его же. Избранные труды в трех томах.* — Л., 1987. Т. 2. С. 277.
- ¹⁰⁶ Записки русских путешественников XVI—XVII вв. С. 83, 135—137.
- ¹⁰⁷ ЛЛ. С. 74, 284.
- ¹⁰⁸ Костомаров Н.И. Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказаниях и обычаях // «Вестник Европы». Т. 40. № 3. — СПб., 1873. С. 37.
- ¹⁰⁹ ЛЛ. С. 449.
- ¹¹⁰ ПСРА. Т. 2. Стб. 237—238, 808; СГД. Ч. 1. — М., 1813. С. 449; Памятники дипломатических сношений... Т. I. С. 60, 144, 160, 162; Патерик-Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. С. 118; Смоленские грамоты XIII—XIV веков. — М., 1963. С. 24.
- ¹¹¹ ЛЛ. С. 103.
- ¹¹² ПЛ. Вып. 1. С. 117; Памятники дипломатических сношений... Т. I. С. 183.
- ¹¹³ НПЛ. С. 22; ПЛДР. XIII век. — М.—Л., 1981. С. 288, 230; Памятники права феодальной раздробленности Руси. XII—XV вв. Вып. 2. — М., 1953. С. 64, 74, 288, примеч. на с. 341 к с. 288.
- ¹¹⁴ Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. (Памятники XI—XV в.). Изд. 2-е. // РИБ. Т. 6. — СПб., 1908. Стб. 454.
- ¹¹⁵ Гудай Н.К. Указ. соч. С. 505; Памятники дипломатических сношений... Т. I. С. 97, 127.
- ¹¹⁶ Патерик-Киевского Печерского монастыря. С. 118; Памятники дипломатических сношений... Т. I. С. 96, 102, 167.
- ¹¹⁷ Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарий. — Л., 1987. С. 20, 23—24, 54, 107.
- ¹¹⁸ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. — М., 2000. С. 38, 47, 59—61, 64, 68—69, 72, 74—75, 82, 93 и др.
- ¹¹⁹ Смоленские грамоты XIII—XIV веков. С. 38.
- ¹²⁰ Духовные и договорные грамоты... С. 23, 27—30, 42, 46, 53, 55, 84, 106, 143, 285, 288, 290—292, 372, 378.
- ¹²¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. I. 1340—1506. — СПб., 1846. С. 85, 96, 97, 131, 132; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1. — СПб., 1846. С. 128—131; Памятники дипломатических сношений... Т. I. С. 19, 62—63, 68, 162, 267, 291, 355, 405; Сб. РИО. Т. 71. — СПб., 1892. С. 46; Духовные и договорные грамоты... С. 438.
- ¹²² СГД. Ч. 4. С. 631; ААЭ. Т. 2. С. 190; там же. Т. 4. С. 335; АИ. Т. 2. С. 191, 221, 329; АИ. Т. 4. С. 128, 333; АИ. Т. 5. 1676—1700. — СПб., 1842. С. 219, 238; Грамоты монастырей Деревяницкого и Коновского. Доставлены М.И.Семевским // Летопись занятий Археологической комиссии. Вып. IV. 1865—1866. — СПб., 1868. С. 26.
- ¹²³ Соборное Уложение 1649 года. С. 20, 24, 68.
- ¹²⁴ СГД. Ч. 4. С. 283, 338; ААЭ. Т. 3. С. 236, 237, 240; там же. Т. 4. С. 66; АИ. Т. 2. С. 185; Соборное Уложение 1649 года. С. 68.
- ¹²⁵ НПЛ. С. 354; ПЛ. Вып. 1. С. 101; там же. Вып. 2. С. 134.
- ¹²⁶ ПЛДР. XIV—XV века. С. 490.
- ¹²⁷ СГД. Ч. 2. С. 552.
- ¹²⁸ Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 69, 81, 82, 88—91, 115, 121, 131.
- ¹²⁹ Там же. С. 121.
- ¹³⁰ Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 году // ЖМНП. Ч. 29. № 8. — СПб., 1838. С. 278.
- ¹³¹ Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // его же. Соч. в 8 т. Т. VIII. — М., 1959. Исследования, рецензии, речи (1890—1905). Примеч. 51 на с. 484—485.
- ¹³² Цветаева М. Собрание стихотворений. Поем и драматических произведений. Т. I. Сочинения и поэмы 1910—1920. — М., 1990. С. 223.
- ¹³³ История города Москвы. Ч. I. — М., 1905. С. 154.
- ¹³⁴ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.—Л., 1947. С. 197; Шаскольский И.П. Сигтунский поход 1187 г. // Исторические записки. Ч. 29. — М., 1949. С. 151.
- ¹³⁵ Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб., 1885. С. 15.
- ¹³⁶ Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. Материалы и исследования // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1978 г. — М., 1978. С. 79—83.
- ¹³⁷ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. — М., 1876. С. 137, 143.
- ¹³⁸ Руссов С. Письмо о Россиях, бывших некогда вне нынешней нашей России // Отечественные записки. Ч. 31. — М., 1827. С. 109.
- ¹³⁹ Мавродин В.В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1949 году в Ленинграде. — Л., 1949. С. 28; он же. Происхождение названий «Русь»... С. 12.
- ¹⁴⁰ ЛЛ. С. 19; ПСРА. Т. 2. Стб. 14.

В.В.Эрлихман

Русы и варяги в Восточной Европе (IX–XII века)

Вопрос о происхождении названия «Русь» и этнонима «руссы» активно обсуждается уже два с половиной века, но до сих пор остается одним из «каменных преткновений» отечественной исторической науки. И не случайно — ведь здесь задействованы не только репутации научных школ и отдельных ученых, но и идеологические установки, выходящие далеко за пределы «чистой науки». В силу обстоятельств глубоко историческая проблема приобрела характер спора «норманистов» и «антинорманистов», а в наиболее общем виде — выяснения того, способен или нет русский народ к самостоятельному историческому развитию. Понятно, что такая идейная «нагрузка» отнюдь не способствует объективному подходу к решению данной проблемы.

Одним из нарушений принципа объективности является избирательный подход, при котором из массы материала отбирается лишь то, что подтверждает данную точку зрения. Именно по этой причине в научной литературе изолированно рассматриваются различные группы источников, освещающих происхождение слов «Русь» и «руссы». Ведь все эти источники — собственно русские, западноевропейские, византийские, восточные — предлагают свое решение проблемы. В последнее время наметилось формирование комплексного подхода к теме¹, однако и здесь проявляется изначальная заданность идейных установок. Между тем, решение данной проблемы возможно лишь при условии выделения в ней нескольких частных вопросов. Среди них:

а) вопрос о начале бытования этнонима «руссы», о его возможном генезисе и связи со схожими этнонимами (руги, рутены, роксоланы, росомоны и др.);

б) вопрос о взаимодействии понятий

«руссы» и «Русь», о времени их разделения или перехода от одного к другому;

в) вопрос о соотношении терминов «руссы» и «варяги», об их раздельном или одновременном существовании на определенной территории.

Решение этих вопросов даст возможность внести ясность если не в проблему происхождения названных понятий, то в мотивы различных сил, по-своему эту проблему решающих.

Русы на арене истории

Каждое из враждующих научных и околонаучных направлений имеет свой взгляд на возникновение этнонима «руссы» или «русь». В этой связи не прекращаются попытки найти его связь с самыми разными словами из всевозможных языков с целью возвести его к определенной культурно-исторической общности. Не считая откровенных спекуляций, все существующие взгляды на этот счет можно свести к четырем концепциям.

Первая из них связывала происхождение этнонима с алано-сарматскими племенами Причерноморья и Подонья. В доказательство приводились как тесные связи древних славян с этими племенами, так и иранский корень «рухс» (светлый, благородный) в сарматских этнонимах. Данная концепция развивалась с XVI в., однако в последнем столетии ее обычно третируют как «ненаучную».

Вторая по времени возникновения концепция основывается на известном сообщении «Повести временных лет» о «варягах», которые называют себя «русью» («сице бо ся зваху тьи варязи русь»)². На основании этого и подобных свидетельств историки-норманисты, начиная с Г.Байера, отождеств-

вляют русь с неким скандинавским племенем или социальной группой и приписывают скандинавам заслугу создания государства на Руси. Сегодня эта теория разделяется большинством отечественных ученых.

Третья концепция пытается связать этноним «русь» с жителями Балтийского Поморья. Еще в XVI в. такое предположение выдвигал австрийский дипломат С. Герберштейн, а в XVIII в. его сторонником выступал М. В. Ломоносов. В настоящее время эту теорию пропагандируют историки «патриотического» направления. Правда, если прежде летописная «русь» выводилась от балтийских славян, то сейчас ее чаще ассоциируют с дославянскими племенами ругов (ругив).

Как ни странно, позже всего родилась автохтонная концепция, возводящая этноним «русь» к славянской языковой среде — в первую очередь, к названию речки Рось в районе Киева. Эта теория родилась на почве полемики с норманизмом и до 1970-х гг. господствовала в официальной советской науке, несмотря на отсутствие серьезных доказательств. К настоящему времени она практически утратила жизнеспособность.

Теперь посмотрим, что сообщают о происхождении слова «русь» сами источники. Выясняется странное обстоятельство — несмотря на довольно раннее бытование этнонима «русы», по поводу его принадлежности отсутствует ясность даже в древнерусских источниках, не говоря уже о письменной традиции других народов. Та же «Повесть временных лет» дает сразу несколько версий происхождения русов. По первой и основной, речь идет о варягах, живших где-то за морем. Именно к руси отправились славянские посланцы, просить защиты от других варягов неясной этнической принадлежности, которых незадолго до этого «изгнали за море»³. В ПВА приводится список варяжских народов — свен (шведы), урмане (норманны, т. е. норвежцы) и др. — среди которых недостает такого известного народа, как датчане (даны). Напрашивается вывод, что они-то и есть загадочная русь. Однако давно уже высказывалось мнение, что слово «русь» в данном отрывке является вставкой, сде-

ланной во времена правления Владимира Мономаха. Этот князь всячески старался удревить родословную Рюрикoviчей и связать ее с европейскими династиями. Особенно с датской, к которой по матери принадлежала его жена — англосаксонская принцесса Гита.

Тем не менее многие ученые, проявляя необъяснимую доверчивость к одному-единственному летописному свидетельству, продолжают считать русь скандинавским племенем. В доказательство обычно приводятся финское название Швеции Ruotsi и шведское слово gots или gotskarl, что в переводе означает «гребец» и сближается с названием шведской же области Roslagen⁴. Еще приводятся цитаты из Бертинских анналов (839 г.) и «Антаподосиса» Лутупранда Кремонского (960 г.), где говорится о тождестве русов с норманнами. Эти четыре факта приводились основателями норманнской теории еще в XVIII в.; новых с тех пор так и не появилось, что не уменьшает уверенности норманистов в своей правоте.

Нетрудно заметить, что приведенные доказательства довольно сомнительны — прежде всего потому, что в самих скандинавских источниках никакие «ротсы» или «росы» не упоминаются. К тому же эти слова вместе с самим шведским языком возникли позже, чем финское Ruotsi, которое может переводиться просто как «страна скал». Не раз отмечалось также, что формы «рус» и «рос» в древнерусском языке не могут переходить друг в друга. По всей видимости, первичной является форма «рус», зафиксированная как в русской традиции, так и в большинстве западных и восточных источников. Форма «рос» встречается лишь в двух явно искусственных вариантах — созданном византийскими эрудитами на библейской основе и сконструированном учеными норманистами.

В европейской письменной традиции русов долгое время путали с другими народами, прежде всего с роксоланами — сарматским племенем, проживавшим в поздней античности в Приднестровье. В IX в. в англосаксонском переводе «Истории» Павла Орозия в низовьях Дона упоминается народ Rochouasko⁵ — то ли русы, то ли те же рок-

соланы. В XII в. английские хронисты пишут о Руси как о «королевстве догов, которое мы предпочитаем называть Руссией»⁶. Тогда же французский трувер Бенуа де Сент-Мор помещает «остров Русь» между Истром (Дунаем) и страной аланов. Еще более легендарный характер имеют упоминания о битве римского императора Феодосия I с «русскими вой» в Степенной книге XVI в. или о «русских графах» во французских эпических поэмах XII в., относящихся к событиям VIII в.⁷

Когда же этноним «русь» впервые начал упоминаться в источниках? Иногда считается, что это случилось еще в VI в., когда в сирийской хронике Псевдо-Захарии был упомянут народ великанов Rhos. Рядом с них на страницах хроники говорится о кентаврах, амазонках и прочих мифических существах. Скорее всего, здесь имеется в виду известный из Библии «князь Рош» — правитель пресловутых народов Гог и Магог, имя которого представляет собой искаженное еврейское «наси-рош» (верховный князь). Нашествия этого Роша с трепетом ждали в тогдашней Европе, поэтому события начала IX в. были приняты за исполнение библейских пророчеств. В это время на Византию начали нападать с моря некие росы или русы — многочисленный и свирепый языческий народ. Первое упоминание о нем содержится в «Житии Георгия Амастридского», относящемся к событиям около 810 г. А «Гомилии» патриарха Фотия упоминают как о нашествии русов на Константинополь в 860 г., так и о состоявшемся шесть лет спустя их крещении.

Тогда же о русах начали писать арабские и персидские авторы. Обзор их данных дается в недавно вышедшей работе Е.С.Галкиной⁸; здесь достаточно сказать, что самые ранние сведения об этом народе приводятся в сочинении Ибн Русте, написанном в X в., но восходящем к источникам начала IX в. Там говорится, что русы живут на болотистом острове, занимаются торговлей и похищают рабов у соседних славян. Управляет ими царь с титулом «хакан-и-рус». В составленном чуть позже анонимном сочинении «Пределы мира» русы помещаются между Доном и Днепром. Там же

впервые говорится о трех городах русов — Куябе, Славе и Арте (Уртабе), которое впоследствии пытались интерпретировать многие ученые. Эти свидетельства известны с XIX в. но их упорно игнорируют как те, кто доказывает славянское происхождение русов, так и те, кто пытается отождествить их со скандинавами.

Руссии большие и малые

Описанные восточными авторами русы жили в Придонье по соседству с землями асов — предков нынешних осетин. Некоторые источники отмечают родство русов и асов. Раскопки в этом районе открыли высокую материальную культуру, которая вполне могла соответствовать описаниям Русского каганата... если бы ее давно и прочно не отождествили с «государственной культурой» Хазарского каганата. Тем не менее уже не раз отмечалось, что эта культура (салтово-маяцкая) имеет несколько вариантов, принадлежащих разным народам. Один из этих вариантов можно приписать донским русам, которые между VII и IX вв. господствовали в междуречье Днепра и Дона. Их имя традиционно производится от слова «рухс-ас», означающего «благородную» часть асов (по аналогии с аланами и роксоланами).

Археологи, в частности В.В.Седов, не раз отмечали иранское происхождение названий южнорусских племен — северян, уличей, тиверцев⁹. А племя полян, по их мнению, вообще имеет иранское происхождение, что объясняет его отмеченные ПВА отличия от соседних племен — например, характерная для иранцев малая семья вместо большой славянской. Вероятно, во время Великого переселения народов расселившиеся в лесостепной зоне Восточной Европе славяне ассимилировали местные иранские племена или, напротив, были подчинены их правящей верхушкой. Так называемый «Баварский географ» IX в. называет в Восточной Европе собственно русов (Ruzzi) и множество племен с «русскими» названиями — себбирорсы, атторорсы, хосирорсы и др.¹⁰ Под контролем русов находился торговый путь по Днепру, на котором вырос и расцвел Киев.

Русы были достаточно сильны, чтобы долгие годы противостоять такому мощному противнику, как Хазарский каганат. Вероятно, в условиях этого противостояния правитель русов в начале IX в. принял титул «хакан-и-рус». Только после нашествия венгров в 830-е гг. хазары смогли нанести ослабевшему сопернику смертельный удар. Именно к этому времени относится сообщение Бертинских анналов о послах «хакана русов», которые просили византийского императора помочь им вернуться домой, поскольку путь, по которому они прибыли, оказался захвачен «варварскими и исключительно свирепыми народами»¹¹. Это свидетельство подтверждается данными раскопок — в короткий срок каменные городища на правом берегу Дона оказались сожжены и заброшены¹².

Как ни странно, именно после разгрома Русского каганата, в ПВЛ появляется запись «нача ся прозывати Руска земля» (под 852 годом)¹³. Это связано с уже упомянутым походом русов на Константинополь, который, возможно, был предпринят в отместку за помощь византийцев хазарам. К тому времени русы Киевской земли в значительной мере ассимилировались славянами, а само слово начало обозначать правящую прослойку полиэтничного племенного союза. По сообщениям арабских авторов, им в 860-е годы правил князь Дир. Однако для превращения этого союза в государство был необходим внешний толчок, который совершился после прихода в Киев варягов во главе с Олегом (кем бы эти варяги ни были). ПВЛ пишет: «И седе Олегъ княжа в Киеве... и беша у него варязи и словене и прочи, прозвашася русью»¹⁴. Это может означать наличие в дружине Олега каких-то «прочих» русов, но скорее то, что понятие «русь» к тому времени имело не этнический, а социальный смысл. Процесс ассимиляции шел удивительно быстро — уже в 922 г. встреченные Ибн Фадланом на Волге русы были явными славянами.

Вероятно, часть опытных в военном деле русов отправилась в европейские страны, где служила в качестве наемников. С начала X в. византийские источники упоминают росов в составе императорской гвардии —

например, в хронике Продолжателя Феофана под 961 г. упоминаются воины-росы наряду со славянами и армянами¹⁵. Другая часть обосновалась на болотистом Таманском полуострове, который, как убедительно доказано Е.С. Галкиной, и был «островом русов» восточных авторов¹⁶. Оттуда они в течение всего X в. совершали набеги на кавказские города. Согласно письму некоего хазарского еврея, одним из их лидеров был Хлгу (Халегу), убитый в 922 г. в Персии¹⁷. Возможна его связь с Олегом, скандинавское происхождение которого тем самым ставится под сомнение. Во всяком случае, имя Олег находит соответствие не только в общепринятом скандинавском Хельги, но и в иранской форме «Халег» — «великий».

Возможно, что часть русов осела в различных районах Европы, дав свое имя населенным пунктам или целым областям. Историки находят в различных уголках континента более десятка областей с корнем «рус/рос» в названии. Прежде всего на родство с русами претендуют руги — народ германского или кельто-иллирийского происхождения, впервые упомянутый в «Германии» Тацита. В период Великого переселения народов руги основали в Паннонии свое королевство, король которого Одоакр в 476 г. захватил Италию. Какая-то часть ругов оказалась в Австрии, где еще в X в. существовала область Ругиланд. Та же область называлась Ruzaramarcha (Русская марка), что дает основание считать этнонимы «руги» и «русы» родственными. Однако известные данные источников о ругах и германские имена их вождей не позволяют сблизить их со славянами. Некоторые ученые считают Ругиланд на Дунае остатком «дунайской прародины» славян, но, как уже было сказано, этноним «русы» начал ассоциироваться со славянами довольно поздно.

Другой народ с корнем «рус» в названии — небольшое кельтское племя рутенов (Rutheni), населявшее предгорья Пиренеев во времена Цезаря. Его имя может читаться как «русины», а рутенами еще сравнительно недавно называли жителей Прикарпатья, где когда-то находились кельтские поселения. Это дало простор для предположений некоторых ученых, что остатки руте-

нов (или ругов) могли закрепиться где-то в Восточной Европе и дать начало русам. Никаких оснований такие предположения не имеют, хотя теория о родстве этих народов имела хождение еще в XII в.¹⁸ Сравнительно недавно ее попытался реанимировать О.Прицак, выдвинувший версию о создании Древнерусского государства группой еврейских купцов из придунайской Русской марки¹⁹, основанной потомками кельтов-рутенев. Хотя сама теория совершенно фантастична, вывод о родстве этнонимов «русы», «рути» и «рутены» представляет определенный интерес.

Многие историки пытались искать русов на южном побережье Балтийского моря, в особенности на острове Рюна (нынешний Рюген). По мнению А.Г.Кузьмина и его сторонников, именно там располагался «остров русов», а сам этноним восходит к имени тех же ругов, которые до прихода в Паннонию какое-то время обитали на Балтике²⁰. Впрочем, некоторые топонимы связываются с Русью без особых на то оснований. Например, княжество Рейсс (Reuss) получило свое название от прозвища его основателя Генриха I Русского (XIII в.), полученного за подвиги в войне с русскими²¹. Б.А.Рыбаков приводил сведения о «Руси» в устье Дуная, где еще в XIV в. русские митрополиты претендовали на некие «исконные земли». Область Русика входила в состав Вандальского королевства в Северной Африке. Наконец, в Сирии крестоносцами был основан город, получивший — быть может, по случайному созвучию — имя *Rossia* или *Rossa*.

Еще один кандидат в родственники русов — загадочный род или народ росомонов, упомянутый в «Гетике» Иордана в связи с событиями V в. В настоящее время его название убедительно истолковано из норм осетинского языка как «русские (или «благородные») мужи». Иранские корни имеют и имена вождей росомонов — Сар и Амний. Другие «русские» названия на карте Европы представляют собой искаженные имена тех же русов, ругов и рутенов или же фантазии лжеисториков, которые умудряются связать с русами даже самоназвание этрусков — *расена* (само имя

этрусков при этом объясняется как «это русские»). Чтобы избежать противоречий, некоторые ученые выдвигают теорию об одновременном существовании двух или нескольких «Руссий».

Анализ существующих источников позволяет датировать начало упоминания этнонима «русь» IX в. В то время народы, носящие имена ругов, рутенов, роксоланов, давно исчезли, поэтому возведение к ним указанного этнонима носит чисто гипотетический характер. Практически все источники отвергают первоначальное тождество руси как со славянами, так и со скандинавами. Отождествление руси с варягами встречается лишь в ПВЛ и ряде византийских источников. В то же время большинство ранних упоминаний руси локализуется в Азово-Черноморском регионе, что позволяет соотносить этноним с правящим слоем так называемого «Русского каганата». После распада каганата часть этого слоя вошла в состав элиты Древнерусского государства наряду со славянскими, скандинавскими и угро-финскими элементами. Уже в X в. все эти элементы активно славянизировались, хотя и зарубежных источниках память о различиях между русами и славянами сохранялась еще долго.

От русов к Русь

В каждой из изолированных историко-географических традиций можно проследить этап, на котором этноним «русь» переходит в хороним «Русь». В совокупности этот этап охватывает период X—XII вв. Именно в этом временном промежутке Киевское государство распространило свою власть на всю территорию Древней Руси и получило широкую известность среди соседей. Параллельно происходил и другой процесс — распространение названия «русь» на все славянское (и не только славянское) население Восточно-Европейской равнины.

Следует отметить, что в европейских источниках слово Русь появилось довольно поздно. По нормам средневековой учености на территории Восточной Европы долгое время помещались народы, жившие там в античное время. Еще в XIII в. на географических картах можно было увидеть такие

племена, как скифы, гиперборей, аримаспы и т. д.²² Соответственно территория Руси именовалась Скифией или Сарматией. Те ученые, которые знали название «Русь», сблизжали его с известными из античности именами «Ругия» и «Рутения». Именно так в средневековых трудах назывались отдельные русские области, что наложило отпечаток и на первые теории происхождения Руси. Византийские историки также называли русских скифами и даже приписывали им скифские обычаи. Что касается скандинавов, то они также почти не употребляли слов «Русь» и «руссы», называя нашу страну Gardariki или Gardar, что переводится как «страна городов». Действительно, в период появления слова (IX в.) Русь была значительно богаче Скандинавии, и там имелось множество крупных огороженных селений — по тогдашней терминологии «городов».

Тем не менее уже в X в. название Russia в разных формах появляется в европейских источниках. У немецких авторов это название выглядит как Ruzzi, Rusci, Ruszi, Ruhhia и др.²³ Адам Бременский (XI в.), приводя название в первой форме, говорит о существовании двух Русий — в Киеве и на юго-восточном побережье Балтики. Иногда страну называли Rusia или Ruscia, в то время как за ее жителями сохранялось название *tuteni*. Это характерно, в частности, для «Деяний данов» Саксона Грамматика (XII в.), где описываются войны легендарных королей данов с русами (рутенами) начиная с V в. События этих войн явно вымышлены, как и скандинавские имена и обычаи русов. Тем не менее, отдельные сведения Саксона могут представлять интерес. Он, в частности, называет «областью рутенов» Западную Эстонию (область Ротала) с городами Ротала и Палдиски. В этой области еще в XIII в. источники знают каких-то «руссов» явно неславянского происхождения. Кстати, Саксон повсеместно отделяет русов от славян (*Sclavos*). Он также сообщает о совместной войне русов и данов против гуннов, после которой датский король Фроди отдал русскому королю Олмару в удел Хольмгард (Новгород)²⁴. В XIII в. название Rusia вместо прежнего Gardariki появляется в скандинавских источниках, в част-

ности на исландской карте, где Киев показан как один из крупнейших городов Европы наряду с Константинополем и Римом²⁵.

В самой Руси довольно поздно была воспринята античная традиция названий государств в форме существительных. Обычно страны именовались по имени их народов — Польская земля, Немецкая земля или еще проще — «поляжи», «немци» и т. д. Аналогично Русь, как повсюду в ПВЛ, называлась «Руской землей». Форма «Русь» зафиксирована с XIV в., а веком позже под латинским влиянием появилась другая форма — «Русия». К тому времени в греческой литературе утвердилась форма «Россия» (*Rossia*), которая постепенно проникла на Русь. Ее первое появление М.Н.Тихомиров относит к концу XV в.²⁶, а М.Фасмер — к 1517 г.²⁷ Господствующим это название страны сделалось лишь в период петровских реформ. В европейских языках в основном сохранилось более древнее название Russia. Следует признать, что оно ближе к исконной форме, чем греческое *Rossia*, возникшее из аллюзий с библейским «князем Рош».

Начало употребления слова «Русь» в русских источниках восходит к эпохе формирования Древнерусского государства. По всей видимости, это название присутствовало не только в ПВЛ, но и в ее протографах, созданных в конце X в. Уже в этот период название «Русь» однозначно относилось к Киевскому княжеству и подчиненным ему славянским землям. В зарубежных источниках такого единодушия не наблюдается — название «Русия» применяется и к Руси, и к отдельным ее частям, и к австрийскому Ругланду, и к эстонской Ротале. Однако все эти упоминания для времени X—XII вв. приходится считать анахронизмом. Широко известной в то время была лишь одна Русь (Ругия, Руссия и т. д.) — Киевская. Какие бы этнические элементы ни участвовали в формировании русской государственности, к XII в. они уже с трудом различались в составе единой народности.

Кто такие варяги?

Происхождение и смысл термина «варяги» вызывало в науке гораздо меньше споров, чем происхождение этнонима «руссы».

Утвердилось мнение, что варяги — это участники скандинавских отрядов, действовавших в странах Восточной Европы в качестве самостоятельной военной силы или наемников на службе разных государей. Грубо говоря, варяги на Востоке — то же, что викинги на Западе. Таким образом, два этих понятия должны быть взаимозаменяемы как в источниках своего времени, так и в современной исторической литературе.

Необходимо подчеркнуть, что древнейшие русские исторические источники относятся к эпохе, когда скандинавы уже переставали играть активную роль в делах Руси. Долше всего они сохраняли влияние в Новгороде, тесно связанном торговыми отношениями со странами Северной Европы. Не случайно именно в Новгородско-Псковской земле сконцентрировано до 80% «варяжских» топонимов и большинство фольклорного материала, связанного с варягами. Вплоть до XVII в. варягами (фрягами) на Руси называли иноземцев. Но не всех, как порой говорится в литературе, а прежде всего выходцев из латинских стран — Франции и Италии. В этой связи можно вспомнить известного итальянского архитектора Алевиза Фрязина и «фряжские» (итальянские) вина. Для жителей других стран имелись свои, особые названия.

Чтобы проследить истоки такой путаницы, обратимся к древнейшим упоминаниям варягов в ПВЛ. Варяги причисляются к потомкам Иафета наряду с другими европейскими народами. Рядом с ними упоминаются свей, урмане (то же что «мурмане»), готе (ёты или южные шведы), русь, агняне (англичане) и др.²⁸ В другом месте летописи говорится, что варяги делятся на несколько народов: русь, свей, урмане, англяне, готе. Казалось бы, вывод ясен: варяги — это скандинавы, а англичане попали в этот список из-за их тесных контактов с северными завоевателями. В историографии варяги давно вписаны в общеевропейскую схему завоевательных походов викингов. Смущает лишь то, что на Руси от этих завоевателей не осталось почти никаких следов. На огромных погребальных комплексах Ладоги, Гнездова, Тимерева скандинавам принадлежит ничтожный процент за-

хоронений. Основывая на покоренных землях города, варяги Рюриковичи почему-то дают им славянские названия и вводят не скандинавские, а славянские законы.

Но что говорит о варягах скандинавская литературно-историческая традиция? Оказывается, почти ничего. Участники заморских походов не назывались этим именем — они были известны как викинги. Ученые-норманисты выводят слово «варяг» из древнего шведского *vaŕingr*, что, в свою очередь, производится от слова *var*, родственного русскому «верность». Считается, что «верингами» именовались члены военного отряда, давшие друг другу клятву верности²⁹. Однако само это слово встречается в скандинавских источниках крайне редко. В Скандинавии известен лишь один топоним, имеющий отношение к варягам — Варангер-фьорд в Норвегии, причем его название появилось лишь в XII в. Зато на территории России таких топонимов более 20. В русских диалектах слова «варяг», «варяжа» встречаются в таких разных значениях как «торговец», «пришелец», «продоха», а также «крепкий, сильный человек».

В Византии варягами (*varangoi*) называли наемную стражу императора. Впервые это слово встречается у Иоанна Кедрина в рассказе о событиях 1034 г. По-видимому, варяжская гвардия имела у императора и раньше — арабские авторы X в. говорят о ней, используя слово *varank*. В обоих словах ударение падает на второй слог, как и в русском «варяг», в то время, как в скандинавском *vaŕingr* оно должно приходиться на первый. Этот факт вызывает сомнения в приводимой норманистами этимологии. Как бы то ни было, византийские варанги, несомненно, были скандинавами — об этом говорят как данные эпиграфики, так и многочисленные свидетельства саг, герои которых служили в Миклагарде (Византии). Наряду с варангами, в составе гвардии в XI в. имелся и корпус росов — явно выходцев из Киевской Руси, в отличие от «росов» Продолжателя Феофана, о которых говорилось выше.

В византийской гвардии было и еще одно соединение, участников которого называли *koulingoi*. Они идентичны древнерусским

колябгам (кълбгь), которые несколько раз упоминаются рядом с варягами в «Русской Правде» XI в. С колябгами связываются такие русские топонимы как Колбежичи, Колпино, новгородский погост Климецкой в Колбегах (бассейн реки Сясь) и др.³⁰ В скандинавских источниках колябги называются килфингами, а слово это производится от *kylla* (дубника). В исландском географическом памятнике XII в. «землей кильфингов» (*terra kylingorum*) названа Русь или Гардарики³¹. Вероятно, речь идет о представителях финно-угорских племен Северной Руси, которые в X—XI вв. служили в дружинах русских князей и в византийской гвардии. Вероятно, «дубинчиками» они именуются по простому созвучию со скандинавским словом; более вероятна связь этнонима с финским *Kalev* — именем легендарного родоначальника финских племен, означавшим также «смелый, буйный»³².

В одном из дополнений к «Русской Правде» колябги называются язычниками. Напротив, о язычестве варягов не говорится ни в русских, ни и в византийских источниках. Их явно считали христианами, хотя христианизация Скандинавии в XI в. далеко не завершилась. Первым скандинавом, отправившимся служить в Миклагард, саги называют Болле Боллесона, жившего в начале XI в. Но кем же тогда были те варяги, о которых арабские писатели упоминали полувеком ранее? Русские анти-норманисты давно уже выдвинули версию, согласно которой варяги — это племена варнов, вагров или варинов, жившие в нынешнем Гольштейне с античных времен. Их этническая принадлежность могла быть германской, кельтской либо иллирийской, однако к VIII в. они были славянизированы, а впоследствии ассимилированы немцами. Именно этим варягам такие историки, как С.А.Геденов, приписывали честь основания династии Рюриковичей. В этой связи имя Рюрик выводилось ими от столицы племенного союза бодричей — града Рерик, или от сокола-рарога — якобы тощей птицы тех же бодричей.

Археологи давно признали, что балтийские славяне сыграли значительную роль в заселении Новгородской Руси и формиро-

вании древнерусской народности. Вполне вероятно, что в начале IX в. под натиском франков часть славянских племен откочевала на север, где основала Новгород. Во всяком случае, старейшина Гостомысл, сыгравший главную роль в призвании варягов, вполне может оказаться одноименным бодричским князем, лишенным власти завоевателями-франками в 844 г. В этой связи приобретают новое звучание сведения обьявленной подделкой Иоакимовской летописи о династии словенских князей, носящих такие характерные для балтийских славян имена, как Гостомысл, Буриной, Вандал (от имени вендов-вандалов).

Однако ни в одном источнике балтийские славяне не называются варягами — как, кстати, и русью. Это не позволяет отнести к ним сообщение ПВЛ о призвании варягов. Подавляющее большинство известных нам имен варягов даже отдаленно не напоминают славянские. К тому же ни в одном источнике не говорится о том, что балтийские славяне составляли гвардию византийского императора. Скорее всего, варягами они не были. Но были ли ими скандинавы? Для ответа на этот вопрос нужно выяснить, кого прежде предпочитали набирать в гвардию. В VIII в. это были горцы-исавры, до середины IX в. — армяне. Позже им на смену пришли русы, славяне и франки, то есть выходцы из Западной Европы. До этого в Византии уже знали франков (*frangoi*), но изменение норм языка за сотни лет вполне могло превратить это слово в *vařangoi*. Возможно, это слово пришло к византийцам через посредство авар или южных славян, которые раньше познакомились с европейцами-франками.

Гипотезу о связи слов «варяг/варанг» и «франк» впервые озвучил акад. А.А.Шахматов³³, а чуть позже поддержал известный историк А.Е.Пресняков. Большинство ученых поторопились отвергнуть эту теорию, исходя из того, что на Руси имя варягов стало известно раньше, чем в Византии — еще в IX в. Однако об этом известно лишь из записанного гораздо позже сообщения ПВЛ. Никто не знает, как называли скандинавов в момент их появления в Новгородской земле. Не исключено, что местные

славяне, бежавшие из Прибалтики, по аналогии прозвали пришельцев «франками». Впрочем, это всего лишь версия. Несомненно другое — важную роль при киевском дворе играли именно те варяги, которые осуществляли торговлю по знаменитому пути «из варяг в греки» и были тесно связаны с Константинополем. Вполне естественно, что они были христианами. Довольно быстро варяги на Руси смешались с местным населением — в южнорусских летописях они перестают упоминаться уже в 30-е гг. XII в., в новгородских — в начале XIII в. В Константинополе корпус варангов существовал вплоть до завоевания города в 1204 г. новыми «франками» — крестоносцами. Впрочем, к этому времени скандинавов в составе корпуса почти не осталось.

Таким образом, бытование этнонима «варяги» в источниках ограничено времен-

ными рамками X — начале XIII вв. Этническое содержание термина по-прежнему неясно, поскольку все попытки вывести его как из скандинавского *vāringr*, так и из слов других языков не находят надежной опоры в источниках. Вероятно, варяги как наемные отряды на службе русских князей и византийских императоров изначально отличались пестрым этническим составом. Понятие «варяги», как и «русы», в большинстве источников раннего периода носит скорее социальный, чем этнический характер. Но этим сходство ограничивается — знак равенства между русами и варягами, кроме ПВА, ставят лишь некоторые византийские источники. Дальнейшая судьба обоих этнонимов оказалась различной — русы дали свое имя огромному государству, а варяги на рубеже XII и XIII вв. окончательно исчезли со страниц истории.

Примечания:

- 1 В частности, в изданиях: Славяне и Русь: Проблемы и идеи. — М., 1998; Древняя Русь в свете зарубежных источников. — М., 1999.
- 2 Повесть временных лет / Подг. текста, пер. и комм. Д.С.Лихачева. — СПб., 1996. С. 13 (далее ссылки на ПВА по этому изданию).
- 3 ПВА. С. 13.
- 4 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (ЭС). Т. 3. — М., 1986. С. 522.
- 5 Матузова В.И. Английские средневековые источники. — М., 1979. С. 19.
- 6 Там же. С. 58.
- 7 Имеются в виду «Песнь о Роланде» и «Песнь об Ожье Датчанине». См.: Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. — М., 2002. С. 40.
- 8 Галкина Е.С. Указ. соч.
- 9 Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. — М., 1979. С. 67.
- 10 Наваренко А.В. Немецкие латиноязычные источники. — М., 1993. С. 14.
- 11 Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 289.
- 12 Галкина Е.С. Указ. соч. С. 351.
- 13 ПВА. С. 12.
- 14 ПВА. С. 14.
- 15 Продолжатель Феофана / Пер. Я.Н.Любарского. — М. 1992. С. 198.
- 16 Галкина Е.С. Указ. соч. С. 108 и далее.
- 17 Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М. 1990. С. 216.
- 18 Матузова В.И. Указ. соч. С. 65—67.
- 19 Pritsak O. The Origin of the Name rus/rus' // Turco-Tatar Past. Soviet Present. — P., 1986. P. 45—65.
- 20 Кузьмин А.Г. Варяги и Русь на Балтике // «Вопросы истории», 1970, №10. С. 28—55.
- 21 Семенов И.С. Христианские династии Европы. — М., 2002.
- 22 Чекин Л.С. Картография европейского средневековья. — М., 1999. С. 125.
- 23 Наваренко А.В. Об имени «Русь» в немецких источниках // «Вопросы языкознания», 1980, № 5. С. 44.
- 24 Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. — Copenhagen, 1931. P. 126.
- 25 Чекин Л.С. Картография европейского средневековья. — М., 1999. С. 66.
- 26 Тихомиров М.Н. О происхождении названия «Россия» // ВИ, 1953. №11. С. 94.
- 27 Фасмер М. ЭС. Т. 3. С. 505.
- 28 ПВА. С. 8.
- 29 См. напр.: Фасмер М. ЭС. Т. 1. С. 276.
- 30 Фасмер М. ЭС. Т. 2. С. 287.
- 31 Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais. Т. II. — Copenhagen, 1852. P. 401.
- 32 Фасмер М. ЭС. Т. 2. С. 287.
- 33 Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Известия Отделения русского языка и словесности АН. — Слб., 1904. Т. 9. Кн. 4. С. 347 и далее.

Л.Грот

Мифические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории*

Князя Рюрик, Трувор, Синеус. Потом — Олег, Ольга, Игорь. Эти имена связываются с началом истории Руси и вот уже более 200 лет выводятся из Скандинавии, в частности, из Швеции, откуда их носители в 862 г. (по большинству данных) прибыли в пределы Новгорода и отсюда основали Русь как государство. Многообразные концепции и взгляды на эти личности и связанные с ними события сформировались в два направления, которые получили наименования «норманизма» и «антинорманизма».

Норманистами и антинорманистами было привлечено и введено в научный оборот множество источников и разнообразных материалов. Но, по-моему, никому до сих пор не приходило в голову тщательно «пропустить» версии норманизма-антинорманизма через конкретный материал самой истории Скандинавских стран. Допустим,

взять Рюрика, Олега, Игоря, поместить их в историческую обстановку, скажем, Швеции IX в. (приняв, как пример, версию их шведского происхождения) используя для этого материалы шведских ученых. Взглянуть на панораму событий, так сказать, со шведского берега. Такая попытка и будет предпринята в данной статье. Забегая вперед, могу сказать, что есть все основания предполагать, что реальная историческая жизнь наших предков в те стародавние времена и развивалась в рамках единой культурно-исторической ойкумены, жители которой старались бережно собирать фактические данные о своих соседях, в отличие от нынешних просвещенных дней, когда предвзятости часто подменяют реальные знания.

Учитывая масштабность проблемы, сфокусирую ее в данном докладе только на аспекте имен, который, в сущности, является краеугольным камнем всей истории.

* Скромная по объему статья шведского ученого Л.Грота имеет исключительно важное значение для понимания сути современного норманизма. По выражению А.Г.Кузьмина (см. его «Два вида русов в юго-восточной Прибалтике» в наст. сб.), он «буквально утопил наших норманистов в холодных водах Балтики». Эти слова содержат глубокий смысл, ибо Грот убедительно показал несостоятельность одного из самых распространенных утверждений норманизма, что имена первых русских князей якобы являются шведскими. В ходе непродвинутого анализа ученый пришел к выводу, что появившееся в Швеции в XII в. имя «Helg» и русское имя «Олег» IX в. «никакой связи между собой не имеют». Он также подчеркнул, что шведские исследователи не считают имя «Рю-

рик» шведским и оно не встречается в шведских именословах. Так Грот, швед по национальности и норманист по убеждениям, а эти обстоятельства, несомненно, придают особую силу его словам, продемонстрировал российским норманистам, все еще продолжающим жить ложными стереотипами «осмнадцатого» века, пример объективности и высокого служения науке, когда предубеждения и личные пристрастия отступают перед Истиной.

Публикуется по: Грот Л. Мифические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. — Киров, 1997. С. 152—160. — *Ред.*

Большинство ученых сходится во мнении, что Рюрик, Олег, Игорь, Ольга — имена скандинавские. Это стало настолько общим местом, что мне нет необходимости давать ссылку на литературу.

Попробую проанализировать с помощью предложенного выше метода имя (личность) князя Олега Вещего. Поясно, что начиная с Олега, а не с Рюрика, как бы следовало в порядке старшинства и очередности, потому, что для имени «Рюрик» не имеется никаких ономастических исследований в Швеции, также не встречается имя «Рюрик» и в шведских именованных. Поэтому оставляем Рюрика и идем к Олегу. Здесь более широкое поле для деятельности. Решительно все пишущие по теме знают, что Олег — это скандинавское имя, производное от шведского Хельге (Helge)¹. В большинстве работ дается и перевод имени со шведского на русский. Что касается перевода, то здесь версии авторов не совпадают. Авторы российские, как правило, шведским языком не владеющие, дают два варианта перевода: Олег, Ольга — Хель сын, Хельга («святой», «светлый», «святая», «светлая»)². У всех шведских же авторов имеется только один вариант толкования имени Helge — Helga, а именно как производное от слова «helig» — «святой». Есть предположение, что в дохристианские времена слово «helig» могло означать «счастливый» (древнее слово heil — «счастье») по имени собственного с аналогичной смысловой нагрузкой не образовывалось³. Итак, при первом же беглом сличении шведского и русского материала мы сразу должны признать, что в работы российских авторов вкралась ошибка, а именно, попытка переводить шведские имена «Helgi — Helga» как «светлый — светлая», что совершенно неправильно.

К слову сказать, в шведской ономастике есть имя собственное, имеющее смысловую связь с эпитетом «светлая». Это — имя Люсия (Lucia) от латинского «lux» и шведского «ljuis», т.е. «свет». Но, как очевидно, это очень далеко от того, что нас интересует. Кстати, соответствующего мужского варианта этого имени у шведов нет.

Рассмотрим теперь вариант «Олег — Ольга» и «Helge — Helga» в значении

«святой — святая». В Швеции этот вариант принимается однозначно. В именованных, энциклопедических словарях, исторических пособиях история имени комментируется однотипно: Helge — древне-шведское имя, обозначающее слово «helig» — «святой» в IX в. было заимствовано русскими и превратилось в имя «Олег». Так звали родственника и последователя Рюрика, ставшего великим князем Киевским⁴.

Следует отметить, что шведские именованные, энциклопедические словари, пособия по истории Швеции и пр. составляются, как правило, учеными, не специализирующимися в российской истории и русском языке. Российские же ученые и прежде всего специалисты по проблемам Древней Руси пользуются семантикой «Олег» — «святой» крайне неохотно. Женский вариант «Ольга» — «святая» встречается чаще. И понятно — почему. Ведь каждый, кто хоть немного знаком с историей Руси, знает, что князь Олег в народной исторической традиции получил прозвище «Вещий». Напомню, что «вещий» в славянской семантике это личность, обладающая чудодейственными свойствами: тот, кто магическими чарами и волхованием достигает знаний и премудрости: ведун, т.е. понятие, уходящее совсем уж в непроницаемую глубь времен, к ведическому мифопоэтическому слою, наиболее архаичному в индоевропейском эпосе. По-шведски могло бы быть переведено как «trollkarl», «sejdar», «andeskadare». Иными словами, язычник, безбожник, т.е. нечто антагонистически противоположное понятию «святого» в христианской традиции. Иное дело, Ольга. Она хоть христианство приняла (правда, при крещении имя «Ольга» было отвергнуто, как языческое, и княгиня получила имя «Елена»). Но тут уж надо придерживаться какой-то четкой линии. Если Олег и Ольга суть производные одного шведского имени, то и семантическое содержание у них должно быть одно.

Итак, опять мы видим, что при наложении шведского и русского материала друг на друга образуется явное несоответствие.

Но пойдем дальше. Понятие «святой» в общеевропейской традиции неразрывно

связано с распространением христианства. Святые — персонажи христианской литературы и культа, постепенно усваиваемые и устной народной традицией. Распространение христианства в Швеции относится к концу XI — началу XII вв. Только тогда и могло появиться у шведов имя «Helge», никак не раньше. Ведь создание имен собственных в обществе не происходит произвольно, хаотично, ни с того ни с сего, на манер сверзившегося на голову камня. Чтобы какое-нибудь имя утвердилось в народном сознании, необходимы определенные культурно-исторические условия, необходима потребность в нем. В скандинавских письменных источниках слово «helge» в качестве имени собственного как в женской, так и в мужской формах впервые встречается в погитическом своде исландских саг «Eddan», написанном в первой половине XIII в.

Князь Олег, как общеизвестно, жил и действовал в IX — начале X в. Причем распространение имени «Олег» не ограничивалось только древнерусским обществом, но встречается и у западных славян (сравни чешск. Олек, Олька), и в родовом имени литовских князей Ольгердовичей и пр.

Итак, в результате наших рассуждений составляется следующая картина. Шведское имя «Helge», означающее «святой» и появившееся в Швеции в ходе распространения христианства в XII в., было заимствовано на Руси в IX в. и превратилось там в свою антагонистическую противоположность, т. е. «прорицателя-ведуна» или «волхва». Поскольку данное суждение представляет из себя абсурд, приходится признать, что шведское имя «Helge» и русское имя «Олег» никакой связи между собой не имеют.

Каким же образом могло произойти соединение этих двух имен? Ведь дыма, как известно, без огня не бывает. Полагаю, что понять это можно, рассмотрев место пары синонимов *свет/свят* в древне-славянской лексике.

Персидский арабоязычный автор Ибн-Русте (903 г.), описывая землю Вятичей и используя как свои наблюдения, так и сведения более раннего источника середины

IX в. о предводителе всех вятичей, сообщал следующее: «...Глава их... которого они называют «главою глав», зовется у них «свиет-князь», где славянское «ъ» точно передано дифтонгом «ие».

Ближайшим к данному описанию документом, где мы встречаемся с аналогичным древнерусским титулом, является договор Руси с Византией 911 г., который заключен от имени «...великого князя Русьского...» и от имени «светлых князей Русских...».

Следующим по времени источником, который нас интересует, является «Еврейско-хазарская переписка X в.»⁵, датированная 940 г., и в которой «царь Руси» именуется «Хелгу». В этом слове легко угадать древне-германскую «кальку» (можно предположить, что в южных пределах Восточной Европы на юге Руси древне-германская лексика через остатки готских племен, например, крымских готов, была, очевидно, естественным элементом языкового общения) того же древнерусского «свет-царь», но в измененной форме «свят-царь» (ср. *helagher* — «святой»).

Приведенные документы охватывают период примерно в 100 лет и показывают процесс изменения смысловой нагрузки понятий свет/свят и распространением христианства на Руси.

Свет в народной славянской традиции — воплощение миропорядка, красоты, праведности. С приходом христианства светоносная природа с ее более древней сакральностью переносится на Бога-Отца, Иисуса Христа, ангелов, святых. Одновременно рождается процесс обратного воздействия христианских воззрений на систему древнерусских народных ценностей: святость и светоносность одинаково соотносятся с родной землей: «светлорусская» и «святорусская» земля. Категории сакральности правителя как носителя истинной, т. е. законной, праведной власти также претерпевают изменения: «свет-царь» переходит в «свят-царь», что естественно и логично для носителей древнерусского языка.

Но сразу же хотелось подчеркнуть, что сближение эпитетов светлого/святого характерно именно для древнерусского языка и его культурно-исторической среды. В

германских, в частности, в шведском языке семантика «светлого» и «святого» совершенно другая, как было упомянуто выше.

В IX в. как древнерусские княжества Приазовья и Причерноморья, так и крымские готы были в значительной степени вовлечены в мир христианской учености и лексики. Поэтому вполне естественно, что какой-нибудь ученый гот-переводчик скорее воспринял более христианский вариант из пары эпитетов свет/свят и перевел его термином «хелгу», уже получившим в этой среде значение «святости». Не будет большой натяжкой предположить, что само значение «святой» для слова «helig» пришло в шведский через готские языки, зная что основными проводниками христианства в Скандинавии в XI–XII вв. были германские миссионеры.

У нас нет никаких оснований подозревать, что заимствование эпитетов-титуллов свет/свят шло в обратном порядке (из древне-германских языков), их исконно древнерусское происхождение и раннее и широкое распространение в древнерусской духовной культуре и политической практике, наличие в древне-германской «кальке» только одного из эпитетов как естественная издержка перевода исключают такие предположения.

Тем более нельзя предполагать возможность их пришествия на Русь через скандинавские общества, где понятие «helig» как «святой» появилось не позднее: сначала как эпитет к именам королей и христианских деятелей, например, король Эрик Святой (1150–1160), а постепенно и как имя собственное, что явствует из литературных памятников (см. выше).

Этот экскурс в историю древнерусских политических терминов позволяет прояснить, какие «кирпичики» из здания нашего прошлого могли быть выхвачены, чтобы вымостить несуществующий мост между именем «Олег» и именем «Helge», да еще и уверить себя и других, что имя «Helge», которое лет на 200 моложе имени «Олег», послужило прототипом последнего.

И даже более того, у нас есть основание полагать, что раннее знакомство шведов с древнерусскими именами могло способство-

вать появлению у них такого имени собственного, как «Helge», несущего в себе смысловую нагрузку «святости».

В «Шведском альманахе» («Sueciavetket»), данные которого приводятся в сериях шведского журналиста и публициста Оке Ольмаркса (Ake Ohlmarks) «Все шведские короли» и «Все шведские королевы» приводится надпись с надробия некоей Ингерд из Ревеля, дочери герцога Святополка (1120-е годы). Она была предположительно супругой шведского короля Рагнвальда Кнапхевде (1125–1126). Сведения как о ней самой, так и о «герцоге» Святополке скудны и дошли в искаженном виде (Ревель, например, появился более, чем на 100 лет позднее, на его месте был славяно-вендский город Кольвань). Из известных князей Святополков подходит только один, а именно князь Святополк (умер в 1113 г.) — сын Изяслава, старшего сына Ярослава Мудрого и шведской принцессы Ингерд. Святополк сидел и на княжении в Новгороде и был великим князем Киевским до Владимира Мономаха. О его дочери по имени Ингерд пока не было известно по русским источникам, но само имя давалось многим русским князьям — потомкам Ярослава и Ингерд. Но как бы то ни было, имя князя Святополка заимствовалось шведами в форме «Svantepolk» и в таком виде просуществовало до XVI в. Еще отец знаменитого регента Сванте Стуре (1504–1512) носил имя Свантеполк, сам же регент получил имя уже в укороченном виде и стал зваться «Сванте». Так оно и вошло в шведские именословы, так используется и в наши дни⁷.

В имени «Святополк» мы видим ту же частицу «свят» применительно к именам собственным, а не к эпитетам-титулам. Это — пример того, как с распространением христианства в древнерусском обществе старинные сакральные титулы правителей «застывали» в некоторых династийных княжеских именах, придавая им особое духовное звучание («Святослав», «Святополк») и образовывали новые имена собственные⁸. Далее эти имена входили в сферу обращения и обмена с соседями, становились объектами заимствования. Но процесс заимстество-

ния соседей друг у друга всегда был осмысленным. Соседские контакты всегда имели слишком важное значение, чтобы пускать их развитие самотеком. Партнера изучали, т.е. изучали его язык, понятийный аппарат, систему ценностей. И в примере со «святы» и «хелгу» мы видели это. Существовали переводчики, которые вполне квалифицированно передавали нужную терминологию с одного языка на другой. Традиция перевода могла быть и устной. И у меня нет никаких сомнений в том, что шведская знать, заимствуя имя князя Святополка, прекрасно понимала его смысловое значение. Созвучное христианским эпитетам, оно отвечало ее новым интересам и запросам. Но вторая часть имени так и осталась чужеродной, ничего не говорящей шведскому слуху, поэтому со временем она и отпала.

На основе всех вышеприведенных данных рассуждений представляется возможным сделать вывод, что имя древнерусского князя Олега (женский вариант — Ольга) не имеет ничего общего со скандинавским именем «Helge» («Helga»), а поскольку никакого другого скандинавского прототипа имени в данной связи не предлагалось, то вместе с именем пропадает и все основание считать князя Олега Вещего выходцем из Скандинавии, конкретно из Швеции. Поэтому считаю возможным отнести его к «мифическим шведам» на Севере России и переходу к выходцам из Швеции, реально подтвержденным историческими документами.

В отличие от шведов мифических, реальным шведам повезло гораздо меньше, о них написано очень мало или почти ничего как российскими исследователями, так и шведскими. Однако есть все основания полагать, что между нашими странами уже на ранних этапах европейской истории стали устанавливаться связи в различных жизненных сферах. Более интенсивный и регулярный обмен начинается, по-видимому, с конца X — начала XI вв., т.е. со времени короля Улофа Шётконунга (995—1022) с правлением которого шведские историки связывают начало основания Швеции как государства. Но этот период был предварен длительным интенсивным общением с дру-

гими славянскими народами в бассейне Балтийского моря. В этой части Европы задолго до Р.Х. стала складываться своя собственная ойкумена с тесным общением, пронизанная капиллярами торгового обмена, проросшая корнями семейно-династических связей, спаянным общими политическими расчетами. Предводителями свеев, гётов, данов, норманнов ездили в Винланд (так в скандинавских источниках назывались вендские княжества) за невестами для своих сыновей, невесты из скандинавских королевств становились женами вендских князей.

Так, по некоторым данным, матерью короля Улофа Шётконунга была вендская принцесса, имя которой не сохранилось. Сам король Улоф был дважды женат и оба раза на княжнах из вендских княжеств. Вторая его жена была княжной из ободритского княжества Миклилинбор. В шведских источниках сохранилось ее имя, но в уже онемеченной форме. Эстрид Мекленбургская (Мекленбургом стал называться Миклилинбор после завоевания его во второй половине XII в. герцогом Генрихом Саксонским и заселения германскими и нидерландскими колонистами).

От брака короля Улофа и ободритской княжны Эстрид родилась дочь Ингерд, к которой в свое время посватался сын великого князя Киевского Ярослав, будущий Ярослав Мудрый. Рука принцессы Ингерд была отдана Ярославу в обход настойчивого сватовства к ней норвежского короля Олава Харальдсона. Принцессу Ингерд можно с полной уверенностью считать среди реальных шведов в истории Руси.

Много ли мы о ней знаем? Очень мало. Она переехала в Новгород, где княжил тогда Ярослав, совсем юной девочкой. По скудным данным источников можно предположить, что брак их был счастливым. Долгую жизнь прожили они вместе. Девятерых детей родила Ингерд. Все они связаны либо с историей Руси, либо с историей других европейских государств. Можно предположить, что была великая княгиня женщиной сильной, умной, честолюбивой хранительницей семьи. Уважительную память оставила она по себе, многим княжнам Ярославова колена давали потом имя Ингерд.

Но приходит на ум, что ведь Ингегерд должна была переехать в Новгород со множеством сопровождающих ее лиц: прислуга, охрана, наперсницы, воспитатели, переводчики, писари, советники, короче, целый двор. Как складывалась их жизнь в Новгороде? Вслед за принцессой, наверняка, ехал торговый люд и военный, ремесленники, надеявшиеся получить заказы, искатели приключений. Как обосновывались, обустроивались они в новых для них условиях? Никакого ответа. Вся эта многоликая толпа проскользнула мимо нас бесплотной тенью и растворилась в небытии.

То же самое можно сказать о дворе княгини Новгородской Христины, дочери шведского короля Инге Стенкльссона, вышедшей замуж за князя Мстислава Мономашича, княжившего в Новгороде (ум. 1154 г.). Семья, дети, разлетающиеся потом по разным княжеским и королевским дворам. Имена, за которыми только угадывается живая жизнь. Да, реальные шведы большого интереса исследователей пока не вызывали.

Помимо шведских принцесс, выдаваемых на Руси замуж, в древнерусских городах перебивало немало шведских принцев и других представителей шведских королевских семей, в силу разных причин покинувших родные края. Об одном из таких принцев интересные сведения сообщает уже упоминаемый Оке Ольмаркс. Случилось так, что после изгнания короля Хальстена (1067—1070) вече свеев не могло отыскать себе достойного кандидата в короли и отправило гонца в Гордарике (шведское наз-

вание Руси) просить себе оттуда в короли некоего Анунда (1070—1075). Анунд прибыл в Упсалу и был одобрен народом. Он правил пять лет, после чего разразился конфликт. Анунд был крещен еще в бытность свою на Руси, а свеи хотели себе в короли язычника, т. к. король должен был возглавлять их языческие ритуалы и жертвоприношения. Анунд не желал отступить от христианской веры и в конце концов вынужден был оставить Швецию и вернуться на Русь.

Других сведений о жизни этого Анунда не известно. Шведские источники сохранили нам одно его высказывание, сделанное, по-видимому, перед народным собранием в Упсале, когда он представлял себя: «Матушка моя ни много ни мало была от плоти Шётконунга и Сегерсэльса (отец Улофа Шётконунга. — Л. Г.)»⁹. Но при всей лаконичности источника, эпизод этот интересен тем, что проливает дополнительный свет на традицию приглашения правителя со стороны, как на довольно обыденную традицию в то время. Однако данная тема слишком велика и выходит за рамки этого сообщения.

Подводя итог сказанному, хотелось бы подчеркнуть, что изучение исторических проблем, лежащих на стыке историй двух стран, должно непременно осуществляться на основе сводного материала исторических исследований обеих стран. Только в этом случае можно добиться получения объективной картины исторического процесса, избежать нелепостей, по-настоящему обогатить историографическую и источниковедческую базу исторических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 См.: *Bröndstedt Johannes. Vikingarna hemma och i härad. — Stockholm, 1992; Вернадский Г.В. Древняя Русь. — Тверь. — М., 1996; Carlsson Albert. Stora namnboken. — Stockholm, 1986; Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. — М., 1993; Ottenbjörk Roland. Svenska förnamn. — Stockholm, 1979; Снисаренко А.Б. Рыцари удачи. — СПб., 1991; Славянская мифология. — М., 1995 и др.*
- 2 См.: Снисаренко А.Б. Ук. соч. С. 126.
- 3 См.: Ottenbjörk Roland. Svenska förnamn. — Stockholm, 1979. S. 97.
- 4 См.: *Carlson Albert. Stora namnboken. — Stockholm, 1986. С. 87.*
- 5 *Коковцев Н.К. Еврейско-хазарская переписка X в. — Л., 1933.*
- 6 Цит. по: *Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. — М., 1993. См. разделы «Восточные источники», «Племенной союз вятичей».*
- 7 См.: *Carlson Albert. Op. cit. S. 173.*
- 8 См. об этом: *Горюнков С.В. Незнакомая Древняя Русь. — СПб., 1996.*
- 9 *Ohlmarks Are. Alla svenska kungar. — Stockholm, 1972. S. 24—25.*

М.Д.Каратеев

Норманская болезнь в русской истории

Кто самого себя не уважает, того, без сомнения,
и другие уважать не будут.

Н.М.Карамзин

Норманизмом в русской историографии называется то ее направление, в основу которого положена гипотеза о скандинавском происхождении российской государственности. Эта более чем шаткая гипотеза выдается норманистами за непреложный факт, оказавший, будто бы, огромное влияние на культуру, общественное развитие и даже на язык восточных славян.

Может быть, не все защитники норманской теории отдадут себе в этом отчет, но по существу она покоится на чисто русофобском фундаменте, ибо под всей словес-

ной шелухой тут лежит совершенно определенная политическая идея: утверждение неполноценности русского народа и его неспособности самостоятельно создать и развивать свою государственность. Были, мол, орды грязных дикарей, которые неизвестно откуда взялись, как народ не имели даже своего имени, платили дань — кто варягам, а кто хозарам, жили по-звериному и резали друг друга, пока не догадались поклониться немцам, которые прислали им своих князей, навели порядок, дали им имя Русь и научили жить по-людски. Историк

* *Михаил Дмитриевич Каратеев* (1904–1978) — русский писатель-историк. По материнской линии потомок В.Жуковского, по отцовской — родственник братьям Киреевским. Окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус. Участник Гражданской войны, имел три ранения. Георгиевский кавалер. В 1920 г. с остатками армии Врангеля покинул Крым и эвакуировался в Константинополь. Затем переехал в Югославию. В 1924 г. учился в Белградском университете. Закончил высшее образование в Бельгии в 1929–1933 гг. с дипломом инженера-химика. Защитил диссертацию на степень доктора химических наук. Затем уехал в Южную Америку, жил в Уругвае, занимался литературной работой (Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1999. Т. 3. — М., 2001. С. 195).

Пройдя общие для всех этапы хождения по мукам, через испытания гражданской войны, неустroенности и бедствий, сменив ряд профессий (об этом его очерки «Парагвайская надежда» и «На рудниках Боливии»), он обрел себя как писатель-историк, глубоко и плодотворно разрабатывая тему исторического прошлого. Эта тема прослеживается им в пяти книгах эпопей «Русь и Орда»: «Ярлык великого хана» (1958), «Карач-Мураа» (1962), «Богатыри

проснулись» (1963), «Железный хромец» (1967), «Возвращение» (1967) и в сборниках исторических очерков «Из нашего прошлого» (1968) и «Арабские истории» (1971).

Известный критик Ю.Терапиано, пользующийся заслуженным авторитетом в среде русской эмиграции, писал о Каратееве в 1963 г. в парижской газете «Русская мысль»: «Литературный талант удачно сочетается у М.Каратеева со знанием истории, поэтому и все действующие лица его романов — исторические и вымышленные — у него по-настоящему живы, правдивы, а в историческом романе, как в художественном произведении, важна не только историческая, но и психологическая правда».

О сборниках исторических очерков М.Каратеева издатель журнала «Слово» О.Михайлов писал: «Их патриотическая одушевленность, глубочайшее знание истории, широта и непредвзятость подхода к самым сложным вопросам нашего прошлого, кажется, не имеют аналогов в отечественной литературе XX века. В нашем прошлом, во многом, и разгадка нашего будущего. Вот почему очерки М.Каратеева... несут не только огромный познавательный, но и поучительный опыт».

Настоящий очерк публикуется по изданию в журнале «Слово» за 1990 г. № 8 с. 63–67.

М.Погодин дошел до того, что даже принятие Русью христианства считал заслугой норманов, а «Русскую Правду» Ярослава Мудрого называл «памятником норманского происхождения».

Таким началом своего исторического бытия мы, как известно, обязаны немцам Фридриху Миллеру, Готлибу Байеру и Августу Шлецеру, которые, через прорубленное Петром Первым «окно в Европу», попали в Петербургскую Академию Наук и ревностно занялись «родной» русской историей.

Она еще не была написана, — предварительно нужно было собрать, изучить и систематизировать подсобные материалы: русские летописи, хроники соседних народов, свидетельства древних авторов, писавших о Руси, и множество иных документов. За это взялся в первой половине 18 столетия русский историк В.Н.Татищев. Человек чрезвычайно добросовестный, он много лет потратил на поиски и исследования первоисточников, — в особенности летописей, хранившихся во всевозможных монастырях, — и потому труд его подвигался медленно.

Немецкие академики утруждать себя подобной работой не стали. Они сразу валял быка за рога, и вскоре «русская история» была у них готова. На основании совершенно недостаточных, сомнительных и непроверенных данных, пополненных натяжками и домыслами, игнорируя одни русские летописи и неправильно истолковав другие, — они объявляли князя Рюрика скандинавским немцем и основоположником русской государственности, хотя имелось немало своих и иностранных исторических источников, которые явно противоречили этому утверждению и проливали свет на более древние периоды и события русской истории.

Так, например, древнейшая новгородская летопись епископа Иоакима, найденная Татищевым, говорит совершенно определенно, что Рюрик был внуком новгородского князя Гостомысла, а в киевской летописи Нестора, — на которой базировались академики, — по поводу призвания варягов сказано: «завахуся те варязи русью, како другие зовуться свеи, нормане,

англыне и геты». Иными словами, Нестор с предельной ясностью говорит, что скандинавами они не были и что варягами в то время назывались на Руси многие народы самого разнообразного происхождения. Однако, вопреки этому, Рюрика сделали норманном, а Иоакимовскую летопись, — убийственную для норманской доктрины, — объявили фальшивой.

История этой летописи такова: ее список, — по-видимому единственный сохранившийся и неполный, — Татищев получил в 1748 году от Мельхиседека Борщева, игумена Бизюкинского¹ монастыря. Сняв с летописи копию, он возвратил ее в монастырь, где она несколько позже сгорела при общем пожаре. Это дало академикам повод объявить Иоакимовскую летопись подделкой игумена Мельхиседека или самого Татищева. Но игумен совершенно историей не интересовался и, судя по запискам Татищева, вообще был человеком необразованным, а Татищев не имел ни малейшей надобности прибегать к подобным подделкам, ибо в его время никаких споров не было, — полемика началась через двадцать лет после его смерти, с появлением «трудов» Шлецера и Миллера.

Таким образом, норманисты обеспечили себе и своим последователям возможность игнорировать самое важное свидетельство существования древне-новгородского государства. Сказками и вымыслом были объявлены и все сведения о древне-Киевской Руси, невзирая на то, что и Нестор и целый ряд польских хронистов², труды которых были академиком известны, — утверждают, что в Киеве задолго до призвания Рюрика уже вполне сложилась своя собственная государственность и в течение трех веков правила династия чисто русских князей, потомков Кня.

Благодаря тому же «окну», зерно норманизма упало на благодатную почву: теорию «русских» академиков подхватили и разработали историки Готфилд Шриттер, Эрих

¹ Села Бизюкино Алексинского уезда Тульской губернии.

² Ян Длугош, Матвей Меховский, Мартин Бельский, Бернард Ваповский и др.

Тунман, Иоганн Круг, Фридрих Крузе, Христиан Шлецер, Мартин фон Френ, Штрубе и т. п. Разумеется, она получила полное одобрение и поддержку президентов и вице-президентов Академии Наук, гг. Блюментроста, Кайзерлинга, Корфа, Таубарта и Шумахера. Надо полагать, что очень довольны ею остались сменяющие друг друга временщики — Бирон, Миних и Остерман, да и сама матушка Екатерина, — урожденная принцесса Ангальт фон Цербст, — при таких «исторических» предпосылках чувствовала себя на русском престоле более уютно.

Однако, русские академики (в небольшом количестве были и таковые в русской Академии Наук) — Ломоносов, Тредьяковский, Крашенинников и Попов, — горячо протестовали против этих оскорбительных для России измышлений. Когда Миллер на торжественном заседании Академии прочел свой труд «О происхождении народа и имени российского», они с возмущением заявили, что автор «ни одного случая не показал к славе российского народа, а только упоминал о том, что к его бесчестию служить может». Ломоносов после этого писал: «Сие есть так чудно, что если бы господин Миллер лучше изобразить умел, он бы россиян сделал столь убогим народом, каким еще ни один самый подлый народ ни от какого историка представлен».

Основываясь на древних источниках, Ломоносов доказывал, что к моменту правления Рюрика Русь уже насчитывала много веков своей собственной, славянской государственности и культуры.

Еще большего внимания заслуживает выступление Тредьяковского: в изданном им труде «Рассуждение о первоначалии россос и о варягах-русах славянского звания, рода и языка», — он обнаружил большую эрудицию и в частности утверждал, что Рюрик и его братья были прибалтийскими славянами, выходцами с острова Рюгена, что позже нашло некоторые подтверждения в трудах других исследователей-антинорманистов.

Эти выступления русских ученых имели временный успех: Миллер был лишен звания академика, а уже напечатанный труд

его уничтожили. Но его измышления оказались слишком выгодными для многих сильных мира сего: очень скоро он был прощен и восстановлен в звании. Его «труд» несколько лет спустя был издан на немецком языке в Германии, а позже снова просунут в официальную русскую историю.

Норманская доктрина восторжествовала: она была признана правильной и научно вполне обоснованной. С той поры все работы историков, которые ей противоречили, рассматривались как проявление назойливого невежества в науке и встречали со стороны Академии пренебрежительное отношение, а иногда и нечто похожее на окрики, — этим особенно отличался Шлецер. Замечательный труд С.Гедеонова «Варяги и Русь», совершенно разбивающий норманскую гипотезу, испортил ему служебную карьеру.

Богатые и материально независимые люди у нас историей, к сожалению, не занимались, а те, кто избрал ее своей служебной профессией, не могли, конечно, вступать в идеологический конфликт с министерством просвещения и с Академией Наук. До самой революции каждый русский историк, если он хотел преуспевать и получить профессорскую кафедру, должен был придерживаться доктрины норманизма, что бы он в душе ни думал. Наглядным примером такой вынужденной двойственности может служить Д.И.Иловайский: в своих «частных» трудах он был ярким антинорманистом, а в написанных им казенных учебниках проводил взгляды Байера, Шлецера и иже с ними.

Читателя, может быть, удивит то, что эта унижительная для русского национального достоинства теория не встретила в верхах нашего культурного общества никаких протестов. Но это тоже имеет свое историческое объяснение. Почва и все условия для пышного расцвета норманизма были подготовлены на Руси задолго до эпохи немецкого засилия.

Еще в конце пятнадцатого столетия у великих князей Московских уже начавших титуловать себя царями, возникла чисто политическая необходимость официально возвысить свой род в глазах европейских

монархов. Это было вызвано следующими обстоятельствами: в 1453 году турки сокрушили Византийскую империю, а девятнадцать лет спустя великий князь Иван Третий женился на племяннице последнего императора Зое (Софье) Палеолог и в качестве русского государственного герба принял римско-византийского двуглавого орла. С этого момента в Кремле возникает и провозглашается идея: «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать». Иными словами, Москва объявила себя прямой наследницей и преемницей Византии, которая была оплотом православия и восточно-европейской культуры. Московским государям надо было чем-то обосновать свои права на такую преемственность и в то же время утвердить за собой царский титул, которого никак не желали признавать за ними другие монархи.

В соответствии с этим, опальный митрополит Спиридон, — известный на Руси как широко образованный человек и духовный писатель, — получил от великого князя Василия Третьего задание: разработать соответствующим образом родословную Московской династии.

Спиридон это поручение выполнил. Вскоре появился его труд, озаглавленный «Посланием», в котором он взял отправной точкой всемирный потоп: от Ноя вывел родословную египетского фараона «Сеостра» (Сезостриса), а прямым потомком этого фараона сделал римского императора Августа. У Августа, по Спиридону, оказался родной брат Прус, получивший, будто бы, во владение область реки Вислы, которая, по его имени, стала с тех пор называться Прусской землей. По прямой линии от Пруса Спиридон вывел род Рюрика и в результате всех этих «генеалогических» построений оказалось, что «государей Московских поколенство и начаток идет от Сеостра, первого царя Египту, и от Августа кесаря и царя, сей же Август пооблада вселенную. И сея от сих известна суть».

Интересно отметить, что в том же «Послании» Спиридон выводит родословную Литовских князей, но их, наоборот, старается всячески принизить. Причина этого понятна: Литва являлась главной сопер-

ницей Москвы, — под ее властью находились обширные исконно русские территории, до Смоленской, Черниговской и Орловской областей включительно. Европейскому общественному мнению надо было доказать, что литовские князья никаких прав на эти земли не имеют, а для большей убедительности было взято под сомнение и самое право их на княжеский титул. Сообразно этому, Спиридон пишет, что род их идет от «некоего Гегеминика» (Гедимина), бывшего в молодости конюхом у князя Витена, который, в свою очередь, был подручным Смоленского князя Ростислава Михайловича. До власти Гедимин, будто бы, добрался всякими кознями и хитростями, князем же начал титуловаться только сын его Ольгерд, после того как женился на русской княжне Ульяне Александровне Тверской.

Несмотря на полную фантастичность всего этого, версия Спиридона была официально принята при Московском дворе и получила дальнейшую разработку в «Сказании о князьях Владимирских» и в «Степенной книге» митрополита Киприана. При Иване Грозном она вошла в «Государев родословец», а потом и в так называемую «Бархатную книгу».

Разумеется, с научно-исторической точки зрения весь этот материал не выдерживает никакой критики и способен вызывать только улыбку. Однако в политическом отношении он свою роль сыграл, ибо дал Вселенскому патриарху основание признать за Иваном Грозным царский титул, а вслед за ним признали его и европейские монархи.

Но в то же время все это подготовило почву для норманизма и оказалось первым шагом на пути неуважения к своему русскому началу. Грозный любил щеголять фразой: «Я не русский, мои предки немцы». И с его легкой руки иностранное, а в частности немецкое происхождение начинает считаться на Руси особенно почетным.

Родоначальник-иноземец становится объектом вожделения каждой аристократической семьи, и для отыскания такового широко применяются генеалогические методы митрополита Спиридона, то есть со-

вершено невероятные измышления и натяжки, подделка документов и т. п.

Известный генеалог Л.М.Савёлов-Савёлков, член Императорского Историко-Родословного Общества, в своей книге «Древнее русское дворянство» по этому поводу пишет: «Главной особенностью родословных древнего русского дворянства являются легенды об его иностранном происхождении, и этот вопрос обойти молчанием нельзя... Отрицать выезды в Россию из Польши, Литвы и татарских царств, конечно, невозможно, но выезды из европейских государств, а особенно «из Прус», — которыми так изобилуют русские родословные, — даже при наличии документов, подтверждающих «выезд», должны подвергаться проверке и тщательному исследованию, так как известны случаи их подделки (Приводится ряд известнейших фамилий. — М.К.)... Появление подложных документов особенно усилилось после указа царя Феодора Алексеевича о составлении родословной книги. Палата родословных дел потребовала доказательств, их не было — стали фабриковать, и в результате всего этого получилось, что русские дворянские роды ведут свое происхождение откуда угодно, только не из России».

Савёлов-Савёлков нисколько не преувеличивает: при составлении этой первой в России родословной книги оказалось, что подавляющее большинство высшего русского дворянства ведет свое начало от всевозможных «честных мужей», некогда высевшихся на Русь «из прус», «из немец», «из свеев», «из фрягов», «из грек», в крайности «из ляхов» или из Литвы. Всего было представлено 933 родословных и из них 804, — почти девяносто процентов, — оказались иностранного происхождения!

«Род Новосильцевых от Юрия Шалого. А прежде завакуся Шель и выеха из Свейского государства»... «Выеха из немец муж честен именем Андрей Иванович Кобыла, от него же род Кобылин»... «Выеха из прус к великому князю Василию Димитриевичу честен муж Христофор, прозванием Безобраз и от него род Безобразов»... и т. п.

В соответствии с подобными заявлениями, потомками немец оказались Кольче-

вы, Кутузовы, Салтыковы, Епанчины, Толстые, Пушкины, Шереметевы, Беклемишевы, Левашевы, Хвостовы, Боборыкины, Васильчиковы и очень многие другие; потомками шведов — Аксаковы, Суворовы, Воронцовы, Сумароковы, Ладыженские, Вельяминовы, Богдановы, Зайцевы, Нестеровы и пр.; потомками итальянцев — Елагины, Панины, Сеченовы, Чичерины, Алферьевы, Ошанины, Кашкины и др.; греков — Жуковы, Стремоуховы, Власовы; англичан — Бестужевы, Хомутовы, Бурнашевы, Фомищны; венгров — Батурины и Колачевы. Апухтины и Дивовы оказались французами; Лопухины, Добрыньские и Сорокоумовы — черкесами и т. д.

Несомненно, некоторые из них действительно шли от нерусских корней и о своем происхождении писали правду. Но подавляющее большинство было, конечно, иностранцами такого же порядка, как Иван Грозный. Нередко то происхождение, которое люди себе приписывали, чтобы удовлетворить этой печальной моде, было много хуже подлинного, которое казалось скверным только потому, что оно было чисто русским. Доходило до абсурдов. Так, например, всей России известные Рюриковичи — князья Кропоткины показали себя выходцами из Орды. Даже это, очевидно, казалось более почетным, чем происхождение от великих князей Смоленских. Собакины, — тоже потомки Смоленских князей, — стали писаться выходцами из Дании.

При Петре Первом и его ближайших преемниках эта тенденция в русском дворянстве еще усилилась. Меншиков, до встречи с Петром, как известно, торговавший на улицах Москвы пирожками, оказался потомком литовских магнатов; Разумовский и Безбородко — заведомые малороссы и притом далеко не знатного происхождения, — отпрысками древних польских родов и т. д.

Стоит ли говорить о том, что порожденная немцами норманская доктрина, при такой настроенности верхушки русского общества, не могла задеть в нем каких-либо специфически-русских национальных чувств и была принята в лучшем случае с полным равнодушием.

Она вошла во все академические труды и учебники, ее стали преподавать в школах и в университетах, постепенно отравляя национальное сознание русских людей, прежде справедливо гордившихся своей древней историей и самобытной культурой, а теперь все глубже проникающихся поддунутой им идеей неполноценности русской нации и неспособности русского народа обойтись без руководства и опеки иностранцев. Она была с отменным удовольствием принята и утверждена за границей, давая нашим соседям «научное» основание для того, чтобы смотреть на русских свысока, как на низшую расу, пригодную лишь в качестве удобрения для других¹.

Все это привело к тому, что развитие русской исторической науки пошло по совершенно ложному пути, искривленному предвзятой уверенностью, что мы народ без прошлого, из мрака неизвестности выведенный на историческую арену каким-то другим народом высшей категории, — конечно, не славянским.

Приняв летопись Нестора за основу истории Киевской Руси, наши официальные историки вынуждены были в какой-то мере считаться со сведениями, которые имеются в этой летописи об основателе города Киева, — князе Кие и его династии. Однако, допустить, что эти князья были полянами, т. е. русскими, никто не хотел. Академики Байер, Миллер и другие отечественные немцы, конечно, объявили их готами: В.Татищев — сарматами, историк князь Щербатов — гуннами. Только Ломоносов утверждал, что они были славянами, позже к этому мнению не без колебаний примкнул Карамзин. Наконец, просто решили объявить все это легендой и таким образом совершенно списать князя

Кие и все с ним связанное с исторического счета. На эту позицию твердо встал С.Соловьев, заявивший: «Призвание князей-варягов имеет великое значение в русской истории, которую с этого события и следует начинать». Костомаров, отважившийся верить в «легенду» и считать Киев исторической личностью, этим испортил свою репутацию серьезного историка. Преуспевающий Ключевский благоразумно обходил спорные вопросы молчанием, хотя по существу норманистом не был. Платонов тоже счел за лучшее о Кие не упоминать и с некоторыми оговорками примкнул к норманистам, — иначе бы ему не бывать академиком. Иловайский, как уже было сказано, сидел на двух стульях.

Итак, под Рюрика был подведен германский фундамент, и с него стали начинать официальную историю Русского государства. Все, что было прежде, объявили вымышленным или недостоверным. Даже допущение того, что поляне были способны сами построить свой столичный город, считалось ненаучным и противоречащим всему норманистскому представлению о древней Руси. Основание Киева старались приписать кому угодно, только не славянам. Многие русские историки (Куник, Погодин, Дашкевич и др.) защищали совершенно нелепую гипотезу, согласно которой он был построен готами и есть не что иное, как их древняя столица Данпарштадт. То обстоятельство, что Константин Багрянородный в одном из своих трудов назвал Киев Самбатом, сейчас же породило целую серию «исторических» гипотез, будто этот город был построен аvaraми, хозарами, гуннами, венграми и даже армянами, — только лишь потому, что в языках этих народов нашлись слова, похожие на Самбат. Но прямое указание Птолемея на то, что в его время² на Днепре уже существовал славянский город Сарбак (чем легче всего объяснить «Самбат» Багрянородного), всеми было оставлено без внимания. Вероятно решили, что Птоломей что-то путает, — настолько неправдоподобным казалось норманистам славянское происхождение Киева.

¹ Более всего в этом погрешны немцы, навязавшие нам норманскую теорию и старавшиеся ее использовать в своих политических целях. Но многие русские впадают в глубокую ошибку, не делая различия между этими «внешними» немцами и немцами прибалтийскими, которые тут совершенно неповинны. Эти потомки Ливонских рыцарей, с присоединением Ливонии, вошли в состав Российской империи и честно служили ему на протяжении веков.

² Второй век христианской эры.

Вопрос, по существу совершенно ясный, в конце концов запутали до того, что только археология могла дать ему окончательное решение. Теперь раскопки археологов, и в частности академика Б.А.Рыбакова, неопровержимо доказали, что никакие «высшие» народы тут ни при чем, и что Киев был построен своими, славянскими руками. К чести многих иностранных историков следует сказать, что не в пример большинству своих русских коллег, они этого никогда не отрицали.

Конечно, среди русских историков было немало и антинорманистов (Костомаров, Максимович, Гедеонов, Забелин, Зубрицкий, Венелин, Грушевский и др.), которые проделали большую исследовательскую работу и нанесли доктрине норманизма чувствительные удары. Борьба между этими двумя течениями не прекращалась со времен Ломоносова вплоть до самой октябрьской революции. Но практически она ни к чему не привела: слишком неравны были условия этой борьбы.

Научные позиции антинорманизма и тогда были гораздо сильнее, ибо их подкрепляли факты, открывавшиеся все в большем количестве и определенно говорившие не в пользу норманизма, который держался больше на рутине и на предвзятых мнениях. Но на стороне защитников норманской теории была сила авторитета Академии Наук и сила реальных возможностей. Кроме того, у норманизма был весьма ценный союзник: инертность русского общества, которое считало, что это спор сутубо научный и никого, кроме профессиональных историков не касающийся.

Сколько непоправимого вреда принес норманизм престижу нашей страны и нам самим, начали понимать уже за границей, очутившись в «норманском» мире и поневоле сделав кое-какие наблюдения, сравнения и выводы. Нашу эмиграцию принимали в Западной Европе в полном соответствии с учением норманизма, то есть не слишком гостеприимно, и не скрывая расценивали нас как представителей низшей расы. Западно-европейских политических эмигрантов, — французов, испанцев, греков и других (кто только не жаловал в

трудные для себя времена на обильные русские хлеба!) у нас принимали иначе. Французский эмигрант герцог Ришелье в России получил пост генерал-губернатора; русский эмигрант герцог Лейхтенбергский во Франции работал монтером. Французские офицеры-эмигранты, ни слова не знавшие по-русски, у нас получали поместья и полки в командование, а русские заслуженные генералы-академики, в большинстве прекрасно владевшие французским языком, в Париже работали простыми рабочими или гоняли по улицам такси. И этим мы обязаны, главным образом, норманской доктрине, созданной и взлелеянной в нашей же Академии Наук.

Что касается советской исторической науки, то она от норманизма решительно отказалась, объявив норманскую теорию антинаучной. Но оформила она этот отказ не очень убедительно. Сделав много в области исследования и описания древнейшего периода истории Руси, полностью признавая самобытность русской государственности и культуры, советские историки в то же время заняли какую-то невразумительную позицию в отношении призвания варягов и личности князя Рюрика: не занимаясь вопросами его происхождения и появления на Руси, о нем просто стараются вспоминать пореже, трактуя в этих случаях как личность скорее легендарную, чем исторически действительную. Как у этого легендарного отца мог оказаться вполне реальный сын — князь Игорь, советские историки не объясняют, хотя Игоря признают безоговорочно и считают его чистейшим славянином. Впрочем для Рюрика в последние годы выдумали особый термин: его называют персонажем не легендарным, а «эпизодическим». Это, по-видимому, следует понимать так; что он в действительности существовал, но не заслуживает того, чтобы им занимались историки.

Так или иначе, с норманизмом на нашей родине покончено. Но Запад продолжает за него держаться цепко и в течение двух последних десятилетий с завидной настойчивостью старается укрепить обветшалые позиции норманской теории. Западные норманисты, среди которых есть,

к сожалению, и выходы из России, в разных странах выпустили немало книг и публикаций, в которых на все лады повторяют, по существу, все те же псевдонаучные измышления шлецов и байеров, при полном замалчивании непрестанно возрастающего числа исторических открытий и работ, совершенно убийственных для норманской доктрины.

Этот факт весьма показателен и требует самого пристального внимания, ибо за ним кроется не одно лишь тщеславное желание Запада отстоять видимость своего превосходства над русским народом. Дело обстоит гораздо серьезней: норманская доктрина пошла на вооружение тех русофобских сил западного мира, которые принципиально

враждебны всякой сильной и единой России, — вне зависимости от правящей там власти, — и служит сейчас чисто политическим целям: с одной стороны как средство антирусской обработки мирового общественного мнения, а с другой — как оправдание тех действий, которые за этой обработкой должны последовать.

Так ошибка историческая, допущенная два века тому назад и казавшаяся тогда малосущественной, постепенно расширяя круг своего действия, опоганила и русское самосознание и отношение к нам других народов, обернувшись ошибкой политической огромного масштаба.

За неуважение к своему прошлому приходится платить дорогой ценой.

А.Г.Кузьмин

Два вида русов в юго-восточной Прибалтике

Один из устойчивых сюжетов восточных авторов — указание на два вида русов — обычно рассматривается в связи с упоминанием этнонима «русь» по отношению к разным племенам Причерноморья и Северного Кавказа. При этом, как правило, редко учитывается сам факт смешения именно разнотипных русов. Так, киевские ученые Д.Т.Березовец и Ю.М.Брайчевский, убедительно показав, что «русами» называли алан салтовской культуры верховьев Дона, поселили их и на Днепре. Но антропологи (прежде всего Т.И.Алексеева) показали, что антропологический тип приднепровских русов и салтовцев различен. Да и древнейший летописец, выводив славян и русов из Норика (области Ругиланда, где славяне и рути смешивались, по крайней мере, с IV в.), пользовался реальными преданиями. Киевская христианская община второй четверти X в. при Ильинской церкви в погребальном обряде полностью повторяла одновременные погребения в Великой Моравии, и как это предполагал еще проницательный Н.К.Никольский, была основана мигрантами из Моравии, переживавшей сильнейшее давление со стороны Рима и немецкого духовенства.

О начале Руси летописцы спорили, переписывая летопись на протяжении X—XII вв. Один из ранних летописцев разместил «варягов» по всему Волго-Балтийскому пути от англов и волохов (Священной Римской империи) до «предела Симова», то есть до Волжской Болгарии, которую в Киеве считали «сынами Амоновыми». Потом на этом пути размещали разные племена, и, рассказывая о «призвании варягов» под 862 г., летописец предупреждает читателей, что «идоша за море к Варягом, к

Руси; сице бо тии звахуся Варязи Русь», тогда как на Балтике были и другие варяжские племена — «свие, урмане, ангыляне, гьты», которых не следует смешивать с «Русью». А киевские летописцы явно знали, что русы из Норика и Паннонии и русы-рути с острова Рюген и с южного берега Балтики — ветви одного этноса, к этому времени уже ославяненного. Современник русских летописцев Адам Бременский называет население Рюгена единственным славянским племенем, которое имеет короля.

Для понимания этнической природы дунайской и южнобалтийской Русий большой материал дает «Список городов русских дальних и ближних», вроде бы всем знакомый и, тем не менее, слабо изученный. По существу имеется лишь одно серьезное исследование и публикация документа М.Н.Тихомировым¹. «Список» возник явно в окружении митрополита Киприана вскоре после его утверждения в таком качестве в 1390 г. Настороженное отношение к источнику отчасти предопределялось и отношением к самому Киприану. Константинополь утвердил его митрополитом в 1374 г. на место живого и высоко чтимого митрополита Алексия. Московский князь Дмитрий резко пресекал попытки Киприана утвердиться в Москве, и в противостоянии Москвы и Литвы Киприан был на стороне последней. И тем интересней его «список» городов, которые должны были входить в возглавлявшуюся им митрополию. Болгарин по происхождению, он включил в список русских городов города низовьев Дуная и Черноморского побережья. Это те города, куда Святослав в X в. намеревался перенести центр державы — ближе к Норичу и Руси

Дунайской. Эти города Константинополь не передавал болгарской митрополии, но и Киприану тоже не передал. А появление здесь ветви русов объясняется развалом державы Аттилы в V в. и миграцией на эту территорию части ругов. Другая значительная часть «списка» — Волошские города — Прикарпатская «Червленная» Русь. Здесь Киприан даже поставил своего епископа, но Константинополь не поддержал и эту инициативу. А ближе всего относится к данной теме — большой список «русских» городов Великого княжества Литовского, к которому Киприан долго был более расположен, нежели к Москве. В этом списке были и Вильно, и Ковно, и вся территория по Неману, где располагалась так называемая «Черная Русь». «Черной» она стала по той же причине, по какой потемнело и нынешнее Черное море. В славяно-русском языке красный цвет обозначался словом «Чермный» или «Червленный», а слово «красный» означало «красивый». По соседству же с «красной» Русью на Немане находилась другая — «белая», и требовалось как бы самоопределение. А славяноязычные большей части Великого княжества Литовского в XIV в. в литературе отмечалось. Отмечалось и то, что в социальном плане на Немане противостояли те же «бояре» и «смерды».

Несмотря на исключительную важность вопроса о Балтийской Руси как для норманистов, так и антинорманистов, он остается, пожалуй, наименее изученным во всем комплексе проблем, связанных с образованием Древнерусского государства. И это несмотря на то, что уже в первой половине XIX в. был выявлен широкий круг источников, в которых упоминается Балтийская (Варяжская) Русь². Очень многие авторы так или иначе должны были оценивать «попутно» встречные указания на эту «Русь». Но чаще всего такие сведения заносятся в ряд «сомнительных», объявляются ошибками переписчиков и т. п. В таком отношении к этим сведениям отчасти «повинен» С.Гедеонов. В его концепции «Русь» — это только южное, приднепровское образование, противостоящее «варягам» — перво-

начально балтийским славянам. Даже в тех случаях, когда он наталкивался на источники о Балтийской Руси, он говорил о них в подстрочнике с явным недоумением. Позднейший же спор норманистов и антинорманистов свелся к альтернативе: Скандинавия или Приднепровье? А при такой постановке вопроса Балтийская Русь явно мешала и той, и другой стороне. Норманистов сведения о ней не устраивали потому, что подрывалось представление о тождестве «Руси» и «Швеции», а антинорманистов потому, что необходимо было учитывать наличие еще какой-то Руси в Прибалтике. Достаточно сказать, что проблема эта не нашла никакого отражения в специальных исследованиях И.П.Шаскольского, посвященных вроде бы критике современных норманистских представлений. Не учитывал их и коллективный труд, посвященный советской историографии Киевской Руси³. В ней, в частности, вообще не упомянуто обсуждение этого вопроса в 1970—1971 гг. в журнале «Вопросы истории» польским ученым Г.Ловмянским и автором настоящей работы⁴.

О том, что остров Рюген (Рутгия) назывался «Русью» (Рутенией), писали многие авторы, в том числе и в советское время⁵. Расхождения в упомянутом обсуждении касались лишь оценки этого факта. Г.Ловмянский полагал, что название не выходит за пределы острова, и что оно — своеобразный «мираж»: смешение ругов с русами по случайному созвучию. Ряд источников, говорящих о Руси на Балтике, он отвел как поздние или сомнительные. Поэтому уже необходимо рассмотреть их в целостном виде.

Известно, что «Русь» имеет в источниках разные обозначения. В латинской традиции, сохраняющейся и в средневековой литературе, преобладает написание Rutenia или Ruthenia. В собственно германских источниках это чаще всего Rugia со множественном вариантах, собранных и непонятых одним из наиболее активных современных норманистов А.В.Назаренко, недоумевающим по поводу постоянной взаимозамены написаний Rugia-Russia⁶. В византийских и восточных источниках преобладают напи-

сания «Росия» и «Русия». Встречается оно и в западной средневековой литературе (в частности, в итальянских и английских источниках). При этом имеются в виду и разные «Русии», и разные значения этнонима. В иранских языках, как сказано, этноним связывался с «белым» цветом, символизовавшим социально привилегированное положение. Смысл многочисленных вариантов обозначения (тоже многочисленных) «Русий» в Европе в значительной мере объясняется обычными латинскими характеристиками галльского племени Рутенов: «Russus Rutheni» и «Flavi Rutheni» — «Красные» (или красноватые) и «Златокудрые» (опять-таки с красноватым оттенком) Рутены. А в кельтском — это тоже один из вариантов обозначения красного цвета. Лиутпранд в X в. прямо связывал этноним «русы» в византийском понимании с обозначением внешнего вида.

В славянских языках это тоже один из вариантов обозначения желто-красного цвета. Обозначение ругов — ружане или руйаны — имеет то же значение, что и обозначение месяца сентября «рюен» — желто-красный. Как «коричнево-желтый» осмысливался и эпитет «русый». Все эти варианты можно найти в настольном для историков и филологов словаре И.И.Срезневского («Материалы для словаря древнерусского языка»), а также в сербо-хорватских словарях. И задача заключается не в том, чтобы понять, почему такой разнобой в произнесении гласных и согласных (носовые, зубные и гортанные звуки различно произносились даже в соседних деревнях), а в том, чтобы понять смысл именно цветового обозначения этноса. О «белом» цвете выше говорилось. «Красный» цвет символизировал могущество, и выражалось это, как правило, в ритуальном раскрашивании, что, как увидим, также встречается в источниках, позволяя в ряде случаев различать «красных» и «белых» русов. Не объяснено значение «синего» цвета, в который красились, по сообщению Юлия Цезаря, бриты. Кто знает, может быть, они красились с целью нагнать страх на неприятеля.

Разные обозначения этнонима ценны в источниковедческом плане. Они часто по-

могают определить место или условия возникновения источника, а также пути распространения самого этноса.

Римские авторы имели некоторое (хотя и смутное) представление о Прибалтике. Ценно указание на то, что после завоевания Галлии римлянами, ряд галльских племен ушли — венеты из Бретани полностью, погрузившись на суда, видимо, к своим дальним родственникам — венетам балтийским, рутены (ранее пришедшие с севера), видимо, к местам прежнего обитания. В ходе массовых переселений связи юга и севера были нарушены, и после Великого переселения народов их приходилось как бы открывать заново.

В раннее средневековье на юге жили легендарные или полуполулегендарные представления, занесенные разноплеменными выходцами с севера в связи с римской политикой найма «варваров» в качестве воинов и «федератов», прикрывающих римские владения от других варваров. Эти представления нашли отражение у авторов IV—VI вв., в частности, у Иордана и его византийских современников. С VIII в. начинается продвижение к Прибалтике франкских королей и императоров. Прибалтика попадает в поле зрения франкских и затем германских хронистов. Ряд сочинений посвящается христианизации прибалтийских славян. С конца VIII в. начинаются и грабительские набеги на континент «норманнов» — как называли выходцев (разноэтничных!) из прибрежных районов севера на континенте в Германии. Именно в этом контексте прозвучит известие, вошедшее в состав Бертинских анналов (835—861 гг.) епископа г. Труа Пруденция. В 839 г. к франкскому императору Людовику Благочестивому (814—840) явились послы византийского императора Феофила (829—842). Посольство было торжественно принято 18 мая в Ингельгейме. В составе византийского посольства оказались и представители народа «рос»: «Послал он с ними также неких (людей), которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос (Rhos), и которых, как они говорили, царь их, по имени Хакан (Chacanus), отправил к нему (Феофилу) ради дружбы. В помянутом

письме (Феофил) просил, чтобы император милостиво дал им возможность воротиться (в свою страну) и охрану по всей империи, так как пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, и он не желал бы, чтобы они возвращаясь по ним, подвергались опасности. Тщательно расследовав причину их прибытия, император узнал, что они принадлежали к народности свеонской (*eos gentis esse Sueonum*); считая их разведчиками по тому царству (Византии) и нашему, чем искателями дружбы, (Людовик) решил задержать их у себя, чтобы можно было достоверно выяснить, с добрыми ли намерениями они пришли туда или нет; и он поспешил сообщить Феофилу через помянутых послов и письмом также и о том, что он их из любви к нему охотно принял; и если они (росы) окажутся людьми вполне благожелательными, а также представится возможность им безопасно вернуться на родину, то они будут (туда) отправлены с охраной; в противном случае они с (особо) посланными будут направлены к его особе (к императору Феофилу), с тем, чтобы он сам решил, что с таковыми сделать»⁷.

Естественно, что цитированный текст стал предметом самого оживленного обсуждения в полемике норманистов и антинорманистов. И для тех, и для других он дает весомый материал: норманисты выводят отсюда тезис о тождестве росов и свеонов, а антинорманисты доказательство существования в первой половине IX в. Русского каганата. В числе сравнительно недавних работ можно выделить исследования А.Н.Сахарова и А.В.Рязановского⁸.

А спор начался с самого зарождения норманизма, поскольку германские «норманны» воспринималось не просто как «северные люди», а как именно северные германцы. Ощутимый удар по норманистской интерпретации записи нанес уже Г.Эверс. Он указал на то, что титул кагана никогда не употреблялся в Швеции, и что франки шведов хорошо знали, поскольку незадолго до посольства Феофила (именно в 829 г.) шведы просили у Людовика Благочестивого миссионеров для проповеди христианства⁹.

Примерно в том же направлении шли разъяснения С.А.Гедеенова¹⁰. Гедеенов сопоставил известие 839 г. с репликой Людовика II от 871 г. о титуле «каган» у норманнов, указав на их тесную связь.

В известии 839 г. есть и еще несколько моментов, осложняющих его интерпретацию. Самое этническое название «свеоны» исторически не совпадало с названием «свевы». В начале н. э. первые жили «в сердце моря», а свевы обитали еще на континенте. Но позднее оба эти названия как бы сливаются под пером немецких авторов и воспринимаются как идентичные. В данном случае неясно, знал ли Пруденций о их различии. Главное же заключается в том, что росы и свеоны не столько отождествляются, сколько противопоставляются. Людовик Благочестивый явно не поверил представителям народа «рос», заподозрив в них обыкновенных лазутчиков. И, конечно, особое опасение его вызывали возможные лазутчики норманнов, сотрясавших в это время прибрежные города империи. И если со свеями-шведами у империи отношения были вполне доверительными, то с собственно норманнами — «урманами» русской летописи, т. е. норвежцами, такой близости не было. Подозрение могло питаться и тем, что в числе «норманнов» особую активность в это время проявляли жившие здесь с давних пор аланы. Именно вождь аланов Роллон, считавший себя потомком Роллона, приведшего во II в. алан с Дона в северные пределы Франции, обретет «прародину» в начале X в., переселившись туда из Норвегии. Тогда подозрения императора будут вообще оправданы. Но о росах и Русском каганате в Ингельгейме, похоже, не знали. И искать его, конечно, следовало не в Киеве, традиционно связанным с Подунавьем, а на том пути, который еще и Гельмольд в XII в. считал балтийским «поясом», соединяющим Балтику с Черным морем, то есть донским вариантом пути «из Варяг в Греки».

Сама логика исторического процесса заставляет искать «Русский каганат» где-то по соседству с Хазарией, поскольку именно тюркоязычные хазары претендовали на господство в Восточной Европе, поднимая

титул своих правителей на уровень византийских и римских цесарей. Тот же титул у кого-то из соседей уже сам по себе предполагает конфронтацию: «каган» не может быть в подчинении у кого-либо. В.В.Седов предположил, что «Русский каганат» — это славянская волынцевская культура на левобережье Днепра¹¹. Но, как отмечалось выше, восточные источники называют «русами» чаще всего именно население салтово-маяцкой культуры, что верно отметил Д.Т.Березовец (неправоммерно перенося эту культуру и на Средний Днепр), и обосновала на более широком материале Е.С.Галкина.

Свидетельство 871 г. — ответ византийскому императору Василию I Македонянину Людовика Немецкого (843—876), сына Людовика, встречавшего в 839 г. послов Росского каганата и заподозрившего, что это норманны. И это — своеобразная поправка: «Каганом мы называем государя авар, а не хазар или норманнов»¹². Зачем пришлось объясняться по поводу давних событий — остается не вполне ясным: письмо Василия I до нас не дошло. А судя по несколько раздраженному тону, византийский император упрекал коллегу в нарушении этикета: присвоении титула «Римского императора» (у Константинополя было больше прав на такой титул). Василий прислал Людовику роспись титулов, как она представлялась Константинополю, и, судя по всему, осудил высокомерное отношение к послам кагана Росов со стороны Людовика I. Правда, Василий, как будто, «каганом» признавал только правителя хазар, возможно, учитывая факт реальной зависимости алан-росов от Хазарии. Само вторжение в Причерноморские степи тюркских или смешанных угро-тюркских народов (социальная верхушка мадьяр была тюркской), похоже угрожало не хазарам, а их конкурентам — в данном случае как раз «асам и касогам», а также продвинувшимся на восток славянам.

Норманисты, пожалуй, правы в том, что Росский каганат нужно искать на севере. Только ни у «норманнов», пришедших во II в. с Дона, и готовившихся отвоевать на севере Франции свою «прародину». Но

предводитель алан из Норвегии Роллон, считавший себя потомком Роллона II в., претендовал лишь на титул «герцога», а «каганы» у его предков могли появиться не ранее VIII в., когда более высокая, нежели хазарская, культура алан-росов, должна была защищать себя от искавших дани восточных пришельцев. Византия традиционно лавировала и сталкивала племена и народы, в данном случае хазар и разные «Руси». А громили оседлое население Подонья явно не хазары. В свое время М.В.Левченко высказал мнение, что «народом, мешавшем возвращению русских послов, могли быть только мадьяры, которые в это время уже проникли в южнорусские степи и в своем движении на запад пересекли Днепр»¹³. Но это мнение само строится лишь на известии 839 г., исходя из предположения, что кто-то перерезал путь, ведущий с низовой Днепра именно к Киеву. Исходя из представления об одной единственной Руси, это мнение разделяли и специалисты по истории Венгрии¹⁴.

В первой половине IX в. мадьяры находились на территории некой «Леведии», номинально признавая власть хазар. Территория Леведии пока не выявлена. Но, судя по достоверно мадьярской археологической находке, область Воронежа входила в эту область¹⁵. Очевидно, по соседству с салтодцами и обосновались пришельцы из Предуралья. С 60-х гг. IX в. начинаются набеги венгров на Центральную Европу, а в самом конце столетия, теснимые печенегами, они переселяются на Средний Дунай. Русский летописец сообщает, что угры прошли мимо Киева на запад, похоже без каких-либо столкновений с местным населением. Указанная дата — 6406 г. предполагает болгарский источник и соответственно 894 г. н. э.¹⁶ Иными словами, летопись дает точную дату движения угров из Подонья на Средний Дунай мимо Киева, поскольку именно к этому времени источники относят их переселение¹⁷. И многие авторы поэтому помещают «Росский каганат» севернее Подонья, на Верхней Волге или еще северней¹⁸. Но «Русь» в Поволжье источниками не зафиксирована. В Прибалтике же таковая имела (и не одна).

Из письма Василия Македонянина вытекало, что титул «кагана» могли присваивать себе князья аваров, хазар, болгар и какого-то северного народа. Норманисты полагают, что в недошедшем письме «северной» называлась именно «Русь». С.Гедеонов согласился с тем, что имелась в виду «Русь», но называлась она, как это часто встречалось в греческих источниках, «северные скифы»¹⁹. Поскольку Скандинавия и норманны в средневековой литературе часто называются «скифами» или «северными скифами» (что само по себе весьма показательно), то и «норманнов-росов» следует искать в негерманской этнической среде.

От IX в. имеется еще несколько источников, в которых упоминается, правда, очень глухо какая-то «Русь». Географ Равеннский, с которым связывается определенная традиция VIII—IX вв., помещает в Прибалтике роксалан, сваров и савроматов, причем через земли этих народов протекают Вистула (Висла) и Лугта (очевидно, Одер, откуда и название племени «лютичи», равно как и ободриты). Этнонимы эти могли восходить и к традиции, поскольку земли по Висле и Одера к этому времени были освоены славянами и большинство племен (хотя и не все) были ассимилированы ими. Но особое внимание должны привлечь «роксаланы», поскольку именно этот этноним обычно связывается с аланами-росами. Географ Баварский (также традиция IX в.) дает довольно обстоятельное описание соседей Германской империи. Упоминается у него и Русь (Ruzzi). Но имеются в виду соседи хазар, что опять-таки ведет к донскому варианту пути из Балтики в Черное море. Целый ряд этнонимов, в которых корень «рос» входит вторым компонентом, вообще не поддается определению. В «Песне англосаксонского путника», относящейся, возможно, и к более раннему времени (П.Шафарик датировал ее VIII в.) в Прибалтике упомянуты варинны, викинги, винедеды, англы, даны, свевы, саксы и руги²⁰.

О ругах имеется и еще одно свидетельство, дошедшее в памятниках XI столетия, но указывающее на 844 г. В этом году Людовик II Немецкий провел карательную

экспедицию против балтийских славян, входивших в ободритский союз. В Корвейском монастыре в этой связи сохранилась, как полагают, подложная грамота о крещении ран-руйан-ругов, признанию своим патроном почитавшегося в монастыре Святого Вита. После этого, якобы, раны вернулись в язычество и сделали из Святого Вита бога Святовита²¹. Но, может быть, и не все в этом сообщении от легенды. Во всяком случае, Корвейский монастырь играл совершенно особую роль в жизни прибалтийских славян, вендов и ранов-ругов, что проявляется хотя бы в том, что, как будет показано ниже, именно в его зоне находится более всего параллелей для неславянских имен дружин Олега и Игоря. У Гельмольда дается в разных местах как бы два варианта предания, но по существу речь идет о разных аспектах одной легенды. Корвейский монастырь возник в Амьене первоначально в 622 г. Ровно два столетия спустя, при Людовике Благочестивом, в Саксонии на р. Везер выходцами из этого монастыря была основана Новая Корвея. Миссионеры же отправились уже при Людовике Немецком.

Название «Рутения» или «Руссия», как отмечалось, чаще всего выступает дериватом названия «Ругия». Название «Ругия» являлось здесь традиционным, со времен римских авторов. Видимо, у саксов это название произносилось как «Руйана», хотя, как отмечалось, в названии звучит славянское определение красно-желтого обозначения цвета (месяц «рюен» — сентябрь). Во всяком случае, есть указание на то, что «руйанами» жителей острова называли «тевтоны», а «ранами» — славяне. Гельмольд же неоднократно поясняет, что «раны» и «ругиане» — это одно и то же²². Форма «руйане» могла появиться из-за того, что в германском языке и латинском алфавите нет звука «ж» и его обозначения. А этот звук совершенно естественно мог появиться на месте «г» в языке каких-то соседей руйан-ругиан-ругжан.

В литературе постоянно привлекает внимание документ, относящийся к 904 г.: т. н. «Раффельштеттенский устав». В «уставе», содержащем таможенные правила, говорится о купцах, приходящих в города Верхне-

го Дуная, из Чехии и «Ругии». «Ругские» купцы торгуют воском, рабами и конями. Традиционно преобладало мнение, что речь идет о купцах из Киевской Руси²³. Действительно, источники свидетельствуют о существовании торгового пути из Регенсбурга через Прагу на Краков. Из Кракова же нетрудно было попасть в Киевскую Русь и еще проще по Висле спуститься к Варяжскому морю. Еще ближе был путь к этому морю через Прагу по реке Одер непосредственно к Ругии. Но Е.Цельнером предложено и еще одно, более естественное объяснение, что речь идет о подунайских ругах, давних переселенцах из Прибалтики²⁴. С Цельнером согласился видный ученый ГДР И.Херрманн²⁵ и некоторые другие авторы. Эту версию пытался «опротестовать» в ряде публикаций А.В.Назаренко²⁶. В его интерпретации, «стержневая идея... состоит в сопоставлении «ругов» РУ со славянским населением древнего Ругианда, т. е. территории, которую в V в. н. э. в течение примерно тридцати лет населяло восточногерманское племя ругов. Земли ругов располагались к северу от Дуная... (несколько выше Вены по Дунаю). Государство ругов было разгромлено Одоакром в 80-е годы V в.»²⁷. А в сборнике «Древняя Русь в свете зарубежных источников» (М., 2001) Одоакр, сокрушивший в 476 г. Римскую империю, в указателе объявлен даже «римским полководцем».

В источниках его этническую принадлежность определяют различно: король торкилингов, скирр, герул с острова Рюген, руг, но нет ни одного, где бы его числили римлянином. И на Руси о нем помнили и в XVII в., почитая даже и Богдана Хмельницкого его потомком²⁸.

И, конечно, руги в Подунавье пробыли не 30 лет. Они появились здесь в качестве федератов Римской империи, по крайней мере, с начала IV в. (первое упоминание 307 г.). А тысячелетие спустя чешская Хроника Далимила назовет и просветителя славян Мефодия «Русином». Но об этом обстоятельнее в другом месте. Другой вопрос — поддерживались ли связи подунайских русов с прибалтийскими в эпоху составления Раффельштеттенского устава. О

тесных контактах с дунайскими ругами-руссами прямо говорит Повесть временных лет, выводя из Норика и Илирика и славян, и русь. И в это время язык их не различался ни на Днепре, ни на юге Прибалтики, ни на Дунае.

Чередование «Ругия» — «Руссия» (или их отождествление) проходит через все германские источники X в. Так, в документе 946 г. Балтийское море называется *Magre Rugianorum*²⁹. Целый ряд современных событиям источников рассказывает о крещении княгини русов или ругов Елены (имя Ольги в крещении) и миссии на Русь Адальберта в 961–962 гг.³⁰. В 968 г. Адальберт стал главой вновь утвержденного Магдебургского архиепископства, созданного для проведения христианизации балтийских славян, в связи с чем напоминает о его миссии «к ругам»³¹. Годом раньше, в 967 г. (или, по другой эре, в 973?), папа Иоанн специальной буллой запретил богослужение на «русском или славянском языке»³². Здесь речь явно идет о подунайских русах, и параллелью может служить примерно к тому же времени относящееся пояснение летописца, введившего Сказание о славянской грамоте: «А Словенский язык и Русский одно есть»³³.

Следует подчеркнуть, что в X в. в Империи очень хорошо знали балтийских ругов-руссов, поскольку они помогали Оттону I (основатель Священной Римской империи и император 962–973 гг.) в борьбе против восставших славянских племен³⁴. Именно благодаря помощи со стороны этого племени было подавлено восстание континентальных славянских племен, причем, как сообщается в одном документе, были покорены все племена, жившие у моря «против Руси»³⁵.

Все эти события приходились на 954–960 гг. Покорение славянских племен сопровождалось утверждением здесь епархий и христианизацией населения. Миссия Адальберта, очевидно, направлялась в Киев. Но будучи во главе Магдебургского архиепископства, основанного для христианизации балтийских славян, он должен был пытаться «просветить» и ругов. Судя по дальнейшим событиям, такая попытка

кончилась неудачей. И это само по себе должно было привести к разрыву союза Империи с ругами-русами балтийскими. Отчасти и этим обстоятельством может объясняться факт запрещения богослужения на «русском» языке. («Русское письмо» на языке римских пап обычно означало приверженность христианских общин к арианству).

Г.К.Ловмянский, рассматривая вопрос о замене в источниках «ругов» и «русов», пришел к заключению, что это происходит довольно поздно и внезапно: именно в житиях Оттона Бамбергского (XII в.)³⁶. Смещение это он объясняет случайными причинами и полагает, что для постановки вопроса о Поморской Руси заслуживают внимания «только два источника: сообщение Ибн-Якуба (X в.) и запись Рагевина, продолжателя Оттона Фрейзингенского (ум. 1177). В обоих известиях он предполагает путаницу»³⁷.

Пренебрежительное отношение к большому числу источников в данном случае отдаст гиперкритицизмом, а потому согласиться с ним невозможно. Ведь обоснования требует не только привлечение, но и отвержение источника. А этого автор не делает. Он считает существенным, что королевой «ругов» киевскую княгиню именуют только продолжатель Регинона и восходящие к нему Анналист Саксон и Магдебургские анналы, тогда как другие источники «передают имя Руси, а не Ругии»³⁸. Но ведь «Русь» могли называть «Ругией», очевидно, потому, что «Ругию» могли называть «Русью». Кстати, в это время Балтийскую Ругию в Германии знали, конечно, лучше, чем Киевскую Русь.

Испанский иудей Ибрагим Ибн-Якуб посетил Империю в 965 г., видимо, с дипломатическим поручением. Его резиденцией был Мерзебург, и он непосредственно познакомился со славянскими землями. Донесение Ибн-Якуба дошло в составе компиляции ал-Бекри (XI в.). Автор стремился к точности описания. Единственное будто бы фантастическое (а на самом деле, как сказано выше, вполне обоснованное) свидетельство о «городе амазонок» — постоянный сюжет германской хронографии — да-

но со ссылкой на самого императора Оттона. По сообщению Ибн-Якуба, «граничат с Мшкой (польским князем Мешко. — А.К.) на востоке Русы и на севере Брусы. Жилища Брусов у окружающего моря... И производят на них набеги Русы на кораблях с запада»³⁹. Г.Ловмянский предположил, что Ибн-Якуб вместо «с востока» написал «с запада», но такого рода ошибка невероятна для географического сочинения, где страны света являются ориентирами. К тому же, на кораблях русы могли нападать на пруссов только со стороны моря, т.е. именно с запада. «Русы» Ибн-Якуба «островитяне», живущие недалеко от Волжской Болгарии, могущественные на морях, достигающие через «рукав моря Окиануса» Испании. Речь, следовательно, должна идти не о путанице, а о представлении, согласно которому и Русь Киевская (граничившая с Польшей на Востоке) и Русь Балтийская воспринимались как части одного этнического (и даже этно-политического) образования. Весьма вероятно, что и это представление он позаимствовал от своих германских информаторов.

В середине X в. подобные представления достигали и Византии. В литературе многократно рассматривалось упоминание Константином Багрянородным Руси «ближней» и «дальней». В связи с падением Руси на Константинополь в 941 (или 944) г. три автора — Феофан, Продолжатель Георгия Амастридского и Симеон Магистр — поясняют, что Росы — это «дромиты», происходящие «от рода франков»⁴⁰. «Дромиты» в данном случае означают, видимо, непоседливый, кочующий, переселяющийся народ. «Франками» же может обозначаться население, так или иначе зависимое от преемников бывшей Франкской империи. Скандинавия в этом случае исключается. Зато Балтийское Поморье частично вошло в состав Франкской Империи еще при Карле Великом («Правда англов и варингов», данная императором), а в X в. активно осваивалось имперской властью и христианской церковью. Показательно, что в славянском переводе Хроники Георгия Амартола в данном случае дается «от рода Варяжска»⁴¹.

Таким образом, помимо Ибн-Якуба, «Русь» и «Ругию» смешивают и германские, и византийские авторы, причем и те, и другие отождествляют Русь Киевскую и Русь Балтийскую. В этой связи могут быть рассмотрены сведения и еще одного автора той поры: столь почитаемого норманистами Лудупранда. Лудупранд, родом лангобард, отразил представления, характерные для Италии. Его отец был свидетелем нападения русов на Константинополь, и он сам побывал в этом городе в 949 г., т. е. сравнительно скоро после нападения русов. Ок. 958 г. им была написана история, в которой он коснулся рассматриваемых событий.

Весьма любопытно, что в Северной Италии франки отождествлялись с венецами. В свою очередь в Южной Италии это название распространялось и на лангобардов⁴². Относительно русов он говорит, что «это северный народ, который греки по внешнему виду (a qualitate corporis) называют русами (rusios), а мы по их местоположению нордманнами»⁴³. Свидетельство безусловно указывает на связь русов с севером. Но, конечно, не говорит о тождестве их со скандинавами. Даже в германских источниках балтийские славяне включались иногда в число норманских народов⁴⁴. Для Италии же, как и для Византии, «север» начинался сразу за Дунаем.

«Ругия», конечно, числилась в ряду «норманских» стран. В хронике Гельмольда сообщается, что в связи с переходом Любека в руки Генриха Льва (ок. 1158 г.) герцог отправил послов «в города и северные государства — Данию, Швецию, Норвегию и Русь — предлагая им мир, чтобы они имели свободный проезд к его городу Любеку»⁴⁵. «Русь» и «Ругия» в источниках в этой связи снова смешиваются⁴⁶. Но, во-первых, «Русь» мыслится как государство «северное», наряду с Данией, Швецией и Норвегией, северной, очевидно, по отношению к земле вагров, в которой протекала деятельность Гельмольда или же по отношению к Германии в целом. Во-вторых, «Русь» Гельмольда, «северная» Русь совершенно четко отделена от Швеции и других скандинавских государств. Несколько позднее, в аналогичном привилее Любеку

Фридриха I от 1187 г. названы «Рутени, Готы и Норманны»⁴⁷. В данном случае несущественно, кого конкретно называет источник «Рутенами». Важно, что этноним снова идет в ряду северных народов и отличается от готов и норманнов.

Смешение Руси южной и северной, прибалтийской наблюдается у проживавшего в Италии еврейского автора X в. Иосифона (Иосифа бен Гориона). С одной стороны, русы у него живут где-то у Каспийского моря, а с другой — они соседи англо- и саксов и проживают по «великому морю» — «Океану»⁴⁸. Сам автор, видимо, не обращает внимания на противоречие и никак его не объясняет. Но для восточных авторов, как отмечалось, вообще «Океан» и его залив — Балтийское море мыслались в непосредственной близости от Булгара и вообще поволожских и прикаспийских областей. Именно Иосифон дал повод для смешения разных Русий — русов-алан и русов, рассеянных по Западной Европе и утвердившихся в Среднем Поднепровье. Именно он отнес алан к потомкам тюрок, видимо, смутившись титула правителя русов-алан — «каган». А на побережье и островах Балтийского моря оказались и те, и другие русы.

В сущности только один документ, говорящий о событиях X в. и упоминающий «Русь» в составе Империи, может быть поставлен под сомнение: это т. н. «устав» турниров в Магдебурге, приписываемый Генриху I Птицелову (919—936)⁴⁹. Магдебургские грамоты из собрания Мельхиора Гольдста (впервые опубликовавшего «устав») заподозрены как подложные⁵⁰. Но подложность в такого рода документах обычно не касается основного содержания (указаний титулов, в частности), которое только и представляет интерес в данном случае. Просто Магдебург мог присвоить грамоту, адресованную какому-то другому городу. Поэтому упоминание в «уставе» феодальных владельцев Империи Велемира, «князя русского», Радеботто, «герцога русского» и Венеслава, князя рутского» не может вызывать подозрений. Даже для того, чтобы их придумать, нужно было иметь представление о какой-то смежной с Империей Русией.

«Русь» в Прибалтике упоминается в ряде документов, относящихся к самому концу X — началу XI в. Один из них — это т. н. «Дагоме юдекс», документ, относящийся к 990—992 гг. и известный в списках XI—XII вв.⁵¹. В документе идет речь о пожаловании некими Дагоме и Отой с сыновьями папе Иоанну XV территории, именуемой Шигнезе. Что-то в нем, видимо, не так: говорится о пожаловании одного места, а очерчивается территория всей Польши. «Русь» сначала упоминается как конкретное место «Руссе», а затем сказано о ее границах, простирающихся вплоть до Кракова. Документ привлекался в качестве возможного источника, касающегося «Неманской Руси»⁵². Но если «граница Руси» в данном случае не ошибка (вместо «от границ Руси»), то вблизи Кракова может быть локализована Прикарпатская Русь. Дальнейшие границы до «Алемура» (Олоомуц?) и «Милски», очевидно, относятся к Польскому государству.

Другой документ — это Житие Адальберта, погибшего в 997 г. в Пруссии, написанное около 1004 г. Бруноном. Житие также известно уже в списках XII в. Адальберт-Войдех прибыл в Пруссию со стороны Гданьска, т. е. со стороны моря и вскоре был убит язычниками. В некоторых списках убийцами называются «рутены»⁵³. И вообще в тексте жития часто вместо «Пруссия» значится «Руссия» и т. п.⁵⁴. Брунон, как и Адальберт, достаточно хорошо знал славянский мир. В 1008 г. он и непосредственно побывал в Киевской Руси, и с ним связана одна из легенд о ее крещении. А в 1009 г. он разделил участь Адальберта, погибнув где-то на границе Пруссии и Руси⁵⁵. О какой Руси идет речь во всех этих записях — сказать трудно. Но обращает на себя внимание легкость, с какой переписчики готовы были поместить Русь в окружении балтского мира.

Ряд упоминаний Балтийской Руси (или Балтийских Русий) имеется у Адама Бременского и его комментатора, относящихся ко времени около 1075 г. Так, перечисляя балтийские острова, Адам называет заселенную славянами Фембру, «тот, которым владеют раны (рути, руны)», а также «тре-

тий остров, называемый Семланд, смежный с Русью и Поляками, населенный сембами и пруссами, отличающимися человеколюбием»⁵⁶. Семланд — это Самбия, полуостров (в районе нынешнего Калининграда), принятый хронистом за остров. Если с запада к нему подходят польские пределы, то Русь могла граничить с ним у низовий Немана.

Комментатор имел больше познаний о норманнах и русах. Выше упоминалось его многое разъясняющее обозначение одной из Русий — «Русия-тюрк». Это, очевидно, часть донских «русов-тюрк», о которых писал в XII в. Идриси. Комментатор является единственным западноевропейским автором, прямо указывающим на разные и по языку, и по культуре «Руссии» на Балтике. В ряде добавлений он упоминает «Русь» в связи с событиями главным образом в германоязычных землях. В одном из них сказано о том, что польский король Болеслав в союзе с Оттоном III (ум. 1002) подчинил всю Славонию, Руссию и Пруссию⁵⁷. «Славония» — это либо Западное Поморье⁵⁸, либо вся территория балтийских славян. Руссия здесь занимает область между Славонией и Пруссией. Конечно, это не Киевская Русь, к этому времени достигшая вершин своего могущества при Владимире. Зато наивысший успех Болеслава в Поморье приходится как раз на период около 1000 г. Уже через несколько лет Поморье снова отпадет: лютичи выступают на стороне Империи, Волин возвращает независимость, ликвидируется епископство в Колобжеге. Соседняя с Пруссией «Руссия» могла находиться у устья Немана, но могла иметься в виду и тоже неясная «Руссия» из «Дагоме юдекс».

К началу XI в. относятся события, связанные с более западной Балтийской Русью, нашедшие отражение в целом ряде источников. По сообщению Адама Бременского, «брат Адельрада Эмунд, доблестный муж, в угоду победителю был умерщвлен ядом; его сыновья были осуждены на изгнание в Русь»⁵⁹. Эмунд — это Эдмунд Железнобокий, английский король (ум. 1016). Этельред II — старший его брат, также англосаксонский король (979—1014). Победителем их явился датский

предводитель Кнут Великий (ум. 1035), ставший с 1016 г. английским, а с 1018 г. также и датским королем. Кнут объединил под своей властью большую часть Северной Европы, в том числе и земли балтийских славян (мать его происходила из рода ободритских князей), хотя зависимость их была скорее номинальной, чем реальной.

Примечательно, что различные источники говорят об изгнании сыновей Эдмунда с теми или иными разночтениями, свидетельствующими о их независимости друг от друга. Довольно обстоятельно они были рассмотрены М.П.Алексеевым и вновь опубликованы В.И.Матузовой⁶⁰. Один источник — это комментарий к т. н. «Законам Эдуарда Исповедника», якобы утвержденным Вильгельмом Завоевателем в 1070 г. Комментарий имеется в разных списках этих законов, а также в «Хронике» Роджера из Ховедена (ум. 1201). В комментарии сказано, что «у этого вышеназванного Эдмунда был некий сын, которого звали Эдуард; он по смерти отца, страшась короля Канута, бежал из этой земли в землю ругов, которую мы называем Руссией. Король этой земли, по имени Малесклад, когда услышал и понял, кто он, с честью принял его»⁶¹. В разночтениях земля ругов называется «королевством ругов», которое «лучше назвать» (или «мы предпочитаем назвать») «Руссией». Имя короля у Роджера «Малескольд», у нормандского хрониста Гильома Жюмьежского (вт. пол. XII в.) «Юлиускладуис», у Ордерика Виталия (ум. 1143) — «Юлиус Клодиус».

В приведенном тексте представляют интерес два момента. Во-первых, это прямое отождествление Ругии и Русии (независимо от того, имеется в виду Балтийская или же Киевская Русь), представление о том, что это одно и то же различно записываемое на бумаге наименование. Второй момент — имя короля ругов-русов. М.П.Алексеев стремился доказать, что речь идет о Ярославе Мудром. Автор сопоставляет *clodus* и *sclavus*, предполагая ошибку фонетического порядка⁶². Но компонент *clod* довольно широко представлен в западноевропейской антропонимии. И он имеет простую и ясную этимологию: по-

кельтски это означает «славный». В кельтских именах хорошо известен и первый компонент *Mal*. Значение его — «князь, дворянин»⁶³. Значение имени в целом, следовательно, «славный князь». И если возможно сблизать это имя с именем Ярослава, то лишь в качестве осмысления, кальки. А это должно было бы предполагать хорошее знание славянского и кельтского языков. Неудивительно, что кельтское имя Малесклад переосмысливалось под пером авторов, не понимавших кельтских языков, на латинский манер⁶⁴.

Сопоставление имени Малесклада и Ярослава навеяно, как и многое другое, представлением об одной-единственной Руси. Между тем, сам М.П.Алексеев привел данные, свидетельствующие о том, что имеется в виду именно Ругия — Балтийская Русь. В стихотворной хронике Жейфрея Геймара (между 1135—1140 гг.) дается еще один вариант (или аспект) событий начала XI в. Король Кнут, подстрекаемый женой Эммой, приказал отравить сыновей Эдмунда Железнобокого. Их воспитатель датчанин Вальгар «не стал медлить: он оставил свою землю трем сыновьям; лишь с тремя кораблями пустился он в море, всего за пять дней проехал Руссию, и завершил свое путешествие, прибыв в Венгерскую землю»⁶⁵.

Любопытно, что в старшем списке хроника называется не «Руссия», а «Сусия». В такой замене обычно видят ошибку переписчика⁶⁶. Но славянское племя «сусов» было известно источникам и оно было знакомо под таким именем как раз авторам XII в., в частности, Гельмольду⁶⁷. «Земля сусов» — это либо часть Вагрии, либо другое ее название⁶⁸. Это область, непосредственно примыкающая к Дании, откуда начиналось путешествие беглецов. Ошибка, следовательно, свидетельствует об определенном знакомстве автора или переписчика с реальным положением на южном побережье Балтики. И, конечно, как это следует из всего повествования, речь идет о Балтийской Руси, в рамках которой, возможно (по крайней мере, в данном конкретном случае), мыслится и Сусия. Киевскую Русь за 5 дней, конечно, не проехать (не говоря уже о том, что она и не по пути

в Венгрию). От устья Одера до Новгорода, при попутном ветре, путь занимал, по сообщению Адама Бременского, две недели. Из Скониин (Южная часть Швеции) до Бирки датские мореходы доходили за пять дней. Пять дней требовалось и для того, чтобы из Бирки попасть на «Русь»⁶⁹. Речь идет, видимо, о Руси-тюрк — Роталии, Аланской Руси у восточного побережья Балтики.

Г.Ловмянский, признавая в целом достоверность приведенных известий, считает все-таки, что речь идет о Киевской Руси, а не о Рутии, ибо «Рутия не была соответствующим местом ссылки королевичей, как маленький островок... и слишком близкий к Дании»⁷⁰. Но такая интерпретация противоречит и буквальному чтению источников, и существу отраженных в них событий. Что же касается удельного веса Рутии, то о значительности его можно судить хотя бы по тому, что, как это отмечали Адам Бременский и Гельмольд, лишь раны-рути из всех славян имели правителей, титуловавшихся «королями». Руты брали дань со многих балтийских (славянских и неславянских) племен, и их территория, судя по источникам, не ограничивалась островом Рюген. При всех частных расхождениях и разночтениях рассмотренная группа источников настойчиво указывает на Балтийскую Рутию-Русь.

Комментатор Адама Бременского еще несколько раз упоминает «Русь», причем в одних случаях разумеется Рутия, в других Роталия или собственно Киевская Русь. В отдельных случаях без дополнительных данных вообще невозможно определить, о какой «Руси» идет речь. Так, в одном источнике отмечается, что «Кнут отдал в жены свою сестру Эстрель за сына короля Руси»⁷¹. А.В.Наваренко сочинил целый роман о женитбе на Эстрель сына Ярослава Ильи, упомянутого во вводных статьях Новгородской I летописи, составленных в середине XV в., и совершенно неизвестного предшествующему новгородскому летописанию⁷². При этом автору пришлось завысить возраст Ярослава даже по сравнению со всеми летописями, которые определяли возраст князя под 1016 г. боль-

шинство в 28 лет, а Ипатьевский список и Софийско-новгородские летописи в 18. В условиях борьбы с полоцкими князьями, потомками старшего сына Владимира Изяслава, князю «добавили» десяток лет, и в статье-эпиграфии под 1054 г. определили его возраст в 76 лет. Таким образом князь становился старше даже и несправедливого брака своего отца Владимира и Рогнеды, который в той же летописи (и в киевской, и в новгородской интерпретации), овладел гордой княжней, не желавшей «розути робичича» в 980 г. А Ярослав был далеко не первым сыном Рогнеды. Из четырех сыновей он значился третьим. А кроме того у него были и сестры, упоминаемые в летописях. А работу А.Г.Рохлина, основательно обследовавшего останки князя и установившего, что князь был моложе указанного в итоговой статье возраста, автор, похоже, не заметил⁷³. Главное же — автор кроме «норманской» Киевской Руси никакие иные не видит. А многожужней Эстрель надо было успеть до 1019 или даже до 1016 г., когда сам Ярослав, нанимая в Швеции сначала против отца, а затем против братьев варягов-свеев, женится на дочери шведского конунга Олава Инггерд — матери всех шести внесенных в собственно летописный текст сыновей Ярослава и дочерей, которым князь подыскивал женихов за пределами Киевской Руси. А у Эстрель мужья менялись с быстротой, за которой хронисты едва успевали, и все они были из соседних с Данией и Англией (королем которых был Кнут в 1016—1035 гг.) земель. Тесные связи король поддерживал, в частности, с герцогами нормандскими, искал опору и среди своих родичей по матери (ободритов), на которых к этому времени уже распространялось имя «Руси», и, может быть, именно при нем возникнет стойкий интерес датских королей и епископов к Руси-Роталии. И, конечно, это сообщение должно быть рассмотрено в контексте рассмотренных выше сведений о Поморской Руси, которую можно было проехать лишь за пять дней.

Сообщение о «сыне русского короля», за которого была выдана Эстрель имеется только в комментарии и по существу противоречит основному тексту хроники, где

фейерверком проходят нормандские мужья Эстредь. Киевского князя Ярослава комментатор тоже знал. Он, в частности, сообщил о том, что «Гаральд, возвращаясь из Греции, взял в жены дочь короля Руссии Гердлефа»⁷⁴. Написание *Gerzlef* обычно для германской передачи имени Ярослава. Гаральд возвращался из Греции после 1042 г. Женой его стала дочь Ярослава Елизавета, известная сагам и под этим именем, и под именем Эллисив.

Любопытно замечание комментатора о «Руссии, называемой варварами Дании Острогардом», а также «Хунигардом», поскольку там некогда обитали гуны⁷⁵. «Гунами» в западных источниках обычно именовали фризов, неоднократно выселявшихся с побережья Северного моря (в том числе во II в. в Причерноморье), а в конце VIII в. они в большинстве ушли от франков на восток, рассеявшись по Волго-Балтийскому пути. Известно, что в сагах Русь именуют «Гарды» или «Гардарики», видимо, имея в виду сказочное представление о цветущих землях или путях за серебром и иными ценностями. (Современное норвежское «*gard*» — усадьба, дом с участком земли, в прошлом также замок, крепость. Примерно то же значение и в кельтских языках). В данном же случае название «Острогард» как бы должно отличить «Руссию» восточную, от рядом лежащей. «Острогард Русии» назван и при исчислении расстояний (в днях пути)⁷⁶. И речь может идти как раз о Роталии и «островной земле» — «Острове русов» восточных источников, буквальным переводом которого является постоянно упоминаемого в сагах «*Holmgarda*», иногда по созвучию переносимого и на «Новгород».

Отсутствие специальных оговорок у большинства авторов XI—XII вв., упоминающих «Русь», затрудняет правильное их понимание, приводит к постоянному смешению разных Русий и в литературе. Это видно, например, на интерпретации рассказа Штаденских анналов под 1112 г. Согласно рассказу, дочь штаденского графа Ода, выданная за русского князя, вынуждена была после его смерти бежать со своим сыном Вартиславом в Саксонию. За-

тем Вартислав был призван на княжение «в Русь»⁷⁷. А.В.Соловьев предположил, что под «Вартиславом» следует разуметь Ростислава Владимировича (ум. 1065)⁷⁸. В.Т.Пашуто видел в нем Святослава Ярославича (ум. 1076)⁷⁹. Между тем, этот факт находит объяснение без каких-либо натяжек в истории Поморья как раз в указанный анналами период. Имя «Вартислав» отсутствует в киевском именослове. Но оно неоднократно встречается в Прибалтике (видимо, в связи с рекой Варта). Именно с Вартиславом связывается крещение части Поморья во втором десятилетии XII в. Этот Вартислав был, видимо, сыном Святотора — ставленника польского короля Болеслава III в Поморье, изгнанного поморянами⁸⁰. Скитания Вартислава являются, таким образом, следствием неудач его отца. Название «Русь» в этом случае, очевидно, предполагает либо какую-то часть Поморья, либо вообще славян-вендов.

Крещение Поморья в 1124—1125 гг. Оттоном Бамбергским нашло отражение в трех его жизнеописаниях, наибольшей полнотой из которых отличаются биографии Эбона и Герборда. Эбон писал в 1151—52, Герборд в 1158—1159 гг. Помимо своих предшественников, Герборд использовал сведения, сообщенные участниками миссии Зефридом и Тимо, что делает его описание наиболее насыщенным фактами.

Как и многие другие авторы X—XII вв., Эбон и Герборд неизменно порождают недоумение у специалистов, называя «Рутенией» и Восточную — Киевскую Русь, и Балтийскую Рутию⁸¹. Но, как и в других аналогичных случаях, путаница, очевидно, отражает реальное положение или же представление об этом положении. Герборд прямо говорит о том, что «Рутения» непосредственно примыкает к Дании и должна находиться (с точки зрения римской церкви) во власти датского архиепископа⁸².

Миссионеры получили у щетинцев «многие» сведения «о происхождении племени рутенов». К сожалению, эти ценнейшие сведения Герборд не пересказал. Остается лишь предполагать, что балтийские рутены придавали большое значение своей этнической генеалогии, большее, чем как будто

единоверные и единойзычные с ними поморские славяне. Очевидно, они отличали также свою генеалогию от родословной соседних племен, в том числе и славянских. Может быть отражением «рассказов» этих рутенов являются некоторые легенды, распространенные в литературе рассматриваемой эпохи, в частности, легенда об основании г. Волина (Юмны, Юлина) Юлием Цезарем⁸³. Некоторые иные предания будут затронуты ниже.

После принятия щетинцами крещения, рутены долгое время беспокоили их своими нападениями, добиваясь возвращения в язычество. Естественно, что рутены не могли бы проводить свои операции против щетинцев, если бы расположенные в устье Одера острова Волин (с г. Волином) и Узедом не были бы их своеобразным тылом.

О «земле варваров, которые называются рутенами», говорит и Эбон. Рассказывает он и о войне между рутенами и щетинцами. Особый же интерес представляет его дополнительное свидетельство, определенным образом характеризующее племя. Оттон, согласно Эбону, пытался обратить в христианство и рутенов. Однако рутены предупредили, что если епископ или его люди приблизятся к «границам Рутении» с целью проповеди христианства, им будут «отрублены головы» и (очевидно, тела их) будут выброшены на растерзание зверям⁸⁴. Здесь интересно и упоминание «границ Рутении», и мотив «отрубания голов», если только это не обычная преувеличенная угроза.

Реальная путаница у авторов житий начинается лишь тогда, когда они касаются сюжетов, связанных с Киевской или Галицкой Русью. В этой связи показателен следующий текст Герборда: «С одной стороны на Польшу нападали Чехи, Мораване, Угры, с другой — дикий и жестокий народ Рутенов, которые, опираясь на помощь Флавов, Прусссов, Поморян, очень долго сопротивлялись польскому оружию, но после многих понесенных поражений принуждены были, вместе со своим князем, просить мира. Мир был скреплен браком Болеслава с дочерью русского князя, но не надолго...»⁸⁵. Обычно вспоминают о том, что за Болеслава была выдана дочь Свя-

тополка Сбыслава, и связывают весь рассказ с русско-польскими отношениями. Между тем, «дикий и жестокий народ рутенов» — это, конечно, рань-рути, которые очень часто в борьбе с польскими князьями и церковью имели на своей стороне всех язычников Балтийского побережья. Здесь, очевидно, надо искать и загадочных «флавов», которых отождествляют с половцами только исходя из убеждения, что речь идет о Руси Киевской. И ответ, можно сказать, лежит на поверхности: традиционные, «русус рутены» и «флави рутены» — все три варианта означают одно и то же: красные, красноватые, желтокрасные — обозначение культового цвета.

Балтийское Поморье на протяжении ряда столетий рассматривалось как вотчина и Рима, и Империи, и датского архиепископства, и польских князей. По сообщению Оттона Фрейзингенского (ум. 1158), в 1135 г. германский император Лотарь III, получив с Болеслава за 12 лет дань, передал польскому князю в лен «поморян и ругов»⁸⁶. Однако, вопреки настойчивым утверждениям польских хронистов о подчинении «Рутии» или «Руссии», борьба продолжалась с переменным успехом. Продолжатель Оттона Фрейзингенского — Рагевин (ум. 1177) поместил «рутенов» за пределами Польши «на севере» от нее. Он ограничил польские земли с запада Одером, с востока Вислой, а с севера «рутенами и морем Скифским»⁸⁷. Помимо островов, сюда, видимо, входили и какие-то территории Западного Поморья, поскольку поморян специально хронист не выделяет.

Против язычников — балтийских славян — в 1147 г. императором Конрадом III был организован специальный крестовый поход. О нем сообщают многие хроники. Гельмольд подробно описывает не слишком успешные действия крестоносцев против ободритов и лотичей⁸⁸. Магдебургские анналы (вт. пол. XII в.) дают перечень состава огромного войска, отправившегося против «язычников севера»⁸⁹. Возможно, вне связи с этим походом брат «польского герцога» «пошел с бесчисленным войском против Прусссов, жесточайших варваров, и долго там пробыл. Против них же и Ру-

тены, хотя и не католики, но по произволению Бога, называющиеся христианами, выступили с огромным войском». Неясно, как соотносятся выступления этих двух войсковых соединений. Дело в том, что вторгаться в Пруссию восточные русы могли либо через территорию Польши, либо через земли литовских племен. Непосредственно с пруссами соприкасались русы неманские. Но в данном случае речь, видимо, идет о союзниках польского князя, поскольку это рутены-христиане. Ими могли быть, например, дружины полоцких или галицких князей. Правда, «огромного войска» эти княжества выставить не могли, и в летописях никаких следов участия русских воинов в походе против пруссов нет⁹⁰.

В 1168 г. столица Ругии Аркона была взята датчанами. Территория Балтийского Поморья оказалась во власти либо немецких, либо датских феодалов. Но какие-то группы балтийских рутенов еще продолжали сохранять самостоятельность. Выше говорилось о Неманской Руси. На ее существование обращали внимание и антинорманисты, и норманисты⁹¹. Какие-то сведения об этой Руси, возможно, связаны с миграцией ранов с завоеванного острова: некогда плотно заселенный остров вскоре опустел, и к началу XV в. славянская речь там совсем угасла.

Значительное количество сведений о рутенах содержит хроника Петра Дюсбургского, датируемая 1326 г. В этой хронике, в частности, сообщается о прибытии рутенов в земли скаловитов за 9 лет до прихода рыцарей Тевтонского ордена, т. е. в 1221 г.⁹² Это могли быть как раз рюгенские рутены. Но не исключена и еще одна возможность. Примерно тогда же вендам, жившим по реке Виндаве, пришлось уступить свои давние территории литовскому племени куршей⁹³. А эти венды тоже, по видимому, назывались «рутенами». Во всяком случае, примерно на этой территории локализует рутенов Саксон Грамматик. Упоминают их здесь и некоторые другие источники.

Сведения о рутенах у Саксона Грамматика довольно многочисленны и нуждаются в специальном исследовании, тем

более, что он приводил данные, относящиеся к разным «рутенам»: именно на восточном побережье Балтики пересекались пути рутенов, пришедших с запада, и с востока. Автор писал в конце XII — начале XIII в. Но «рутены» представлены у него в той части, которая основана на устных преданиях и отражает события VIII—IX вв.

Непосредственно Саксона интересовала именно «Русия-тюрк», как ее определял комментатор Адама Бременского. После овладения в 1168 г. Рюгеном датская экспансия устремилась далее на восток, к Рутении со столицей в Ротале, и Анналист Саксон оказался современником и почти очевидцем происходящего. И как всегда военным мероприятиям предшествовало и сопутствовало изучение потенциального противника и намеченной жертвы. Как отмечено выше, норманисты рутенов восточного побережья Балтики пытаются представить колониями норманнов-шведов. Саксон четко отличает рутенов и от датчан, и от шведов, в частности, по обряду погребения. При этом погребальный обряд рутенов в целом соответствует описаниям восточных авторов: умершего хоронят с конем под курганом. В хронике Саксона дается довольно значительный перечень и рутенских имен, которые будут рассмотрены ниже. Сводка этих данных имеется уже у Карамзина, который принял их просто за легенды⁹⁴. Конечно, легендарного в такого рода документах много. Но не больше, чем в других скандинавских сагах.

Саксон говорил о рутенах в области позднейшей Ливонии применительно к сравнительно отдаленному прошлому. Но, приводя услышанные предания, он, очевидно, не предполагал, что локализация Рутении по восточному побережью Балтики может вызвать у кого-то недоумения. И у него были вполне достаточные основания верить в это. В 1188 г. папа Климент утвердил епископство в г. Икскуль, расположенном на Двине недалеко от позднее возникшей Риги. Папа уточнял, что город находится «в Рутении». В 1224 г. папа Гонорий III говорит о ливонских епископах, «надежно обосновавшихся в Руси»⁹⁵. В той же хронике Петра Дюсбургского «земля Рус-

сия» помещается между Неманом (Мемелем) и Мазовией⁹⁶. В этнографическом введении Повести временных лет в числе данников Руси называются «Литва, Зимигола, Корсь, Нерома, Либь»⁹⁷. Дань с приморских племен корси и ливов брали явно не киевские князья. Это могли быть рутены из Роталии. Но и полоцкие князья и позднее претендовали на устье Двины, может быть в качестве наследников каких-то рутенов: ведь Рогволод пришел в Полоцк из-за моря. Позднее именно в Понеманье зародилась легенда о происхождении Рюрика в 14 колене от Пруса — брата Августа. Видимо, о чем-то подобном рассказывали рутены и миссионерам, пришедшим с Оттоном Бамбергским. Но у них могли сохраняться и более глубокие предания.

Отмеченное выше свидетельство Герборда указывает, по крайней мере, на два обстоятельства: во-первых, у рутенов более, чем у других поморских племен поддерживался культ происхождения, генеалогии, во-вторых, они, очевидно, считали себя не автохтонным, а пришлым населением. Привязывание преданий венецких племен к Риму начала Империи не случайно. В этот период устанавливаются определенные контакты Рима с северной частью Европейского континента. Так, по сообщению Страбона, кимвры обратились к Августу, «прося императора о дружбе и забвении прошлых проступков». После того, «как просьба их была удовлетворена, они вернулись назад», т. е. на побережье океана в Ютландию⁹⁸. Римское же посольство «в страну янтара» состоялось как раз во времена правления Нерона (54–68) — последнего отпрыска (по женской линии) потомства Августа и рода Юлиев. Посольство было направлено неким Юлианом — управителем театра гладиаторов Нерона. Посланец осмотрел в стране янтара побережье и торг и привез такое количество весьма ценившегося в Средиземноморье материала, что из него сделали сеть, окаймлявшую нижнюю часть театра, а один из цельных кусков янтара достигал 30 фунтов⁹⁹.

Должно заметить, что в самом Риме в середине I в. родство с Цезарями (Гай Юлий Цезарь и Гай Юлий Цезарь Окта-

виан — Август), как сообщает Тацит, «почиталось превыше всего»¹⁰⁰. Род Юлиев вел себя от Энея, судьба которого в преданиях о Троянской войне оказалась аналогичной участи Атенора или Палемона — вождей венецов. В этой связи, очевидно, неслучайно в Прибалтике у венецов распространяется своеобразный культ Юлия Августа и отнюдь не респектабельного Нерона. Судя по итогам, римский посланник был встречен в Прибалтике с большим почетом. И едва ли не главным основанием для столь благожелательной встречи явилось родство генеалогий. В сущности, в средневековых генеалогических преданиях на I век переместилось то, что относилось к эпохе Троянской войны.

С адриатическими венецами у Рима поддерживались традиционно дружественные отношения. Такие отношения должны были распространяться и на балтийских венецов, если они воспринимались в качестве ветви той же этнической среды. Но с юга в Прибалтику направлялось неоднородное население, в числе которого венецы были лишь одним из племен. Примерно такая же ситуация складывалась и в районе Северной Адриатики, где взаимодействовали собственно венецкие и иллирийские племена. Этим может объясняться и выделение как бы двух ступеней генеалогической лестницы.

Примечательно, что в связи с традицией сведений о разных балтийских «Русиях» находится параллель уникальному обращению автора «Слова о полку Игореве»: «русичи» и «рутеничи»¹⁰¹. В литературе эта форма обращения использовалась даже для доказательства «подложности» поэмы. Но это чтение оказывается не только возможным, но и реально употребимым в близкое ко времени создания «Слова». При этом поэт, основываясь, видимо, на традиции Тмутараканской Руси, различал «чистых» русов-алан и русов-рутенов.

Название «Руссия» или «Рутения» еще длительное время продолжало сохраняться за Ругией и некоторыми районами Балтийского Поморья. Датские «Риенские анналы» (до 1288 г.) неоднократно упоминают «Руссию», говоря об убоице в Дании в середине XII в. Хорошо осведомленный об

этих событиях Гельмольд сообщает о трехкратном изгнании Кнута из Дании его соперником Свенном, причем Кнут всякий раз искал поддержки в Саксонии и у фризов, живших на территории Ютландии. А в 1152 г. «Кнут отправился в Руссию, которую он с помощью, полученной от Саксонии, воевал и обратил в бегство»¹⁰². Под следующим годом анналы сообщают, что «Кнут, возвратившись из Руссии, прибыл во Фризию». У Гельмольда «Русь» в этой связи не упоминается. Но у него есть сообщение о том, что около этого времени саксонский граф Адольф, поддерживавший Кнута, оказал помощь ободритскому князю Никлоту в борьбе против отпавших племен лижан и черезпеня¹⁰³. По-видимому, об этих событиях и идет речь.

В Риенских анналах имеются экскурсы и в эпическую историю Дании, в частности, говорится об успехах Регнера Лотброка (конец VIII — начало IX вв.), якобы, подчинившего Англию, Шотландию, Ирландию, Норвегию, Швецию, Тевтонию, Славвию, Руссию и все королевства запада»¹⁰⁴. Саксон Грамматик в данном случае говорит о территории Ливонии, видимо, под влиянием ситуации его времени. В Риенских анналах территория «Руссии» не поддается определению. Но это явно та же «Руссия», что и в английских документах XI в. Город Любек в документах 1373 и 1385 гг. помещается «в Руссии»¹⁰⁵.

Разные «Русии» явно смешиваются и в северных сагах. Само название «Хольмгард», как отмечено выше, является по существу калькой обозначения «Островная земля» и «Ейсюсла». Буквально то же значение прочитывается и в весьма популярном топониме «Хольмгард». И некоторые саги указывают именно на остров. Так, в рассказе «Саги о фарерцах» о походе викингов сначала на Швецию, а затем «на восток в Хольмгард», где викинги «грабили на островах и мысах», Е.А.Рыдзевская резонно видела именно остров Сааремаа¹⁰⁶. К тому же, рядом с Хольмгардом часто фигурирует Вик — область, лежащая напротив острова Сааремаа.

У Адама Бременского упоминаются проживавшие здесь «аланы или албаны». По-

следнее обозначение, видимо, книжное, означающее (в латинском) белый цвет. О том, что в иранских языках и росы-русы означают то же самое, западные авторы явно не догадывались. Датчане Рутенов с острова Рюген звали «Ре» или «Рены» — все те же «рыжие», «красные». «Рутенами» же они именовали именно аланскую Русь. Анналист Саксон воспроизвел и некоторые легенды роталийцев. В одной из них задействован и Один, который пришел на Балтику с Дона и вернулся на Дон. Он воспроизвел предание о рождении у дочери рутенского вождя Ринды от Одина сына Боя. Бой же — легендарный герой рутенов из Роталии. Один побывал и в Швеции и там тоже оставил свой след, и его шведы почитали как божество, но вернулся он на Дон.

Поскольку норманисты готовы даже женщин-наездниц восточного побережья Балтики склонны рассматривать как колонию скандинавов, важным является указание шведского автора XVII в. Иоганна Мессениуса в «Хронике линчепингских епископов» (одна из первых шведских епархий), что во время шведского похода 1220 г. в Вик, в «Руссию», «рутену» убили епископа¹⁰⁷. К сожалению, на острове Сааремаа, да и на побережье археологические раскопки не производились. Отмечены лишь случайные находки: на острове найдено семь мечей, на континенте лишь один. С островом не случайно связывался и титул «кагана» у восточных авторов IX—X вв. Хотя титул этот явно не был признан соседями, в известной «крестьянской войне» 1343—1345 гг. именно остров стоял во главе восставших¹⁰⁸.

Примечательно, что земли по южному и восточному побережью Балтики именовались «Руссией» именно в датских источниках, т. е. у непосредственных соседей входящих в эту территорию племен. Это обстоятельство совершенно снимает вопрос о возможности смешения Руси со Скандинавией, в частности, со Швецией. Вместе с тем, собственно «Руссия» отличается и от «Славии», хотя иногда они и покрывают друг друга.

«Руссией» продолжали именовать римские папы и Ливонию, и земли, прилегав-

шие к острову Рюген. В 1245 г. папа Иннокентий IV с требованием прекратить преследования францисканского ордена обратился к духовенству «Богемии, Швеции и Норвегии, а также в провинциях Польши, Литвы, Славии, России и Пруссии»¹⁰⁹. «Руссия» здесь, очевидно, область, подчиненная римской церкви, та же самая, что и в ряде других рассмотренных документах. Папа Бенедикт XI обращался в 1304 г. к последним собственно рюгенским князьям Вышеславу и Самбору, называя их «знаменитыми мужами, князьями русских» (*principibus Russianorum*)¹¹⁰. В «Хождении на Флорентийский собор» в 1437 г. митрополита Исидора отмечено, что «кони митрополити гнали берегом от Риги къ Любку на Русскую землю»¹¹¹.

Вполне живая еще традиция отразилась и в сочинениях авторов XVI столетия С.Герберштейна и Герарда Меркатора. Герберштейн стремился понять природу «варягов» и указал на то, что если у восточных славян Балтийское море называется «варяжским», то у балтийских оно называется «Варедским». Автор сблизил это название с «Вагрией» и сопоставлял «русских» России и «русских» Вагрии¹¹². Географ Меркатор в описании балтийских народов уделяет видное место «рутенам» или «ранам» с острова Рюгена. Он, в частности, дал ценное указание на их двуязычие: язык рутенов был «словенской да виндальской»¹¹³. «Виндальский» язык, очевидно, относится к изначальной природе балтийских рутенов (видимо, язык всей группы племен ингевонов). «Словенский» они приобрели в ходе освоения Балтийского побережья славянами в VI–IX вв. Поиски следов «виндальского» языка в Прибалтике, по всей вероятности, и должны привести к решению варяго-русской проблемы.

Одним из главных прибежищем норманизма изначалью служили личные имена первых князей и дружинников. Тема эта для специальных исследований. Поэтому пока отошлю к двум прежним своим публикациям: «Об этнической природе варягов» (ВИ, 1974, №11) и «Древнерусские имена и их параллели». (В кн. «Откуда есть пошла Русская земля», кн. 2. —

М., 1986). Здесь затронем лишь несколько моментов.

Первое — почему славяноязычные племена заимствуют неславянские имена?

Ответ лежит в природе территориальной общины. Христианские имена в быту долго не употреблялись и подчас даже не имели различительного значения: даже в высших слоях одно и то же имя могли носить несколько братьев, вроде: «Ивашко Большой, Ивашко Меньшой, Ивашко Средней». А крестьянин и в начале прошлого века на вопрос: «Ты чей?» обычно называл свою деревню. На конференции в Кирове в 1997 г. шведский ученый Л.Грот буквально утопил наших норманистов в холодных водах Балтики. А привел он факты, лежащие на поверхности. Он отметил, что имени Рюрика, с которого у нас обычно начинают утверждение господства шведов на Руси, в Швеции вообще никогда не было, а имя Олега нельзя производить от шведского «хелиг» — святой, поскольку христианство в Швеции будет распространяться лишь в конце XI — начале XII вв.¹¹⁴ И это в то время, как «Рюриками» буквально засыпана Западная Европа, начиная, по крайней мере, с IV столетия. И имя объясняется очень просто. По берегам реки Рур (Раура) жило кельтическое племя Руриков (Рауриков). И каждый выходец из этого племени (сдвинутого со своих мест поселения) на тот же вопрос — «кто ты?» — отвечал «Рурик».

С расслоением общества «верхи» должны были подыскивать себе имена соответствующие занимаемой ступеньке социальной лестницы. Дружинники обычно «быстрые», «сильные», «смелые». Известный летописцам киевский соправитель Дир — имя и сейчас весьма популярное в Ирландии, восходит к иллирийским племенам, с которыми соседствовали славяне и рути, и значение имени легко определимо: «твердый, крепкий» (прямо-таки дюралюминий). Князья обычно брали титулы более высокого значения. В имени «Аскольд» есть и многозначный «ас», и кельтическое «колд» — владетель, или «колд» — славный. В имени «Олег» звучит иранизированная форма тюркского «улут» — вели-

кий. Имя «Игорь», славянская форма имени «Ингер» (так в Византии и обозначали русского князя) восходит к уральским языкам так же со значением «старший», «господин» и т. п. Сам же факт утверждения Олега и Игоря в Киеве с дружиной, имена членов которой отражены в договорах обоих князей с греками (записанных в греческом и славянском вариантах) заставляет предполагать, что в отличие от Рюрика, вышедшего с южного берега Балтики и после гибели в 808 г. отца вынужденного вместе с братьями искать где-то пристанища, Олег и Игорь были связаны с Роталией. В договорах имеются и иранские-аланские, и чудские-астанские имена. И между Рюриком и Игорем лежал весьма значительный хронологический разрыв: родоначальником династии Рюрик не был, а отразилась в этой легенде определенная борьбы русов «красных» и русов «белых». Примечательно, что в Новгороде Олега вообще князем не признавали. В новгородских летописях он лишь воевода Игоря. И

это тоже, конечно, тема специальных исследований.

Таким образом, широкий круг разнообразных и независимых друг от друга источников с IX по XVI вв. указывают на наличие ряда Русий по южному и восточному берегам Балтики и на прилегающих к этим берегам островам. На восточном побережье выделяется «Русия-тюрк», являющаяся ответвлением донских русов-аланов, на острове Рюген и на побережье, в той или иной степени удаленном от моря, вплоть до Немана, упоминается несколько изолированных друг от друга, но восходящих к единому корню, Русий «красных».

Именно эти «Русии» традиционно, на протяжении столетий, воспринимались как части Руси Киевской и позднее — Московской. С этими же Русиями — вполне обоснованно — увязывались и разные «Русии» в Подунавье и примыкающих к Дунаю областях. В Причерноморье же смешивались «Русии» разного этнического происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Тихомиров М.Н. Русское летописание. — М., 1978. С. 83—137. Первоначально опубликован в 1952 г. в т. 40 «Исторических записок».
- 2 Боричевский И. Руссы на южном берегу Балтийского моря // «Маяк», ч. VII. — СПб., 1840; Морошкин Ф.Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах. — СПб., 1842, и др.
- 3 Советская историография Киевской Руси. — Л., 1978. (Образование Древнерусского государства и норманская проблема наложены И.П.Шаскольским.)
- 4 См. Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ, 1970, № 10; Ловмянский Г. Руссы и руги. Там же, 1971, № 9.
- 5 Ср. Державин Н.С. Славяне в древности. — М., 1945. С. 32.
- 6 Ср. Назаренко А.В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX—XI вв. // ВЯ. — М., 1980, с. 57; *его же*. Древняя Русь на международных путях. — М., 2001. С. 45—47, и др.
- 7 Ср. Кочин Г.Е. Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. — Л., 1936. С. 23—24.
- 8 См. Сахаров А.Н. Русское посольство в Византию 838—839 гг. // Общество и государство феодальной России. — М., 1975; Riasanovsky A.V. The Embassy of 838 Revisited: some Comment on Early Russian History // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropa. Bd. 70, H. 1, Wiesbaden, 1962.
- 9 Эверс Г. Предварительные критические исследования для Российской истории. — М., 1826. С. 116—117.
- 10 Геденов С. Отрывки из исследований о варяжском вопросе // Приложение к 1 тому Записок имп. Академии наук, СПб., 1862, № 3. С. 101—106.
- 11 Седов В.В. Русский каганат IX в. // «Отечественная история», 1999, № 4.
- 12 Древняя Русь в свете зарубежных источников. — М., 1999. С. 290.
- 13 Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. — М., 1956. С. 56.
- 14 Ср. История Венгрии, т. I. — М., 1971. С. 92. (Дата 839 г. как «первое упоминание о венграх. Автор главы — В.П.Шушарин. *Его же*. Русско-венгерские отношения

- в IX в. // *Международные связи России до XVII в.* — М., 1961.)
- 15 Ср. Мерперт М.Я. Угорские (венгерские) племена в южнорусских степях // *Очерки истории СССР. III—IX вв.* — М., 1958. С. 682.
 - 16 См. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. — М., 1977. С. 283—284, 309—311.
 - 17 Д. Дьерфи показывает, что это произошло в 895 г. См. *Dyorny Gyorgy. A besenyok europai honfoglalasanak kerdesehez* // *Tortelnelmi Scemle* 1971, 3—4; его же. Время составления Анонимом «Деяний венгров» и степень достоверности этого сочинения // *Летописи и хроники.* 1973. — М., 1974. С. 115.
 - 18 Ср. Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 406—407. См. также: Кудрякова Е.Б. Надуманная концепция происхождения Руси // *ВИ,* 1978, №7 (о концепции О.Притцака), и др.
 - 19 Гедеонов С. Отрывки... С. 102.
 - 20 Шафарик П.И. Славянские древности, кн. III. — М., 1848. С. 56—74.
 - 21 Гильфердинг А. Собрание сочинений, т. 4. История западных славян. — СПб., 1874. С. 298—299; ср. Гельмольд. Указ соч. С. 44—45, а также коммент. на с. 252.
 - 22 Гильфердинг А. Указ. соч. С. 3, прим. 4.
 - 23 См. Васильевский В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, 1888, июль; Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. — Прага, 1935. С. 159—164, и др.
 - 24 Zollner E. Rugier oder Russen in der Raffelstettener Zollurkunde? // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung.* 60. — Graz-Köln, 1952.
 - 25 Herrmann J. Slaven und Beiern im Donaugebiet // *Die Slaven in Deutschland.* — Berlin, S. 46.
 - 26 Назаренко А.В. Русь и Германия в IX—X вв. ДГ, 1991. — М., 1994; его же. Древняя Русь на международных путях. — М., 2001, и др.
 - 27 Назаренко А.В. Русь и Германия в IX—XI вв. С. 21. То же. Древняя Русь. С. 83, где Одоакр назван «итальянским королем».
 - 28 См. Величко С.В. Летопись событий в южно-западной России XVII века. — Киев, 1848. Т. 1. (Сравнение Богдана Хмельницкого с «древним русским Одоацером». С. 293). Там же изложение «Церковного Универсала Богдана Хмельницкого» 1648 г., где вполне логично и достоверно изложена история деятельности Одоакра, выходящая из Ругны-Русии — прародины и киевских русов (с. 85). См. также: Фомин В. Варяги и варяжский вопрос в судьбе России // «*Роман-журнал XXI век*», 2001, № 9, с. 109.
 - 29 *Pommersches Urkundenbuch.* B. 1. — Stettin, 1868, p. 5.
 - 30 См.: Левченко М.В. Указ. соч. С. 233—235; Рамм Б.Я. Папство и Русь в X—XV веках. — М.-Л., 1959. С. 33—37; Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. — М., 1968. С. 119—120; Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь». С. 43; Ловмянский Г. Руссы и руги. С. 48—49, и др.
 - 31 MGH SS, T. I. P. 624; T. III. Pp. 60—61; *Titulari Merseburgensis episcopi.* — *Chronicon.* B., 1966. P. 56; ср. MGH SS, T. 14, 1883. P. 381.
 - 32 MGH SS. T. VI. P. 619.
 - 33 М. С. 28.
 - 34 Гильфердинг А. Указ. соч. С. 365—367.
 - 35 Там же. С. 370. Аналогичным образом Адам Бременский и Гельмольд определяют остров ругов как лежащий «против земли вильцев» (ср. Гельмольд. Указ. соч. С. 37—38).
 - 36 Ловмянский Г. Указ. соч. С. 45—46.
 - 37 Там же. С. 52.
 - 38 Там же. С. 48.
 - 39 Куник А. и Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о русах и славянах. — СПб., 1878. С. 51 и 11.
 - 40 Ср. Гедеонов С. Отрывки... С. 74; его же. Варяги и Русь. — СПб., 1876. С. 471—473.
 - 41 Гедеонов С. Отрывки... С. 76.
 - 42 Там же. С. 74, прим. 2.
 - 43 MGH SS. T. III. P. 331.
 - 44 Гедеонов С. Отрывки... С. 96—99. Автор обращает внимание на то, что бельгийский хронист Сигберт (1030—1112), буквально передавая текст Лиудприанда, опускает его комментарий (там же. С. 100—101).
 - 45 Гельмольд. Указ. соч. С. 195.
 - 46 Гедеонов С. Отрывки... С. 100, прим.
 - 47 См. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 7. — СПб., 1852. С. 160 (прим. 243 к т. 3). Ср. Аристов Н. Промышленность Древней Руси. — СПб., 1866. С. 199; Гедеонов С. Варяги и Русь. С. 438.
 - 48 См. Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. Вып. 1. — СПб., 1874. С. 41, 58, 76. В разных списках значится либо «бошни», либо «саксини» (ср. пренебрежительное на-

- звание немцев у соседей «бошами»). См. также: *Барац Г.М.* Происхождение летописного рассказа о начале Руси. — Киев, 1913. С. 8—15.
- 49 *Ср. Морошкин Ф.Л.* Указ. соч. С. 24—25; *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь»... С. 44—45. «Устав» датирован 938 г. Но в данном случае явная ошибка либо даты, либо имени Генриха (ум. 936). Текст «Устава» см.: *Melchioris Goldasti. Collectio constitutionum imperialium.* — Frankfurti, 1713. Pp. 213—214. В «Уставе» речь идет о «Славонии» как части Империи, упоминаются поморские владетели и в их числе, очевидно, «*Bilmarus princeps Russiae, Radebotto, dux Russiae, Vinslaus princeps Rugiae*».
- 50 *Ср. Bohmer J.* Regesta Imperii. II. — Innsbruck, 1893. P. 32; *Ottental E.* Die gefälschten Magdeburger Diplome und Melchior Goldast. — Wien, 1919.
- 51 *Ср. Kutrbišowna B.* Dagome iudex — studium Krytyczne // *Początki państwa Polskiego.* Т. 1. — Poznań, 1962. S. 394—396.
- 52 *Ср. Боричевский И.* Указ. соч. С. 175—176.
- 53 *См. Морошкин Ф.Л.* Указ. соч. С. 48.
- 54 *Pomniki dziejowe Polski.* Т. IV, cz. 2. — Warszawa, 1969. S. 5, 19.
- 55 *MGH SS.* Т. III. P. 90.
- 56 *Magistri Adami Bremensys Gesta Hammaburgensis Ecclesiae pontificum.* — Hannover—Lpc., 1917. P. 114.
- 57 *Ibid.* P. 95—96.
- 58 *См. Бречкевич М.В.* Введение в социальную историю княжества Славии или Западного Поморья. — Юрьев, 1911, и др.
- 59 *Magistri Adam.* Op. cit. P. 245.
- 60 *Алексеев М.П.* Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха // *ТОДРА,* т. II. — М.—Л., 1935; *его же.* К вопросу об англо-русских отношениях при Ярославе Мудром // «Научный бюллетень ЛГУ», 1945, № 4; *Матузова В.И.* Указ. соч. С. 36—39 и 55—59. См. также *Ловмянский Г.* Руссы и руги. С. 49—50; *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь». С. 43—44, и др.
- 61 *См. Матузова В.И.* Указ. соч. С. 58. *Ср. Die Gesetze der Angelsachsen.* Bd. 1, Halle, 1903. S. 664, ect.
- 62 *Алексеев М.П.* Англо-саксонская параллель... С. 47—48; *его же.* К вопросу об англо-русских отношениях. С. 31.
- 63 *Льюис Г. и Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. — М., 1954. С. 59 (компонент *mal* в именах собственных).
- 64 Считаю ошибочной и свою попытку этимологизации имени из латинского (статья «Варяги» и «Русь»). Латинский именослов вообще мало повлиял на европейскую антропонию. Кроме того, негативный смысл могло носить только прозвище со стороны.
- 65 *Ср. текст: Матузова В.И.* Указ. соч. С. 38. (Редакция перевода несколько изменена).
- 66 *Ср. там же, прим. 1.* Некоторые авторы, ссылаясь на Хронику Флорентия Вустерского (XII в.), считают, что речь идет о Швеции. Но упоминающиеся здесь «свавы» (*ad regem Svaavogum*) — это либо швабы Баварии, либо «сварины» древних авторов и «свары» Географа Равеннского, жившие на южном берегу Балтики, что указывает скорее на знакомство с литературой, чем с реальной ситуацией в Прибалтике.
- 67 *Гельмольд.* Указ. соч. С. 47.
- 68 *См. Гильфердинг А.* Указ. соч. С. 27.
- 69 *Magistri Adam.* Op. cit. P. 249.
- 70 *Ловмянский Г.* Руссы и руги. С. 49, прим. 37.
- 71 *Magistri Adam.* Op. cit. P. 114.
- 72 *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 484—504.
- 73 *См. Рохлин А.Г.* Итоги анатомического обследования и рентгенологического изучения скелета Ярослава // *КСИА.* Т. VIII. — М., 1940. С. 46—57.
- 74 *Magistri Adam.* Op. cit. P. 153.
- 75 *Ibid.* P. 240.
- 76 *Ibid.* P. 254—255.
- 77 *MGH SS.* Т. XVI. Hannoverae, 1859. P. 319.
- 78 *Soloviev A.V.* «Reges» et «Regnum Russiae» au Moyen Age // *Byzantion, Bruxelles,* 1966. P. 152.
- 79 *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. — М., 1968. С. 124.
- 80 *Ср.: Бречкевич М.В.* Указ. соч. С. 95; *Галл Аноним.* Хроника. — М., 1961. С. 89.
- 81 *Ср.: Котляревский А.* Сказание об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности. Прага, 1874; *Петров А.* Гербордова биография Оттона, епископа Бамбергского. ЖМНП, 1882, ч. 224, 1883, ч. 225. См. также: *Свердлов М.Б.* Известия немецких источников о русско-польских отношениях // *Исследования по истории славянских и балканских народов.* — М., 1972. С. 161—163.
- 82 *MPH.* Т. II. Lwow. 1872. P. 123: «Ruthenia

- vero Danos adiunktos habet, porro archiepiscopo Danorum itiam Ruthenia subiecta esse debuit. Остров Рюген известен Герборду и как «Ругия».
- 83 Ibid. Pp. 49, 131.
- 84 Ibid. P. 68–69.
- 85 Ibid. P. 73–74.
- 86 MGH SS. T. XVI. P. 188–189.
- 87 Ibid. P. 417.
- 88 Гельмольд. Указ. соч... С. 143–148.
- 89 MGH SS. T. XVI. P. 188–189.
- 90 В.Т.Пашуто сопоставил с сообщением Магдебургских анналов известие Ипатьевской летописи о походе на Голядь. См.: Пашуто В.Т. Русско-польские взаимоотношения с середины XI в. до монгольского нашествия) в связи с политикой Германской империи // Международные связи стран Центральной, Восточной, и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. — М., 1968. С. 20. Но летопись говорит о походе на голядь, жившую на Протве (см. ПСРА, т. II. С. 339).
- 91 Ср.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 7. С. 78–80 (прим. III к т. 1). Автор разделял мнение первого издателя Хроник Петра Дюсбургского Гарткноха (XVII в.) о происхождении самого названия «Пруссия» от «Порусья», т. е. территории, прилегающей к реке Русе (нижнее течение Немана или его правый рукав). См. также: Гелеонов С. Отрывки... С. 20–21; Hartknoch H. Selectae dissertationes Historicae de variis rebus Prussicis. 1679. P. 63–64. Существование «Неманской Руси» признал, как отмечалось выше, и М.П.Погодин, считавший ее норманской колонией.
- 92 Scriptores rerum Prussicarum. T. 1. — Leipzig, 1861. P. 133.
- 93 Латвийский Генрих. Хроника Ливонии. — М.—Л., 1938. С. 94. Изгнанные с реки Виндавы, венды сначала поселились у устья Западной Двины, где позднее возникла Рига (1201 г.), но и отсюда их курши изгнали. По сообщению автора, венды бежали отсюда к лэтам. Но, видимо, речь идет только о части этого некогда многолюдного племени.
- 94 Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 65–68.
- 95 Латвийский Генрих. Указ. соч. С. 248 (коммент. С.А.Аннинского).
- 96 Scriptores rerum Prussicarum. P. 50–51.
- 97 ЛЛ. С. 10.
- 98 Страбон. География. — М., 1964. С. 268.
- 99 Кай Плиний Секунда. Естественная история. — СПб., 1819. С. 332–333.
- 100 Тацит, Корнелий. Сочинения. Т. 1. — Л., 1969. С. 224.
- 101 Scriptores rerum Prussicarum. T. II. — Leipzig, 1863. P. 64, 97 (Hermann de Wartberge); Hartknoch H. Op. cit. P. 161 (1295 г.).
- 102 MGH SS. T. XVI. P. 402.
- 103 Гельмольд. Указ соч. С. 161–162, 164–165.
- 104 MGH SS. T. XVI. P. 397.
- 105 См. Васильев А. Древнейшая история северных славян и откуда пришел Рюрик и варяги. — СПб., 1858. С. 37.
- 106 Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. — М., 1978. С. 69–70.
- 107 См. Кейслер (фон) Фридрих. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии. — СПб., 1900. С. 92–93.
- 108 См. об этом также в указ. издании «Славяне и Русь. Проблемы и идеи».
- 109 Regesta diplomatica... Bohemiae et Moraviae. T. 1. — Praage, 1855. P. 530.
- 110 Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек... А.И.Тургеневым. Т. 1. — СПб., 1841. С. 351.
- 111 См. Великие духовные пастыри. — М., 1999. С. 237–238, 242–246. Таково чтение древнейшего списка. Дважды издававшая текст Н.А.Казакова «поправила» его по списку XVII в. на «Курскую» (даже не указав, как читалось в древнейшем списке) и перевела как «Кураляндия», которой в XV–XVI вв. вообще еще не было.
- 112 Герберштейн С. Записки о московских делах. — СПб., 1908. С. 4.
- 113 Забелин И. Указ. соч. С. 649.
- 114 Грот Л. Мифические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории // Шведы и Русский Север. — Киров, 1997. С. 153. Автор противопоставил древние времена, когда жители смежных территорий «старались бережно собирать фактические данные о своих соседях, в отличие от нынешних просвещенных дней, когда предрассудки часто подменяют реальные знания».

Памяти Олега Михайловича Рапова посвящается

А.Г.Кузьмин

Облик современного норманизма

Первый номер популярного еженедельника «Версия» за 2002 год открылся аншлагом: «Путин правит историю. Росии подыскивают новую колыбель вместо Киева». Материал встречи президента с несколькими историками дан под заголовком: «Переписать историю. Путин собрал ученых и намекнул, что Киев — не колыбель Росии». «Версия» проконсультировалась у В.А.Янина: «Правда ли, что президент был бы не прочь сместить приоритеты в древней истории Росии?». Академик В.А.Янин уточнил: «Можно подумать, что действительно это лежит в основе, но вопрос был поставлен не так в лоб». И упрекнул губернаторов Северо-Запада Росии в краеведческих пристрастиях и назвал, в частности, псковского губернатора Е.Э.Михайлова, который, якобы, представлял президенту Изборск как древнейшую столицу Руси. Здесь же дается и ответ губернатора-историка (могу засвидетельствовать — весьма компетентного): «Смешно было бы мне, выпускнику исторического факультета МГУ, всерьез утверждать, что Изборск — древняя столица Руси».

Нельзя не заметить, кто попал в девятку «избранных» историков, удостоившихся встречи с В.В.Путиным. Первым назван кандидат исторических наук И.Н.Данилевский, сотрудник Института всеобщей истории (по слухам, и определявший круг «избранных»). Недавно Фонд Сороса роскошно издал две книги его лекций (о них поговорим в другом месте. Где проверим, в частности, действительно ли Александр Невский нанес грандиозный ущерб Руси.)

Что же касается начала Руси, то г-н Данилевский не выходит за пределы концепций коллег-соучастников приема — филологов-норманистов Е.А.Мельниковой и А.В.Назаренко, постоянно третирующих историческую науку и почему-то оформленных как доктора исторических наук, а также их единомышленника из Института славяноведения В.Я.Петрухина. Об их работах в основном и пойдет здесь речь. Институт российской истории был представлен членом Нью-Йоркской АН В.А.Кучкиным, тоже поддерживающим филологов-норманистов.

Еще 10 лет назад в Министерстве образования по инициативе тогдашнего зам. министра А.С.Асмолова было подготовлено решение об исключении предмета истории вообще из преподавания в школе. Тогда эту инициативу удалось остановить в значительной степени благодаря вмешательству ученых технического круга наук. Но вопрос поднимался снова и снова, о чем ниже еще будет речь. А параллельно создаются как бы альтернативные прочтения событий прошлого, финансируют которые аж заокеанские фонды. В «Советской Росии» (11.06.02) было опубликовано «Письмо из Бельгии» Андрея Журбина «Мародеры-Соросята», в котором автор показывает, до какой степени можно исказить даже историю недавнего времени (Великой Отечественной войны), когда живы еще непосредственные участники-защитники Родины. А что уж говорить о давнем прошлом? Здесь непосредственные свидетели — это только те или иные источники, от прочтения которых зависит многое. Об этом и пойдет речь.

* * *

«Откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжити и откуду Русская земля стала есть?» Эти вопросы ин-

тересовали одного из первых, сохранных временем до нас летописцев. Он отождествлял «Русь» с племенем полян, выделял это

племя, «живущее особо», начиная историю княжеского рода с Кия и его братьев Щека и Хорива, и спорил с «иными несведующими», которые отрицали княжеское достоинство Кия, квалифицируя его как «перевозника», ведавшего переправой через Днепр. «Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своемъ; и приходившу ему ко царю якоже говорятъ, яко великую честь приялъ есть от царя, при котором приходив цари. Идущу же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюби место, и сруби градокъ малъ, и хотяше сестъ с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущие; еже и доньше наричуть Дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедше в свой градъ Киевъ, ту живот свой сконча»¹. Такое «городище» действительно было в болгарском Подунавье, но появление его остается неясным, как неясно появление подобных топонимов и в ряде других славянских земель.

Спорил же летописец с новгородской версией, связывавшей начало Руси с варягами, а княжескую династию с пришедшим из-за моря Рюриком. В «Повести временных лет» окажутся обе версии, которые полемизировавшие летописцы, к счастью, сохраняют для потомства².

В сохранившейся редакции летописи оказавшиеся в Киеве князья Дир и Аскольд пришли с севера, отделившись от варягов, а затем были убиты Олегом как самозванцы. Польский хронист XV в. Ян Длугош использовал русскую летопись (Е.Перфецкий считал ее «Перемышльским летописным сводом»), в которой русы выводились из Паннонии, Дир и Аскольд признавались потомками Кия. Олега Вещего эта летопись вообще не знала, а предательское убийство соправителей приписывалось сыну Рюрика Игорю. В летописи была какая-то особая хронология, и кончина Владимира отнесена у Длугоша к 1005 г.³ Но и в дошедших до нас летописях основной рассказ о княжении Владимира завершается 6604—996 г. А по антиохийской эре, также отраженной в летописи, это был бы 1006 г. Иначе изложены у Длугоша и события, связанные с конфлик-

том Владимира с сыном Ярославом. Ярослав здесь — князь ростовский. (По первоначальному разделу владений между сыновьями Ярослав был определен именно в Ростов. В Новгород он был переведен после смерти старшего сына Владимира — Вышеслава, а Ростов получила Борис.) Недовольный выделенным ему уделом, он с нанятыми варягами и печенегами напал на Киев и захватил сокровища отца. Владимир направил против Ярослава сына Бориса, а сам вскоре скончался в Берестове, откуда был перевезен в Киев и погребен в церкви св. Марии (в русских летописях имя Богородицы не упоминается; речь идет о Десятинной церкви) под мраморной плитой. Распрями между сыновьями Владимира и заканчивался оригинальный источник Длугоша.

К сожалению, кроме Е.Перфецкого и М.Тихомирова, никто из специалистов по истории летописания уникальными данными польского хрониста специально не занимался. А из них следует, что уже в X веке шла острая борьба по вопросу о начале Руси и правящей династии. Это вполне закономерно в условиях перехода от родоплеменного строя к государственному. В первом хранили память о «веках и временах» рода и племени, во втором обычно стремились возвысить правящую династию и его род. Ложные генеалогии становятся неизбежными. Об Олеге, как это следует из Новгородской 1 летописи, ходили разные легенды, и в разных местах его хоронили: на Щековице в Киеве, в Ладоге, и где-то за морем. Здесь он не князь, а воевода Игоря. И в Киевскую летопись вернулось его княжеское достоинство, видимо, лишь в связи с включением в свод Договоров Руси с Греками. О сыне же его Олеге, изгнанном Игорем, сообщают лишь богемские хроники, поскольку изгнанник, благодаря своим достоинствам, возвысился до княжеского стола в Моравии. Позднее, при Ольге, он (в христианстве Александр) вернется на Русь, где скончается в 967 году, и, видимо, памятью о нем станет «Олегова могила» у западных ворот Киева. Сыном же Рюрика Игорь просто не мог быть по времени, о чем речь будет ниже.

Спор летописцев продолжался и на протяжении XI — начала XII столетий. А потом в летописных сводах оказались обе версии. Что-то в ходе полемики было опущено спорящими сторонами, что-то добавлено для связи позднейшими сводчиками, и текст ее как бы застыл по недоделанной и частично разрушенной форме. К этому застывшему тексту долгое время обращались в поисках истоков Руси и правящей династии. Одни принимали версию, что русь — это поляне, другие признавали варяжским племенем. Так разделились приверженцы южного и северного варианта начала Руси. При этом сторонники первого разошлись в определении этнической природы южной руси, а сторонники второго — в вопросе о том, кто такие варяги, где они жили, на каком языке говорили. Русские и в значительной мере немецкие источники XVI — начала XVIII вв. указывали на славянский или ославяненный южный берег Балтики. Но летопись в какой-то редакции включила в их состав наряду с собственно «варягами» и «русью» также «англов» юга Ютландии и скандинавские племена: «готы», «свеи» и «урмане». Когда это произошло и какова была их роль — одна из проблем общей проблемы этнической принадлежности всей совокупности племен, называемых «варягами».

Истоки норманизма и антинорманизма. Почти три столетия в науке с самого ее зарождения в XVIII веке продолжается спор о происхождении и характере Древнерусского государства. Призванные Петром I из разных, в основном германских, земель и княжеств, специалисты получали в три раза больше абorigенов за ту же работу и деятельность, а открытая вскоре после кончины императора Академия Наук собрала и выдающихся ученых, и искателей легкой наживы со всей Европы. На карте появились «штадты» и «бурги». Даже новый уральский город, названный Татищевым «Екатерининском» в честь супруги императора, получил привесок: «бург».

Т. н. «Бироновщина» явилась закономерным и весьма наглядным результатом высочайших увлечений. Г.З.Байер (1694—

1738), филолог-востоковед, не владевший русским языком и не стремившийся овладеть им, на основе скандинавских и византийских источников, а также переведенных на латинский язык отрывков из русских летописей, вывел первых русских князей из Швеции. Более умеренным и сдержанным его продолжателем выступил вскоре Г.Миллер, после суровой критики со стороны М.В.Ломоносова занявшийся вполне плодотворно историей Сибири. Как своеобразную периферию исторического знания принял построение Байера В.Н.Татищев, а М.В.Ломоносов, резко осудив концепцию норманистов, отметил, что, привлекаемые ими и поныне, упоминаемые летописями имена «не имеют на скандинавском языке никакого знаменования»⁴. В начале XIX в. А.Шлецер опубликовал капитальную работу (сначала на немецком языке, а затем в русском переводе), в которой повторил и как бы закрепил аргументы первых норманистов, родоначальником которого объявил первого русского летописца Нестора, якобы создавшего в начале XII века монументальный труд — «Повесть временных лет». Нестор и был объявлен «первым норманистом», что без рассуждений повторяли все норманисты XIX века. Поскольку все летописание до XIII века автору представлялось «единым деревом», он «очищал» его от мнимых привнесений позднейших переписчиков. Схема Шлецера повлияла на всех норманистов XIX века и даже на А.А.Шахматова (1864—1920), ставившего задачу «реконструировать» этот предполагаемый «ствол». Лишь в конце жизни он осознал, что рукой летописцев водили страсти, объяснить которые формальная текстология не может. Но перестроить свои реконструкции с учетом воздействия на летописцев общественной среды он не успел.

Уже Г.Эверс и затем П.М.Строев признали несостоятельность шлецеровского подхода к летописям. «Каждый век и каждое значительное княжество, — резонно отмечал П.С.Строев, — имели своих, почти непрерывных бытописателей; даже и в некоторых обителях вели частные монастырские записки, Из сих-то отдельных бытописаний составлялись по временам общие

сборники». Летописцы «вносили в свои сборники только то, что по ограниченным их понятиям и обстоятельствам местным, казалось им любопытным; иное пропускали и сокращали, иное помещали вдвойне, а иное располагали по-своему, без строгого различия и порядка»⁵. Со своей стороны, Г.Эверс, полемизируя с И.Добровским (который критиковал А.Шлецера с позиции более строгого отношения к летописным текстам), заметил: «В отношении к происшествию девятого столетия едва ли можно давать большое преимущество сказанию летописи тринадцатого, коей при этом имеем новейшие списки, перед летописью 15-го столетия, тем более, когда мы знаем, что сия летопись составлена из множества других теперь потерянных летописей»⁶.

В свое время И.П.Шаскольский, критикуя норманизм и как «определенную политическую тенденцию — представление о неполноценности русского народа, о его неспособности самостоятельно создать свою государственность и свою культуру», по-своему и защитил Байера: «Приписывая Байеру создание норманской теории, наши историки тем самым сильно преувеличивают роль этого ученого в русской историографии. В действительности построение о возникновении Русского государства в результате «призвания варягов» было впервые сконструировано еще на рубеже XI—XII вв. составителем Начальной летописи и с тех пор на протяжении шести столетий обычно включалось во все официальные сочинения по истории России. Байер лишь нашел в летописи это давно возникшее историческое построение и изложил его в наукообразной форме в своих работах»⁷. И.П.Шаскольский явно не читал работ Н.К.Никольского (1863—1935), выдающегося современника и деликатного оппонента Шахматова, а в единственном упоминании этого имени приписал автору (со ссылкой на Г.Пашкевича) мнение, что создатель «Повести» грекофил⁸. А суть упомянутой книги Н.К.Никольского в прямо противоположном. Само название книги — «Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древ-

нейшем русском летописании»⁹, — предполагает поиски истоков летописи, составленной в начале XII века Сильвестром (а не Нестором, как полагал вслед за Байером и Шлецером И.П.Шаскольский). И спорил Никольский с Шахматовым, считавшим датированный им 1039 годом «Древнейший свод» первым и грекофильским. Никольский полагал, что оборванное 898 (вернее 894) годом изложение Сказания о славянской грамоте, имело продолжение в X веке, и было отнюдь не греческим и не грекофильским.

Таким образом, вслед за Байером и Шлецером, И.П.Шаскольский родоначальником норманской концепции представил создателя Начальной летописи, и в следующие шесть столетий автор видел только пересказ этой, усвоенной «буржуазной» наукой концепции. А в XIX — начале XX в. был введен в научный оборот огромный материал и по гораздо более сложной истории летописания, и по объяснению его начальных статей многочисленными вне летописными, в том числе иностранными источниками, и данными археологии, антропологии и лингвистики. И по своему логичным было выступление И.П.Шаскольского через некоторое время с критикой «буржуазного» антинорманизма, поскольку таковой опирался на источники XVI—XVII вв. (т.е. в те самые пять-шесть столетий), выводившие варягов со славянского Балтийского Поморья¹⁰. Вполне в духе модного в то время анекдота: «Проявлял ли колебания в проведении генеральной линии партии и правительства? — Колебался вместе с генеральной линией партии и правительства».

Шлецеровский взгляд на Начальную летопись, как на сочинение одного автора (норманиста) Нестора, лишает возможности вообще обсуждать проблемы норманизма и антинорманизма. Во-первых, Нестор — «ученик Стефана», автор «Чтения о Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия» вообще не имеет никакого отношения к дошедшей до нас летописи, обработанной в конце XI — начале XII в. «учеником Феодосия» Сильвестром (а о нем вспоминали

и московские летописцы XV века). Это было и на историческом, и на филологическом материале убедительно доказано еще в середине XIX столетия. Во-вторых, в дошедшем виде, как сказано выше, «Повесть временных лет» — свод разных и одновременных источников, самые ранние из которых создавались уже в X в. Эта дата обосновывалась Н.К.Никольским, М.Н.Тихомировым, Б.А.Рыбаковым, и во многих публикациях автора этих строк. Летописание, как одно-единственное «древо» вообще немыслимо в условиях естественных противоречий интересов земель, городов, родов, разных трактовок верований.

Бурный всплеск антинорманизма приходится на вторую и третью четверть XIX в. Работы Венелина, Руссова, Морошкина, Гедсонова, Костомарова и целого ряда других авторов следовало бы переиздать, тем более, что в рукописных отделах хранятся вообще неизданные их труды. Но держался и норманизм, и истоки его устойчивости емко выразил сам император Николай I: «Русские дворяне служат государству, а немецкие — нам». А норманисты собственно и стремились решить лишь вопрос о происхождении «династии Рюриковичей».

Колебания «генеральной линии» после Октября были также весьма выразительными. По существу в составе изначального Политбюро только Ленин, продолжая многолетнюю полемику с Троцким, верил, что русские патриоты обязательно придут к социализму. Стремление подавить национальное самосознание выразилось в исключении из преподавания предмета истории. Один из норманистов-эмигрантов Ф.А.Браун заметит по этому поводу с удовлетворением, что «дни варягоборчества, к счастью, прошли»¹¹. В то же время, в 20-е годы выходит ряд работ норманистского характера, а в 1928 г. был издан специальный сборник «Памяти В.Томсена. К годовщине со дня смерти», в котором выражалась солидарность с норманистскими построениями Томсена. Норманскую концепцию начала Руси принял в своих работах и один из видных идеологов того времени М.Н.Покровский.

А тем временем в Италии победил фашизм, и в Германии он быстро наращивал

влияние, опираясь на традиционный немецкий расизм и зоологическую русофобию. Еще в 1832 г. на фестивале в Гамбахе (ставившем в общем благородную цель объединения Германии) Россия была обозначена как главный враг немецкого национализма, изначально выступавшего с претензиями на господство над другими народами, прежде всего славянскими. Немецкого обывателя запугивали возможностью объединения славянских народов под эгидой России. С крайне негативной начинкой появился и термин «панславизм». Своеобразной реакцией на эту кампанию явился Славянский съезд 1849 г. в Праге, где М.Бакунин, не без влияния славянофилов, обозначил узел противостояния трех немецких столиц — Берлина, Вены и Петербурга (так!) славянскому миру. Он верно указал на принципиальное отличие славянской и германской форм управления: у славян, где преобладала территориальная община, оно строилось снизу вверх, а у германцев, с кровнородственной общиной, сверху вниз.

Именно территориальная община объясняет многие специфические черты этнического облика славян, отмечавшегося еще византийскими авторами, — способность ассимилировать разные народы. На эту особенность укажет французский историк и публицист А.Токвиль, говоря, что, Россия, дойдя до Тихого океана не уничтожила ни одного народа, Америка на пути к Тихому океану уничтожила все. Примерно то же отмечал Ф.Энгельс в письме К.Марксу от 23 мая 1851 г.: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар... Поляки никогда не умели ассимилировать чужеродные элементы. Немцы в городах были и остаются немцами. Между тем каждый русский немец во втором поколении является живым примером того, как Россия умеет русифицировать немцев и евреев. Даже у евреев вырастают там славянские скулы»¹². А после объединения Германии в ней расцветает расизм. «Высшей» расой, естественно, объ-

является германская, низшей — славяне и кельты. (Их антропологическая близость восходит, по всей вероятности, к культуре колоколовидных кубков и приальпийской зоне рубежа III—II тысячелетий до н. эры). В 1908 г. будет сформулирована «теория апельсина» — развал России путем натравливания нерусских на русских.

Приход нацистов к власти в 1933 г. и неизбежность германской агрессии в ближайшие годы за борьбой с «правыми» и «левыми» уклонами явно не были предусмотрены (пришлось перестраиваться «на ходу»). Пока лишь последователи Н.Я.Марра боролись с норманизмом (и антинорманизмом) с позиций концепции автохтонного развития всех народов и их общественных институтов. Постановлением 1934 г. срочно восстанавливается преподавание истории, а норманизм, ставший чуть ли не главным идеологическим оружием правителей «Третьего Рейха», становится одним из главных объектов резкой критики расистской идеологии. Пригодилась и концепция Марра об автохтонном развитии всех народов, и наскоро вырванная фраза из Энгельса: «Государство ни в коем случае не может быть навязано извне...». А то, что Энгельс имел в виду «извне» человеческого общества в целом (Франция получила название от завоевавших Галлию франков, кельтская Британия от англов и т. д.), а не реальную историю возникновения практически всех империй, замечено так и не было. Богатая же антинорманистская литература мало использовалась как «буржуазная». Отечественная война заставила вспомнить и Александра Невского, и Дмитрия Донского, и Суворова, и Кутузова. Оживился интерес к началу славян и Руси. Полемическая заостренность многих публикаций не могла не породить противоположный уклон, вплоть до оправдания «опричнины» и многих подобных несправедливых деяний властителей. Борьба с «культу личности» на первых порах открыла дорогу и для серьезных научных исследований. 60—70-е годы — время экономического подъема и заметного прогресса во всех областях науки, в том числе в гуманитарных, неотъемлемой частью которых явля-

ется наука истории. Но с ростом производства и потребления росло и их теневое крыло, которое в итоге привело к трагедии 1990 г. — распаду страны и ограблению ее народа. Наука — одно из главных достижений предшествующего периода — оказалась ненужной вышедшим из подполья господам (с партийными билетами самого высокого ранга). Многие «технари», вслед за спортсменами, устремились за океан, а профессор МГУ, по словам его ректора, стал получать зарплату вдвое меньше дворника¹³.

В 1993 г. Министерство образования Российской Федерации разослало Проект «Базисного учебного плана средней общеобразовательной школы», в котором, как уже было сказано, история исключалась как предмет вообще. Исключалось также преподавание русского языка в национальных школах. Тогда ревнителей удушения русского национального самосознания удалось остановить, хотя и не без потерь в часовой нагрузке и содержании учебных планов. Теперь студенты истфаков изучают экологию, культурологию, этнологию и прочие «логии», информатику, математику. Но и вопрос о полном запрете предмета истории далеко не закрыт, и это надо иметь в виду не только историкам и филологам.

Современный норманизм, хлынувший потоком в последнее десятилетие, пропагандируется главным образом филологами, и даже прямо направлен против истории, как бы повторяя ситуацию 20-х годов минувшего столетия. Поэтому на этом аспекте придется остановить особое внимание.

Весной первого года третьего тысячелетия в Орле состоялась конференция «МГУ и провинция». По дороге разгорелся жаркий спор одного из организаторов конференции, историка, и авторитетного в МГУ философа, — наука ли история? А по углам шепталась об очередной попытке закрыть преподавание истории, предпринятой зимой 2001 года. На сей раз речь шла об исключении из учебных планов и русской литературы. Писателям удалось отстоять обе наиболее значимые для воспитания гражданина дисциплины. Но ползали слухи о возвращении в Министерство образования инициатора попыток украсть у под-

растающего поколения историю его народа г-на А.С.Асмолова. Бывшего зама прочили на кресло министра и «Независимая (от всех, кроме Березовского) газета» опубликовала беседу с кандидатом в министры. И «кандидат», поблагодарив за всенародное признание, скромно отказался «входить в одну реку дважды».

А философ горячо и шумно клеймил историю и историков как лжеученых. Пришлось в докладе заострить внимание на этой коренной проблеме и комментировать «Образовательный стандарт» 1993 года. Самым удивительным было то, что историю, как науку, отвергал философ, как будто философия возможна без истории. И молчание слушателей было традиционным у нас знаком согласия и привычкой глубинные политические и идеологические вопросы обсуждать в кулуарах.

В свое время у нас часто цитировали слова Маркса и Энгельса из «Немецкой идеологии»: «Мы знаем одну-единственную науку — науку истории». Реже цитировали слова Бисмарка: «Войну с Францией выиграл немецкий учитель истории». А это тоже весьма важный аспект науки истории. Поражение потерпел не только французский позитивизм перед немецкой диалектикой (во всех ее проявлениях: гегелевской, марксистской, христианской). В России же именно гегельянец Б.Чичерин поставил вопрос о важности при обсуждении общественно-значимых вопросов как бы выносить вперед систему ценностей, без которых и само общество немислимо как общество.

Маркс и Энгельс отождествляли с историей закон диалектики (признаваемый и Гегелем, и христианской диалектикой): все в мире находится в непрерывном развитии и изменении. Без учета этого положения невозможна и философия как наука, хотя ее больше привлекает другой кардинальный тезис диалектики: все в мире находится во взаимосвязи и взаимообусловленности (чем в гуманитарной сфере занимается социология). Характеристика той или иной эпохи в исторической науке обязательно предполагает перенесение закономерностей социологии в изучаемые исторические эпохи. А возможна ли филология без оглядки на ис-

торию? Работы всех наших выдающихся лингвистов всегда историчны — проблемы глоттогенеза без обращения к истории (и ее ответвлений — археологии, антропологии, этнографии) решать невозможно. А поиски прародины индоевропейцев и славян, в частности, у владевшего более чем тридцатью языками О.Н.Трубачева, неотвратимо требовали постоянного контакта со специалистами исторического цикла.

Наступление на предмет преподавания и науки истории всегда открывало дорогу всякого рода фантазиям (вроде широко тиражируемых явно коммерческих фантазий Фоменко). А параллельно идет и наступление норманизма, как своеобразной альтернативы и абсурдным фантазиям, и изгоняемой науки и предмета преподавания истории.

Современный норманизм. Недавно видный в прошлом норманист А.С.Клейн выступил со своеобразными воспоминаниями о семинаре-дискуссии в ЛГУ в 1965 году по поводу упомянутой выше книги И.П.Шаскольского. Автор напомнил, что перед началом дискуссии Игорь Павлович согласовал с ним свое выступление. «Стыдливый норманист», признавая, что варяги — это норманны, просил не завышать процент их в Восточной Европе, дабы не поставить под удар марксистскую концепцию возникновения государства. Вспомнил автор и о том, что некто Кузьмин в 1971 году выступил в «Вопросах истории» против обвинения норманистов в антимарксизме¹⁴.

Заходила речь об этом и в нашем общении с руководителем «норманского семинара» в ЛГУ, куда А.С.Клейн приглашал выступить с докладом. Я защищал искренних норманистов тоже искренне: действительный марксизм не содержал тех глупостей, которые ему хотели привнести под флагом антинорманизма. Суть этого взгляда была изложена в 1970 и более развернуто в 1974 году: «Сложившиеся представления о соотношении автохтонного и привнесённого начала в последнее время серьезно пошатнулись. В археологической литературе все более широкое обоснование получает тезис, что удельный

вес норманно-варягов был намного значительней, чем это предполагалось некоторое время назад. С норманнами теперь связывается подавляющая часть социальной верхушки Древнерусского государства. На Белое озеро и Верхнюю Волгу, согласно новым представлениям, варяги-норманны проникают примерно на столетие раньше славян. (Ссылка на статью Л.С.Клейна, Г.С.Лебедева, А.В.Назаренко — «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения», о которой напоминал в вышеуказанном материале Л.С.Клейн, а также на книгу С.И.Кочуркиной «Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973» с указанием «и др.»...) Но новый материал неизбежно порождает старые вопросы. Снова возникает потребность объяснить, почему на территории, где соприкасаются варяги и угро-финны, распространяется славянский язык, почему нет сколько-нибудь заметных проявлений германских верований, почему так быстро исчезают варяжские имена, причем в княжеской династии раньше, чем у рядовых дружинников. На все эти «почему» норманизм, очевидно, не в состоянии дать ответ. А это означает, что необходимо более тщательное выяснение природы тех этнических элементов, которые многие археологи и отчасти лингвисты признают северо-германскими¹⁵.

В 2001 г. вышел сборник «Древняя Русь в свете зарубежных источников». Собрание разных источников всегда полезно, но всегда возникает вопрос об их интерпретации и с точки зрения представительности, и в плане избранного для их публикации угла зрения. Редактор издания Е.А.Мельникова в предисловии снова настаивает на скандинавском происхождении этнонима, снова повторяются «гребцы» (затасканный и отвергнутый в XIX в. «родс»), как самоназвание и финско-эстонское «руотси»-«роотси», хотя еще в XIX в. было установлено, что это обозначение Швеции не имеет отношения к этносу.

Историки-«нефилологи», встречаясь с такого рода фактами, обычно открывают словари. Эстонское «роотс» означает «черешок, стебель». С.Геденов в полемике с

А.Куником и М.Погодиным ссылается на публикацию финского филолога Паррота, который «руотси» применительно к Швеции объяснил как «страна скал». Но это было определенное переосмысление. А потому стоит воспроизвести логику рассуждений Паррота. «Если бы в лексиконе Гунеля, из которого Шлецер приводит переводное имя шведов, он отыскал настоящее значение слова Roots, он конечно бы не вздумал опираться на его созвучие (с Рослагеном). Оно означает вообще хребет (Grat), ребро (Rippe), а в особенности ствол (Staengel) на листе. Перенесение этого понятия на береговые утесы или скалы (Scheren), коими преимущественно изобилует Швеция, делает понятным, почему финны называют Швецию Ruotsimaa, а эсты Rootsimaa, страную скал, Scherenland»¹⁶. Ни в том, ни в другом варианте название этноса не предполагалось, и это при том, что на Европейском континенте значительно раньше упоминается более десятка этнических «Русий».

Между тем, по убеждению Е.А.Мельниковой, именно «гребцы» и «черешки» и создали Древнерусское государство. Отсылает же автор к статье 1989 г., где это якобы было доказано. Речь идет о ее статье в соавторстве с В.Я.Петрухиным «Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX—X вв.)». В статье имеется такой пассаж: «И до сих пор, хотя языковеды считают доказанной его скандинавскую этимологию, (ссылка на работы А.И.Попова и Г.А.Хабургаева. — А.К.), время от времени появляется стремление обосновать любую — кроме скандинавской — его этимологию: готскую, прибалтийско-славянскую, иранскую, кельтскую или иную». А в сноске «уточняется»: «Как правило, эти попытки предпринимаются исследователями, не имеющими филологической подготовки (см. напр. Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // «Вопросы истории», 1974, № 11)»¹⁷.

Кандидат филологических наук (как значилось в аттестации автора журналом), видимо, не читала главный филологический журнал «Вопросы языкознания» и не знала, что в № 4 за 1980 г. в нем была ста-

тья-рецензия упомянутого Кузьмина по книге Г.А.Хабургаева (критика в основном касалась стремления автора «поделить» известные славянские культуры между балтами и скандинавами), а также весьма жесткая критика книги в статье Ф.П.Филина. Кстати, сам Г.А.Хабургаев при обсуждении проблемы в кулуарах заседания Ученого совета истфака МГУ не выдвигал никаких аргументов в защиту своей версии. Вести же этносы от гребцов и скал (и даже «ростков») не догадается и школьник. Известный автор конца XIX — нач. XX столетия В.Завитневич резонно заметил по поводу внимания норманистов к шведским «родсам»: «Только мысль, совершенно потерявшая веру в возможность отыскать хотя сколько-нибудь серьезное решение данного вопроса, может найти успокоение в подобной аргументации»¹⁸. И не случайно главные норманисты XIX столетия М.П.Погодин и А.А.Куник отмежевались от «потерявших веру». Природа этносов в истории самих этносов, и расхождение, скажем, степных и лесных, этносов связано не со скалами и ростками, а со способом производства. И, конечно, организованная снизу вверх или сверху вниз группа людей связана с бытом многих поколений. В Европе, как сказано, было более десятка реальных «Русий, с которыми и надо разбираться. При этом и лингвистам, и историкам следует держать в поле зрения наблюдения действительного филологического гения Н.Я.Марра, пытавшегося объяснить «чудовищный разлив» кельтской речи по всей Европе, прямо-таки «от тайги до Британских морей»¹⁹. (Его концепцию «стадиальности» обсуждать и осуждать здесь не будем).

Упомянутая Е.А.Мельниковой статья была как бы продолжением статьи «Варяги» и «Русь» на Балтике²⁰. Статью 1974 года перевели в Италии и США, а с Белфастом установилась длительная переписка: в славяно-русском отделении Университета удивились и топонимии, и антропонимии. Многие имена договоров Руси с Греками, в которых норманисты искали доказательств скандинавского происхождения варягов, в употреблении там до сих пор.

Настойчиво просили приехать, почитать лекции по их истории, которую они, действительно, представляют довольно слабо. Достаточно сказать, что они не знают о специфике раннего ирландского христианства, сыгравшего огромную роль в христианизации континентальной Европы. Не знают об этом и в Австрии, где все монастыри основаны ирландскими миссионерами. Да и у нас о влиянии ирландской церкви на облик русского христианства X—XV вв. почти ничего не знают. Статья вызвала беспокойство и у части шведских ученых-политиков. Но на предложение сотрудника нашего представительства в Стокгольме обсудить статью с приглашением автора шведская сторона уклонилась. И дело в том, что далеко не все в Швеции разделяли (и разделяют) взгляды широко известного «норманиста»: «Организация русского государственного образования не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство... В течение столетий Россия жила за счет этого государственного ядра своих высших правящих классов». Гитлеру вторил Гиммлер: «Этот низкопробный людской сброд, славяне, сегодня столь же неспособны поддерживать порядок, как не были способны много столетий назад, когда эти люди призывали варягов, когда они приглашали Рюриков». Даже в памятке немецкому солдату в числе «12 заповедей поведения немцев на Востоке и обращения их с русскими» цитировалась летопись: «Наша страна велика и обильна, а порядка в ней нет; приходите и владейте нами»²¹.

Проблема происхождения Руси. Один из авторов рассматриваемого здесь сборника, А.В.Назаренко считает первым упоминанием этнонима «Русь» сообщение Бертинских анналов под 839 г. Он считает эту «Русь» единственной. В другой книге он приводит примеры заменяемости в немецких источниках написаний «русии» и «руги», обращает внимание на лингвистические трудности «выведения» этнонима из

«руотси», но стойко держится убеждения в скандинавском происхождении самого племени. Убежден автор и в германском происхождении всех ругов и, в частности, ругов с острова Рюген, и наставительно поучает некоторых историков: «Ввиду того, что проблема является по сути историко-лингвистической, не вникаем в объяснения, игнорирующие эту сторону дела». А в сноске уточняется: «Так, А.Г.Кузьмин (1970, с. 28–55) идентифицирует летописную варяжскую русь со славянскими выходцами с острова Рюген (некогда — место обитания германских ругов) близ южного берега Балтики²²». Но, во-первых, хотелось бы лингвисту-германисту (являющемуся, видимо, лишь по недоразумению доктором исторических, а не филологических наук) задать вопрос: как же он намерен объяснить из немецкого языка название столицы Рюгена «Аркона»? А ведь в статье 1974 г.²³ приводятся многочисленные параллели — кельтская Бретань насыщена ими. Достаточно одной «Арморика» — «Поморье». И топоним «Аркона» — совершенно ясное кельтское — «на горе», что соответствует и ее реальному географическому положению.

Во-вторых, непонятно, где автор нашел у Кузьмина утверждение, что Рюген изначально заселяли славяне. Поскольку великий филолог, похоже, не вполне владеет русским языком, придется напомнить, о чем шла речь в первой статье. «Нельзя не заметить, что «славян» и «русь» разделяют арабские и византийские авторы. При этом у византийских авторов «русы» отождествляются то с франками («от рода франков»), то со скифами, то с таврами, то с тавроскифами. В свою очередь, арабские авторы говорят о родственности русов хазарам и в отдельных случаях относят их к тюркам». (Со ссылкой на С.Б.Дорна и комментатора Адама Бременского.) «Сложный состав прибалтийского населения предполагает и сложные языковые отношения. Герард Меркатор сообщает факт, может быть, исключительной ценности, отмечая, что язык рутенов-ранов «был словенский да виндальский». Вопрос о втором языке рутенов требует, несомненно,

особого исследования. Вполне вероятно, что в этой связи пригодится и номенклатура днепровских порогов и имена послов в договорах русских князей с греками X века... «Виндальский» язык очень заманчиво связать с той группой племен, к которой относились готы, вандалы, винилы, герулы, рути, гепиды и, может быть, определенная часть свевов и венеков... Очевидно, многоязычие этих племен уходит в глубокую древность, и сохранялось оно в течение многих столетий... Из предшествующего материала уже вытекает одно важное положение: в формировании прибалтийских народов участвовали, помимо славян и германцев, и иные значительные этнические группы, причем особенно велика их роль была на самом побережье. В итоге многие европейские народности сформировались почти из одних и тех же компонентов, лишь смешанных в разных пропорциях и сгруппированных вокруг разных языков»²⁴.

«Славянами» ругов с острова Рюген называют Адам Бременский и Гельмольд, но они не различают славян и славяноязычных. Гельмольд, находит здесь «самое сильное среди славян племя, единственное, которое имеет короля». Но вряд ли среди них были славяне по происхождению. «Ругиев» знает еще Тацит, а славяне появляются на Балтийском побережье в VI в., когда произойдет мощный демографический взрыв, и славяне из Центральной Европы выйдут ко всем морям и на юге, и на севере, и на западе, и на востоке, но не менее трех столетий пройдет, пока ранее проживавшие на Балтике племена станут славяноязычными.

Это учитывалось и в статье 1970 г., и развернуто во второй статье. В статье «Об этнической природе варягов» привлекался материал шведского ученого Г.Иохансона, который еще в 1954 г. доказывал наличие в Скандинавии кельтской (и кельто-скифской) подосновы топонимики (автор при этом предупреждал во введении, что правда очень многим в Швеции не понравится)²⁵. Примерно в то же время в 1974 г. в США вышла книга шведа Ч.Снхольма «Кельты и викинги», где развивались те же

идеи. В 1992 г. в Германии опубликована книга Лешека Мошиньского, в которой автор указывал на «кельтские влияния до о. Рюген»²⁶. Со времен С.Файста этот вопрос неоднократно поднимался и в собственно немецких этнологических исследованиях. Кельтская топонимика преобладает на территории т. н. «Кельтских полей», включающих территорию Ирландии, Британии, побережья Северного моря и юг Скандинавии²⁷. Германцы же попадают в Скандинавию довольно поздно (свевы лишь в VI в.).

Статья поначалу вызвала возражения у видного ученого ГДР И.Херрманна, но раскопки ряда памятников на южном берегу Балтики, в том числе конструкции ряда языческих храмов балтийских славян VI—VII вв. убедили его в наличии значительного культурного влияния кельтов, которых он выводил из Прикарпатья²⁸. Кельты были рассеяны по всей Западной Европе. Но автор не учитывал, что массовое движение кельтов на восток по морскому побережью связано с римским завоеванием Галлии: все население Бретани погрузилось на суда и ушло от римских легионов, а уйти они могли только на восток.

И, конечно, автор учитывал прекрасную — давнюю, но не устаревшую работу С.Файста, убедительно показавшего, что вся группа ингевонов на территории «Германии» — не германцы в современном понимании этого слова, а во второй половине XX столетия появятся работы, в которых намечается направление поисков их истинной этнической принадлежности. Ведь историческая «Германия» вовсе не этническое, а территориальное обозначение. (В латинском языке много понятий связано с этим корнем, означающим чаще всего разные степени родства, а соответствующие топонимы известны и в Северной Африке.) Адам Бременский описание «Славии» начинается словами: «Славия — это очень обширная область Германии, населенная винулами, которые некогда назывались вандалами. Славия в десять раз больше нашей Саксонии...». Это хрестоматийные тексты²⁹. Вызывает удивление, что работ Г.Краз, Е.Рёта, Г.Балова и многих других лингвистов, занимавшихся этногенезом гер-

манцев в этническом смысле, лингвист-германист даже не привлек, а С.Файст упомянут лишь в связи с размышлением о том, выводить ли русское «скот» — деньги — «из готского ли, ...или из древнескандинавского» (*skatts, skattr*)³⁰. Между тем, А.Хольдер (в фундаментальной работе на немецком языке!) дал и более близкую, и более основательную параллель: кельтское *scotti, scot* (имущество, богатство, деньги)³¹.

Собрание разных форм упоминаний «Руси» в очерке «Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской традиции (IX—XII в.)», безусловно, полезно. Но, априори обозначив ругов «германцами» (в этническом смысле), автор уже и лингвистически не мог понять, почему «германские» рути всюду наслаиваются на «русь». Между тем, как ясно показал Иордан, рути даже внешне совершенно отличались от готов. Не понял автор и другого «наслоения» — прозвание русов «рутенами»³². И здесь «неувязка» проявляется также на лингвистическом уровне. Римские авторы не случайно именовали племя рутенов в Галлии «красными» или «рыжими» (*gus-sus* или *flavi Rutheni*). В разных диалектах кельтского языка «красный» цвет обозначался *ruad, rhudd, ruid, ruth, ruz*. Существует пять вариантов только из кельтского языка; а сколько их могло набраться из диалектов «виндальской» группы племен? Вопрос в другом: что скрывалось за обозначением цвета? А цвета в средневековье обычно имели большую смысловую нагрузку. «Красный» цвет символизировал могущество, «белый» — свободу, превосходство и независимость (позднейшие «белые свободы» на Руси). А бритты во времена Юлия Цезаря красились в синий цвет. Возможно, как предположил Цезарь, ради устрашения противника.

Мне было совершенно непонятно, почему в указателе сборника Е.А.Мельниковой Одоакр — сокрушитель Римской империи, назван «Римским полководцем». Оказалось, что это — откровение А.В.Назаренко. Автор озадачен вопросом о том, почему имя «русь» в латиноязычной литературе

средневековья заменяется этнонимом «руги». «Первоначально, — поясняет он, — это было название восточногерманского племени ругов, которые, обитая в начале н. э. на берегах Балтики, оказались затем захвачены миграцией готов на юг. В конце концов к V в., на короткое время осели на Среднем Дунае, были побеждены римским полководцем Одоакром и депортированы им в Италию, где растворились среди местного населения»³³. В другом месте Ругиланд определяется как территория, «которую в V в. н. э. в течение примерно трети столетия занимало восточногерманское племя ругов. Земли этих ругов располагались к северу от Дуная... Государство ругов было разгромлено итальянским королем Одоакром в 80-е гг. V в.»³⁴.

Все подобные пассажи у любого историка вызовут недоумение. А это — результат и элементарного непонимания исторических источников, и явного самообольщения, убежденности, что истины можно добиться в одном хронологическом срезе. За такой подход ряд филологов критиковали и А.А. Шахматова³⁵, и это было справедливо. А Новгородский летописец XIII века «помнил» о событиях V века явно опираясь на устную традицию, может быть уже и записанную к этому времени в качестве противовеса «Саге о Тидреке Бернском», прославлявшей остготского предводителя (летописец называет его «поганым и злым Дедриком»), и она оказывается достоверней весьма разноречивых записей об этнической принадлежности Одоакра.

Древние племена и народы, в отличие от современных, хранили память о своих далеких предках, о своих близких и дальних, друзей и врагов. Также автор «Слова о полку Игореве», следуя за песнями Бояна, вспоминал «время Бусово», то есть IV в., когда готы резко столкнулись с росомонами и антами. И традиция сохранялась не случайно. Готы в Крыму дожили до XVIII века, руги, росомоны и гуны-фризы после распада державы Аттилы в значительной части вернулись к Днепру и Черному морю, слившись здесь с местным населением. А в Тюрингии до 1920 года

сохранялись графства «Ройс» и «Ройс-ланд», и графы лишь в XVI в. задумались: а почему же они «русские»? Глубже XIII в. они опуститься не смогли, и не знали, что есть документ от 935 г. об участии тюрингских русичей в рыцарском турнире.

В начале XVIII в. Иоганн Хюбнер попытался свести предшествующие генеалогии, «очистить их от сомнительных», увязать друг с другом. Предпочтение он отдавал официальным, общепринятым генеалогиям, коих набрал более 1300. Наследники Одоакра-Оттокара обнаружилось прежде всего на территории Норика и позднейшей Штирии. Это имя носили сначала вожди, а затем маркграфы VII–IX веков вплоть до «пятого по счету». Новая волна Оттокаров приходится на XI–XII вв. Это также маркграфы штирийские и каринтийские. А Оттокар V становится и герцогом австрийским. Для некоторых из них Хюбнер указывает и даты. Начало же генеалогической ветки — движение герулов с Оттокаром с острова Рюген, то есть на Западе историю Одоакра и его потомства воспринимали примерно так же, как и в России XIII–XVII вв.³⁶

В концепции А.В. Назаренко многочисленные «Ругии» — «Русии», упоминаемые в западноевропейских источниках, — следы купцов из Киева. Норманны-скандинавы, грабившие и разорявшие в IX в. приморские территории северо-запада Европы (не исключая и Швеции), в Киеве подобрали и начали мирно торговать. Больше всего такого рода «торговцев» разместилось в Подунавье. Упомянутая под 863 г. «Русзарамарха» (Русская марка) на территории современной Австрии (Людовик II подтверждает свое более раннее пожалование Альтайхскому монастырю), представлена у автора «как центр мелкого территориального подразделения графского округа, что-то вроде более поздней сельской общины». «Вероятно, — полагает автор, — здесь купцы, приплывавшие по Дунаю с востока в Баварскую марку, вынуждены были перегружать свои товары на возы»³⁷. Указывая на различные толкования понятия, автор уверяет, что «источник... не изучен... потому, что в полной мере подобное изу-

чение под силу только лингвисту». А если лингвист выпадает из истории, то у него «марка», как «пограничная область», определенная приграничная территория, как она понималась во времена Карла Великого и его преемников, превращается в общинно-деревню³⁸. Такое понимание тоже появится после того, как марки — приграничные области окажутся в глубинах расширившейся территории «Священной Римской империи». Но если, скажем, в Житии Конрада, архиепископа зальцбургского, под 1127 г. упомянуто о посольстве австрийского герцога к венгерскому королю, «который тогда находился в марке рутенов», то трудно представить, что король и посольство герцога общались в деревне или на перевалочном пункте с Дуная на берег. В начале XII в. в состав Венгрии вошли Славония с Хорватией. А самостоятельной частью их оставалась соседняя с Венгрией Россия-Рутения.

Внимание автора неоднократно привлекал «Раффельштеттенский таможенный устав» начала X в., где упоминаются «Славяне... отправляющиеся для торговли от ругов или богемов». Продают они воск, рабов и лошадей. С каждой сделки предполагается определенная плата. По убеждению А.В.Назаренко, «ругами» здесь названа Киевская Русь. Никаких «ругов», ославяненных или живших на одной территории со славянами в Подунавье, он не замечает, как не замечает и многочисленных источников, упоминающих о ранних их «королевствах» и (позднее) «герцогствах» в пограничье сначала «Римской», а затем «Священной Римской» империй.

Еще в 1871 г. была опубликована книга В.Ягича «История сербско-хорватской литературы», в которой рассматривались в основном сложные вопросы религиозных отношений в условиях, когда территория подчинялась Константинополю, а верования — Риму. Автора интересовала в особенности борьба за сохранение славянского богослужения и славянской («готской») глаголической письменности. В этой связи он привлекал материалы сплитского иеродиакона Фомы (ум. 1258). Отсюда заимствован большой рассказ о борьбе ари-

анских общин за славянское богослужение с Римом³⁹.

В свое время к сплитскому автору обратился и А.В.Назаренко⁴⁰. Не без оснований сетуя по поводу недостаточного внимания к данным архидьякона (с работой В.Ягича автор, видимо, не был знаком), А.В.Назаренко извлек у Фомы всего несколько, но действительно важных строк: «В Паннонии, на границе с Рутенией, (Диоклетиан) воздвиг из порфирита не без роскоши храм, который до сих пор, хотя и разрушен, являет (собой) изумительное зрелище (всем) переправляющимся оттуда, как (о том) написано в истории о четырех венчаных». Диоклетиан — римский император конца III — начала IV в., то есть эпохи, когда «Федераты» активно осваивали пограничные с Римом территории. Оправдано и то, что внимание концентрируется на словах «*in confinio Rutenie*» — «на границе с Рутенией». Но автор читает эти слова как «(на территории) марки рутенов», устраняя таким образом «противоречия, связанные с упоминанием якобы Руси». Тогда автор не отождествлял еще «марку» с перевалочным пунктом, и даже напомнил о «загадочных вкладах», которые делали галицко-волинские князья в православном монастыре св. Димитрия на реке Саве. Но «Руси» он здесь не видел и не видит. А потому о некоторых общезвестных фактах необходимо напомнить, дабы читатель не принял домыслы великого лингвиста за истину.

Участие «рогов», «росомонов», готов, гуннов-фризов в формировании многоэтничной черняховской культуры во II—IV вв. — проблема для многих монографий, а потому касаться ее мимоходом не имеет смысла. К тому же в цитированном выше тексте речь идет о ругах Подунавья У века, и в этой связи узловым вопросом будет проблема местоположения «Ругиланда» — «королевства» ругов. При этом надо иметь в виду, что на пути от Балтики к Подунавью руги оставили около десятка «Русий», вошедших в состав иных «королевств» и «герцогств». Богемия, в частности, называлась и «Рутенией», и нынешняя Закарпатская Русь — остановка группы ругов

на пути от Прибалтики к Причерноморью в черняховское время. (Возможно, поэтому византийцы объясняли название «росы» как «рассеянные».)

Как отмечено выше, один из первых русских летописцев, опираясь на «Сказание о славянской грамоте», прародину и славян, и русов помещал в Илирии, а Норик прямо отождествляя со славянами («Нарци, еже суть словене»). Он полагал также, что «Словенский язык и Руский — одно есть». В летописи соединены разные источники, в том числе и те, в которых прародина славян-русов помещается просто в Подунавье без уточнения, в какой именно его части. Но в заимствованный из Хроники Георгия Амартола перечень народов, расселявшихся после неудачного «вавилонского столпотворения», летописец поместил «Словен» после «Илюрика», то есть опять-таки в Норике. Основания для этого явно были. Но в данном случае необходимо проверить, когда здесь появились ославяненные поздние «росы».

В последние столетия существования Римская империя активно использовала наемников из варварских народов, по возможности противопоставляя их и сталкивая друг с другом. Руги в числе «федератов» упоминаются впервые в начале IV в. Федераты, естественно, должны были занимать пограничные с Империей территории. И первые упоминания ругов в этом качестве увязываются с тем же Нориком.

Источники, упоминающие ругов в районе Норика и Одоакра, как разрушителя Римского государства в 476 г., многочисленны и в значительной степени хрестоматийны. К таковым можно отнести «Житие Северина», «Гетику» Иордана, «Войну с готами» Прокопия Кесарийского. Затронем их, естественно, лишь в нужном здесь объеме.

В «Житии Северина» — «апостола Норика» (ум. в 482 г.), составленном в начале VI в., упоминаются «короли» ругов Флаккитей и Фелетей, постоянно навещавшие «апостола» и как бы подтверждавшие правоту летописца, считавшего Илирию-Норик прародиной и славян, и уже ославяненных русов. Именно здесь с VI в. упоми-

нается «Ругиланд», как «королевство»⁴¹. Упоминается здесь и пришедший откуда-то с севера Одоакр: Северин предвещает ему громкую славу. Но «королем» он тогда еще не был. (Очаги расселения ругов, как сказано, рассеяны на всем пути от Балтики до Дуная, но «короли» фиксируются лишь в Норике и, возможно, судя по описаниям X—XI вв., на острове Рюгене). И «королям» ругов в Норике пришлось в условиях все усиливавшегося давления со стороны готов делиться властью с пришельцем, собравшим под своим началом разноплеменных федератов.

В 471 году в Паннонии был провозглашен королем готов Теодорих. Византийскому императору удалось направить его на Одоакра. Готский король воспылал желанием освободить Италию от «тирании торкилингов и рогов». А у Одоакра не сложились отношения с королевским семейством ругов. На его стороне оказался сын Флаккитей Фердерух, а старший — Фелетей с сыном Фредериком (опять-таки не без помощи византийской дипломатии) поддержали Теодориха. Фредерик убил своего дядю, а Одоакр в 487 г. казнил в Равенне Фелетей, а затем разорил и владения его приверженцев. В 489 г. Теодорих нанес поражение Одоакру, а руги Фредерика получили для поселения область Гардов близ Берна (Вероны).

Одоакр в течение трех лет будет отсиживаться в Равенне (на побережье Адриатического моря), но в 493 г. Теодорих, предложив Одоакру разделить власть, вероломно убил соперника. В середине VI века руги возвысятся над готами, но власть удержать они не сумели. А вскоре на Северную Италию надвинулись лангобарды. К VIII в. они стали католиками и верно служили римским папам. Но руги (и большинство готов) оставались арианами, и римские папы до IX в. особо обращались к «клирикам рогов». Говоря о событиях V века, Иордан (середина VI в.), славивший остготов, назовет Одоакра «королем торкилингов и рогов» («королем» его утвердило собранное им разноплеменное войско). Это — хрестоматийные, «школьные» сведения⁴². Но А.В.Назаренко, подарив

Одоакра Риму, «переносит» Ругиланд на левый берег Дуная, дабы «расчистить» путь купцам из Киева.

Автор убежден, что под «ругами» имеются в виду приднепровские русы и в «Рузариях» из торгового устава 1192 г. австрийского герцога Леопольда V («Рузарии» — регенсбургские купцы, «торгующие с Русью и на Руси»). Но известные претензии Фридриха II в начале XIII в. австрийскому герцогу, задержавшему подарки от «герцога России», выпадают из его лингвистического поля зрения. А выпадают они, видимо, потому, что и география плохо стыкуется с однолинейной лингвистикой. На помещенной в сборнике «Древняя Русь в свете зарубежных источников» карте, Ругиланд оказался на северо-западе от Австрии и путь в саму Австрию из Империи шел как бы через землю ругов. На самом деле, Ругиланд примыкал к Австрии с юго-запада на правом берегу Дуная, лишь частично в некоторых местах переходя на левый (та же «Русская марка»). А соседями его были Паннония с востока, Бавария с запада, Норик, частично сливаясь с ним, с юга. И путь из Империи в Ругию-Руссию лежал именно через Австрию.

Само «герцогство» (императоры «королей» понижали до «герцогов») Русь (Ругия, Рутония) в конце XII в. представлялась составной частью Священной Римской империи. Под 1189 г. английский автор Бенедикт из Питерборо в числе народов Империи называл рядом с «альпинами» «рутонов». Здесь же воспроизводилось послание Фридриха I Саладину, в котором последовательно названы Богемия, Австрия, Фрисция, Рутония, «часть Иллирика». Фрисция — это Каринтия, «Рутония» соответствует Штирии. Из этого следует, что и Фома Сплитский, говоря о событиях IV в., упоминает «Рутению», как область, смежную с Паннонией.

Следует подчеркнуть, что связи с разными «Русиями» и смежными с ними славянскими землями постоянно поддерживали и княжества, входившие в состав Киевской Руси. А в середине XIII в. галицкие князья (непосредственно Роман Данилович) будут участвовать в борьбе за австрийское на-

следство, и в таких случаях вспоминали обычно дела давно минувших дней (те же «Рутении» и тот же «Ругиланд»).

После утверждения венгров на территории Паннонии и части какой-то «Руссии» (или каких-то «Русий») «Руссия» окажется и частью Венгрии. Во второй четверти XI в. упоминается герцог Ласло (русское Владислав) Сар, двоюродный брат венгерского короля Иштвана, который был женат на ком-то из Рутении. Его дети Андрей (Эндре) и Левенте по смерти отца спасались от интриг королевы Гизеллы на Руси. Дочь герцога Рутении Агмунда-Анастасия стала женой Андрея, занимавшего венгерский стол в 1046—1061 гг. Агмунда-Анастасия покровительствовала православным монастырям в Венгрии, где, в частности, нашли убежище монахи Сазавского монастыря, изгнанные из Чехии за принадлежность к последователям Кирилла и Мефодия. По смерти Андрея I Агмунда-Анастасия бежала с сыном и снохой — сестрой Генриха IV (1056—1106) в Тюрингию, где, как отмечено выше, тоже были «Русии». (Вдовы обычно возвращались на родину.) Но после присоединения к Венгрии в начале XII в. Словении и Хорватии и расположенная между Паннонией и Хорватией «Рутения» окажется в составе Венгрии.

В германских источниках, по крайней мере, с XI века рассеянные по Европе «Ругии» предпочитали называть «Руссиями». Самого Мефодия чешская хроника Далимила начала XIV в. называет «русинном» (видимо, имея в виду религиозную ориентацию). В «Руссии» документы 1373 и 1385 гг. локализуют Любек. «Земля ругов, которую мы называем Руссией», упоминается в ряде источников в связи с бегством из Англии сыновей Эдмунда Железнобокого от овладевшего престолом Кнута Великого. (Беглецы проехали «Руссию» за пять дней и завершили путешествие в Венгрии. Сын Эдмунда Эдуард вернулся в 1057 г. в Англию именно из Венгрии.)

В «Хождении на Флорентийский собор» в 1437 г. митрополита Исидора также отмечено, что «кони митрополитичи гнали беггом от Риги къ Любку на Русскую зем-

лю». Именно так читается текст в древнейшем списке. Но дважды издававшая его весьма осторожная исследовательница Н.А.Казакова на всякий случай «поправила» по списку XVII в. землю на «Курскую» (даже не указав, как читалось в древнейшем списке) и перевела как «Курляндия», которой в XV—XVI вв. вообще еще не было⁴³. Хороший специалист оказалась жертвой традиционного представления, что «Русь» была одна — единая и неделимая. Сам же путь этот в Рим был известен и киевским летописцам. В Сказании об апостоле Андрее путь в Рим из Черного моря шел не через проливы Босфор и Дарданелы, а путем «из Греки в Варяги», а из «Варяг» шла уже хорошо наезженная сухопутная дорога до Рима.

Локализация летописцем изначального расселения славян в Иллирии, видимо, опиралась на какие-то изустные предания. Но достоверность их подтверждается фактом близости языка соседей — лигуров и пеласгов. У тех, и других реки и мелководья назывались «вада», а у лигуров культ Купавона вполне совпадал со славянским Купала⁴⁴. Да и само этническое название «пелазги» («люди моря» или скорее «поморья») яснее всего именно в славянских языках (Пелсо — древнее название озера Балатон, широко распространенное в славянских землях обозначение широкой водной глади — «плес», и именно к этому корню восходят и русский Плесков-Псков, и болгарский — Писка)⁴⁵. Очевидно, что летописец, выводя из Норика и Иллирии славян, и русь пользовался вполне достоверными источниками, а его заключение, что «Словенский и Русский язык одно есть» отразило уже ситуацию X века.

Выше рассмотрено (отмеченное в свое время и А.В.Назаренко) сообщение Фомы Сплитского о «Рутении» где-то между Хорватией и Паннонией. Сами хорваты известны и в Карпатах, и обычно предлагают разные решения: которая из областей первична. К тому же «Руссия» была и тут, и там. «Русские» в Далмации упоминаются под 1165 г.: византийскому императору в походе на Венгрию помогали «подвластные Византии сербы, равно как

и русские».⁴⁶ По всей вероятности, именно через эту «Русь» возвращался в 1148 г. из Византии чешский князь Владислав⁴⁷.

В XIII в. в Польше и Чехии распространяется легенда о «трех братьях» Чехе, Лехе и Русе. У легенды сразу складывается несколько вариантов. В Польше отцом братьев объявляется Пан, с которым связывается и название Паннонии. В Великопольской хронике XIII—XIV вв. легенда представлена как своеобразное откровение. «Поскольку поляков называют также и лехитами, следует узнать, почему их называют этим именем. В древних книгах пишут, что Паннония является матерью и прародительницей всех славянских народов, «Пан» же, согласно толкованию греков и славян, это тот, кто всем владеет. И согласно этому «Пан» по-славянски означает «великий господин» (*maior dominus*), хотя по-славянски из-за большого различия в языках можно применить и другое слово, например «господин», ксендз же больше чем Пан, как бы предводитель (*princeps*) и верховный король... Итак, от этих паннонцев родились три брата, из которых первенец имел имя Лех, второй — Рус, третий — Чех»⁴⁸. Это была польская интерпретация легенды, на которую ориентировался и упомянутый выше Длугош. Но был и иной вариант, связывавший начало славян с Адриатической Хорватией, то есть вариант, сходный с более ранним представлением русских летописцев.

Примечательно, что именно в Хорватии дольше всего сохранялось «русское письмо», то есть глаголица, которая, при официальном господстве католичества, оставалась тайнописью ариан (а в годы Второй мировой войны ей пользовались югославские партизаны). Рим часто называл это письмо «готским», имея в виду арианство готов, но создание (или воссоздание) его связывал с именем Мефодия. В 1059 и 1064 гг. славянское богослужение запрещалось, а Мефодия и его «готские» письма объявляли ересью⁴⁹.

Борьба за славянское богослужение и «русское» письмо продолжалась и позднее, пока угроза монгольского завоевания не побудила папу Иннокентия IV в 1248 году

снять запрет на глаголицу. (Определенную роль при этом сыграло и то, что в Хорватии глаголицу приписывали уроженцу Далмации св. Иерониму (IV в.). Но этим именем в VIII в. прикрывался ирландский миссионер Вергилий.) В XIV в. Карл IV, будучи еще маркграфом чешским, увлекся глаголицей, и переписчиков книг приглашали именно из Хорватии. А в Реймском евангелии 1347 г., подаренном Карлом IV пражскому Еммаускому монастырю, глаголица именуется и «русским письмом», и «русским законом». Устойчиво и Хорватию именовали также «Руссией». Так называл ее известный автор XVI в. уроженец Северной Италии (и именно города Вероны-Берна) Гваньини, служивший в Польше и побывавший в России, и давший описание «сарматских» народов, в число которых вошли славяне, русы и племена иллирийского происхождения⁵⁰. И у хорватов сохранялось предание, что именно отсюда вышли названные три брата и указывали даже место, где они родились и проживали⁵¹. Иными словами, мнение первых русских летописцев о связи славян и русов с Иллирией вовсе не беспочвенны, и поддерживались эти связи сходными преданиями на протяжении целого тысячелетия, причем в XVII веке знали и то, что в Иллирию русы пришли из Балтийской Ругии-Руссии и именно с острова Рюген-Руйана. Польский хронист XVI в. Стрыйковский, видимо, также следуя какому-то преданию, записал, будто киевский князь Владимир в конце X в. «собрал большое войско, с которым, переправившись через Дунай, подчинил земли: Болгарскую, Сербскую, Хорватскую, Семиградскую, Вятницкую, Ятвяжскую, Дулебскую и те земли, где теперь волохи, мултаны и татары добручские, и всех их привел в послушание одним походом и возложил на них дань, которую они раньше давали царям греческим». А южнорусский переписчик Жития Кирилла, живший в XVII в., прокомментировал «Сказание о Русской грамоте» (переделка сказаний о начале славянской письменности): «И не токмо муравляне (моравы), чехи, козари, карвати, сербы, болгары, ляхи и земля Мунтянская (южное Прикар-

патье), вся Далмация и Диоклития, и волохи быша Русь».

Довольно часто Подунайская и североитальянская Русь упоминается и во французском эпосе. В поэме об Ожье Датчанине (XII–XIII вв.) упоминается «русский граф» Эрн. Сходный сюжет представлен и в южногерманской поэме об Ортните, правившем в Гарде в Ломбардии, причем дядей по материнской линии был признаваемый Ортнитом за отца Илья Русский — один из постоянных героев немецкого и французского эпоса. Эрн был одним из предводителей войска, защищавших столицу лангобардов Павию от Карла Великого (773–774 гг.). И этим преданиям находится удивительная параллель на Руси: былина о бое Ильи Муромца с дочерью. Победив девушку — богатырку, Илья выясняет, над кем он одержал победу. Девушка сообщает, что она «родом из земли да из Тальянской», а на «Святую Русь» отправилась по совету матери искать своего отца, а также «поотведать... роду племени». Илья признается, что «был во той земле Тальянской, три года служил у короля Тальянского». А в Киеве показывали и могилу «Ильи Муровлянина» (который позднее станет «Муромцем»).

Вообще, решая этногенетические проблемы, надо опуститься на большую хронологическую глубину. С падением Трои в последней четверти второго тысячелетия до н. э. из Малой Азии переселяются союзники троянцев, и память об этом жила у многих народов, в том числе у венетов. Культ героя Троянской войны вождя венетов Пилимена сохраняется и у адриатических, и у балтийских венетов, причем балтийский Палемон (греч. «борец», «борющийся») окажется в позднейших легендах предком и литовских, и каких-то русских князей. Наличие в низовьях Немана останков явно пришлого с юга населения отмечается и антропологами⁵², а немецкий лингвист Г. Крае дал обширный материал по топонимическому треугольнику: область Трояды и Фракии, северо-западная Адриатика, юго-восточная Прибалтика. И существенно, что собственно германцы, фик-

сируемые в рамках ясторфской культуры в области Рейна, антропологически ближе всего к фракийцам, что подтверждает правомерность преданий об «исходе» германцев не с севера, а с юга.

Происхождение Рюрика. Современные скандинавоманы строят свою концепцию на якобы «скандинавском» объяснении всего нескольких слов: упомянутого финско-эстонского обозначения Швеции как Руотси—Роотси и имен Рюрик, Олег и Игорь. Создается впечатление, что с капитальным трудом А.Хольдера «Старая кельтская лексика» наши филологи-норманисты даже и не знакомы, хотя почтаемый ими вроде бы А.А.Шахматов публикацию о славяно-кельтских контактах строил в основном на материале этого трехтомника. А в этом труде названы пять «Руриков» IV—VII вв. У французского автора М.-Т.Морле упомянуто 12 «Рориков» с территории Франции IX — нач. XII вв.⁵³ Объяснение имени очевидно: племя «руриков», «рауриков» называлось так по реке Рур, Раура. О географическом происхождении племенных названий у славян и кельтов (в отличие от германцев) убедительно писал О.Н.Трубачев. А первые личные имена чаще всего восходили к племенным.

Имя «Рюрика» и двух его братьев помнили на Балтийском Поморье еще и в XIX веке, когда угасали последние очаги здесь славянской речи. Об этом писал, в частности, французский этнограф-писатель Мармье⁵⁴. Он говорит о том, что «племенем Оботритов управлял король по имени Годлав», у которого было три сына: Рюрик, Сивар и Трувар. Ему рассказали, что три брата не имели никакой надежды получить наследство своего отца и решили искать удачи в борьбе и приключениях. Далее говорится о их утверждении в северо-западной Руси, причем Рюрик стал родоначальником династии, державшейся в России до 1598 г.⁵⁵ В генеалогиях XVII—XVIII вв., как бы сверенных с данными хроник, князей ободритов-вендов ведут от вандалов. У упомянутого выше Хюбнера названа жена «Годлейба» Людмила — дочь Гостомысла и внучка Буревоя, восходящих

в конечном счете к Радегасту I, с которым связывалось отделение ободритов-вендов от вандалов (в 388 г. при Гонорин он приходит в Италию). Но здесь упомянута и дата кончины Годлейба, известная и хроникам: 808 г.

В начале XVIII в. в Германии шла оживленная полемика как раз вокруг генеалогических данных и определении племенной или языковой принадлежности Рюрика и его братьев. Уточнялись обстоятельства гибели Годлейба (Годлиба, Годлава): он был повешен королем данов Годофридом как союзник Карла Великого, с которым даны, а также славяне-вильцы продолжали вести борьбу. Уже с учетом этой полемики в 1753 г. в Ростоке была опубликована сводка генеалогических материалов С.Бухгольца «Опыт по истории герцогства Мекленбург». Во всех генеалогиях короли «вендов-ободритов» возводились к вандалам, и первого из них, Радегаста, относили к концу IV века. Позднее Ф.Виттер на основе датских и английских источников установил, что речь шла именно о племени варягов в составе ободритского союза племен⁵⁶.

Сказание о «призвании», конечно, легендарно. Произвольно включена и дата: 6370—862 г. К этому времени «призванные» были бы глубокими старцами. Даже дата, указанная И.Хюбнером, — 840 г. — представляет братьев далеко не молодыми людьми. И, конечно, Игорь не имел никакого отношения к Рюрику. Во всех генеалогиях обычно повторяются имена предков. (До недавнего времени у русских крестьян старшего сына обычно называли по деду со стороны отца, а следующего по деду со стороны матери, и далее по старшим родственникам и предкам с той и другой стороны.) Первый Рюрик в роду Игоря появится на свет лишь в 1068 г. (сын внука Ярослава Мудрого Ростислава Владимировича), следующий — столетие спустя. В богемских хрониках, как указано выше, Игорь — племянник Олега, захвативший власть и изгнавший своего кузена — тоже Олега.

Новгородские летописцы выводили себя «от рода варяжска». Факт интенсивной миграции населения Балтийского Поморья по Волго-Балтийскому пути подтвержда-

ется и лингвистическими и археологическими данными. В свое время выдающийся специалист по керамике Г.П.Смирнова указала на преобладание в древнейших слоях Новгорода (IX в.) поморской фельдбергерской керамики, причем эта керамика производилась на месте, то есть с Поморья прибыли не товары, а производившие их люди⁵⁷. Аналогичная керамика встречается и в других поселениях Северо-Западной Руси.

Относительно недавно в г. Кирове состоялся международный симпозиум «Шведы и Русский Север: историко-культурные связи»⁵⁸. Е.А.Мельникова здесь расщедрилась и включила, со ссылкой на А.Н.Кирпичникова, в число племен, осваивавших Балтийско-Волжский путь англов и через их посредство фризов. Но южный и юго-восточный берег Балтики она не видит, что называется, в упор. Рюрик у нее — предводитель «одного из отряда викингов». Касается она и рассеянных на этом пути кладов восточных монет, но как будто не знает работ известных нумизматов, показавших, что наиболее ранние клады найдены на славянском Поморье⁵⁹. И как освежающий ушат прозвучал на симпозиуме доклад шведского ученого Л.Грота «Мифические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории». Автор поставил задачу «пропустить» версии норманизма-антинорманизма через конкретный материал самой истории скандинавских стран⁶⁰. Оказывается, что имени «Рюрик» вообще нет в шведских именословах, а имя «Олег», которое норманисты ведут от шведского «Хельге», возводимого в свою очередь к *helig* — «святой», могло появиться не ранее конца XI — начала XII в., когда в Швеции распространяется христианство. Более ранняя (и более основательная) параллель просматривается в иранских языках, а восходит это имя, по всей вероятности, к тюркскому Улуг — «великий», «старший», «высший». В литературе обращали внимание на надпись в Болгарии начала X в., где фигурировал «Олгу тархан». Обращает Грот внимание и на то, что при крещении имя Ольги было отвергнуто как языческое (в крещении она Еле-

на; впрочем, в православии, в отличие от католичества, имя, даваемое при крещении, всегда отличалось от мирского, коих у славянских женщин долгое время не было).

Вообще «миграции» наших норманистов за материалом в Швецию весьма напоминают этимологии родоначальника норманизма Г.З.Байера, прибывшего в 1725 г. в Россию и так и не освоившего русский язык. Достаточно сказать, что имена Святослав и Владимир он считал искажением «нормандских»: первое от Свена или Свендо, второе от имени Вальдемар, которое «переводилось» либо из германского, как «лесной надзиратель» (от немецкого «wald» — лес), либо от шведского «val-plats» — поле битвы⁶¹. Титмар Мерзебургский в начале XI в. был ближе к истине, переводя имя со славянского как «обладание миром». Но А.А.Шахматов верно уловил, что имена-тителы славян-русов имеют кельтическую подоснову: понятия «власть», «владение» — кельтического происхождения, а имя Вальдемар в кельтском означает «великий владетель».

Проблема ПВЛ. Явно «потребительски» пользуются наши норманисты и летописями. Им все еще летописание представляется «единым деревом», а автором «Повести временных лет» числится Нестор, якобы написавший свой труд в начале XII века. Е.А.Мельникова, следуя то ли Шлецеру, то ли Шаскольскому, открывает статью об этнонимии севера Руси словами: «Древнейшие этнонимы севера европейской территории СССР нашли отражение в письменности двух народов: скандинавов (с начала XI в.) и русских (с начала XII в.)»⁶². Между тем, еще в середине XIX столетия было убедительно доказано, что Нестор — ученик Стефана, вообще не имеет отношения к данной летописи (обработка предшествующего материала принадлежит «ученику Феодосия»). В прошлом, когда наука история еще не подвергалась остракизму, достаточно было одного семинара на 1 курсе, чтобы студенты усвоили эту очевидную истину. А самозабвенным филологам можно порекомендовать хотя бы статью филолога П.С.Биллярского, указав-

шего на совершенно разные стили автора житий Нестора и летописца⁶³. Не имел отношения к этой летописи и епископ ростовский Нестор (возможный составитель «Летописца старого Ростовского», доведенного до 1156 г.). Главное же — в летописи соединены противоположные концепции начала Руси (поляне-русь, пришедшие из Норика, варяги по Волго-Балтийскому пути от «англов» юга Ютландии до Волжской Болгарии и варяги-русь на Балтике, отличные от варягов-свеев, англов и «урманов»). Первая версия отражала представления X в., вторая могла быть привнесена окружением Ярослава и его супруги Ингигерд, которая по матери была внучкой ободритского князя.

Несколько лет назад была опубликована книга В.Я.Петрухина «Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков». Как сказано в анонсе, «историческая память русского народа нашла воплощение в Начальной русской летописи — Повести временных лет», и в книге дается «анализ ее текстов». Действительно. Писать о «начале этнокультурной истории Руси IX—XI веков» без анализа ПВЛ и других современных ей летописей и внелетописных текстов не имеет смысла. Автор вроде бы это сознает: «Данные ПВЛ о начальной истории славянства и Руси — основной источник работы, анализируемый как с применением методов традиционной текстологии (А.А.Шахматов, А.Н.Насонов и др.), так с учетом и материалов археологии⁶⁴». А для того, чтобы пользоваться летописью, надо иметь хотя бы малейшее представление об этом жанре. И вроде бы чтимого Шахматова автор не знает. Шахматов «Древнейший свод» относил к 1039 г., дошедшему в редакции 70-х гг. XI века, и к 50-м гг. XI в. относил первый новгородский свод. А надо еще на конструкцию Шахматова посмотреть с позиций хотя бы Н.К.Никольского, воспринимавшего летопись не как последовательное пополнение одного и того же текста, а как отражение вечной во все времена борьбы интересов и идей. И «Повесть», как название древнейшего записанного исторического произве-

дения, связанный рассказ о начале Руси, не случайно датировалась не только Никольским, а и другими известными историками, — концом X в.

У В.Я.Петрухина «Нестор описывал историю Руси и славян «изнутри», из Киева». «Главным вопросом Начальной летописи, сформулированным в ее заглавии, был вопрос «Откуда есть пошла Русская земля?» Летописец знал из дошедших до него преданий, что само имя «русь» имеет варяжское (скандинавское) происхождение, и «изначальная» Русь была призвана вместе с варяжскими князьями в Новгород⁶⁵. А летописец X в. и славян, и русь выводил из Илирии и из Норика, что убедительно подтверждается самым широким кругом данных.

После такого вступления-заключения книгу можно было бы закрыть: главный источник ничего автору не дал. Не понял он и природы хронологической путаницы в летописи, обвинив летописцев в небрежности. Летописцам пришлось пользоваться записями, сделанными по разным космическим эрам — старая византийская (5504 г. до Р.Х.), константинопольская (5508 лет), антиохийская (5500 лет), эра Ипполита (5503 г.), болгарский лунный календарь (разница для IX века в 14 лет), римский счет «от Р.Х.», а также учитывать постоянное смещение мартовского и ультрамартовского стилей, порожденных необходимостью увязать мартовское начало славянского года с сентябрьским византийским. А разные космические эры и стили — это и весьма важный источник и для понимания «круга чтения» летописцев, и для уяснения истоков идей, влиявших на их мировоззрение. Скажем, дата «898», побудившая В.Я.Петрухина вынести «частное определение» в адрес летописцев, вольно жонглирующих датами, на самом деле относится к «второму предложению книг» на соборе в Болгарии в 893—894 гг., и летописец точно обозначил дату болгарского летосчисления — «6406-е лето», попутно этим самым указав на свой источник.

Для понимания летописи рассматриваемая книга не дает ничего, и является колоссальным шагом назад по сравнению с хо-

рошо известными авторами XIX века, коих В.Я.Петрухин попросту не знает. Но книга полезна переводом с иврита иерусалимского издания «Иосиппона» 1978 г., осуществленного Д.Флюссером. Только не следует «выгораживать» А.А.Шахматова, не использовавшего этот источник в своих реконструкциях древнейших сводов. «Иосиппон» был известен и по изданию А.Я.Гаркави 1874 г., и по Ф.Ф.Вестбергу (1908 г.). И, конечно, Шахматов читал рекомендации высоко чтимого В.Я.Петрухиным Г.М. (или Х.М.) Бараца, как реконструировать летописи и искать в них отражение древнееврейской письменности⁶⁶. «Иосиппон» помогает понять указания восточных источников на «два вида» русов, один из которых — это известные в областях, близких к Каспийскому морю, русы-аланы, известные также на Балтике («роксаланы» «Географа Равеннского», «аланы или албаны» Адама Бременского, «русия-тюрк» у его комментатора и у Идриси). Ошибка многих исследователей заключалась лишь в том, что эту «Русь» считали единственной, как норманисты считают единственной никогда не существовавшую «скандинавскую Русь».

Как и большинство скандинавоманов, автор примыкает и к хазароманам. В книге есть даже глава «Варяги и хазары в истории Руси». Он без сомнений воспринимает салтовскую культуру как хазарскую, вопреки глубоко обоснованным аргументам археологическим, антропологическим, лингвистическим, указывающим на аланскую ее природу⁶⁷. Он находит в Киеве «хазарский квартал», ссылаясь на используемое им издание «Повести временных лет» 1950 г., в котором Д.С.Лихачев под 944 годом «поправил» летописца, поменяв строки, в результате чего, «христианами» у Ильинской церкви стали не только «варяги», но и «хазары»⁶⁸. Издатель, видимо, воспользовался советом славимого и в рассматриваемой книге Г.М.Бараца, который рекомендовал А.А.Шахматову в реконструкциях смелее переставлять строки, а в результате и появилась «хазарская версия» крещения Руси⁶⁹. Салтовцы-хазары и варяги-скандинавы оккупировали в интерпре-

тации В.Я.Петрухина киевские могильники. А в своеобразном дополнении к материалам книги, в статье «К ранней истории русского летописания...», автор идет за Барацем еще дальше, превращая летопись в пересказ древнееврейских сочинений. У заокеанского автора С.Франклина он нашел указание на еврейский источник русской летописи. Оказывается, Шахматов не уловил, что «чрезвычайно актуальная для раннего летописания и ранней русской истории заповедь, данная... трем братьям Снму, Хаму и Иафету, — не преступати никому же в жребий братень»... была повторена в связи с распрями трех сыновей Ярослава Мудрого, так же преступивших в 1072 г. завет отца, разделившего между ними землю». Только Ярослав, видимо, тоже не читал Бараца и призывал — пятерых, а не трех (шестой — Владимир умер раньше отца) братьев, жить дружно, поскольку «вы есте братья единого отца и матери⁷⁰». А все «Третьяки» «Трояны» или «Трианы», пословицы вроде «один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын» — были известны, как и Иванушка-дурачок или Ганс немецких сказок, всем народам, а не только иудеям, с глубокой древности. И Иларион в своем знаменитом «Слове о законе и благодати» еще в середине XI в. осуждал (будущих или прежних?) книжников и летописцев, увлекавшихся Ветхим заветом в ущерб Новому. (Могли подразумеваться подвижники ирландской церкви, коих было немало в Моравии и в традиции Десятиной церкви на Руси; они принимали «Закон Моисея», но, как и ариане, отвергали церковную иерархию римского, да и византийского образца.) По существу же он оправдывал летописца, явно одобрявшего возвращение князя Владимира к «устроению отьню и дедню», равно как широкую веротерпимость «молодых народов», реально проявлявшуюся на Руси и после крещения.

Останавливается В.Я.Петрухин и на знаменитой «Черной могиле». (Б.А.Рыбаков по нескольким византийским монетам датировал ее временем Святослава и сопоставляя со столь же известным описанием погребения знатного руса на Волге

Ибн Фадланом). Барац обычно считается единственным творцом концепции о еврейском происхождении Руси, и эта концепция у него по-своему противопоставлялась норманской. В.Я.Петрухин нашел в погребении следы и норманского севера, и хазарского востока. Можно воспринять это и как подсказку: Балтика и Дон действительно соединялись через «Русию-тюрок» Роталии и Вик и островов у побережья нынешней Эстонии, и «Русию-тюрок» в Подонье. Воспроизведенный автором «Иосиппон» как раз и объясняет причину отнесения алан-осетин-ясов-асов к роду тюрок. И не исключено, что в какие-то периоды салтовцы алано-русы попадали в зависимость от хазар, и тогда и на Руси ясов-алан могли смешивать с хазарами. А Гельмольду и в XII в. Балтийское море представлялось «поясом», простиравшимся «через земли скифов до самой Греции».

Русы Ибн Фадлана, конечно, не славяне, но и не шведы. И одна деталь погребения — принесение в жертву двух загнанных коней — находит параллель на восточном берегу Балтики, в Пруссии: здесь также до изнеможения загоняли двух приносимых в жертву коней⁷¹. А в низовьях, и в верховьях Немана источники упоминают «Русии», да и название «Пруссин» естественно объясняется от рукава Немана «Русы». (Отсюда выводил «Русь» Н.И.Костомаров). А еще одна деталь — погребение (и сожжение) в сидячем положении — ведет к территории Эстонии, в частности, Ингрии-Ижоры⁷².

В обычной утвердительной манере В.Я.Петрухин сообщает, что «историческая ономастика безусловно свидетельствует о том, что *русь* — более древнее слово, чем *варяги*: первое отражено уже в источниках IX в., второе встречается впервые в византийской хронике под 1034 г.»⁷³. К счастью для себя, автор «освобожден» от обязанности объяснить, например, откуда во французской Бургундии появилась «Villa» *Varangas* или *Varengus*? А с ней связаны любопытные страницы истории времен «Великого переселения», о чем некоторым «нефилологам» приходилось писать⁷⁴. И где только Игорь и Владимир набирали наем-

ников-варягов, среди которых было немало христиан? А ведь крещение племен южного берега Балтики начнется еще во времена Карла Великого, и антихристианское восстание 983 года (отразившееся в убийстве варягов-христиан и в Киеве), приведет к миграции крещеных поморян в более безопасные места. В ранней же русской письменности возникнет традиция, прославляющая варягов-христиан.

Удивительно, что никто из неонорманистов даже не упоминает книгу Томаса Шора «Происхождение англо-саксонского народа»⁷⁵. А там неоднократно упоминаются «варины или вэринги», которые вместе с англами, саксами, рутами и фризами участвовали в освоении Британии в IV—V вв. Да и нет более ясной этимологии для этнонима «варяги», чем указание на связь с общиннодоевропейским и кельтическим обозначением моря: «мар», «вар». Не случайно греки будут дразнить прибывших в конце XI в. в Константинополь бриттов на службу в наемной дружине — «варанги-маранги». (В кельтских языках вообще звуки «в» и «м» взаимозаменяемы.) А родственным балтийским «варинам» племенем являются «морины» на побережье Северного моря.

Хазарская проблема. Гораздо больше, чем «гребцы», норманистам мог бы дать эпизод, описанный Бертинскими анналами под 839 г.: возвращение послов народа «рос» из Константинополя на родину кружным путем, поскольку прямой путь был перерезан какими-то варварскими народами, и возвращались они явно не в Киев. Император Людовик заподозрил, что это норманские разведчики, и нашел, что они из рода «свеонов». Е.А.Мельникова увидела в этом подозрении прямое указание на Швецию. Но «свеоны», названные еще Тацитом, — это древнее население каких-то земель около моря или на его островах, тогда как «свевы» (как их называют и русские летописи) оставались на континенте еще и в эпоху Иордана. В связи с уточнением под 871 г., что это — послы «Норманского каганата», проблема явно осложняется. Вроде бы и «норманны», но никаких «каганов» в Скандинавии не было (на

востоке «каган» — это императорский титул, Византия «опускала» его до королевского), и в этой связи необходимо обратиться к двум разным ветвям происхождения самих «норманнов».

Понятие «норманны» явно географическое — многократно отмечалось, что так германцы, жившие в южных районах Европы, называли живущих севернее (у Липуранда упоминается славянское племя «Нордлюди»). В северных сказаниях с большой долей достоверности германцы, как отмечено выше, выводятся из Фракии после падения Трои. Но на эту версию накладывается другая: прибытие норманнов во II в. с Дона. У Анналиста Саксона дается даже точная дата — 166 год (видимо, результат каких-то расчетов: у древних счет велся поколениями). С первой версией связывается культ бога Тора, со второй — Одина. Прибыл Один в Прибалтику иным путем, нежели его предшественники: саги точно фиксируют этот путь — вверх по Дону, с переходом на Волго-Балтийский наезженный тракт. Этим же путем аланы уходили после разгрома Росского каганата на Дону. Этот путь был освоен аланами задолго до того (хотя бы в торговых интересах), и Один ехал в «филиал» Росского каганата в Ротани и на острове Русов. Саксон Грамматик, давший обширное описание этой Руси, приводит любопытную подробность: от Одина у дочери вождя рутенов Ринды родился сын Бой — впоследствии герой рутенского эпоса (Саксон Грамматик относит эти события ориентировочно к VII—IX вв.). Побывал Один и в Швеции, и там тоже оставил свой след, а затем вернулся (как божество) на Дон.

Аланы вторгались или переселялись в Западную Европу неоднократно⁷⁶. Вторжение II в. возглавил Роллон. В Северной Франции, Бельгии и прилегающих районах ими были оставлены многочисленные могильники, а в начале X в. Роллон из Норвегии, считавший себя потомком Роллона II в., основал «Герцогство нормандское» именно на той территории, где аланские могильники представлены наиболее плотно — на севере Франции. И сравнительно легко «герцогство» прижилось во

Франции именно потому, что Роллон обрел «прародину». В «Хронике герцогов нормандских», составленной в XII в. по заказу Генриха II Бенуа де Сент-Мор⁷⁷, это обстоятельство подчеркивается.

О времени заселения аланами каких-то территорий в Скандинавии, равно как о их роли и удельном весе, сведений пока практически нет, а археологические материалы с этой точки зрения не рассматривались. Но есть материалы об аланах на другом берегу Балтики, которые под именем «Русь» упоминаются многими источниками (у Саксона Грамматика — это один из центральных сюжетов), — это именно названная выше «Русия-тюрк». Саксон Грамматик обращает внимание на ряд специфических особенностей этих рутенов. В отличие от датчан, сжигающих умерших в кораблях, рутены хоронят покойников с конем, что уже само по себе указывает на их степное происхождение. Они находились в напряженных отношениях со шведами, и напряженность временами переходила в вооруженные столкновения.

О том, что салтовская культура верховьев Дона и прилегающих территорий была аланской, писали, как сказано, многие археологи и антропологи. Д.Т.Березовец дал подборку упоминаний «Русии-тюрк» и с полным основанием заключил, что имеется в виду именно салтовская культура. Так же логично заключить, что «Русия-тюрк» на Дону и есть «Росский каганат»⁷⁸. И это была вовсе не часть Хазарии, а ее постоянный соперник, что и отразилось в титуле правителя. Но, как сказано, в начале IX в. «каганат» на Дону был разгромлен и «филиал» его на Балтике становится центром. «Остров русов» восточных авторов по всем данным («три дня пути», окруженный озером или морем) — это нынешний Сааремаа. Примечательно, что во всех языках он называется просто «Островная земля», — так переводится и современное эстонское название, так остров обозначался в Новгородской 1 летописи, по существу то же значение в исландском Ейсюсле (искаженное немецкое — Эзель), и в популярном германизированном Холмгарде, позднее отождествляемом с Новгородом (Скан-

динавское «остров-сад», усадьба. Современное норвежское *gard* — участок земли).

Когда на эту территорию аланы пришли впервые — сказать трудно: нужны серьезные археологические исследования, а пока приходится ориентироваться на Географа Равеннского, но ясно, что центр «каганата» переместился туда только после разгрома основной «базы» аланов на Дону. Но и на Дону Русия-тюрк сохранялась и в XII веке (упоминание Идриси).

Еще в 50-е гг. известный антрополог Н.Н.Чебоксаров, возглавлявший антропологическую экспедицию в Прибалтике, с удивлением отмечал, что часть населения Восточной Прибалтики до сих пор сохранила причерноморский облик⁷⁹. Тогда этот первостепенной важности факт не привлек должного внимания. А он как раз и объяснял, что такое «Норманский каганат» на Балтике, который так любят привлекать норманисты (хотя очевидно, что никаких каганов в Скандинавии и быть не могло). И не случайно, что посол народа «рос», возвращался в 839 г. в каганат через Балтику. И опять-таки не случайно, что в дружине Игоря есть и эстонские, и иранские имена⁸⁰, и сами «русские» названия Днепровских порогов, как убедительно показал М.Ю.Брайчевский, восходят к иранскому (а по сути именно к аланско-осетинскому) языку⁸¹. «Пороги», следовательно, тоже никак не могут свидетельствовать в пользу норманизма. И были это «белые» русы. Ну а «красные» русы были и на Рюгене, и на Немане, и в Прикарпатье, и на Дунае, и на болгарском берегу Черного (исторически «Черного», то есть «Красного») моря, куда рвался Святослав, а в конце XIV в. митрополит Киприан. Олег и Игорь тоже не случайно стремились «отмстить неразумным хазарам» и пытались закрепить на Черноморском берегу, и Иларион неспроста называл Владимира и Ярослава «каганами». В целом же, тема об аланах в Прибалтике, в том числе в Скандинавии, пока остается совершенно неисследованной, и — тоже не вполне собранные письменные источники — требуют основательного археологического и антропологического наложения.

Представление об одной-единственной Руси постоянно приводит к курьезам. Именно это обстоятельство позволило и Гумилеву, и Кожину, и И.Г.Коноваловой (в рассматриваемом здесь сборнике) «напустить» хазарского воеводу Песаха на «царя Руси» Олега (Х-л-гу) в годы правления византийского императора Романа Лакапина (920–944). Киевский Олег умер еще в 912 году (или в 916-м, если переводить по другой космической эре, отраженной в летописных текстах за X век). Сын же его Олег (известный, как отмечено выше, богемским хроником) был лишен наследства двоюродным братом Игорем и бежал в Моравию, на Русь он вернется уже после гибели Игоря. И походы на Каспий (через территорию Хазарии, и по договоренности с правителями Хазарии), и постоянные столкновения с Хазарией указывают на русов алан, то есть русов области салтовской культуры. В некоторых случаях речь может идти о тмутакаканских русах, но их активность в это время едва ли выходила за пределы низовий Дона и предгорий Кавказа. В договоре Руси с Грецией 944 года на Игоря возлагалась обязанность защищать от возможных нападений греческие города в Крыму. Из этого может быть сделан вывод, что Причерноморская Русь находилась либо в союзе с Киевом, либо в определенной зависимости от него еще до походов Святослава. Но аланская Русь, естественно, поддерживала контакты со своими единоплеменниками на Балтике, а балтийская «Русия-тюрк», как отмечено выше, просматривается и в именах дружинников и послов Олега и Игоря, и в самом названии днепровских порогов.

Русии в Европе. Наши норманисты, как сказано, не замечают многочисленные «Русии» на Европейском континенте. Между тем, в аргументированном споре о начале Руси истоки ее искали в той или иной из известных источникам «Русий». Одни авторы останавливались на Причерноморье или на Дону (салтовская культура), другие — на десятке «Русий» в Западной Европе. Древнеримское обозначение «рыжие (или «красные») Рутены», как сказано вы-

ше, относившееся к галльскому племени рутенов (пришедшее с севера и после завоевания Галлии Цезарем, ушедшее куда-то на северо-восток), широко распространялось на разные «Руссии» в Европе, давая названия «Руссы» и «Рутены». И рути-руссы-рутены, рассеявшиеся по Европе в средние века, имели то же значение — «красные», «рыжие», и культ красного цвета сохранялся у них от глубокой древности. Так это имя осмысливалось и в Византии, о чем писал, в частности, Лиутпранд в X в. Но, очевидно, следует считаться с делением восточных авторов русов на два вида. Показательно размежевание: на Немане — «Красная (Черная, позднее понятая как «Черная») Русь», на Западной Двине — «Белая Русь», а у комментатора Адама Бременского есть пояснение, что в эстонских областях Роталии и Вик располагалась именно «Русия-тюрк». Такое обозначение этноса русов встречается у ряда авторов, и восходит оно, как отмечено выше, к Иосиппону, ошибочно отнесшему алан к тюркам. И проблема заключается в том, чтобы выяснить, когда и каким путем аланы оказывались на Балтике⁸².

Волго-Балтийский путь. На Волго-Балтийском пути шли и торговые караваны до Булгара (и встречи с верхнего Дона на Балтику), и переселения с запада на восток. В конце VIII в. побережье Северного моря покинули фризы (они же гуны). В славянских землях Поморья их общины упоминаются в течение ряда столетий, но они шли и далее на восток, где их археологи пока зафиксировали только в Ладоге. Фризы составляли значительный компонент в дружине Олега (имена из договора 911 г.). Роталийцы традиционно (на протяжении, по крайней мере, пяти веков) были тесно связаны с Псковом (а не Новгородом). Княгиня Ольга по разным вариантам ее жития происходила из Пскова или из его окрестностей (поселение Выбутово). Есть, правда, версия о ее происхождении из Болгарии, где также возможно появление такого имени. Игорь (само имя — уральское, от «инг» — «муж», «человек», но оно было усвоено рядом племен, в частности кель-

тами, еще в эпоху более древних переселений уральских племен на запад) или его предки, были, видимо, уроженцами или Ингрии (русской Ижоры), или Ингарии — области в Роталии. Ингрия и сейчас у эстонцев выделяется как своеобразная область, антропологи же отмечают чисто индоевропейские черты у погребенных в могильниках на этой территории.

Саксон Грамматик рассказывает о длительной борьбе датских правителей с Роталией, и в конечном счете устанавливается своеобразный протекторат Дании над этой территорией, и здесь появляется епархия датского подчинения. Во второй четверти XIII в. немецкие рыцари образуют Ливонский орден, с претензиями на все земли Латвии и Эстонии, в том числе и на епархию датского подчинения. На протяжении всего XIII в. «Островная земля» неоднократно поднимала восстания, изгоняя крестоносцев и выступая против такого рода христианства, а помощи обычно искали во Пскове.

Именно русы с острова в 1343 г. возглавили восстание против Ордена, которое в нашей литературе обозначается как «крестьянская война». На сей раз поднялась и чудь, но потерпев поражение, наиболее активная часть бежала, как сообщает Новгородская летопись, в «Островную землю». В Псков были отправлены послы с просьбой о помощи. Но Псков помощи оказать не смог: в 1343 г. в борьбе с «немцами» он потерпел поражение, а в 1345 г. Ордену удалось подавить и другие очаги сопротивления, после чего «Островная земля» становится территорией, подчиненной Ордену.

Волго-Балтийский путь мог активно функционировать, естественно, только в домонгольское время. Побережье Северного моря практически полностью покинули фризы-гуны. С наступлением Империи на Балтийское Поморье, его покидает значительная часть славян и славянизированных племен, вроде тех же варинов-вэрингов, заселяя, в частности, и некоторые прибрежные территории Скандинавии. (Славянские имена в поморских шведских городах будут звучать и в XIV веке.) Дружины Олега и Игоря как бы впитывают всю этническую

смесь, рассеянную по Волго-Балтийскому пути и, судя по названиям порогов, на Нижнем Днепре сохраняется два языка: славянский и алано-русский. Яркий, приведенный М.Ю.Брайчевским аргумент — «эссупи» — «не спи», где звук «э» как отрицание уникален и указывает на алано-осетинский язык мог быть привнесен и из балтийской Роталии, и салтовцами с Дона.

Норманисты, как отмечено выше, обычно солидарны с хазароманами, включающими (вопреки очевидным археологическим и антропологическим материалам) в состав Хазарского каганата салтовскую культуру в качестве наиболее яркой его части. Критике такого подхода, проявившемся, в частности, в публикациях М.И.Артамонова, Л.Н.Гумилева, В.Кожина, посвящалась упомянутая статья в журнале «Молодая гвардия». Но, похоже, норманистов и хазароманов аргументы и факты не убеждают и они по-прежнему числят салтовскую культуру в составе Хазарского каганата.

В отличие от собственно Хазарии, в салтово-маяцкой культуре чеканилась, в подражание арабской, своя серебряная монета с надписями и знаками на них. А.М.Щербак в 1954 году прочитал эти и некоторые другие надписи как тюркские, и М.И.Артамонов с явным энтузиазмом включил «открытие» в свою концепцию истории Хазарии⁸³. Но в основательном исследовании Г.Ф.Турчанинов убедительно доказал, что усвоенное хазарами «русское письмо» — это письменность алан, и надписи сделаны на аланском (осетинском) языке⁸⁴. Именно это письмо отразилось на некоторых монетах Петергофского клада начала IX века, что вполне логично в условиях активной миграции алан с Дона в балтийскую «Русию-тюрк». Но в публикации Е.А.Мельниковой, А.Б.Никитина и А.В.Фомина соавторы вновь по существу возвращаются к прочтениям Щербака, а Турчанинов хотя и упоминается, но Подонье соавторы вслед за Щербак и Артамоновым мыслят в составе Хазарии⁸⁵.

Но и сторонники признания салтовской культуры аланской «Руссией» часто считают ее единственной, как бы исходной для других, в том числе Киевской Руси.

В.П.Алексеев пытался обнаружить алан-руссов — мигрантов в Приднепровье, но вынужден был согласиться с постоянным своим оппонентом, Т.И.Алексеевой, что собственно салтовских «руссов» в Приднепровье можно увидеть в единичных захоронениях. (И они могли появиться с дружинами Олега и Игоря из балтийской «Русии-тюрк». Погребения с конем, как отметил Саксон Грамматик, были там обычным обрядом).

Выводы строились на сопоставлении массового материала погребений салтовцев и полян, у которых прослеживается преемственность на протяжении многих столетий (по заключению Т.И.Алексеевой, от черняховской культуры II–IV столетий и даже более ранних скифских времен), причем материал для антропологов (труположения) у полян появятся значительно раньше, чем у других славянских племен и облик их отличается от тех же исконных и автохтонных древлян. При этом автор отмечает, что «ни одна из славянских групп не отличается в такой мере от германских, как городское население Киева»⁸⁶. Вывод этот важен именно потому, что долгое время киевские труположения рассматривались как погребения дружинников-норманнов. Но в могильниках не находилось погребений ранее второй четверти X века. Объяснение этого обстоятельства дал в упомянутой выше статье С.С.Ширинский.

Как замечено выше, И.Г.Коновалова следует за авторами, «гумилевского» направления, знающими лишь одну, Киевскую, Русь, которую и громит хазарский воевода Песах, диктуя свою волю давно умершему князю Олегу. Пересказывается так называемый «Кембриджский документ», датируемый обычно второй половиной X в. и записанный покинувшим Хазарию евреем (или иудеем в религиозном отношении), видимо, уже после ее разгрома Святославом. Но все комментаторы весьма противоречивого текста исходят из представления об одной Руси, не учитывая самостоятельного значения не только Салтовской, но и Тмутараканской Руси. Как уже отмечалось, походы на Каспий через территорию Хазарии и по договоренности с ее правителями могли осуществлять толь-

ко салтовские русы, находившиеся в постоянных контактах с хазарами то в вооруженном противостоянии, то в поисках взаимной выгоды. Здесь вполне мог быть «царь» Х-л-гу, поскольку это, в принципе, иранизированная форма своеобразного тюркского титула. Совершенно естественно, что салтовцы искали поддержки против хазар в Константинополе. Кембриджский документ говорит о разорении хазарами византийских владений в Крыму во времена Романа Лакапина (920–944). У киевских же русов непосредственных общений с Хазарией не могло быть из-за отсутствия точек соприкосновения: их разделяли салтовцы Подонья и Северского Донца, а сами названия рек — иранские.

Следует иметь в виду, что так называемая «хазарская версия» крещения Руси, с которой обычно выступают последователи Л.Н.Гумилева, появилась в результате, как уже отмечено выше, «редакции», совершенной Д.С.Лихачевым в издании «Повести временных лет». (В переиздании 1996 г. переставленные строки возвращены на место, и все построения, основанные на явной фальсификации, должны быть попросту отброшены.)

От времени правления Романа Лакапина в русских летописях сохранилось крайне мало материала. Игорь ведет борьбу с уличами и древлянами — ближайшими соседями полян с юга и запада. И в Кембриджском документе разные «Русии» смешиваются в нечто единое, и потому описанные в них события невозможно привязать ни к одной из трех реально здесь существовавших Русий. В документе сказано, что византийский император Роман побудил русского «царя» Х-л-гу захватить хазарский город Смикрию, который, по разъяснению А.П.Новосельцева, «соответствует Самкерцу письма Иосифа и Самкушу арабских источников»⁸⁷. «Самкерц» И.Г.Коновалова отождествляет с Тмутараканью (греч. «Таматарха»). Но Тмутаракань — первая из восточноевропейских Русий, принявшая крещение вскоре после нападения «росов» на Византию в 860 году (при патриархе Фотии до 867 года). Митрополия константинопольского подчинения будет здесь и в

Х веке. «Хазарским» же городом Тмутаракань никогда не значился. В 932 г., то есть в период, описываемый Кембриджским документом, христианство византийского толка примет и Алания. Речь же в документе идет о нападении русов, по наущению Романа, на «хазарский» город, и еще посольство 839 г. показывает, что аланы-руссы помощи против хазар и вторгавшихся из Азии народов искали в Византии.

Походы Игоря по ПВЛ. Летописные тексты за IX–X в. часто дублируют описание одних и тех же событий из-за смешения константинопольской и старовизантийской (или одной из западных) эры. Так появилось два договора Олега (907 и 911), так появляется два похода Игоря на Византию (941 и 944) И в самом тексте договора Игоря перемешаны два противника: со стороны Руси и со стороны Византии. Учитывая это обстоятельство, выступление Игоря против Византии следует датировать 944 г. Поводом для такого выступления, по Татищеву, явился отказ Романа выплачивать дань, каковой откупались еще от Олега. Русы Игоря основательно пограбили черноморское побережье Византии, но применение против ладей русских «греческого огня» переломило ход сражений в пользу Византии. Понеся значительные потери от «огня», Игорь отступил назад к Днепру. Согласно Кембриджскому документу, русский «царь» Хелгу бежал за море в Персию, «устыдившись возвращаться в свою землю». Если и был такой эпизод, то к киевскому князю он явно не имел отношения.

Рассказ в «Повести временных лет» под 941 г. воспроизводит византийский текст, где нападавшие осуждаются более всего за разрушение храмов и иных святынь. Под 944 г. дается «альтернативная» киевская интерпретация. «Игорь же совокупив вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словени, и Кривичи, и Теверьце, и печенеги ная, и тали у них поя, поиде на Греки в лодьяхъ и на коних, хотя мьстити себе». Романа предупредили корсуняне и болгары. «Слышав царь, посла к Игорю лучие бояре, моля и глаголя: «Не ходи, но возьми

дань, юже имал Олег, придам и еще к той дани». Также и къ печенегомъ посла паволоки и злато много»⁸⁸.

Дойдя до Дуная и посоветовавшись с дружиной, Игорь «повеле Печенегомъ воевати Болгарьску землю; а самъ вземъ у Грек злато и паволоки и на вся воя, и възвратися вспять». А затемъ заключается договор, регулирующий отношения Константинополя и Киева. Он датирован в летописи 6453 (то есть 944–945) г. Но в летописи этим годом датированы две статьи, что подчеркивает позднее включение в текст летописи договора, он обращен к Роману, и его сыновьямъ соправителямъ Константину и Стефану. В свое время Роман отстранил своего тестя императора Константина Порфирородного, а в декабре 944 года он и самъ был отстранен и отправлен в монастырь своими сыновьями-соправителями, а вскоре и те будут отстранены, а императорский тронъ вновь займет Константин Порфирородный (ум. 959). «Договор», же, очевидно, следует датировать осенью 944 г.

Договоры Руси с Византией были включены в киевскую летопись, видимо, в 20-е годы XII в. (Новгородская 1 летопись, использовавшая киевскую до 1115 г., их не знает), когда после резкого обострения отношения с Византией наступило примирение и определенное сближение. Договор 944 (6453) года дан в чересполосном смещении двух «противней». Начало — «равно другаго сведания» указывает на русский противень, но далее текст перебивается византийским противнем. Киевский вариант интересен прежде всего перечнем имен посланцев и купцов, а также окружением князя, направившем их. В константинопольском противне перечислены условия пребывания посланцев и купцов в Константинополе, в частности: «Да входять в городъ одними вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья, мужъ 50, и да творять куплю якоже имъ надобе, и пакы да исходятъ; и мужъ царства нашего да хранить я, да аще кто от Руси или отъ Грек створить криво, да оправляеть то». Ограничивались и размеры покупок, хотя в целом предполагалась равная плата за нарушения той и другой

стороны. Особо выделяется «Корсунская страна», а договор не позволяет «княземъ Рустимъ» владеть городами этой страны, не позволяет русамъ «зимовати въ вустыи Днепра, Бельбережи, ... но егда придетъ осень, да идуть в дома своя в Русь». Корсуныяне получали возможность ловить рыбу в устье Днепра, вместе с тем, византийская сторона готова была оказать помощь войску Руси, воюющей с прилегающими к «Корсунской стране» странами. Особо предупреждается, чтобы русский князь не пропускал к «стране Корсуньстей» Черных болгар: видимо имеются в виду появившихся в причерноморских степях торки (кара-каллаки — «черные клобуки»).

Интерпретация событий 944 г. в русском и византийских вариантах существенно различается, но ни тот, ни другой, ни в коей мере не позволяют увязывать Киевскую Русь с показаниями Кембриджского документа. Ни в какую «Персию» Игорь и его войско не уходили, и погибает он в 945 г. в результате несправедливого вторичного взыскания дани с древлян. Очевидно, автор Кембриджского документа пользовался разными слухами, перепутал их и основательно запутал исследователей. К Киевской Руси его сведения явно не имеют отношения, и даже летописное изложение под 941 годом, заимствованное из византийских источников, передает лишь византийское видение событий, а хазаро-иудейский аноним мог иметь в виду вообще какие-то иные события.

Можно сказать «открытием века» явилась небольшая статья С.С.Ширинского «Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии»⁸⁹. Дело в том, что в статье 944 г. упоминается Ильинская церковь, в которой при заключении договора Игоря с греками приносили клятву варяги-христиане. Обычно обсуждается вопрос о том, кем были эти варяги-христиане (наряду с варягами-язычниками), и редко затрагивается вопрос, а кого вообще обслуживала эта церковь? Преобладало стремление увязать появление нового населения в Киеве с варягами князя Олега в конце IX века. К этой мысли подводило и заключение М.К.Каргера:

«Погребения этого типа... представляют господствующий погребальный обряд социальной верхушки киевского общества в IX—X вв. Более того, изучение киевских погребений различных социальных слоев позволило установить, что обряд ингумации характерен не только для верхов киевского общества в IX—X вв., но широко распространен и в рядовых погребениях горожан этого времени». Но сам же автор показал, что датировать эти погребения следует уже X в., чаще всего его серединой и второй половиной⁹⁰.

Статья С.С.Ширинского оказалась абсолютным наложением на выводы Никольского, и вдвойне ценно то обстоятельство, что с выводами историко-филологического предшественника археолог не был знаком. «Сотни раннехристианских погребений IX—X вв... на территории Чехии, Моравии и Словакии образуют идентичные серии ориентированным на запад древнейшим троположениям Среднего Поднепровья... И в Поморавье и на Руси для погребений знати в эту эпоху характерно наличие пышного погребального инвентаря, предметов, подчеркивающих рыцарскую принадлежность погребенных, а иногда и убитых женщин и рабов. И там, и здесь как пережиток языческих трупосожжений в ранних могилах с труположением в могильной яме или над ней встречаются следы ритуальных, очистительных костров и отдельные кости животных — остатки strawy⁹¹». Важно также указание на преемственность христианских погребений в районе Десятинной церкви с указанными выше предшествующими.

Существенно и то, что «переселенцы» из Моравии как бы возвращались к родным местам, как и в конце V века, после развала державы Аттилы руги и гуны (фризы) возвращались на Средний Днепр и к берегам Черного моря. И не случайно в описании в летописи обычаев полян подчеркивается отличие их от древлян, а параллель просматривается в баварском праве (то есть у соседей Ругилянда)⁹². И это при том, что в киевских погребениях практически нет германской примеси⁹³. Но и в более поздней публикации И.П.Шаскольского нет упоминаний ни Никольского, ни Ширин-

ского, ни многих других специалистов разных профилей, подтверждавших обоснованность летописной версии о связи полян и вообще славян с Подунавьем (Иллирией и Нориком). Он боролся теперь с антинорманистами, которые признавали варягов балтийскими славянами или этнически пестрым населением, уходившем на восток от франков и данов с побережья Северного моря и юга Балтийского. Это считалось «истинно марксистским» пониманием проблемы. А потому необходимо совершить экскурс и в эту область споров и расхождений.

Как было отмечено, могильники Киева практически не имеют норманской примеси. Это вполне согласуется и с летописными данными. И дружина Олега, и дружина Игоря формировались на Волго-Балтийском пути из иных «варягов» (уже славяноязычных). Собственно «норманны» — норвежцы и шведы (хотя летопись шведов называет правильно — «свеями») широким потоком хлынули на Русь при Ярославе. И в этой связи может представить интерес Шестовицкий могильник близ Чернигова, в котором антропологи фиксируют норманскую примесь. Но ограниченность материала не позволяет ни определить «удельный вес» норманской примеси к славянским погребениям, ни время появления норманских наемников под Черниговом.⁹⁴ Чернигов не упоминался при распределении Владимиром своих сыновей по княжениям. Мстислав был определен Владимиром в Тмутаракань. Отсюда он в 1023 г. направится с наемниками против Ярослава. Тот, как обычно, призвал «варягов» и в 1024 г. севернее Чернигова произошла битва, в которой дружина Ярослава и его наемники-варяги потерпели поражение. Киев взять Мстислав, однако, не смог и предложил Ярославу разделить Русь по Днепру. Чернигов при этом становится своеобразной столицей Левобережья, (до смерти Мстислава в 1036 г. Ярослав будет обитать преимущественно в Новгороде).

А.В.Назаренко⁹⁵ в обстоятельном собрании сочинений удостоил оппонента (А.Г.Кузьмина) тремя отсылками, и все они более чем некорректны. Одна из них рассмотрена выше, в связи с проблемой ру-

гов и русов. Другая касается времени создания Никоновской летописи. Тема эта за пределами рассматриваемых здесь проблем, но если она уже связана с ними, то надо внести уточнения. Автор ссылается на стр. 20–32 книги «Рязанское летописание» (М., 1965) и напоминает, что «митрополит Даниил, инициатор создания Никоновской летописи и ее редактор, был рязанцем». Но дата «1520 г.», как время, до которого доведен список Оболенского, давно принята многими специалистами (перечисленными на указанных страницах). Нетрудно заметить, что свод многочисленных местных летописей и эпических сказаний, как и стиль изложения в Никоновской летописи, прерывается 1445 г. (Об этом сказано на стр. 28–30 указанной книги, и в этом заключается главная проблема Никоновской летописи). И многое в этой связи указывает на рязанского епископа Иону, который в 1446 г. был приглашен в Москву Дмитрием Шемякой в качестве местоблюстителя митрополитского стола, а в 1448 г. был избран крутом епископов в митрополиты.

Еще одна редакция (точнее, продолжение по Симеоновской летописи с небольшими добавлениями) относится к первым годам XVI в. (датируется в основном обычным в то время в начале перечнем епископов), вскоре после кончины (в 1501 г.) рязанской княгини, сестры Ивана III, весьма уважаемой и братьями, оппозиционными старшему, фактически определявшей политику и супруга, и затем сына на протяжении почти сорока лет (с 1464 г.)⁹⁶. Но активная деятельность ее снохи Аграфены по собиранию рязанских грамот и летописных записей (в том числе о Софонии, авторе «Задонщины») в Никоновской летописи не отразилась. В канцелярии митрополита Даниила (бывшего ранее рязанским епископом) привлекли протограф и ныне известной Иосафовской летописи, доведенной до 1520 г. Эта редакция и принимается большинством исследователей за основу. (Отмечаются также редакции конца 30-х — начала 40-х гг. и 50-х гг.) Летопись создавалась и продолжалась явно в канцелярии митрополита. И уникальные сведения о римских посольствах начиная с X в. (с послов

к Ярополку Святославичу), видимо, заимствованы из какой-то папской буллы XV в., а включены они были, видимо, в редакции середины XV в., когда живы были толки о Флорентийском соборе 1439 г.

Ярослав. О Ярославе надо сказать отдельно. А.В.Назаренко (речь идет о странной акции 1044 года — крещении останков убитых в усобице 70-х гг. X века Ярополка и Олега) назвав в основном тексте А.Поппэ и Макария, в примечании говорит об историках «второго ряда»: «Высказывались... и другие, менее вероятные или совсем невероятные с нашей точки зрения, толкования: что речь идет о попытке Ярослава примирить языческие и христианские элементы в древнерусском обществе». Указана книга Кузьмина 1977 г. и даже страница — 214. А на самом деле на этой странице записано, что «символический жест, как бы соединявший языческую Русь с христианством и провозглашавший своего рода амнистию зачинателям усобиц прошлого столетия ради единства Русской земли, связан не с Ярославом, а с Десятинной церковью». (Показываю два текста аспирантам, коллегам, специалистам иных профилей — недоумевают все: как же так можно? Так ведь в этом и проявляется научная несостоятельность норманизма: источники читаются точно так же.)

Разумеется, это не было попыткой выгородить Ярослава. Князя, обманом заманившего к себе и перебившего тысячу избранных новгородцев (производивших себя, согласно новгородским летописям, «от рода варяжска») за то, что они пытались пресечь разгул приглашенных князем варягов-норманнов, поднявшего оружие на отца и на всех своих братьев, трудно чем-либо оправдать. Сообщение саги об Эймунде о том, что Борис (Бурислейфа саги в литературе пытались отождествить со Святтополком, но и имя и обстоятельства этому противоречат) был убит варягами по указанию Ярослава, при всей затуманенности его литературной обработкой, принято в ряде серьезных исследований. Книга Н.Н.Ильина 1957 г. была встречена «заговором молчания», но к сходным выводам

пришли М.Х.Алешковский, А.С.Хорошев, А.Б.Головко, Г.М.Филист, а также писатель С.Плеханов⁹⁷. И ничего удивительного в этом нет: именно Борис Владимир поставил во главе войска, которое должно было идти усмирять мятежного князя. И не мог бы сын Ярослава Изяслав при жизни отца давать своему старшему сыну имя Святополка, если бы предшественника обвиняли в столь тяжком грехе. С другой стороны, Ярослав никого из своих сыновей не назвал Борисом или Глебом, а имя Вячеслав было импортировано из Чехии. (Княжеские имена обычно повторяли имена реальных или легендарных предков). А последний его брат Судислав провел 24 года в темнице и был освобожден лишь после смерти Ярослава, в 1059 году, да и то, видимо, потому, что постригся в монахи, в кои и пробыл еще четыре года до кончины.

Именно Ярослав наводнил Русь варягами-скандинавами. «Варяги» в дружинах Олега и Игоря, как отмечено выше, были набраны по Волго-Балтийскому пути с явным участием алан (т.н. «Русия-тюрк») западно-эстонских областей, но уже славяноязычных. (Весьма важно наблюдение И.И.Срезневского: договоры первоначально были записаны глаголицей, то есть азбукой, которую Рим приписывал «готам» или Мефодию и считал арианской). «Варяги» Владимира, судя по пантеону божеств, тоже были не из скандинавского «заморья». По всей вероятности, именно со времени Ярослава и летопись включила Скандинавию в число «варягов», а Болли Боллисон около 1027 г. окажется первым норманном в составе варяго-русской дружины в Константинополе⁹⁸. Связь же странного перезахоронения и крещения с Десятинной церковью по своему логична. Десятинная церковь противостояла провизантийскому Софийскому собору и старалась подчеркнуть свою независимость, а также верность традиции, отнюдь не византийской. Это та традиция, которой придерживались летописцы вплоть до XV века, воспроизводя арианский символ веры «Повести временных лет», и та традиция, которая постоянно (вместе с определенными чертами раннего ирландского христианства) проявлялась на

разных уровнях в быту⁹⁹. И главное, что привлекало славян и ругов в арианстве — это право общины выбирать епископов. Отсюда, кстати, «епископы» во множественном числе, с которыми советуется Владимир (ст. 996 г.). Митрополии при Владимире на Руси не было, а упоминаемая под 944 годом христианская община при Ильинской церкви в Киеве не была связана ни с Римом, ни с Константинополем, в то время как связь ее с Подунавьем, как показано выше, подтверждается и антропологическим материалом, и обрядом погребения. Да и княгиня Ольга, приняв в 959 г. крещение от византийского императора Романа, за «учителями» отправила посольство к Оттону I. Но миссия епископа «крестителя ругов» Адальберта в ответ на просьбу «королевы ругов», окончилась полной неудачей, и западные хроники обвиняют киевлян в негостеприимстве и обмане.

Сам институт «десятины» — определенная форма обложения (в данном случае в пользу церкви) — безусловно «западный», и естественно, что его использовали католические авторы для того, чтобы доказывать положение о зависимости ранней русской церкви от Рима. В книге М.Таубе, безоговорочно принимавшего норманистскую концепцию образования Древнерусского государства, помимо «десятины» приводится обстоятельный перечень церковных терминов, сближающих Русь с германо-римским, а не с греческим миром. Таковы понятия «церковь», «алтарь», «атнец», «поп», «пастыр», «пост» и некоторые другие¹⁰⁰. Но все эти понятия есть и в сербохорватском языке. М.Н.Тихомиров отметил, что «десятина» в том же виде известна в Польше, Чехии и Хорватии, и особенно остановился на понятиях «девятинна» и «дача». «Девятинна» упоминалась в хорватских и венгерских памятниках, а «дача» — «это один из видов пошлани, обязанностей крестьянских, которые собирались в средневековье в Хорватии»¹⁰¹.

Двоеверие по существу провозглашалось заключительной фразой о княжении Владимира под 996 г.: «И живяще Володимеръ по устроенью отню и дедню». Сам характер раннего русского христианства,

независимого ни от Рима, ни от Константинополя (возглавлявший при Владимире церковь курсуянин Анастас уйдет с Болеславом в Польшу, где еще сохранялись островки последователей Кирилла и Мефодия, явно не принимая провизантийские настроения Ярослава, может быть и сутубо прагматические). Элементы двоеверия прослеживаются и у первого собственно русского митрополита Илариона¹⁰². В этом проявлялось уважение к традициям своего и иных «молодых» народов. Двоеверие проявится в сохранении языческих праздников и «наложении» на них христианских (праздник первых русских святых — Бориса и Глеба отмечался не в дни их гибели, а 2 мая, в день языческого праздника «первых ростков», и др.), а на селе оно не исчезло еще и в наше время. Язычество было формой отношения человека с природой, христианство же предполагало регулирование социальных отношений, которые традиционно в том же направлении решала славянская территориальная община.

В книге, отредактированной Е.А. Мельниковой, непонятны, сопровождаемые восклицательными знаками, рассуждения А.В. Назаренко о Ярославе и его сыне Илье. Не более понятны они и в специальном романе, посвященном Илье в книге «Древняя Русь на международных путях»¹⁰³. Почему возраст Ярослава в 1016 г. определяется в 40 лет? С какого потолка взята эта цифра? Все списки Лаврентьевской, позднейшие списки Ипатьевской летописей и большинство последующих указывают 28 лет (ориентация на дату крещения, после которой рожденные от бывших жен становились как бы незаконными), в Ипатьевском списке и наиболее полно передающих новгородскую летописную традицию Софийско-новгородских летописях — 18 лет, Татищеву были известны летописи, в которых значилось 38 лет, — цифра, явно отсчитывавшаяся от обозначенного в некрологе возраста — 76 лет.

Некролог Ярослава дошел в летописях в разных вариантах. В Ипатьевской летописи его хоронит старший сын — Изяслав, как и должно было быть. В Лаврентьевской летописи нет на погребении ни Изя-

слава, ни Святослава, а хоронит отца младший — Всеволод, «бе бо любим отцемъ паче всея братьи, его же имяше присно у себе». Такое «уточнение» могло возникнуть в годы противостояния Владимира Мономаха Святополку Изяславичу и Олегу Святославичу. Но цифра «76» возникла явно в годы борьбы Ярославичей с полоцким князем Всеславом, возведенным на киевский стол в 1068 году самими киевлянами.

Последняя цифра придумана, чтобы сделать Ярослава старшим, каковым (если не считать Святополка, фактическим отцом которого был Ярополк), конечно, был первый сын Рогнеды полоцкий князь Изяслав. Правда, в летописи при перечислении 12 сыновей Владимира старшим назван сын «чехини» Вышеслав, который по распределению уделов получил Новгород. Вполне возможно, что от «чехини» сын родился раньше, чем от Рогнеды (у нее были и дочери, упоминаемые летописью). Но Вышеслав рано ушел из жизни (у Татищева указан 1010 г.) и, похоже, не оставил наследника. И Ярослав оказался его преемником не потому, что был следующим по возрасту, а потому, что старший сын Рогнеды Изяслав получивший родной Полоцк, из которого мог перейти разве только в Киев, скончался еще раньше Вышеслава. А на старшинство будет претендовать его сын Брячислав, к которому, согласно саге об Эймунде, перешли от Ярослава обиженные им норманские наемники. В 1021 г. Брячислав взял главную столицу Ярослава — Новгород, и, согласно той же саге, захватил там и его супругу Ингигерд. Вполне вероятно, что переданные Ярославом Брячиславу города Витебск и Усвят, контролировавшие западно-двинский вариант пути «из варяг в греки», были своеобразным выкупом. По летописи, Ярослав — третий из четырех сыновей Рогнеды. Претензии полоцких князей будут проявляться и в XII веке, пока сын Владимира Мономаха Мстислав не «поточит» их и не вышлет в 1129 году с семьями в Византию. (В рассказе об этом в летописи Ярослав вроде бы и не сын Рогнеды). Этим объясняется «поправка»: в 978 году у Владимира еще и никаких жен не было. (Рогнеду он захва-

тит в 980 году.) И анатомическое обследование показало, что Ярослав был значительно моложе «76-ти», и старейшие летописи дали правильное обозначение возраста¹⁰⁴. Возраст Владимира в летописях не указан. По Татищеву, он умер в возрасте 67 лет — так значилось в его оригинальных источниках. Но в таком случае Святославу пришлось бы родить князя от Малуши в шестилетнем возрасте. Дата рождения — 942 год — подтверждается рассказом о наказании древлян в 945-м: мальчик Святослав как бы начинает битву, бросая копье. Копье пролетело меж ушей коня и упало к его ногам, «бе бо детеск». А походы Святослава начнутся только в 60-е годы. Из-за хронологической путаницы поход на волжских болгар и хазар обычно, с ориентировкой на константинопольскую эру, обозначается 964—965 гг., на самом же деле он был в 968—969 гг. (дата в летописи дана не по константинопольской эре).

Обозначение возраста Ярослава 28-ю годами понятно: отсчет велся от даты крещения Владимира. Цифра «18», видимо, связана с какой-то историей, удаленной, как и все события последних двух десятилетий княжения Владимира из летописи одним из первых ее редакторов (видимо, в третьей четверти XI века). А отношения Владимира и Рогнеды куда больше заслуживают интереса романистов, нежели несчастный мальчик Илья. Темой для романа может служить летописный пересказ под 980 годом того что «сказаша ведушии». За дочь Рогволода для Владимира «детеска суца» сватался воевода Добрыня, и он же наказал отца и его дочь за отказ «розути робичича». Добрыня же заставил мальчика насиловать строптивую невесту перед ее отцом и матерью, после чего Рогволод был убит. Но указание на рождение Ярослава в 998 году тоже маловероятно. Хотя Титмару Мерзебургскому многое порассказали о загулах киевского и польского князей, а фактический пропуск в летописи сведений о деятельности Владимира после 996 года вызывает много вопросов, Рогнеда, по всей вероятности, сопровождала старшего сына Изяслава, определенного при распределе-

нии княжений в Полоцк. По летописному сказанию, она сразу после крещения приняла пострижение в монастырь, хотя таких на Руси еще не было. Кстати, никому, из 12 «распределяемых» после крещения, более семи лет не было. Детей обычно сопровождали «дядьки». К ребенку Выпеславу, отправленному в Новгород, был представлен дядя Владимира по матери Добрыня, и эта должность позднее перейдет к его сыну Константину.

И позднее при направлении на те или иные княжения возраст не учитывался. Иван III в 12 лет уже женился на тверской десятилетней княжне Марии, а сына Ивана княжна родит в шестнадцатилетнем возрасте. Бывали и более экстравагантные браки. Надо иметь в виду и то, что в летописях отмечались лишь церковно оформленные браки. А долгое время это происходило значительно позже и реального брака, и публичной свадьбы. Молчание всех летописей о женитьбе Ярослава на Ингигерд (отнесенной, вопреки указанию саги об Эймунде, в других сагах к 1019 г.) может быть связано как раз с неопределенностью их отношений в период княжения Ярослава в Новгороде, когда он устанавливал контакты со шведским королем и нанимал в Скандинавии варягов-норманнов.

Что касается сына Ярослава Ильи, то в собственно летописные тексты его имя не попало и в Новгороде. Он внесен в предваряющий летописный текст перечень князей перед Владимиром — сыном Ярослава, рождение которого отметили все летописи. И сказано здесь только: «И родися у Ярослава сын Илья, и посади в Новгороде, и умре»¹⁰⁵. Из этой фразы следует, что Илья родился после перехода Ярослава в Киев, то есть после 1016 года, а Ингигерд не случайно получила в вено Ладогу. Там и в Новгороде она по большей части и пребывала в окружении скандинавской свиты, по крайней мере, в первые годы отнюдь не желанного для нее брака.

Перечни составлялись в середине XV в. по каким-то внелетописным источникам. В списках митрополитов, из которых А.В.Назаренко подбирал подходящего для этого времени кандидата, между прочим,

фигурирует византийский патриарх Фотий (ум. 867) как современник Владимира и называются «первые» поставленные или «привезенные» с собой митрополиты: в одном варианте Леон, в другом — Михаил. Такие митрополиты действительно были, только направлялись они не в Киев, — Михаил в Причерноморскую Русь, Леон — в болгарскую Преславу. Привнесенного же в роман об Илье митрополита Иоанна не было ни в одной Руси. В более ранних, или строже выверенных летописях, перечни правильно начинаются с Феофемпта, который был направлен Константинополем по просьбе Ярослава, и выступал он именно против той независимой церковной традиции, которой придерживался Владимир и его советники.

Уезжая из Новгорода в Киев, Ярослав оставляет город на попечение посадника Константина Добрынича (двоюродного брата Владимира по матери), которого в 1019 или в 1020 г. (а не в 1018, как считал А.В.Назаренко; в 1018 г. Ярослав искал примирения с новгородцами, дабы организовать поход на занимавшего Киев Святополка) князь сощлет сначала в Ростов, а затем в Муром в заточение, где тот и будет «на третье лето» лишен жизни. Причиной этого могло быть и столкновение с новгородцами 1018 г. Ярослав после поражения от Болеслава хотел бежать за море, а Константин поднял новгородцев, которые порубили приготовленные для бегства ладьи. Получив же из Киева уведомление от сестры Предславы о шатком положении Святополка и уступая требованиям новгородцев, Ярослав решает бороться за Киев. Владимир же, родившийся в 1020 г., сразу определяется князем, и Илья мог почитаться князем какой-то миг, или его вписали в перечень как сына (может быть и не от жены) бывшего новгородского, а затем и киевского князя. Ни о каком браке его (явно малолетнего), о котором говорит А.В.Назаренко, не может быть и речи.

В сообщении Титмара (его информатор был далеко не всегда безупречно точен) самое загадочное — упоминание в обращении Болеслава к Ярославу (находившемуся в Новгороде) жены, мачехи и девяти сестер,

которых польский князь предлагал обменять на захваченную Ярославом дочь Болеслава — супругу Святополка. Если у Рогнеды было помимо четырех сыновей еще девять дочерей, то ей никак не уложиться во времени до принятия крещения. В летописи сказано лишь о двух ее дочерях (одну из которых, Предславу, увез с собой Болеслав, которого Титмар характеризовал, как и Владимира, жестоким распутником). Видимо, число «девять» предполагает сестер от разных жен Владимира. Но к такому роду родственников Ярослав явно не был расположен (да и другие братья не испытывали родственных чувств по отношению к рожденным от других матерей). В летописном рассказе о кончине Ярослава воспроизводится его, отмеченное выше, наставление сыновьям: «имейте в себе любовь, понеже вы есте единого отца и матере».

По летописи, Ярослав бежал в Новгород всего лишь в сопровождении «четырех мужей». Если же он прихватил еще жену Святополка, то непонятно, почему собственную жену оставил в Киеве и тут же обратился к шведскому конунгу и за наемниками, и в качестве соискателя руки его дочери. (Согласно Саге об Эймунде, Интигерд уже была в Новгороде, а затем Брячислав захватил ее в Новгороде, когда Ярослав утвердился в Киеве.)

Непонятно также, о какой мачехе идет речь. Царевна Анна умерла в 1011 г., вскоре после определения (1010 г.) Ярослава в Новгород. Если Владимир и успел жениться (а о женитьбе его незадолго до смерти говорят некоторые источники), то Ярослав при напряженных отношениях с отцом вряд ли смог даже и познакомиться с ней. Во всяком случае русские летописцы и публицисты XI в. ее даже не упоминают. И, конечно, неясно, о какой жене идет речь. Новгородские летописи сообщили бы если не о браке, то о кончине ее: летописи обычно редко упоминали о браках, но сообщали о рождении княжеских детей. Н.М.Карамзин, использовавший в числе источников и Титмара, резонно говорит лишь о предложении Болеслава вернуть Ярославу сестер в обмен на его дочь — супругу Святополка,

увезенную Ярославом куда-то на север.

В годы новгородского княжения (1010—1016, часть 1018-го) Ярослав был больше развернут в сторону Балтики, а не Киева. Явно именно тогда он, нанимая шведов и норвежцев, договорился с шведским конунгом Олавом Шетконунгом о женитьбе на его дочери Ингигерд. Вопрос осложнялся тем, что ранее конунг соглашался отдать дочь за сына норвежского конунга, к чему стремилась и сама невеста (по сагам, едва ли не всю жизнь), и у нее мог родиться сын Илья (и не обязательно от Ярослава). К «хромцу» Ярославу, по летописи, с явным пренебрежением относились и киевляне. (В упомянутом выше материале обследования останков князя выявляется определенная деформация от рождения, усугубляемая затем тяжелым ранением — переломом голени.)

Примечательный эпизод противостояния «норманиста» и «атиинорманиста» представляет взаимозвительная переписка Ивана Грозного с шведским королем Юханом (Иоганном) III. «А что ты написал по нашему самодержьства писму, — пишет русский самодержец, — о великом государи самодержце Георгие-Ярославе, и мы потому так писали, что в прежних хрониках и летописцах писано, что с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом на многих битвах бывали варяги, а варяги — немцы, и коли его слушали, ино то его были»¹⁰⁶. Ивану Грозному нравилась записанная в XV веке легенда о Пруссе — брате Августа, от которого выводили и Рюрика. Он мыслил себя неким потомком самого римского императора, тогда как шведские короли — это «мужичий род». Как истый «западник», он производил себя «от немецкой, баварской крови»¹⁰⁷, по-своему следуя версии илиро-дунайской прародины славян и русов в «Повести временных лет». «Немцами» с конца XV в. именовали на Руси все входившие в состав «Священной Римской империи» народы. Отсюда, скажем, «немцы из Рима», на которых в свое время указывал Г.Эверс. И суть уточнения Ивана Грозного именно в том, что «варяги» не шведы, а область, входящая в состав Империи, то есть южный берег Балтики.

Но он отчасти соглашался и с тем (на чем обоснованно настаивал Юхан), что среди наемников Ярослава были и шведы: все равно они служили Ярославу, а не он им. Указание же Юхана ценно тем, что в Швеции не искали в числе варягов шведов ранее времени Ярослава. И недоумение вызывает «подарок», сделанный Н.М.Карамзиным норманистам. Он «поправил» текст письма (опубликованный к тому времени Н.И.Новиковым). Карамзиным приписаны царю слова: «А варяги были шведы»¹⁰⁸. Норманистам, естественно, понравилась «поправка». И ссылались они теперь (в частности, А.Куник и В.Томсен) не на опубликованный Новиковым подлинник, а на «исправленный» Карамзинным текст. Куник теперь будет третировать славян, как «сухопутных моряков», попросту не зная, что в VII в. славяне заполнили судами не только Балтийское, но и Средиземное море, достигая Северной Африки и Испании¹⁰⁹. Как и всегда, норманисты искали не факты, а возможность протаскивать свою далекую от науки политическую тенденцию.

Ну а поиски суженого для смеившейся многих мужей (или смеяемой многими мужьями) Эстрид-Маргарет, которую А.В.Назаренко выдал за ни разу не упомянутого в собственно текстах даже новгородских летописей Илью, надо искать в какой-то другой Руси, которые А.В.Назаренко почему-то не замечает. Зато окружение Богдана Хмельницкого, не читавшее работ этого автора, почитало себя потомками Одоакра — то ли руга, то ли герула, и во всех вариантах «русского», с острова Рюген¹¹⁰. И в те самые годы, которые А.В.Назаренко отвел для женитьбы мальчика Ильи на сестре Кнута Великого Эстредь — 1016—1019 (в этом году Эстредь выходила за другого, стоявшего в очереди) — сыновья умерщвленного Кнудом английского короля Эдмунда Железобокоего бежали «на Русь», «в землю ругов, которую мы называем Руссией», проехали Руссию «за пять дней», и прибыли в Венгрию. Целый ряд разных источников отмечает это событие. И эта «Русь» была рядом и с англами юга Ютландии, и племенным союзом ободригов, откуда была родом мать Кнута Ве-

ликого, а никак не на Днепре, как представлено в романе филолога.

* * *

И какой же итог? В свое время известный славист В.А.Мошин предупреждал, что «главным условием на право исследования вопроса о начале Русского государства должно быть знакомство со всем тем, что уже сделано в этой области»¹¹¹. Это требование обязательно к исполнению при обращении к любой проблеме. Но в данном случае оно практически невыполнимо, если считать «сделанным» все опубликованное. Опубликованы десятки тысяч (если не сотни тысяч) книг, статей и заметок, и в этом море легко утонуть, если не будет выверенного компаса. Библиография исследований по истории летописания превышает две тысячи наименований. А решить прежде всего нужно вопрос: сводится ли летописание к одному единственному «древу», как полагал Шлецер и даже Шахматов и многие его последователи, или же летописи выражали идейные — религиозные и социально-политические настроения разных земель и разных социальных групп, как это отмечалось многими историками еще XIX в. и на широком материале обосновывалось Н.К.Никольским. Да и споры о летописях в большой степени вызваны спорами летописцев и витиев по тем или иным вопросам, в особенности как раз по наиболее важным, обозначенным в заголовке «Повести временных лет» или в рассказе о крещении Руси при Владимире. И ко всем наукам относится известная фраза, известного мыслителя: «Правильная постановка вопроса и есть его решение».

Прежде всего поражает совершенная методологическая несостоятельность наших современных норманистов. На одном хронологическом уровне, вне исторического процесса, великие наши филологи-норманисты неотвратно идут сами и пытаются вести других в тупики. На одном хронологическом уровне, да еще в рамках одного (немецкого) языка этнические проблемы вообще не могут ставиться, а тем более решаться. И без знания истории хотя бы на

школьном уровне филологам не следует браться за решение сколько-нибудь значимых исторических проблем. Первые норманисты — Байер, Миллер, Шлецер — хотя бы будили мысль и расширяли кругозор. Ломоносов, Эверс, Венелин и целая плеяда историков и филологов второй и третьей четвертей XIX столетия ввели в научный оборот огромный материал о многих народах Европы и Азии и месте среди них славян и русов.

Нынешние филологи-норманисты несостоятельны даже и в области филологии, поскольку не представляют действительной истории тех языков, которыми пытаются оперировать, а многие влиявшие на последующее общественное развитие этносы вообще не попадают в их поле зрения. Избирательно и «потребительски» используются и упоминания «руси» в источниках. А основная проблема в том, как размежевать разные «виды» русов, о которых настойчиво говорят восточные и отчасти западные источники (русы-руги, русы-тюрк, роксаланы). Практически до сих пор совершенно не написана и древняя история Скандинавии, хотя Йоханссоном и Сихольмом дано перспективное направление поисков. И кельтский и «скифский» — аланский след в Скандинавии явно просматриваются. Многое вскрывает и «Варангерфьорд» на севере Норвегии. И следует разобраться с обилием славянской керамики в городах Швеции и славянских именах в шведских городах средневековья. Очень жаль, что Тур Хейердал ушел из жизни вскоре после поездки на родину Одина. А он успел понять, что «норманны» с Дона — это не германцы. С работами же С.П.Толстова, Д.Т.Березовца и М.Ю.Брайчевского, указывавших на иранский (аланский) след в этносе донских и прикаспийских русов, ему, видимо, познакомиться не довелось.

Современные норманисты далеки не только от диалектики познания, но и от позитивизма. Они идут от извне привнесенной презумпции: сначала провозглашается, что варяги — скандинавы, а потом подтягиваются какие-то аргументы. Весьма показательна в этом плане статья Ф.Д.Гуревич «Скандинавская колония на территории

древних пруссов». «Воинственность обитателей скандинавской колонии, — отмечает автор, — проявилась и в том, что треть погребенных женщин были наездницами... Любопытно, что в Бирке на 238 женских погребений приходится лишь одна накладка от сбруи коня и единственные удила»¹². По существу дано объяснение упоминаемым в некоторых источниках «амазонкам» в Восточной Прибалтике. Но автору достаточно одной амазонки в Бирке. А если учесть, что в Бирке 13% керамики с южного берега Балтики, то логично и балтийских славян объявить колонией скандинавов.

Заметно уступают нынешние норманисты и в плане научной этики своим предшественникам XIX в. М.П.Погодин и А.Куник существенно скорректировали

свои концепции в ходе полемики с С.Геденовым, отказавшись, в частности, от пресловутых «родсов» и «Рослагена». Полное неведение истории летописания вообще и сложения «Начальной летописи» в частности, закрывает самую возможность понимания ее текста. Ну а высокомерные выпады против историков и даже самой истории как науки (совсем в духе Асмолова) обнажают и весьма невысокий филологический уровень. Во всяком случае, с таким уровнем филологических познаний проблемы этнической истории затрагивать не имеет смысла.

Старая пословица гласила: если Бог хочет наказать человека — он лишает его памяти. А лишение памяти целого народа равнозначно его уничтожению...

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ «Летопись по Лаврентийскому списку». СПб., 1897. С. 9. И далее «Повесть временных лет» цитируется по этому изданию. (Переиздания текста в Полном собрании русских летописей неудобны для цитирования, поскольку не раскрыты титлы и не расставлены знаки препинания).
- ² См.: Кузьмин А.Г. Две концепции начала Руси в Повести временных лет // «История СССР», 1969, № 6; *его же*. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. — Рязань, 1969; *его же*. Начальные этапы древнерусского летописания. — М., 1977; и др.
- ³ См. Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. — М., 1969. С. 226—237.
- ⁴ Ломоносов М.В. ПСС. Т. 6. — М.-Л., 1952. С. 30—31.
- ⁵ «Софийский временник». Ч. 1. — М., 1920. С. X—XI.
- ⁶ Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 2. — М., 1826. С. 253—254.
- ⁷ Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. — М.-Л., 1965. С. 5 и 9.
- ⁸ Там же. С. 71.
- ⁹ См. Никольский Н.К. Указ. соч. Вып. 1. — Л., 1930, а также изложение предполагавшегося второго выпуска в докладе «К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи» // «Вестник АН СССР», 1933. Близкие идеи развивались автором и в ряде других опубликованных и, к сожалению, многих неопубликованных работах.
- ¹⁰ *Его же*. Антинорманизм и его судьбы. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983.
- ¹¹ Браун Ф.А. Варяги на Руси // «Беседа», т. 6—7. — Берлин, 1925. С. 308.
- ¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 240—241.
- ¹³ См. «О государственном геноциде в России. Материалы Круглого стола «Кризис нации» при Председателях Комитетов по обороне и безопасности Государственной Думы Российской Федерации». — М., 1998. По данным Европейского совета в зарубежных НИИ осело около 500 тыс. россиян. До распада СССР в НИИ работало свыше миллиона ученых, теперь в РАН числится лишь 54 тыс. (Хайруллин М. Мозги на экспорт // «МК», 18.06.02). В телепередаче «Свобода слова» у С.Шустера 20.06.02, посвященной пенсионной проблеме, министр труда г-н А.П.Починков представил профессоров взяточниками, получающими в конвертах от студентов на экзаменах, а возмущенным оппонентам из Думы удивленно разъяснил: так у них же зарплата 1700—1800 руб.! В письме академика Ж.И.Алферова к участникам Марша протеста

- та ученых и молодежи 24–27 июня 2002 г., отмечено, что президент предлагал выделить на науку 50 млрд. рублей, а в бюджете обозначилось лишь «35 млрд. рублей, что составляет лишь половину годового бюджета Кембриджа» («Советская Россия», 27.06.02). Телеканалы не без иронии сообщали, что ученые, требуя от правительства выделения на науку 4% бюджета, удовлетворились 2-мя (что дало 4 млрд. добавки, которые, конечно, без остатка съест инфляция).
- ¹⁴ Клейн Л.С. Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии // «STRATUM plus», 1999, №5.
- ¹⁵ Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // «ВИ», 1974, № 11. С. 55.
- ¹⁶ Гедеонов С. Отрывки из исследований о варяжском вопросе // Приложение к 1 тому Записок имп. Академии наук, СПб., 1862, № 3, с. 16–17. Имеется в виду полемика 1862–64 гг., когда С.Гедеонов впервые изложил свое видение «варяжского вопроса», причем публикацию С.Гедеонова предваряло предисловие А.Куника, а М.П.Погодин признал, что многие постулаты норманизма серьезно пошатнулись.
- ¹⁷ См. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Указ. соч., с. 25.
- ¹⁸ Завитневич В. Происхождение и первоначальная история имени Русь. Отгтыск из «Трудов Киевской Духовной Академии». 1892, № 11. С. 2.
- ¹⁹ Марр Н.Я. Избранные работы. т. V. — М., 1935. С. 430.
- ²⁰ «Вопросы истории», 1970, № 10.
- ²¹ См. Андерле А. Из истории идеологической подготовки гитлеровской агрессии против СССР // «ВИ», 1961, № 6. С. 85–95.
- ²² Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. — М., 2001. С. 47.
- ²³ Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов...
- ²⁴ Кузьмин А.Г. Варяги Русь на Балтике // «ВИ», 1970, № 10, с. 45–46. В статье «Одоакр и Теодорих» (// Дорогами тысячелетий. — М., 1987, с. 129) также затрагивался этот вопрос. Напомню, как он был поставлен: «На каком языке первоначально говорили рути—русы и венодо-герульские племена — пока остается неясным. Иордан прямо отличал их от готов и по языку и по внешнему виду: они «превосходили германцев как телом, так и духом». В современной немецкой лингвистике (в частности, в работах известного языковеда Г.Краэ), обсуждается вопрос о «северных иллирийцах».
- Кельтский слой, конечно, вторичный, а славянизация почти всех рутов проходила уже в исторически обозримый период.
- ²⁵ Johansson C. Svenska ortnamnsändelser. — Göteborg, 1954.
- ²⁶ Leszek Moszynski. Die vorchristliche Religion der Slaven in Lichte der slavischen Sprachwissenschaft. — Köln—Weimar—Wien, 1992, N. 50.
- ²⁷ См. рец. на кн.: Бронджерс И.А. Аэрофотоснимки и исследование кельтских полей в Нидерландах // «ВИ», 1978, № 12.
- ²⁸ См.: Slovenska Archeologia. 1978, № 1, а также: Истоки культовых особенностей языческих храмов // «ВИ», 1980, № 4.
- ²⁹ Ср. Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. — Минск, 1963. С. 13: «Племена, рассматриваемые как германские, не всегда можно считать германскими в этнико-языковом смысле». То же автор относит к обозначению «скифского»).
- ³⁰ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 153–154.
- ³¹ A Holder. Altkeltischer Sprachschatz. Т. П. Graz, 1962. S. 1406, etc. Прямая параллель в кельтском имеется и для русской «куны». (Параллели эти приведены в «нефилологической» статье «Об этнической природе варягов», с. 81).
- ³² Это в полной мере проявилось и в полезной самой по себе сводке упоминаний «руси» в немецких источниках. (См. его: «Об имени «Русь» в немецких источниках IX–XI вв. // «Вопросы языкознания», М., 1980. «Общезвестно, — заключает здесь автор, — что до сих пор не найдено скольконибудь удовлетворительного объяснения термину *Ruteni*. (Там же, с.57). Геня лингвистики, оперировавшего многими десятками языков, автор явно не знал.
- ³³ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 45–46.
- ³⁴ Там же. С. 83.
- ³⁵ Ср. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М., 1962. С. 7 и др.
- ³⁶ Hübner J. Genealogische Tabellen. — Leipzig. 1725, Tab. 129, 192 (начала обычно легендарны и часто уходят к тысячелетиям до н.в.). Самым древним народом, по легендам, оказались даны: 2910–2911 гг. «от сотворения мира».
- ³⁷ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 299, 300.
- ³⁸ Редакторы капитального немецко-русского словаря А.А.Лепинг и Н.П.Страхова (М., 1964, с. 571) в полном соответствии с источниками указывают на то, что так обозна-

- чалась некогда «граница, рубеж; пограничная область».
- ³⁹ Ягич В. История сербо-хорватской литературы. Древний период с VII до конца XIV века. Перевод с сербско-хорватского М.П.Петровского. — Казань. Книгу было бы полезно переиздать, дабы великие наши филологи иногда обращались бы и к работам своих предшественников.
- ⁴⁰ Наваренко А.В. О «русской марке» в средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье. — М., 1978, С. 302—306.
- ⁴¹ См. литературу в издании «Eugippius. Das Leben des heiligen Severin. — Berlin, 1963. S. 124.
- ⁴² Помимо упомянутых выше публикаций, сведения об Одоакре и Ругиланде собраны в популярном издании: «Откуда есть пошла Русская земля». Кн. 1—2. — М., 1986; а также см.: Руги и русы на Дунае // Средневековая и новая Россия. — СПб., 1996.
- ⁴³ Публикацию извлечения из «Хождения» по древнейшему списку и комментарий к тексту см.: Великие духовные пастыри. — М., 1999. С. 237—238, 242—246.
- ⁴⁴ См. Немировский А.И. Каталог этрусских кораблей в «Энеиде» // «Вестник Древней истории», 1978, №1. С. 146—147.
- ⁴⁵ Ср. Шафарик П.И. Славянские древности. Т. 1, кн. 2. — М., 1837. С. 117—118. Автор приводит аналогичные топонимы по всей территории расселения славян. Нидерле Л. Славянские древности. — М., 1956. С. 55: славянское обозначение стоячих вод, озера. Томсон Д.Ж. Исследования по истории древнегреческого общества. — М., 1958. С. 169: этноним «пелазги» от «плоская поверхность» (моря). Чертков А.Д. О языке пелазгов, населивших Италию, и сравнение его с древнеславянским. — М., 1855, и продолжение ВМИДР, 1857, кн.25, и др.
- ⁴⁶ Васильевский В.Г. Труды. Т. 4. — Л., 1930. С. 96.
- ⁴⁷ Грот К. Из истории Угрии и славянства в XII веке. — Варшава, 1889. С. 138.
- ⁴⁸ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. — М., 1987. С. 52.
- ⁴⁹ Ягич В. Указ соч. С. 56. Здесь же воспроизводится рассказ из сочинения Фомы Сплитского о попытке восстановить славянское богослужение и право выбирать епископа. Но отправленным в Рим посланцам папа якобы сказал: «Знайте, дети мои, что я много раз уже слышал, чего желали бы добиться готы, но ради ариан, изобретате-
- лей такой письменности, я не решусь дать им дозволение исполнять богослужение на их языке» (там же. С. 57).
- ⁵⁰ Cvagnini A. Sarmatiae Europae... Spiraе, 1581, p. 36.
- ⁵¹ Специальная работа, посвященная этому сюжету, см.: Янушевский Г. Откуда происходит славянское племя Русь. — Вильна, 1923.
- ⁵² В частности, в книгах Р.Я.Денисовой: Антропология древних балтов (Рига, 1975); Этногенез латышей (Рига, 1977); рец. «ВИ», 1979, №3.
- ⁵³ Все эти данные приводятся в статье «Об этнической природе варягов». С. 76—76.
- ⁵⁴ Marmier X. Lettres sur le Nord. — Paris, 1840. P. 30—31.
- ⁵⁵ Легенду (по парижскому изданию 1857 года) воспроизвел В.Чивилихин (Память. — М., 1982. С. 475—479).
- ⁵⁶ Wigger F. Meclenburgische Annalen bis zum Jahre 1066. — Schwerin, 1860. S. 105—106.
- ⁵⁷ Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА, №55, М., 1956; *её же*. О трех группах новгородской керамики X — начала XI веков // КСИА. Вып. 139. — М., 1974; *её же*. Лепная керамика Древнего Новгорода // Там же. Вып. 146. — М., 1976, и др. В 1970-м Галина Павловна предложила мне свои материалы о славянской керамике Новгорода и южного берега Балтики, а на мое недоумение пояснила: «Эта керамика составляет значительный процент и в городах Скандинавии, причем она по качеству значительно выше. Меня обвинили и в норманизме, и в преувеличении роли миграций». Мои возражения сводились к тому, что опубликовать все свои материалы она должна сама, а историки пусть спорят. В том же году известный специалист по славяно-русским древностям сообщил, что и на острове Готланде есть и славянские поселения, и следы славянской культуры с южного берега Балтики, а на предложение опубликовать все это в журнале «Вопросы истории» ответила категорическим «нет»: «Тогда меня высылат из Ленинграда». Эта беседа всплыла в памяти, когда я ознакомился с последними работами С.В.Белецкого, три десятилетия назад упрекавшего (в частной переписке) Г.П.Смирнову за то, что она устанавливала связь со славянским Поморьем только Новгорода, тогда как та же керамика характерна и для других территорий Северо-Запада Руси, в том числе для Пскова и его округи. И уди-

- вило «пожертвование» норманизму даже самого названия «Изборск». В докладе на симпозиуме (о нем см. ниже) он сослался на публикацию Т.Н.Джаксон и Т.В.Рождественской «К вопросу о происхождении топонима «Изборск» («Древнейшие государства на территории СССР». М., 1980), в которой авторы разобрали разные мнения и пришли к выводу о славянской природе имени. Главные аргументы — славянский суффикс *ьск* и наличие четырех (!) городов с таким названием. Можно уточнить и значение топонима. Соавторы указывают на общеславянское «изборъ» в значении «выбор». Следует только подчеркнуть, что речь идет об «избранном» в значении «лучшем». У упомянутого авторами И.И.Срезневского указано словосочетание «Избрана земли», которым вполне объясняется и топоним.
- ⁵⁸ Шведы и Русский Север. — Киров, 1997.
- ⁵⁹ См. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. — М., 1956. С. 89. До первой трети IX в. «основная и притом сравнительно более ранняя группа кладов восточных монет обнаруживается не на скандинавских землях, а на земле балтийских славян». Потин В.М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. — Л., 1970. С. 66—68. (На Поморье имеются клады VIII века, в Швеции древнейший — середина IX-го).
- ⁶⁰ Указ. изд. С. 153.
- ⁶¹ См. Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. — М.—Л., 1962. С. 296. Байер считал «славянское» имя Владимир со значением, по Титмару Мерзебургскому, «обладающий миром», «от нормандского языка испорченным» из Валдемара — «нормандского и германского», и которое немецкий автор Шоттелий объяснял из немецкого как «лесной надзиратель», а Байер допускает и вариант «поле битвы».
- ⁶² Мельникова Е.А. Этнонимика севера Европейской части СССР по древнескандинавской письменности и «Повести временных лет» // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. — Л., 1982. С. 124.
- ⁶³ Билярский П.С. Замечания о языке Сказания о св. Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи // «Записки АН», т. 2. — СПб., 1862. С. 109—120.
- ⁶⁴ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. — Смоленск, 1995. С. 5.
- ⁶⁵ Там же, с.5, 17.
- ⁶⁶ См. Барац Г. О библейско-агадическом элементе в повестях и сказаниях Начальной русской летописи. Отд. оттиск. Вып. 1. — Киев, 1907; *его же*. Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. — Киев, 1908; *его же*. Происхождение летописного сказания о начале Руси. — Киев, 1913. Опубликованный в 1927 году в Париже и Берлине двухтомник «Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках русской письменности», Шахматов, конечно, уже прочесть не мог. Не мог он прочесть и рекомендованную ему В.Я.Петрухиным опубликованную в Берлине в 1924 году книгу Бараца «О составителях Повести временных лет и ее источниках, преимущественно еврейских».
- ⁶⁷ Там же. С. 100. См. также Кувьмин А.Г. Хазарские страдания // «Молодая гвардия», 1993, №5—6, и статью «Росский каганат и остров русов» // «Славяне и Русь. Проблемы и идеи». — М., 1998 и переиздания 1999—2001 годов. См. также: Галкина Е.С. Тайна Русского каганата. — М., 2002.
- ⁶⁸ В оригинале речь идет о местоположении «соборной» Ильинской церкви. В летописи читается, что при заключении договора с греками в 944 году «хрестеяную Русь водиша роте в церкви святого Ильи, яже есть над Руцаем, конецъ Пасынъче беседы и Козаре: се бо сборная церкви, мнози бо беша варязи хрестеяни». Д.С.Лихачев переставил строки. Получилось: «се бо бе сборная церкви, мнози бо беша варязи хрестеяни и Козаре». (ПВА, М.—Л., 1950. Ч. 1. С. 39). А в результате — «хазарская версия» крещения Руси.
- ⁶⁹ Г.М.Барац полагал, что «для успешной разработки произведений отечественной литературы и, особенно, юридических памятников, необходимо предвительно исправлять испорченный до последней крайности текст их, посредством применения всех способов историко-филологической и, в частности, дивинаторной критики и, главным образом, путем перестановки предложений и словосочетаний с одних мест на другие». То же рекомендовано и в отношении летописей См. его: Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древне-русской письменности. Т. 1, отд. второй. — Париж, 1927. С. 468—469. (Воспроизводится статья 1907 года). Давалась эту рекомендация

- и в статье 1913 г., обращенной в основном к Шахматову (с. 59–60).
- ⁷⁰ Петрухин В.Я. К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду // Слово и культура. Т. II. — М., 1998. С. 358. «Ранним» автору представляется т. н. «начальный свод» конца XI века — самое слабое звено в «реконструкции» А.А.Шахматова.
- ⁷¹ Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Подг. В.И.Матузова. — М., 1997. С. 52.
- ⁷² См. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. — М., 1982. С. 174–175.
- ⁷³ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории... С. 76. С той же убежденностью автор утверждает, что «первоначальное значение слова *варяг* — «наемник», принесший клятву верности» (там же. С. 78).
- ⁷⁴ Эта «вилла» в значительной мере дала материал известной книге Н.П.Грацианского «Бургундская деревня в X–XII столетиях». (М.—Л., 1935).
- ⁷⁵ Лондон, 1906 г.
- ⁷⁶ См. Кузнецов А.В., Пудовкин А.К. Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» // «Советская археология», 1962, №2; Виноградов В.Б. Аланы в Европе // «Вопросы истории», 1974, № 8.
- ⁷⁷ MGH SS. 1844. Т. VI, р. 576, 689.
- ⁷⁸ Доказательству этого положения посвящена кандидатская диссертация и упомянутая книга Е.С.Галкиной, а также указанная выше статья в книге «Славяне и Русь. Проблемы и идеи». Там же воспроизведены извлечения из работ ряда упоминаемых ниже авторов.
- ⁷⁹ Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). — М., 1954; Витов М.В., Марк К.Ю., Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики. — М., 1959. «Понтийский» компонент, как относительно поздний. В работах же Р.Я.Денисовой выявлен средиземноморский компонент, относящийся к эпохе Троянской войны, что подтверждает правомерность распространения на этой территории легенд о Палемоне (которого, правда, в преданиях делают «братом Римского Августа»).
- ⁸⁰ Сводка их дана в статье-приложении «Древнерусские имена и их параллели» в упомянутой выше книге «Откуда есть пошла Русская земля» (кн. 2).
- ⁸¹ См. также Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов. С. 74.
- ⁸² О том, что восточные авторы, называя «Русь», чаще всего имеют в виду алан, говорилось в статье «Хазарские страдания». («Молодая гвардия», 1993, №5–6, с. 237–239). Поиски значения прибавки «тюрк» и у автора настоящей статьи растянулось на годы, и впервые осознание и разный «видов» «русов», и восходящего к Иосиппону ошибочного причисления алан к «тюркам», изложены, как отмечено выше, в книге «Славяне и Русь. Проблемы и идеи». Бен Гориона и Идриси, по всей вероятности, побуждал относить алан к «тюркам» титул их правителя — «каган».
- ⁸³ Щербак А.М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // «Советская археология», XIX, 1954; Артамонов М.И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // Там же.
- ⁸⁴ Турчанинов Г.Ф. Памятники языка народов Кавказа и Восточной Европы. — Л., 1971. С. 67–74.
- ⁸⁵ Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. — М., 1984. С. 36–37. Авторы полагают, что «области Северского Донца, Дона и Северного Кавказа... в первой четверти IX в.... находились в составе Хазарского каганата». Турчанинов же доказывал, что не только археологические (добавим, и антропологические), а и языковые данные указывают на алан. Его вывод — «культура алан Подонья VIII–X вв. была и материально, и духовно той же, что и культура их единоплеменников на Кавказе» (с. 73).
- ⁸⁶ Алексеева Т.И. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы // Расогенетические процессы в этнической истории. — М., 1974. С. 81. См. также ее указанные выше работы.
- ⁸⁷ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990. С. 216, 244.
- ⁸⁸ Летопись по Лаврентьевскому списку. — СПб., 1897. С. 44–45.
- ⁸⁹ Ширинский С.С. Древняя Русь и славяне. — М., 1978. С. 203–206.
- ⁹⁰ Каргер М.К. Древний Киев. — М.—Л., 1958. С. 220–226. Ср. Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. — М., 1966. С. 22–24, и др.

- ⁹¹ *Ширинский С.С.* Указ. соч. С. 204.
- ⁹² См. *Кузьмин А.Г.* Об истоках древнерусского права // «Советское государство и право», М., 1985, №2.
- ⁹³ *Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян. — М., 1973. С. 267; *ее же.* Славяне и германцы в свете антропологических данных // «Вопросы истории», 1974, №3, и др.
- ⁹⁴ *Алексеева Т.И.* Славяне и германцы... С. 67; *Кольчатов В.А.* Камерные гробницы Шестовицкого могильника // Тезисы докладов пятой всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. — М., 1971.
- ⁹⁵ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. — М., 2001.
- ⁹⁶ См.: *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. — М., 1965. С. 30–32, а также: *его же.* Заголовки и киноарные заметки на полях рукописи Симеоновской летописи // «Вестник Московского университета». Серия 9: «История». 1961, № 5; *его же.* К вопросу о времени создания и редакциях Никоновской летописи // Археографический ежегодник за 1962 г. — М., 1963. Ни в одной из публикаций рязанские известия не связываются с Даниилом.
- ⁹⁷ Сага об Эймунде начинается с рассказа о ссоре Эймунда с конунгом Норвегии Олавом. Эймунд предлагает своим сподвижникам уйти на Русь и делится о происходящих там событиях: «Я слышал о смерти Вальдемара конунга с востока из Гардарики, и эти владения держат теперь трое сыновей его, славнейшие мужи. Он наделил их не совсем поровну — одному теперь досталось больше, чем тем двум. И зовется Бурислав тот, который получил большую долю наследия, и он — старший из них. Другого зовут Ярицлейв, а третьего Вартилав. Бурислав держит Кенугард, а это — лучшее княжество во всей Гардарике. Ярицлейв держит Хольмгард, а третий — Палтескую и всю область, что сюда принадлежит. Теперь у них разлад из-за владений, и всех более недоволен тот, чья доля по разделу больше и лучше». Существенна и еще одна деталь в саге: «Эймунд и его спутники не останавливаются в пути, пока не прибыли на восток в Хольмгард к Ярицлейфу конунгу... Ярицлейф конунг был в свойстве с Олавом, конунгом свиев, он был женат на дочери его Ингигерд» (*Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. — М., 1978. С. 90–91).
- ⁹⁸ Ср. *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 1. — СПб., 1908. С. 185–189 (с комментарием Ф.А.Брауна). А «русские» родичи киевлян на службе в Византии упоминаются уже в договоре 911 года. Сам В.Г.Васильевский считал, что «варяги» — это шведы, а «норманны» — норвежцы.
- ⁹⁹ О специфике мораво-русского христианства писал в указанных выше и ряде других работах Н.К.Никольский. Еще один филолог, подопечный Г.А.Хабургаева, В.М.Верещагин, также провозглашает Владимира «прямым преемником Кирилла и Мефодия» (История возникновения древнего общеславянского литературного языка. — М., 1997. С. 117). Но он гневно восстает против тех, кто связывает Мефодия и Владимира с арианской «ересью». В книге, посвященной Кирилло-Мефодиевской традиции, автор умудрился не заметить, в чем Рим почти четыре столетия обвинял Мефодия (Кирилла в арианстве не обвинял), как не понял и сути арианства, воспринимая его в римской интерпретации. Ссылаясь на работу Бильбасова В.А. («Кирилл и Мефодий по документальным источникам»), автор не увидел главного. В послании папы Николая II (1059–1061) церковному собору в Сплите напоминалось: «Говорят, готские письмена были вновь открыты неким еретиком Мефодием, который написал множество измышлений против догматов вселенской веры, за что по Божьему соизволению он внезапно принял смерть». (Указ соч. Т. 1. СПб., 1868, с. 156–157). Автор, вопреки ясному чтению летописи, по сути защищает католицизм, следовавший завету Афанасия Александрийского: единсущие трех ипостасей — надо воспринимать «мистически» (в смысле «окультино»), не задумываясь над тем, как Бог-Отец мог сам себя породить. (Ариане резонно говорили о «подобосущии» Бога-Сына Отцу). Не знает автор и о том, почему кампания за канонизацию Владимира во второй половине XI века не дала результата. (Владимир будет канонизирован после монгольского разорения Руси в числе когорты князей, борцов за Землю Русскую). Совершенно не представляет автор и идейное содержание русских летописей, вплоть до XV века сохранявших арианский символ веры. Похоже не знает он и о том, что «равноапостольный» Константин Великий, будучи язычником, дал равноправие христианству и перед кончиной сам принял крещение, причем в последние годы жизни он явно склонялся к арианству.

- Арианом был и его сын император Константин. И после собора 381 г., осудившего арианство, Константинополь был более терпим к нему, нежели Рим. Но это большая самостоятельная тема, требующая привлечения широкого круга источников и литературы, о которых г-н Верещагин, похоже, и не подозревает. (По существу, он опирается лишь на статью-окрик П.И.Потапова, «запрещавшего» копаться в источниках о характере раннего русского христианства даже Н.К.Никольскому и А.А.Шахматову). И, конечно, мы с руководством Института атеизма в середине 80-х годов ратовали перед ЦК за изменение отношения к христианству и православной церкви не ради возрождения поистине «еретической» мистики, а принимая социальные аспекты идеологии Евангелия и не принимая идеологии рабовладельческого Ветхого завета. (От достижений науки, установившей, что человечеству не семь тысяч, а несколько миллионов лет — мы не отказывались.) Кстати, ариане были намного гуманнее поборников «мистики», и не устраивали костров из оппонентов (первые костры на Руси будут под явным «римским» влиянием лишь в начале XVI в.). На веротерпимость ариан указывал даже ревностный католик, автор VI века Григорий Туровский. (См. *Стасюлевич М.* История средних веков в его писателях и исследованиях новейших ученых. Т. 1. — СПб., 1913. С. 373). Единственный повод для обвинения ариан в ереси мог бы заключаться в сохраненных и летописью словах Ария о рождении Бога-сына «преже времен и веков», то есть до «сотворения мира». Но Рим более всего беспокоили, как сказано, притязания ариан на право самим избирать епископов.
- ¹⁰⁰ *Taube M.* Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars: (IX—XIII siècles). — P., 1947. P. 98.
- ¹⁰¹ *Тихомиров М.Н.* Об общеславянской основе института десятины // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. — М., 1988. С. 261—263.
- ¹⁰² На это обстоятельство обращает внимание в ряде работ В.В.Мильков. (Ср. его: Осмысление истории в Древней Руси. — М., 1997. С. 99—116; а также статьи в сб.: Древняя Русь. Пересечение традиций. — М., 1997).
- ¹⁰³ *Назаренко А.В.* Указ. соч. С. 484—504.
- ¹⁰⁴ *Рохлин А.Г.* Итоги анатомического обследования и рентгенологического изучения скелета Ярослава // «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», т. VIII, 1940. С. 46—57.
- ¹⁰⁵ Новгородская первая летопись... — М.-Л., 1950. С. 161.
- ¹⁰⁶ Послания Ивана Грозного. — М.-Л., 1951. С. 157—158.
- ¹⁰⁷ См. *Фомин В.В.* Русские летописи и варяжская легенда. — Липецк, 1999. С. 126.
- ¹⁰⁸ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IX. — СПб., 1821. С. 219.
- ¹⁰⁹ См. *Ламанский В.И.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. — СПб., 1859.
- ¹¹⁰ См.: *Величко С.В.* Летопись событий в южнозападной России XVII века. — Киев, 1848. Т. 1 (Сравнение Богдана Хмельницкого с «древним русским Одоакром». — С. 293). Там же изложение «Церковного Универсала Богдана Хмельницкого» 1648 г., где вполне логично и достоверно изложена история деятельности Одоакра, выходца из Ругии-Русии — прародины и киевских русов (с.85). См. также: *Фомин В.В.* Варяги и варяжский вопрос в судьбе России // Роман-журнал XXI век, 2001, № 9, с. 109. В качестве «промежуточной» инстанции в распространении преданий об Одоакре может служить реплика новгородского летописца, в связи с падением в 1204 году Константинополя. В числе воевод крестоносцев назван «Маркос от Рима, в граде Берне, идеже бе жил поганый злый Дедрик». Дедрик — герой германских саг, вождь готов Теодорих, основатель Ostготского королевства в Италии, обманом убивший в 493 г. Одоакра.
- ¹¹¹ *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // «Slavia», R. X, S. 1, v Praze, с. 111.
- ¹¹² См. «Скандинавский сборник». XXIII. — Таллин, 1978. С. 171.

В.В.Фомин

Варяжский вопрос: его состояние и пути разрешения на современном этапе

24–26 сентября 2002 г. в г. Калининграде состоялась международная научная конференция «Рюрикoviчи и российская государственность», посвященная одному из самых ключевых и более чем спорных событий в истории нашего государства, во многом предопределившему его путь дальнейшего развития, включая современность, — 1140-летию призвания варягов на Русь. Организаторами конференции выступили Калининградский университет, мэрия г. Калининграда, Всероссийская ассоциация историков-архивистов, Российский государственный университет гуманитарных наук РАН, Балтийский межрегиональный институт общественных наук, которые обеспечили ее проведение на самом высоком уровне.

Своеобразие конференции заключалось, как видится, в двух моментах. Во-первых, это сама ее тематика, благодаря чему в нерасторжимой связи мог вестись разговор о началах российской государственности и этносе варягов, сыгравших в ее становлении выдающуюся роль. Эти два принципиально важных вопроса были искусственно разделены в советское время, когда в рамках марксистской концепции возникновения государства, как выражал общую позицию научного мира тех лет И.П.Шаскольский, «не находилось места для варягов», поэтому «незачем стало доказывать, что варяги не были скандинавами, когда и так стало очевидно, что не варяги основали Древнерусское государство»¹. Благодаря этой установке в среде наших ученых, лишь на словах являющихся антинорманистами, а на деле принявших основной постулат норманизма, возобладало еще одно ошибочное мнение, также помогавшее избегать

прямого разговора об этносе варягов, а долю их участия в становлении и развитии государственности у восточных славян либо отрицать вовсе, либо сводить к микроскопическим размерам. Этот общий настрой четко изложил А.И.Попов, уверявший, что вопрос об этническом происхождении Руси «не имеет никакого отношения к вопросу о происхождении Русского государства», что «вопрос об этнической принадлежности и происхождении династии не имеет прямого отношения к началу государства»². Во-вторых, с докладами, в той или иной мере затрагивающими этнос варягов, выступили норманисты и антинорманисты, что позволило не только придать конференции по-настоящему дискуссионный характер, но и воочию убедиться в том, что все же из себя представляют ныне эти направления, что у них, так сказать, за душой и в активе, что лежит в основе рассуждений их сторонников, приоритет каким источникам они отдают в разрешении варяжского вопроса и как они их интерпретируют.

Докладов, непосредственно касавшихся начальной истории Древнерусского государства, в целом проблем варяжской Руси, прозвучало лишь несколько. И первым из них — «Легенда о призвании варягов на фоне данных современной археологии» — было выступление члена-корреспондента РАН Е.Н.Носова (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург), озвученное на пленарном заседании и которому, в связи с этим, придавалась роль своеобразной заповки, долженствующей определить своей тональностью работу и итоги конференции. Такая ставка делалась потому, что докладчик, оперируя археологическими данными, а это все-таки

область материальная, конкретная, должен был представить их в качестве вещественного, т.е. якобы неоспоримого доказательства норманства варягов. Е.Н.Носов несколько не обманул ожиданий и всецело рассуждал в традиционном для норманистов стиле, когда самые незначительные следы пребывания скандинавов на Северо-Западе Руси классифицируются ими не иначе, как только «богате́йшая скандинавская культура». Утверждая так, ученому, конечно, не мешало бы привести точного на сегодняшний день числа скандинавских находок в данном регионе и хотя бы их приблизительного соотношения с числом синхронных им по времени финских, балтийских и славянских (как собственно восточных славян, так и их южнобалтийских сородичей) древностей. А ведь соотношение всего лишь нескольких десятков первых буквально с необъятным морем вторых объективно показывает, каково было действительное, а не мнимое количество скандинавов, которые, конечно, бывали на Руси, но которые не имели отношения к варягам IX–X вв., в отличие от норманнов в массовом порядке тогда прибывавшим в Восточную Европу и в массовом порядке проживавшим на ее территории. Так, например, в археологическом материале Новгорода, который норманисты рисуют важнейшим форпостом викингов на Руси и даже их столицей, где, если их послушать, чуть ли не на каждом шагу звучала шведская, норвежская и датская речь, по их же признанию, находки «скандинавских вещей крайне немногочисленны». К тому же, как уточняет Е.А.Мельникова, сторонница норманства варягов, они являются «отдельными» и «случайными», дающими «лишь крайне незначительные свидетельства пребывания скандинавов в Новгороде»³.

Для того, чтобы археологическая часть доклада была усвоена слушателями в надлежащем для норманизма духе, Е.Н.Носов сдобрил ее лингвистической «приправой», суть которой заключается в том, что якобы имена братьев Рюрика — Синеус и Трувор — есть шведские слова (*sine hus* — «свой род» и *thru varing* — «верная дружина»), которые летописец при переводе

шведского предания ошибочно принял за имена. Конференция благосклонно приняла эту мысль, а на следующий день она была донесена одной из местных газет до неискушенного в истории и в историографии читателя, несомненно, оставив в его памяти определенный след. Что ж, спрос с прессы в данном случае весьма невелик, она лишь процитировала Е.Н.Носова, справедливо полагаясь на мнение высококвалифицированного специалиста, долженствующего досконально знать предмет своего научного пристрастия. Но как быть тогда с тем, что еще в 1985 г. норманист В.Я.Петрухин, учитывая состояние изученности Сказания о призвании варягов в науке и результаты собственных изысканий, отверг попытку увязать его с прототипом «на древнешведском языке» и указал на то, что возведение «имен Синеус и Трувор к упомянутым фразам фонетически невозможно». Об этом он вновь говорил через десять лет в совместной с Е.А.Мельниковой статье, напечатанной в журнале «Вопросы истории». В 2000 г. антинорманист Ю.Д.Акашев аргументировано показал всю абсурдность подобных лингвистических домыслов, с которыми, к сожалению, все никак не могут расстаться некоторые деятели науки и авторы учебно-справочной литературы⁴⁴. В связи со сказанным напрашиваются два вывода: Е.Н.Носов либо продолжает пребывать в плену давно уже отвергнутых представлений, счастливо не ведая о том, либо сознательно игнорирует их критику, преднамеренно вводя тем самым в заблуждение своих многочисленных читателей и слушателей. Искренне жаль, что присутствующие на конференции В.Я.Петрухин и Е.А.Мельникова не поправили докладчика, не объяснили аудитории его заблуждение. Цена заблуждениям в любой отрасли научного познания очень и очень велика. Но она многомерно возрастает в тех случаях, когда эти заблуждения пытаются выдавать за Науку, пытаются навязать их обществу.

Разговор о варягах и Рюриковичах, начатый Е.Н.Носовым, в том же ключе продолжила доктор исторических наук Е.А.Мельникова (Институт всеобщей истории РАН, Москва). В своем докладе

«Происхождении династии Рюриковичей и становление Древнерусского государства» она утверждала, во-первых, что скандинавское происхождение Рюрика, по ее заверению, «престижное» по тем временам, предопределило его приглашение на Русь. Весьма странно вообще-то слышать о престижности в середине IX в. имени скандинавов, этих кровожадных и безжалостных убийц, которых Западная Европа боялась как чумы и которых она проклинала в своих молитвах. Вряд ли эти варвары Севера представляли собой какой-то вес в глазах, может быть, и не совсем уж цивилизованных наших предков, но все же, наверное, способных понимать, какой непоправимый урон авторитету их земли и им самим в настоящем и будущем может принести династия, соплеменников которых так ненавидели в Европе. К тому же они не были столь наивными и вместе с тем не были переполнены оптимизмом висельника, чтобы полагать, что веревка, которую они добровольно набрасывали себе на шею, является гарантом их жизни и безопасности, как это видится норманистам, в радужно-романтичном свете рассуждающим о судьбе викингов в Восточной Европе.

Еще Д.С.Лихачев иноземное происхождение русских князей объяснял тем, что для средневековой историографии вообще традиционно «было возводить происхождение правящей династии к иностранному государству». Знатный род, говорил он, нельзя было выводить из своей собственной страны, ибо это неизбежно могло привести его к какому-либо «незнатному» родоначальнику⁵. Этот тезис и развивала докладчица. В своем утверждении академик исходил из идеи об искусственном и постепенном характере складывания Сказания о призвании варягов, являющегося плодом выдумки книжников, обуреваемых, по его представлению, желанием «блеснуть» знатностью своих «заморских» правителей. Обращение к тексту самого Сказания, к той его части, что читается в Повести временных лет (ПВЛ) под 862 г., и где рассказывается об обстоятельствах, приведших основателя династии Рюрика и его братьев Синеуса и Трувора в пределы нашего Отечества, не

позволяет согласиться с подобной точкой зрения. Сказание живописует о расприх между ильменскими словенями, кривичами, чудью, мерей и весью, вспыхнувших вскоре после изгнания варягов «за море» («и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и вьста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся»), о выстраданном решении, принятом этими племенами, ужаснувшимися масштабам кровопролития: «поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву». Послы, представляющие собою названные племена, идут «за море» к варягам и из числа варяжской руси «изъбрашася 3 братья с роды своими, и пояша по себе всю русь, и придоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде (так в Троицкой; точнее в ней, по свидетельству Н.М.Карамзина, как и в Лаврентьевской, имелся пропуск, «но вверх приписано, над именем Рюрик: «Новг...»⁶; в Радзивиловском и Академическом списках: «в Ладозе»⁷. — В.Ф.), а другой, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Трувор. ...По двою же лету Синеус умре и брат его Трувор; и прия власть Рюрик...»⁸. Приведенный отрывок летописи совершенно ничего не говорит о знатности Рюрика, а тем более о его каком-то необыкновенно высоком статусе, благодаря которому летописцы, по мысли академика, противостояли вмешательству Византии во внутренние дела русского государства, а само Сказание якобы олицетворяло собой антивизантийскую версию создания государственности на Руси. Недопустимо модернизируя общественно-политическую мысль того времени, Д.С.Лихачев заключал: «Норманская теория» печерских монахов была теорией антигреческой»⁹. Согласно ПВЛ, Рюрик лишь один из трех братьев, он всего лишь «старейший» из них, не более, и это единственное, что мог сказать о нем летописец.

Во-вторых, Е.А.Мельникова, чтобы подкрепить идею о норманском происхождении основателя русской династии, правящей до 1598 г., упор делала на то, что якобы имя Рюрик является скандинавским. Но в 1997 г. шведский ученый Л.Грот, отмечая, что «при наложении шведского и

русского материала друг на друга образует-ся явное несоответствие», в качестве примера тому указал на тот факт, что его соотечественники не считают имя Рюрик шведским. По этой причине, констатирует он, «для имени «Рюрик» не имеется никаких ономастологических исследований в Швеции, также не встречается имя «Рюрик» и в шведских именословах»^{*10}. Кстати, в том же сборнике, где была напечатана статья Л.Грота, опубликована и статья самой Е.А.Мельниковой¹¹. Возможно, что исследовательница просто не обратила на нее внимание. Возможно, что она не заметила и статью своего единомышленника и своего многолетнего соавтора В.Я.Петрухина, хотя и их публикации в журнале «Родина» оказались по соседству¹². В.Я.Петрухин предварил свою статью фотографией памятника, как гласит пояснение, «первым русским князьям-скандинавам Рюрику, Олегу и Игорю», возведенному в шведском портовом городе Норрчёпинге. И что весьма симптоматично, на памятнике выбиты имена Rurik, Igor и Oleg¹³, а не их якобы скандинавские прототипы — Hrøekr, Ingvagt и Helg, т. е. его создатели, а в их числе, несомненно, были и историки, выступающие хотя бы в качестве консультантов, не считают имена варяжских князей скандинавскими. Как-то не вяжется такая ситуация с наукой, когда этими и подобными им «параллелями» беспрестанно козыряет отечественная историография, но при этом их совершенно не принимают во внимание шведы, потомки, в чем нас стараются уверить, летописных варягов. Шведские ученые, не желая дискредитировать себя, не признают эти «аргументы» по той причине, что они не имеют никакого отношения к науке. Это хорошо продемонстрировал Л.Грот, показавший отсутствие связи между русским именем Олег и скандинавским именем Helg, появившемся в Швеции лишь в ходе распространения христианства в XII в., т. е. лишь несколько столетий спустя после начала бытования на Руси якобы производного от него имени Олег.

Доктор исторических наук В.Я.Петрухин (Институт славяноведения и балканистики РАН, Москва) посвятил свой доклад

теме «Варяги и хазары в начальной истории Руси». Но разговор в основном он вел о хазарах, которые особенно занимают внимание ученого последние, наверное, десять лет. В разработке хазарской темы В.Я.Петрухин выступает прямым преемником Г.М.Бараца, в первые десятилетия XX в. много рассуждавшего о «сильнейшем хазарско-еврейском влиянии на русскую историю», а также Н.Голба и О.Прицака, в 1982 г. убеждавших мировую научную общественность в том, что Киев, Кий и поляне связаны не с восточнославянской, а с хазарской историей^{*}. В начале своего выступления докладчик затронул тему вольного обращения с источниками, предостерегая коллег от чего-либо подобного. Полностью соглашаясь с ним в этом вопросе, который в обязательном порядке нужно вынести на специальную конференцию, необходимость которой назрела давно, вместе с тем хочется самого В.Я.Петрухина предостеречь от недобросовестно изданных памятников, которые дают ложное направление и его мысли и мыслям других исследователей. В данном случае имеется в виду академическое издание Повести временных лет, выполненное в 1950 г. Д.С.Лихачевым, и на которое постоянно ссылается в своих работах В.Я.Петрухин. В литературе уже дважды — в 1999 и в 2002 гг. — указывалось на факт фальсификации летописи, произведенной Д.С.Лихачевым, в результате чего топоним «Козаре» вдруг чудесным образом «ожил» и превратился в хазар-христиан, и по этой причине в литературе был даже начат разговор о якобы «хазарской» версии крещения Руси^{*14}.

Как справедливо было подмечено в 1988 г. А.Г.Кузьминым, «энтузиазм последователей обнажает слабости концепции убедительнее, чем его критики»¹⁵. Эти слова абсолютно приложимы к норманизму, неистовое поклонение которому лучше, чем что-либо, вскрывает то, что так старательно скрывается: его самую отдаленную связь с наукой, его давнее превращение в область околонучных фантазий. В качестве примеров можно сослаться на выводы, с одной стороны, профессионального историка, с другой — писателя, черпающих вдохнове-

ние и материал для своих, мало сказать странных рассуждений из одного и того же источника. Так, профессор Р.Г.Скрынников стер с карты (пытаясь проделать это и с нашей памятью) Древнерусское государство, поместив на его месте «Восточно-Европейскую Нормандию», «норманское Киевское княжество», которое на рубеже X—XI вв., по мановению этого «чудотворца», превратилось в славянскую Русь¹⁶. Другие, не менее удивительные манипуляции с нашей историей производит весьма «раскрученный» на сегодняшний день писатель Э.Тополь, специализирующийся на создании бульварного чтива. К тому же типу «литературы» принадлежит и его «Русская дива», где автора от «клубнички» вдруг потянуло к прошлому русского народа. И оказывается, что русского народа нет уже более тысячи лет, а вместо него есть гибрид, который Тополь вывел, «скрестив» норманнов и хазар-иудеев.

Персональным олицетворением этого гибрида у него выступает великий князь Святослав, который, являясь славянином и носителем славянского имени, превращен Тополем в норманна по матери и в еврея по отцу, т. к. Ольга, по причине, как утверждает любитель и знаток подобных тем, «импотенции» Игоря, родила сына от хазарина Иосифа. Такой вот Святослав Иосифович, растиражированный десятками тысяч экземпляров, такая вот, с позволения сказать, русская история, с которой писатель на деле не потрудился ознакомиться даже на уровне школьной программы. История любого народа священна, и никому не позволительно глумиться над ней, говорить о ней в развязном тоне. Но это уже проблема этики, которая проводит четкую грань между воспитанностью и хамством. Сами же экскурсии Тополя в русскую историю нисколько не назовешь оригинальными. Они стали возможны лишь по причине наличия трудов, число которых особенно возросло в последнее десятилетие ушедшего века и авторы которых, представляя собой науку, в своих рассуждениях о скандинавах и хазарах потеряли чувство меры, безудержно превозносят их роль в русской истории, хотя для подобных разговоров нет

самого главного — источников. А то, что у скандинаво- и хазароманов есть, это в основной своей массе не факты, а лишь субъективистская интерпретация некоторых данных. Других же данных, перечеркивающих их построения, они просто не замечают.

На конференции, как уже говорилось, прозвучали выступления, не имеющие ничего общего с норманизмом.

В совместном докладе член-корреспондента А.Н.Сахарова и доктора исторических наук Н.М.Рогожина (Институт Российской истории РАН, Москва) «Рюрик, Рюриковичи и традиции государственности» было подчеркнуто, что изучение этих традиций выводит на южнобалтийское побережье, которое тем самым предстает той территорией, где зарождалась зачатки нашей государственности, перенесенные затем в Восточную Европу варяжской русью. И нельзя не согласиться с выводом докладчиков, справедливо указавших в связи с этим, что сейчас исследователям необходимо заняться детальным изучением истории славянских и славяноязычных народов, заселявших названный район, истории, на сегодняшний день малоизученной, а в ряде важных моментов и вовсе оказавшейся за пределами интересов ученых.

Доклад доктора исторических наук А.Г.Кузьмина (Московский государственный педагогический университет) «Две Руси в юго-восточной Прибалтике (IX—XIII)» продолжил давний и обстоятельный разговор историка о существовании в названных временных рамках в Южной и в Восточной Прибалтике нескольких Русий, игравших значительную роль в жизни стран и народов Балтийского Поморья, Русий, оказавшихся вычеркнутыми из европейской и отечественной истории. Особо при этом было обращено внимание на свидетельства источников в пользу существования Руси, территориально охватывающей собой устье и среднее течение р. Немана, Руси, возможно, имеющей самое прямое отношение к летописным варягам.

Доклад кандидата исторических наук В.В.Фомина (Липецкий государственный педагогический университет) «Южнобалтийская родина Рюрика» был посвящен

анализу письменной традиции, ведущей свое начало от ПВЛ и выводящей варяжскую Русь именно с берегов Южной Балтики. О том, что из себя представляла эта традиция, и пойдет нижеследующий разговор.

* * *

Начало нашей государственности напрямую связано, надо уточнить, не просто с варягами, а лишь с частью их — с варяжской Русью. В Сказании о призвании варягов ее судьба навсегда была вплетена в судьбу восточных славян, страна которых провозвещается Русью, а они сами будут именоваться русскими. Послы «идоша за море к варягом, к руси; сице бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си. Реща руси чюдъ, и словени, и кривичи вси (этноним «весь» понят как местоимение. — В.Ф.): «земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет; до поидете княжит и володети нами». И избърашася 3 братья с роды своими, и пояшася по собе всю Русь (здесь и далее выделено мною. — В.Ф.) и придоша... И от тех варяг прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье новгородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени»¹⁷. Под 882 г. летопись содержит известия, которыми некогда завершалось Сказание как целостный памятник: о походе Олега из Новгорода на Киев «с воя многи, варязи, чюдъ, словени, мерю, весь, кривичи», о захвате им Смоленска, Любеча, о его приходе «к горам к Киевским», закончившемся коварным убийством Аскольда и Дира, после чего «седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: «се буди мати градом Русьским»¹⁸.

Так, 1120 лет тому назад, объединив два центра тогдашней Руси — Новгород и Киев, варяги положили начало мощнейшей державе средневековья — Древнерусскому государству (или Киевской Руси), на богатейшей культурно-духовной основе которой затем произрастут многочисленные русские государства эпохи политической раздробленности Руси, Российское царство, Российская империя, СССР. Историческими и законными преемниками Древнерусского

государства является нынешние Россия, Белоруссия, Украина. Князья-варяги, а в этом им всемерно содействовали бояре-варяги, дружинники-варяги, создавали и развивали государственные институты, провели административно-налоговую реформу, укрепившую финансовую базу государства и его единство, крестили Русь, превратив тем самым ее многоплеменное население в единый русский православный народ с его самобытным духовным миром, наложившим неизгладимый отпечаток на все стороны общественно-политической жизни Руси и России, даровали «Правду Русскую», по нормам которой до второй половины XV в. жили многие русские земли и которая дала мощный импульс для развития русской юридической мысли вообще, неустанными ратными и дипломатическими подвигами усиливали авторитет своей державы на международной арене, а по их повелению варяги-послы заставляли высокомерных византийцев смиренно заключать договоры «по закону рускому».

Много можно говорить в адрес варягов-созидателей, вдохнувшим жизнь в первое государство восточных славян. Но при этом в науке нет однозначного ответа на главный вопрос, над которым вот уже несколько столетий бьются отечественные и зарубежные ученые: а все же кто такая варяжская Русь, к какому «роду-племени» она принадлежала, и где, следовательно, находилась ее родина, которую она покинула, уйдя, как подчеркивает летописец, «вся», без остатка в северо-западные пределы Восточной Европы? Актуальность установления этноса варягов вытекает из того, что они, участвуя в процессе генезиса Древнерусского государства, не могли, конечно, не придать ему своеобразный характер, предопределив тем самым не только то, что мы уже называем историей, но и во многом предопределив также нынешнее и будущее состояние России. Поэтому, чтобы познать самих себя, познать день сегодняшний и день грядущий, надо познать прошлое нашего Отечества и в первую очередь его начало. Сама же ПВЛ, точнее ее сводчики, трудившиеся над летописью в течение долгого времени (вторая половина X — начало XII в.), ни-

сколько не затрагивали проблему этнической принадлежности варяжской руси, вероятно, не видя в том никакой необходимости, т.к. они прекрасно знали предмет своего разговора, как знали его и их современники, в том числе и те, ком был адресован их труд.

С 30-х гг. XI в. из истории Киевской Руси навсегда исчезают варяги, а через столетие в небьгние кануло и само Древнерусское государство. И лишь много лет спустя процессы образования российского централизованного государства, вызвав у наших мыслителей, выстраивающих перспективы развития России, обращение к прошлому, вместе с тем вызвали у них настоятельную необходимость прямо назвать этнос варягов и их родину. Во второй половине XV в. возникает «Сказание о князьях владимирских», согласно которому, «воевода новгородскы» Гостомысл перед своей кончиной созвал сограждан и сказал им: «Съвет даю вам, да послете в Прусскую землю мудра мужа и призовите князя...». Они же шедше в Прусскую землю и обретоша там некоего князя именем Рюрика...»¹⁹. В XVI в. «Сказание» становится выразителем государственных интересов России и находит себе самое широкое применение во внутри и внешнеполитической практике в годы царствования Ивана Грозного, а его идеи были использованы во многих памятниках того времени. О южном берегу Балтийского моря именно как о родине варягов свидетельствует «Хронограф» С.Кубасова (1626 г.), в котором подчеркнуто, что «по скончании же Гостомыслове» за Рюриком «послаша в варяги в Прусскую землю...»²⁰.

Тот же адрес дает и «Повесть о происхождении славян и начале Российского государства», написанная в середине XVII в. и оразившаяся во многих летописных сводах. Ее авторы направляют новгородских послов «в Прусскую землю», «в Прусскую и в Варяжскую землю», «в Прусскую Варяжскую землю». Именно о южнобалтийских и именно о славянских истоках варяжской руси говорят также памятники, созданные в середине и в третьей четверти XVII в. в Малороссии. Так, в Бело-Церковском универсале Богдана

Хмельницкого от 28 мая 1648 г. констатируется, что руссы «из Русии, от помория Балтийского альбо Немецкаго...»²¹. Синописис, выпешдший в 1674 г. из круга, близкого архимандриту Киево-Печерской лавры И.Гизелю, уже не оставляет никаких недомолвок в вопросе языка, а следовательно, и этноса варягов. На его страницах Гостомысл советует послать «к варягом, триех братий, иже бяху князи язящнейшии, и в храбрости воинской изряднии, на княже-ние Русское умолят. Понеже варяги над морем Балтийским, еже от многих нарицается Варяжское, селение своя имуще, языка славенска бяху...»²².

Эту же традицию, локализирующую варягов на южнобалтийском побережье и считающую их славянами, продолжают отечественные источники XVIII века. По свидетельству М.П.Погодина, у него на руках имелись списки описания русских монет, поднесенных Петру I, где в пояснении к указанию западноевропейского хрониста Гельмольда (XII в.) о проживании славян в южнобалтийской Вагрии добавлено — «меж Мекленбургской и Голштинской земли... И из выше означенной Вагрии, из Старого града князь Рюрик прибыл в Новгород...»²³. Иоакимовская летопись, созданная в 1740-х гг., представляет варяга Рюрика сыном средней дочери Гостомысла Умилы и правнуком Буриvoja²⁴. В целом предание о Гостомысле, отразившееся во многих наших памятниках, А.Г.Кузьмин связывает именно с южнобалтийским миром, заостряя при этом внимание на том факте, что «сами имена Гостомысла и Буриvoja (его отца) известны только у западных славян»²⁵.

Обычно показания вышеприведенных памятников объявляются принадлежностью поздней исторнографической традиции, якобы легендарной по своей сути, поэтому о них весьма снисходительно отзываются в разговоре об этносе варягов. Но, рассуждая так, исследователи при этом не видят главного: «Сказание о князьях владимирских», «Хронограф» С.Кубасова, «Повесть о происхождении славян и начале Российского государства», Бело-Церковский универсал, Синописис, описание монет,

поднесенных Петру I, Иоакимовская летопись, несмотря на то, что часть из них действительно несет в себе легендарные мотивы, характерные вообще для памятников средневековья, являются продолжением той традиции, чьи истоки лежат в нашей древнейшей летописи — в ПВЛ. И хотя сама летопись нигде прямо не говорит ни о родине варяжской руси, ни о ее принадлежности к тому или иному народу, она в то же время дает исчерпывающую информацию и о родине варягов и об их языке. В ее недатированной части сказано, что варяги сидят по Варяжскому морю «ко востоку до предела Симова, по тому же морю сядят к западу до земле Агнянски...»²⁶. Еще в XIX в. Н.В.Савельев-Ростиславич и И.Е.Забелин определяли, что «земля Агнянска» — не Англия, как это принято считать и ныне, а территория в низовьях Эльбы, где проживали до своего переселения на Британские острова агло-саксы²⁷, т.е. южная часть Ютландского полуострова, занимаемая ныне датчанами. Летопись, таким образом, ведет речь именно о южном берегу Балтийского моря, где жили англы и где их соседями были «варины», «вары», «ваары», «вагры», населявшие Вагрию. Именно они, заключает А.Г.Кузьмин, и были собственно варягами. Их именем вскоре будут называть на Руси всю совокупность славянских и славяноязычных народов, проживавших на южном побережье Балтики между Одером и южной частью Ютландского полуострова²⁸, а уж затем, следует добавить, русские начнут именовать варягами многие западноевропейские народы. Полная ясность обстоит в ПВЛ и с языком варягов. Летописец, рассказывая об основании ими в Северо-Западной Руси городов, носящих исключительно славянские названия — Новгород, Белоозеро, Изборск, говорит тем самым в пользу того, что языком их общения был именно славянский язык, а не какой-то иной язык. Об этом же прямо свидетельствует и летописная статья под 898 г., в которой однозначно сказано, что «словенский язык и русский одно есть...»²⁹.

Традиция русских источников, выводившая варягов с Южной Балтики, и видящая

в них славян, имеет себе параллель в виде весьма значимых западноевропейских памятников. Первым среди них следует назвать мнение посла Габсбургской империи С.Герберштейна, посетившего Россию в 1517 и 1526 годах. Этот любознательный немец, проявляя исключительный интерес к варягам, заключил, что их родиной могла быть только южнобалтийская Вагрия, заселенная славянами, которые «были могущественны, употребляли, наконец, русский язык и имели русские обычаи и религию. На основании всего этого мне представляется, что русские вызвали своих князей скорее из вагрийцев, или варягов, чем вручили власть иностранцам, разнящимся с ними верою, обычаями и языком»³⁰. В «Зерцале историческом государей Российских», принадлежавшем руке датчанина А.Селлия, перебравшегося на постоянное жительство в Россию, Рюрик с братьями также выводится из Вагрии³¹. Следует отметить, что Селлий являлся сотрудником Г.Э.Байера, с именем которого принято связывать само начало норманизма. Именно по указанию последнего он и занялся русской историей. Но в своем взгляде на этнос варягов Селлий был абсолютно независим от Байера. И данный факт объясняется тем, что датчанин был уроженцем г. Тондера, что в Шлезвиге, области, тесно связанной с историей южнобалтийских славян, поэтому он в своем выводе вполне мог опираться на предания своей родины. То, что такого рода предания имели место быть и долгое время бытовали на южной Балтике, зафиксировал в 1840 г. француз К.Мармье. Побывав во время своего путешествия в Мекленбурге, расположенном на бывших землях славян-бодричей, он записал местную легенду о том, что у короля ободритов (бодричей)-реригов Годлава были три сына — Рюрик Миротлюбивый, Сивар Победоносный и Трувор Верный, которые, идя на восток, освободили от тирании народ Руси и сели княжить соответственно в Новгороде, Пскове и на Белоозере. По смерти братьев Рюрик присоединил их владения к своему и стал основателем династии русских князей³². Как это не удивительно, но еще в первой поло-

вине XIX в. среди давно уже онемеченного населения Мекленбурга сохранялось предание балто-славянского происхождения о призвании трех братьев-славян на Русь, отстоящим от них на целое тысячелетие.

Эти предания, конечно, возникли не на пустом месте и собою они отражают реальные события. По мнению А.Г.Кузьмина, они, по сути, воспроизводят «западноевропейские генеалогические записи позднего средневековья, лишь определенным образом расцвечивая их, прославляя могущество и добродетель сыновей Годлава и их подвиги на востоке, где они в конце концов будут приняты в качестве князей»³³. Сами же средневековые европейские генеалогии дают подробную родословную вендо-ободритских королей и князей, имеющую к нашей истории самое прямое отношение. В 1725 г. вышел в свет первый том «Генеалогических таблиц» И.Хюбнера. Династию русских князей он начинает с Рюрика, потомка вендо-ободритских королей, пришедшего около 840 г. с братьями Синаусом и Трувором в Северо-Западную Русь³⁴. В 1753 г. С.Бухгольц привел генеалогию Рюрика, Сивара и Трувара, как он пишет, ставших «основателями русского правящего дома». Согласно ей, братья были сыновьями ободритского князя Годлаба, убитого в 808 г. датчанами³⁵. Важно отметить, что немцы Хюбнер и Бухгольц, излагая родословную русских князей, не связывают их происхождение со Скандинавией, хотя тогдашняя Европа была в курсе ее якобы шведского начала, о чем особенно много говорили в XVII в. шведские историки³⁶.

В начале XVIII в. в Германии даже звучали споры по поводу народности Рюрика. В 1716–1717 гг., в связи с заключением брака между мекленбургским герцогом Карлом Леопольдом и Екатериной Ивановной, племянницей Петра I, вспыхнула дискуссия между Ф.Томасом и Г.Ф.Штибером. Первый из них в своих работах затронул два вопроса: о родстве между русскими и южнобалтийскими славянами (венетами) и о родстве между правящими российской и мекленбург-шверинской династиями. Отвечая положительно на оба вопроса, Ф.Томас отверг скандинавское

происхождение Рюрика и посчитал его выходцем из славянской Вагрии, теперь уже немецкого Голштейна³⁷.

* * *

Приведенный материал со всей очевидностью показывает, что в нашей историографии имеется лишь одна единственная традиция, ведущая свое начало от ПВЛ, которая прямо касается вопросов этноса и родины варягов и которая, вместе с тем, дает на них четкие ответы. И эта традиция, согласно которой варяги — славяне и выходцы с южнобалтийского побережья, красной нитью проходит через многие и разнохарактерные отечественные памятники X—XVIII вв., прерываясь лишь на три столетия политической раздробленности русских земель (середина XII — середина XV в.). Других традиций, связывающих варягов с другими этносами и с другими территориями, нет вообще. Причем нет ни в отечественных источниках, ни в источниках зарубежных. И в этом ученые, и не только те, кто занимается варяжским вопросом непосредственно, должны отдавать себе отчет. Вместе с тем, в Западной Европе параллельно и совершенно независимо от традиции, очерченной рамками ПВЛ и Иоакимовской летописи, на протяжении многих столетий также существовала практика выводить варягов с южнобалтийского побережья и относить их к славянскому народу. И в этом ученые тоже должны отдавать себе отчет, особо учитывая при этом то немаловажное обстоятельство, что подобная практика была зафиксирована представителями разных западноевропейских общностей: немцами С.Герберштейном, Ф.Томасом, И.Хюбнером и С.Бухгольцом, датчанином А.Селлием, французом К.Мармье. Отсюда напрашивается вопрос, адресованный специалистам, на который вообще-то знают ответ студенты младших курсов истфака: допустимо ли с точки зрения исторической критики игнорирование рассмотренных традиций, подкрепленных к тому же массовым археологическим (керамическим, нумизматическим, антропологическим) и лингвистическим мате-

риалом³⁸, игнорирование тогда, когда в историографии нет более других традиций?

С этим вопросом органически связан другой: как можно классифицировать в таком случае норманскую теорию, если она не имеет под собой источниковой базы?

Первое, что сразу же скажут в ответ, мол, сама летопись относит варягов к норманнам, и поспешат привести в качестве довода совершенно антинаучный тезис, который почти полтора столетия блуждает в науке, тезис о летописцах как «первых норманистах». Доказательство тому видят прежде всего в словах Сказания о призвании варягов, так определивших конечный пункт следования послов: «И идоша за море к варягом, к руси; сице бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, ангыляне, друзии гъте, тако и си». Но смысл этих слов состоит не в сближении руси с перечисленными народами. Напротив, их смысл заключается в том, что летописец специально выделяет варяжскую русь из числа других варяжских, как бы сейчас сказали западноевропейских народов, и при этом он не смешивает ее со шведами, норвежцами, англами и готами: «И пошла за море к варягам, к руси, ибо так звались варяги — русь, как другие зовутся шведы, иные же норманны, англъ, другие готы, эти же — так»³⁹. Из чего хорошо видно, что варяжскую русь и не относили к норманским народам. А относили ее, как уже было сказано выше, к славянам («словенский язык и русский одно есть»). А раз так, то у норманистов нет самой отправной точки для разговора о скандинавской природе варягов.

Не замедлят, конечно, указать и на скандинавские саги, сквозь призму которых, действительно, любят рассматривать историю Древнерусского государства и посредством которых постоянно «корректируют» и «поправляют» чтения нашей древнейшей летописи, наводя тем самым в пределы Восточной Европы полчища викингов. Но, как отмечали в позапрошлом веке антинорманисты Н.И.Костомаров, С.А.Геденов, Д.И.Иловайский, а в прошлом норманист Ф.А.Браун и антинорманист А.Г.Кузьмин, саги начинают повест-

вовать о Руси лишь применительно к концу X века. До этого времени в них нет абсолютно никакой информации о восточных славянах. Вообще никакой. Современные исследователи скандинавских источников, а все они, что в данном случае немаловажно подчеркнуть, норманисты, также признают, что подавляющее большинство сведений скандинавов о Руси «относится к концу X — первой половине XI в.», и что отзвуки собственной истории восточноевропейских стран и народов появляются «лишь в сообщениях, относящихся к концу X—XI веку»⁴⁰. А один лишь только этот факт неопровержимо свидетельствует о том, что выходцы из Скандинавии стали появляться в русских землях лишь с конца X в., поэтому ни они сами, ни известия их саг не имеют никакого отношения ни к варягам IX—X в., ни к происхождению династии Рюриковичей в целом⁴¹.

В отношении этноса варяжской руси за несколько столетий были высказаны десятки предположений. Так, в них видели норманнов, балтийских славян, финнов, литовцев, венгров, хазар, готов, грузин, иранцев, кельтов, евреев и многих других⁴². По данному вопросу у нас и за границей написаны буквально горы литературы, сориентироваться в которой в какой-то мере позволяют историографические обзоры. Самый ранний из них, видимо, принадлежит руке шведского историка О.Рудбека, который в 1698 г., отстаивая шведское происхождение варягов и киевской княжеской династии, вместе с тем привел точки зрения С.Герберштейна, А.Гваньини, П.Одерборна, определявших в качестве местожительства находников на Русь южнобалтийское побережье и видевших в варягах славян или пруссов⁴³. В 1735 г. Г.Э.Байер в статье «Варяги» отверг сообщения П.Одеборна и П.Петрея о выходе Рюрика из Пруссии, назвал несостоятельными утверждения С.Герберштейна, Б.Латома, Ф.Хемница о славянской Вагрии в Южной Балтике как о родине варягов, такую же оценку он дал суждению М.Претория, что русские призывали себе «владельца от народа своей крови». В своем же объяснении этимологии слова «варяг» ученый ссылался на мнения

шведских исследователей XVII в. О.Верелия и О.Рудбека, на Г.В.Лейбница, на А.Моллера, выводивших его из скандинавского и эстонско-финского языков⁴⁴.

С перемещением при содействии немцев Г.Ф.Миллера и Г.З.Байера в 30-х гг. XVIII в. центра изучения варяжского вопроса из Западной Европы в Россию главные работы по этой проблеме теперь издаются в ее пределах, в связи с чем основные историографические обзоры также выходят из-под пера наших соотечественников, в том числе и тех, кто оказался в XX в. волею судеб в эмиграции⁴⁵.

Вместе с тем значимый интерес к этносу варягов продолжали и продолжают проявлять теперь иностранные ученые, что также ведет к появлению за границей исследований, подводящих итоги разработки этноса варягов как в русско-советской, так и в зарубежной историографии⁴⁶. Но накопление литературы по варяжской проблеме, конечно же, не означает, что она разрешена. Хотя на первый взгляд так может показаться, но показаться лишь по причине тотального господства в науке и в обществе норманизма, согласно которому варяги эпохи Древнерусского государства, его создатели и активные участники событий второй половины IX — конца X вв. были шведами

(или норманнами вообще). Этой мыслью проникнуты труды большей части исследователей прошлого и современности. Особенно прочно она закрепилась в советское время, приобретя тогда такой застойно-канонический облик, который был равен по своему всеохвату и методичному «вдалбливанию» в умы подрастающих поколений чуть ли не с дошкольного возраста со «всепобеждающим» и со «всепроникающим» учением Маркса и Ленина.

Такое положение вещей сохраняется и на сегодняшний день. Но появились первые признаки того, что ненормальное состояние нашей науки, вызванное монополией норманизма, уже начинают ощущать ученые, начинают понемногу осознать всю пагубность безраздельного господства вековых догм, сковывающих творческий потенциал и обрекающих в ложном свете высвечивать наше прошлое, в котором в ложном свете рикошетом предстает и наше будущее. И первой ласточкой, возможно, предвещающей собой приближающуюся, хотя, конечно, и не скорую весну в варяжском вопросе, а значит и расцвет исторической мысли, стала конференция в Калининграде, благодаря которой впервые за многие годы состоялся открытый разговор о варяжской руси, продуктивность которого несомненна.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Шаскольский И.П. *Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси.* — Л., 1978. С. 158; *его же.* Антинорманизм и его судьбы // *Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России.* Вып. 7. — Л., 1983. С. 48–50.
- ² Попов А.И. *Названия народов СССР. Введение в этнонимистику.* — М., 1973. С. 62–63.
- ³ Мельникова Е.А. *Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край.* — Л., 1984. С. 130–131; *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / М.В.Бибииков, Г.В.Глазырина, Т.Н.Джаксон и др.* — М., 1999. С. 543.
- ⁴ Сюжеты, отмеченные в данном сообщении *, подробно рассматриваются автором в

- статье «Кривые зеркала норманизма», помещенной в этом же томе *Сборников Русского исторического общества (Сб.РИО).*
- ⁵ Лихачев Д.С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение.* — М.—Л., 1947. С. 160; *его же.* «Повесть временных лет» // *его же.* *Избранные труды в трех томах.* Т. 2. — М., 1987. С. 123–124; *Повесть временных лет (ПВЛ).* Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С.Лихачева / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. Ч. 2. — М.—Л., 1950. С. 113–115, 238.
 - ⁶ Карамзин Н.М. *История государства Российского.* Т. I. — СПб., 1818. Примеч. 278.
 - ⁷ *Полное собрание русских летописей (ПСРЛ).* Т. I. — М., 1962. Стлб. 20, примеч. 38.

- 8 Летопись по Лаврентьевскому списку (ЛА). Изд. 3-е. — СПб., 1897. С. 18–19; ПСРА. Т. 2. — М., 1962. Стб. 14.
- 9 Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 78, 158–160; его же. «Повесть временных лет». С. 93–95, 104–105, 122–123; ПВА. Ч. 2. С. 112–114.
- 10 Грот Л. Мифологические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. — Киров, 1997. С. 153–154.
- 11 Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы и Русский Север. С. 132–139.
- 12 Мельникова Е.А. Тени забытых предков // «Родина», 1997, № 10. С. 17–20.
- 13 Петрухин В. «От тех варяг прозвася...» // Там же. С. 12.
- 14 Кузьмин А.Г. Пути проникновения христианства на Русь // Великие духовные пастыри России. — М., 1999. С. 24; Фомин В.В. Скандинавы и хазары в русской истории: современная интерпретация // Вопросы российской и всемирной истории. Материалы V межвузовской научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьном курсах». — Арзамас, 2002. С. 181–183.
- 15 Кузьмин А.Г. «Крещение Руси»: концепции и проблемы // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / Авт. вступ. ст. А.Г.Кузьмин; сост., авт. примеч. и указат. А.Г.Кузьмин, В.И.Вышегородцев, В.В.Фомин. — М., 1988. С. 20.
- 16 Подробнее критику концепции Р.Г.Скрынникова см.: Фомин В.В. Скандинавомагия или небыллицы о шведской Руси // Сб. РИО. Т. 5 (153). — М., 2002. С. 235–238.
- 17 ЛА. С. 18–19; ПСРА. Т. 2. Стб. 14.
- 18 ЛА. С. 22–23; ПСРА. Т. 2. Стб. 16–17.
- 19 Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. — М.—Л., 1955. С. 162.
- 20 Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. — М., 1869. С. 234.
- 21 Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. 1633–1699. Т. V. — СПб., 1853. С. 83.
- 22 Синописис. — СПб., 1762. С. 22.
- 23 Позодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 2. — М., 1846. С. 212–213.
- 24 Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен Т. I. — М.—Л., 1962. С. 110.
- 25 Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // «Вопросы истории» (ВИ), 1970, № 10. С. 33; Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г.Кузьмин. — М., 1998. С. 215–216.
- 26 ЛА. С. 3–4.
- 27 Славянский сборник Н.В.Савельева-Ростиславича. — СПб., 1845. С. LX, LXXXIX, примеч. 170; Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. — М., 1876. С. 135–136.
- 28 Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г.Кузьмина. Кн. 2. — М., 1986. С. 26; 582–583; Кузьмин А.Г. Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). — М., 1988. С. 155–156; Славяне и Русь. С. 463–464.
- 29 ЛА. С. 28.
- 30 Герберштейн С. Записки о московитских делах. — СПб., 1908. С. 4.
- 31 Зерцало историческое государей Российских // Древняя Российская Вивлиофика. — СПб., 1891. С. 29.
- 32 Marnier X. Lettres sur le Nord. T. I. — Paris, 1840. P. 30–31.
- 33 Славяне и Русь. С. 216.
- 34 Hübner J. Genealogische Tabellen, nebst denen darzu Gehörigen genealogischen Fragen. Bd. 1. — Leipzig, 1725. P. 281. Die 112 Tab.
- 35 Buchholtz S. Versuch in der Geschichte des Herzogthums Meklenburg. — Rostock, 1753. II Stammtafel.
- 36 Фомин В.В. Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII века // Сб. РИО. Т. 4 (152). — М., 2002. С. 305–324.
- 37 Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. — СПб., 1996. С. 131–134.
- 38 Фомин В.В. Русские летописи и варяжская легенда. — Липецк, 1999. С. 133–144; его же. Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII века. С. 317–318.
- 39 Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Сост., авторы примечаний и указателей А.Г.Кузьмин, В.В.Фомин; вступительная статья и перевод А.Г.Кузьмина. — Арзамас, 1993. С. 47.

- ⁴⁰ Мельникова Е.А., Глазырина Г.В., Джексон Т.Н. Древнескандинавские письменные источники по истории европейского региона СССР // ВИ, 1985, № 10. С. 51–52; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 486.
- ⁴¹ Фомин В.В. Скандинавомания или небыллицы о шведской Руси. С. 238–239.
- ⁴² Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // *Slavia. Casopis pro slovanskou filologii. Rocnik X. Sešit 3.* – Praha, 1931. С. 532–533.
- ⁴³ Rudbeck O. *Atlantica sive Manheim pars tertia.* – Upsalae, 1698. P. 184–185.
- ⁴⁴ Bayer G.S. *De Varagis* // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae.* Т. IV. – Petropoli, 1735. P. 276–279, 295–297.
- ⁴⁵ Венелин Ю.И. Скандинавомания и ее поклонники, или столетия изыскания о варягах. – М., 1842. С. 5–12, 25–28, 34–36, 42–60; Попов А.Н. Шлецер. Рассуждения о русской историографии. – М., 1847; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. – СПб., 1872. С. 88–96; Свистун Ф.И. Спор о варягах и начале Руси. Историко-критическое исследование. – Львов, 1877. С. 7–23; Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е. – СПб., 1913. С. 19–127; Багалей Д.И. Русская история. Киевская Русь (до Иоанна III). Т. I. – М., 1914. С. 152–158, примеч.; Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. – М., 1916. С. 75–80; Мошин В.А. Указ. соч. С. 109–136, 343–379, 501–537; Погodin А.Л. Варяги и Русь // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 7. – Белград, 1932. С. 93–135; Мавродин В.В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1949 году в Ленинграде. – Л., 1949; Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной историографии // «История СССР», 1960, № 1. С. 223–236; его же. Норманская теория в современной буржуазной науке. – М.–Л., 1965; его же. Норманская проблема в советской историографии. С. 152–165; его же. Антиномизм и его судьбы. С. 35–51; Вилинбахов В.Б. Об одном аспекте варяжской проблемы // Скандинавский сборник. Вып. VII. – Tallin, 1963. С. 333–345; Шушарин В.П. Современная буржуазная историография Древней Руси. – М., 1964; Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. – М., 1973. С. 10–49; его же. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // ВИ, 1982, № 5. С. 31–45; его же. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). – М., 1985. С. 9–81; Авдусин Д.А. Современный антиномизм // ВИ, 1988, № 7. С. 23–34; Фроянов И.Я. Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. – СПб., 1992. С. 75–106; Хлезов А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. – СПб., 1997; Фомин В.В. Русские летописи и варяжская легенда. С. 38–117; его же. Норманская проблема в западно-европейской историографии XVII века; его же. Скандинавомания или небыллицы о шведской Руси. С. 230–257; и другие.
- ⁴⁶ Stender-Retersen A. *Der älteste russische Staat* // *Historische Zeitschrift.* Bd. 191. H. 1. – München, 1960. S. 1–12; Rüß H. *Die Warägerfrage* // *Handbuch der Geschichte Russlands.* Bd. I. L. 4/5. – Stuttgart, 1979. S. 267–282; Latvakangas A. *Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige fran runinskrifter till enhetlig historisk tolkning.* – Turku, 1995. S. 95–449; Нильсен Й.П. Рюрик и его дом. Опыт идейно-историографического подхода к норманскому вопросу в русской и советской историографии. – Архангельск, 1992 (книга состоит из двух статей, опубликованных автором в 1978 и 1981 гг.); и другие.

БИБЛИОГРАФИЯ

работ с критикой норманской теории происхождения русской государственности

Настоящий библиографический список не является исчерпывающим, однако в нем представлены основные работы, определяющие «лицо» направления. В ряде случаев в список включены работы ученых-норманистов, объективные рассуждения которых опровергают мнение о норманской природе варяжской, «заморской» руси.

Источники

- [1] Гельмольд. Славянская хроника. — М., 1963.
- [2] Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем А.И.Малеина и А.В.Назаренко. Вступительная статья А.Л.Хорошкевич. Под ред. В.Л.Янина. — М., 1988.
- [3] Герберштейн С. Записки о московитских делах. — СПб., 1908.
- [4] Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. — М.—Л., 1955.
- [5] Зерцало историческое государей Российских // Древняя Российская Вивлиофика. — СПб., 1891.
- [6] Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3-е. — СПб., 1897 (Повесть временных лет Лаврентьевской редакции).
- [7] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.—Л., 1950; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. III. — М., 2000.
- [8] ПСРЛ. Т. 1. — М., 1962.; М., 1997. (Повесть временных лет Лаврентьевской редакции).
- [9] ПСРЛ. Т. 2. — М., 1962; М., 2001 (Повесть временных лет Ипатьевской редакции).
- [10] Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Сост., авторы примечаний и указателей А.Г.Кузьмин, В.В.Фомин; вступительная статья и перевод А.Г.Кузьмина. — Арзамас, 1993.
- [11] Синописис. — СПб., 1762.
- [12] Тацит, Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. — СПб., 1993.
- [13] Хордадбех Ибн. Книга путей и стран. — Баку, 1986.
- [14] Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte. — Hannover—Leipzig, 1917.
- [15] Buchholtz S. Versuch in der Geschichte des Herzogthums Meklenburg. — Rostock, 1753.
- [16] Hübner J. Genealogische Tabellen, nebst denen darzu Gehörigen genealogischen Fragen. Bd. I. — Leipzig, 1725.
- [17] Marmier X. Lettres sur le Nord. Т. I. — Paris, 1840.
- [18] Thietmar von Merseburg. Chronik. — Berlin, 1962.

XVIII век

- [19] Ломоносов М.В. Древняя Российская история. Ч. 1—2. — СПб., 1766.
 [20] Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Миллера // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. — М., Л., 1952.
 [21] Ломоносов М.В. Для пользы общества... — М., 1990.
 [22] Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. I. — М.—Л., 1962.
 [23] Тредиаковский В.К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. — СПб., 1773.

XIX век

- [24] Боричевский И. Руссы на южном берегу Балтийского моря // «Маяк», ч. VII. — СПб., 1840
 [25] Бурачков П. Греко-скифский мир на берегах Понта // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Ч. 188. — СПб., 1876.
 [26] Васильев А. О древнейшей истории северных славян до времени Рюрика, и откуда пришел Рюрик и его варяги. — СПб., 1858.
 [27] Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII веков // Васильевский В.Г. Труды. Т. 1. — СПб., 1908.
 [28] Васильевский В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП, 1888, июль.
 [29] Венелин Ю.И. Известия о варягах арабских писателей и злоупотреблении в истолковании оных // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 4. — М., 1870.
 [30] Венелин Ю.И. Окружные жители балтийского поморья, то есть леты и славяне. — М., 1847.
 [31] Венелин Ю.И. О нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен. М., 1848.
 [32] Венелин Ю.И. Скандинавомания и ее поклонники, или столетняя изыскания о варягах. — М., 1836; М., 1842.
 [33] Геденов С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч. 1. — СПб., 1876; Ч. 2. — СПб., 1876.
 [34] Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян // Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. Т. 4. — СПб., 1874.
 [35] Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. — М., 1876.
 [36] Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. — М., 1876; М., 1882.
 [37] Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до Рюрикового времени в особенности, с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. Вып. I. — М., 1854.; Вып. II. — М., 1854.
 [38] Костомаров Н.И. Начало Руси // Современник. Т. LXXIX. № 1. — СПб., 1860.
 [39] Костомаров Н.И. Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей // Современник. Т. LXXX. № 5. — СПб., 1860.
 [40] Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. — М., 1868.
 [41] Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. — СПб., 1859.
 [42] Максимович М.А. О происхождении варяго-русов // Собрание сочинений М.А.Максимович. Т. I. — Киев, 1876.
 [43] Максимович М.А. Откуда идет Русская земля. — Киев, 1837.
 [44] Морошкин Ф.Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах. — СПб., 1842.

- [45] Морозкин Ф.Л. О значении имени руссов и славян. — М., 1840; СПб., 1841.
- [46] Лервольф И. Варяги-Русь и балтийские славяне // ЖМНП, ч. 192. — СПб., 1877.
- [47] Примечания Ф.Л.Морозкина в кн.: Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. — М., 1836.
- [48] Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым. — [Б.м.] и [б.г.].
- [49] Руссов С. О древностях России. Новые толки и разбор их. — СПб., 1836.
- [50] Руссов С. Письмо о Россиях, бывших некогда вне нынешней нашей России // Отечественные записки. Ч.30, 31. — М., 1827.
- [51] Свистун Ф.И. Спор о варягах и начале Руси. Историко-критическое исследование. — Львов, 1887.
- [52] Святой Ф. Историко-критические исследования о варяжской Руси // Маяк. Т. 19. — СПб., 1845.
- [53] Славянский сборник Н.В.Савельева-Ростиславича. — СПб., 1845.
- [54] Суворский И.Н. В туманах седой старины. К варяжскому вопросу. Англо-русская связь в давние века. — СПб., 1907.
- [55] Сыромятников С. Древлянский князь и варяжский вопрос // ЖМНП. Новая серия. Ч. XL. Июль. — СПб., 1912.
- [56] Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1. — М., 1825; кн. 2. — М., 1826.
- [57] Юргевич В.Н. О мнимых норманских именах в русской истории // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. — Одесса, 1867.

XX век

- [58] Акашев Ю.Д. Историко-этнические корни русского народа. — М., 2000.
- [59] Алексеева Т.И. Славяне и германцы в свете антропологических данных // «Вопросы истории» (ВИ), 1974, № 3.
- [60] Анохин Г.И. Новая гипотеза происхождения государства на Руси // ВИ, 2000, № 3.
- [61] Беневоленская Ю.Д., Давыдова Г.М. Русское население Псковского озера // Полевые исследования Института этнографии. 1977. — М., 1979.
- [62] Брайчевский М.Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX — XIV вв.: (история и археология). — Киев, 1985.
- [63] Горский А.А. Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // «История СССР», 1989, № 3.
- [64] Грот Л. Мифологические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. — Киров, 1997. (Статья переиздана в настоящем сборнике.)
- [65] Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне и Русь // *Slavia Occidentalis*. Т. 22. — Розпал, 1962.
- [66] Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре // *Slavia Occidentalis*. Т. 25. — Розпал, 1965.
- [67] Вилинбахов В.Б. Балтийско-Волжский путь // «Советская археология» (СА), 1963, № 3.
- [68] Вилинбахов В.Б. Несколько замечаний о легендах Великого Новгорода и древнейших межславянских связях // «Вестник ЛГУ», Л., 1963, № 14.
- [69] Вилинбахов В.Б. Несколько замечаний о теории А.Стендер-Петерсена // Скандинавский сборник (СС). Вып. VI. — Таллин, 1963.
- [70] Вилинбахов В.Б. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // СС.

- Вып. VII. — Таллин, 1963.
- [71] *Вилинбахов В.Б.* Современная историография по проблеме «балтийские славяне и Русь» // «Советское славяноведение», М., 1980, № 1.
- [72] *Зеленин Д.К.* О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», М., 1954, № 6.
- [73] *Ильина Н.* Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки. Париж, 1955.
- [74] *Каратеев М.Д.* Норманская болезнь в русской истории // «Слово», 1990, № 8.
- [75] *Кузнецов Е.В.* Этногенез восточных славян: исторические очерки (IV–IX вв.). — Арзамас, 1995; Арзамас, 2001.
- [76] *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ, 1970, № 10.
- [77] *Кузьмин А.Г.* Заметки историка об одной лингвистической монографии // «Вопросы языкознания», 1980, № 4.
- [78] *Кузьмин А.Г.* Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. — М., 1987.
- [79] *Кузьмин А.Г.* «Крещение Руси»: концепции и проблемы // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / Авт. вступ. ст. А.Г.Кузьмин; сост., авт. примеч. и указат. А.Г.Кузьмин, В.И.Вышегородцев, В.В.Фомин. — М., 1988.
- [80] *Кузьмин А.Г.* Кто в Прибалтике «коренной»? — М., 1993.
- [81] *Кузьмин А.Г.* Об истоках древнерусского права // «Советское государство и право», 1985, № 2.
- [82] *Кузьмин А.Г.* Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // ВИ. 1974. № 11.
- [83] *Кузьмин А.Г.* Одоакр и Теодорих // Дорогами тысячелетий. Кн. 1. — М., 1987.
- [84] *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). — М., 1988.
- [85] *Кузьмин А.Г.* Пути проникновения христианства на Русь // Великие духовные пастыри России. — М., 1999.
- [86] *Кузьмин А.Г.* Рути и русы на Дунае // Средневековая и новая Россия. — СПб., 1996.
- [87] *Лесной С.* История «русов» в неизвращенном виде. Т. 4. — Париж, 1955.
- [88] *Лесной С.* Откуда ты, Русь? — Ростов-на-Дону, 1995.
- [89] *Ловмянский Г.* Руссы и Рути // ВИ. 1971. № 9.
- [90] *Никитин А.* Первый Рюрик — миф или реальность // «Наука и религия», 1991. № 4.
- [91] Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г.Кузьмина. Кн. 1. — М., 1986; кн. 2. — М., 1986.
- [92] *Петровский Н.М.* О новгородских «словенах». (По поводу книги: *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Издание русского исторического журнала. — Пг., 1919) // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. XXV. — Пг., 1922.
- [93] *Похлебкин В.В., Вилинбахов В.Б.* Несколько слов по поводу гипотезы проф. А.Стендер-Петерсена // Kuml. 1960. — Aarhus, 1960.
- [94] *Рапов О.М.* Были ли норманистами создатели «Повести временных лет»? // Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 1 (149). — М., 1999.
- [95] *Рапов О.М.* Знак Рюриковичей и символ сокола // СА, 1968, № 3.
- [96] *Роспона С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика. — М., 1972.
- [97] *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества. — М., 1993.
- [98] *Сахаров А.Н.* Дипломатия древней Руси. IX — начало X в. — М., 1980.
- [99] *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. — М., 1979.
- [100] *Седов В.В.* Славяне в древности. — М., 1994.

- [101] Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г.Кузьмин. — М., 1998.
- [102] Талис Д.А. Росы в Крыму // СА, 1974, № 3.
- [103] Тимофеев В.П. А все-таки "Людота коваль". (Название днепровских порогов — возвращение к старой проблеме) // Сб. РИО. № 1 (149). — М., 1999.
- [104] Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // «Советская этнография». Вып. VI—VII. — М.—Л., 1947.
- [105] Трухачев Н.С. Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 год. — М., 1981.
- [106] Фомин В.В. Варяжский вопрос в современной историографии // Бартенеvские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Липецк, 24—25 ноября 1999 года. — Липецк, 2000.
- [107] Фомин В.В. "Варяжское заморье" русских летописей (X—XVII вв.) // Дискуссионные вопросы российской истории. — Арзамас, 1995.
- [108] Фомин В.В. Запад и западноевропейцы в русской письменной традиции (X—XVIII вв.) // Копелевские чтения 1999. Россия и Германия: диалог культур. — Липецк, 2000.
- [109] Фомин В.В. Летопись XVIII века о варягах Ярослава Мудрого // Бартенеvские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Липецк, 24—25 ноября 1999 года. — Липецк, 2000.
- [110] Фомин В.В. Норманизм и его истоки // Дискуссионные проблемы отечественной истории. — Арзамас, 1994.
- [111] Фомин В.В. Норманнам русских летописцев: миф или реальность? // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф.Калайдовича. Вып. 3. — Елец, 2000.
- [112] Фомин В.В. Русские летописи и варяжская легенда. — Липецк, 1999.

XXI век

- [113] Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. — М., 2002.
- [114] Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 года. Т. 1. — М., 2002.
- [115] Кузьмин А.Г. От моря до моря // «Мир истории», М., 2002, № 4/5.
- [116] Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы русской государственности // «Мир истории», 2002, № 4/5 (расширенный вариант в настоящем сборнике).
- [117] Фомин В.В. Варяги и варяжский вопрос в судьбе России // «Роман-журнал XXI век», М., 2001, № 9.
- [118] Фомин В.В. Кто же был первым норманистом: русский летописец, немец Байер или швед Петрей? // «Мир истории», М., 2002, № 4/5.
- [119] Фомин В.В. Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII века // Сб. РИО. Т. 4 (152). — М., 2002.
- [120] Фомин В.В. Скандинавы и хазары в русской истории: современная интерпретация // Вопросы российской и всемирной истории. Материалы V межвузовской научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьном курсах». — Арзамас, 2002.
- [121] Фомин В.В. Скандинавомания или небывлицы о шведской Руси // Сб. РИО. Т. 5 (153). — М., 2002.
- [122] Яманов В.Е. Рорик Ютландский и летописный Рюрик // ВИ, 2001, № 4.

Раздел II.

**ПАМЯТИ
ОЛЕГА МИХАЙЛОВИЧА
РАПОВА**

Памяти Олега Михайловича РАПОВА

13 мая 2002 г. скоропостижно скончался известный историк, профессор исторического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, доктор исторических наук Олег Михайлович Рапов.

Вся жизнь Олега Михайловича была связана с двумя старинными русскими городами — Рыбинском и Москвой. В первом из них он родился 2 апреля 1939 г. в семье педагогов, окончил в 1956 г. среднюю школу, работал в разные годы в историко-краеведческом музее, впервые, как школьный учитель, начал преподавать историю.

Большое влияние на формирование личности и круга жизненных интересов сына оказал отец Олега Михайловича — один из лучших исторических романистов прошлого столетия Михаил Александрович Рапов.

С 1958 г. местом учебы, а затем и всей последующей работы Олега Михайловича становится Москва, исторический факультет Московского университета. В 1958—1963 гг. он был студентом, в 1964—1967 гг. — аспирантом исторического факультета МГУ, с 1967 г. до последних дней жизни трудился здесь, пройдя за эти годы путь от старшего лаборанта до профессора кафедры истории России до начала XIX века. В стенах истфака МГУ им были защищены в 1970 г. — кандидатская, в 1989 г. — докторская диссертации. Большое влияние на становление О.М.Рапова как ученого оказал его учитель, академик Б.А.Рыбаков, их связывали многолетнее творческое сотрудничество, дружба, понимание. Последней опубликованной работой О.М.Рапова был некролог «Памяти академика Б.А.Рыбакова». Увы, Олег Михайлович ненадолго пережил своего учителя.

Научная деятельность О.М.Рапова была полностью сосредоточена на целеустремленном исследовании истории Древней Руси домонгольского времени, он заслуженно считался ведущим специалистом в этой области. По этой тематике им было опубликовано около 90 печатных трудов, в том числе фундаментальные монографии «Княжеские владения на Руси в X — первой

половине XIII вв.» (М., 1977), «Русская церковь в IX — первой трети XII вв. Принятие христианства» (М., 1988; 2-е, исправл. и дополн. изд. М., 1998). Олега Михайловича всегда интересовали наиболее трудные для анализа сюжеты истории русского средневековья. Он с увлечением, тщательно и кропотливо занимался вопросами хронологии и геральдики, исторической географии и топонимики, генезиса древнерусских городов и поселений. Обычно спокойно реагиовавший на замечания в адрес тех или иных его выводов и наблюдений, Олег Михайлович, как и его учитель, академик Б.А.Рыбаков, был страстным полемистом в многовековом споре о роли и месте «норманского фактора» в русской истории.

Профессор О.М.Рапов был одним из лучших преподавателей русской истории в Московском университете. Много лет он читал здесь общий курс лекций по истории России до начала XIX века и спецкурсы студентам дневного и вечернего отделений исторического факультета, вел глубоко продуманные методически семинарские занятия, руководил работой дипломников и аспирантов.

Олег Михайлович Рапов был действительным членом Российской академии естественных наук, членом Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. Особенно много труда он вложил в возрождение Русского Исторического общества, председателем Научного совета которого он являлся в последние годы, а также в работу по выпуску новых томов возобновленного издания «Сборников Русского исторического общества».

Олег Михайлович был настоящим русским человеком: вечным тружеником, добрым и надежным товарищем, верным учеником своих учителей, заботливым мужем и отцом. Светлая память о нем всегда сохранится в наших сердцах.

*Коллеги по кафедре истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова;
Правление и Научный совет Русского исторического общества;
редколлегия Сборников Русского исторического общества;
издательство НП ИД «Русская панорама»*

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ проф. Олега Михайловича РАПОВА

- [1] Рец. на кн.: *Пашуто В.Т.* Очерки истории СССР XII—XIII вв. Пособие для учителей. — М., 1960 // «Вопросы истории», 1962, № 12.
- [2] Ред.: Сборник научных работ аспирантов исторического факультета МГУ. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. (Совместно с В.Д.Назаровым и др.).
- [3] К вопросу о земельной ренте в древней Руси в домонгольский период // «Вестник Московского университета». Серия 8. «История», 1968, № 1.
- [4] Знаки Рюриковичей и символ сокола // «Советская археология», 1968, № 3.
- [5] Формы феодального землевладения на Руси и их эволюция (IX—XIII вв.) // Тезисы докладов научной конференции молодых ученых МГУ. — М., 1968.
- [6] Рыбаков Борис Александрович (к 60-летию со дня рождения) // «Вестник Московского университета». Серия 8. «История», 1968, № 4.
- [7] Рец. на кн.: *Засурцев П.И.* Новгород, открытый археологами. — М., 1967 // «Вопросы истории», 1968, № 10.
- [8] Была ли «вервь» Русской Правды патронимией? // «Советская этнография», 1969, № 3.
- [9] Церковное и монастырское землевладение в домонгольской Руси (тезисы доклада) // Проблемы гуманитарных наук. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.
- [10] О некоторых аспектах княжеского землевладения в Киевской Руси // Становление раннефеодальных славянских государств. Сб. статей. — Киев: «Наукова думка», 1972.
- [11] Рец. на кн.: *Толочко П.П.* Исторична топографія стародавнього Києва. — Киев, 1972 // «Вопросы истории». 1972. № 11.
- [12] К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII—XIII вв. // Польша и Русь. — М.: «Наука», 1974.
- [13] Статьи: «Мал», «Молога», «Мстислав Владимирович Великий», «Мстислав Владимирович Храбрый», «Мстислав Мстиславич Удалой», «Огнищанин», «Олег Вещий», «Олег Святославич», «Ольга», «Остромир», «Отрок», «Пересвет», «Печенеги», «Поляне», «Половцы», «Полюдь» // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. Тт. 15—20. — М., 1974—1975. (То же — на англ. и греч. языках).
- [14] Документы о взаимоотношениях Папской курии с великим киевским князем Изяславом Ярославичем и польским князем Болеславом II Смелым в 1075 г. // «Вестник Московского университета». Серия 8. «История». 1975, № 5. (Совм. с Н.Г.Ткаченко).
- [15] Рец. на кн.: *Лысенко П.И.* Города Туровской земли. Минск, 1974 // «Вопросы истории», 1976, № 7.
- [16] Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII вв. — М.: Изд-во Моск. университета, 1977.
- [17] О некоторых причинах крещения Руси // «Вестник Московского университета». Серия 8. «История», 1976, № 4.
- [18] Изучение «Слова о полку Игореве» в семинарских занятиях на заочном отделении // Из опыта преподавания истории СССР в Московском университете. Сб. метод. статей. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

- [19] Академик Борис Александрович Рыбаков — профессор Московского университета // «Вестник Московского университета». Серия 8. «История», 1978, № 5. (Совм. с А.Д.Горским).
- [20] O przyczynach przyjęcia chrześcijaństwa przez Ruś // Przegląd Religioznawczy. — Warszawa, 1979.
- [21] О датировке народных восстаний на Руси XI века в «Повести временных лет» // «История СССР», 1979, № 2.
- [22] Русские известия Титмара Мерзебургского // «Вестник Московского университета». Серия 8. «История», 1980, № 3. (Совм. с Н.Г.Ткаченко).
- [23] Русские города и монгольское нашествие // 600-летие Куликовской битвы: Тезисы докладов и сообщений юбилейной научной конференции. 8–10 сентября 1980 г. — М., 1980.
- [24] Русские княжества с древнейших времен до начала раздробленности Киевского государства // Gesellschaft und Kultur Russlands im frühenmittelalter. — Halle (Saale), 1981.
- [25] Рец. на кн.: Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси IX — первой половины X в. М., 1980 // «Преподавание истории в школе», 1981, № 3.
- [26] Рец. на кн.: Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. — М., 1982 // «Преподавание истории в школе», 1983, № 4.
- [27] Еще раз о понятии «русский феодальный город» // Генезис и развитие феодализма в России. — Л., 1983.
- [28] Русские города и монгольское нашествие // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. — М., 1983.
- [29] Истоки. (Рец. на кн.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982) // «Молодая гвардия», 1984, № 6. (Совм. с В.В.Каргаловым).
- [30] Рец. на кн.: Куликово поле. Сб. документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы. — Тула, 1982 // «Советские архивы», 1984, № 4.
- [31] Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 1. Древнейшие народы и государства на территории СССР / Под ред. А.Д.Горского. — М.: «Высшая школа», 1985. (Совм. с Д.Ю.Араповым и А.П.Новосельцевым).
- [32] О дате принятия христианства князем Владимиром и киевянами // «Вопросы истории», 1984, № 6.
- [33] Являлся ли архиепископ Бонифаций крестителем Руси? // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы: Сб. тезисов докладов. — М., 1987.
- [34] Официальное крещение Руси в конце X в. // Введение христианства на Руси: Коллект. монография. — М.: «Мысль», 1987.
- [35] До питання про хрещення жителів Новгороду // «Український історичний журнал», 1987, № 9.
- [36] Когда произошло крещение Руси, отмеченное константинопольским патриархом Фотием? // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения В.Т.Пашуто: Тезисы докладов. — М., 1988.
- [37] О времени и обстоятельствах крещения населения Новгорода Великого // «Вестник Московского университета». Серия «История», 1988, № 3.
- [38] Когда христианство пришло на Русь? // «Природа», 1988, № 7.
- [39] Комета Галлея и датировка крещения Руси // Историко-астрономические исследования. Вып. XX. — М.: «Наука», 1988.
- [40] Еще раз о датировке взятия Корсуня князем Владимиром // Византийский вестник. Т. 49. — М., 1988.
- [41] О крещении Руси // «Политическое образование», 1988, № 8.
- [42] Профессору Московского университета Борису Александровичу Рыбакову — 80 лет // «Вестник Московского университета». Серия «История», 1988, № 4. (Совм. с Н.С.Борисовым и А.Д.Горским).

- [43] Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. – М.: «Высшая школа», 1988.
- [44] От Корсуня до Калки: Историко-художественный сб. – М.: «Молодая гвардия», 1990. (Введение, сопроводит. текст и комментарии к документам).
- [45] Выступление в «круглом столе»: «Роль православной церкви в истории России» // «Вопросы истории», 1990, № 3.
- [46] По поводу рецензии С.А.Мезина // «Вопросы истории», 1990, № 10.
- [47] Рец. на кн.: Род Строгановых. – Пермь, 1990 // «Пермский телеграф», 1991, № 3.
- [48] Как и когда возникла русская письменность? // «Вече», 1991, № 9.
- [49] Сколько лет жил Иисус Христос? // «Русь», 1991, № 1.
- [50] Русской письменности 1200 лет? // «Кругъ», 1992, № 1.
- [51] Когда родился великий киевский князь Святослав Игоревич? // «Вестник Московского университета». Серия «История», 1993, № 4.
- [52] Внешняя политика Владимира Великого после официального принятия Русью христианства // Восточная Европа в древности и средневековье. – М.: ИРИ РАН, 1994.
- [53] Когда же родился и был распят Иисус Христос? // На рубеже познания Вселенной. – М.: «Янус», 1994.
- [54] Обвиняются в убийстве? // «Родина», 1994, № 5.
- [55] Кто создал древнерусскую азбуку? // «Родина», 1994, № 9.
- [56] Древние версии о возникновении русской письменности // Тезисы докладов I Международного славяно-евразийского конгресса деятелей науки, культуры, предпринимательства. Н.Новгород, 25–27 мая 1994 г. – Н.Новгород, 1994.
- [57] Владимир Иванович Лебедев – профессор Московского университета // «Вестник Московского университета». Серия «История», 1995, № 5.
- [58] История России X–XX вв. в лицах: Биографический словарь. – М.: «Русское слово», 1997. (Совм. с Л.Н.Вдовиной, В.А.Федоровым, Ю.Я.Терещенко.)
- [59] Кто срубил град Москву на Боровицком холме? – М.: «Русское слово», 1997.
- [60] «Полюбя же вельми место то, заложил град...» (К вопросу о времени основания Москвы) // «Вестник Московского университета». Серия «История», 1997, № 5.
- [61] Москва родилась в понедельник // «Родина», 1997, № *.
- [62] Кто «срубил град» на Боровицком холме? // «На рубеже веков», 1997, № 3. (То же на сербском языке: На граници векова, 1997, № 3).
- [63] Основание Москвы и князь Юрий Долгорукий. (Послесловие к книге: Каргалов В.В. Юрий Долгорукий). – М.: «Армада», 1997.
- [64] Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. – Изд. 2-е, исправл. и дополн. – М.: «Русская панорама», 1998.
- [65] Борис Александрович Рыбаков (к 90-летию со дня рождения) // «Вестник Московского университета». Серия «История», 1998, № 3. (Совм. с Н.С.Борисовым).
- [66] Были ли норманистами создатели «Повести временных лет» // Сборник Русского исторического общества Т. 1 (149). – М.: «Русская панорама», 1999.
- [67] Ред.: Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). – М., 2000.
- [68] Василий Никитич Татищев (1686–1750) // Сборник Русского исторического общества. Т. 3 (151). – М.: «Русская панорама», 2000.
- [69] В каком столетии и тысячелетии мы живем. (Когда родился Иисус Христос) // Сборник Русского исторического общества. Т. 3 (151). – М., 2000.
- [70] Рец.: Славяне и Русь: проблемы и идеи / Сост. А.Г.Кузьмин. – М., 1998 // «Отечественная история», 2001, № 2.
- [71] Рец.: Мединцева А.А. Грамотность в Древней Руси. М., 2000 // Сборник Русского Исторического общества. Т. 4 (152). – М.: «Русская панорама», 2001.
- [72] Памяти академика Б.А.Рыбакова. Некролог // Сборник Русского Исторического общества. Т. 5 (153). – М.: «Русская панорама», 2002.

Раздел III.

**НОВЫЕ РАБОТЫ
ЧЛЕНОВ РУССКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА**

Памяти Олега Михайловича Рапова посвящается

А.М.Зеленокоренный

Ростиславичи в «Слове о полку Игореве»

Ростиславичи, являвшиеся потомками Владимира Мономаха, занимали в 70–80-е годы XII в. видное место среди князей древней Руси. Вотчиной их было Смоленское княжество, которое обособилось от Киевской Руси при внуке Владимира Мономаха — Ростиславе Мстиславиче.

Смоленск занимал важное географическое положение на торговом пути «из варяг в греки» по Днепру, что давало ему большие стратегические преимущества, а близость к Киеву и Новгороду способствовала тому, что многие смоленские князья побывали на киевском и новгородском «столах».

Кроме того, находясь в центре русских земель, Смоленское княжество было почти недосыгаемо для половцев, угрожавших окраинным княжествам. Во всяком случае, половцы ни разу не угрожали Смоленску. Как писала летопись, «Смоленск тверд стенами и мног людьми». Впоследствии даже Батый обошел его стороной.

Ростиславичи оставили заметный след в истории древней Руси. Они очень интересовали летописцев, которые внимательно следили за их жизнью и деятельностью.

Имена двух Ростиславичей — Рюрика и Давыда — упомянуты в выдающемся памятнике древнерусской литературы — «Слове о полку Игореве». Им адресовано обращение выступить против половцев, вторгшихся в Русскую землю после неслыханного поражения войск Игоря Святославича Новгород-Северского в мае 1185 г.

Это обращение выглядит следующим образом:

«Ты, буй Рюриче и Давыде,
не ваю ли злачеными шеломи
по крови плаваща?»

Не ваю ли храбрая дружина
рыкають акы тури,
ранены саблями калеными,
на полъ незнаемъ?»

Вступита Господина въ златъ стремянь
за обиду сего времени,
за земшо Русскую,
за раны Игоревы, буего

Святославича!» [3, 29].

Его содержание полно недосказанностей и намеков. Бросается в глаза, что речь в нем идет о каких-то двух событиях, связанных друг с другом или происходящих отдельно. Современникам было все понятно, но сейчас, по прошествии более восьмиста лет, трудно восстановить реальную картину событий.

Прямо не сказано, какую битву имел в виду автор «Слова», в результате которой «злаченные шлемы» плавали в крови. Вообще же, когда упоминаются «злаченные шлемы», надо думать, что речь идет о князьях или, в крайнем случае, о боярах, так как у простых воинов не могло быть «злаченных» шлемов. Исходя из этого, исследователи ведут поиск такой битвы, в которой участвовали бы совместно Рюрик и Давыд и которая закончилась бы кровавым поражением.

Речь скорее всего идет о нападении половцев на южную Русь в 1177 г. Тогда половцы захватили шесть городов по рекам Роси и Россавы, разгромили дружину Рюрика и направились к г. Ростовцу. Для отпора половцам Роман Ростиславич, являвшийся старшим братом Рюрика и Давыда и занимавший в то время киевский великокняжеский стол, послал своего сына, а также своего брата Давыда с их дружинами,

но эта помощь не поспела. Рюрик вынужден был укрыться в г. Ростовце. Ипатьевская летопись под 1177 г. так пишет: «Давыдъ же бяше не прятягъль (т. е. не успел, опоздал, — А.Э.) и бывшѣ распрѣ межи братьею, Половци... победиша полкы Руськѣѣ и много бояръ изымаша, а князь въбегоша в Ростовецѣ».

Роману пришлось посылать дополнительную помощь, чтобы выручить неудачников из беды.

Как сообщает летопись, половцы побили и захватили в плен много бояр. Это, очевидно, и имеется в виду в «Слове», когда говорится о плавающих в крови «злаченных шлемах».

Д.С.Лихачев полагал, что речь идет о сражении на р. Орели в 1183 г. [5, 439], однако в нем Давыд не участвовал,

Фраза «не ваю ли злаченными шеломи по крови плаваша» вызывает трудности у исследователей и с точки зрения русского языка. Грамматическая несогласованность вызвала появление исправления (конъектуры) в первопечатном тексте «Слова» 1800 г., которую предложил в 1926 г. В.Н.Перетц [6, 275]. После слова «ваю», т. е. «ваши», он вставил слово «вои» — «войны». По его мнению, слово «вои» имелось в утраченной рукописи «Слова», но было выброшено переводчиками из-за сходства написания: «ваю» — «вои». Его примеру последовали Д.С.Лихачев, Л.А.Дмитриев, О.В.Творогов, А.С.Орлов и др. А.К.Югов предлагал вместо «вои» вставить «дружина», но сторонников у него оказалось мало [12, 173].

Не все, однако, приняли предложенную В.Н.Перетцем конъектуру. А.А.Косоруков считает, что, хотя «фраза имеет индоевропейский смысл», а «подлинное значение ее до сих пор неясно», «логично было бы... отказаться от слова «вои», введенного В.Н.Перетцем», так как «вставка вносит в текст смысловую нелепицу: на простых воинов «надевают» золоченные шлемы» [4, 111]. В.И.Стеллецкий считал конъектуру В.Н.Перетца «недопустимой» [9, 171].

И действительно, в рассматриваемой фразе нет никакого нарушения норм древнерусского языка, для которого было

вполне обычным согласование собирательного существительного в форме единственного числа с глаголом во множественном числе. Эта особенность сохранялась в русском языке довольно долго, вплоть до XV в. [2, 34].

Другим событием, на которое намекает автор «Слова о полку Игореве», является, по-видимому, совместный поход русских князей в степь в 1184 г. под руководством Святослава Всеволодовича, бывшего с 1181 г. великим киевским князем. В этом походе участвовали Рюрик и Давыд Ростиславичи. В «Слове» говорится как раз о том, что дружины Ростиславичей воевали очень успешно и нанесли половцам жестокое поражение. Это и отмечено в тексте:

«Не ваю ли храбрая дружина
рыкають акы тури,
ранены саблями калеными
на полѣ незнаемѣ?» [3, 29].

Под «полем неизвестным» везде в «Слове» подразумевается половецкая степь, а «турами» названы самые мужественные воины (например, Буй-Тур Всеволод).

Интересное и вполне возможное прочтение этой фразы предложил известный русский художник, иллюстратор и переводчик «Слова о полку Игореве» С.С.Рубцов. По его мнению, «историки напрасно ищут по летописям ту битву, в которой Рюрик и Давыд действовали совместно и потерпели поражение. Ирония заключается в том, что автор задает вопрос, полагая, что ответ слушателям известен. «Не ваю ли храбрая дружина рыкают акы туры, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ?». Ответ один: «Не ваши, конечно, а воины Игоря». [7, 110].

Несет определенную смысловую нагрузку и форма обращения к князьям-Ростиславичам: «Ты буй Рюриче и Давыде». Сразу же бросается в глаза, что эпитет «буй» относится только к Рюрику («ты буй Рюриче»), а к имени другого князя — Давыда — не нашлось у автора «Слова» никакого эпитета. Эта особенность обращения служит автору «Слова» для краткой, но очень емкой характеристики братьев. Из этого следует, что Рюрику дается более положительная характеристика, чем

Давыду. Правда, в летописном некрологе, отдавая дань традиции, много хвалебных слов сказано и в адрес Давыда.

Исследователи считают Рюрика одним из наиболее энергичных и деятельных князей древней Руси.

Рюрик (ок. 1139—1215 гг.) за свою жизнь успел покняжить в Овруче, Торческе, Новгороде. Многократно, начиная с 1172 г., занимал киевский стол, и с такой же периодичностью покидал его вынужденно или добровольно. Д.С.Лихачев так характеризует Рюрика: «Он был одним из образованнейших людей своего времени». «Его покровительству и инициативе обязаны мы составлением летописного свода 1200 г., сохранившего в своем составе киевскую летопись XII в. — одну из лучших по своим литературным достоинствам русских летописей». «Его зодчим и личным другом был знаменитый «художник» Петр Милонег» [5, 438].

В 80-х годах XII в. Рюрик участвовал во всех походах, организованных Святославом Всеволодовичем, против половцев. В 1181 г. Рюрик, будучи великим киевским князем, вынужден был по настоянию киевских бояр уступить Киев Святославу Всеволодичу, а сам перешел в Белгород, т. е. сохранив за собой остальную часть удела. По подсчетам Д.С.Лихачева, Рюрик Ростиславич семь раз добивался киевского великого княжения и дважды уступал его «добровольно».

Ипатьевская летопись под 1180 г. так описывает это событие: «Рюрик же... размысливъ с моужи своими оугадавъ бе бо Святославъ старѣи лѣты и оурядився с нимъ състоупись емоу старѣшинства и Киева, а собе возя всю Роускоюу землю».

Установился так называемый «дуумвират», т. е. правление двух князей в одной области, что было нередким явлением в Древней Руси. «В Киеве, — пишет П.П.Толочко, — формально соправители были в равном положении, но жизнь требовала, чтобы один из них был старшим, и таким, безусловно, был Святослав Всеволодич. Именно он в это время выступил организатором походов объединенных дружин на половцев» [11, 148].

В 1182 г. Святослав женил своего сына Глеба на дочери Рюрика. Таким образом князья-соправители стали «сватами».

В летописи Рюрик всегда уравниен со своим соправителем Святославом, но в «Слове» этого не чувствуется. И действительно, только Святослава Всеволодовича «Слово» называет «грозным» и «великим».

Совсем по-другому выглядит Давыд Ростиславич (1140—1197 гг.).

Он тоже возглавлял многие княжества в разное время (дважды был в Новгороде, по одному разу в Торжке, в Витебске, в Вышгороде, а в Смоленске — с 1180 г. и до конца своих дней). Находился в неприязненных отношениях с Андреем Боголюбским, по требованию которого вынужден был уезжать в Галич, где княжил Ярослав «Осмомысл».

Отрицательно зарекомендовал себя Давыд в событиях 1176 г., когда он опоздал («не притяг») прийти на помощь войскам Рюрика, оборонявшим от половцев южные районы Руси. В результате русские войска потерпели жестокое поражение, погибло и попало в плен много бояр, а князья укрылись в г. Ростове.

После этого Святослав Всеволодович потребовал от Романа Ростиславича, старшего из Ростиславичей, бывшего в 1177 г. великим киевским князем, суда над Давыдом. «Того же лета, — сообщает Ипатьевская летопись под 1177 г., — Святославъ поѣха к Киевоу молвяше же Романови Святослав брате я не ищю под тобою ничего же, но рядъ нашъ такъ есть оже ся князь извинить, то въ волость, а моужь оу головуу, а Давыд виноват». «Он же (т. е. Роман. — А.З.) того не створи», то есть никаких мер к Давыду не принял.

Обида Святослава на Давыда за этот его проступок долго не проходила. Спустя три года Святослав охотился на левобережье Днепра и обнаружил Давыда, который тоже охотился по Днепру. Святослав напал на него, но Давыд сумел уйти невредимым.

Особенно плохо показал себя Давыд Ростиславич весной 1185 г. после поражения войск Игоря.

Когда половцы осадили Переяславль, то княживший там Владимир Глебович послал нарочных к великому киевскому князю Святославу Всеволодовичу, а также к Рюрику и Давыду с просьбой оказать срочную военную помощь. Святослав обратился к Давыду, чтобы тот выступил против половцев («а поеди, брате, постережи земле Руские»). Давыд пришел к Днепру и стал у г. Треполя, но на помощь Переяславу не пошел. Смоленяне собрали вече и заявили: «уже ся есмы изнемогле» (Ипатьевская летопись под 1185 г.). Давыд пошел на поводу у своей дружины, а может быть и сам инициировал такое решение, что было в его духе. Нельзя исключать полностью и того, что нежелание Давыда воевать с половцами было вызвано его женитьбой на знатной половчанке — дочери хана Билюка.

Святослав и Рюрик, прождав напрасно два дня подхода войск Давыда, не успели оказать помощь г. Рымову, который в результате этого был взят половцами.

«Давыд, — пишет Б.А.Рыбаков, — «главный отрицательный герой «Слова о полку Игореве», вероломно оставивший русские полки и ускакавший со своими смоленскими дружинами домой в момент решительного наступления всех русских сил летом 1185 г.» [8, 93]. Давыд своим уходом обнажил стратегически важную переправу [брод] через Днепр близ Треполя. Б.А.Рыбаков характеризует Давыда как эгоистичного и вероломного князя, а поведение его называет «неслыханной военной изменой», и считает, что она была не случайной, а явилась продолжением подобных его действий 1177 года.

Перед кончиной Давыд постригся в монахи, поэтому так благосклонна к нему летопись, отмечающая, что он «бе крепок на рати, всегда бо тосняшеться на великая дела», «любя дружину».

Противоположную характеристику братьям автор «Слова» дает еще раз, когда вспоминает «старого Владимира»:

«Того старого Владимира
не льзе бѣ пригвоздити
къ горамъ Киевскимъ:
Сего бо нынѣ стаща
стызи Рюриковы, а дружини Давыдовы;

нѣ рози нося имь хоботы пашуть,
копа поють на Дунай» [3, 37].

Несмотря на непоправимо испорченный текст, понятно, что речь идет об отсутствии согласия между братьями, у которых по-разному поют копыя, и в разные стороны развеваются их знамена.

«Современникам, — писала В.П.Адрианова-Перетц, — такого намека было достаточно, чтобы понять, насколько важно было напомнить о тяжелых для Русской земли последствиях княжеских распрей. Потому-то и вспомнил об этой розни автор сразу после горестного восклицания: «О, стонати Руской земли, помянувшу пръвую годину и пръвых князей!» [1, 169].

В отличие от Давыда Рюрик в 1185 г. форсировал Днепр и пошел против половцев. Таким образом, благородное дело «старого Владимира» продолжал только лишь один Рюрик.

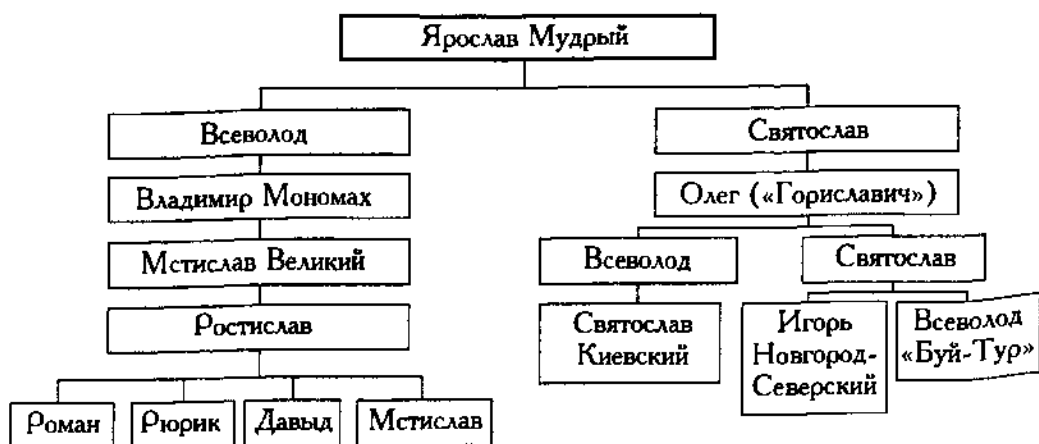
Автор «Слова» призывал Рюрика и Давыда «вступить в злат стремя за обиду сего времени, за раны Игоревы».

Эпитет «золотой» постоянно относится в «Слове» к атрибутам княжеской власти («злат стол», «злат стремя», «злаченые шеломы», «златоверхий терем»). Фраза вступить в «злат стремя» превратилась в русском языке в устойчивое выражение и означала «выступить в поход». Это выражение очень понравилось великому русскому поэту Сергею Есенину, который воскликнул: «Злат стремя! Вот где точности и красоте учиться!».

Под «обидой сего времени» автор «Слова» подразумевал поражение войск Игоря от половцев и вторжение их на Русскую землю. Что касается ран Игоря, то он действительно был ранен в бою, но автор «Слова» имеет в виду опять же поражение его войск.

Таким образом, неправы те исследователи, которые полагают, что не совсем ясен смысл слов, обращенных автором «Слова» к Рюрику и Давыду [10, 508]. Обращением к Рюрику и Давыду автор «Слова» решал задачу, стоявшую в тот момент перед Русской землей: «Загородить Полю ворота» и прекратить княжеские междоусобицы.

Краткая родословная Ростиславичей и Ольговичей

ЛИТЕРАТУРА:

- [1] Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. — Л., 1968.
- [2] Горбачевич К.С. Русский язык. Прошлое—настоящее—будущее. — М., 1984.
- [3] Ироническая повесть о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. — М., 1800 (репринт., изд.).
- [4] Косоруков А.А. Гений без имени. — М., 1986.
- [5] Лихачев Д.С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. — М.—Л., 1950 (литератур. памятники).
- [6] Перетц Владимир. Слово о полку Игореве. Памятка феодальной Украины—Руси XII вѣку. — Киев, 1926.
- [7] Рубцов С.С. Слово о полку Игореве. Перевод. Комментарии. Иллюстрации. — М., 1997.
- [8] Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. — М., 1971.
- [9] Стеллецкий В.И. Примечания // Слово о полку Игореве. — М., 1965.
- [10] Творогов О.В. и Дмитриев Л.А. Примечания // Слово о полку Игореве. — Л., 1967. (Биб-ка поэта. Бол. серия. 2-е изд.).
- [11] Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. — Киев, 1987.
- [12] Югов А.К. Пояснения к переводу // Слово о полку Игореве. — М., 1970.

Памяти Олега Михайловича Рапова,
моего учителя, посвящается

А.П.Пятнов

Рюрик Ольгович Черниговский: мифический персонаж или реальный политический деятель XIII века?

История Черниговского княжества в XIII веке до сих пор имеет целый ряд белых пятен и спорных моментов, не раскрытых в историографии. Одним из таких «белых пятен» является личность Рюрика Ольговича, вокруг которой исследователями было сломано немало копий.

Весь вопрос состоит в том, кто же был черниговским князем в 1210–1212 годах в период борьбы за киевский стол Всеволода Святославича Чермного? У В.Н.Татищева упоминаются Олег Святославич и Рюрик Ольгович¹. Первый никак не мог им быть, поскольку скончался в 1204 году, после чего великим князем черниговским стал его брат Всеволод Святославич Чермный. На рассмотрении личности второго остановимся чуть ниже.

У Всеволода Святославича Чермного было еще два брата: Глеб и Мстислав. Глеб Святославич стал черниговским князем в 1212 году, сменив умершего Всеволода Чермного². П.В.Голубовский предполагал, что во время княжения в Киеве Всеволода Чермного Глеб владел Переяславлем-Русским³.

Мстислав Святославич, по всей видимости, княжил на черниговском столе уже после вскоре умершего брата⁴. Он упоминается в летописях под 1219 годом⁵, а затем среди участников битвы на Калке, в которой он и погиб 31 мая 1223 г.

Таким образом, ни Глеб, ни Мстислав не правили в Чернигове в 1210–1212 годах.

Ответить на поставленный вопрос помогает работа Р.В.Зотова, в которой ав-

тор, введя в научный оборот данные Любецкого синодика, попытался реконструировать генеалогию черниговских Святославичей и политическую историю Черниговской земли. Среди упомянутых в синодике лиц его внимание привлекла личность Константина Ольговича⁶, князя, не проходившего ни по каким летописным источникам. Сопоставляя данные синодика и «Истории Российской» В.Н.Татищева, Р.В.Зотов пришел к обоснованному выводу о том, что под именем Константина Ольговича указан Рюрик Ольгович, упоминаемый у Татищева в качестве черниговского князя под 1212 годом⁷.

Рюрик Ольгович являлся племянником Всеволода Чермного, сыном его старшего брата великого князя черниговского (1202–1204) Олега Святославича.

Р.В.Зотов достаточно убедительно объяснил причины занятия им черниговского стола в 1210 году: «Вопрос, может быть, в том, почему же Глеб Святославич не занял черниговского стола раньше Рюрика Ольговича, после утверждения Всеволода Чермного на киевском? Потому что в это время Ольговичи, по миру с Всеволодом Юрьевичем, получили Южную Русь окончательно в свое распоряжение, как они и думали, и были вправе так понимать обстоятельства... Старший Ольгович получил Киев, следующие за ним по старшинству князья получают различные киевские уделы, а более молодые по родовой лестнице князья — черниговские уделы»⁸. Именно получение Ольговичами Киевской и, воз-

можно, Переяславской земли в свое владение сделали возможным появление на черниговском столе не брата Всеволода Черного, а его племянника.

Идентичность имен великого князя киевского Рюрика Ростиславича и Рюрика Ольговича привела к появлению серьезных проблем при анализе летописных источников, поскольку первоначальное «седе Всеволодь паки в Киеве, а Рюрикъ Чернигове» Лаврентьевской летописи (точнее, ее протографа) трансформировалось в более поздних летописях в точное указание на Рюрика Ростиславича как на черниговского князя. Однако представитель смоленской ветви Рюриковичей великий князь киевский Рюрик Ростиславич черниговским князем не был и, более того, не мог принимать участия в политической жизни Руси после 1210 года, поскольку скончался 19 апреля 1210 года⁹.

По всей видимости, Рюрик Ольгович правил в Чернигове вплоть до бегства из Киева Всеволода Черного (лето 1212 года), после чего отправился в свой удел в Чернигово-Северской земле. О его земельных владениях источники ничего не сообщают.

Д.Н.Александров предположил, что Рюрик Ольгович был соправителем Всеволода Черного в 1210–1214 гг.¹⁰, однако с этим предположением трудно согласиться. Во-первых, отсутствие имени Рюрика Ольговича в летописных текстах, касающиеся бегства Всеволода из Киева и заключения мира с Глебом Святославичем свидетельствует о том, что Рюрик уступил Чернигов Всеволоду Черному сразу, как только последний вернулся туда. Во-вторых, смерть Всеволода Черного следует относить к 1212, а не к 1214 году.

А.А.Горский высказал мнение о несостоятельности выводов Р.В.Зотова и отнес княжение Константина Ольговича к 1223–1225 годам, считая, что он должен был занять черниговский стол по родовому старейшинству после Мстислава Святославича¹¹. Это предположение представляется нам необоснованным, поскольку Всеволод Черный в 1210 году стремился как раз видоизменить эту систему родового старей-

шинства, распространить ее на другие территории «Русской земли» и тем самым укрепить влияние Ольговичей во всей Южной Руси. Следовательно, его братья должны были находиться рядом с ним, владея уделами в Киевской и, возможно, Переяславской землях. Кроме того, никаких упоминаний о черниговском князе Константине Ольговиче в 1223–1225 годах в источниках нет.

Остановимся теперь на летописном сообщении о смерти «Рюрика Ростиславича киевского, княжа Чернигове». Оно представляет наибольшую трудность для интерпретации, если учесть, что различные летописи датируют его и 1214, и 1215, и 1216, и даже 1218 годами¹².

Мы не можем однозначно ответить на вопрос, как должно было звучать это сообщение изначально, но вполне вероятно, что эта могла быть информация о смерти бывшего князя черниговского Рюрика Ольговича, наложившаяся на личность Рюрика Ростиславича Киевского — единственного известного переписчика князя с таким именем в это время.

Таким образом, в 1210–1212 годах в Чернигове княжил Рюрик Ольгович — сын великого князя черниговского (1202–1204) Олега Святославича и внук великого князя киевского Святослава Всеволодича. На черниговском столе он был фигурой в чем-то случайной, и занял его в обход своих старших родственников. Во-первых, этому способствовало то, что его дядя Всеволод Святославич Черный укрепился в Киеве. Во-вторых, стремление Всеволода Черного закрепить за Ольговичами южнорусские владения в Киевской и, возможно, Переяславской землях заставило его перевести туда своих братьев, вследствие чего черниговский стол оказался вакантным.

Рюрик Ольгович не оставил яркого следа в истории, но это не может быть основанием для утверждения, что он — «личность мифическая».

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Татищев В.Н. История Российская. Т. 3. — М., 1995. С. 185.

- ² ПСРА. Т. 20. Ч. 1. — СПб., 1910. С. 147; Т. 23. — СПб., 1910. С. 64; Т. 28. — М.-Л., 1963. С. 46.
- ³ Голубовский П.В. История Северской земли до половины XV столетия. — Киев, 1881. С. 180.
- ⁴ Мы не разделяем предположения О.М.Рапова и Д.Н.Александрова о совместном правлении в Чернигове Глеба и Мстислава Святославичей за неимением убедительного подтверждения этому в источниках.
- ⁵ ПСРА. Т. 10. — М., 2000. С. 86.
- ⁶ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. — СПб., 1892. С. 45—66.
- ⁷ Татищев В.Н. Ук. соч. Т. 3. С. 185.
- ⁸ Зотов Р.В. Ук. соч. С. 64—65.
- ⁹ Пятнов А.П. Борьба за киевский стол в 1210-е гг.: спорные вопросы хронологии / Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002, № 1 (7). С. 83—86.
- ¹⁰ Александров Д.Н. Феодалная раздробленность Руси. — М., 2001. С. 185.
- ¹¹ Горский А.А. Русские земли в XIII—XIV вв.: пути политического развития. — М., 1996. С. 8—9.
- ¹² ПСРА. Т. 28. — М.-Л., 1963. С. 46; Т. 23. — СПб., 1910. С. 64; Т. 20. Ч. 1. — СПб., 1910. С. 148; Т. 1. — М., 1997. Стб. 438; Т. 25. — М.-Л., 1949. С. 110; Т. 7. — М., 2001. С. 119; Т. 10. — М., 2000. С. 69; Т. 18. — СПб., 1913. С. 48; Т. 2. — СПб., 1843. С. 334.

А.В.Журавель

О возникновении Новгородского посадничества

К сожалению для историков, представления средневековых людей о важном существенно отличались от современных. Поэтому летописцы исправно заносили в свои труды сведения о постройке церквей, о стихийных бедствиях и небесных знаменьях, но умалчивали о вещах, на наш нынешний взгляд, куда более серьезных. В итоге о многих поворотных моментах в истории нам практически ничего не известно, и потому приходится реконструировать их на основании косвенных данных, очень приблизительно и очень общо.

Одним из таких сюжетов является история возникновения посадничества в Новгороде. В письменных источниках о появлении его прямых сведений нет, однако на основании данных сфрагистики, как это показал В.А.Янин, можно говорить о возникновении этого социального института в конце XI в.: именно к этому времени относится самая ранняя посадничья печать, принадлежащая Евстафию-Завиду. В.А.Янин предложил такое объяснение: в связи с тем, что в 1088 г. в Новгороде на княжение сел 12-летний Мстислав, внук киевского князя Всеволода Ярославича, в помощь этому юному князю и был поставлен посадник из числа новгородцев, который сохранил свои полномочия и в период, когда Мстислав повзрослел [27, 54–62].

Никакой альтернативы такой трактовке предложено не было, хотя с точки зрения формальной, позиция В.А.Янина кажется уязвимой: какие причины могли вызвать появление посадника из числа новгородцев, если сам присланный из Киева князь Мстислав, как и все его князья-предшественники, был именно посадником, о чем свидетельствуют многие источники и на что

обращает внимание сам В.А.Янин? Разве может малолетство князя считаться достаточным основанием для появления, так сказать, со-посадника, если Мстислава наверняка сопровождали опытные бояре, посланные его отцом, Владимиром Мономахом, как раз с целью управлять в первое время Новгородской землей и обучать этому юного князя? Такое основание может появиться только в том мало вероятном случае, когда одновременно и сам князь, и сопровождающие его бояре окажутся в силу каких-то обстоятельств не дееспособными, но при этом не отстраненными от власти в результате переворота. Вообразить такую чрезвычайную ситуацию очень трудно.

Тем не менее, введенный недавно в научный оборот источник описывает именно такую ситуацию и подтверждает в главных чертах правоту В.А.Янина. Речь идет об опубликованной А.В.Назаренко проповеди, написанной в 20-е гг. XII в. по заказу кельнского монастыря св. Пантелеймона, которая гласит:

«Арольд, король народа Руси, который жив и сейчас..., подвергся нападению медведя, распоровшего ему чрево так, что внутренности вывалились на землю, и он лежал почти бездыханным, и не было надежды, что он выживет. Находясь в болотистом лесу..., он подвергся... нападению медведя и был изувечен свирепым зверем, так как у него не оказалось под рукой оружия и рядом не было никого, кто мог бы прийти к нему на помощь. Прибежавший на его крик, хотя и убил зверя, но помочь королю не смог, ибо было уже слишком поздно. С рыданиями на руках донесли его до ложа, и все ждали, что он испустит

дух. Удалив всех, чтобы дать ему покой, одна мать осталась сидеть у постели, помутившись разумом, потому что, понятно, не могла сохранить трезвость мысли при виде таких ран своего сына».

Через несколько дней королю является образ святого Пантелеймона, который обещает ему исцеление и приводит его в чувство. «Обрадованная мать дает обет совершить паломничество в Иерусалим, и в тот же день пришел некий юноша, совершенно схожий с тем, которого король увидел в своем видении, и предложил лечение: применив его, он вернул мертвому, вернее, безнадежно больному — жизнь, а мать с радостью исполнила обет благочестивого паломничества» [8, 65–66].

Как совершенно справедливо заключил А.В.Назаренко, речь идет здесь о Мстиславе Владимировиче и его матери Гиде Харальдовне, причем события эти происходят в Новгороде [8, 66–67]. Княжил же Мстислав там очень долго — с примерно 1088 г. до марта 1117 г., с двухлетним перерывом, который исследователями датируется либо 1093–1095 [6, 66–67], либо 1094–1096 гг. [27, 50–51].

По мнению А.В.Назаренко, данное происшествие случилось между весной 1097 и 1099 гг. Основания этому следующие. Мстислав, женившийся в 1095 г. на шведке Христине, второго своего сына Изяслава крестил под именем «Пантелеймон», что является недвусмысленным указанием на то, что чудесное исцеление князя к тому времени уже произошло. Поскольку стар-

ший сын Всеволод получил крестильное имя «Гавриил», А.В.Назаренко полагает, что происшествие случилось в промежутке между рожденьями Всеволода и Изяслава.

При этом А.В.Назаренко сомневается в достоверности всех татищевских датировок (женильбы в 1095 г., рождения Изяслава «ок. 1096»), а заодно отвергает и факт рождения Юрия Долгорукого в 1090 г.: поскольку Юрий родился от второго брака Владимира Мономаха, то и исцеление Мстислава, и смерть его матери Гиды должны были произойти еще раньше. Однако иметь сыновей и назвать одного из них Пантелеймоном Мстислав никак не мог раньше 1091/1092 гг., поскольку сам родился в 1076 г. В силу того, что «между 1091/1092 г... и появлением на свет Юрия должны были произойти следующие события: несчастный случай с Мстиславом, его выздоровление, паломничество Гиды в Иерусалим, ее смерть, новая женильба Мономаха», его рождение не могло произойти ранее 1095 г. Здесь А.В.Назаренко ссылается на В.А.Кучкина, уже сделавшего аналогичный вывод на основании следующего свидетельства: в 1151 г. старик Вячеслав Владимирович, тоже сын Гиды, говорит претендующему на Киев Юрию: «се язъ тебе старѣи есмь не маломъ, но многомъ: азъ оуже бородатъ, а ты ся еси родилъ». Учитывая, что в 1090 г. даже старший из Мономашичей был в отнюдь не «бородатом» возрасте (14 лет!), такой довод кажется неопровержимым. «Далее, зная дату рождения одного из

Таблица 1

Имя	Рождение	Женильба	Возраст
Святослав Ярославич	1027	1044*	17
Владимир Всеволодич	1053	1072*	19
Мстислав Владимирович	1076	1095	19
Андрей Владимирович	1101	1117	16
Владимир Мстиславич	1131	1150	19
Владимир Глебович	1158	1179	21
Ростислав Рюрикovich	1174	1188	14
Константин Всеволодич	1185	1195	10

* Предположение А.В.Назаренко (Назаренко А.В. О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // «Отечественная история», 1994. № 4–5).

сыновей Мономаха от второго брака — Андрея (1102 г.), и принимая в расчет, что и Юрий, и, видимо, Роман были старшими братьями Андрея от той же матери, получаем дату женитьбы Мономаха на «Гюргеовой матери» — не ранее 1099/1100 г. Следовательно, Гида умерла никак не позднее 1099 г.» Поскольку в промежуток 1092—1094 гг. (время до ухода Мстислава из Новгорода) вышеназванные события не укладываются, то их, по А.В.Назаренко, следует отнести к 1097—1099 гг., после возвращения Мстислава в Новгород и победы его над Олегом Святославичем [8, 68—70; 6, 68—69; 12, 430].

К сожалению, столь тщательное обоснование нельзя признать убедительным. Ложной является сама предпосылка А.В.Назаренко: из того, что первого своего сына Мстислав окрестил Гавриилом, а не Пантелеймоном, вовсе не следует, что «чудо св. Пантелеймона» не могло произойти до рождения Всеволода, т. е. еще в 1088—1094 гг., поскольку наречение и крещение младенцев по христианским обычаям должно происходить через 7 и 40 дней после рождения, а имя должно даваться не произвольно, а в соответствии с тем, что имеется в святцах [3, 365]. Летописные же свидетельства того времени (см. таблицу 1) позволяют заключить, что князья крестили своих детей именами тех святых, которые в святцах иногда предшествуют, но обычно следуют за днем рождения на сравнительно небольшое число дней.

Единственным исключением является крестильное имя Ростислава (Михаила) Рюриковича, родившегося на рассвете, в пятницу вербной недели 6681 г. [12, 567]: в марте-апреле, на которые всегда приходится вербная неделя, нет дней, посвященных Михаилу. Однако «неправильное поведение» Рюрика Ростиславича станет вполне понятным, если принять во внимание, что пятница вербной недели в 1174 г. приходится на 15 марта, а 14 марта 1167 г. умер его отец и дед новорожденного Ростислав (Михаил) Мстиславич [1, 178]! То есть именно столь редкое совпадение стало причиной того, что ребенка окрестили вопреки церковным правилам. Поэтому

крестильные имена Всеволода и Иязслава Мстиславичей свидетельствуют лишь о том, что первый родился в марте (около 26 числа), а второй — в середине июля (день Пантелеймона — 27 июля) или в тот же день, когда Мстислав пришел в сознание после ранения.

Не доказательными при ближайшем рассмотрении оказываются и попытки перенести рождение Юрия Долгорукого на самый конец XI в.

1) Ничем иным, как полемическим преувеличением, следует считать слова примерно 70-летнего Вячеслава Владимировича о своей «бородатости» в момент рождения Юрия: обиженный своим младшим братом Вячеслав этим хотел лишь напомнить Юрию о неосновательности его претензий на киевский стол. Видеть в этом прямое опровержение датировки В.Н.Татищева опрометчиво.

2) Если второй брак Владимира Мономаха состоялся в 1099 г., то получается, что Юрий родился в 1100 г., а женился уже 12 января 1107 или 1108 г.², т. е. 7 или 8 неполных лет! Если даже внести возможные хронологические поправки в расчеты А.В.Назаренко (победу Мстислава над Олегом и вместе с ней ранение Мстислава отнести к 1096 г.), то и в этом случае возраст женатого Юрия удастся удлинить лишь на 1 год: 1 год займет ранение и выздоровление Мстислава, 2-й год — паломничество в Палестину; 3-й год — смерть Гида и новая женитьба Мономаха; начало 4-го года — рождение Юрия. В 3 полных года эти события удастся «уложить» лишь потому, что Гида, согласно синодику кельнского Пантелеймонова монастыря, умерла 10 марта [8, 68], а Юрий родился в апреле месяце. В действительности все могло длиться и дольше, поскольку совсем не очевидно, что Гида умерла сразу по своем возвращении из Палестины. Имеющиеся же данные о женитьбе на Руси молодых князей не утешительны для А.В.Назаренко: последние из названных в таблице 2 наиболее молодые женихи стали таковыми благодаря заботам Всеволода Юрьевича, сначала выдавшего за Ростислава свою дочь — «осьми лет», а затем женившего сына на,

вероятно, столь же юной дочери Мстислава Романовича. Для первой половины XII в. такие браки не характерны.

3) Более внимательный разбор данных В.Н.Татищева о рождении Юрия Владимировича заставляет прийти к выводу об их достоверности. Свидетельств таких, взятых, видимо, из разных источников, два: во-первых, прямое сообщение под 6598/1090 г., во-вторых, сообщение под 6665 г., о том, что Юрий умер 15 мая, «пожив 66 лет» [20, 96; 21, 58].

Поскольку в древности был принят счет неполными годами, когда большее единицы, но меньшее 365-ти число дней обозначалось как целый «дополнительный» год³, данную фразу — применительно к современной системе счета — следует понимать: «Юрий умер на 66-м году жизни». Поскольку Юрий праздновал свои именины на Юрьев день весенний (23 апреля) [11, 423], то это означает, что он всего прожил немногим более 65 лет, т.ч. годом его рождения в первоисточнике, на основании которого получено число «66», являясь 6600 г. (6665 — 65 = 6600). Такая дати-

ровка, на 2 года превышающая первую (6598), ясно показывает, что В.Н.Татищев здесь ничего сам не рассчитывал (иначе он исправил бы эту «ошибку»), а просто воспроизводил данные своих источников. Вместе с тем обе эти датировки (6598 и 6600) вовсе не противоречат друг другу, поскольку большая дата дается в календарном стиле, который следует переводить на современный счет, вычитая не 5508, а 5510 лет (6598 — 5508 = 1090; 6600 — 5510 = 1090).

Данный календарный стиль, до сих пор не замеченный исследователями, широко использовался в русском летописании IX—XIII вв., т.ч. выявление подобного рода парных датировок является на самом деле важным средством уточнения или подтверждения хронологии [5].

4) Если верно свидетельство поздней Холмогорской летописи о том, что рождение Андрея Владимировича произошло не 6610, а 6609 г. [16, 40], то датировку Ипатьевской летописи следует считать ультрамартовской, а само рождение — относить к августу 1101 г. В таком случае

Таблица 2

Имя князя	Дата рождения	Святцы
Святополк (Михаил) Изяславич	8.11.1049	8.11
Мстислав (Федор) Владимирович	1.6.1076	8.6
Андрей Владимирович	11.8.1101	19.8
Игорь (Георгий) Святославич	3.4.1151	7.4, 23.4
Всеволод (Дмитрий) Юрьевич	19.10.1154	26.10
Владимир (Петр) Игоревич	8.10.1170	9.10
Константин Всеволодович	18.5.1185	21.5
Юрий (Георгий) Всеволодич	26.11.1188	26.11
Ярослав (Федор) Всеволодич	8.2.1190	8.2, 17.2
Владимир (Дмитрий) Всеволодич	25.10.1193	26.10
Святослав (Гавриил) Всеволодич	27.3.1195	26.3
Иван Всеволодич	18(28).8.1197	29.8
Василий Константинович	7.12.1208	1.1
Всеволод (Иван) Константинович	18.6.1210	24.6
Александр Ярославич	30.5.1220	9, 10.6
Борис Васильевич	24.7.1231	24.7
Глеб Васильевич	2.5.1236	2.5
Дмитрий Борисович	11.9.1253	11.9
Константин Борисович	30.7.1254	29.7
Дмитрий Михайлович	15.9.1298	11.9, 26.10
Александр Михайлович	7.10.1300	22.10

придется сдвинуть на год назад все события, связанные с ранением Мстислава, а само ранение — отнести к 1095—1096 гг., т. е. ко времени, когда Мстислав женился, а затем вел военные действия в Суздальской земле. Сам А.В.Назаренко в своих расчетах такую возможность отвергает, полагая, что ранение должно было произойти лишь после его победы над Олегом Святославичем [8, 76 (прим. 58)].

Однако, во избежание недомолвок, необходимо вновь рассмотреть так и не решенный в литературе вопрос о времени повторного вокняжения Мстислава в Новгороде и его войны с черниговским князем.

Ключевым здесь является вопрос о том, когда же состоялась решающая битва Мстислава и Олега под Суздалем. Вот ее хронология по Лаврентьевской летописи: «И наста Феодорова недѣля поста, и приспѣ Феодорова субота, а Мстиславу сѣдящю на овѣдѣ, приде ему вѣсть, яко Олегъ на Клязьмѣ... Къ Мстиславу же собращася дружина в тѣ день и в другын... Мстислав же ста предъ городомъ, исполчивъ дружину, и не поступи ни Олегъ на Мстислава, ни Мстислав на Олга и стояста противу совѣ 4 дни... И приде Вячеславъ в четвергъ Феодоровы недѣли [в Ипатьевской: по Феодоровой недѣли — А.Ж.], в постѣ. И в пятокъ приде Олегъ исполчивъся к городу...» — и состоялась битва: «се же бысть исходящу лѣту 6604, индикта 4 на полы» [II, 238—239; 12, 229].

Сначала справка: в 1096 г. четверг Федоровой недели приходится на 28 февраля, пятница Федоровой недели — на 29 февраля, а Соборная неделя — на 2 марта; в 1097 г. названные дни — соответственно относятся к 19, 20 и 22 февраля, а кроме того укажем, что на второй неделе поста пятница (предполагаемый день битвы) была 27 февраля.

Главным «календарным» доводом в пользу 1097 г. оказывается как раз упоминаемая в самом начале летописного рассказа Федорова суббота, которую в согласии с принятым ныне обычаем относят к концу Федоровой недели поста. Коль скоро решающие события происходили

после нее, то они должны быть отнесены именно ко 2 неделе поста, которая, как принято думать, приходилась на начало нового года, а не на конец предыдущего, как сказано в летописи. Этот довод заставлял исследователей пренебрегать «мелкими» неувязками вроде указания на «четверг (по) Федоровой недели, в пост» и не задаваться вопросами: почему четверг этот определен относительно Федоровой, а не Сбора, что более естественно для 2 недели поста? зачем рассказчику понадобилось уточнять, что четверг относится к посту, если уже миновала середина второй его недели? Историкам не оставалось ничего другого, как не вникать в буквальный смысл фразы «И наста Феодорова недѣля поста, и приспѣ Феодорова субота, а Мстиславу сѣдящю на овѣдѣ, приде ему вѣсть, яко Олегъ на Клязьмѣ...», согласно которой — при обычном взгляде на порядок проведения великого поста — получается, что Мстислав обедал... целых 6 дней — с понедельника до субботы. Все эти противоречия устранятся сами собой, если принять, что Федорова неделя начиналась с субботы. Тогда оказывается, что битва произошла 29 февраля, в конце ультрамартовского 6604 г., что полностью соответствует данному в конце текста определению: «исходящу лѣту 6604, индикта 4 на полы»⁴.

Этот пример «отступления» от принятых ныне правил проведения великого поста является отнюдь не единственным: представление о том, что великий пост на Руси начинали с субботы или же в некоторых случаях с воскресенья (недели), позволяет решить ряд, казалось бы, не решаемых из-за «ошибок в написании» хронологических задач XI—XII вв., о которых придется подробнее рассказать в другой раз.

Коль скоро борьба Олега и Мстислава за Суздаль происходила именно в 1095—96 гг., то правы оказываются те исследователи, которые датируют повторное вокняжение Мстислава в Новгороде 1095 г., а его уход из Новгорода относят к 1093 г. и ставят его в связь с перераспределением княжеских столов после смерти Всеволода Ярославича в апреле этого года [6, 66—67].

При таком раскладе событий ранению Мстислава в 1095—1096 гг. просто нет места, поскольку в эти годы есть несомненные следы его активной деятельности: в 1095 г. он возвращается из Ростова в Новгород, женится, осенью ведет войну с Олегом, зимой 1096 г. находится в Суздале, 29 февраля сражается с Олегом, в конце лета или осенью шлет письмо к отцу с призывом помириться с Олегом Святославичем⁵. А если так, то и в этом случае хронология высказывается против построения А.В.Назаренко.

Против него говорит и сам текст опубликованной исследователем проповеди. В достоверности ее нет причин сомневаться, поскольку она изобилует подробностями, которые невозможно выдумать («болотистый лес»!). Одной из таких подробностей является поведение матери у ложа раненого сына: «удалив всех, дабы дать ему покой, одна мать осталась сидеть у постели...»⁶. Вопрос: как могла мать удалить прочь от умирающего мужа молодую жену, с которой он прожил лишь 2 года? Фантазировать о плохих отношениях свекрови и невестки или об отсутствии последней по какой-то неизвестной причине вряд ли стоит, естественней думать, что в тот момент у Мстислава еще попросту не было жены.

Здесь нелишне обратить внимание и на другую странность: почему Гида Харальдовна оказалась в Новгороде рядом со взрослым сыном, а не подле мужа, Владимира Мономаха? Опять приходится либо допускать случайное совпадение (приехала в гости, а тут — беда), либо принять более простое и естественное предположение: 12-летний мальчик отправился в нелегкое путешествие в Новгород в сопровождении матери, которая опасалась отпустить своего первенца так далеко от себя и оказалась права в своем предчувствии: вскоре по прибытии их в Новгород мальчик чуть не погиб от столкновения со зверем.

Тогда мы можем с значительной долей уверенности предположить политические последствия этого происшествия: заточение — лишь самая мягкая кара, которая могла ожидать сопровождавших князя и допустивших такую беду Мономаховых

бояр. Надо думать, что новгородцев такой оборот устраивал как нельзя лучше: поскольку в тот момент в Новгороде не оказалось власти — ни князя-посадника, ни способных заместить его Мономаховых бояр, за дело управления должны были взяться сами новгородцы и создать временный орган власти, способный заменить князя и его бояр на период его болезни. При этом нельзя сомневаться в том, что новгородцы всячески старались заслужить доверие княгини и медленно выздоравливавшего Мстислава и сделать так, чтобы через несколько месяцев, когда от Владимира Мономаха должны были прибыть новые бояре, ни Гида, ни Мстислав не возражали против того, чтобы новоиспеченный посадник из новгородцев сохранил часть своих полномочий.

В этой связи особый смысл приобретает знаменитый ответ новгородцев Святополку Изяславичу, попытавшемуся в начале XII в. посадить в Новгороде своего сына: «Аще ли 2 главы имъеть сынъ твои, то пошли и; а сего ны дааъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь...» [11, 276]. То есть «вскармливание» Мстислава новгородцами оказывается не просто некой условной формулой, смысл которой заключен лишь в приверженности новгородцев к известному им издавна князю, а отражением той реальной заботы, которой они окружили юного князя в самый страшный момент его жизни, добившись тем самым его доверия. Смысл этих слов, вероятно, состоит в том, что именно новгородцы составили ближайшее окружение Мстислава и стали его учителями в деле управления Новгородской землей.

Если это верно, то становится понятным, чем не угодил новгородцам Давид Святославич, сменивший Мстислава в 1093 г., и в чем подлинный смысл того договора, что заключил Владимир Мономах с новгородцами в 1095 г. По данным В.Н.Татищева, «Давид Святославич хотя был князь кроткий, милостивый и справедливый, но не мог новгородцом по их непостоянству во всем угодить, выехал в Смоленск и тут остался на княжении, а Изяслава сына Владимировича выслали. Новгородцы же послали ко

Владимиру просить, чтоб им дал сына своего Мстислава из Ростова. Владимир же, согласясь со Святополком, поехал сам в Новгород и Мстиславу из Ростова велел туда ехать. И как прибыли, Владимир, отдав новгородцам Мстислава с тяжкою ротою, что им иного князя не призывать, но содержать его в чести до кончины его, на чем все новгородцы Владимиру и на все его племя по нем крест целовали» [20, 103–104].

Нет оснований сомневаться в достоверности этого свидетельства, тем более что в дальнейшем В.Н.Татищев исчерпывающе объясняет причину усобицы 1095–1096 г. за Муром и Ростов: поскольку Давыд остался в Смоленске, то Владимир велел сыну Изяславу в обмен занять Муром, принадлежащий ранее Святославичам, которые однако, посоветовавшись, решили восстановить статус-кво. Поэтому Давыд попытался вновь сесть в Новгороде, а Олег со смоленскими «воями» отправился возвращать себе Муром...

Однако вернемся к Новгороду. Причина, почему Давыд не мог угодить новгородцам, заключается, конечно, не в их непостоянстве, а в том, что Давыд, привыкший княжить, опираясь на своих бояр, не мог принять ту систему управления Новгородом, что успела сложиться при Мстиславе, при которой «аборигенам» отводилась чрезмерно большая роль.

Поэтому договор 1095 г., который заключил Владимир Мономах с новгородцами при повторном вокняжении Мстислава, обязательно должен был включать себя признание Владимиром новгородского посадничества как постоянного органа власти в Новгороде наряду с князем. Поскольку в ту пору между Мстиславом и новгородцами не было серьезных противоречий, такое признание было приемлемым для Владимира и не предвещало грядущих столкновений, залогом чего и явилась «тяжкая рота» новгородцев быть верными Владимиру и всему его «племени». Такую реконструкцию истории возникновения посадничества следует дополнить еще одной существенной подробностью, ибо печать, которую В.Л.Янин считает принадлежащей посаднику Евста-

фию-Завиду, содержит не востребованную еще историками информацию.

Как известно, на одной стороне ее изображен святой Федор, небесный покровитель Мстислава, что подтверждает греческая надпись «ΑΓΙΟΣ ΘΕΟΔΩΡΟΣ». На другой ее стороне написано: «ΠΡΩΤΟ-ΠΡΟΕΔΡΟΝ ΕΥΣΤΑΘΙΟΝ ΜΕ ΣΚΕ-ΠΕ» [24, 64, 288]. Перевод В.Л.Янина («воззри на мя, протопроедра Евстафия» [24, 64]), не вполне точен, ибо последние два слова означают не «воззри на меня», а «защити (сохрани) меня» [2, 1134].

Важнее, впрочем, другое: слово «ΠΡΩ-ΤΟΠΡΟΕΔΡΟΣ», означающее буквально «первопредседатель» [2, 1099, 1052], как отмечает сам В.Л.Янин, употреблялось в Византии XI в. для обозначения для членов неофициального совета при императоре, причем, по его же предположению, аналогичный совет существовал и при патриархе [24, 44–46]. С другой стороны, наличие «протопроедра» (первопредседателя) предполагает наличие и просто «проедров» (председателей), т. е. существование совета, на котором обладатель этого титула мог председательствовать. «Греческо-русский словарь» А.Д.Вейсмана прямо фиксирует: «ΠΡΟΕΔΡΟΣ» — «председатель; οί προεδροι в Афинах председатели совета и народного собрания, числом 9» [2, 1052].

Поэтому есть все основания думать, что в Новгороде в начале княжения Мстислава был не просто поставлен посадник из новгородцев, управлявший городом единолично, опираясь в этом деле лишь на тиунов и прочих членов своей челяди, но возник именно совет «проедров»-посадников, из которых «протопроедр» был лишь первым по достоинству, что и было увековечено названной печатью. Такое предположение помимо «психологического» обоснования — посадник-временщик, не связанный организационно со всей новгородской общиной, не мог бы продержаться у власти долго — имеет еще одно косвенное подтверждение: сфрагистике кроме печатей протопроедров Евстафия и Ефрема известны печати русских проедров Николая и Константина [24, 48–49], что указывает хождение на Руси и такой «краткой» формы.

Подведем промежуточный итог: из-за недееспособности тяжело раненого Мстислава и отстранения от дел его бояр знатнейшие новгородцы, возглавляющие городское вече, а также, вероятно, епископ Герман образуют при князе своего рода ближнюю думу, пользующуюся полным его доверием, фактически управляющую Новгородом, но не имеющую при этом официального статуса, т. е. не признаваемую в качестве таковой киевским князем. В 1093 г., после удаления Мстислава из Новгорода совет «проедров» начинает борьбу за свое существование с новым князем Давыдом и через 2 года добивается победы: Давыд был изгнан, «вскормленный» новгородцами Мстислав вернулся в Новгород, а право совета посадников на существование было официально признано Владимиром Мономахом при заключении договора 1095 г. Во всяком случае та непреклонность, с которой новгородцы затем отстаивали своего князя перед лицом Святополка, убедительно доказывает, что этот орган власти при новом княжении Мстислава продолжал действовать. В противном случае Мстислава вскоре постигла бы участь его предшественника, а уж противиться воле киевского князя новгородцам было бы тогда незачем.

Из этого следует: 1) упоминаемые в списке посадников следом за Остромиром Завид (по В.А.Янину, в крещении Евстафий), Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула [9, 164, 172], вероятно, были — может, не все сразу — членами названного совета; 2) коллеги посадников, возникновение которой В.А.Янин относит к концу XIII — началу XIV в. [26, 21]⁷, предшествовала другая, возникшая около 1088 г., которая, возможно, не имела прямой преемственности с выше-названной, но, вероятно, повлияла как-то на ее организационные формы.

Бурные события в Новгороде после ухода в марте 1117 г. Мстислава и вокняжения его сына Всеволода, видимо, подтверждают существование совета посадников: начиная с 1117 по 1119 г. в Новгороде один за другим умирают 3 посадника (Добрыня, Дмитр Завидич и Коснятин Мосевич), так что

на следующий год нового посадника — Бориса — присылают из Киева [9, 20—21, 204—205]. Это событие было завершением длительного кризиса, охватившего Новгород после вокняжения Всеволода, судить о чем приходится по обрывочному летописному сообщению 1118 г. и дополнению В.Н.Татищева. Обратим сначала внимание на наиболее важную для нашей темы фразу: «прѣставися Дѣмитръ Завидиць посадникъ новѣгородскыи нуля въ 9, посадниция въ 7 мѣсяцъ одину» [9, 21, 204]. Учитывая, что смерть посадника Добрыни действительно произошла за 7 месяцев до смерти Дмитра (6 декабря 1117 г.) [9, 20, 204], следует сделать вывод: до смерти первого оба новгородца посадничали вместе, ибо в противном случае такая оговорка не имела бы смысла. Более того, она свидетельствует о необычности такого одиночного посадничества.

Здесь встает вопрос: что же мешало новгородцам вместо умерших посадников назначить новых и тем самым не создавать кризисной ситуации, которая и возникла со смертью Дмитра? Ответ может быть один: у них не было на это права, что естественно следует из описанных выше обстоятельств возникновения совета посадников: коль скоро этот совет, даже и узаконенный в 1095 г., был создан для помощи князю и с его согласия, то и право пополнения совета принадлежало также князю. Очевидно, что в конце своего княжения в Новгороде Мстислав уже не нуждался в советниках, которым прежде передал часть властных полномочий, и потому перестал пополнять совет, который в силу этого стал попросту вымирать. Поступая таким образом, Мстислав, в планы которого входило вокняжение в «Русской земле», надеялся, что этим сможет восстановить в Новгороде «нормальное» правление и тем самым освободить своего сына Всеволода от «опеки» местных посадников. Поэтому в 1117 г., когда число «проедров» осталось минимальным — лишь 2, Мстислав покинул Новгород.

Как известно, вскоре после смерти последнего посадника Дмитра Завидича новгородцы подвергли «грабежу» неких Даныслава и Ноздрьчу, которые при таком тол-

ковании источников оказываются мужами Всеволода Мстиславича, попытавшимися взять на себя обязанности посадников.

О том, что новгородцы выступили здесь сплоченно, говорит как сообщение Новгородской I летописи, так и свидетельство В.Н.Татищева, который, опираясь на иной источник, сообщает о том, что умалчивает летопись: «Владимир... сам поехал в Ростов и Суздаль и велел лучшим новгородцам быть в Суздаль для утверждения закона, чтобы им впредь, кроме его отродия, на княжение не принимать и дань по уставу Ярославлю платить старейшему наследнику его, хотя он сам в Новеграде не был. Они же, все согласясь, послали людей знатных, которые, пришед ко Владимиру, подписались и клятвою утвердили. Владимир же неколиких отпустил возвратно с записью тою, чтоб все в Новеграде подписались, а других взял собою в Киев, доколе все новгородцы крест на том целовали» [20, 133]. Летопись дополняет: «Томъ же лѣтъ приведе Володнмиръ съ Мъстиславомъ вся бояры новгородскыя Кыеву, и заводи я къ честному хресту, и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то гравнли Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Бтавра и затоци я вся» [9, 21, 205].

Итак, оказывается, что: 1) часть новгородских бояр непосредственно участвовала в «грабеже» Даньслава и Ноздрьчи; 2) с этими действиями были солидарны все новгородцы: недаром Владимир фактически оставил пришедших к нему бояр в заложниках до тех пор, пока все новгородцы не дадут клятву соблюдать заключенные в Суздале соглашения; 3) до этого новгородцы, видя в действиях Всеволода Мстиславича нарушение прежних обязательств, намеревались призвать иного князя, с которым бы, надо думать, непременно оговорили бы права своих посадников; 4) по заключенному договору дань, следующая с Новгорода, предназначалась именно Мстиславу, и потому Всеволод оказывался в положении посадника у своего отца, т. е. как бы уравнивался в правах с посадником из новгородцев, который, вероятно, также был определен в ходе переговоров и который

согласно заключенному договору в дальнейшем должен был утверждаться Владимиром или скорее всего Мстиславом.

Такой вывод следует из того, что после смерти посадника Константина Моисеевича уже в 1119 г. в последующие 10 лет сменилось 4 посадника, двое из которых (Борис — в 1120 г. и Данила в 1129 г. [9, 21–22, 205–206]) прибывали из Киева. Хотя скорее всего они были из числа заточенных ранее Владимиром новгородских бояр, это свидетельствует о том, что новгородцы не имели права самостоятельно назначать посадников из своей среды. С другой стороны, слова о том, что после смерти Владимира Мономаха в 1125 г. «посадиша на столѣ Всеволода новгородци» [9, 21, 205], вероятно, свидетельствуют о том, что и назначение князя-посадника не могло происходить без согласия новгородцев: поскольку с вокняжением Мстислава в Киеве статус Всеволода также поменялся, постольку это должно было получить соответствующее оформление, так что князю пришлось — впервые в истории Новгорода! — получать княжеский стол из рук новгородцев. То есть это летописное свидетельство говорит о том, что назначение посадников в Новгороде (т. е. князя — заместителя Мстислава и посадника из новгородцев⁸) было делом двусторонним — как Мстислава, так и новгородцев, что является несомненным достижением Новгорода в борьбе за свою самостоятельность и источником дальнейших злоключений Всеволода Мстиславича.

Отсюда можно вывести еще 2 заключения. 1). Коль скоро важнейшей чертой нововведений 1118 г. оказывается своего рода паритет Всеволода, посадника Мстислава, и посадника, назначаемого из числа новгородцев, то и возникновение смешанного суда князя и посадника следует отнести не к событиям 1136 г. [28, 34–35], а тоже к 1118 г. 2) Суть всех событий новгородской истории 1117–1136 гг. заключается не в стремлении республиканских боярских органов ограничить княжеское самовластие, как считает В.А.Янин [29, 35]⁹, и не в желании новгородцев освободиться от власти Киева, как думает И.Я.Фроянов [22,

338]¹⁰, а в попытках утвердить в Новгороде династию Мстиславичей. То есть борьба новгородцев со своими князьями была антикняжеской лишь в очень ограниченной степени — лишь постольку, поскольку была направлена против их стремления покинуть Новгород. Изгнание в 1136 г. Всеволода Мстиславича оказывается тем самым не победой, а бедой новгородцев: она окончательно и бесповоротно расколола новгородское общество; она положила начало не принесшей ничего хорошего для Новгорода «вольности в князьях», что на практике сделало новгородское княжение разменной монетой для княжеских династий, борющихся за великое княжение сначала в «Русской», а затем во Владимирской землях.

Но в 1118 г. все виделось иначе. Кажется, найден был компромисс, удовлетворяющий обе стороны: хотя Мстислав и остался в «Русской земле», однако признал Новгород своей отчиной, т. е. местом, где должны княжить его потомки, что было подкреплено повышением статуса посадничества, превратившегося из совещательно-распорядительного органа при князе в совершенно самостоятельный орган власти. Символом достигнутого соглашения, вероятно, должен был стать заложенный в 1119 г. неподалеку от Рюрикава городища, резиденции новгородских князей, Юрьев монастырь [9, 21, 205]¹¹, собор которого сопоставим по размерам с самой Софией, главным новгородским храмом. Соглашение 1118 г. было подтверждено в 1125 г. после вокняжения Мстислава в Киеве: сын его Всеволод, формально оставаясь посадником, получал теперь полные права на новгородскую отчину и потому должен был цело-

вать крест на верность новгородцам. Слова его «хощю у вась у мерети» [9, 22, 207], которые припомнил летописец, рассказывая об уходе Всеволода в 1132 г., без сомнения относятся именно к 1125 г. и включает в себе то необходимое условие, которое бы сделало политическое устройство Новгородской земли хоть и менее своеобразным, но зато более мобильным и мощным.

В заключение нужно вновь вернуться к хронологии, поскольку внимательный читатель наверняка уже заметил одну «неувязку»: коль скоро Юрий Долгорукий родился в апреле 1090 г., то и раннее Мстислава должно было произойти минимум за 3 года до этого, то есть в 1087, а не в 1088 г., как об этом говорится с самого начала.

Вывод о вокняжении Мстислава в Новгороде именно в 1088 г. делается на основании летописных известий под 6596 г. об уходе с новгородского княжения Святополка Изяславича [11, 207; 12, 199]. Очевидно, что Новгород не мог остаться без князя-посадника, а поскольку Мстиславу в этом году уже исполнилось 12 лет, возраст с которого его отец Владимир Мономах, согласно «Поучению», уже начинал свои труды [11, 247]¹², то и догадка о его вокняжении в Новгороде вслед за Святополком является естественной.

Между тем традиционное определение названной даты как мартовской по календарному стилю не является бесспорным, как не является бесспорным априорное убеждение исследователей, что все датировки Повести временных лет без особых на то указаний обязательно следует считать мартовскими [5, 210]. Отсюда следует, что

Таблица 3

Гибель Ярополка Изяславича	6594 Л	6595 И
Освящение церкви Михаила	6596 Л	6596 И
Уход Святополка из Новгорода	6596 Л	6596 И
Освящение Печерской церкви	6597 Л	6597 И
Смерть митрополита Иоанна II	6597 Л	6597 И
Приход митрополита Иоанна III	6597 Л	6598 И
Смерть его	6597 Л	6598 И
Сообщение о Ефреме Переяславском	6597 Л	6598 И
Перенесение мощей Феодосия	6599 Л	6599 И

мнение о вокняжении Мстислава в Новгороде именно в 1088 г. нуждается в обосновании. Анализ смежных с 6596 г. статей в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях обнаруживают следующую картину [11, 206–208; 12, 197–200]. Оказывается, что в Лаврентьевской летописи отсутствуют записи в статьях, при мартовском стиле соответствующих 1087 и 1090 г. В Ипатьевской же летописи преемственность лет соблюдена, причем гибель Ярополка дана в ультрамартовском стиле, что заставляет думать, что и последующие ее сообщения, включая и сообщение о Святополке, также являются ультрамартовскими. В пользу этого свидетельствуют еще 3 обстоятельства: 1) введение пустых статей, как показал Н.Г.Бережков, является одним из обычных способов перехода от мартовского стиля к ультрамартовскому [1, 19–20]; 2) гибель Ярополка Изяславича в 1086 г. делала его брата Святополка старейшим среди внуков Ярослава Мудрого и, значит, давала ему права на вокняжение в Киеве после смерти к тому времени 56-летнего Всеволода Ярославича.

Это заставляло Святополка не задерживаться в Новгороде, а как можно скорее закрепить за собой владения Ярополка в «Русской земле». Коль скоро Ярополк погиб 22 ноября 1086 г., то есть все осно-

вания думать, что Святополк обосновался в Турове уже весной 1087 г. 3) Софийская I и Новгородская IV летописи сообщение о смерти митрополита Иоанна, поезде Янки за новым митрополитом и скорой его кончине помещают под 6596 г. [14, 149; 13, 134]. Поскольку во всех летописях уход Святополка из Новгорода годом предшествует смерти митрополита Иоанна, постольку правильнее это событие датировать 1087 г.

Точно так же решается не принципиальный на самом деле вопрос о возрасте Мстислава в момент его вокняжения в Новгороде. Во-первых, данных, которые позволили бы утверждать, что только по достижении 12 лет князя могли посадить на княжение, не имеется, поскольку одной ссылки на слова Владимира Мономаха, явно недостаточно. Во-вторых, в разных источниках рассыпано достаточно много прямых и косвенных свидетельств (см., в частности, таблицу 3) в пользу того, что события усобицы 70-х гг. XI в. в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях даны в ультрамартовском стиле. Это означает, что Мстиславу, родившемуся, согласно Ипатьевской летописи и В.Н.Татищеву, в 6584 г. [12, 190; 20, 91], в 1087 г., скорее всего, и вправду было 12 лет. Впрочем, это тема особого исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

[1] *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. — М., 1963.

[2] *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. — М., 1991.

[3] *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. I. Ч. 2. — М., 1880.

[4] *Журавель А.В.* Когда на Руси начинался новый год? // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. — М., 2001.

[5] *Журавель А.В.* Лунно-солнечный календарь на Руси: новый подход к изучению // Астрономия древних обществ. — М., 2002.

[6] *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. — М., 1984.

[7] *Линд Дж. Х.* К вопросу о посаднической реформе Новгорода около 1300 г. и датировке новгородских актов // Древнейшие госу-

дарства Восточной Европы. 1995. — М., 1997.

[8] *Назаренко А.В.* Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // «Отечественная история», 1993, № 2.

[9] *Новгородская I летопись старшего и младшего изводов.* — М.—Л., 1950.

[10] *Пронштейн А.П., Данилевский И.Н.* Вопросы теории и методики исторического исследования. — М., 1986.

[11] ПСРА. Т. 1. — М., 1962.

[12] ПСРА. Т. 2. — М., 1962.

[13] ПСРА. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. — Пг., 1915.

[14] ПСРА. Т. 5. — М., 1851.

[15] ПСРА. Т. 23. — СПб., 1910.

[16] ПСРА. Т. 33. — Л., 1977.

[17] *Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII вв. — М., 1988.

[18] *Степанов Н.В.* Единицы счета времени

(до XIII века) по Лаврентьевской и 1-ой Новгородской летописи // ЧОИДР. Т. 4. — М., 1909.

[19] *Степанов Н.В.* Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII в. // ИОРЯС. Т. XX. Кн. 2. — Пг., 1915.

[20] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. — М., 1963.

[21] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. — М., 1964.

[22] *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. — М.—СПб., 1995.

[23] *Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». — Барнаул, 1995.

[24] *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. — М., 1970.

[25] *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. — М., 1988.

[26] *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XV вв. — М., 1991.

[27] *Янин В.Л.* Новгородские посадники. — М., 1962.

[28] *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. — М., 1977.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ «Все новгородские князья раннего времени были посадниками, но не все новгородские посадники были князьями» [26, 47].

² Ср.: [15, 29] (6614 г.) и [11, 282–283] (6615 г.).

³ Иное объяснение такому счету см. [17, 223–224; 10, 71].

⁴ Стоит отметить, что представление о том, будто бы 1 марта является началом древнерусского года, является давним историографическим мифом, не имеющим под собой ровно никакого фактического обоснования [18; 19; 23, 67; 4, 109–110].

⁵ В своем послании Олегу Святославичу, написанном уже после осады Стародуба, т.е. после июня 1096 г., Владимир Мономах прямо ссылается на это письмо Мстислава [11, 257].

⁶ Здесь и ниже курсив мой — А.Ж.

⁷ Серьезные возражения против гипотезы В.Л.Янина представил Дж.Линд [7].

⁸ Летописи, начиная с 1119 г., говорят только об одном новгородском посаднике и не содержат сведений о каком-либо совете. Однако умолчание источников отнюдь не всегда означает отсутствие самого явления: во всяком случае летописные упоминания о посадниках в новгородских пригородах (в Ладоге и Пскове) и назначение по крайней мере одного из них на общеволостном вече [9, 20, 23, 204, 207] вовсе не исключают возможность того, что в XII—XIII вв. все посадники в Новгородской земле объединялись в совет, возглавлявшийся новгородским

посадником, и что такой совет вел свое происхождение от времен Мстислава. Если это предположение верно, то предполагаемая В.Л.Яниным реформа посадничества конца XIII — начала XIV в., сводится к ежегодной смене посадника, выбираемого (?) из числа лиц, входящих в совет.

⁹ Полагаю, что политический строй древней Руси невозможно точно описать посредством терминов «республика» или «монархия» или какого-либо их сочетания.

¹⁰ Полагаю, что новгородцы так же, как черниговцы, смоляне и проч., стремились в ту пору к самостоятельности, а не к независимости.

¹¹ Если это верно, то особый смысл приобретает пожалование в 1130 г. Мстиславом Юрьеву монастырю волости Буице: оно, вероятно, свидетельствует о какой-то «привинности» князей перед Новгородом и их стремлении заглазить эту «вину». Обрывочные свидетельства 6638/1130 г. подпадают и такому их истолкованию: отъезд Всеволода к отцу был или по крайней мере показан новгородцам попыткой повторить то, что совершил в 1117 г. Мстислав, и потому стремление епископа Иоанна оправдать князя вызвало ярость горожан и дорого стоила ему: Иоанн не только был отрешен от должности, но и подвергнут затем посмертному поруганию [9, 22, 206–207; 25, 47–54].

¹² Точнее, Мономах говорит о 13, видимо, неполных годах.

В.В.Дегоев

Российская внешняя политика в доимперский период (X в. — конец XVII в.)

Принято считать, что история внешней политики любой страны начинается с истории государства, коль скоро именно этот цивилизационный институт способен создать упорядоченный механизм общения с ближним и дальним зарубежьем. Стратегия и тактика отношений с окружающим миром предопределяются фундаментальной целью всякого общественного организма — выжить. Преследуя ее, государство не только отвечает на угрозы извне, но и само тяготеет к экспансии, преобразуя внутренние социально-экономические, идеологические и культурные импульсы в осознанную международную политику. Зачастую оно видит лучший способ защиты в наступлении. Со временем растет уровень организации внешней политики, совершенствуется ее дипломатический инструментарий, однако жизненно важная установка на самосохранение остается неизменной, по крайней мере — в качестве задачи-минимум. Похоже, это правило применимо как к раннегосударственным моделям, так и к высокоразвитым постиндустриальным обществам.

Имманентные предпосылки для возникновения и расширения Русского государства коренились в объективных обстоятельствах, сложном и порой экзотическом симбиозе совершенно пагубных и вполне благоприятных факторов, органично дополнявших друг друга. Суровый климат, скудная экономическая база, географическая незащищенность, враждебное окружение, отсутствие выхода к морям — все это являлось одновременно и препятствием к благополучному существованию и, как ни парадоксально, стимулом к выживанию —

тем жесточайшим вызовом судьбы, который, вынуждая искать изобретательные ответы, формировал соответствующий дух народа, воспитывал в нем «жизненный порыв» (если пользоваться терминологией А.Бергсона).

В конечном итоге именно этот «порыв», как разновидность инстинкта самосохранения, определил долгосрочную и не всегда осознанную стратегию спасения, получившую воплощение в том числе и во внешней политике государства.

Киевская Русь IX—XII вв. возникла и эволюционировала в условиях соседства с разноликим миром — племена, союзы племен, государства, империи, представленные пестрой мозаикой этносов, языков, религий и культур. Это была небезопасная, если не сказать агрессивная, среда обитания, постоянно заставлявшая древнерусских правителей искать ответы на ее вызовы в применении оружия. К миролюбию не располагали ни объективные обстоятельства, ни субъективные причины. Киевские князья держали под своим контролем оживленный торговый путь «из варяг в греки» — источник и собственного обогащения, и материального благополучия княжеской дружины. Защита этой «дороги жизни» от посягательств степных кочевников, а также от северных и западных агрессивных соседей становилась чем-то вроде высшего государственного интереса.

Но и сама Киевская Русь была отнюдь не безобидной соседкой для граничивших с ней племенных и политических образований. Воинственные, охочие до добычи и регулярной дани князья нередко действовали в типично экспансионистском стиле. В

первой половине X в. они вели военные кампании в Предкавказье и на северо-западных берегах Каспия. В их намерения входило установление не только (и, быть может, не столько) политического, но и экономического господства над территорией, через которую проходила торговая дорога из Арабского халифата в Европу.

Регулярный характер носили торговые связи Древней Руси с Византией, регламентируемые соответствующими договорами (911, 944 гг.). Это не мешало киевским князьям совершать набеги на империю. Однако грабительский аспект в таких предприятиях сочетался со стремлением защитить права славянских купцов.

Контакты с византийской христианской культурой оказывали все более неотразимое воздействие на языческую Русь, исподволь подготавливая ее к грандиозной духовной революции. Среди киевской политической элиты растет число христианских неопитов, которые, помимо всего прочего, постепенно отказываются от принципов «варварской» дипломатии в пользу «цивилизованной».

Правление князя Святослава (962—972 гг.) ознаменовалось беспрецедентным расширением Русского государства. Он покорил финно-угорские и тюркские племена между Окой и Волгой. Разорил столицу Волжской Булгарии, подчинил Хазарский каганат, нанес поражение войскам могущественного Аланского царства на Северном Кавказе, захватил Тмутаракань. Затем Святослав осуществлял экспансию в западном направлении: он занял Дунайскую Болгарию, где собирався обосноваться сам и даже перенести туда столицу Руси. В военных походах Святослава «имперско-политическая» мотивация уже явно преобладала над сугубо грабительской, хотя экономические соображения тоже играли большую роль: на востоке он хотел быть хозяином волжского торгового пути, а на западе — богатых земель, куда стекались «золото, шелка, вино из Греции; серебро и породистые лошади из Венгрии и Богемии; меха, воск, мед и рабы из Руси». Его завоевания были настолько впечатляющими, что некоторые историки име-

ют Древнерусское государство этого периода «империей Святослава». И есть за что: фактически под властью киевского князя оказалось пространство, заключенное между Финским заливом на севере, Польшей и Венгрией на западе, Византией и Черным морем на юге, Кавказом, Каспием и Волгой на юго-востоке и востоке.

Но именно это обстоятельство не устраивало Константинополь. Византийский император и полководец Иоанн Цимисхий разбил Святослава и вынудил его уйти из Болгарии по мирному договору 971 г. Империя Святослава не пережила своего создателя, разрушившись под ударами не только Византии, но и наступавшего из азиатских степей тюркского племени печенегов. Последние, воспользовавшись ослаблением «хазарского барьера», прикрывавшего Киевскую Русь с востока, прорвались через Волгу, Дон, Днепр и обосновались на обширной территории между Днестром и Уралом, прежде контролируемой Святославом. Печенеги оттеснили русских от Каспия и Черного моря, постоянно угрожая Киеву разбойничьими набегами.

Сдерживание их стало едва ли не главной проблемой для князя Владимира (980—1015 гг.). Он выстроил укрепленную линию на южных границах государства, располагавшихся на расстоянии всего лишь двух дней конного пути от столицы. Засечная система была вполне эффективной, но она не спасла Русь от долгой и трудной борьбы со «степью».

Связи с Византией продолжали развиваться в противоречивом контексте, колеблясь между враждой и партнерством, тем самым напоминая отношения варваров с Римом. Какие бы смешанные чувства ни вызывала у русских князей Византия — восхищение, зависть, алчность, неприязнь — Владимир и окружавшая его властная элита уже созрели до способности оценить и впитать великую византийскую культуру. Принятие христианства (988 г.) символизировало колоссальный духовный и политический переворот в русской истории. Последствия его были неоднозначны. С одной стороны, Русь вроде бы отторгалась от языческих, мусуль-

манских и иудейских народов Востока. С другой, подчеркивая свою принадлежность к христианскому миру, она сознательно отчуждала себя от католического Запада. В новой религии она искала собственную идентичность, которая обеспечила бы определенную степень самостоятельности и независимости, в том числе от той же Византии. Христианство послужило одним из важнейших факторов консолидации общества и, в конечном итоге, образования единого национального государства. Особенность этого государства, кроме прочего, заключалась в том, что оно, обладая отчетливыми признаками самостоятельной цивилизации, никогда не было до конца изолировано ни от восточных, ни от западных соседей, столь непохожих друг на друга.

С принятием христианства возросла роль духовно-культурной составляющей внешней политики Киевской Руси. Древнерусские князья стали проникаться чувством принадлежности к «цивилизованному» миру — не только византийскому, но и европейскому. Это сопровождалось установлением более или менее регулярными отношениями с западными странами, приобщением к их дипломатическим обычаям и нормам, плодотворными культурными взаимодействиями и взаимопознанием.

Расцвет Киевской Руси при Ярославе Мудром (1019—1054 гг.) нашел отражение и в ее внешней политике. При нем была предпринята последняя (неудачная) военная кампания против Византии, после чего отношения с ней приобрели устойчивый доброжелательный характер. Ярослав нанес поражение печенегам (1037 г.), обеспечив на ближайшую четверть века относительное спокойствие на южных рубежах своего государства, пока не появились половцы. Яркие успехи христианства, культуры и государственности подняли авторитет Киевской Руси в глазах Европы, которая начинает воспринимать ее как достойное пополнение «цивилизованного» международного сообщества Раннего Средневековья. Установление с ней династических (а значит и политических) связей уже не считалось мезальянсом. Во времена Ярослава эти связи простирались

чуть ли ни на весь европейский континент: Венгрия, Польша, Богемия, Германия, Швеция, Норвегия, Франция. Опальные венгерские, норвежские и даже английские аристократы находили прибежище в Киеве, поражавшем иностранных современников архитектурным блеском, неожиданно высокой «урбанической» и духовной культурой.

Цивилизационное сближение с «Западом», представлявшим собой конгломерат молодых «варварских королевств» нисколько не повлияло на сущность внешнеполитических задач Киевской Руси, стремившейся установить и защитить свои границы, стать самостоятельным субъектом международных отношений и использовать все преимущества, вытекающие из этого статуса. Однако с известной осторожностью можно констатировать появление неких правил общения между христианскими государствами. Отнюдь не отменяя войну, эти правила, вместе с тем, повышали эффективность дипломатии как способа сдерживания анархии внутри европейской международной системы. О том, что древнерусские князья говорили со своими западными собратьями-королями на одном, дипломатическом языке, свидетельствовали взаимные признания суверенных прав друг друга на определенную территорию и ее население.

Конфессиональное размежевание Киевской Руси с языческим, исламским и иудейским Востоком мало что меняло в модели их взаимоотношений. «Степь» — в лице печенегов и половцев — по-прежнему наступала, а «лес» держал изнурительную оборону. Углубление духовно-религиозных различий сокращало и без того ограниченные возможности долгосрочных компромиссов, что автоматически умножало угрозы безопасности Древнерусского государства. Беспрестанная борьба с этими угрозами, отягощенная внутренними центробежными процессами, ослабила Киевскую Русь перед лицом нарастающего внешнего, «степного» давления.

После Ярослава Мудрого это давление и внутренние усобицы ускорили распад Киевской Руси, изначально вызванный

цельм рядом социально-экономических и политических причин.

При Владимире Мономахе (1113—1125 гг.) и его сыне Мстиславе (1125—1132 гг.) страна пережила короткий ренессанс. В том числе и на международной арене, о чем говорят упрочившиеся союзные отношения с Византией, успешные войны против Венгрии, Польши, Волжской Булгарии, но главное — против половцев. Однако все эти войны — как правило, кровопролитные и разрушительные — крайне истощили Киевскую Русь, способствовали ее разделению на уделы и последующему ослаблению.

* * *

С утратой государственного единства в удельный период нарушается и целостность внешней политики. Три самых крупных преемника Киевской Руси — Галицко-Волынское, Новгородское и Владимиро-Суздальское княжества (не считая более двух сотен мелких феодальных образований) — имели уже не столько общие, сколько свои собственные дипломатические задачи, которые во многом обуславливались ожесточенными междоусобицами. С середины XII до середины XIII вв. галицко-волыньские князья небезуспешно отстаивали свою политическую самостоятельность в тяжелой борьбе с венграми, поляками, литовцами, половцами (впрочем, как и друг с другом). Признанием их высокого международного авторитета явились неоднократные предложения союза, поступавшие и от Византии, и от Римского папы. Правление Даниила (1221—1264 гг.) знаменовало некую кульминацию русско-западного сближения: князь принял от верховного понтифика королевскую корону и породнился — через женитьбу своего сына Романа — с австрийским правящим домом.

Монгольское нашествие нанесло княжеству непоправимый урон — политический, экономический, моральный. Приблизительно до середины XIV в. страна находилась под номинальной властью монголов, раздираемая непрестанной борьбой между князем и боярской олигархией, испытывая растущее давление западных со-

седей. В 1340-е годы Волынию захватила Литва, а Галиция — объект острого польско-венгерского соперничества — в конце концов досталась Польше (1387 г.).

Во второй половине XIII—XIV вв. Западная Русь развивалась в сложном историческом контексте, где внешнеполитические проблемы становились внутривитовскими и наоборот. Уникальное и совершенно неоднозначное направление этого развития обусловилось возникновением в середине XIII в. Литовского протогосударства и превращением его через сто лет в полноценное, самое крупное в Восточной Европе государственное образование, охватывавшее громадную территорию от Балтики едва ли не до Черного моря. Неповторимый облик придавал этому государству тот факт, что оно стремительно росло за счет западнорусских земель. Еще при князе Миндовге (1240—1263 гг.) Литва захватила Полоцк, подготовив плацдарм для продвижения на юг и восток. При князе Гедиминасе (1316—1341 гг.) и особенно при его сыне Ольгерде (1341—1377 гг.) литовская экспансия приобрела необыкновенный размах и скорость. Были завоеваны Волыния, Смоленск, Киев, Чернигов. При великом князе Витовте (1392—1430 гг.) Литовское государство достигло максимальных размеров и включало даже Молдавию, Валахию и Бессарабию в качестве вассалов.

Эта экспансия вызывает непреходящий интерес историков не только своей броской внешней формой, но и своим многозначным внутренним содержанием и результатами. Дело в том, что собственно Литва занимала лишь одну девятую часть территории Великого княжества Литовского, а литовцы составляли лишь одну четвертую всего населения. На протяжении XIV в. в государстве господствовали православие, русский язык и русская культура. Эти основополагающие начала языческая и малообразованная литовская социальная элита впитывала с такой же готовностью, с какой славяне некогда приобщались к византийским ценностям. Была заимствована русская административная, военная, судебная и финансовая система; сохранены привиле-

гии бояр и властные полномочия князей. Брачные союзы между представителями русской и литовской аристократии становились обычным делом. Наиболее зримо этот политико-культурный симбиоз олицетворял великий князь Ольгерд. По своим взглядам, образу жизни, семейным связям он был русским, а не литовцем. Все это дало основание ряду историков говорить о литовско-русском государстве — наследнике Киевской Руси и сопернике Московского и других крупных княжеств в борьбе против удельных владений за централизацию.

Однако огромную конкуренцию русскому влиянию и русской культуре составляли влияние и культура соседней Польши. Уже сын русофила Ольгерда Ягайло отдавал ей явное предпочтение. При нем была заключена Кревская уния (1385 г.), согласно которой Ягайло, как муж польской королевы Ядвиги, провозглашался польским королем под именем Владислава II. Оба государства продолжали раздельное существование, но с этих пор ориентация правящего класса Литвы на Польшу усиливается. Получавший все более широкое распространение католицизм становится могучим оплотом польского влияния и на «верхи» общества.

Впрочем, польско-литовская уния еще долго носила номинальный характер. Яркое этому свидетельство — решение Ягайло делегировать всю полноту полномочий Великого князя Литовского своему двоюродному брату Витовту. Его статус вассала имел лишь символический смысл. Реально же Витовт сосредоточил в своих руках власть над огромным литовско-русским государством, располагавшим, как считают историки, достаточной мощью, чтобы подчинить себе и удельную Русь, и удельную Польшу. Именно по этому пути он и пошел, о чем говорили захват Смоленска (1395 г.) и подготовка похода на Новгород (так и не состоявшегося). Собирали русские земли «с востока» Витовт противопоставил собиравшие «с запада». Но ему не хватило терпения дожидаться, пока одно из основных препятствий — Золотая Орда — распадется само собой. Вместо того, чтобы идти на Новгород, он ввязался

в войну с еще довольно боеспособными монголами и потерпел от них поражение на реке Ворскла (1399 г.) — пусть и не слишком «закономерное». Историческое значение этого события в том, что Витовт по сути проиграл борьбу за объединение Руси — и не монголам, а фактически московским князьям, более терпеливым, расчетливым и везучим.

После фиаско на Ворскле Витовт сконцентрировался на внутренних делах — восстановлении армии и подорванного престижа. Во внешней политике он переключил свое внимание на запад, где назревала решающая фаза длительной истории выяснения отношений с Тевтонским орденом. Витовт вступил в военный союз с Ягайло, и в 1410 г. польско-литовско-русское войско наголову разбило немецких рыцарей, которые в результате признали верховный сюзеренитет польского короля. Эта победа была важна и для литовцев, и для русских, но больше всего она укрепила Польшу, что способствовало дальнейшей колонизации Великого княжества Литовского. Литовско-русскую социальную элиту в лице княжеского окружения, землевладельцев и бояр привлекала в Польше не только (и зачастую не столько) ее выдающаяся культура, но и общественно-политическое устройство, ограничивавшее власть короля и предоставлявшее широкие привилегии шляхетству. Польский язык, обычаи и католическая религия стали как бы джентльменским набором, олицетворявшим дворянскую честь и независимость. Наряду с расширяющимися матримониальными связями между польской и литовско-русской аристократией идет демографическая и клерикальная экспансия. В Литве появились польские колонисты — помещики и средний класс. Католическая церковь заняла господствующие позиции в духовной жизни, но этим не ограничилась. Помимо сферы религии, образования и культуры, ее власть распространялась на экономику, политику, социальные отношения. Освобожденная от налогов, она захватывала все новые и новые земли, аккумулировала у себя огромные богатства, активно вмешивалась в государственные дела. Тотальное насаж-

дение католицизма и польской идентичности раскалывало общество на восприимчивую к новым веяниям шляхетскую верхушку и отторгающую их русско-православную крестьянскую массу, в глазах которой «польскость» и «латинянство» отождествлялись с растущим помещичьим гнетом.

Осуществляя *Drang nach Osten* с необыкновенной энергией и воодушевлением, Речь Посполитая фактически демонстрировала приверженность имперской политике. Несчастье ее, однако, состояло в неспособности нести на себе это бремя по причине отсутствия настоящих самодержавных институтов. Обманувшись видимой легкостью, с какой им удавалась экспансия на восток, польские правители явно переоценили потенциальную вместимость своей «империи». Они захватывали все новые и новые православные земли, будучи не в состоянии интегрировать их с помощью того самого прагматического сочетания сильного единовластия с «инакотерпимостью», что было характерно для более дальновидных и более удачливых «империалистов» (российских, британских, османских). Перегрузив себя нетитульным и некаатолическим населением, не придумав внятной альтернативы политике колонизации и конфессиональной унификации, Речь Посполитая подготовила почву для острейших социально-политических конфликтов, вылившихся в конечном итоге в национальную драму.

Таким образом, Западная Русь, утратив статус самостоятельного государства, осталась объектом и весомым фактором в международных отношениях.

* * *

Другим наследником Киевской Руси было Новгородское княжество, получившее фактическую независимость в 1156 г. Приблизительно в это же время в устье Западной Двины появились немцы — вначале торговцы, ремесленники и миссионеры. Они старались обратить в католичество и германизировать местные балтийские и славянские племена. Затем — с приходом туда немецких крестоносцев — эта политика приняла откровенно агрес-

сивное направление. Были основаны два тевтонских ордена, которые не удовлетворились насильственной христианизацией местного населения, а развернули мощную экспансию на восток, в сторону Пскова, который они захватили в 1241 г.

Годом раньше в устье Невы высадились шведы с намерением взять под свой контроль прилегающие к Финскому заливу территории и двинуться на Новгород.

Новгородцы под предводительством выдающегося полководца князя Александра (Невского) разгромили шведов в 1240 г., а через два года — и немецких рыцарей. При всей важности этих побед они являлись лишь эпизодом в длительной обороне Новгорода от западных соседей. Подсчитано, что с 1142 г. по 1446 г. новгородцы 26 раз сражались со шведами, 11 раз — с немцами, 14 раз — с литовцами и 5 раз — с норвежцами.

Выстоять удалось во многом благодаря прагматичной политике новгородских князей — особенно Александра Невского — по отношению к монголам, с которыми они предпочли не воевать, а найти общий язык, что и удалось сделать путем признания ханской власти, в значительной степени символической, во всяком случае далеко не столь обременительной, как в северо-восточной Руси.

В удельный период Новгород сыграл огромную роль в сохранении целостности северных и северо-западных русских земель, равно как и духовно-культурного единства русского народа. В условиях большей или меньшей изоляции других княжеств от Запада он был своеобразным «окном в Европу», хотя чаще всего через это окно ломались непрошенные гости.

«Демократические» порядки Новгорода (вече, боярский совет, приглашаемый в качестве военачальника и ограниченный в политических полномочиях князь) давали ему мало шансов возглавить процесс централизации русского государства. Получилось так, что Новгороду, отстаивавшему свою независимость против внешних угроз, пришлось в конце концов принести ее в жертву «собирательской» экспансии московских князей.

* * *

Из трех самых видных наследников Киевской Руси в наибольшей изоляции от остального мира, кроме монгольского, оказалось Владимиро-Суздальское княжество (из него со временем выделалось княжество Московское). Опыт общения с монголами — которое было построено на сложной системе взаимоотношений, основанных не только на насилии, — привил московским князьям, помимо склонности к авторитаризму, еще и некую «внешнеполитическую» изворотливость — четкое понимание своих стратегических целей и тонкое чутье на требуемые «здесь и сейчас» средства их достижения. Это, наряду с другими причинами, позволило Москве выиграть острую конкуренцию за лидерство в длительной борьбе за объединение русских земель. В принципе перед ней стояла совершенно головоломная и отнюдь не предпринятая (как полагают историки-детерминисты) задача, оставлявшая широкий простор для действия таких «игровых» факторов, как стечение обстоятельств, случай, везение. Московским князьям помогла их способность безошибочно ориентироваться на «шахматной доске» удельной политики, ловко маневрировать на ней, выжидать с осторожностью и рисковать с умом. Эти качества были тем более необходимы, что Москва имела дело, с одной стороны, с сильными, умными и циничными соперниками, с другой стороны, — с прагматичными монголами, зорко следившими за равновесием сил на Руси и сраваивавшими княжества между собой. Московские князья, делая вид, будто являются послушными исполнителями такой политики, постепенно превращали монголов в собственный политический инструмент. Время показало: монгольской стратегии «разделяй и властвуй» было явно недостаточно для поддержания господства над Русью, успешно преодолевавшей раздробленность. Ничего более действенного у иноземцев не нашлось. Они отказались от социально-политического, экономического и идеологического освоения захваченных территорий, а использовали их преимущественно

в качестве источников дани. Как выразился один современник, «завоевать империю верхом на коне еще можно, но управлять ею из седла нельзя».

Даниловичи — подданисты московских князей, берущая начало от князя Даниила (1300—1304 гг.), — внимательно наблюдая за внутренним состоянием Золотой Орды, дождались момента, когда можно было пойти на оправданный риск и бросить ей открытый вызов. Победа на Куликовом Поле (1380 г.), если и не освободило Московское княжество от монгольского ига, то, по крайней мере, нанесла ему смертельный удар и развязала преемникам Дмитрия Донского руки в борьбе за централизацию.

Начавшийся в конце XIV в. распад Золотой Орды привел к образованию самостоятельных ханств — Казанского (1436 г.), Астраханского (1466 г.), Сибирского (вторая половина XV в.). Еще раньше (1430 г.) отделилось Крымское ханство, ставшее вассалом Османской империи. Ярким символом упадка Золотой Орды явился тот факт, что теперь уже представители династии Чингизидов — жертвы междоусобных раздоров — ищут покровительства у великих московских князей. Последние, используя это обстоятельство, начали целенаправленно усугублять политический раскол внутри монгольского общества. При Василии II Темном, в 1452 г., на границе с Казанским ханством было создано Касимовское полуханство-полукняжество, находившееся в вассальной зависимости от Москвы. Оно превратилось в прибежище для опальной монгольской элиты, защитный барьер и одновременно плацдарм для военно-политического вмешательства в казанские и астраханские дела.

Ослабление Золотой Орды сопровождалось грозными всплесками реваншизма. На протяжении XV в. было предпринято несколько крупных попыток восстановить контроль над Москвой (1408, 1451, 1455, 1461, 1480 гг.), не говоря уже о регулярных набегах на русские земли с целью насильственного изъятия дани, так сказать, «явочным порядком».

Увядание Золотой Орды компенсировалось не только применением ее преемни-

ков — вполне жизнеспособных и небезопасных для Руси государств, — но и усилением агрессивности Литвы. Она активно помогала противникам Москвы (Новгороду и Твери), вступала с монголами в союзы на предмет организации одновременного нападения на Русь и раздела ее на сферы влияния, несколько раз подвергла Московское княжество разорению (огромный урон был причинен в 1368 г. и 1372 г.). После поражения на Ворскле (1399 г.) литовский натиск на восток ослабевает. Все внимание было сосредоточено на войне с немецкими рыцарями и на внутривосточной обстановке — сложной и нестабильной. За кончиной бездетного Витовта (1430 г.) последовал период смут, вызванный борьбой за великокняжескую власть на фоне растущего стремления шляхты ограничить ее в свою пользу.

Лишь к 1445 г. ситуация пришла к относительному равновесию: великим князем Литовским был признан Казимир и он же избран королем Польши под именем Казимира IV. Кроме этого, упрочению польско-литовской унии содействовала «конституционно-олигархическая» реформа 1447 г., официально провозгласившая в Литве такой же социально-политический порядок, как и в Польше. Подобное нововведение, сопровождаемое широкой культурной полонизацией, представляло заметную веху в процессе превращения литовско-русского государства в польско-литовское.

В XV в. отчетливо видна тенденция к выравниванию силового баланса между Литвой и Московией. Если до 1399 г. московско-литовское противоборство носило в известном смысле характер гражданской войны за объединение уделов, то позже, по мере сближения Литвы с Польшей, данное противоборство принимает форму «международного» конфликта. Русь в общем уступила Польше в соперничестве за культурно-конфессиональное влияние на литовский правящий класс, но она была полна решимости взять реванш путем объединения всех русских земель, в том числе захваченных в свое время Литвой. Отсюда — активизация московской «внешней» политики в западном направлении.

В результате меняющегося в пользу Московии соотношения сил Литва постепенно переходит от наступательной стратегии к оборонительной, думая уже не о новых приобретениях, а о сохранении территориальной целостности. Однако эта оборона была далеко не пассивной. Казимир IV открыто поддерживал антимосковские «партии» в Новгороде и Твери, заключил с монголами военный союз против Ивана III (1462–1505 гг.).

Централизация Русского государства шла рука об руку с усилением его идеологической самодостаточности, которая служила одним из интегрирующих факторов. Флорентийская уния 1439 г., провозгласив главенство Римского папы над Византийской церковью, дала московской епархии прекрасный предлог для разрыва с Константинополем во имя защиты «чистоты веры». Через 14 лет турки завоевали Византию, в чем Москва увидела божье наказание за «удаление греков в католическую ересь» и еще больше утвердилась в решимости отстаивать свою конфессиональную независимость. Эти события, наряду с установлением османского господства над балканскими славянами, имели ряд важных последствий. Духовная и географическая изоляция Московии от внешнего мира стала очевиднее, что нашло отражение в политико-идеологических теориях, обосновывавших необходимость создания единого русско-православного царства и сочетавших мессианские претензии с религиозной ортодоксией и ксенофобией. Традиционная для Руси проблема «борьбы со Степью» осложнилась новой угрозой — со стороны Турции и ее вассала Крымского хана. Набиравший силу экспансионизм московских князей был не только свидетельством их упрочившегося положения, но и парадоксальным выражением чувства уязвимости перед лицом подлинных и мнимых опасностей.

Вместе с тем, именно благодаря своей гибели Византия приобрела в глазах Москвы особый авторитет. Константинополь перестал быть для Руси ментором, невольно развивавшим у нее ученический комплекс ущербности. Она получила возможность

заявить о себе как о единственной и полноправной преемнице византийской государственности, религии, культуры и славы. И чем богаче наследие — тем значительнее его наследующий. Подобные притязания, воплотившиеся в соответствующей политике, оказывали все более разрушительное воздействие на изоляционистские тенденции в Московии, хотя данный процесс протекал крайне неровно. Показательными, с этой точки зрения, были, с одной стороны, женитьба Ивана III на племяннице последнего византийского императора, появление в официальной геральдике московского двора византийского двуглавого орла, введение византийского государственного церемониала, приглашение в Москву греческих и итальянских мастеров архитектуры, живописи, ремесла, военного дела; с другой стороны — хозяйственная автаркия, неприязнь и подозрительность к иностранцам, развитие антикатолического, антизападного и «антивосточного» направления в русской общественной мысли.

С присоединением Новгорода (1478 г.) территория Московского великого княжества увеличилась в несколько раз и, судя по всему, это было не последнее приобретение Ивана III. И монголы, и литовцы имели все основания для тревоги. В 1480 г. золотоордынский хан Ахмад, опираясь на военный союз с Казимиром IV, попытка вернуть Москву в орбиту монгольского влияния — сначала дипломатическими средствами, а затем силовыми. Иван III противопоставил этой угрозе систему контрсоюзов с врагами Ахмада, один из которых — с Крымским ханом Менгли-Гиреем — оказался самым продуктивным (Иван III находился в союзнических отношениях с Сибирским ханом и Ногайской Ордой). Во время похода Ахмада на Москву крымские татары совершили набег на Литву и уже готовились атаковать столицу Золотой Орды Сарай. Это отвлекло внимание Казимира IV и заставило Ахмада отказаться от своих «реставраторских» планов. 1480 год ознаменовал полное освобождение Руси от иноземного ига.

Потом (1485 г.) Иван III подчинил своего главного политического противни-

ка — Тверь, за чем последовал добровольный переход в «московское подданство» ряда мелких русских князей — вассалов Литвы. В результате спровоцированной этим русско-литовской войны (1500—1503 гг.) Иван III отвоёвал у Литвы большую территорию — восточные части Полоцкого и Смоленского княжеств, Новгород-Северский, Чернигов, Путивль, Гомель, Царев-Борисов и др.

В стремлении укрепить и расширить свои границы на западе (Литва) и на востоке (монголы) Иван III чередовал военные методы с дипломатическими. Против литовцев он использовал свои дружеские отношения с Молдавией, Венгрией, Священной Римской империей, а против монголов — их междоусобицы. В 1487 г. Иван III, играя на внутренних раздорах в Казанском ханстве, посадил на местный престол «русского» ставленника, положив начало энергичному вмешательству в казанские дела.

К концу XV в. Московия — и территориально, и политически, и идеологически — превратилась в полноценное государство, хотя и не свободное от пережитков удельного периода. Ее все чаще стали именовать Царством, а Ивана III — царем. И он и его преемники проникались чувством собственной значимости и пониманием той новой роли, которую им отныне предстоит играть на международной арене. Свидетельством признания этой роли явилось исходившее от Германского императора Фридриха III предложение Ивану III принять из его рук королевскую корону. Примечательный ответ москвитя не оставляет сомнений в том, что он уже прекрасно знал себе цену: «С Божьей помощью мы и дети наши навсегда останемся хозяевами нашей земли. Что касемо чьей-то санкции на это, то мы, как не нуждались в ней никогда, так и не нуждаемся нынче». При Василии III (1505—1533 гг.) — сыне Ивана III — московская внешняя политика сохранила свои основные векторы (западный, литовский, и восточный, монгольский) и внутреннее содержание («оборонительная» экспансия). В 1514 г. был завоеван Смоленск, а в 1522 г. Литва официально при-

знала этот факт. Василий III продолжал наращивать политическое давление на Казанское ханство, укрепляя там позиции прорусской партии. Европа начинает видеть в Московской Руси нечто большее, чем обычное варварское королевство, а наследники Золотой Орды стремятся заручиться ее благорасположением в борьбе друг с другом. Василий III поддерживал вполне равноправные дипломатические отношения с Империей, Папством, турецким султаном Сулейманом I Великолепным и основателем империи Моголов в Индии З.Бабуром. Имея пока еще ограниченные сведения от других стран, их намерениях и хитросплетениях «мировой» политики, московская дипломатия старалась соблюдать осторожность, особенно в вопросе о выборе союзников и соответствующих последствиях. В общении с «заграницей» неуклонно росло значение престижных соображений. Московские цари, не в пример своим не таким уж далеким предшественникам, явно боялись унизиться или во всяком случае совершить нечто такое, что могло быть расценено как унижение. Василий III остается верен практике приглашения на московскую службу квалифицированных иностранных специалистов в различных областях знаний и умений. В русской столице так называемая «немецкая слобода» становилась все более заметным источником распространения западного влияния.

Правление Ивана Грозного (1533—1584 гг.) примечательно яркими военными успехами на востоке и крупными провалами на западе, что свидетельствовало о неготовности страны нести бремя экспансии в двух направлениях одновременно, да еще параллельно с осуществлением столь разорительной реформы, как опричнина. Вместе с тем Иван Грозный создал централизованное национальное государство и впервые вышел за рамки проблемы собирания русских земель, поставив долгосрочные стратегические задачи, которые теперь уже можно было назвать «внешнеполитическими» в точном смысле этого слова.

Завоевание Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств явилось логическим результатом долгой и сложной

истории русско-монгольских отношений: от господства «степи» над «лесом» к перемене ролей и превращению жертвы в реваншиста. Помимо «исторических» обид Иван Грозный имел много «текущих» поводов для наказания Казани и Астрахани. Внутренние раздоры в этих ханствах были настолько сильны, что управлять ситуацией извне, через прорусскую часть монгольской элиты, становилось все труднее. Разбойничьи отряды казанцев, астраханцев и крымцев совершали разорительные набеги на территории Московского государства, забирали добычу, уводили людей в рабство. Сравнительно легкая победа над Казанью и присоединение практически не оказавшей сопротивления Астрахани обуславливались не только наличием там «пятой (русской) колонны», но и их пестрым этническим составом в сочетании с элементарной социальной иерархией. Монголы образовывали верхний, правящий класс общества, а многочисленные финно-угорские и тюркские племена — нижний, подчиненный слой, которому было все равно, кому платить дань — старому хозяину хану или новому хозяину царю.

Уже тогда, быть может, не без влияния монгольских традиций и методов осуществления господства над немонголами, московиты решили твердо придерживаться веротерпимой политики, избегая насильственного обращения покоренного населения в христианство.

Завоевание низовьев Волги открыло русским, впервые после князя Святослава, северное побережье Каспия и доступ к Северному Кавказу, где ряд племенных вождей и представителей военной аристократии изъявили желание быть «подданными» Ивана Грозного, понимая, правда, «подданство» как личную службу и лояльность, а не как политическое обязательство. К этому же времени относятся обращенные к Москве просьбы Грузии о покровительстве и защите от Ирана и Турции. Хивинский и Бухарский ханы прислали к русскому царю своих послов для заключения торговых соглашений. На одни инициативы Иван Грозный реагировал весьма осторожно, на другие — более жи-

во. Характер этой реакции определялся не только волей самодержца, но и высокими государственными интересами. Не имея на то достаточных сил и стимулов, он не склонен был развивать кавказское и среднеазиатское направления в своей международной политике, но и полностью отказываться от них не собирался.

В московских «коридорах власти» появилась также идея подчинения Крымского ханства, чтобы раз и навсегда покончить с татарскими набегами, но, судя по всему, царь посчитал ее преждевременной: война с могущественной Османской империей, стоявшей за спиной крымцев, была Московии не по силам.

Иван Грозный вынашивал совершенно иные планы и касались они не Черного моря, а Балтики, где Русь владела узким отрезком побережья Финского залива, практическая ценность которого представлялась мизерной в условиях полного преобладания там Швеции, Ливонского ордена и Польши. Не только сам этот факт вызывал острое недовольство Ивана Грозного. Он, подобно своему отцу и деду, проявлял огромный интерес к европейской культуре и технике, осознавал необходимость заимствований прежде всего для упрочения самодержавия. Сотни иностранных специалистов получили приглашение на русскую службу. Однако ливонцы, поляки и шведы, понимая, чем может обернуться для них европеизация Московского государства, создали на его западных границах, по выражению Г.В.Вернадского, некую разновидность «железного занавеса» или режим наибольшего неблагоприятствования для тех, собрался ехать в Москву. Иван Грозный намеревался сделать брешь в этом занавесе, которая стала бы каналом устойчивой связи с Западом. Поэтому ему нужен был контроль над юго-восточным побережьем Балтийского моря.

В 1558 г. русские войска вторглись в Ливонию и в течение ряда лет, после ярких побед, заняли более двух десятков ключевых стратегических пунктов, включая Дерпт (Юрьев) и Полоцк. Под ударами царской армии Ливонский орден распался (1561 г.): рыцари отдали себя под покрови-

тельство Литвы, Курляндия стала вассалом Польши, Эстония признала власть Швеции, а остров Эзель отошел к Дании. Так Иван Грозный оказался перед лицом сразу нескольких сильных противников. В общем удачно начавшаяся русско-ливонская война имела все шансы превратиться в коалиционное столкновение, в котором Московия оставалась в одиночестве. И именно в это критическое время Иван Грозный задумал провести опричную реформу, разорившую страну, крайне обострившую внутреннюю обстановку и изменившую ситуацию на фронте.

К балтийским проблемам добавились южные. Воспользовавшись благоприятной конъюнктурой, крымские татары попытались захватить Астрахань (1569 г.). Неудача не смутила их: через два года хан Девлет-Гирей двинулся на Москву (1571 г.) и сжег большую часть города, хотя и не сумел взять Кремль. На следующий год (1572 г.) было предпринято новое нападение, на этот раз безуспешное. Татары подвергли разорению огромную территорию, увели в рабство 100 тыс. человек. Последствием нашествия стал голод, сопровождавшийся чумой.

Пожалуй, самым роковым для Московии обстоятельством, во многом предопределившим исход Ливонской войны, явилось объединение Литвы с Польшей в единое государство Речь Посполитую (Люблинская уния 1569 г.). Это событие подвело итог историческому развитию литовской феодальной федерации по польскому пути. Статуты 1447 г., 1529 г. и 1566 г. последовательно превращали Литву в такую же шляхетско-олигархическую монархию, как и Польша, что облегчило образование дуалистической империи. Ведущая роль в ней принадлежала полякам, которые на правах «старших братьев» отобрали у Литвы ее южные территории с русским населением (Волыния, Киев, наряду с ранее захваченной Галицией). Если социальный выигрыш, полученный литовским дворянством от Люблинской унии, расценивается неоднозначно, то для славянской православной крестьянской массы переход под власть польской шляхты озна-

чал только одно — ужесточение экономического гнета и насильственную католицизацию. Варшава и Вильно думали, что, взаимно укрепляя друг друга, они создают великую державу. Тогда как на самом деле было положено начало фатальному процессу накопления классового, национального и конфессионально-культурного антагонизма, вылившегося в освободительную борьбу украинского, белорусского и русского населения против польского господства. Со временем эта борьба примет форму острейшего международно-дипломатического вопроса, который через два века «разрешится» исчезновением Польши с политической карты Европы.

Но все это случится потом. А пока Речь Посполитая представляла собой огромное и могущественное государство. Правда, реализовать себя в таком качестве она могла только тогда, когда королевский престол занимала более или менее приемлемая для шляхетства личность — харизматическая, целеустремленная, способная обеспечить единство и эффективность политики страны в международной сфере. Такой фигурой стал Стефан Баторий — трансильванский князь, избранный в 1575 г. королем Польши после нескольких лет внутривосточной смуты. Этот малоизвестный для Москвы факт дополнялся тем обстоятельством, что Стефан Баторий оказался превосходным полководцем. В 1578 г. он во главе хорошо вооруженной армии начал наступление и вытеснил русских из южной Ливонии, взяв Полоцк и Великие Луки. (Псков оказал ожесточенное сопротивление и устоял.) Одновременно с севера наседали шведы. В 1578 г. они разбили русские войска под Венденом (к востоку от Риги). Под угрозой наземного вторжения в глубь Московского государства — истощенного и разоренного опричниной — Иван Грозный был вынужден просить посредничества Папы Римского на предмет заключения мира. В результате Стефана Батория и Швецию удалось склонить к перемирию — соответственно на 10 лет и 3 года. По русско-польскому договору (Ям-Запольск, 1582 г.) Ивану Грозному пришлось отказаться от всех

своих завоеваний в Ливонии. А по русско-шведскому договору (Плюсс, 1583 г.) — уступить юго-западную Карелию и Ингрию, в том числе устье Невы и прилегающую территорию с городами Ям, Копорье, Ивангород. Таким образом, в ходе 25-летней изнурительной войны Иван Грозный не просто не достиг своей цели — расширить выход на Балтику и взять под контроль Ливонию, — но и вообще потерял доступ к Финскому заливу.

Завоевание Сибирского ханства (Западной Сибири), начатое в 1579 г., могло бы подсластить горькую «ливонскую» пилюлю, если бы русский царь дождался до того времени, когда этот процесс стал приносить реальные плоды.

Царствование Ивана Грозного примечательно первыми дипломатическими контактами с Англией. Царь стремился наполнить их политическим содержанием, в то время как англичан интересовала преимущественно торговля. Убедившись, что королева Елизавета избегает союзничества с ним, царь отнял у английских купцов предоставленные им привилегии и в конце концов выгнал из Москвы. Ряд исследователей возводит к данному эпизоду истоки британской русофобии, которая в XIX и XX вв. получит новые импульсы и сыграет негативную роль в истории русско-английских и советско-английских отношений.

Благодаря утверждению самодержавной идеологии при Иване Грозном во внешней политике стало более выраженным престижное начало. Успехи и неудачи авторитарного государства на международной арене превращались в личные успехи и неудачи царя, от которых зависел авторитет Власти.

В XVI в. получила статус почти официальной идеологической доктрины так называемая теория «Третьего Рима», провозглашавшая Московскую Русь вечной и единственно достойной наследницей великих империй (Римской и Византийской) и подлинного, незамутненного католической «ересью» христианства. Каково бы ни было соотношение религиозных и политических (экспансионистских) идей, различимых в тексте или скрывающихся в подтексте

этой доктрины (предмет спора историков), едва ли есть основания считать правление Ивана Грозного удачной ее реализацией.

При сыне Грозного царе Федоре (1584—1598 гг.), во всем следовавшем советам фактического регента Бориса Годунова, Москва придерживалась осмотрительной, но отнюдь не пассивной внешней политики. Естественные ограничения накладывали на нее послеопричинная «порука» и опасения подвергнуться нападению Польши и Швеции. С целью нейтрализации этих государств Борис Годунов старался — и не безуспешно — сеять раздор между ними. Его, ориентированного скорее на Запад, чем на Восток, крайне тяготил польско-ливонский «железный занавес», и он не жалел усилий, чтобы хотя бы приподнять его для более плодотворного общения с Европой. Борис Годунов подогревал антипольские настроения ливонцев, привлекал их на царскую службу, а когда умер Стефан Баторий (1586 г.), посоветовал Федору Иоанновичу выставить свою кандидатуру на польский престол. Эта провальная затея свидетельствовала, тем не менее, что предпочтение отдавалось дипломатическим методам и в принципе реалистичным задачам. Борис Годунов углубил связи с Германским императором и Данией, восстановил отношения с Англией, поощрял торговлю с Ганзейским союзом.

Не всегда удавалось обойтись мирными средствами. К Швеции, не желавшей уступать захваченные ею русские земли на побережье Балтики, пришлось применить силу. После тяжелой войны 1595 года шведы вернули Ивангород, Ям, Копорье и Корелу (Тявзинский договор). Границы 1558 года были восстановлены.

На южном направлении Борис Годунов делал ставку на сугубо оборонительную стратегию, призванную оградить страну от набегов Крымского хана, оправившегося на покровительство турецкого султана.

Неготовностью к борьбе с могущественной Османской империей объяснялась осторожность, проявленная Москвой по отношению к просьбе грузинского царя — номинального вассала Турции — о переходе в «русское подданство» (1586 г.).

Однако сам факт обращения указывал на потенциальные возможности развития кавказского вектора внешней политики Московского государства.

Колоссальные материальные и моральные потери принесло Руси так называемое «смутное время» (1598—1613 гг.). Оно было вызвано целым комплексом тесно сплетенных причин. С кончиной последнего Рюриковича (Федора Иоанновича) возник острый династический кризис, переросший в социальный, а затем и общенациональный. Воспользовавшись этим, Польша захватила Смоленскую, Северскую и Черниговскую области, а Швеция — Новгородскую землю, Ингрию и Корелу. На какое-то время большая часть Русского государства, вместе с Москвой, оказалась в руках интервентов. Над ним нависла вполне реальная угроза распада и утраты национального суверенитета. В конце концов русский народ, благодаря своему героизму и выдающимся организаторам освободительного движения К. Минину и Д. Пожарскому, отстоял независимость и подготовил почву для воцарения новой династии (1613 г.), что положило начало внутривосточной стабилизации.

За власть и относительный покой первый представитель Романовых — Михаил Федорович (1613-1645 гг.) — заплатил дорого. Польша и Швеция согласились дать Руси передышку на весьма жестких условиях: по Столбовскому миру (1617 г.) за шведами осталось все восточное побережье Финского залива и Корела; поляки же сохранили за собой Смоленские, Северские и Черниговские земли (Деулинское перемирие 1618 г.). Таким образом, Русь вновь лишалась доступа к Балтике, а ее западная граница перемещалась далеко на восток, почти до той линии, по которой она проходила к началу XVI в. Но эти жертвы были безусловно оправданы, если учесть перспективу катастрофы, маячившую перед Московским государством.

С точки зрения внешней политики, период с 1618 г. до 1645 г. (конец царствования Михаила Федоровича) мало чем замечателен. Почти все силы тратились на преодоление последствий Смутного време-

ни. Эта задача, требовавшая сосредоточения на внутренних делах и осторожности во внешних, облегчалась Тридцатилетней войной (1618—1648 гг.), поглотившей внимание Европы. Именно тогда Московская Русь освобождается от политических и экономических пережитков удельного периода и становится Россией. Она, хотя по-прежнему живет довольно обособленно от Запада, из поля зрения его не теряет. В Москве растет колония иностранных купцов и ремесленников («немецкая слобода»), строятся протестантские церкви, развиваются торговые связи с Англией, Данией, Нидерландами, Империей, Турцией и Ираном. Русское правительство закупает европейское вооружение, нанимает иноземные войска и специалистов в области военного дела и фортификации. Западное влияние проникало в Россию зачастую помимо желания московской правящей элиты, где преобладали консерваторы и ксенофобы.

Попытка Романовых восстановить некоторые территориальные потери Смутного времени закончилась неудачей. Война с Польшей за возвращение Смоленска (1632—1634 гг.) была проиграна. Поляновский мирный договор (1634 г.) констатировал сохранение статус-кво.

Этот же принцип пришлось соблюдать и на южном направлении — в том, что можно назвать предтечей «черноморского» и в известном смысле «восточного» вопроса. В 1642 г. Михаил Федорович благоразумно отказался принять под свою власть турецкую крепость Азов, захваченную пятью годами раньше донскими казаками. Царь опасался столкновения с Крымом и Османской империей, к которому Россия не была готова.

В первой половине XVII в. продолжалась экспансия в Сибирь, в ходе которой были заложены города-крепости Томск (1604 г.), Туруханск (1607 г.), Кузнецк (1617 г.), Енисейск (1618 г.), Красноярск (1628 г.), Братск (1631 г.), Якутск (1632 г.), Иркутск (1652 г.) и др. В 40-е годы русские первопроходцы вышли к Охотскому морю и Берингову проливу, достигнув таким образом восточной оконечности евразийского континента. В бас-

сейне Амура они столкнулись с местными племенами, подвластными манчжурскому Китаю. Дальнейшее продвижение на юг было остановлено.

В середине XVII в. в Речи Посполитой происходили события, вынудившие Москву пересмотреть ее оборонительную политику по отношению к Западу. С образованием польско-литовского государства (1569 г.) украинское православное крестьянство, попав под юрисдикцию польских панов и католических епископов, испытала на себе по сути тройной гнет — социально-экономический, национальный и религиозный. Последний резко усилился после создания в 1596 г. (Брестская уния) Униатской церкви, исповедовавшей православие, но подчиненной Риму. Начались восстания, в которых главной движущей силой постепенно стало запорожское казачество. В 1648 г. они вылились в мощное освободительное движение под руководством гетмана Богдана Хмельницкого, заключившего антипольский союз с крымскими татарами, а затем обратившегося к Москве за помощью. Царь Алексей Михайлович, как и его отец в 1625 году, не решался поддержать украинцев, ибо это означало бы войну с Польшей. Между тем казаки вновь и вновь ставили вопрос о вступлении в русское подданство. Наконец, Земский собор 1653 г. принял решение об удовлетворении этих просьб. В январе 1654 г. на Переяславльской Раде (украинское всенародное собрание) в присутствии царского посла представители казачества и крестьянства приняли клятву верности Москве. Данный акт юридически оформлял присоединение Украины к России, явившееся следствием волеизъявления народа. В определенном смысле это было продолжением политики собирания древнерусских земель. Переяславльская Рада констатировала безусловное согласие украинцев признать верховную власть московского царя, хотя впоследствии у них были причины пожалеть об этом.

Присоединение (или воссоединение) Украины, помимо всего прочего, стало для России фактом огромного культурного значения. Высокообразованные малороссы,

гораздо лучше москвитов знакомые с Западом, служили носителями и проповедниками европейских ценностей, открывали сравнительно замкнутый мир Московской Руси для полезных идей и веяний.

Речь Посполитая не хотела мириться с потерей Украины. В 1654 г. началась долгая и изнурительная русско-польская война. Она крайне осложнилась, с одной стороны, внутривосточным кризисом в Польше, принявшим особый размах после смерти короля Яна-Казимира, с другой — неким украинским аналогом «смутного времени», наступившего после смерти в 1657 г. Богдана Хмельницкого. Кроме того, Швеция решила воспользоваться ситуацией и захватила Варшаву и Краков. Алексей Михайлович, претендовавший на польский престол, объявил шведам войну (1656—1658 гг.), которая закончилась перемирием, а затем Кардисским миром (1661 г.). (Алексей Михайлович не стал повторять ошибку Ивана Грозного, воевавшего на два фронта. На период русско-шведской войны он заключил с Польшей перемирие.) России, завязнувшей в польских и украинских проблемах, пришлось довольствоваться статус-кво, означавшим, что Балтика осталась закрытой для нее.

Война с Польшей шла на фоне социального раскола украинского общества, разные слои которого придерживались разных внешнеполитических ориентаций — прорусской, пропольской и даже протурецкой. Сменявшие друг друга гетманы были не в состоянии удержать казаков под контролем. Страна вверглась в пучину гражданской войны, на чем умело спекулировали поляки, стремившиеся восстановить свои позиции на Украине.

Наконец, выдохшиеся Польша и Россия подписали Андрусовское перемирие (1667 г.) на тринадцать с половиной лет. Левобережная Украина с Киевом (на правом берегу), а также Смоленск переходили под власть Москвы. Правобережная Украина и Белоруссия оставались в составе Польши. А Запорожье объявлялось совместным польско-украинским кондоминиумом. В целом это был разумный компромисс, отразивший не только реальное соотношение

всех участвовавших в длительном конфликте сил, но и растущее понимание общей угрозы, принявшей с середины XVII в. совершенно конкретные очертания.

Речь идет о Турции, решительно действовавшей через своего вассала — Крымского хана. В 1672 г. она захватила Подолию и попыталась утвердиться на Правобережной Украине. В результате произошла русско-турецкая война (1673—1681 гг.), завершившаяся Бахчисарайским миром между Россией, Турцией и Крымом. Константинополь признал Левобережную Украину за Россией; территория между Днестром и Бугом объявлялась нейтральной; Подолия оставалась в турецких руках.

Это было лишь временное затишье. И борьбе с Портой предстояло возобновиться. Перед лицом столь грозного противника Россия остро нуждалась в союзниках. Общая дипломатическая конъюнктура в Европе складывалась в пользу осознания необходимости объединения против османской экспансии. Это явилось одним из главных стимулов, побудивших Москву и Варшаву к заключению «Вечного мира» (1686 г.), подтвердившего условия Андрусовского перемирия и обязавшего Россию выступить в союзе с Польшей, Австрией и Венецией против Турции. Россия впервые принимала участие в коалиции крупных держав, что предвещало широкое вовлечение ее в систему международных отношений и выход в пространство большой европейской политики.

Царевна Софья (1682—1689 гг.) дважды посылала русские войска в Крым (1687 г., 1689 г.) и дважды они возвращались ни с чем. Турция и ее сателлит были слишком сильны. Планы Москвы пока еще намного превышали ее возможности. Подтверждений этому хватало не только на северных, западных и южных границах, но и на Дальнем Востоке, где Россия не смогла удержать земли между Становым Хребтом и Амуром и уступила их Китаю по Нерчинскому договору 1689 г.

Внешнеполитические неудачи, которыми заканчивается допетровская эпоха, стали полезным наглядием русским правителям, открыв подлинные масштабы стоявших

перед ними геополитических задач. Последние предполагали не только единство ума и воли самодержца, но и глубокую, всестороннюю, если угодно цивилизационную, подготовку государства и нации.

* * *

Вопрос о том, как далеко отстояла Россия от европейской цивилизации в XVI–XVII вв., спорен. Особую пикантность он приобретает еще и потому, что от него зависит оценка степени революционности преобразований Петра I. Не претендуя на полноценное участие в этих дебатах, заметим: западное (как, впрочем, и восточное) влияние на допетровскую Русь не стоит ни игнорировать, ни преувеличивать. Если «заслуга» (в кавычках или без оных) монголов в создании авторитарной формы правления в Московии не поддается четкому выявлению, то и установить трансформативную роль заимствований из Европы тоже не менее сложно.

Культурная и духовная изоляция централизованной и централизованной Руси от Запада всегда была относительной. Это видно по политической и религиозной мысли, литературе, искусству, архитектуре, быту, образу жизни и привычкам некоторых представителей русской аристократии. Это видно по таким знаковым, во многом совершенно непохожим личностям, как Максим Грек, Андрей Курбский, Иван Хворостинин, Юрий Крижа-

нич, Симеон Полоцкий, Григорий Котошихин, Афанасий Ордин-Нащокин, Федор Ртищев, Василий Голицын и другие. Это, наконец, видно по тем «физическим» контактам (безотносительно к их позитивному или негативному содержанию), которые имела Русь-Россия со своими непосредственными соседями и более отдаленными странами.

Однако правда и то, что с самого начала прозападная тенденция наталкивалась на труднопреодолимое сопротивление патриархально-изоляционистского начала. Нередко оно находило воинственное выражение в общественном сознании и внешнеполитическом поведении правителей. Но как это ни парадоксально, именно усиление автаркии и приводило ее к саморазрушению. Ибо враждебность и закрытость к внешнему миру тоже есть своеобразный способ общения, чтобы не сказать сближения с ним. Чем упорнее Россия отторгалась от Европы и чем чаще воевала с ней, тем больше интереса пробуждалось в русских людях к западной цивилизации, дававшей беспокойные поводы для сравнений и неудовлетворенности. Отсюда — желание пересмотреть роль России — периферийную и весьма скромную — в системе международных отношений, переместиться с обочины мировой политики ближе к ее центру.

Таково было негласное завещание Петру I от тех, кто, возможно, не хуже его понимал, что нужно делать, но не знал — как.

Д.В. Лисейцев

Смутное время: происхождение, содержание и хронологические рамки понятия

В последние полтора десятилетия в публицистике, в средствах массовой информации нередко можно было услышать утверждение о том, что российское общество в очередной раз в своей истории переживает «Смутное время». Противоречивость проходимо страной периода вынуждает нас обращаться к прошлому в поисках аналогий, исторических параллелей и ответов на вопросы современности. В связи с этим в отечественной исторической науке значительно активизировались исследования истории глубочайшего кризиса, охватившего Московское государство в начале XVII века и получившего название «Смута», ведь именно с тем периодом вольно или невольно мы сопоставляем сегодняшний день. При очевидной разнохарактерности двух эпох, отделенных друг от друга четырьмя веками, известная логика в таком сопоставлении, безусловно, имеется. В силу этого интересно проанализировать вопрос о том, как современники Смутного времени воспринимали свою эпоху, какой смысл вкладывали в понятие «Смута», когда и как появилось само это понятие.

История термина «Смута», «Смутное время», в исторической литературе является непростой. В историографии XIX столетия это понятие прочно утвердилось для обозначения общероссийского кризиса начала XVII века. Оборот «Смутное время» был вынесен в заглавие первого в отечественной исторической науке специального исследования, посвященного событиям российской истории начала XVII столетия — работы Д.Бутурлина [2]. В дальнейшем указанное понятие закрепилось в исто-

риографии и фигурировало в названиях практически всех исследований по той эпохе. Однако в 30-е годы XX века термин «Смута» по идеологическим причинам был объявлен порождением буржуазной историографии и стал вытесняться понятием «крестьянская война и иностранная интервенция начала XVII века». Переизданная в 1937 г. монография С.Ф.Платонова на долгое время стала последней работой, в названии которой значилось словосочетание «Смутное время» [15]. В работах последующих десятилетий слово «Смута» в заглавиях научных работ если и использовалось, то исключительно в кавычках [8; 23]. Реабилитация этого понятия началась лишь в 80-е годы. Осуждая «одностороннее толкование в буржуазно-дворянской литературе» термина «Смута», Р.Г.Скрынников, одновременно, выступил против господствовавшего в советской историографии понимания событий начала XVII века как крестьянской войны. Последнее, как справедливо отметил исследователь, привело к отходу от целостного взгляда на проблемы Смутного времени. В последние два десятилетия на смену прежней концепции пришло представление о Смутном времени как об эпохе гражданской войны [21, 7; 18; 19; 20].

Таким образом, в настоящее время понятие «Смута» вновь вернулось в историческую литературу. Однако определенность в вопросе о происхождении этого термина отсутствует. В.О.Ключевский предположил в свое время, что появлением выражения «Смутное время» мы обязаны перу Григория Карповича Котошихина, беглого подья-

чего Посольского приказа, написавшего в середине 60-х годов XVII века в Стокгольме по заказу шведского правительства произведение о России [7, 137]. Утверждение об авторстве Котошихина или, по крайней мере, порождении этого понятия «русской исторической мыслью XVII века», господствует в литературе до настоящего момента [21, 7; 10, 3]. Однако это утверждение неверно. Термин «Смута» был вполне современен событиям начала XVII века и активно использовался в обыденной речи русских людей той эпохи, а также в делопроизводстве московских приказов.

Слово «смута» бытовало в русском языке и до кризиса начала XVII века, используя в различных значениях. Так, в 1588 г. в грамоте английской королевы Елизаветы к царю Федору было написано: «А о торговых делах, что к ней писано от государя, что меж гостей их и русских учинилась *смута*...» [Российский государственный архив древних актов. Ф. 35. «Сношения России с Англией». Оп. 1. Кн. 4. Л. 96]. В данном случае под *смутой* подразумевался конфликт между купцами. В сентябре 1604 г. крымский гонец, обеспокоенный военными приготовлениями Москвы и Бахчисарая, заявил в Посольском приказе: «А такую деи *смуту* учинил промежи великих государей наших один человек» [РГАДА. Ф. 123. «Сношения России с Крымом». Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 7]. Здесь под «*смутой*» следует понимать конфронтацию между двумя государствами. Очевидно, что иностранные дипломаты не использовали русского слова «смута»: оно просто показалось переводчикам наиболее адекватным в указанных ситуациях. Это доказывает факт бытования в русском языке слова «смута» до начала потрясений начала XVII столетия. Следует, однако, определить, с какого момента понятием «смута» русские люди стали обозначать целую эпоху, иначе говоря, с какого момента можно вести речь именно о «смутном времени»?

Разгоравшийся в начале XVII века кризис в Москве первое время именовали иначе. 28 марта 1605 г., за две недели до смерти Бориса Годунова, грозные события на

южных рубежах Московского государства в беседе с крымским гонцом обозначили словом «шатость»: «по грехом в польских (степных. — Д.Л.) во всех городех шатость, и Ливны потому ж в шатости» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 157]. На тот момент, вероятно, войну с самозванцем в Москве еще не воспринимали как бедствие всей державы и не ожидали скорой катастрофы династии Годуновых. Однако вскоре события в стране стали обозначать понятием «Смута». Так, в конце мая — начале июня 1605 г. российские послы, возвращавшиеся из Грузии, получили отписку от астраханских воевод, отказывавших им в высылке провожатых: «А писали к ним, что у них в Асторохани от воров от казаков стала *смута* великая» [РГАДА. Ф. 110. «Сношения России с Грузией». Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 103]. Переворот в Астрахани, в результате которого горожане присягнули «царю Димитрию Ивановичу», со слов очевидцев был охарактеризован в приказном делопроизводстве следующим образом: «...в Астарахани... *смутились* на Ростригину имяя» [РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 9].

Следовательно, с первых же лет кризиса понятие «смута» стало постоянно употребляться русскими людьми в повседневной речи для обозначения происходящих в Московском государстве событий. Из разговорной речи это слово активно проникало в терминологию приказного делопроизводства. В 1606 г. русские посланники в Польше князь Григорий Константинович Волконский и дьяк Андрей Иванов, опираясь на составленный для них в Посольском приказе наказ, обвиняли короля Сигизмунда и его приближенных в том, что они «в Московском государстве *смуту* и кроворозлитие учинили» [РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Кн. 26. Л. 104—104 об.]. Иногда понятие «смута» заменялось иными оборотами. Например, назначенный в 1607 г. гонцом в Крым Степан Михайлович Ушаков в челобитной называл свое время «нестройным» и отмечал, что «ныне от воров полем итти страшно» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2.

(1607 г.). Л. 60]. Однако слово «смута» употреблялось в делопроизводстве наиболее активно. Довольно часто встречается в документах оборот «воровская смута»: «...а шаховы посланники и гонцы... позаемшкались в Московском государстве за *воровскою смутю*»; «Астарахань от *воровские смуты* очистилась»; «*воровская смута* вся поминовалась» [РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 41–41 об., 43 об., 46].

Термин «Смута» в делопроизводственной практике использовался довольно активно и вскоре стал употребляться и при составлении официальных документов, вплоть до текстов международных соглашений. В частности, в договоре, подписанном под Москвой между боярским правительством и гетманом Жолкевским в августе 1610 г., события нескольких предшествующих лет именуется «*нынешней смутю*» [Archiwum glowne akt dawnych. Archiwum Radziwillow, II, 412. S. 6–8]. Оборот «*нынешнее смутное время*» употреблен в приговоре Первого ополчения от 30 июня 1611 г. [22, 38]. Интересен следующий факт: понятие «смута» настолько утвердилось в русской повседневной речи и делопроизводстве, что его стали использовать и для обозначения событий за рубежом. Так, в 1616 г. возвратившиеся из Франции русские послы Иван Кондырев и Михаил Неверов подали в Посольский приказ статейный список, в котором о драматических событиях конца XVI века во Франции (религиозные войны, гибель в короткие сроки нескольких королей, смена династии, вторжение испанских войск) было сказано в числе прочего: «во французской земле в те поры учинилась *смута*» [РГАДА. Ф. 93. «Сношения России с Францией». Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 238]. Вероятно, русские посланники увидели в событиях, имевших место во Франции в конце XVI века, аналогии российским потрясениям начала XVII столетия.

Таким образом, можно считать доказанным, что понятие «смута» имело отнюдь не литературное происхождение и активно использовалось в повседневной речи и делопроизводственной практике Московского государства начала XVII столетия, за

шестьдесят лет до написания Г.К.Котошинным его знаменитого сочинения. Следует также определить, какой смысл вкладывали современники в это короткое слово. Для этого проанализируем контекст, в котором данный термин употреблялся в те годы.

Прежде всего следует отметить, что Смутное время воспринималось современниками как кризис духовности. Сами события Смуты считались наказанием за грехи и результатом происков иноземцев (чаще всего в качестве таковых упоминались поляки); одним из итогов кризиса было разорение русских земель. Так, в конце 1614 г. английскому послу было сказано: «самому тебе, князю Ивану, ведомо, что за грех всего православнаго христьянства, а по злому умыслу польского Жигимонта короля во всех наших великих Росийских государствах *смута* и рознь была...» [РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 148–149]. Мотивом враждебных действий поляков объявлялось желание «истинную нашу православную крестьянскую веру порушити» [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 62 об.–63]. Наказанием за греховность русских людей объясняет начало Смутного времени и автор «Нового летописца» [11, 296]. Соответственно, одним из главных условий преодоления Смуты как духовного кризиса русские люди считали унификацию религиозной жизни в стране. Так, в 1616 г. на переговорах с английским послом, в ответ на его просьбу разрешить построить в Москве лютеранский храм, бояре заявили: «...была поставлена ропата в Кокуе при царе Борисе для датцково королевича, как ево здесь не стало, и в той ропате тело ево положили на время, а вести было тело ево за море в Дацкую землю вскоре, а ропата сломать. Да позашли *смутные времена*, и ропаты сломати не успели. А как Московское государство от польских и от литовских людей очистилось, и тое ропату в Кокуе сломали тот же час, да и вперед ропатом и костелам в Росийском государстве нигде не бывать» [РГАДА. Ф. 96. «Сношения России со Шведией». Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 353–354]. Любопытно, что разрушение иноверческого храма русские люди начала XVII века считали симво-

лическим актом, способствующим выходу из Смутного времени.

Одной из главных сторон Смуты, как понимали современники, было враждебное вмешательство сопредельных держав в дела Московского государства. Злую волю польского короля Сигизмунда российские приказные люди отмечали при всяком удобном случае: «...по грехом в Российском государстве учинилась польского короля и панов его рад умышленьем *смута* и рознь...» [РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 218 об.]. В 1613 г. в грамоте из Москвы на Дон сообщалось, что «польской Жигимонт король... писал к Ивашку Заруцкому, чтоб он в Московском государстве был и *смуту* всякими бесовскими прелестми делал, и государя нашего людей к себе на *смуту* приводил...» [РГАДА. Ф. 111. «Донские дела». Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 105]. В описи архива Посольского приказа зафиксирована грамота литовского канцлера Льва Сапеги от 1612 г., которая была написана «на *смуту*... о договоре пана Желтовского (Жолкевского, т. е. о договоре 17 августа 1610 г. об избрании на российский престол королевича Владислава. — Д.Л.)» [12, 175].

Обстоятельством, облегчившим наступление «Смутных времен», люди начала XVII века считали пресечение династии московских Рюриковичей, повлекшее за собой воцарение недостойных царского сана лиц и самозванческие интриги. Так, в 1610 г. из Москвы в королевский лагерь под Смоленском была послана грамота, в которой, среди прочего было написано: «после блаженные памяти царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси на Московском государстве были не природные государи, и потому в Московском государстве и *смуты* учали быти, и многие воровы назывались государскими детьми» [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 6. (1610 г.). Л. 1]. Одной из составляющих кризиса было наличие нескольких претендентов на престол. Вспоминая события царствования Василия Шуйского, современники непременно отмечали его противоборство с Лжедмитрием II («Тушинским воровом»): «А в те поры в Московском государстве была *смута*: стоял под Московским государст-

вом Вор тушинской» [РГАДА. Ф. 115. «Кабардинские, черкесские и другие дела». Оп. 1. Д. 4. (1614 г.). Л. 5]; Василий IV обратился за помощью к шведам, «видечи от короля и от Вора *смуту* и в своих людех шатость, не чая своими рускими людьми против польских и литовских людей устояти...» [РГАДА. Ф. 32. «Сношения России с Австрией и Германской империей». Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 84]. Иногда события времени «междоусерстия» в приказной документации именовалось «*смутным и безгосударным временем*» [РГАДА. Ф. 127. «Сношения России с ногайскими татарами». Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 2]. Таким образом, понятие «Смута» включало в себя для русских людей также династический кризис, осложненный самозванчеством и наличием одновременно нескольких претендентов на престол.

Современники отлично осознавали и социальную сторону Смутного времени. В числе основных «заводчиков Смуты» неизменно называли казаков. В частности, в приказной документации указывалось, что казачий атаман Иван Заруцкий, «взяв с собой прежних ведомых воров, ...которые... по заводу воров — казаков назывались государскими детьми ложно, ...збежал... в Астарахань. А к ним в Астарахани пристали прежние их советники воров, которые воровали в *смутное в безгосударное время* и воров государскими детьми называли ложно с ними вместе, и, будучи в Астарахани, хотели своим злым умыслом заводить такое ж воровство по-прежнему». Лишь с разгромом казаков Нижняя Волга «от воровские *смуты* очистилась» [РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 44–46]. Социальное происхождение казачества в Москве характеризовали следующим образом: «Ведомо, ...что на Дону, и на Волге, и на Яике живут казаки — воровы, беглецы, которые за воровство приговорены к казни, а иные — холопы боярские, и от того, збежав, воровуют. И тех воров, сыскивая, побивают и вешают» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1604 г.). Л. 195]. Следовательно, в восприятии людей начала XVII века Смута включала в себя также бунт социальных

низов — казаков и беглых холопов. Однако отмечалась и другая сторона явления — самоуправство дворян, воспользовавшихся кризисом для свода у соседей крестьян и холопов. Об этом было сказано в приговоре Первого ополчения от 30 июня 1611 г.: «...дворяне и дети боярские в нынешнее смутное время и в разоренье вывозили у своей же братьи, у дворян и у детей боярских, крестьян и людей» [22, 38].

Наконец, результатом Смуты стало разорение русских земель. Экономическая сторона кризиса подчеркивается довольно часто употреблявшимся в делопроизводстве оборотом, синонимичным понятию «Смута» — «литовское или московское разоренье», на которое, в частности, нередко ссылался подьячий Посольского приказа, когда им не удавалось обнаружить в приказном архиве нужный документ: «А отпуску княж Иванову в Кизылбашу, и сколько с ними к шаху от царя Василья послано кречатов..., того после литовского разоренья не сыскано»; «И в Посольском приказе про него, Игнатья, которого он города уроженец, и какова отца сын... после московского разоренья не сыскано» [РГАДА. Ф. 77. «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 222; Ф. 141. «Приказные дела старых лет». Оп. 1. Д. 16. (1620 г.). Л. 1]. В большинстве случаев, правда, современники употребляли оборот «московское разорение» в отношении не всей Смуты в целом, а вспоминая кульминационный момент ее развития — сожжение поляками Москвы. Так, один из служилых татар писал в своей челобитной от 1614 г., что «был де он при царе Василье в Посольском приказе и по московское разоренье...». В 1615 г. дьяки расспрашивали своих подчиненных об иностранце, который приехал в Москву за четыре года до «московского разорения», что свидетельствует о том, что под «разорением» понималось вполне конкретное событие [РГАДА. Ф. 138. «Дела о Посольском приказе и служивших в нем». Оп. 1. Д. 1. (1613—17 гг.). Л. 286, 288; РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 517—518].

Следовательно, современники Смутного времени пытались осмыслить причины и

результаты постигших страну бедствий и отдавали себе отчет в том, что Смута представляет собой сложнейший узел проблем, включавший в себя кризис духовный, социальный, экономический, династический и внешнеполитический.

Следует также проанализировать вопрос о хронологических рамках Смутного времени. Относительно времени начала Смуты в историографии особых разногласий нет — в большинстве исследований отправной точкой кризиса Московского государства считаются 1604—1605 гг., т. е. время вторжения войск Ажедмитрия I на территорию России. Как отмечалось выше, именно с того момента в деловой письменности Московского государства для обозначения текущих событий стал использоваться сам термин «Смута». Относительно же времени завершения Смуты единая точка зрения отсутствует. Большинство российских историков ограничивают события Смутного времени 1613 годом — избранием на престол царя Михаила Федоровича Романова. Виднейшие ученые — С.М.Соловьев, Н.И.Костомаров, С.Ф.Платонов — временем завершения Смуты считали именно это событие. Немногие исследователи придерживались иной точки зрения. В частности, И.Е.Забелин в очерке о святом Иринархе отметил, что при царе Михаиле Смуту лишь «окончательно поборают»; несмотря на установление «тишины и всеобщей радости» в Москве, в 1614—1615 гг. города русского Севера подвергались разорительным нападениям казаков; только в 1616 г., в год смерти святого Иринарха, по мнению историка, «волнения Смуты стали утихать окончательно» [6, 308, 311—312]. Из историков XX столетия мысль о продолжении Смутного времени после 1613 г. поддержал А.А.Станиславский, назвавший поход 1618 г. королевича Владислава на Москву «последней страницей Смуты» [22, 195—199]. Аналогичной точки зрения придерживаются польские историки, считающие, что Смута (в терминологии польских источников — «Димитриада») на Руси продолжалась до 1614 или даже 1618 г., т. е. до подписания Деулинского перемирия [24; 25, 89; 26].

Нам представляется, что мысль о завершении Смутного времени актом избрания на престол Михаила Романова является ошибочной. Данное событие ничего коренным образом не меняло во внутривнутриполитической обстановке и не прекращало конфликтных отношений с соседними державами. Лишь ретроспективно, зная, что Михаил Федорович, в отличие от своих менее удачливых предшественников, правил достаточно долго и стал основателем новой царской династии, историки могут делать вывод о том, что Смутное время завершилось при этом государе. Но можно ли утверждать, что концом Смуты являлся сам акт избрания царя Михаила на престол?

На момент избрания на престол Михаила Федоровича центральному правительству подчинялась далеко не вся территория Московского государства: поляками были оккупированы западные территории страны: Северская и Смоленская земли вплоть до Вязьмы и Волоколамска (около 100 км от столицы); шведские войска держали под контролем северо-восток: Новгородскую землю до Тихвина и Старой Русы (приблизительно 500 км от Москвы). Попытки освободить указанные территории от оккупации закончились поражением русских войск уже в 1613–1614 гг. Шведская и польская стороны выдвигали своих претендентов на российский престол (поляки — принца Владислава, шведы — королевича Карла-Филиппа). Отказывалось подчиняться московскому правительству Астраханское царство. Южные регионы страны были охвачены мятежом, который был возглавлен атаманом Иваном Заруцким и Мариной Мнишек. Они заняли Астрахань, где царем был провозглашен «Воренок» Иван Дмитриевич — трехлетний сын Ажедмитрия II и Марины Мнишек. Мятеж Заруцкого был подавлен лишь в середине 1614 г. Только в июле 1615 г. было разгромлено движение казаков под руководством атамана М.И. Баловнева: казаки были остановлены под самой Москвой [22, 142]. Тогда же был положен конец сепаратистским устремлениям Новгорода Великого.

Однако ситуация вновь значительно осложнилась в связи с выступлением в

1617 г. в поход против Московского государства войска польского королевича Владислава. Приходу польского принца предшествовал мятеж ратных людей, которые «приходили на бояр с большим шумом», и отказ от повиновения казаков, стоявших в Москве [11, 399]. В октябре 1618 г. Владислав подступил к Москве и потребовал признать себя царем, а Михаила Романова — узурпатором и клятвопреступником. При этом поляки едва не взяли русскую столицу штурмом. Ситуация конца 1618 г. в значительной степени напоминала положение 1608 г., когда в Москве фактически в осаде находился царь Василь Иванович, а под Москвой, в Тушино, стояло войско «царя Дмитрия Ивановича». Необходимо учитывать также, что в период с 1612 г. по 1619 г. в Москве отсутствовал патриарх — т. е. русская православная церковь фактически не имела официального руководителя. С избранием на престол Михаила не прекратился социально-экономический кризис, продолжилась война с сопредельными государствами, церковь не обрела главы в лице действующего патриарха. Не был окончательно решен даже вопрос династический: на момент избрания Михаила о правах на российский престол заявляли еще три претендента: польский принц Владислав, шведский королевич Карл-Филипп и астраханский «воренок».

Принимая во внимание все вышеперечисленное, вряд ли можно утверждать, что крайней временной границей Смутного времени является 1613 г. — год избрания на престол Михаила Романова. Данная точка зрения возникла лишь как результат ретроспективного взгляда на события XVII века. Следует учитывать и тот факт, что данная схема Смуты складывалась в период правления Романовых, и ученые XIX — начала XX века должны были отводить особое место в истории событий начала XVII столетия родоначальнику царствующей династии. Для того, чтобы дать ответ на вопрос о том, когда же действительно закончилась российская Смута начала XVII века, следует обратиться к свидетельствам современников событий, которые воспринимали события непосредственно, а не через

глубину нескольких столетий. Люди начала XVII века не могли знать в 1613 г., что Михаилу Романову суждено оставаться царем в течение 32-х лет; в первые годы правления этого государя оставалась реальная опасность того, что он разделит участь своих предшественников: семьи Годуновых, павшей после семи лет царствования, Лжедмитрия I, удерживавшего престол менее года, Василия Шуйского, свергнутого после четырех лет правления.

Следует отметить, что Посольский приказ пытался внушить иностранным дворам мысль о завершении Смуты в Московском государстве уже в 1613 г. В наказ русским посланникам Степану Михайловичу Ушакову и дьяку Семену Заборовскому, отправленным в империю Габсбургов в июне 1613 г., были записаны слова, которые следовало сказать императору и его советникам: «А которая была в Росийском государстве до него, государя (Михаила Федоровича. — Д.А.), смута, и рознь, и в людех скорбь, того в радости забыл, кабы ничего не бывало» [РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 52]. Однако подобное указание отражает лишь официальную концепцию, которая была весьма далека от реального положения вещей. Отметим также, что дипломатическое ведомство на протяжении всего кризиса прилагало немалые усилия для создания за рубежом убежденности в том, что события в Московском государстве находятся под контролем правительства и все беспорядки уже прекратились. В сентябре 1607 г., например, Посольский приказ инструктировал пристава при польских посланниках, указывая ему говорить о полном прекращении мятежей: «А которые города по воровской смуте посмутились были, и те города государю добилаи челом, а достальные города у его царского величества в своих винах милости просят» [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 40—41 об.]. При этом мы вряд ли согласимся с тем, что Смута завершилась в 1607 г., в то время, когда на западных рубежах Московского государства начиналось движение Лжедмитрия II.

За границей, несмотря на старания российского Посольского приказа, долгое вре-

мя не было уверенности в прочности позиций царя Михаила Федоровича. Так, например, голландские послы, назначенные посредниками на русско-шведские переговоры, в августе 1615 г. на некоторое время задержались с выездом, поскольку получили сведения о бегстве русского царя из Москвы к татарам, в связи с чем их миссия могла утратить смысл [16, 209]. Безусловно, подобные слухи, полученные голландскими властями из империи Габсбургов, могли быть инспирированы противниками Московского государства, но, ради справедливости следует отметить, что и русские люди, будучи за рубежом, иногда давали повод усомниться в прочности власти царя Михаила. Так, в частности, в конце 1614 г. в Москве производилось дознание над участниками российской дипломатической миссии, возвратившейся из Дании. В ходе разбирательства выяснилось, что один из участников посольства, будучи в Копенгагене, говорил, «что на Москве государя... Михаила Федоровича... выбирали черные люди, а лутчие — бояре, и дворяне, и служилые люди — хотели свейского королевича» [РГАДА. Ф. 53. «Сношения России с Данией». Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 176]. Интересно, что последняя информация подтверждается данными другого источника. В конце 1612 — начале 1613 г. польский король Сигизмунд III получил следующие данные: «на Москве у бояр... и у лутших людей хотение есть, чтоб просити на господарство... великого господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а имянно де о том говорити не смеют, боясь казаков, а говорят, чтобы обрать на господарство чужеземца» [14, 344].

О непрочности власти царя Михаила в первые годы его царствования писал и немецкий наемник Конрад Буссов, служивший в России в годы Смуты. Завершая рассказ о московских потрясениях, выразил сомнения относительно возможности завершения Смуты избранием на престол Михаила Романова: «Если этот новый царь удержит свою державу, значит ему очень везет, ибо... все же мало вероятно, чтобы его величество король польский... как и сын его... принц Владислав, оставили не ото-

мщенным причиненное им великое бесчестье, почему следует опасаться, что если с этой стороны будет предпринято что-либо решительное, то с новым царем будет быстро покончено, поскольку русские уже и теперь не слишком довольны им... К тому же есть более знатные вельможи, которые, судя по слухам, держат сторону короля и принца Владислава и упорно стремятся склонить его величество к тому, чтобы он снова выступил в поход и опять попытал счастья, и тогда... к королю несомненно перейдут много тысяч москвитов и помогут по старой привычке свергнуть своего нового царя» [1, 157].

По представлениям современников Смута отнюдь не закончилась избранием на престол Михаила Романова. Так, например, один из иностранцев, проживавших в Московском государстве, в июне 1614 г. отказывался ехать из Архангельска в Москву, ссылаясь на «нынешнее шаткое и безпутное время» [РГАДА. Ф. 150. «Дела о выездах иностранцев в Россию». Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 1]. В Посольском приказе, который отражал правительственную точку зрения и участвовал в выработке официальной концепции Смутного времени для передачи ее за рубеж, также не ограничивали события Смуты 1613 годом. Летом 1614 г. в беседе с ногайским гонцом посольские дьяки заявили: «И ис Казани те нагайские послы отпущены в смутное и в безгосударное время и в то время, как литовской король завладел Московским государством и Московское государство разорил, и как в понизовных городех и в Асторохани была первая воровская смута до Ивашка Зарутцкого» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 2]. Данная фраза свидетельствует о том, что, по представлениям современников, в Астрахани при Зарутцком (т. е. в 1613—1614 гг.) имела место «вторая воровская смута». В среде простых людей представления о возможности продолжения потрясений Смутного времени после избрания на престол царя Михаила также сохранялись. В 1614 г. в Белгороде отставленный вож (человек, сопровождавший российские посольства через степь на пути в Крым. — Д.Л.) Семен Телятников

проаносил здравицы «царю Дмитрию». Тогда же, в 1613/14 г., суздальский стрелец Игошка Максимов подал донос на казака Ивана Яковлева, «что он, Ивашка, шел с ним, Игошкой, на кабаке, и говорил Ивашка Яковлев Игошке: «которому де ты государю служишь?». Очевидно, по представлениям казака Яковлева, на 1614 г. в Московском государстве мог быть не один государь. Похожий случай имел место и в апреле 1616 г., когда относительно покойной царицы Анастасии Романовны было сказано: «та государыня была благоверна». В ответ на данную реплику крестьянин Милота Кузнец не удержался от замечания: «что де нынешние цари?» [9, 58, 71, 116]. В данном случае привлекает внимание как чрезвычайно низкая оценка крестьянином моральных качеств современных ему властей, так и употребление множественной формы: «нынешние цари».

Интересно, что и в самых верхах московского общества представители власти признавали, что смутные времена продолжались и после избрания на престол Михаила Романова. 20 июня 1617 г., четыре года спустя после избрания на престол нового царя, на переговорах с английским послом Джоном Мерриком бояре говорили: «самому ему, князю Ивану, ведомо, что ныне в Московском государстве от многие войны торговые всякие люди пооскудели, ведомо ему, которой год в Московском государстве смута» [РГАДА. Ф. 35. Кн. 4. Л. 217].

Характерно также, что большинство российских сказаний современников о Смуте завершаются именно описанием событий 1618—1619 гг. [10, 36, 141] — временем подписания Деулинского перемирия в декабре 1618 г. и размена пленных летом 1619 г. (в результате чего в Москву вернулся патриарх Филарет Никитич и русская православная церковь обрела предстоятеля). Этими событиями завершается, в принципе, повествование «Нового летописца»: последующие записи, доведенные до 1630 г., носят эпизодический и весьма краткий характер. При этом любопытен летописный рассказ «о знаменнии небесном» — появлении в небе кометы во время

прихода войска королевича Владислава под Москву в конце 1618 г.: «Царь же и все люди... весьма ужаснулись. Чаяли, что это знамение Московскому царству, и страшились королевича... Мудрые же люди философы о той звезде стали толковать, что та звезда не к гибели Московского государства, но к радости и тишине. О той же звезде принято толковать: как она стоит главою, над которым государством, в том государстве Бог подает все благое и тишину; никакого же мятежа в том государстве не бывает, а на которые государства она стоит хвостом, в тех же государствах бывает всякое нестроение и бывает кровопролитие многое и междоусобная брань и войны великие между ними. Такое толкование и сбылось...» [11, 400–401]. Как видно, летописец отметил панику в московском обществе, ожидание гибели Московского государства в связи с походом королевича Владислава. Комета стала для русских людей знамением того, что Бог простил их грехи, вследствие которых и «учинилась смута»; все же проявления русской Смуты (мятежи, нестроение, кровопролитие, междоусобная брань) были перенесены Божьей волей на европейскую почву. Небезынтересно отметить, что современники зафиксировали и другое небесное знамение — комету, предвещавшую наступление Смуты в Московском государстве: по данным Конрада Буссова, летом 1604 г. царь Борис, обеспокоенный появлением кометы, спрашивал о ее значении астролога и получил от него предостережение относительно грядущих бед и «немалых раздоров» [1, 38]. Таким образом, учитывая образность восприятия и мышления средневекового сознания, можно предположить, что в восприятии русских людей начала XVII века Смута оказалась временем, символично заключенным между двумя кометами — 1604 и 1618 гг.

События 1618–1619 гг., подведя черту в развитии кризиса начала XVII века, вызвали у современников потребность подвести итоги бурной эпохи, причем итоги окончательные, а не предварительные. В 1619 г. завершил свой труд о Смутном времени келарь Троице-Сергиева монастыря Авраа-

мий Палицын; около того же времени написал свой «Временник» дьяк Иван Тимофеев и были составлены статьи о Смуте в т. н. «Хронографе 1617 г.». В 1619 г. принялся за написание «Словес дней и царей» князь И.А.Хворостинин [10, 30–31, 181, 189, 234]. В 1619 г. закончил работу над «мемуарами из русской истории» и архиепископ Арсений Елассонский, повествование которого завершается не избранием на престол Михаила Романова, а смертью Марины Мнишек, т. е. 1615 г. [5, 204] Для нас важно отметить, что именно события 1618–1619 гг. позволили современникам сделать вывод о том, что Смута подошла к своему завершению, в результате чего на свет появились первые обобщающие сочинения современников о Смутном времени, причем нередко в этих трудах повествование перешагивает границу 1613 г.

Зарубежные авторы, писавшие о происшествиях, имевших место в Московском государстве в годы Смуты, также не прерывали своих сочинений 1613 годом. Например, швед Петр Петрей событийную сторону своего произведения о смуте в Московском государстве ограничил ратификацией Столбовского мирного договора 1617 г. между Россией и Швецией, что имело место в 1618 г. [13, 389–390]. Тем же событием (с добавлением краткого рассказа о размежевании границы) закончил повествование о Смутном времени и русско-шведской войне шведский историограф второй половины XVII столетия Юхан Видекинд [3, 480]. Польский автор Павел Пясецкий временем завершения Смуты считал 1618 г. — год подписания между Московским государством и Речью Посполитой Деулинского перемирия [17]. Голландец Элиас Геркман, завершивший свое повествование о российской смуте в 1625 г., последними событиями в истории этого кризиса назвал поход королевича Владислава под Москву в 1618 г., подписание Деулинского перемирия, возвращение из плена Филарета Никитича и рукоположение последнего в сан патриарха [4, 261–262].

Именно 1618–1619 гг., пожалуй, следует считать завершением многолетней

Смуты на Руси. Именно в тот период возвратились в мирное русло отношения со Швецией и Речью Посполитой, был рукоположен патриарх Филарет Никитич, началось преодоление разрухи, прекратилась усобица внутри государства. С тех же лет русские люди перестают употреблять в отношении современного им момента термины «Смута», «Смутное время». Московское государство возвращалось к своему докризисному состоянию.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать ряд выводов. Понятие «Смутное время» имело не позднее литературное происхождение, как полагали многие исследователи: этот термин современен отражае-

мым им событиям и активно использовался в повседневной речи русских людей начала XVII века и в делопроизводстве московских приказов. В само понятие современники вкладывали довольно широкий смысл, понимая под Смутой духовный, династический, социально-экономический и внешнеполитический кризис Московского государства. Анализ приказного делопроизводства и записок русских и иностранных очевидцев событий начала XVII века позволяет утверждать, что в восприятии свидетелей Смуты она не завершилась актом избрания на престол царя Михаила Романова; рубежом Смутного времени следует считать 1618–1619 гг.

ЛИТЕРАТУРА:

- [1] Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. // Хроники Смутного времени. – М., 1998.
- [2] Бутурлин Д. История Смутного времени в России в начале XVII века. – СПб., 1839.
- [3] Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. – М., 2000.
- [4] Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Дмитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем // Хроники Смутного времени. – М., 1998.
- [5] Елассонский А. Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. – М., 1998.
- [6] Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. – М., 1999.
- [7] Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 2. – М., 1995.
- [8] Кукушкина М.В. Неизвестное «Писание» о начале «смуты» // ТОДРА, Т. XXI. – М.–Л., 1965.
- [9] Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. – М., 2000.
- [10] Морозова Л.Е. Смута начала XVII века глазами современников. – М., 2000.
- [11] Новый летописец // Хроники Смутного времени. – М., 1998.
- [12] Опись архива Посольского приказа 1626 года. – М., 1977.
- [13] Петрей П. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года / О начале войн и смут в Московии. – М., 1997.
- [14] Платонов С.Ф. Московское правительство при первых Романовых / Статьи по русской истории (1883–1912 гг.). Т. 1. – СПб., 1912.
- [15] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). – М., 1937.
- [16] Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакима в Россию и их донесение Генеральным Штатам // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). – М., 1991.
- [17] Пясецкий П. Смутное время и Московско-Польская война. От появления первого Самозванца из Польши в 1604 году до Деулинского перемирия 1618 года. – СПб., 1887.
- [18] Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. Хроника Смутного времени. – М., 1981.
- [19] Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». – М., 1988.
- [20] Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени. – М., 1985.
- [21] Скрынников Р.Г. Социально-политичес-

- кая борьба в Русском государстве в начале XVII века. — Л., 1985.
- [22] Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII века: Казачество на переломе истории. — М., 1990.
- [23] Черепнин Л.В. «Смута» и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания.) // «Исторические записки», 1945, № 14.
- [24] Andrusiewicz A. Dzieje Dymitriad 1602 — 1614. — Warszawa, 1990.
- [25] Krolikowski B. Wsrod Sarmatow. Radziwillowie I pamietnikarze. — Lublin, 2000.
- [26] Maciszewski J. Polska a Moskwa. 1603—1618. Opinie i stanowisko szlachty polskiej. — Warszawa, 1968.

Раздел IV.

**СПРАВОЧНО-
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ**

Именной указатель

8 (156) тома Сборников РИО

- А**
 Август Гай Юлий Цезарь Октавиан 187, 207, 248, 254. *См. также* Октавиан Август
 Авдотья Рязанка 92
 Авдусин Д.А. 100, 104, 115, 123, 124, 127, 269
 Агмунда-Анастасия 228
 Агнеса, дат. королева 153
 Аграфена 243
 Адалберт Магдебургский, еп. 198, 244
 Адалберт-Войцех, архиеп. 201
 Адам Бременский 33, 39, 41, 42, 65–69, 76, 80, 141, 143, 174, 192, 201, 203, 206, 208, 211, 212, 223, 224, 234, 238, 270
 Адельрад. *См.* Этельред II, англ. кор.
 Аджи М.Э. 108, 125
 Адолла 144
 Адольф, граф саксонский 208
 Адрианова-Перетц В.П. 125, 267, 285, 286
 Азбелев С.Н. 167
 Акашев Ю.Д. 96, 122, 258, 272
 Аксаков К.С. 18
 Аксаков С.Т. 18
 Аксаковы 188
 Актеву 114
 ал-Бекри 120, 164, 199, 211
 ал-Идриси 201, 234, 237, 254
 Аларих I, кор. вестготов 79
 Аларих II, кор. вестготов 79
 Алевиз Фрязин, архит. 175
 Александр I, имп. 14
 Александр Михайлович, кн. 292
 Александр Ярославич Невский, вел. кн., св. 9, 113, 152, 157, 219, 292, 307
 Александров Д.Н. 288
 Алексеев В.П. 239
 Алексеев М.П. 91, 120, 202, 212
 Алексеева Т.И. 104, 124, 143, 192, 239, 254, 255, 272
 Алексей Михайлович, царь 156, 161, 168, 315, 316
 Алексей Петрович, царевич 137
 Алексей, митр. 192
 Алеша Попович 92
 Алешковский М.Х. 244
 Алиммер 141. *См. также* Гилимир
 Алпатов М.А. 92, 120, 269
 Алферов Ж.И. 250
 Алферьевы 188
 Альбрехт Мекленбургский 106
 Альфред Великий 114
 Амалфунта 144
 Амний, вождь росомонов 173
 Анастас 245
 Анастасий 72
 Анастасия Романовна, царица 325
 Ангальт фон Цербст. *См.* Екатерина II Великая, имп.
 Андерле А. 251
 Андерссон И. 84, 119, 124
 Андреевский И. 167
 Андрей (Эндре) Сар 228
 Андрей I 228
 Андрей, ап. 229
 Андрей Владимирович Добрый, кн. 290, 292, 293
 Андрей Иванович Кобыла 188
 Андрей Юрьевич Боголюбский, вел. кн. 152, 284
 Андрей Ярославич, вел. кн. 152, 160
 Андрусиевич А. 328
 Анна, царица 128, 247
 Анналист Саксон 199, 236
 Аннинский Л. 107, 125
 Аннинский С.А. 213
 Анохин Г.И. 17, 150, 165, 272
 Анпилогов Г.Н. 130, 131, 135
 Ансгарий, св. 38
 Антонин Философ 26
 Антония (из России) 145
 Антонов М.Г. 159
 Антур I 139
 Анулд, шв. король 183
 Апухтины 188
 Арапов Д.Ю. 279, 341
 Ариберт 137, 141, 143
 Ариберт I, кор. вендов 144, 145
 Ариберт II, кор. вендов 144
 Ариберт III, кор. вендов 144
 Арий 256
 Аристов Н.Я. 211
 Аристов Ф.Ф. 77
 Арне Т.Ю. 92, 103, 121, 123, 128, 131, 135
 Арсений Елассонский, архиеп. 326
 Артамонов М.И. 239, 254
 Артынов А. 143
 Арциховский А.В. 115, 116, 127
 Арцыбашев Н.С. 153, 166
 Аскольд, кн. 47, 84, 94, 97, 100, 215, 262
 Асмолов А.С. 214, 220, 250
 Атенор, вождь венетов 207
 Атилла 139, 193, 242
 Афанасий Александрийский 255
 Африкан 98, 122
 Ахмад, хан 310
 Аэпин, пропов. 138
- Б**
 Бабур Э.М. 311
 Баварский географ 171
 Багалай Д.И. 269
 Байер Г.Э. 8, 20, 37, 44, 45, 48, 57, 58, 67, 69, 102, 108, 123, 125, 136, 140, 146, 164, 169, 185, 186, 189, 216, 217, 232, 249, 253, 264, 266, 267, 269, 274
 Байцура Т. 77
 Бакутин М.А. 218
 Балов Г. 224
 Баловнев М.И. 323
 Барац Г.М. 112, 126, 212, 234, 235, 253, 260
 Бартоломей И.А. 128
 Басманов А.Д. 155
 Басс 327
 Баторий Стефан, польск. кор. 313, 314
 Батурины 188
 Батый, хан 282
 Бауэр Н.П. 129, 131, 135
 Бахмайстер И. 138
 Бахрушин С.В. 91, 120
 Бегленица 73

- Бегунов Ю.К. 143
Безбородко 188
Безобразовы 188
Безсонов П. 76
Беклемишевы 188
Белецкий С.В. 99, 122, 252
Беллин Бриттский 143
Беловский А. 142
Беляев И.Д. 166
Беляев Н.Т. 95
Бен Горюн 254
Бен Иосиппон. См. Иосиппон
Беневоленская Ю.Д. 272
Бенедикт из Питерборо 228
Бертсон А. 302
Бергтрада, королева фризов 144
Бережков Н.Г. 300
Березовец Д.Т. 192, 196, 236, 249
Березовский Б.А. 220
Бернард Ваповский 185
Бернштейн-Коган С.В. 123
Бестужев-Рюмин К.Н. 269
Бестужевы 188
Бибииков М.В. 119, 267
Биллунг 141
Биллунг I, кн. вендов 144
Биллунг II, кн. вендов 144
Биллунг III, кор. вендов 144
Биллунг IV, кор. вендов 144
Бильбасов В.А. 255
Билъдт К. 83, 118
Биллок, хан 285
Биллярский П.С. 232, 253
Бирон Э.И. 186
Бисмарк (фон) О. 220
Бицилли П.М. 90, 120
Благова Т.И. 77
Блюментрост 186
Боборыкины 188
Богдан Хмельницкий, гетм. 198, 211, 248, 256, 263, 315, 316
Богдановы 188
Богориз 45
Бодянский О.М. 18, 150, 165
Божогаст 54
Бой 236
Болеслав I Храбрый, польск. кор. 147, 201, 245, 247
Болеслав II Смелый, польск. кор. 278
Болеслав III, польск. кор. 204, 205
Боле Боллсон 176, 244
Боля Э. 138, 141, 142, 143
Болсуновский К. 128, 135
Болтин И.Н. 148, 165
Бонифаций, архип. 279
Борис Васильевич, кн. 292
Борис Владимирович, св. 215, 217, 243, 244, 245, 253
Борис, посадник 297, 298
Борис Федорович Годунов, царь 156, 314, 319, 326
Борисов Н.С. 279, 280
Боричевский И. 210, 212, 271
Боян Вещий, легенд. 45, 158, 225
Брайчевский М.Ю. 81, 192, 237, 239, 249, 272
Браун Ф.А. 98, 122, 250, 255, 266
Бредероде (ван) 327
Брем А.Э. 135
Брендштедт И. 183
Бречкевич М.В. 212
Бронджерс И.А. 251
Бруннер Г. 142
Брунон 201
Брунокс Ю.Д. 111
Брѣчислав Ивяславич 245, 247
Будовниц И.У. 167
Буланин Д.М. 124
Бурачков П. 114, 126, 271
Буриной 176, 231, 263
Бурнашевы 188
Бус 225
Буссов К. 324, 326, 327
Бутков П.Г. 149, 165
Бутурлин Д.П. 318, 327
Бухарь-царь, был. 158
Бухгольц С. 138, 140, 142, 144, 231, 265, 268, 270
Бэр (фон) М.И. 138, 139, 142
Бютнер 49
- В**
Вальгар 202
Ванда 140, 176
Варин 19
Вартислав 204
Василий I Дмитриевич, вел. кн. 153, 188
Василий I Македонянин, виз. имп. 50, 196, 197
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. 162, 308
Василий III Иванович, вел. кн. 156, 187, 310, 311
Василий IV Иванович Шуйский, царь 153, 321–324
Василий Константинович, кн. 292
Васильев А. 213, 271
Васильевский В.Г. 17, 82, 211, 252, 255, 271
Васильчиковы 188
Вдовина А.Н. 280
Вейсман А.Д. 300
Вела IV Венгерский 40
Велемир, кн. «русский» 200
Веленарий 28
Велисарий 69, 71–73, 79, 82
Величко С.В. 211, 256
Вельтман А.Ф. 20, 78
Вельяминовы 188
Вендула 144
Венелин Ю.И. 18–21, 68, 69, 75–78, 80, 83, 150, 165, 190, 218, 249, 269, 271
Венелович, Георгий. См. Венелин Ю.И.
Венеслав, кн. ругский 200
Вергилий Марон Публий 230
Верелий О. 44, 146, 267
Веремуд 114
Верещанин В.М. 255, 256
Вернадский Г.В. 103, 113, 123, 126, 183, 312
Вестберг Ф.Ф. 234
Витгер Ф. 139, 142, 143, 145, 231, 252
Вигиландия 73
Вигнерий 76
Видекинд Ю. 326, 327
Видогаст 54
Видукинд Корвейский 90, 91, 112
Видлинбахов В.Б. 11, 17, 269, 272, 273
Вильгельм Завоеватель 93, 202
Виноградов В.Б. 254
Винулем 140
Вислав, кор. вандалов 139
Вислав, кор. вендов 144
Вислав, рюгенск. кн. 144
Витберг А.А. 122, 178, 268, 272
Витен, кн. 187
Витов М.В. 254
Витовт, вел. кн. лит. 153, 161, 166, 305, 306
Витслав, кор. вендов 144
Витслав, кор. ободритов 139
Вить Григорий 156
Вишегаст 54
Владимир Великий. См. Владимир Святославич Святой
Владимир Всеволодич, кн. перяс. 292
Владимир Всеволодич Мономах, вел. кн. 91, 93, 128–130, 157, 166, 170, 181, 212, 245, 282, 286, 290–292, 295–301, 305
Владимир Глебович, кн. 285, 290
Владимир Игоревич, кн. 292
Владимир Мстиславич, вел. кн. 290
Владимир Святославич Святой, вел. кн. 16, 20, 31, 44, 45, 50, 87, 90, 91, 93, 94, 100–103.

- 109, 111, 120, 123, 128, 129, 131–134, 147, 148, 158–160, 201, 203, 215, 230, 232–235, 237, 242, 244–247, 249, 253, 255, 279, 280, 303
- Владимир Ярославич, кн. 246, 247
- Владислав II, польск. кор. 306
- Владислав Сигизмундович, королевич 321–326
- Владислав, чешск. кн. 229
- Влаандеръ Иньца 156
- Власовы 188
- Воейков А. 128
- Волконский Г.К., кн. 319
- Волошинский Я. 128
- Влахв Всеславич 133
- Вольга 133, 134
- Воронцовы 188
- Всеволод Константинович, кн. 292
- Всеволод Мстиславич, кн. 291, 292, 297–299, 301
- Всеволод Ольгович, вел. кн. 286
- Всеволод Святославич («Буй-Тур»), кн. 283, 286
- Всеволод Святославич Чермный, вел. кн. 287, 288
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн. 133, 152, 287, 292
- Всеволод Ярославич, вел. кн. 245, 286, 290, 294, 300
- Вундана 145
- Вышегородцев В.И. 268, 273
- Вышеслав Владимирович 215, 245, 246
- Вышеслав, рюгенский князь 209
- Вэрин 19
- Вятко 81, 97
- Вячеслав Владимирович, вел. кн. 291, 292, 294
- Г**
- Габсбурги 324
- Гагара Василий 157
- Гай Плиний Секунд 213
- Гай Юлий Цезарь 207
- Галкина Е.С. 171, 172, 177, 196, 253, 254, 274
- Галл Аноним 212
- Гальфрид Монмутский 143
- Ганка 18
- Ганнибал 69
- Гаральд 204. См. Ярослав Владимирович Мудрый, вел. кн.
- Гаральд III Гардрад 158
- Гаральд Английский 91
- Гаранка 157
- Гарнвальд 143
- Гаркави А.Я. 211, 234
- Гарткнох 213
- Гваньини А. 252, 266
- Гедеонов С.А. 11, 120, 129, 135, 165, 176, 186, 190, 193, 195, 197, 210, 211, 213, 218, 221, 250, 251, 266, 271
- Гедимин, вел. кн. 187, 305
- Гейзерих 82. См. Генсерик
- Гельмольд 33, 74, 140, 141, 143, 195, 197, 200, 202, 203, 205, 208, 211–213, 223, 235, 263, 270
- Гензерих 138
- Генрих I Английский 76
- Генрих I Птицелов 200
- Генрих I Русский 173
- Генрих II Бенуа де Сент-Мор 236
- Генрих IV 228
- Генрих Латвийский 126, 213
- Генрих Лев, герц. 200
- Генсерик 69, 71, 82
- Генцмер Г.Б. 138
- Географ Баварский 197
- Географ Равеннский 197, 212, 234, 237
- Георгий Амартол 199, 227
- Георгий Амастридский, св. 80, 171
- Герберштейн (фон) С. 136, 137, 142, 170, 209, 213, 264–266, 268, 270
- Герборд 204, 205, 207, 212, 213
- Геригер 38
- Геркман Э. 326, 327
- Герман, еп. 297
- Германарих 79
- Геродот 24
- Геррье В.И. 142
- Гзак 134
- Гида Харальдовна, кн. 91, 170, 291, 292, 295
- Гизелла 228
- Гивель И., архим. 263
- Гизмилер (Гелимер), кор. вандалов 71, 82
- Гильом Жюмьежский 202
- Гильфердинг А.Ф. 14, 15, 17, 133, 135, 211, 212, 271
- Гиммлер Г. 118, 222
- Гиппинг А.И. 149, 150, 153, 165, 166
- Гита. См. Гида Харальдовна, кн.
- Гитлер А. 118, 222
- Главырина Г.В. 88, 92, 119, 267, 269
- Глеб Васильевич, кн. 292
- Глеб Владимирович, св. 217, 245, 253
- Глеб Святославич, кн. 284, 287, 288
- Годлав (Годлиб), кн. вендов 231, 264, 265
- Годлиб (Годелейб), кн. варягов 137, 139, 144, 145, 231, 265
- Годофрид 139, 231
- Годрах, кор. вендов 144
- Годуновы 319, 324
- Голб Н. 111, 125, 260
- Голандын В.В. 317
- Головко А.Б. 244
- Голубинский Е.Е. 300
- Голубовский П.В. 287
- Гольдсман М. 112
- Гольман Г. 149, 165
- Гонорий III, папа 206
- Гонорий IV, папа 113
- Гонорий, зап.-римск. имп. 231
- Горбачевич К.С. 286
- Горский А.А. 272, 288
- Горский А.Д. 279
- Горюнков С.В. 183
- Гостомысл, король вендов 140, 144, 145, 176, 185, 231, 263
- Грацианский Н.П. 254
- Греков Б.Д. 11, 91, 120
- Григорий, пресв. 112
- Григорий Туровский 256
- Грот К. 252
- Грот Л. 101, 102, 123, 178, 209, 213, 232, 259, 260, 268, 272
- Грот Я.К. 149, 150, 165
- Грундын Савва 158
- Грушевский М.С. 190
- Гудань Н.К. 167, 168
- Гуды 114
- Гумилев Л.Н. 237, 239, 240
- Гунель 221
- Гуннар 163
- Гуревич А.Я. 84, 88, 119, 121
- Гуревич Ф.Д. 249
- Густав II Адольф, шв. кор. 146
- Гуда Георгий. См. Венелин Ю.И.
- Гурята, посадник 297
- Д**
- Давыд Ростиславич, кн. 282, 283, 284, 285, 286
- Давыд Святославич, кн. 295, 296, 297
- Давыдова Г.М. 272
- Дагоме 201
- Далимил 198, 228
- Далин О. 108, 109, 125
- Даль В.И. 150, 166
- Дан Ф. 142
- Даниил Александрович, вел. кн. 308

- Даниил, митроп. 243
 Даниил Романович, вел. кн. 305
 Данила, посадник 298
 Данилевский И.Н. 102, 112, 121–123, 126, 149, 150, 165, 214, 300
 Даниловичи 308
 Даныслав 297, 298
 Дашкевич 189
 Девлет-Гирей, хан 312
 Дегоев В.В. 302, 341
 Делагарди Я.П. 153
 Денисова Р.Я. 252, 254
 Державин Н.С. 210
 Деррис Х. 142
 Джаксон Т.Н. 88, 92, 100, 119, 123, 253, 267, 269
 Дивовы 188
 Дидман 152, 153
 Дмитрий Иванович, царевич 319, 327
 Дио Касиус 29
 Диоклетиан 226
 Дионисий 117
 Дир, кн. 47, 84, 94, 97, 100, 172, 209, 215, 262
 Дутош Ян 185, 215, 229
 Дмитр Завидич, посадник 297
 Дмитриев А.А. 283, 286
 Дмитриева Р.П. 268, 270
 Дмитрий Борисович, кн. 292
 Дмитрий Иванович Донской, вел. кн., св. 17, 161, 192, 219, 292, 308
 Дмитрий Шемяка 243
 Добра 144
 Добровский И. 217
 Добрыньскне 188
 Добрыня, воєвода 246
 Добрыня Никитич, был. 134, 158
 Добрыня, посадник 297
 Долинский И. 165
 Дорн Б. 120, 164
 Дорн С.Б. 223
 Драговит 139
 Дражко 141
 Дрина 144
 Дринатрия 144
 Дубов И.В. 92, 115, 120, 121, 122, 124, 127
 Думилин С.В. 107, 125
 Думин С.В. 122
 Дьерфи Д. 211
 Дю Канж 76
 Дю Френ 54, 76
 Дюшен 45
- Е**
 Евстафий-Завид, посадник 290, 296, 297
- Евфимий, митроп. 154
 Егингард. См. Эйгара
 Екатерина I Великая, имп. 14
 Екатерина II Великая, имп. 14, 186
 Екатерина Ивановна, принцесса 265
 Екатерина Ивановна, царица 137
 Елагины 188
 Елассонский А. 327
 Елена 102, 232
 Елизавета I, англ. королева 313, 319
 Елизавета Петровна, имп. 50
 Елизавета Ярославна, кн. 158, 204
 Еланчины 188
 Еремин И.П. 107, 125, 167
 Есенин С.А. 285
 Ефрем Переяславский 298
 Ефрем, протопроедр 296
- Ж**
 Жеффрией Геймар 202
 Жиль Ф.А. 128
 Жолкевский, гетм. 320, 321
 Жуковский В. 184
 Жуковы 188
 Журавель А.В. 290, 300, 341
 Журбин А. 214
- З**
 Забелин И.Е. 163, 164, 168, 190, 213, 264, 268, 271, 322, 327
 Заборовский С. 324
 Завитневич В. 222, 251
 Зайцевы 188
 Зализняк А.А. 143
 Зарудкий И. 321, 323, 325
 Засурцев П.И. 278
 Зеленин Д.К. 81, 273
 Зеленокоренный А.М. 282, 341
 Зефрид 204
 Зинов Изаврийский 72
 Золотарев Петр 153
 Зотов Р.В. 287, 288
 Зоя (София) Палеолог 187
 Зубрицкий 190
- И**
 Иафет 33, 78, 112, 175, 234. См. также Яфет
 Ибн Руст 171, 180
 Ибн Фадлан 172, 235
 Ибн Хордадбех 15, 17, 270
 Ибн-Якуб Ибрагим 199, 200
 Иван III Васильевич, вел. кн. 154, 161, 187, 243, 246, 269, 309, 310
 Иван IV Васильевич Грозный, царь 117, 155, 161, 187, 188, 248, 256, 263, 311–314, 316
 Иван V Алексеевич, царь 137
 Иван Всеволодич, кн. 292
 Иван Дмитриевич, «воренок» 323
 Иванов Андрей 319
 Иванов Арефка 162
 Иванов Онтон (Мерш Мерих) 155
 Иверстин Гавнус 156
 Игорь Рюрикович, кн. 100, 101, 111
 Игорь Святославич, кн. 134, 135, 282–286, 292
 Игорь Старый, вел. кн. 45, 47, 48, 50, 84, 85, 91, 94, 100, 129, 137, 147, 178, 179, 190, 197, 210, 215, 231, 235, 237–242, 244, 260, 261
 Ида 141
 Иероним, св. 230
 Иязслав Владимирович, кн. 135, 203, 245, 246, 295, 296
 Иязслав Мстиславич, вел. кн. 141, 291, 292
 Иязслав Ярославич, вел. кн. 244, 278
 Иаарион, митроп. 234, 237, 245
 Иаовайский Д.И. 113, 115, 126, 127, 150, 151, 166, 186, 189, 266, 271
 Иаьин А.А. 129, 135
 Иаьин Н.Н. 243
 Иаьина Н. 17, 273
 Иаья Муромец, был. 92, 134, 158, 159, 230
 Иаья Русский 230
 Иаья Ярославич 203, 245–248
 Инал 50
 Инге Стенкильссон, шв. король 183
 Ингегерд Святополюковна, кн. 181
 Ингегерд, шв. принцесса 181, 203
 Ингигерд 20, 233, 245–248, 255
 Инегелд 114
 Иннокентий IV, папа 209, 229
 Иоаким, еп. Новгородский 185
 Иоаким, летописец 140
 Иоакими, посол 327
 Иоанн II, митроп. 298, 300
 Иоанн III, митроп. 298
 Иоанн Диакон 81
 Иоанн, еп. 301
 Иоанн XV, папа 198, 201
 Иоанн Цимисхий, виз. имп. 303
 Иона, еписк. 243
 Иордан 28, 29, 31–33, 69, 79,

- 80, 173, 194, 224, 227, 235, 251
Иордан Гот. См. Иордан
Иосиппон (Иосиф бен Горнион) 112, 126, 200, 234, 238, 254
Иосиф 240
Иринарх, св. 322
Исаевич Я.Д. 124
Исидор, митроп. 209, 228
Исток 73
Иустин 74
Иштван 228
- Й**
Йоханссон Г. 223, 249, 251
- К**
Кавелин К.Д. 19, 77
Кадлубк, еписк. 138
Кавакова Н.А. 213, 229
Казимир IV, польск. кор. 161, 309, 310
Кайзерлинг 186
Калайдович К.Ф. 274
Калугин В.И. 159, 167
Кан А.С. 87, 105, 107, 119, 120, 124–126
Каплан Ф. 111
Караджич В.С. 18
Карамзин Н.М. 19, 22, 38, 39, 55, 58, 62, 67, 128, 149–153, 165, 166, 184, 189, 206, 211, 213, 247, 248, 256, 259, 267
Каратеев М.Д. 8, 118, 127, 184, 273
Каргалов В.В. 279, 280
Каргер М.К. 241, 254
Карл IV 230
Карл XII, шв. кор. 154
Карл Великий 27, 29, 32, 54, 63, 65, 79, 80, 139, 142, 199, 230, 231, 235
Карл Леопольд, герц. мекленб. 137, 265
Карл Людовик, принц 138
Карл-Филипп, королевич 323
Карлсон А. 183
Карлы 114
Карн 114
Караолиги 52
Каченовский М.Т. 19, 76, 77
Кашкины 188
Кегхель Еремей 156
Кедрин Иоанн 50, 175
Кейслер (фон) Ф. 213
Кекронея 23
Кене Б.В. 128, 131
Кивель (фон) Дитрих 153
Кий, кн. 91, 96, 111, 112, 185, 189, 215, 260
Киприан, митр. 187, 192, 193, 237
Киреевские, братья 184
Кирилл, св. 228, 230, 245, 255
Кирпичников А.Н. 92, 95, 96, 104, 105, 107, 108, 116, 120–122, 124, 125, 127, 149, 165, 232
Классен Е. 151, 166, 271
Клеве (фон) Герхардт 152
Клейн Л.С. 115, 127, 220, 221, 251
Клейнберг И.Э. 98, 102, 122, 123, 166
Климент III, пала 113, 206
Клинкрод Винька 156
Клювер Г.Г. 137, 138, 139, 142
Ключевский В.О. 168, 183, 189, 318, 327
Кнут Великий, дат. и англ. кор. 202, 203, 208, 228, 248
Кнут Великий, дат. кор. 202, 203, 208
Ковалевский С.Д. 86, 119, 124
Кодни 70, 73, 74
Кожиннов В. 237, 239
Коковцев Н.К. 183
Колачевы 188
Колиненко Ю.В. 18, 341
Кольчевы 188
Кольчатов В.А. 255
Кондырев И. 320
Коновалова И.Г. 237, 239, 240
Конрад III, имп. 205
Константин I Великий, имп. 27, 72, 73, 79, 108, 255
Константин VII Багрянородный, виз. имп. 33, 50, 51, 70, 81, 103, 137, 189, 199, 241, 272
Константин Борисович, кн. 292
Константин Всеволодич, вел. кн. 290, 292
Константин Добрынич 246, 247
Константин Моисеевич, посадник 297, 298
Константин Ольгович, кн. 287, 288
Константин Порфирородный. См. также Константин VII Багрянородный
Константин, проедр 296
Константин Романович, имп. 241
Констанций 256
Коид В. 142
Кончак, хан 134
Корюк В.Д. 125, 126
Корф С.А. 98, 186
Косоруков А.А. 283, 286
Костомаров Н.И. 149, 150, 160, 166, 168, 189, 190, 218, 235, 266, 271, 272, 322
Косфельде (фон) Маркворт 155
Котляревский А.А. 212, 271
Котов Федот 157
Котошихин Г.К. 160, 162, 168, 317, 318, 319, 320
Кочин Г.Е. 210
Кочуркина С.И. 221
Кочубинский А.А. 77
Крае Г. 224, 230, 251
Кранций А. 145
Крашенинников 186
Крижанич Юрий 317
Кроакиковский Б. 328
Кропоткины 188
Круг И. 63, 186
Крузе Ф. 142, 149, 165, 186
Кубасов С. 263
Кудрякова Е.Б. 211
Кузнец М. 325
Кузнецов А.В. 254
Кузнецов Е.В. 273
Кузьмин А.Г. 11, 17, 102, 105, 109, 112, 113, 115, 123, 125, 126, 141, 143, 167, 173, 177, 178, 210–212, 214, 220–223, 242, 243, 250, 251, 253–255, 260, 261, 263–266, 268, 270, 273, 274, 280, 341
Кукушкина М.В. 327
Кулик А.А. 90, 92, 101, 104, 111, 120, 121, 123–125, 128, 131, 146, 164, 189, 211, 221, 222, 248, 250, 251
Кур Федор 156
Курбский А.М. 317
Кутузов М.И. 219
Кутузовы 188
Кучкин В.А. 214, 291, 300
- Л**
Лависс Э. 139, 142
Лаврин Мавнус 156
Ладженские 188
Ламанский В.И. 256, 271
Ласло (Владислав) Сар 228
Латванганс А. 125, 269
Латом Б. 266
Латомус 145
Лебедев В.И. 280
Лебедев Г.С. 92, 100, 103, 115, 120–124, 127, 221
Левашевы 188
Левенте Мар 228
Левченко М.В. 196, 210, 211
Лейбниц Г.В. 136, 142, 267
Леклерк 165
Ленин В.И. 218, 267

- Леон, митроп. 247
 Леопольд V 228
 Лепниг А.А. 251
 Лерберг 51
 Лесной С. 103, 104, 113, 123, 124, 126, 273
 Лех 33, 229
 Лжедмитрий I 322, 324
 Лжедмитрий II 321, 323, 324
 Лидул 114
 Линд Дж. X. 300, 301
 Лисейцев Д.В. 318, 341
 Лиутпранд 46, 56, 81, 170, 194, 200, 211, 236, 238
 Лихачев Д.С. 88, 89, 109, 110, 119, 125, 160, 163, 167, 168, 177, 234, 240, 253, 259, 260, 267, 268, 283, 284, 286
 Лихачев Н.П. 128, 131, 134, 135
 Ловмянский Г.К. 11, 15, 17, 84, 114, 119, 121, 126, 127, 149, 165, 193, 199, 203, 210–212, 273
 Ломоносов М.В. 11, 14, 94, 100, 102, 104, 113, 121–124, 126, 163, 170, 186, 189, 190, 216, 249, 250, 271
 Лопухины 188
 Лотарь III, герм. имп. 205
 Лукин П.В. 327
 Лыбедь 96
 Лысенко П.И. 278
 Льюнс Г. 212
 Любавский М.К. 269
 Любарский Я.Н. 177
 Любичина 72
 Людмила, дочь Гостомысла 231
 Людовик I Благочестивый, имп. 44, 55, 194–197, 235
 Людовик II Немецкий, имп. 140, 145, 195, 196, 197, 225
 Лют 48
 Лященко А.И. 92, 121
- М**
 Мавро Орбини 139, 142
 Мавродин В.В. 91, 103, 116, 120, 123, 127, 151, 164, 166, 168, 269
 Магнус, дат. герцог 153, 155
 Магнус, король 81
 Макарий, митроп. 37, 243
 Максим Грек 317
 Максимов И. 325
 Максимович М.А. 77, 116, 127, 190, 271
 Мал 93, 98, 278
 Малени А.И. 270
 Малесклад. См. также Ярослав Владимирович Мудрый, вел. кн. Малесклад, кор. ругов 202
 Малуша 93, 246
 Мамай, темник 159
 Марина Миншек, царица 323, 326
 Мария, княжна 246
 Марк К.Ю. 254
 Маркос 256
 Маркс К. 218, 220, 250, 267
 Мармье К. 231, 252, 264, 265, 268, 270
 Марр Н.Я. 219, 222, 251
 Марта Савронская. См. Екатерина I Великая, имп.
 Мартин Бельский 185
 Мартинации 50
 Мартынов В.В. 251
 Марцеллин Аммиан 29
 Матвей Меховский 185
 Матузова В.И. 177, 202, 212, 254
 Маджижевский И. 328
 Мачинская А.Д. 124, 125
 Мачинский Д.А. 104, 105, 108, 113, 124, 125, 126
 Мезин С.А. 280
 Мельников Г.П. 124
 Мельникова Е.А. 13, 17, 88, 92, 96, 105, 122, 124, 127, 214, 221, 222, 224, 232, 235, 239, 245, 251, 253, 254, 258–260, 267–269
 Мельхиор Гольдаст 200
 Мельхиседек (Борщев), игум. 185
 Менандр 31
 Менгин В. 143
 Менгли-Гирей, хан 310
 Меншиков А.Д. 188
 Меркатор Герард 209, 223
 Меркулов В.И. 136
 Мерлин 143
 Мерперт М.Я. 211
 Меррик Дж. 325
 Мессениус Иоганн 208
 Мефодий, св. 198, 228, 229, 244, 245, 255
 Мечеслав, кн. вендов 144
 Мешко, польск. кн. 199
 Мецкерский Н.А. 112, 126
 Мидас 99, 117
 Микешин М.О. 107
 Миникола И. 100
 Минкула, посадник 297
 Миллард Э. 127
 Миллер Г.Ф. 8, 20, 100, 108–110, 122, 124–126, 136, 141, 148, 150, 165, 185, 186, 189, 216, 249, 267, 271
 Милонег Петр 284
 Мильков В.В. 256
 Милоков П.Н. 109, 125, 128, 269
 Минасян Р.С. 115, 127
 Миндовг, кн. 305
 Минин К.М. 314, 327
 Миних Б.К. 186
 Миронег, посадник 297
 Мистевой I, кор. вендов 144
 Михаилс 49
 Михаил, митроп. 247
 Михаил Федорович Романов, царь 314, 315, 322–327
 Михайлов Е.Э. 214
 Михайлов О. 184
 Моисей, библ. 23, 234
 Моллер А. 267
 Молнар Алб. 37
 Молнар И.И. 18, 68, 69, 75
 Мономахичи 291
 Морле М.-Т. 231
 Морозова А.Е. 327
 Морозкин М. 20, 218
 Морозкин Ф.А. 77, 78, 151, 166, 210, 212, 271, 272
 Мошин В.А. 95, 102, 104, 109, 111, 122–125, 150, 166, 249, 256, 269
 Мошинский А. 224, 251
 Мстислав Владимирович Великий, вел. кн. 91, 245, 278, 286, 290–292, 294–301
 Мстислав Владимирович Храбрый, вел. кн. 100, 147, 242, 278, 305
 Мстислав Мономахич, кн. 183
 Мстислав Мстиславич Удалой, вел. кн. 278
 Мстислав Романович, вел. кн. 293
 Мстислав Ростиславич, кн. 286
 Мстислав Святославич, кн. 287, 288
 Мстиславичи 299
 Мурашова В. 88, 119
 Мыльников А.С. 146, 164, 268
- Н**
 Назаренко А.В. 177, 193, 198, 203, 210–212, 214, 221, 222, 224–227, 229, 242, 243, 245–248, 251, 252, 255, 256, 270, 290–292, 294, 295, 300
 Назаренко В.А. 115, 127
 Назаров В.Д. 278
 Наполеон Бонапарт 11
 Насонов А.Н. 233
 Небукаднейсар 49
 Неверов М. 320

- Неврюй, хан 152, 160
 Нейманн 148, 165
 Немиров Г.А. 150, 166
 Немировский А.И. 252
 Нерон Тиберий Клавдий, римск. имп. 207
 Нестор 10, 21, 22, 26, 33, 3–39, 41–44, 48, 50, 51, 54, 56–70, 74, 77, 90, 109, 110, 119, 120, 148, 149, 165, 185, 188, 189, 216, 217, 232, 233, 253
 Нестор, еп. рост. 233
 Неттельблаат Д. 138
 Нецименко Г.П. 124
 Нибрюге Тилька 156
 Нибуур Иван 156
 Нидерле А. 252
 Никита Затворник 112
 Никитин А. 273
 Никитин А.Б. 239, 254
 Никитин Афанасий 160, 167
 Никлот, князь ободритов 208
 Николай I, имп. 218
 Николай II, папа 255
 Николай, проедр 296
 Никольский Н.К. 192, 217, 218, 233, 242, 249, 250, 255, 256
 Нильсен Й.П. 269
 Новиков Н.И. 248
 Новосельцев А.П. 177, 211, 240, 254, 279
 Новосильцёвы 188
 Ноздрьч 297, 298
 Ной, библ. 21, 36, 56, 112, 187
 Носов Е.Н. 104, 124, 257, 258
 Нюлен Э. 88, 119
- О**
 Оболенский 243
 Овидий Назон 154
 Огня 144
 Ода, дочь штаденского графа 204
 Одеборн П. 266
 Одира 144
 Одоакр 69, 72, 79, 82, 139, 172, 198, 211, 224, 225, 227, 228, 248, 251, 252, 256, 273
 Одря 144
 Ожье Датчанин 230
 Оксенстиерн Е.Г. 104
 Октавиан Август 27, 61, 79
 Олав, шв. конунг 20, 163, 203
 Олав Шетконунг 248, 255
 Олай Вормий 44
 Олег (Александр) Олегович 215, 231, 237
 Олег Вещий, кн. 15, 20, 47, 48, 50, 84, 85, 90–94, 97, 98, 100, 101, 102, 114, 131, 148, 172, 178–180, 197, 210, 215, 231, 232, 237–242, 244, 260, 262, 278
 Олег Святославич («Гориславич»), кн. 286
 Олег Святославич, кн. 87, 134, 245, 278, 287, 288, 292, 294–296, 301
 Олег Святославич, кн. древлянский 147
 Олег Святославич, кн. черниг. 151
 Олий Спартиан 29
 Омар (?), русск. кор. 174
 Ольга, вел. кн., св. 90, 92, 93, 98, 99, 102, 112, 178, 179, 198, 232, 238, 244, 261, 278
 Ольгерд Гедиминович, вел. кн. 187, 305, 306
 Ольгердовичи 17, 180
 Ольговичи 286, 287, 288
 Ольмаркс А. 183
 Ольмаркс Оке 181, 183
 Ордерик Виталий 202
 Ордин-Нащокин Афанасий 317
 Орешников А.В. 128, 129, 133, 134, 135
 Орлай 18
 Орлов А.С. 283
 Ортинг 230
 Остерман 186
 Остромир, посадник 122, 278, 297
 Ота 201
 Оттенбюрк Р. 183
 Оттокар V 225
 Оттокары 225
 Оттон I, имп. 198, 244
 Оттон III 201
 Оттон, еп. Бамбергский 199, 204, 205, 207, 212
 Оттон Фрейзингенский 199, 205
 Ошанины 188
- П**
 Павел, ап. 61, 78
 Павел Орозий 170
 Павленко Н.И. 128
 Павловский А. 165
 Пайкс Р. 101, 117, 123, 127
 Палемон, вождь венетов 207, 254
 Палицын Авраамий 326
 Пан 229
 Панины 188
 Паррот 221
 Пархоменко В.А. 91, 120, 149, 165
 Паус 110
 Пашкевич Г. 217
 Пашуто В.Т. 84, 91, 119, 120, 204, 211–213, 278, 279
 Педерсен Х. 212
 Пекарский П.П. 125
 Первольф И. 95, 121, 272
 Пересвет 278
 Перетц В.Н. 283, 286
 Перфецкий Е. 215
 Песах 237, 239
 Петр I Великий, имп. 114, 154, 185, 188, 216, 263–265, 317
 Петр III, имп. 14
 Петр, ап. 61
 Петр Дюсбургский 206, 213, 254
 Петрей де Ерлеуида П. 137, 142, 146, 266, 274, 326, 327
 Петров А. 212
 Петровский М.П. 252
 Петровский Н.М. 273
 Петрухин В.Я. 13, 17, 95, 97, 102, 105, 111, 112, 115, 121–127, 214, 221, 233, 234, 235, 251, 253, 254, 258, 260, 268
 Петрята, посадник 297
 Пилимен 230
 Пиплинг Х. 98, 99
 Пирсон Э. 86, 88, 119, 126
 Писемский Федор 157
 Платонов С.Ф. 189, 318, 322, 327
 Плеханов С. 244
 Плиний 24, 27, 29, 69, 75
 Погодин 271, 272
 Погодин А.А. 100, 103, 123, 269
 Погодин М.П. 18, 19, 39, 42, 44, 45, 48, 50, 51, 55, 59, 61–65, 69, 74, 76, 77, 78, 90, 92, 95, 100, 114, 120, 123, 126, 148, 165, 167, 185, 189, 213, 221, 222, 250, 251, 263, 268
 Подвысоцкий А.О. 163, 168
 Пожарский Д.И. 314, 327
 Покровский М.Н. 149, 165, 218
 Полевой Н.А. 77
 Попов 186
 Попов А.И. 221, 257, 267
 Попов А.Н. 268, 269
 Попла А. 243
 Портнер Г. 117
 Поталов П.И. 256
 Потемкин Петр 157
 Потин В.М. 84, 116, 119, 127, 253
 Похлебкин В.В. 273
 Починок А.П. 250
 Предслава 247
 Пресняков А.Е. 176
 Преторий М. 266
 Прицак О. 111, 125, 173, 177, 260
 Продолжатель Георгия Амаст-

- ридского 199
 Продолжатель Феофана 172, 175, 177
 Прокопий Кесарийский 28, 29, 30, 31, 32, 69, 79, 138, 142, 227
 Пронштейн А.П. 300
 Пруденций, еп. Труа 194, 195
 Прус, легенд. 187, 207, 248
 Псевдо-Захария 171
 Птолемей Клавдий 27, 29, 31, 189
 Пудовкин А.К. 254
 Путин В.В. 214
 Пушкарева Н.А. 166
 Пушкины 188
 Пясецкий П. 326, 327
 Пятацкий А.М. 122
 Пятнов А.П. 287, 341
- Р**
 Рёт Е. 224
 Рагевин, продолжатель Оттона 199, 205
 Рагивальд Кнаппхевде, шв. кор. 181
 Радагана 23. См. также Радегаст
 Радеботто, «герцог русский» 200
 Радегаст 23, 139, 141, 231
 Радегаст, кн. вендов 144
 Радегаст, кор. вандалов 144
 Радим 81, 96
 Раевский Д.С. 13, 17
 Разин Е.А. 119
 Разин Степан 154
 Разумовский К.Г. 163, 188
 Рамм Б.Я. 211
 Рапов М.А. 276
 Рапов О.М. 8, 128, 136, 146, 165, 214, 273, 276, 277, 282, 287, 300
 Ратибор 99
 Регинон 199
 Регнер Лотброк 208
 Рейхель Я.Я. 128
 Рейц А. 272
 Римберг 38
 Ринда 208, 236
 Ришелье, герц. 190
 Рогволод Полоцкий, кн. 48, 100, 101, 147, 149, 160, 207, 246
 Рогнеда, кн. 48, 90, 100, 160, 203, 245, 246, 247
 Рогожин Н.М. 261
 Роджер на Ховедена 202
 Рождественская Т.В. 100, 123, 253
 Розен В. 211
 Ровнер И.Г. 121
 Роллон 80, 94, 236
 Роллон Аланский 195, 196
 Роллон Норвежский 195, 196
 Роман Данилович, кн. 228, 305
 Роман Лакапин 237, 240, 241, 244
 Роман Ростиславич, вел. кн. 282, 283, 284, 286
 Романовы 315, 323, 327
 Ромул Августул 82, 139
 Рорик Ютландский 17, 274
 Роспнд С. 100, 122, 123, 273
 Ростислав Владимирович, кн. 204, 231
 Ростислав Михайлович, кн. 187
 Ростислав Мстиславич, вел. кн. 282, 286, 292
 Ростислав Рюрикович, вел. кн. 290, 292
 Ростиславичи 282, 283, 286
 Ротарь 76
 Ротте Г. 117
 Рохлин А.Г. 203, 212, 256
 Ртищев Федор 317
 Руалд 114
 Руар 114
 Рубинштейн Н.А. 167
 Рубцов С.С. 283, 286
 Рудбек О. 69, 146, 266, 267, 269
 Рулав 114
 Рус 33, 229
 Русанова И.П. 254
 Руссов С. 150, 151, 164, 165, 168, 218, 272
 Рыбаков Б.А. 91, 95, 120, 122, 128, 129, 133–135, 158, 159, 167, 173, 183, 190, 218, 234, 273, 276–280, 285, 286
 Рыдзевская Е.А. 93, 95, 100, 109, 121, 122, 123, 125, 168, 208, 213, 255
 Рюрик 9–17, 38, 41, 43–47, 51, 70, 77, 82, 90, 94–98, 100–102, 104, 107, 114, 117, 118, 137, 139, 141, 144, 149, 150, 164, 165, 176–179, 185–187, 189, 190, 207, 209, 210, 215, 231, 232, 248, 258–261, 263, 264, 265, 269, 273, 274
 Рюрик Ольгович, кн. 287, 288
 Рюрик Ростиславич, вел. кн. 159, 282–286, 288, 292
 Рюрик Фрисландский 17
 Рюриковичи 8, 10, 20, 107, 128, 129, 131–135, 146, 147, 170, 175, 176, 188, 218, 257–259, 261, 266, 278, 288, 321
 Рясановский А.В. 195, 210
- С**
 Саббаций 73
 Сабинин С. 90, 102, 120
 Савёлов-Савёлков А.М. 188
 Сава, посадник 297
 Савельев-Ростиславич Н.В. 20, 77, 264, 268, 272
 Саксон Грамматик 44, 45, 174, 177, 206, 208, 236, 238, 239
 Саладин 228
 Саламон 71
 Салогаст 54
 Салтыковы 188
 Самбор, рюгенский кн. 209
 Самоквасов Д.Я. 128
 Самуил, пророк 112
 Сангта 133, 134
 Санхониатон 23
 Сапега А. 321
 Сар, вождь росомонов 173
 Сарабьянов В.Д. 121, 124
 Сахаров А.Н. 9, 17, 195, 210, 261, 273, 274, 279, 341
 Сахаров И.П. 128
 Сбыслава Святополоковна 205
 Сванидзе А.А. 119, 124
 Свен, датский кор. 208
 Свенельд 134
 Свердлов М.Б. 125, 212
 Свидригайло, вел. кн. 154, 156
 Свистун Ф.И. 269, 272
 Святой Ф. 272
 Святобор 204
 Святополк 205, 243
 Святополк Изяславич, вел. кн. 181, 245, 292, 295–300
 Святополк Ярополкович, кн. 245, 247
 Святослав 94, 101, 123, 232
 Святослав Всеволодич, вел. кн. 283, 284, 285, 286, 288
 Святослав Всеволодич, кн. 292
 Святослав Игоревич 31, 44, 45, 85, 93, 100, 101, 234, 239, 246
 Святослав Игоревич, вел. кн. 192, 261, 280
 Святослав Игоревич, кн. 279, 303, 311
 Святослав Киевский 134
 Святослав Ольгович, кн. 286
 Святослав Ярославич, вел. кн. 204, 245, 286, 290
 Святославичи 296
 Северин 227
 Седов В.В. 17, 123, 143, 171, 177, 196, 210, 254, 273
 Селлий А. 264, 265
 Семевский М.И. 168
 Семенов В.Ф. 124

- Семенов И.С. 177
 Сенковский О.И. 89, 90, 92, 102, 104, 116, 120, 124
 Сент-Мор (де) Бенау 171
 Сеостр (Севострис), фараон 187
 Сеченовы 188
 Сива 139
 Сивар 139, 141, 144, 231, 264, 265
 Сивилла 144
 Сигберт 211
 Сигизмунд III, польск. кор. 162, 319, 321, 324
 Сидоний 76
 Сильвестр 217
 Сим 36, 56, 192, 234
 Симеон Магистр 199
 Симеон Полоцкий 317
 Симон 98
 Синеус 41, 45–47, 94–98, 141, 164, 178, 258, 259, 265
 Сихольм 249
 Скопин-Шуйский Михаил 153
 Скржинская Е.Ч. 80
 Скрынников Р.Г. 84–89, 94, 104, 105, 111, 118–125, 261, 268, 318, 327
 Славмир, кор. вендов 139, 144
 Смеловский 77
 Смирнова Г.П. 232, 252
 Синсаренко А.Б. 183
 Снорре Стурлуссон 44, 45, 63
 Сноррон Швед 64
 Собакины 188
 Собчак А.А. 118, 127
 Соколов Б.М. 90, 120, 151, 166
 Соловей Будимирович, был. 158, 159
 Соловьев А.В. 204, 212
 Соловьев С.М. 97, 122, 153, 166, 189, 322
 Сорокин П.М. 128
 Сорокоумовы 188
 Сорос Дж. 214
 София Алексеевна, царевна 316
 Софоний 243
 Софья Витовтовна, вел. кн. 153, 166
 Спенер Ф.Я. 138, 145
 Спиридон, митроп. 187
 Срезневский И.И. 104, 124, 140, 143, 150, 166, 194, 244, 253
 Станиславский А.А. 322, 328
 Стасюлевич М. 256
 Стеблин-Каменский М.И. 124
 Стеллецкий В.И. 283, 286
 Стемид 114
 Стендер-Петерсен А. 86, 87, 92, 93, 99, 100, 106, 108, 117, 119, 121–125, 127, 269, 272, 273
 Степанов Н.В. 300, 301
 Стефан 217, 232, 241
 Стефан Сурожский, св. 80
 Страбон 27, 29, 80, 213
 Страхов Н.П. 251
 Стремоуховы 188
 Строганов С.Г. 77, 128
 Строев П.М. 216
 Строев П.С. 216
 Струбе 51
 Стрыйковский 230
 Стуре Сванте 181
 Суворов А.В. 219
 Суворовы 188
 Суторский И.Н. 105, 124, 272
 Судислав Владимирович 244
 Сулейман I Великолепный, тур. султан 311
 Сумароковы 188
 Сыромятников С. 99, 104, 105, 122, 124, 272
- Т**
 Табемысл, кор. вендов 140, 144
 Талис Д.А. 274
 Татищев В.Н. 11, 14, 16, 17, 78, 126, 139, 140, 142, 143, 150, 157, 167, 185, 189, 216, 240, 245, 246, 253, 268, 271, 280, 287, 292, 293, 295, 296–298, 300, 301
 Таубарт 186
 Таубе М. 244, 256
 Тацит Корнелий 29, 142, 172, 207, 213, 223, 235, 270
 Творогов О.В. 283, 286
 Телец 45
 Телятников С. 325
 Теодорих 79, 82, 227, 251, 256, 273
 Терапиано Ю. 184
 Терещенко Ю.Я. 280
 Тиберий 61
 Тидрек Бернский 225
 Тильзеус фон Тмьнау А. 128
 Тимо 204
 Тимофеев В.П. 8, 274
 Тимофеев И. 326
 Тигт 71
 Титмар Мерзебургский 141, 143, 211, 232, 246, 247, 253, 270, 279
 Титов А.А. 166, 167
 Тихомиров М.Н. 11, 17, 91, 93, 120, 121, 157, 167, 174, 177, 192, 210, 215, 218, 244, 250, 256, 274
 Ткаченко Н.Г. 278, 279
- Токвиаль А. 218
 Толочко П.П. 83, 111, 118, 124–127, 284, 286
 Толстов С.П. 249
 Толстой И.И. 128, 131, 134, 135
 Толстые 188
 Томас Ф. 137, 142, 265
 Томсен В. 84, 90, 94, 97, 105, 113, 116, 119–122, 124, 126, 127, 149, 165, 218, 248
 Томсон Д.Ж. 252
 Тополь Э. 261
 Топоров В.Н. 111, 125, 251
 Торгиальс Арни 163
 Торкель Дераккий 163
 Торфей 44
 Тотила 79
 Траско, кор. вендов 139, 144
 Траян 61
 Требеллий Поллио 29
 Треднаковский В.К. 150, 159, 165, 186, 271
 Тройер С. 136, 142
 Троцкий 218
 Труан 114
 Трубачев О.Н. 220, 231, 251
 Трувор 41, 45–47, 94–98, 139, 141, 144, 164, 178, 231, 258, 259, 264, 265
 Трухачев Н.С. 77, 274
 Тунман Э. 39, 55, 185
 Тунманн Й. 165
 Тунманн Ю. 148
 Тургенев А.И. 213
 Турилов А.А. 107, 122, 125
 Турчанинов Г.Ф. 239, 254
- У**
 Уваров А.А. 128, 131
 Удон Тулльский, еп. 76
 Уингейт Ф. 127
 Улеб, посадник 297
 Улоф Шётконунг 183
 Ульфред Английский, король 145
 Ульяна Александровна Тверская, кн. 187
 Умила 263
 Управда 73
 Урбан IV 113
 Урланис Б.Ц. 86, 119
 Ушаков С.М. 319, 324
- Ф**
 Файст С. 224
 Фарлоф 114
 Фасмер М. 174, 177
 Федор 85
 Федор Алексеевич, царь 188
 Федор Иоаннович, царь 117, 314,

- 319, 321
 Федоров В.А. 280
 Феолетей, король рутов 227
 Феодосий 110, 217, 232
 Феодосий I, рим. имп. 171
 Феодосий, св. 298
 Феопемпт, митроп. 247
 Теофан 199
 Теофила 55
 Феофила, виз. имп. 194, 195
 Фердерух, король рутов 227
 Филарет Никитич, патр. 325, 326, 327
 Филаин Ф.П. 222
 Филаст Г.М. 244
 Флавий Вописк 29
 Флавий Иосиф 126
 Флаккитей, король рутов 227
 Флеров В.С. 126
 Флорентий Вустерский 212
 Флоровский А.В. 211
 Флоря Б.Н. 124
 Флюссер Д. 234
 Фока 85
 Фома Спалитский, нерод. 226, 228, 229, 252
 Фоменко А.Т. 220
 Фоми А.В. 239, 254
 Фомин В.В. 8, 17, 83, 119, 123, 126, 146, 164–166, 211, 256, 257, 261, 268–270, 273, 274, 341
 Фомищыны 188
 Форстер Старший 50
 Фортинский 164
 Фост 114
 Фотий, патр. 80, 171, 240, 247, 279
 Франк Д. 138, 142, 145
 Франклин С. 104, 111, 124, 126, 234
 Фредерик, король рутов 227
 Фрелав 114
 Френ (фон) М. 186
 Фрианд 98, 122
 Фридрих I 200, 228
 Фридрих II 228
 Фридрих III, герм. имп. 310
 Фроди, дат. кор. 174
 Фроянов И.Я. 269, 298, 301
- Х**
 Хабургаев Г.А. 221, 222, 255
 Хайльвиг 144
 Хайруллин М. 250
 Халльвард Гульскор 163
 Халдстен, шв. король 183
 Хам, библ. 36, 56, 234
 Харальд 163
- Хворостинин И.А. 317, 326
 Хвостовы 188
 Хейердал Тур 249
 Хельг 84, 98
 Хемницц (фон) И.Ф. 137, 139, 140
 Хемницц Ф. 266
 Хеннинг М. 139, 142
 Херрманн Й. 142, 198, 211, 224
 Хильда, готл. королева 144
 Хильдегарда (из Бургундии) 145
 Хлевов А.А. 113, 117, 120, 123, 126, 127, 269
 Хлодвиг 91
 Хольдер А. 224, 231
 Хомутовы 188
 Хомяков А.С. 18, 77
 Хорив 91, 96, 111, 215
 Хорошев А.С. 244
 Хорошкевич А.А. 270
 Хоффманн П. 142
 Христина, кн. 91, 183, 291
 Христофор Безобраз 188
 Хюбнер И. 137, 139–143, 225, 231, 251, 265, 268, 270
- Ц**
 Цельнер Е. 198
 Цветаева М.И. 163, 168
 Цезарь Гай Юлий 25, 143, 172, 194, 205, 224, 238
 Цыб С.В. 301
- Ч**
 Чадвик Н.К. 93, 99, 101, 121, 122, 123
 Чебоксаров Н.Н. 237, 254
 Чекин А.С. 177
 Черепнин А.В. 167, 328
 Чертков А.Д. 252
 Чех 33, 229
 Чивилихин В. 127, 252
 Чингизиды 308
 Чичерин Б. 220
 Чичерины 188
 Членов А.М. 101, 102, 123
- Ш**
 Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Люнебургская 137
 Шаскольский И.П. 84, 86, 92, 93, 97, 119–122, 163, 168, 193, 210, 217, 220, 232, 242, 250, 257, 267, 269
 Шафарик П.И. 18, 197, 211, 252
 Шахматов А.А. 81, 176, 177, 216, 217, 225, 231–234, 249, 253, 254, 256, 273
 Шедий М. 141, 143
- Шепард Д. 104, 111, 124, 126
 Шереметевы 188
 Шимон 88, 98, 122
 Ширинский С.С. 239, 241, 242, 254, 255
 Шишков А.С. 19
 Шлецер А.А. 8, 20, 22, 23, 25, 26, 34, 36–41, 44–46, 48, 50–52, 55–64, 67, 69, 84, 94, 97, 100, 101, 108, 109, 119, 121, 122, 123, 125, 136, 148, 149, 150, 165, 185, 186, 216, 217, 221, 232, 249, 269
 Шлецер Х. 186
 Шодуар С.И. 128
 Шор Т. 235
 Шоттлей Ю.Г. 102, 253
 Шпенер Ф.И. 142
 Шрёке Г. 141
 Шриттер Г. 185
 Штибер Г.Ф. 137, 142, 265
 Штрубе Ф.Г. 148, 150, 165, 186
 Шуберт Ф.Ф. 128
 Шумахер 186
 Шустер С. 250
 Шушарин В.А. 121
 Шушарин В.П. 118, 125, 127, 210, 269
- Щ**
 Щавелева Н.И. 143
 Щеглов Д. 94, 105, 114, 121, 124, 126
 Щек 91, 96, 111, 215
 Щербак А.М. 239, 254
 Щербатов М.М. 165, 189
 Щербачев Ю.Н. 167
- Э**
 Эбон 204, 205
 Эверс Г. 29, 45, 48–50, 52, 53, 62, 65, 81, 94, 104, 121, 124, 148, 165, 195, 210, 216, 217, 248–250, 272
 Эдмунд Железнобокий, англ. кор. 201, 202, 228, 243, 245–248, 255
 Эдуард, англ. кор. 228
 Эдуард Исповедник 202
 Эйнгарт 32, 33, 80
 Экхарт И.Г. 137
 Элисив. См. Елизавета Ярославна, жена Гаральда
 Эмма, англ. королева 202
 Энгельс Ф. 218, 219, 220, 250
 Эней 207
 Эрик Датский 44
 Эрик Святой, кор. 181
 Эрик Ейегод, шв. кор. 52

- Эрлихман В.В. 341
 Эрно 230
 Эссен (фон) Венемер 155
 Эстрель, дочь Кнута В. 203, 204, 248
 Эстрид-Маргарет 248
 Этельред II, англ. кор. 201
- Ю**
 Югов А.К. 283, 286
 Юлиан 72, 207
 Юли, римск. род 207
 Юлий Капитолин 29
 Юлий Цезарь. См. Цезарь Гай Юлий
 Юлиус Клодиус 202
 Юргевич В.Н. 103, 123, 272
 Юрий Владимирович Долгорукий, вел. кн. 280, 291, 292, 293, 299
- Юрий Всеволодич, вел. кн. 292
 Юрий Шальи 188
 Юстин 73
 Юстиниан 28, 52, 69, 71, 73, 79, 82, 138
 Юхан (Иоганн) III 248
- Я**
 Ягайло, вел. кн. 306
 Ягич В. 226, 252
 Ядвига, польск. королева 306
 Яковлев И. 325
 Якун, варяг 98, 147
 Яманов В.Е. 17, 274
 Ян-Казимир, польск. кор. 316
 Янин В.А. 129, 135, 214, 253, 270, 290, 296, 297, 298, 301
 Янка 300
- Янссон И. 86, 88, 114, 119, 126
 Янушевский Г. 252
 Ярополк Изяславич, кн. 298, 300
 Ярополк Святославич, вел. кн. 16, 87, 147, 243, 245
 Ярослав Владимирович («Осмомысл»), вел. кн. 284
 Ярослав Владимирович Мудрый, вел. кн. 16, 20, 51, 52, 87, 88, 90, 93, 100, 128–133, 147, 158, 181, 185, 202–204, 212, 215, 231, 233, 234, 237, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 256, 274, 286, 290, 300, 304
 Ярослав Всеволодич, вел. кн. 151, 292
 Ярославичи 113, 245
 Яфет 36, 56, 57, 58, 59
 Яфетиды 61, 67

АВТОРЫ

8-го (156-го) тома Сборника РИО

АРАПОВ Дмитрий Юрьевич*

к. и. н., доцент кафедры истории России до XIX в. исторического факультета МГУ, член Всероссийской ассоциации востоковедов

ГРОТ Л.

профессор-славист, Швеция

ДЕГОЕВ Владимир Владимирович*

член РИО, д. и. н., пригл. профессор ряда университетов США и Канады, профессор МГИМО

ЖУРАВЕЛЬ Александр Васильевич

историк, соискатель к. и. н.

ЗЕЛЕНКОРЕННЫЙ Александр Михайлович*

член РИО, член Общества исследователей Древней Руси, историк

КОЛИНЕНКО Юлия Владиславовна

историк, соискатель степени к. и. н.

КУЗЬМИН Аполлон Григорьевич

д. и. н., профессор МГПУ, Лауреат премии им. Б.А.Рыбакова

ЛИСЕЙЦЕВ Дмитрий Владимирович

к. и. н., ст. научный сотрудник ИРИ РАН

МЕРКУЛОВ В.И.

аспирант МГПУ, ученик А.Г.Кузьмина

ПЯТНОВ Андрей Петрович

научный редактор издательства «Большая Российская энциклопедия», аспирант исторического ф-та МГУ, ученик О.М.Рапова

САХАРОВ Андрей Николаевич

д. и. н., профессор, член-корреспондент РАН, директор Института отечественной истории РАН

ФОМИН Вячеслав Васильевич*

к. и. н., доцент кафедры отечественной истории ЛипГПУ

ЭРЛИХМАН Вадим Викторович

к. и. н., обозреватель журнала «Парадокс»

* По этим авторам расширенные биографические и библиографические справки приведены в предыдущих томах Сборников РИО.

ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН последующих томов «Сборника РИО»

Редколлегия Сборников Русского исторического общества продолжает прием работ для публикации в очередных томах Сборников РИО.

Предполагается продолжить публикацию работ как по уже затронутым в предыдущих томах, так и по новым темам:

- «Славяно-русские древности»,*
- «Начальный период Русского государства»,*
- «История Русской церкви в контексте истории Русского государства»,*
- «От Киммерии до Крыма. V–XVI вв.»»,*
- «Россия и Крым. XVII–XIX вв.»»,*
- «Россия и Северный Кавказ. XVI–XIX вв.»»,*
- «Мальтийский орден и Россия. XVIII–XIX вв.»»,*
- «К истории Московского княжества. XI–XV вв.»»,*
- «Русская Америка»,*
- «История Русского флота»,*
- «Очерки всемирной истории»,*
- «Москва. Страницы истории»,*
- «К преподаванию русской истории в школах»,*
- «Критика последних псевдоисторических учений»,*
- «Памяти академика Б.А.Рыбакова».*

Работы публикуются после утверждения Редколлекцией Сборников РИО по мере формирования разделов.

Работы, приуроченные к годовщинам каких-либо событий и не составляющие самостоятельный раздел, будут публиковаться в разделе «Памятные даты Русского исторического общества».

Актуальные работы членов РИО, не вошедшие в основные разделы Сборника РИО, публикуются в разделе «Новые работы членов РИО».

Редколлегия Сборника РИО оставляет за собой право на мотивированный отказ в публикации тех или иных работ.

*Научный совет Русского исторического общества,
Научный совет НП ИД «Русская панорама»*

К сведению уважаемых авторов

Хотелось бы напомнить, что в соответствии с п. 4.1 Постановления «О возобновлении издания Сборника Русского исторического общества» от 29 мая 1999 г., опубликованном в 1 (149) томе Сборника, «Публикуемые работы должны иметь научный характер...». По своим целям Сборник РИО изначально не предназначался ни для политической публицистики, ни для исторической беллетристики.

Сборник РИО — научное издание, предназначенное для **первых** публикаций. При передаче материалов (статей или подготовленных к публикации архивных материалов) авторы должны также подавать сведения о том, публиковались ли подаваемые материалы ранее, и в какой мере они дополнены или переработаны. Редакция Сборника РИО считает недопустимым публикацию материалов в очередном томе Сборника РИО параллельно с публикацией этих же материалов в каких-либо других изданиях (в этом случае публикация в Сборнике РИО снимается автоматически). Вопрос об издании материалов, уже опубликованных ранее, рассматривается и решается Редакцией тома Сборника РИО специально для каждого случая.

Работы научного характера, как правило, имеют научный аппарат, включающий список литературы (источники и библиографию вопроса), примечания (подвальные и концевые) и ссылки на источники. Список литературы должен состоять из стандартно оформленных библиографических описаний, позволяющих однозначно идентифицировать издание (в простейшем случае это — автор, наименование, и через тире — место и год издания), пронумерованных и расположенных в алфавитном порядке. Отметим, что библиография вопроса всегда интересна и имеет самостоятельную научную ценность. Подвальные или «быстрые» примечания (обычно отмечаются в тексте звездочками и размещаются в нижней части страницы) предназначаются для облегчения восприятия текста читателем (перевод иностранных слов, расшифровка понятий и т. п.). Примечания, детализирующие какие-либо частные аспекты вопроса, нумеруются и размещаются в конце статьи (привязка в тексте осуществляется верхними индексными цифрами).

Достоверность публикуемых сведений подтверждается ссылками на источники. Мы пропагандируем следующий способ ссылок на источники, который позволяет отделить собст-

венно библиографические ссылки от концевых примечаний. В тексте статьи сразу после сведений, требующих указания источника, или сразу после цитаты следует проставлять в квадратных скобках цифровое указание источника: первое число должно указывать на номер источника в списке литературы, далее указание (римскими цифрами) тома, если требуется, и указание страницы (или нескольких страниц через запятую, или диапазона страниц через длинное тире). Все указатели для одного источника разделяются запятыми. Несколько источников, указанных в одной ссылке, разделяются точками с запятой (диапазон источников разделяется длинным тире). В сложных библиографических ссылках (например, на документы из архивов) могут указываться также фонды, папки, номера листов (настоящий том содержит десятки подобных примеров). Библиографическая ссылка должна однозначно идентифицировать источник. Такая запись ссылок на источники позволит читателю быстро и легко найти нужную литературу.

В тексте статьи или подготовленных к печати документов могут встречаться имена исторических персон или имена других исследователей, занимавшихся рассматриваемым или смежным вопросом, но публикации которых не указаны в списке литературы. Если информация по указанным лицам не содержится в примечаниях, то авторы подаваемых публикаций должны прилагать список имен с указанием инициалов, а также вариантов, под которым это лицо упоминается в литературе, и, если возможно, дат жизни и смерти. Такие сведения облегчат формирование именного указателя тома и снимут проблемы у технического персонала редакции по идентификации лиц, упомянутых в публикации.

В идеале, материалы, подготовленные для публикации, авторы должны подавать на магнитных носителях в формате любых DOS или Windows документов. Авторы, не имеющие возможности подготовить материалы на компьютере, могут подавать их отпечатанными на пишущей машинке (1-ю копию). Компьютерные распечатки материалов для издания без предоставления файлов, содержащих эти материалы, не принимаются.

На последней странице материала, подготовленного к публикации, следует подписаться и указать свои фамилию, имя и отчество и номер телефона для связи.

Творческих Вам успехов.

С уважением,

ответственный редактор тома.

**«СБОРНИК
Русского исторического общества».**
Том 8 (156)
(научное издание)

*Одобрено редакционной коллегией серии «Страницы российской истории» издательства НП ИД «Русская панорама»
(В.В.Дегоев, В.А.Захаров, А.Г.Кузьмин,
И.А.Настенко, Ю.В.Яшнев)*

ISBN 5-93165-066-0

9 785931 650661

Ответственный редактор *И.А.Настенко*;
технический редактор *О.Е.Пугачева*;
макет, художественное оформление SPSL.

Изд. лаб. SPSL, Некоммерческое партнерство Издательский дом «Русская панорама».
Лицензия ЛР №030734 от 29.04.1997. 143088, Москва, Серебряническая набережная,
д. 27а, оф. 8. Тел. (085) 108 2755; тел./факс: (095) 592 9740,

Подписано в печать 12.05.2003. Формат 70 x 108 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная. Объем 21,5 п/л.
Тираж 2000 экз. Заказ № 111

Отпечатано с готовых дипозитивов в ГУП «Облиздат».
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5.